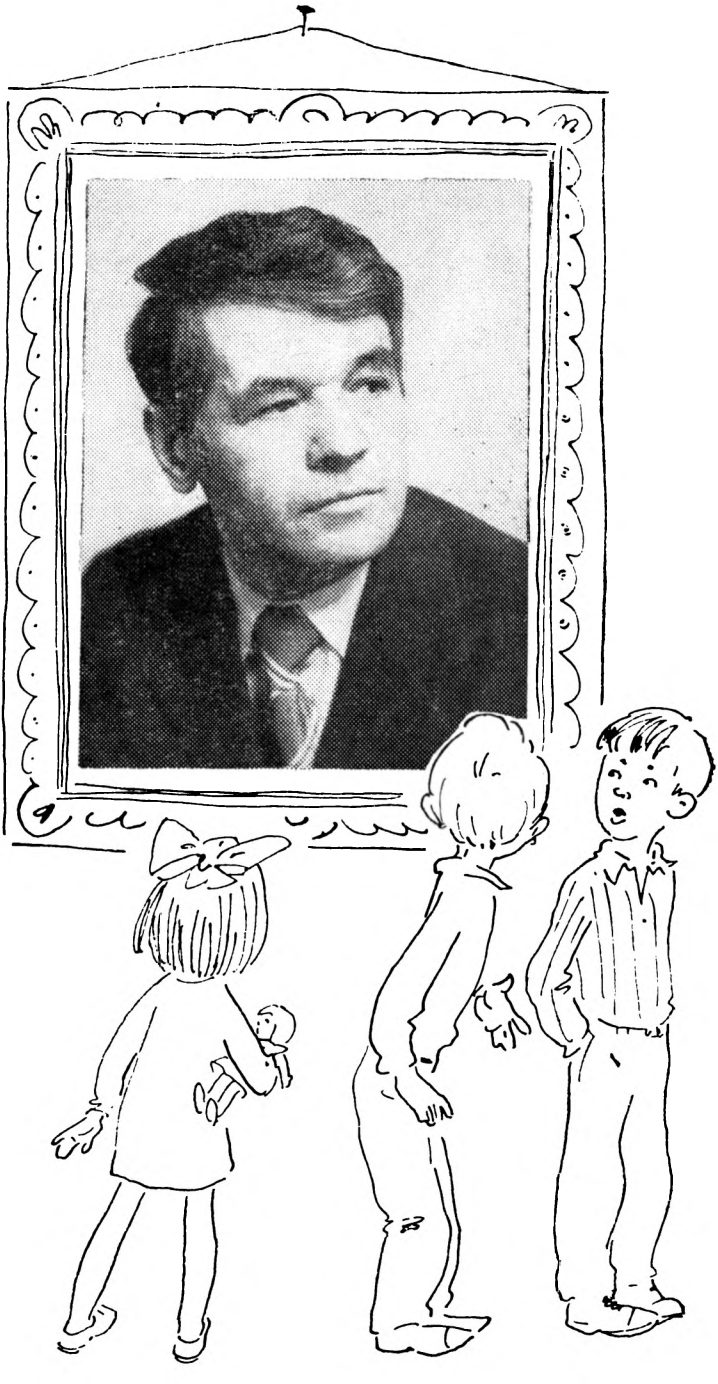
Л. Давыдычев

Друзья мои, приятели и др.

Л. Давыдычев

Друзья мои, приятели и др.

Пермское
книжное
издательство
1976



Л. Давыдычев

Друзья мои, приятели.

повесть

Жизнь Ивана Семёнова.

повесть

Лёлишна.

повесть

Руки вверх! или враг №1.

роман

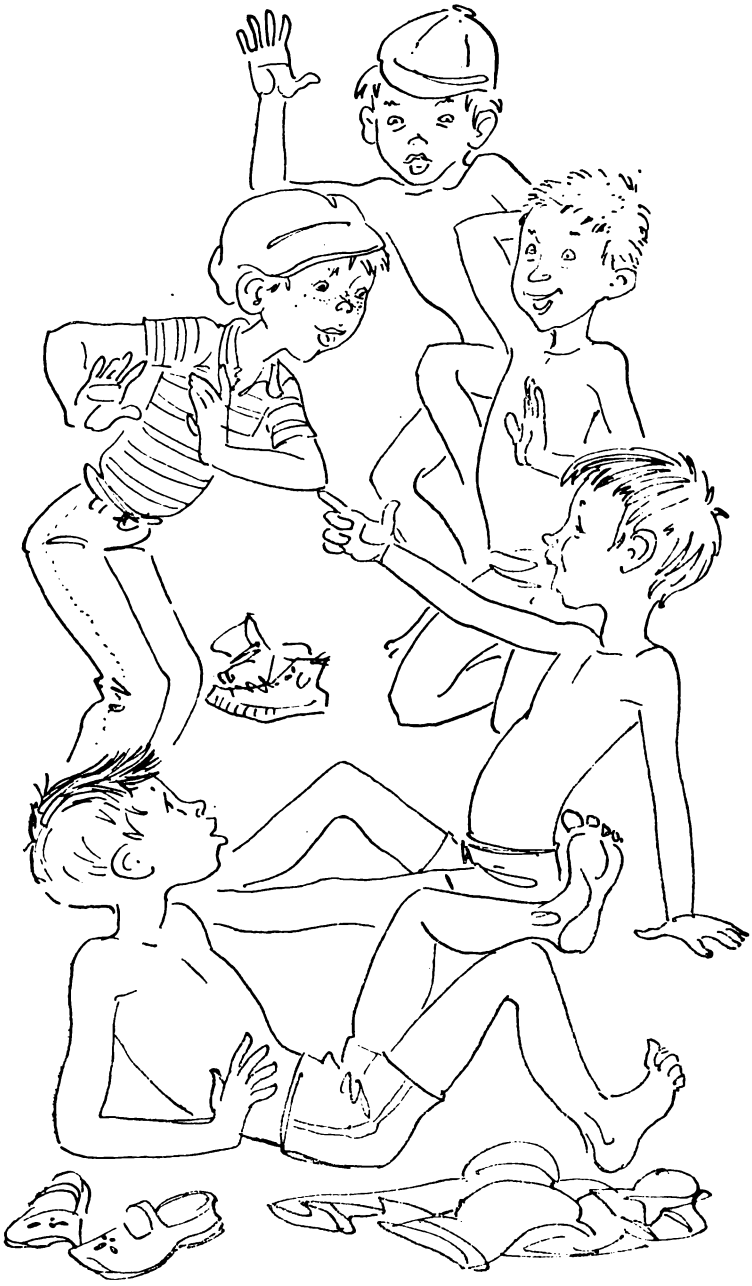
ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1976

АВТОРА ЭТОЙ КНИГИ ЗОВУТ ЛЕВ ИВАНОВИЧ
ДАВЫДЫЧЕВ.
ЕМУ 50 ЛЕТ.
И ЭТА КНИГА ИЗДАНА К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ. А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЭТА КНИГА —
ПОДАРОК ПИСАТЕЛЯ ВАМ, РЕБЯТА.
ТАКИЕ УЖ ЛЮДИ ПИСАТЕЛИ: ОНИ МОГУТ СДЕЛАТЬ
ПОДАРОК СРАЗУ ОЧЕНЬ МНОГИМ ЛЮДЯМ.
ОДИН МАЛЬЧИК КАК-ТО СПРОСИЛ ЛЬВА ИВАНОВИЧА:
«ОТКУДА ВЫ ВСЁ ПРО НАС ЗНАЕТЕ?»
НА ЭТОТ ВОПРОС МОЖНО БЫЛО БЫ ОТВЕТИТЬ ТАК:
ПИСАТЕЛЬ Л. ДАВЫДЫЧЕВ ТОЖЕ БЫЛ МАЛЬЧИШКОЙ.
НО ТОГДА МОГУТ УДИВИТЬСЯ ДЕВОЧКИ:
А КАК ЖЕ ЕМУ УДАЛОСЬ УЗНАТЬ ПРО ЛЁЛИШНУ
ИЛИ АДЕЛАИДУ?
НО ТАКИЕ УЖ ЛЮДИ ПИСАТЕЛИ.
КОГДА ОНИ ПРИДУМЫВАЮТ И ПИШУТ КНИГИ,
ИМ САМИМ ПРИХОДИТСЯ — НА ВРЕМЯ —
СТАНОВИТЬСЯ РАЗНЫМИ ЛЮДЬМИ.
ВЕСЁЛЫМИ И ГРУСТНЫМИ.
РАБОТЯЩИМИ И ЛЕНИВЫМИ.
ХОРОШИМИ И ПЛОХИМИ.
А КОГДА ПОБЫВАЕШЬ
В ПОЛОЖЕНИИ ИВАНА СЕМЁНОВА
ИЛИ ВИКТОРА МОКРОУСОВА,
ЛЁЛИШНЫ ИЛИ ЕЁ ДЕДУШКИ,
ШПИОНА ФОНДИ-МОНДИ-ДУНДИ-ПЭКА
ИЛИ ТОЛИКА ПРУТИКОВА,
КОТОРЫЙ ЕГО ПОЙМАЛ, —
ТОГДА ВСЁ ПРО СВОИХ ГЕРОЕВ УЗНАЕШЬ.
ЭТО, КОНЕЧНО, ОЧЕНЬ ТРУДНО.
НО ЗАТО ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО.
А ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УЗНАТЬ,
О ЧЁМ ДУМАЕТ АВТОР,
ЧТО ЕГО БОЛЬШЕ ВСЕГО ВОЛНУЕТ,
НУЖНО ПРОСТО ПРОЧИТАТЬ ЕГО КНИГИ.

Друзья мои, приятели

или

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ЖИЛИ РЕБЯТА В НИЖНИХ ПЕТУХАХ, ЛОВИЛИ ТИГРА, СТРОИЛИ ВЕЗДЕХОД, ВОЕВАЛИ С КРАПИВОЙ, ПРОВИНИЛИСЬ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ



ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ДЕНЬ ВТОРОЙ

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ,
самый важный

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Что произошло на речном трамвае, когда он проплывал под железнодорожным мостом

Речной трамвай отвалил от пристани дачного вокзала и полыл вниз по реке. Лёгкий и быстрый, он весело разрезал воду, и встречные волны разбивались о него в мелкие брызги.

Мимо проплывали огромные белые теплоходы и широкобокие буксиры. За собой буксиры тащили длинные плоты. Брёвен в плотах было столько, что и сосчитать невозможно даже десятикласснику.

А суда на подводных крыльях! Они неслись над водой, будто действительно готовые взлететь.

А белопарусные яхты! До сих пор жалею, что в детстве не догадался поступить в яхт-клуб. Был бы я сейчас капитаном.

Но больше всего на Каме мне нравятся буксирные катера. Величиной они чуть побольше автомашины «Москвич» старой марки, а какие баржи тянут! Смотришь: малышка-катер тащит баржу раз в двадцать, а то и в тридцать больше себя. Вот вам и малышка! Ему великан позавидует.

Есть что посмотреть на Каме!

И неудивительно, совсем неудивительно, что у левого борта стоял мальчик и глядел во все глаза. На голове у мальчика была матросская бескозырка, и, конечно, сейчас ему казалось, что он настоящий моряк.

Завыла сирена — впереди железнодорожный мост. По мосту грохотал поезд. Когда трамвай проплывал под мостом, мальчик поднял лицо вверх.

С этого места читайте внимательнее:
начинаются С О Б Ы Т И Я,
разные С Л У Ч А И.

Когда трамвай проплывал под мостом, Павлик Меркушев (так звали мальчика) поднял лицо вверх. От этого

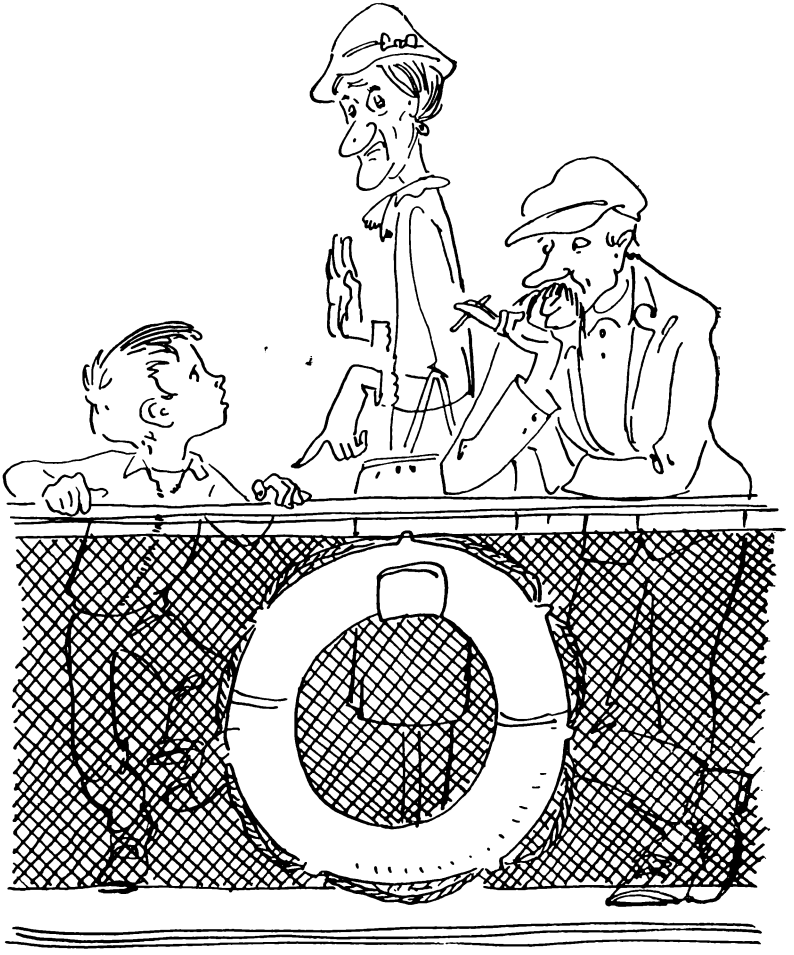
движения бескозырка сорвалась и полетела вниз, в воду. Павлик едва не бросился за ней. Попробуйте-ка потерять новую бескозырку, тогда поймёте, как это обидно.

Павлик перегнулся за борт, но было уже поздно.

— Достанется вам на орехи, — весело сказала старушка в белой пионерской панаме.

— Не надо мне никаких орехов, — пробормотал Павлик.

Старушка рассмеялась и двумя руками надвинула свою панаму на свою голову.



— Цела твоя шапка, — произнёс дяденька с длинными висячими усами, — кто-то её внизу подхватил.

— Уж лучше бы она в воду упала, — с сожалением проговорила старушка. — Всё равно не отдадут. Плакала ваша кепочка.

Павлик не знал, что головные уборы могут, оказывается, плакать, но не стал расспрашивать, а по лестнице спустился в нижний класс.

Здесь все места были заняты пассажирами. Ни на одном из них бескозырки не было. Павлик решил вернуться на палубу, но вдруг услышал за спиной шёпот:

— Эй ты, разиня!

Он обернулся и увидел свою бескозырку. Она была на голове белобрысого веснушчатого мальчишки с облупленным розоватым носом.

Первые сведения о посёлке Нижние Петухи

— Отдай бескозырку! Моя! — сказал Павлик и протянул руку.

Белобрысый ловко увернулся, подмигнул и поманил Павлика за собой. Они вышли на корму.

— Не твоя это бескозырка, — проговорил белобрысый. — Твоя в Каму упала.

— Моя! Вон буквы вышиты — «П» и «М». Значит — Павлик Меркушев. А Павлик Меркушев — это я и есть.

— Откуда я обязан знать, что ты «П» и «М»? А вот я — Петя Масалкин. Это уж точно.

— Точно, но нечестно!

Петя Масалкин улыбнулся и сказал:

— Не твоя это бескозырка. Твоя в реку упала?

— Упала.

— Простился ты с ней?

— Простился.

— Если бы я её не подхватил, где бы она сейчас была?

— В воде.

— Значит, не у тебя?

— Не у меня, — и Павлик вздохнул.

— Так об чём вопрос? — Петя поднял вверх указательный палец. — Упала — пропала. А то, что я руку протянул, так уж это моё дело. Моя рука. Захотел — протянул.

Правда? Уж лучше я бескозырку носить буду, чем лежать ей в сырой воде. Правда?

— Правда, — со вздохом согласился Павлик. — Но если бы ты уронил свою бескозырку, а я бы её поймал, то я бы отдал. Поносил бы и отдал.

— Но ведь я — не ты! — воскликнул Петя. — Иди подыши свежим воздухом. Приятно.

Дышать свежим воздухом, конечно, приятно, но бескозырку всё-таки жалко. Павлик постоял ещё немного и поднялся на верхнюю палубу.

— Нашёл свою кепку без козырька? — спросила старушка в пионерской панаме.

— Нет, не отдали.

— А что я тебе говорила? — обрадовалась старушка. — Ты куда едешь?

— В Нижние Петухи.

— В Нижние Петухи?! — с ужасом переспросила старушка. — Бедный ребёнок! Вернись, пока не поздно! Там живут такие противные, неприятные, страшные, невоспитанные, грубые мальчишки, что даже днём опасно показываться на улице! Тебя изобьют! Они всех бьют, даже самих себя!

Старушка поёжилась и замолчала.

Павлик тоже поёжился.

Сведения о Нижних Петухах пополняются

Завыла сирена. Трамвай, миновав пристань, чуть замедлил ход, повернул против течения и стал приближаться к барже. Она и служила пристанью. Здесь строился новый речной порт, и настоящей пристани ещё не было.

На берегу красовались высокие подъёмные краны. Своими вытянутыми шеями-стрелами они напоминали гусей. Ковшами краны-гуси поднимали каменный уголь из вагонов и высыпали его на берег.

Павлик загляделся и вдруг почувствовал на своей голове бескозырку. Её ленточки пощекотали ему шею.

Он обернулся и увидел Петю Масалкина. Тот улыбался, наморщив облупленный розоватый нос.

— Вот молодец! — обрадованно воскликнул Павлик. — Если ты что-нибудь когда-нибудь потеряешь, а я найду, то отдам.

— Не надейся, не потеряю. Не такая я разиня, как некоторые. Ты куда едешь?

— В Нижние Петухи. К дяде. Отдыхать.

— Известное дело — раз в Нижние Петухи, значит, отдыхать. Это, брат, такое место, где все отдыхают с утра до вечера.

— И не работают? — удивился Павлик.

— Нисколечко, — подтвердил Петя. — Наши, местные, все работают, а приезжие, городские, — нет. Их ещё дачниками зовут. В полосатых штанах ходят, как клоуны, а тётеньки в халатах. Смехота!

— Они только летом не работают, — догадался Павлик, — а зимой работают, я знаю.

— А штаны у них полосатые, — упрямо сказал Петя. — Не будем спорить, не маленькие. Нижние Петухи — замечательное место. И ребята у нас хорошие. Морские бои часто устраиваем.

— А это как? — восторженно спросил Павлик.

— Очень просто, — ответил Петя. — Берём лодки и — в бой! Ура!

Между прочим, когда я был маленьким, я тоже любил морские бои на реке. Один раз меня в суматохе так стукнули веслом, что я ревел. И всё-таки морские бои на реке — хорошее дело, хотя без синяков и шишек никак не обойтись.

«Можешь за палец укусить, не пикну!»

— А меня играть примете? — спросил Павлик.

— Если ты правильный парень, если нюни не распускаешь...

— Никогда!

— Чем докажешь?

— Можешь за палец укусить, не пикну!

— Вот уж врёшь!

— На, кусай! Если пикну, бескозырка твоя.

— А если не пикнешь?

Павлик подумал и ответил:

— Будешь целый час на одной ноге стоять. На, кусай.

Павлик протянул указательный палец левой руки: правую ему было жалко.

Петя оглянулся по сторонам и осторожно взял палец зубами; потом сжал зубы крепче...

...ещё крепче...

... ещё...

Мимо плыл пароход. Таких Павлик не видел ни разу в жизни: колёса у этого диковинного судна были не по бокам, а сзади. Чтобы не закричать от боли, мальчик стал читать название парохода сзаду наперёд. Получилось:

АНИЖУЧМЕЖ

Боль в пальце становилась нестерпимой. Павлик решил: «Сосчитаю до трёх и пикну».

Раз...

Раз с половиной...

Два...

Два с половиной...

— У меня зубы устали, — виновато сказал Петя, отпустив палец.

— Вставай на одну ногу, — смахнув со щеки слезинку, сказал Павлик.

— На левую или на правую?

— Хоть на какую, только честно.

Петя согнул левую ногу в колене.

— Руки по швам опусти, — приказал Павлик. — Стой как милиционер.

— Они-то на двух стоят. Им легче... А вот и Нижние Петухи!

Справа начинался высокий обрывистый берег. Вдоль по берегу стояли гладкие, как карандаши, и прямые сосны. Ветви у них были лишь у самых макушек.

Среди сосен — сады, а в садах — красивые разноцветные домики.

— Это и есть дачи, — объяснил Петя. — Близко подойдёшь — увидишь, что балкончики резные, а на крышах деревянные петухи. Вон дом отдыха, вон детский санаторий, пионерский лагерь...

Всё это так понравилось Павлику, что он разрешил:

— Ладно уж, вставай на обе ноги.

— Нет, — со вздохом отказался Петя, — я, к сожалению, честный человек. Если надо один час на одной ноге стоять, час и простою. Всё равно мне дальше ехать. К дедушке.

Завыла сирена, и трамвай стал поворачивать к берегу. Рядом с Павликом оказалась старушка в пионерской панаме.

— На целых две с половиной минуты опоздали! — возмущённо сказала старушка и обратилась к Павлику: — Нашли свой головной убор? Редкий случай! Ну, конечно, собирается дождь! — она взглянула вверх, и панама слетела с её головы.

Павлик протянул руку, но опоздал.

Панама покачивалась на волнах.

— Капитан! Капитан! — кричала старушка. — Остановите пароход! Панама за бортом! Остановите пароход!

— Это не пароход, — сказал Петя, — а паротеплоход.

Трамвай пристал к двухэтажному, выкрашенному голубой краской дебаркадеру. Павлик пожал Пете руку.

Предсказания старушки в пионерской панаме сбываются. Первая встреча Павлика с сухопутным пиратом

Тропинка вела вверх по берегу. Павлик вспомнил слова старушки в пионерской панаме о том, что здесь, в Нижних Петухах, живут ужасные мальчишки, которые бьют всех, даже самих себя.

А вдруг вот сейчас налетит кто-нибудь и настукает?

Павлик оглянулся — никого.

Он двинулся вперёд, прошёл несколько шагов и вздрогнул. Откуда-то сверху на тропинку спрыгнул мальчишка. Был он загорелый или чумазый — не разобрать. Остриженная под машинку голова казалась непомерно большой и неестественно круглой. Он презрительно сплюнул и спросил:

— Из города? Дачник?

— Из города, — тихо ответил Павлик, — может быть, дачник. Ещё не знаю.

— По шее хочешь?

— Нет.

Ответ озадачил большеголового мальчишку. Он почесал затылок и сказал:

— Я вот как дам тебе по шее...

— Зачем? — удивился Павлик.

— Зачем? — переспросил мальчишка и снова почесал затылок. — Не так надо отвечать. Я тебе скажу: «По шее

хочешь?» Ты говори: «Попробуй». Ну слушай: по шее хочешь?

— Попробуй.

— Во! И попробую! Теперь говори: «Слабо!»

— Я тебе не попугай, — сердито ответил Павлик. — Если хочешь драться, давай, а болтать мне некогда.

Мальчишка обошёл Павлика и крикнул:

— А ну, попробуй стукни!

— Зачем мне тебя стукать? Ты лучше скажи, как тебя зовут.

Мальчишка сделал страшное лицо, скрючил пальцы, затряс большой головой и прорычал:

— Рррррррр! Меня зовут Вилька Чудиков! Меня все боятся! Я сухопутный пирррат! Никому прроходу не даю! Любому настукаю! Во! — он погрозил кулаком, грязным или загорелым — не разобрать. Видал-миндал? Струсил?

— Конечно, — признался Павлик. — Стоит человек, рожи строит, кулаками размахивает, кричит, рычит. Может быть, ты ненормальный?

— Я? — Вилька задумался. — По-моему, нормальный. — Он сплюнул и добавил: — А в общем, топай отсюда. Мы с тобой ещё встретимся.

Вилька скрючил пальцы, хрюкнул и убежал.

Кто такой Павлик Меркушев и почему он приехал в Нижние Петухи один

Совсем забыл рассказать вам, кто такой Павлик Меркушев, как он оказался на речном трамвае один и зачем приехал в Нижние Петухи.

Павлику почти семь лет. Семь лет ему исполнится первого сентября. Понимаете?

Родители его — инженеры, работают на заводе. Лето они решили провести на Кавказе. А сына они решили отправить в Нижние Петухи к дяде Семёну.

— Какие такие Нижние Петухи? — спросил Павлик. — Почему Нижние? А Верхние есть? А Средние?

— Обо всём узнаешь у дяди Семёна, — сказал папа. — Поедешь туда один. Пора тебе быть самостоятельным человеком. Вот письмо дяде Семёну, вот деньги на билет.

А что может быть лучше, чем ехать куда-нибудь одному, без папы и мамы? Сам себе хозяин! Но чтобы это заслужить, надо доказать, что можешь вести себя на пять, да ещё с плюсом.

Сами понимаете: не всем это удаётся.

Здесь я должен рассказать вам об одном печальном случае из моей жизни. И хотя это было очень давно, вспоминать об этом стыдно. Но я расскажу.

Было мне тогда лет девять. Жили мы в Березниках, есть такой чудесный город на свете. Весь он в зелени, хотя находится не на юге, а на суровом Урале.

И задумал я сбежать из дому, и знаете, куда?

В Африку!

Решил я добраться до неё пешком. Насушил сухарей и отправился в путь...

Попало мне здорово. Папа мой в гражданскую войну был партизаном и не любил нарушителей дисциплины.

Поэтому я завидую Павлику. Меня одного ездить не отпускали. Видимо, вёл я себя на пять, но без плюса.

Крапива и футбол

Чтобы стать хорошим футболистом, надо быть ловким, выносливым и...

— Не бояться крапивы, — добавляют ребята из Нижних Петухов.

Это почему же?

Сейчас узнаете.

В футбол играли на поляне между посёлком и сосновым бором. У огородов и у канавы возле дороги росла крапива. Была она не большая и не маленькая, а так — выше метра. Сюда часто закатывался мяч.

Когда Павлик подошёл к поляне, игра была в самом разгаре.

— Какой счёт? — спросил он у вратаря.

— Семь-восемь. Давим.

— Вставай играть! — крикнул кто-то. — У нас одного не хватает!

Павлик выбежал на поляну и бросился к мячу. И только хотел он пнуть, как юркий мальчишка в красной майке подхватил мяч и умчался вперёд.

— Разиня!

Павлик, можно сказать, разозлился. Он догнал мальчишку и ударил по мячу. Мяч улетел в заросли крапивы. Павлик закрыл лицо руками и прыгнул в крапиву. Руки ожгло. Он выпнул мяч, выскочил из зарослей и прямо перед собой увидел вратаря.

Удар!

Гол!

Мёртвая тишина.

— Ты куда бьёшь? — в ужасе закричал вратарь. — Своим гол залимонил! Нашли помощничка!

Надеюсь, вы понимаете, что это значит — забить гол в свои ворота?

Ребята окружили Павлика, закричали:

— Откуда такой взялся?

— А ещё в бескозырке!

— Напинать ему, чтоб знал!

— Напинать? — переспросил обиженный и напуганный Павлик. — А за что? Откуда я знал, чьи ворота? — он потёр обожжённые крапивой руки. — Давайте лучше крапиву вырубим, а? Возьмём палки и — по коням! Раз — два! На полном скаку! Вперёд, не трусь, руби!

Эти слова прозвучали как боевая команда. Миг — и ребята рассыпались кто куда.

С палками в руках налетели они на крапиву.

Кто ожёгся, тот кричал.

Кто не ожёгся, тоже кричал.

Все кричали.

Неприятное условие

Долго длился бой. Никого не убили, но почти все были ранены. Сидели, усталые, на траве и махали обожжёнными руками.

— Мне отдыхать некогда, — сказал Павлик. — Где здесь восьмая дача?

Она стояла на самом берегу Камы. Это был голубой двухэтажный домик с балконом.

Павлик толкнул калитку. Она оказалась закрытой изнутри. Павлик постоял-постоял и перелез через заборчик.

— Гав! Гав! Гав! Гав!

К нему бросился огромный лохматый пёс. Павлик закричал от страха:

— Стой!

Пёс остановился, сел. Его длинный розовый язык мелко дрожал.

— Как ты попал сюда? — откуда-то сверху раздался голос. Павлик поднял голову и увидел на балконе дяденьку в очках и соломенной шляпе.

— Я попал сюда через забор, — ответил Павлик. — Калитка-то ведь закрыта.

— Я подозреваю, что ты мой племянник.

— А вы мой дядя Семён?

Дядя вышел во двор, пожал племяннику руку и проговорил:

— Тебе просто повезло. Этот пёс маленьких не трогает.

Прочитав письмо отца Павлика, дядя Семён задумчиво сказал:

— Значит, будем жить вместе. Одно условие: обеды варить, полы мыть, воду носить, бельё стирать — всё будем делать сами. Я белоручек не люблю. Договорились?

— Договорились. — Павлик тяжело вздохнул.

...Вот и прошёл первый день
жизни Павлика Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Что лучше: сходить в магазин или сидеть голодом?

По утрам Павлика будила мама. Просыпался он всегда с неохотой. Зато в воскресенье можно было спать вдоволь, часов до...

Ну-ка, отгадайте, до скольки?

Думаете, до десяти часов?

Нет, не угадали.

Павлик мог спать часов до двенадцати. Лежит себе, и

никаких забот. Лежит он в кровати, а кажется ему, что плывёт он на корабле по бурному морю или скачет с шашкой в руках на лихом коне, или летит на реактивном самолёте.

Но сегодня никто не разбудил Павлика. Он открыл глаза и увидел, что рядом появилась ещё одна кровать. Вчера её не было.

В комнату вошёл дядя Семён и сказал:

— Здоров же ты спать! Кот Василий — старый засоня, но где ему до тебя!

Глаза дяди Семёна за большими круглыми очками кажутся строгими, а губы улыбаются.

Павлик тоже хотел улыбнуться, но сравнение со старым котом обидело его. Он спросил:

— Чья это кровать?

— Твоя. Запасная. На всякий случай. Как одну продавишь, так на другую переберёшься. Каждый засоня должен иметь запасную кровать. Я займусь тобой, дорогой племянничек. Не виделись мы с тобой лет пять, и стал ты заметно хуже. Прежде всего я научу тебя продлять жизнь. Я знаю средство. Этим мы займёмся завтра утром. А сейчас мы обсудим один важный вопрос. Есть хочешь?

— Очень! — радостно воскликнул Павлик.

— Чаю хочешь?

— Конечно, хочу!

— И хлеба с маслом хочешь?

— И хлеба с маслом хочу!

— Аппетит у тебя замечательный, — одобрил дядя Семён. — Но вот беда: ни чая, ни хлеба, ни масла, даже воды у меня нет.

— Значит, я голодным жить буду? — дрожащим голосом спросил Павлик.

— Да, будешь голодным, если хочешь походить на старого кота Василия. Лежит он и ждёт, когда ему поесть принесут. Но ведь он кот, а ты человек. Ты ведь можешь до магазина прогуляться. Но если не хочешь, не ходи. Я тебя не заставляю.

Долго размышлял Павлик. Идти в магазин было лень. Ещё хуже — сидеть голодом.

И Павлик решил идти.

— А как ты насчёт сдачи? — спросил дядя Семён.

— Да так... приношу.

— Всю?

Павлик кивнул и промолчал: был у него в жизни случай, о котором он не любил вспоминать.

Честное слово бородатого человека

Вы никогда не бывали в Нижних Петухах? Если не бывали, то жаль. Это, конечно, не Крым и не Кавказ, но очень хорошее место.

Расположен посёлок на самом берегу реки, среди соснового бора. Сосны здесь такие высокие и прямые, что хоть сейчас любую ставь мачтой на корабль. Недаром эти сосны и называют корабельными.

Павлик шёл по берегу и останавливался возле каждой дачи. Особенно понравилась ему розовая дача с длинным деревянным шпилем на крыше. На кончике шпиля — деревянный петушок.

А на веранде стоял старичок и смотрел в сад. Старичок был невысокий, а борода у него была почти до пояса.

Мальчик думал: сколько же лет надо прожить на белом свете, чтобы отрастить такую бороду?

Старичок заметил Павлика и спросил:

— Вам кого, юноша?

— Никого...

— Странно... Тогда позвольте полюбопытствовать, а почему вы смотрите на меня?

— Я не на вас, а на бороду. Можно?

— Сделайте одолжение. Нравится?

— Очень!

— И вы бы не отказались иметь такую бородищу?

У Павлика дух захватило, когда он представил себя бородатым.

— Напрасно, — старичок помолчал и повторил: — Напрасно. Никогда не завидуйте старикам, молодой человек. Уверяю вас, что самый бородатый старик завидует вам, мальчишкам.

— Не может быть, — изумлённо прошептал Павлик.

— Честное слово бородатого человека! — сказал старичок. — Надеюсь, что мы с вами ещё встретимся и обсудим этот важный для нас вопрос. Сейчас, прошу извинить меня, спешу.

Павлик пошёл дальше.

Самый вкусный в жизни завтрак

— Тебя ещё не избили?

Павлик поднял голову и увидел на балконе зелёной дачки старушку, ту самую, которая вчера уронила в воду свою пионерскую панаму.

— Нет, пока не избили.

— Изобьют, — успокаивающим тоном произнесла старушка. — Должны избить. А куда ты направился?

— В магазин.

— В магазин?! — старушка всплеснула руками. — Не ходи туда! Там сидят сплошные жулики и разбойники! Тебя обсчитают или обвешают! Я знаю. Вчера я купила двести граммов ириса с мандариновыми корочками. Прихожу домой, разворачиваю кулёк — одна ириска надкушена!

— Может быть, вы сами по дороге откусили? — спросил Павлик.

— Ты считаешь, что я вру? — сердито проговорила старушка. — Иди, иди в магазин, узнаешь.

Павлик пошёл дальше.

В магазине он занял очередь и стал смотреть на продавщицу — толстую тётю в белой косынке. Тётя всё время улыбалась и говорила так быстро, что ничего нельзя было разобрать. Спросила, например:

— Вамзавернутьилинет?

Павлик еле-еле догадался, что это значит «Вам завернуть или нет?»

Когда подошла его очередь, он перечислил всё, что ему было нужно, и попросил:

— Только, пожалуйста, не обсчитывайте и не обвешивайте.

Продавщица ответила весело:

— Мымаленькихнеобсчитываеминеобвешиваем.

— Это его Васса Васильевна напугала, — сказал дяденька в капитанском кителе. — Ей на каждом шагу жулики и разбойники мерещатся.

Обратно Павлик торопился: очень хотелось есть. Но дядя Семён сказал:

— Теперь за водой. Прямо внизу под берегом — ключик. А вот чайник.

Берег был крутой. Песок осыпался под ногами, когда Павлик поднимался вверх. Сделаешь шаг — сразу скатишься назад.

На берег мальчик поднялся, еле переводя дух. Он выпил глоток воды, и заломило зубы — такая холодная вода.

Когда сели за стол, дядя Семён сказал:

— Это у тебя самый вкусный в жизни завтрак.

Павлик подумал и кивнул.

Человек смелее коровы

Шёл мелкий дождь, но Павлик отправился гулять.

У забора стояла огромная тёмно-коричневая корова. На каждый рог можно было надеть по арбузу. Здо-о-оровенные рога!

Корова покосилась на мальчика одним глазом, и Павлику стало страшно. Он пробежал мимо, оглянулся и замер от удивления на месте.

За коровой стоял человек. В руках он держал зонтик, и спицы касались коровьего хвоста.

Мотнув головой, корова сделала шаг, и человек сделал шаг. Корова пошла вдоль забора, и человек пошёл за ней.

Когда он приподнял зонтик, Павлик узнал старичка, с которым разговаривал утром.

Но бороды у него уже не было!

— А где борода? — прошептал мальчик.

— Я предусмотрительно спрятал её под плащ, — объяснил старичок. — Если она вымокнет, то будет очень долго сохнуть.

Павлик облегчённо вздохнул и спросил:

— А почему вы ходите за коровой?

— Связал себя словом, — печально проговорил старичок. — Моя хозяйка уехала в город и попросила меня загнать вот эту корову вот в этот двор.

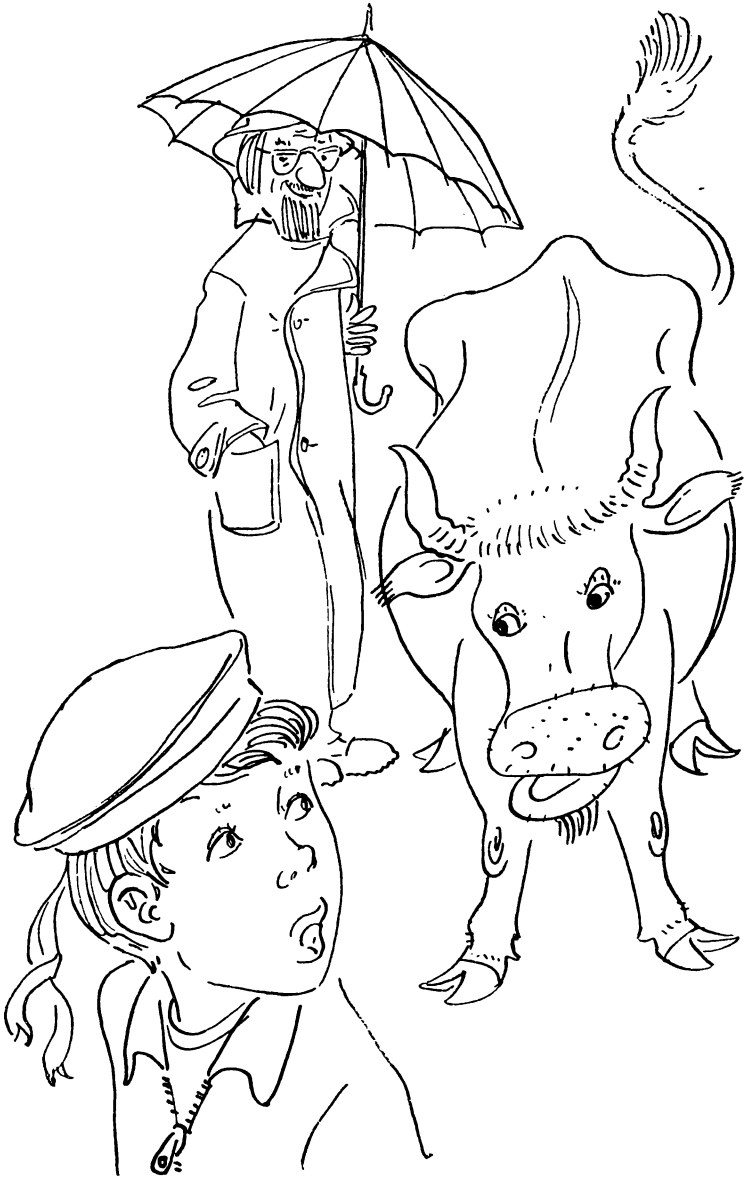
— И как вы её не боитесь?

— А почему я должен её бояться? — удивился старичок. — Запомните, мой юный друг: человек смелее коровы и сильнее.

— Тогда надо загнать её во двор.

— Попытайтесь.

Павлик подошёл к коровьей морде, закрыл от страха глаза и крикнул:



— Марш во двор, рогатая!

Корова вытянула шею, прищурила левый глаз и ответила:

— Му-у-у...

— Нет, нет, корова, судя по всему, как и человек, нуждается не в окрике, а в ласке,— заметил старичок. Он приблизился к корове и поклонился: — Будьте любезны, уважаемая, войти во двор. Мы вас очень просим.

Корова отрицательно помотала огромной головой и коротко ответила:

— Му!

— Надо стукнуть её зонтиком, — предложил Павлик.

— Ни в коем случае, — возразил старичок. — Уважаемое животное, договоримся так: вы сейчас спокойно войдёте во двор, а я, в свою очередь...

Нагнув огромную голову, корова так громко замычала, что старичок с возмущением воскликнул:

— Я отказываюсь с ней разговаривать!

Он отдал зонтик мальчику, взял корову за рога и потянул вперёд, приговаривая:

— Я не трушу и упрям... я не трушу и упрям...

Павлик толкал корову сзади.

Она обиженно мычала на весь посёлок.

Закрыв ворота, старичок удовлетворённо сказал:

— Мы с вами выполнили работу необычайной важности. Прошу ко мне в гости.

Старичок жил на первом этаже в большой комнате. Письменный стол был завален книгами. У стены стояла кровать. У окна — стул и табуретка.

И всё!

Хоть в футбол играй — до того в комнате пусто.

— Как вы устроились с питанием? — озабоченно поинтересовался старичок. — Вы знаете, я обожаю молоко и за день выпиваю не менее двух литров... Но пора представиться друг другу. Меня зовут Пётр Петрович. Фамилия моя — Золотарёв. Я историк, изучаю прошлое нашего края. А вы расскажите мне о себе.

— Меня зовут Павлик. Фамилия моя — Меркушев. Я ещё ничего не изучаю.

— И преотлично. Ещё успеете. А сейчас будем пить чай. То есть мы бы могли пить чай, но в чайнике нет ни капли воды, а подниматься в гору мне трудно.

— Я принесу воды.

— Буду очень признателен. — Пётр Петрович погладил мальчика по голове. — А я приготовлю яичницу.

Вскоре они уже сидели за столом. Павлик спросил:

— Пётр Петрович, а почему даже самый бородатый старик завидует мальчишкам?

— О! — Пётр Петрович поднял вверх правую руку. — У вас впереди такая жизнь, какой не видели самые бородатые. Вот посмотри на меня и на мою голову. Сколько в ней седых волос — а все волосы в ней седые — столько несчастий я перенёс в жизни. Да... А у вас, мальчишек, вся жизнь впереди.

В это время кто-то крикнул под окном:

— Петрович!

— Слушаю вас, хозяюшка, — ответил он, подойдя к окну. — Что вам угодно, уважаемая?

— Уважаемая-то я уважаемая, а чего это вы чужую корову в наш двор загнали?

— Чужую? — обрадовался Пётр Петрович. — Милое животное! Это необычайно развитая в умственном отношении корова! Ведь она упорно отказывалась заходить в чужой двор! Умница!

На прощанье он сказал Павлику:

— Прошу не забывать меня. Я могу рассказать вам массу интереснейших вещей. Любопытно, например, узнать, почему данный посёлок называется Нижние Петухи.

...Так прошёл
второй
день.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Как продлить жизнь

— Вставай, племянничек! Быстро!

Павлик в полусне вышел на берег, поёживаясь от утреннего холодка. Странной показалась ему тишина, которая стояла вокруг.

Ни одного человека.

Будто и река спала.

— Почему так тихо? — спросил Павлик.

— Потому что все ещё спят, — ответил дядя Семён.— Вон всходит солнце. Сейчас четыре часа восемь минут.

— А как продлить жизнь?

Дядя Семён улыбнулся, поправил очки, словно проверяя, крепко ли они держатся, и скомандовал:

— За мной бегом — марш!

И побежал.

Павлик постоял в недоумении и побежал следом.

— Торопись! — через плечо крикнул дядя Семён. — Опоздаем!

Дышать было трудно: будто Павлик проглотил шарик, и он застрял в горле. Но любопытство придавало сил. Шутка сказать — продление жизни! Ради этого можно и помучиться.

А тропинка вела в гору.

— Не отставай! — звал дядя Семён.

Он на мгновение остановился и побежал обратно. Павлик хотел плюхнуться на траву, но неожиданно почувствовал, что усталость исчезла и ноги сами несут его вперёд.

— Шагом! — скомандовал дядя Семён.

— А когда жизнь продлять будем?

— Уже продляем, — ответил дядя Семён. — Спать надо меньше. Вот сегодня мы проснулись в четыре часа. На сколько же больше часов ты проживёшь? На целых шесть часов!

Павлик сосчитал — правильно.

Мечтатель? Разве есть такая профессия?

В комнате дяди Семёна окна не было, зато на балкон вела большая стеклянная дверь. Прямо против неё стоял чертёжный стол с наклонной доской. Пить чай на таком столе нельзя, зато рисовать и чертить удобно.

На столе кнопками был приколот лист бумаги.

Как увидел Павлик этот лист, так и остался стоять с раскрытым ртом.

На листе бумаги разноцветными красками были нарисованы знакомый крутой берег, высокие сосны. Но вместо деревянных дач стояли каменные, со множеством окон.

Вместо деревянной лестницы вверх по берегу поднимались широкие каменные ступени.

— Такими будут Нижние Петухи через несколько лет, — объяснил дядя Семён. — Я по профессии мечтатель.

— Мечтатель? — удивился Павлик. — Разве есть такая профессия?

— Самая главная профессия. Кто не умеет мечтать, тот неважный работник. Я мечтаю с карандашом в руках. Я превращаю свою мечту в здания, дороги и города. Мне поручено превратить Нижние Петухи из дачного посёлка в город отдыха. Домов отдыха уже не хватает, надо строить города. Но прежде чем начать строить, надо нарисовать. Я учусь профессии архитектора.

«Хорошо им, взрослым, — подумал Павлик, — сколько у них в жизни интересного! А у нас?»

Мурашкин Владимир Иванович

Павлик вышел за калитку. На скамейке у забора стоял мальчик. Утро было жаркое, а он застегнул коричневый пиджак на все пуговицы и чёрную кепку надвинул на самые брови.

— Как тебя зовут? — спросил Павлик.

— Мурашкин, — гордо ответил мальчик, — Владимир Иванович.

— Какой же ты Владимир Иванович? Когда ты всего-навсего Володька. А может быть, и Вовка.

— Если здорово поесть, — задумчиво произнёс Мурашкин, не обращая внимания на слова Павлика, — то получится...

Тогда Павлик рассердился и спросил:

— Ты что здесь делаешь?

— Смотрю на реку. Решил переплыть.

— Врёшь!

— Я никогда не вру. У кого хочешь спроси. А уж если я решил что-нибудь сделать, то будьте спокойны — не обману. У меня секретов, знаешь, сколько?

Павлик подумал и сказал:

— Давай слезай со скамейки и расскажи мне, кто ты такой, а то я ничего не понимаю.

Мальчик спрыгнул на землю.

— Ой, какой ты маленький! — удивлённо воскликнул Павлик. — Нет, ты совсем не Владимир Иванович. Ты Вовка или Володька.

— Я Мурашкин, — гордо сказал мальчик. — А то, что я маленький, — не беда. Вырасту.

— Когда же ты вырастешь?

— Успею. Чего мне торопиться? У меня порода такая. Не то что у тебя. Ты будешь до десяти лет расти, а потом перестанешь. А я буду с десяти лет расти, до самой смерти.

Сообщение это настолько расстроило Павлика, что он присел и долго молчал. Потом спросил:

— А ты не врёшь?

— Вру, — таинственным шёпотом отозвался Мурашкин. — Только ты меня не выдавай. Меня все боятся. Думают, что я вырасту и драться начну. А я никогда не вырасту! Вот в чём беда. Мне врач справку выдал.

— Какую справку?!

— Я опять соврал, — огорчённо признался Мурашкин. — Щёлкни меня по лбу. Я так сам с собой договорился: как совру, сразу лоб подставляю. Бей, не жалко! Может, и отвыкну врать.

Павлик щёлкнул Мурашкина по лбу. Тот потёр ушибленное место и неуверенно произнёс:

— Помогает.

Секреты Мурашкина

Мурашкин оглянулся по сторонам и прошептал:

— Скажи мне свой секрет, я тебе потом свой скажу.

— Нет у меня никаких секретов.

— У каждого человека есть секреты, — уверенно заявил Мурашкин. — Может сто секретов быть.

— Откуда ты всё знаешь? Может, стукнуть тебя по лбу?

— Стукни, — согласился Мурашкин, — но не очень больно. Я ведь ещё не соврал. Собирался... Ну, слушай, — продолжал он, потерев после щелчка лоб. — Слушай мои секреты. Вот отгадай, какие у меня волосы: чёрные или белые?

— Чёрные, — наугад ответил Павлик.

— Хорошо бы, — Мурашкин мечтательно вздохнул, — я даже на белые согласен. А у меня средние.

— Средние? Не понимаю.

— Чудак человек, не понимает. Бывают волосы чёрные, бывают белые, а у меня средние. Вот... — Мурашкин снял кепку. Волосы у него были огненно-рыжие. — Я в маму уродился. И ничего с ними не сделаешь! Я их под машинку остриг, ждал-ждал, смотрю: опять рыжие! Но я почернею! — грозно заверил Мурашкин. — Честное слово, почернею! Я средство знаю. Надо каждое утро на голодный желудок есть чёрный хлеб... Ещё у меня секрет есть — пиджак. Ношу его, чтоб фигуры не было видно.

— Какой фигуры?

— Ну, плечи, грудь, спина и прочее. Я слабый, а в пиджаке — сильный! Видишь, плечи какие богатырские!

— Они у тебя висят! — Павлик рассмеялся.

— Пусть висят. Лишь бы были.

— А Каму тебе всё равно не переплыть. Даже в пиджаке. Скажешь, переплыть?

— Стукни меня по лбу, тогда отвечу.

Схватившись после щелчка за лоб, Мурашкин ответил:

— Конечно, не переплыть.

...Это было на третий день
жизни Павлика Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

«В наших лесах появился тигр!»

Вода была тёплая. Ребята вылезли из реки только потому, что устали, и улеглись на песок.

Откуда ни возьмись рядом оказался Мурашкин.

— В наших лесах появился тигр! Надо его словить! — прошептал он. — Я сам, своими собственными глазами видел тигра!

— А бегемота ты не видел? — спросил Вилька Чудиков. — А зебру полосатую ты не видел?

— Тигры только в Африке водятся да в зоопарках, — сказал Павлик. — Да ещё в Уссурийской тайге.

— Яму надо вырыть! — с жаром произнёс Мурашкин. — Какие могут быть тигры, если даже ямы нет? Будет яма, будет и тигр. Надо выкопать глубокую яму, положить в неё мяса и закрыть ветками. Тигр побежит и провалится.

— Да нет здесь тигров, — проговорил Павлик, — никто их не видел.

— Не видел? Конечно, не видел. Как же их увидишь, если они зелёного цвета?

— Зелёного?! — хором спросили ребята.

— А вы как думали! Были бы они жёлтые, их бы давно словили. А зелёные ходят себе, и никто их не видит. Зимой в берлогах спят. У медведей научились.

Ребята призадумались: кто его знает, может, и не врёт Мурашкин?

А он говорил, размахивая руками:

— Надо взять лопаты и копать яму! Мяса я достану! Про нас в журнале «Огонёк» напечатают! Тигра можно научить на одной лапе прыгать! В цирке выступать будем! Я билеты продавать буду!

— А где цирк построят? — спросил Вилька Чудиков.

— Напротив клуба. Хочешь — в кино иди, хочешь — тигра смотреть.

— А я что делать буду? — спросил Павлик.

— Ты контролёром будешь. Чтоб без билета ни один человек не прошёл. А то знаю я нашего брата.

— А я что делать буду? — спросил Вилька.

— Ты? — Мурашкин ненадолго задумался. — На патефоне играть умеешь? Ну вот, будешь вроде оркестра. Как рукой махну, заводи.

— Была нужда! — Вилька презрительно поморщился и сплюнул. — Он билеты продавать будет, а я ему патефон крути.

Но остальным ребятам затея понравилась. Вы только представьте себе: в Нижних Петухах будет свой цирк! Не во всяком посёлке такое бывает: цирк да ещё с дрессированным тигром!

— Ерунда получится, — сказал Павлик, — тигр-то зелёный! Никто ведь зелёных тигров не видел.

— А краски? — восторженно закричал Мурашкин. — Раз, два и выкрасим! Будет какой надо!

— Укусит, — боязливо произнёс Павлик. — Как сца-а-апает за руку...

— Сца-а-апает,— передразнил Мурашкин.— Что он— собака? Это собаки цапают, а тигры глотают. А разве нас, — Мурашкин ударил себя кулаком в грудь, — можно проглотить? Невозможно! У тигров глотки маленькие! Им даже меня не проглотить! Подавятся! САМОЕ ГЛАВНОЕ — НЕ ТРУСИТЬ! А ВЫ СТРУСИЛИ. Я сам ТИГРА СЛОВЛЮ, сам ЦИРК ОТКРОЮ, заревёте тогда от зависти! **Струсили?**

— **Я никогда не трушу,** — сказал Павлик.

— И я! И Я! И Я! — закричали ребята.

Мурашкин подождал, когда смолкли крики, и важным тоном приказал:

— Идите за лопатами и приходите к лесу. Можете считать, что тигр в наших руках.

Злостный замысел

Лишь Вилька Чудиков не пришёл в назначенное место. Вернее, он пришёл, но без лопаты и спрятался в кустах.

Ребята торопливо копали яму и не замечали его. А он думал о том, как бы им навредить. Уж такой он был человечишка: любил людям всякие неприятности делать. Недаром его называли сухопутным пиратом.

— Одного я боюсь, — вдруг громко сказал Мурашкин, — этот Вилька Чудиков способен на любую подлость. Его злостные замыслы не знают границ.

«Точно, точно! — подумал Вилька. — Я вам устрою охоту на тигров! Вы у меня сами зелёными станете!»

Он отполз назад и побежал в посёлок.

Тигр падает в яму

Яма была готова.

Мурашкин бросил на дно котлету.

Гору свежевырытой земли и яму накрыли ветками.

— В засаду! — приказал Мурашкин. — Лежать тихо, не разговаривать. Когда тигр упадёт в яму, надо ждать час, чтобы зверь обессилел. Тогда мы его спокойно скрутим верёвками.

Ребята спрятались в кустах.

Скоро лежать наскучило. Мурашкин громко шмыгал носом. Павлик с трудом сдерживал стоны: у него чесалась пятка.

— Может, ты наврал? — спросил он Мурашкина. — Может, стукнуть тебя по лбу?

Мурашкин жалобно пискнул и показал рукой вперёд.

Там, в густых зарослях, виднелось что-то зелёное!

ОНО

о с т о р о ж н о

ДВИГАЛОСЬ

к яме

и н е г р о м к о

РЫЧАЛО...

Тигр!

ТИГР!!!!!!

— Спасайся кто может... — заикаясь, прошептал Мурашкин и первый бросился наутёк.

Ребята помчались следом за ним и услышали, как сзади тигр с шумом провалился в яму.

Непредвиденное обстоятельство

Дома Вилька разыскал зелёное одеяло и вернулся в лес. «Ох и напугаются тигроловы несчастные!» — торжествующе думал он.

Вилька накрылся одеялом, зарычал и медленно пополз вперёд.

Всё произошло так, как он и предполагал. Ребята испугались,
убежали,
а Вилька
ПРОВАЛИЛСЯ
в яму.

Яма оказалась глубокой, и в ней была вода.

Тут Вилька понял, что отсюда ему не выбраться.

— Спасите! — не своим голосом закричал он. — Помогите!

Никто его не услышал. Никого поблизости не было — ни тигров, ни людей.

Вилька стучал зубами от холода и тихо скулил.

А вода всё прибывала и прибывала. Она уже доходила до колен сухопутного пирата.

В цирке будет тысяча мест

В это время Павлик с приятелями был у дяди Семёна.

Дядя Семён выслушал их и сказал:

— Тигров в наших лесах не было, нет и не будет. А вот цирк через несколько лет действительно построят.

— Что я вам говорил?! — радостно воскликнул Мурашкин. — Был бы цирк, а тигры найдутся!

— Вот такой цирк построят в Нижних Петухах, — сказал дядя Семён, развернув перед ребятами большой лист бумаги. На нём было нарисовано круглое здание с куполом. На куполе — мачта с флагом. — В нём будет тысяча мест. А теперь расскажите мне, кто вас надоумил тигров ловить.

— Человек тут один, — скромно и поспешно ответил Мурашкин. — Тигр уже в яме. Пора его связывать.

— Глупости, — строго произнёс дядя Семён. — Ника-

кого тигра в вашей яме быть не может. Надо яму закопать, а то провалится в неё коза или корова.

— Пусть не проваливаются, — сказал Мурашкин, — не для них копали, а для тигров. В яме тигр, — заверил он. — Своими собственными глазами видел. Клыки вот такие. Рычит.

Дядя Семён отправился смотреть яму вместе с ребятами. Яма была пуста.

— Ай да зверь! — восхитился Мурашкин. — Из такой ямы выпрыгнул!

— Зарывайте, — приказал дядя Семён.

И никто не подозревал, что на дне ямы, под водой лежит...

Наберитесь терпения, расскажу всё по порядку.

Кто услышал крики сухопутного пирата

Шёл человек по лесу и улыбался. Он даже пробовал напевать. Но песни у него не получилось, потому что петь этот человек не умел. Многое он умел делать, но вот петь не умел.

«Не беда, — решил человек, — не получается, не надо. Приду домой и радио послушаю. По радио иногда хорошие песни передают».

И он пошёл дальше, улыбаясь, потому что никогда не унывал, хотя жизнь у него была нелёгкая, потяжелее, чем у вас. В районе было много колхозов, и человек этот отвечал за то, сколько они уберут урожая, сколько вырастят коров и свинушек. В районе было несколько заводов, и человек этот отвечал за их работу. Вообще человек этот отвечал за всё. И если бы его обязанности переписать столбиком, то получился бы список длиннее метра.

Звали его Алексеем Егоровичем, работал он секретарём районного комитета партии.

Задумавшись о делах (а шёл он из колхоза), Алексей Егорович не сразу услышал жалобные крики:

— Спасите! Помогите!

Он был храбрым человеком, сражался на войне, но ему стало не по себе, когда он услышал эти крики.

Алексей Егорович огляделся кругом — никого.

Тогда он побежал по лесу, чутко прислушиваясь, ста-

раясь определить, откуда доносятся странные — словно из-под земли — крики...

Новая подлость сухопутного пирата

Алексей Егорович лишь с трудом догадался, что крики доносятся именно из-под земли. Он внимательно смотрел по сторонам и наконец заметил яму. Алексей Егорович разбросал ветки.

Перед ним, а вернее под ним, по пояс в воде был Вилька, вымазанный глиной. Он хотел что-то сказать, но получилось: — Т...т...т...у...у...у...

Тогда Алексей Егорович схватил его за руки и вытащил из ямы.

— Ты кто такой?

И Вилька ответил:

— Т...у...т...у...т...

И застучал зубами.

— Бегом! — приказал Алексей Егорович.

Они побежали по дороге; бежали до тех пор, пока Вилька не пробормотал:

— Согрелся...

— Теперь поговорим, — предложил Алексей Егорович. — Скажи мне, чумазый человек, кто ты такой, что это за яма и как ты в неё попал?

Вилька Чудиков был хитрым. Он понимал, что о его хулиганских выходках знает весь посёлок, а хвастаться проделками можно только среди мальчишек.

И Вилька ответил:

— Нашлись тут одни. Решили тигров ловить, а поймали меня, человека.

— Погоди, парень, погоди, — остановил его удивлённый Алексей Егорович. — Каких тигров?

— Зелёных.

— Зелёных тигров? — Алексей Егорович приложил ладонь к Вилькиному лбу. — Температура у тебя нормальная, а говоришь ты ерунду.

— Чистую правду говорю. Тигров решили словить, цирк открыть, билеты продавать, чтоб денег побольше заработать.

— А кто всё это затеял?

Вилька ответил:

— Павлик Меркушев. С восьмой дачи.

Нет, недаром Вильку Чудикова называли сухопутным пиратом!

«Спасибо одеялу!»

Наступил вечер, а узнать, кто побывал в яме, так и не удалось. Вилька сидел рядом с ребятами и похихикивал.

— Всё равно узнаем, — сказал Павлик.

— Не узнаете, — ответил Вилька. — Тигра убежала, привет передавала. Может, в вашей яме слон сидел? Или крокодил?

— Сам ты крокодил, — сказал Павлик. — Главное, что мы яму засыпали.

— Делать вам нечего! — Вилька расхохотался. — То копают, то засыпают... — Он вскочил. — А одеяло? Одеяло-то моё закопали! Отвечать будете! Ох и попадёт мне дома!

— Крокодил ты бесхвостый,— сказал Мурашкин. — Слон без хобота. Пропадай твоё одеяло! Не жалко!

— Спасибо одеялу, — насмешливо сказал Павлик. — Теперь мы знаем, кто нам всё испортил.

— Ребята! Друзья! Товарищи! — просил Вилька. — Бери лопаты, пошли одеяло выкапывать! Спасём одеяло!

Но никто из ребят не двинулся с места.

...Это был четвёртый по счёту день
жизни Павлика Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Очень хорошая девочка

Была у Павлика тайна. О ней он никому не рассказывал. И если бы его даже стали мучить самыми страшными муками, он бы не открыл своей тайны.

Ни за что.

Но любая тайна со временем становится известной. Так случилось и с Павликом.

Расскажу по порядку: с чего началась и чем закончилась эта история.

Однажды, ещё до отъезда в Нижние Петухи, гулял Павлик в городском саду.

Гулял он, гулял и заскучал, потому что не встретил ни одного знакомого. А деньги, которые ему дала мама, он давно истратил. С завистью поглядывал он на счастливцев, толпящихся у киосков с мороженым.

Вдруг Павлик услышал жалобный голос:

— Ой, помогите, пожалуйста! Ой! Ой! Ой!

Все мы мечтаем о подвигах и ждём случая, когда будет возможность совершить героический поступок.

Вот Павлик и бросился сквозь кусты.

Увидел он девочку с длинными чёрными волосами. Она взглянула на него испуганно.

Как все мальчики, Павлик перед девочками старался казаться грубоватым и поэтому спросил недружелюбно:

— Чего разоралась?

— Оно бежит, — прошептала девочка и показала на скамейку. Там стояли два бумажных стаканчика. Из них на землю капало мороженое.

— Что же вы смотрите? — спросила девочка. — Ешьте. Я купила два стаканчика, а оно побежало!

— Да-а, — важно протянул Павлик, — пропадёт мороженое.

— Берите, берите, пожалуйста!

— А не жалко?

— Нисколько. Я вообще не жадная. Меня зовут Люсей. А вас?

— Павликом.

Они помолчали, пока не съели мороженое. Потом девочка спросила:

— Мы будем дружить?

А в это время шли мимо два противных человека. Они стали прыгать и кричать:

— Жених и невеста! Жених и невеста! Поехали по тесто!

От стыда Павлик не знал, куда спрятаться. Он отвернулся от Люси, словно был с нею незнаком, а она крикнула мальчишкам:

— А вам завидно! А вам завидно!

Мальчишки от такой наглости опешили, заморгали глазами, а Люся снова крикнула:

— Завидно, завидно! Завидно, что у вас невесты нет!

Мальчишки с горя убежали.

— Я мальчишек не боюсь, — весело сказала Люся, повернувшись к Павлику...

Но Павлика рядом уже не было.

Он тоже убежал.

Понимаете?

Неприятно мне писать об этом, но раз мы с вами друзья-приятели, то приходится.

Правда, Павлик быстро раскаялся в своем поступке и стал разыскивать Люсю. Он обежал весь сад, но не встретил её.

Грустный, шёл он к трамвайной остановке.

И вдруг, подняв голову, Павлик увидел девочку и бросился к ней с криком:

— Люся!

Но она посмотрела на него так, словно перед ней был абсолютно незнакомый человек. Посмотрела и вошла в вагон. Павлик тоже встал на подножку.

Трамвай тронулся с места.

— Отпустите! Отпустите! — раздался чей-то голос. — Сумку отпустите!

Павлик почувствовал, что его кто-то тянет. Оказалось, за пуговицу его пиджака зацепилась авоська тётеньки, которая и кричала: «Отпустите!»

Пришлось Павлику спрыгнуть на землю и отцепляться от тётеньки.

Больше он с Люсей не встретился и очень-очень жалел об этом.

Это и было его тайной.

Почему Мурашкин упал с кровати

Вот сегодня Павлик снова вспомнил о Люсе и загрустил. Ему всё ещё было стыдно.

Утром он встретил Петю Масалкина. Если вы забыли его, я вам напомню: это тот самый мальчик, который спас бескозырку.

Едва они с Павликом поздоровались, не успели даже попрыгать от радости, как прибежал Мурашкин.

— Ночью я упал с кровати, — таинственным голосом сообщил он, — не верите?

— Верим, — ответил Петя. — Бывает. Здорово стукнулся?

— Пустяки. Вот в детстве я навернулся с качелей. Это было ужасно. А с кровати — ерунда. Вы думаете, я зря упал?

— А что? — спросил Павлик. — С пользой?

— Ещё бы! Я сделал научное открытие!

— А кровать при чём?

— Я упал от радости, — объяснил Мурашкин. — Я обрадовался, когда увидел во сне эту чудесную машину. Понимаете, когда я летел с кровати, я ещё помнил машину, а когда стукнулся лбом... всё вылетело из головы.

— Смешной ты человек, Мурашкин, — сказал Павлик. — И вечно ты всё что-нибудь выдумываешь или врёшь.

— Вру, вру, — пробормотал Мурашкин. — Это не беда. Говорят, порошок такой есть. Проглотишь — и будь спокоен, не соврёшь. Вот достану такого порошка...

— Я знаю твою машину.., — задумчиво произнёс Петя, — это вездеход.

— Точно! — закричал Мурашкин. — Вездеход! И я вспомнил! Построим вездеход и поедем! Сначала проедем по Нижним Петухам, по всем улицам и закоулкам. Пусть смотрят и завидуют! Про нас в журнале «Огонёк» напечатают!

— Обдумать надо, — попробовал возразить Павлик, но Петя перебил:

— Строить надо.

— Правильно, правильно! — поддержал Мурашкин. — Главное — не трусить! Если струсите, я сам лодку достану, сам вездеход построю, заревёте тогда от зависти!

— Идём! — позвал Павлик.

Когда потонул «Петух»

Постройка вездехода оказалась лёгким делом. Честно говоря, это был не вездеход, а просто старая лодка.

Мурашкин белой краской написал на корме и на носу

ПИТУХ

Когда он стал исправлять ошибку, получилось

— Ничего, — сказал Мурашкин, — лишь бы не утонул.

Но едва «Патух» отплыл от берега несколько метров, он начал медленно погружаться в воду.

— Бросай лишний груз! — скомандовал Мурашкин и выпрыгнул из лодки.

«Патух» быстро наполнялся водой.

Петя стал грести изо всех сил, и вездеход у самого берега лёг на дно. Борта лодки торчали из воды.

Раздался громкий хохот.

Это хохотал Вилька Чудиков. Он стоял на берегу и строил рожи.

— Уйди отсюда! — крикнул Павлик. — Получишь!

— Как бы вы не получили! Потонул ваш «Патух»! И колёс у него нету!

— Точно! — крикнул Мурашкин. Он вылез из воды, мокрый и напуганный. — Почему вездеход потонул? Да потому что колёс у него нет! Какой же может быть вездеход без колёс?

— Я могу достать, — сказал сухопутный пират.

— Где? — хором спросили ребята.

— Моё дело.

Ребята переглянулись. Предложение Вильки было заманчивым. Человечишка он, конечно, неважный, но — колёса! Где их иначе возьмёшь?

— Нельзя с ним связываться, — после долгого молчания сказал Павлик, — подведёт.

Вилька презрительно плюнул и сказал:

— Ты, дачник! Трус!

— Проверить надо, кто трус.

— А что проверять? — испуганно спросил Мурашкин. — Все знают, что вот я, например, храбрый. И проверять нечего.

— Сегодня ночью я пойду за колёсами, — угрожающе проговорил Вилька, — ночью...

Все примолкли.

Всем стало страшно.

Слышно было, как капала вода с пиджака Мурашкина.

— Пойдёшь со мной, дачник? — спросил Вилька.

— А почему обязательно ночью?

— Если трусишь, можешь не ходить.

— Я никогда не трушу, — сквозь зубы ответил Павлик.

«Стрелять будут, ложись!»

Ночь выдалась тёмная. Луна катилась по небу, будто гонимая ветром. Когда она скрывалась за тучами, становилось ещё темнее, как в кинотеатре перед началом сеанса.

Но постепенно глаза привыкли к темноте, и Павлик видел даже большие оттопыренные уши Вильки. Тот шёл впереди.

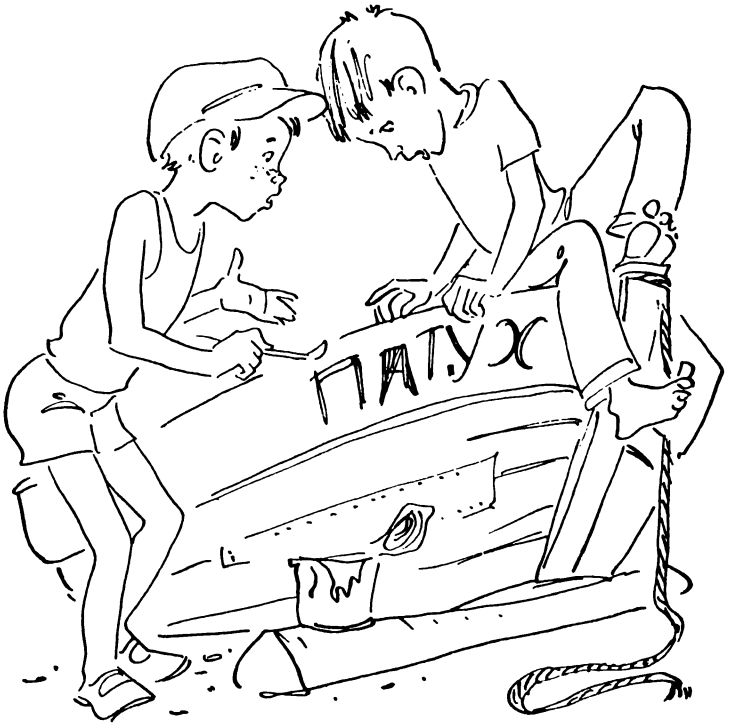
Лишь в редких окнах горел свет. Где-то громко играло радио. Сколько ни вслушивался Павлик, он не мог разобрать слов песни. Мешало волнение.

— Скоро? — прошептал он.

— Боишься?

— Почти нет.

— Стрелять будут, ложись! — посоветовал Вилька.



Павлик съёжился. Он ведь не хотел идти за колёсами, но пошёл. Почему? — спросите вы. А помните Люсю? Тогда Павлик испугался насмешек — струсил. И вот сейчас он думал: знала бы Люся, каким он стал храбрым!

Но было страшно. Ему казалось, что со всех сторон на него смотрят осуждающие глаза.

— СТОЙ!

Он едва не крикнул от страха, остановился, отдышался и понял, что голос ему просто почудился.

— Внимание, — прошептал Вилька, — здесь...

Как погиб Вилька

Они были у двухэтажной дачи, окружённой садом. Вилька пошарил дрожащей рукой, повернул вертушку и толкнул калитку. Павлик шагнул следом.

Они шли, держась за изгородь.

Эх, убежать бы!

— Вот колёса, — прошептал Вилька, — кати...

Павлик поставил колесо и начал толкать. Колесо было тяжёлым.

Вдруг откуда-то сверху бабахнул выстрел.

Мелькнул огонь.

Вилька упал.

Павлик бросился к калитке, но мозг пронзила мысль: не бросай товарища в беде! Он схватил Вильку за ногу и потащил.

В окнах загорелся свет. Хлопнула дверь.

— Стой! Стрелять буду!

Выпустив Вилькину ногу, Павлик остановился. К нему подошёл мужчина с ружьём в руках.

— Хорош герой! — сказал он. — А ну, пошли в дом!

Павлик посмотрел вниз: Вильки не было.

Неприятный разговор

Его провели на кухню. Странно: он не испытывал никакого страха. Ему было стыдно. Он согласился бы сейчас умереть, если бы первого сентября ему не надо было идти в первый класс.

В кухню заглянули несколько человек. Алексей Егорович (а это был именно он) что-то им сказал, и они ушли.

— Как тебя звать?

— Павлик.

— А фамилия?

— Меркушев.

— А где живёшь?

— Восьмая дача.

Алексей Егорович задумался и сказал:

— Где-то я слышал твою фамилию... Это не ты ловлю тигров организовал? Это из-за тебя мальчик в яме чуть не погиб?

— Он сам в яму залез. Никто его не просил.

— Сам? — Видно было, что Алексей Егорович не поверил. — Ну, не будем вспоминать тигров. А ты вот до воровства дошёл. Ты понимаешь, что за такие делишки судят?

Павлику хотелось заплакать, но он сдержался и пробормотал:

— Маленьких не судят.

— А ты разве маленький?

— Нет... но и не большой.

— Вот что, — предложил Алексей Егорович, — давай без лишних слов расскажи мне про свои дела, и я отведу тебя домой.

И Павлик рассказал обо всём, начиная с того, как Мурашкин упал с кровати.

Алексей Егорович долго смеялся, потом сказал:

— Непутёвый вы народ, хотя и любопытный... Что с тобой?

Глаза Павлика расширились от удивления: в дверях стояла Люся!

Она сделала вид, что не заметила Павлика, подошла и спросила:

— Кто тут стрелял, дядя Лёша? В кого стрелял?

— Понимаешь, племянница, ерунда получилась. Жулики у нас появились.

— Мы с ним не жулики... — начал Павлик и осёкся.

— Мы с ним? — быстро переспросил Алексей Егорович. — Разве ты был не один?

Сказать о Вильке или не сказать? А вдруг будут дразнить предателем?

— Не хочешь выдавать товарища?

— Нет, — твёрдо ответил Павлик, — он мне не товарищ. Виноват я сам. Своя голова на плечах.

Люся подошла к нему и сказала:

— А ты всё-таки трус.

...Так печально закончился пятый день жизни Павлика Меркушева в Нижних Петухах.

Мне даже не хотелось писать об этом, но я написал, потому что так и было.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Специалист по Нижним Петухам

Утром Павлик навестил бородатого историка Петра Петровича Золотарёва.

Он колол дрова.

— Приветствую вас, молодой человек! — сказал он, вонзив топор в толстое полено. — Чем могу служить? Может быть, ты со своими приятелями решил послушать лекцию о Нижних Петухах?

Честно говоря, Павлик забыл о предложении Петра Петровича прочитать лекцию, но сейчас обрадовался:

— Да, да!

— Я ведь специалист по Нижним Петухам, — сказал Пётр Петрович. — Я знаю о них много интересного. Пусть приходят все, кто желает. Куда? Это ваше дело. К семи часам я буду готов. Заходите за мной.

Ребята просят работу

В районном комитете партии заседание подходило к концу. Время было жаркое: шла уборка урожая, и никому не хотелось заседать долго.

У здания райкома стояли запылённые автомашины, подводы, осёдланные лошади. Они ждали председателей колхозов, агрономов и других людей, от которых зависела судьба урожая.

Вот в это время сюда и пришёл Павлик.

В комнате, которая называлась приёмной, сидела тётенька и стучала на пишущей машинке. Тётенька спросила:

— Что тебе нужно, мальчик?

— Мне велели прийти сюда.

— Как твоя фамилия?

— Меркушев.

— Подожди немного.

Павлик стал листать какой-то журнал и думал, что сейчас он трусит куда сильнее, чем вчера ночью.

Обитая клеёнкой дверь открылась, из-за неё один за другим выходили люди.

Тётенька сказала Павлику:

— Пройдите, товарищ Меркушев.

В кабинете, куда он вошёл, сидели несколько человек.

— Товарищи, вот тот самый Павлик, — сказал Алексей Егорович. — Делать ему с приятелями нечего, и занимаются они разными глупыми и нехорошими делишками с утра до вечера.

— Нет, — несмело возразил Павлик, — утром я продляю жизнь.

Раздался хохот. Смеялись так громко, что, казалось, в кабинете стало тесно от смеха. Видимо, поэтому один усатый дяденька распахнул окно.

— Жизнь продляешь? — спросил он. — А как? Научи-ка нас.

— Очень просто, — объяснил Павлик, — встаю пораньше. Вот жизнь чуть-чуть и продляется.

— А ведь, пожалуй, правильно, — сказал усатый дяденька.

— А для чего же ты жизнь продляешь? — спросил Алексей Егорович. — Чтобы успеть побольше глупостей сделать?

— Нет.

В кабинет вошла тётенька и сказала:

— Их там целая делегация, Алексей Егорович. Шумят.

Алексей Егорович разрешил своим товарищам уйти и попросил тётеньку впустить делегацию.

В кабинет с шумом и гамом ввалились мальчишки и заговорили все сразу. Даже Павлик не мог разобрать, о чём они шумели.

— Что случилось?

Мальчишки притихли, а Петя Масалкин сказал:

— Мы все виноваты. Нас всех судить надо.

Тут Алексей Егорович, можно сказать, рассердился. Он заговорил так:

— Никто вас судить не собирается. А наказать надо бы.

— Зачем? — шёпотом спросил Мурашкин. — Мы и так больше не будем. Но жить нам очень трудно. Никаких интересных дел нет.

— Делать-то нам нечего! — подтвердили ребята. — Вот и ловим тигров!

Алексей Егорович молчал. Он понимал мальчишек. На их лицах было написано желание что-нибудь делать, работать...

Вперёд вышел Петя Масалкин и начал рассказывать:

— Вот сегодня лекцию организуем. Пётр Петрович Золотарёв будет рассказывать, почему Нижние Петухи Нижними Петухами называются. На сегодня у нас работа есть. А завтра что делать? А послезавтра?

— Придумаем что-нибудь, — пообещал Алексей Егорович, — встретимся на лекции и поговорим.

«Пожар, что ли?»

По улицам посёлка бежали ребята и кричали:

— Внимание! Внимание! Слушайте! Слушайте!

— Пожар, что ли? — спрашивали жители.

Нет, не пожар. Это ребята приглашали всех на лекцию в Старый парк.

Старый парк до войны назывался Новым. Там было уютно и красиво. Каждый вечер жители приходили сюда отдыхать. Но во время войны отдыхать было некогда, парк зарос крапивой, кустарником, и стали его называть уже не Новым, а Старым.

По размерам и форме он напоминал футбольное поле. Прямые, с золотистой корой сосны стояли на расстоянии двух-трёх метров друг от друга. А всё остальное пространство заросло крапивой, травой, кустарником.

На небольшой полянке ребята установили несколько скамеек, принесли табуретки и стулья. Народу собралось много, расселись прямо на траве.

— Итак, друзья мои, вы хотите знать историю Нижних Петухов? — спросил Пётр Петрович.

— Какая такая история? — отозвалась одна женщина. — Посёлок и посёлок. Название смешное.

— Вот именно! — согласился Пётр Петрович. — Послушайте, какую сказку сочинил народ...

Он начал рассказывать. Сосны перестали шуметь ветками, словно боялись помешать.

Глупый царь

Было это давно, очень давно. Страной, в которой мы живём, правил жестокий царь. Жить было очень тяжело.

Однажды царь задумал прокатиться по реке. Сел он на пароход со своими слугами и стражей и поплыл. Что он там делал, этот царь, не важно. Но как-то у него заболела голова, и он не мог уснуть.

Внизу, на корме, стояли ящики с курами. Этих кур одну за другой резали и кормили ими царя.

Среди кур оказался петух. Сначала он вёл себя тихо, а тут вдруг распелся. Пел он громко и весело, до того весело, что даже пароход побежал побыстрее.

— Что такое? — закричал царь. — Нет мне в моём государстве покоя! Царь я или не царь? Могу я спокойно поспать в своей собственной стране? Ненавижу петушиный крик! Если он ещё хоть раз крикнет, я прикажу тебя повесить! — и царь стукнул по голове своего главного слугу.

Побежали царские слуги резать петуха. Однако он выскользнул из их рук и убежал. Куда? Весь пароход обшарили, а петуха так и не нашли.

Ночью, когда царь крепко спал, петух вдруг появился на палубе.

Слуги — за ним.

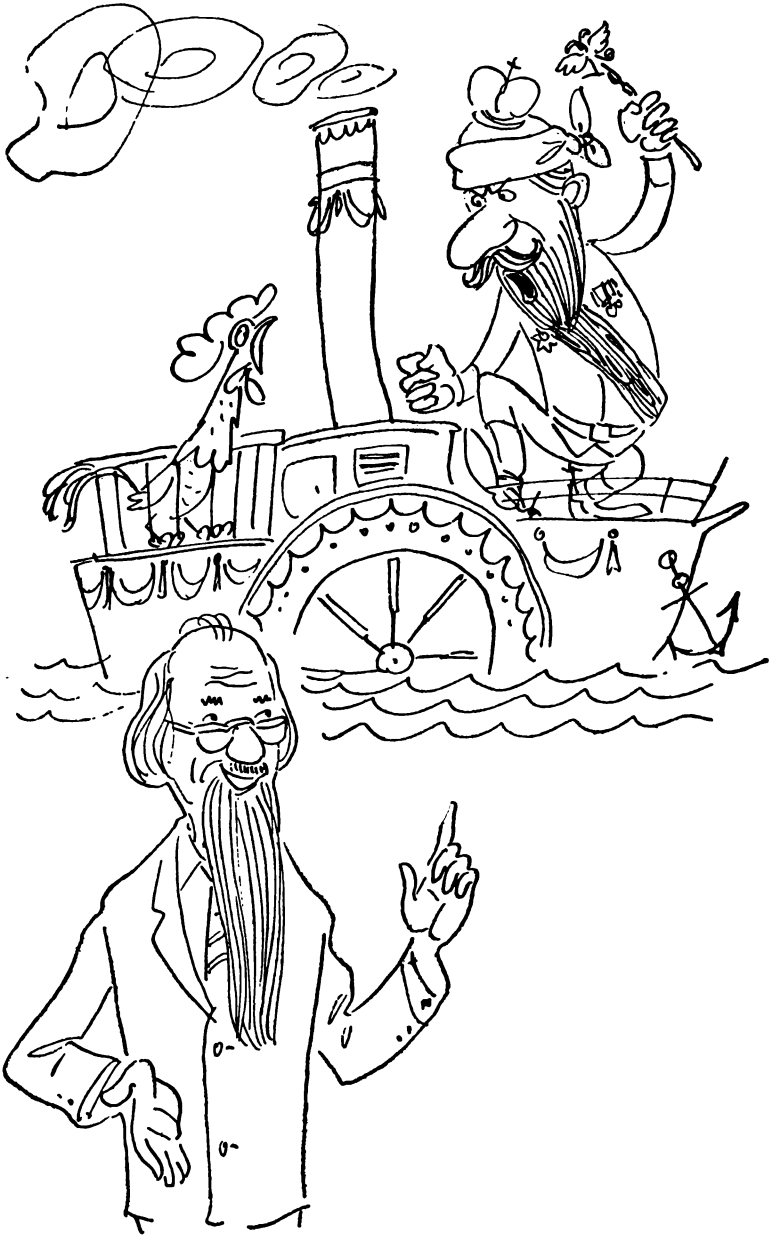
А петух бегом-бегом к царской каюте. Добежал до дверей да как закричит!

Тут ему и скрутили голову.

А царь проснулся и закричал ещё громче, чем петух:

— Это что такое? Почему не выполняются мои приказы? Могу я спокойно поспать в своём собственном государстве?

Главный слуга стоит ни жив ни мёртв.



— А тебя, — говорит царь, — утром повешу.

— За что, ваше великое царское величество? Ведь это кричал петух на берегу.

— Враша ты, враша! — отвечает царь, а сам от злости трясётся. — В этих местах деревень нет. Я знаю. У меня по географии, к твоему сведению, тройка была.

— Ваше великое царское величество, есть здесь деревня. Называется она Петухи, потому что петухов в ней видимо-невидимо.

— Проверю, — сквозь зубы процедил царь. — Обратно когда поедем, проверю. Если соврал, велю тебя повесить.

Царь лёг спать, а слуги забегали: ведь никакой деревни нет! Что делать?

Думали, думали и придумали: надо срочно построить деревню! Срочно!

Согнали царские чиновники работников и приказали:

— Построить деревню за одни сутки — или головы с плеч!

За одну ночь построили работники деревню. К утру чиновники привезли жителей и каждому дали по петуху.

Когда царь плыл обратно, всех согнали на берег. Петухи кричали во всю мочь.

Царь был очень доволен, на одной ножке попрыгал.

— В честь моего великого царского величества постройте точно такую же деревню выше по течению, — приказал он, — и назовите Верхние Петухи, а это будут Нижние Петухи.

Верхних Петухов так и не построили, а Нижние остались...

Алексей Егорович даёт задание

Когда кончили смеяться над царём, Алексей Егорович поблагодарил Петра Петровича, и слушатели разошлись.

Ребята окружили Алексея Егоровича и забросали вопросами:

— Какое дело нам дадите?

— Будет нам работа?

— Будет, — ответил Алексей Егорович, — а справитесь?

— Справимся! — закричали ребята, а Мурашкин взял под козырёк и торжественно произнёс:

— Клянёмся!

— Видите, сколько крапивы? — спросил Алексей Егорович. — Весь парк зарос. А что, если её вырубить?

Ребята разочарованно вздохнули: разве это задание?

— Справитесь с крапивой, другое задание получите. Справитесь?

Ребята кивнули.

...Это было на шестой день жизни
Павлика Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Звать или не звать на помощь девочек?

Утром собрались в Старом парке.

— Нужны смелость и ловкость, — сказал Мурашкин.

— Нужны серпы и рукавицы, — сказал Петя.

— Какие рукавицы? — закричали ребята.

— Такие. Обыкновенные. Ведь крапива-то жжётся.

— А где же мы столько рукавиц найдём?

Призадумались.

Надолго призадумались.

Павлик знал, что делать, но боялся сказать об этом приятелям. Он знал, что надо позвать на помощь девочек — они соберут дома какие-нибудь старые рукавицы и перчатки или сошьют новые.

А может быть, и Люся придёт?

И Павлик сказал твёрдо:

— Надо позвать девочек.

— Девчонок? — возмутился Мурашкин. — Прибегут, запищат, зачирикают! Мы сами эту крапиву раз-два и готово! Мы — орлы!

— Это кто орел? Тигролов несчастный!

— С тиграми не повезло. А девчонок звать не будем. Я сгорю со стыда.

— Гори! — Павлик оттолкнул Мурашкина в сторону и крикнул: — Кто за то, чтобы позвать девочек, поднимите руку!

— Не поднимайте! — закричал Мурашкин. — Смешно! Всю жизнь без девчонок прожили, а тут...

— Если будешь против, — зашептал ему на ухо Павлик, — всем расскажу про твои секреты.

Мурашкин вздрогнул и закричал сильнее прежнего:

— Братцы! Я передумал! Пошли звать девчонок!

— Потопали, — грустно сказал Петя.

— Магом шарш! — скомандовал Мурашкин.

Неравный бой

Крапивы было больше, чем ребят.

— Бой будет неравным, — гордо сказал Мурашкин. — Учитесь!

Он подскочил к зарослям и взмахнул палкой. Несколько стеблей крапивы подогнулись и, падая, задели Мурашкина по лицу.

— Ого-го! — закричал он, бросил палку и начал прыгать. — Первое ранение! Где госпиталь? Положите меня на койку!

— Так тебе и надо, — сказал Петя.

Дело в том, что один Мурашкин пришёл с палкой, все остальные ребята принесли серпы и длинные ножи. Почти у всех на руках были варежки, перчатки и даже шубенки.

Бой шёл не на жизнь, а на смерть. Ребятами овладел азарт. Они с криками рубили заросли, а девочки складывали крапиву в кучи.

— Вы очень плотно укладываете, — с обидой заметил Петя. — Так до вечера кучи не вырастут.

Уже ныли поясницы, а крапивы не убывало. Бой был неравным.

И только Павлик не устал. Он смотрел на Люсю и готов был работать без конца.

Крапива — это вам не пустяк

А крапива стояла густая, высокая, всем своим видом она словно говорила: «Сколько ни старайтесь, вам меня не одолеть!»

— Эх, комбайн бы сюда, — мечтательно сказал Мурашкин, но никто ему не ответил. — Искупаться бы, — со вздохом сказал он.

И снова никто ему не ответил.

Работали молча и вяло.

Павлик подумал, что надо как-то взбодрить товарищей. Но как? Ещё сильнее ему хотелось доказать Люсе, что он молодец. Вот смотри, Люся, все отдыхают, а он размахивает серпом.

— Чего встали? — весело спросил он. — Силёнок не хватает? Да?

— Силёнки-то есть, — жалобно отозвался Мурашкин. — Но мы её рубим, а её всё больше становится.

— Заныл опять, — сказал Петя. — Это тебе не тигров ловить и не вездеход строить.

Тут Мурашкин рассердился. Он громко шмыгнул носом, подтянул штаны и сказал:

— Если хотите знать, не нужна мне ваша крапива. Я лучше сено пойду косить в колхозе. Или трактористом наймусь. А ещё лучше — пастухом. Коров дрессировать буду! Красота! Захотел молочка — пожалуйста!

Ребята загалдели все сразу. Одни соглашались с Мурашкиным, другие не соглашались, остальные шумели просто так — за компанию.

— А кто хвастался, что раз-два и готово? — спросила Люся.

— Хвастался Мурашкин, — ответил Петя, — а я крапиве не сдамся. Я упрямый.

Тут снова все загалдели, но всех перекричал Мурашкин:

— Братцы! Пора по домам! Хватит на сегодня!

...Это было на седьмой день
жизни Павлика
Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Кто будет командиром?

Утром каждый мускул болел. Даже шевельнуть рукой было больно.

Павлик не стал продлять жизнь.

В парк собрались с большим опозданием. Самым последним пришёл Мурашкин. Когда ребята стали ругать его, он сказал:

— Не шумите. Я придумал.

— Опять тигров ловить?

— Или вездеход строить?

— Я придумал, как расправиться с этой крапивой, — важно ответил Мурашкин. — Надо выбрать командира, тогда дело пойдёт. Я, например, не возражаю покомандовать. Умею.

Конечно, командиром хотелось быть каждому, и больше всех мечтал об этом Мурашкин.

Но его имени даже не назвали.

Спорили, спорили, и Петя предложил:

— Давайте выберем самого терпеливого! Вот я могу на одной ноге два часа стоять!

Смотрите!

Считайте!

Петя встал на одну ногу. Ребята загалдели, и все встали на одну ногу — кто на левую, кто — на правую.

Девочки засмеялись.

— Вот укусите меня за палец, не пикну, — сказал Павлик.

— Пожалуйста, кусай меня за все пальцы! — взмолился Мурашкин.

Тут все стали протягивать друг другу пальцы.

— Вы перекусаетесь, — сказала Люся. — Командиром будет тот, кто лучше всех работает.

Ребята набросились на крапиву. Каждый хотел стать командиром, каждый старался работать лучше всех.

До обеда командира выбрать не удалось. Все работали хорошо, хотя каждый был уверен, что работает лучше других.

Павлик принимает важное решение

Павлику стало ясно: он должен помириться с Люсей. Пусть стыдно, страшно, пусть! Надо мириться. Но как?

Подойти к ней при всех — опять начнут дразнить женихом и невестой. А хуже этого ничего быть не может.

Он сделал вид, что идёт домой, свернул в переулок и побежал, чтобы встретить Люсю у дачи.

План удался. Едва Павлик успел перевести дух, как в конце улицы появилась Люся.

Сначала Павлику показалось, что ноги его приросли к земле, потом — наоборот — ноги сами оторвались от земли. Он почувствовал, что краснеет, притворился, что зашнуровывает ботинок.

Вот Люся п о д о ш л а...

п р о ш л а м и м о...

скрипнула калитка...

Павлик поднял голову — Люси уже не было.

Позорное бегство

Один за другим уходили ребята. У одного — сестра болеет, другому — надо рыбачить, третьему — завтра рано вставать, с отцом за дровами ехать...

Наконец из мальчиков остались двое: Павлик и Петя.

— Да, дела, — вздохнул Петя, — пожалуй, надо и нам сматываться.

— Что?! Что?! — испугался Павлик.

— Ничего. Засмеют нас с тобой. С девчонками вдвоём остались. Женихи! Позор! Так и скажут: женихи!

А этого слова Павлик боялся больше всего на свете. Вы только представьте: соберутся все ребята вместе и начнут кричать:

— Жених и невеста поехали по тесто!

Умрёшь от стыда.

Павлик оглянулся на девочек и встретился глазами с Люсей. Казалось, она спрашивала: «Неужели опять струсишь?»

— Я пошёл, — тихо сказал Петя, — я так не могу...

Павлик двинулся за ним следом.

...Это было на восьмой день
жизни Павлика Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ, САМЫЙ ВАЖНЫЙ

Откровенный разговор

Утром Павлик шёл по берегу.

— Что, друг, голову опустил? — услышал он знакомый голос.

Перед ним стоял Алексей Егорович.

— Да так, — ответил Павлик, — просто так...

— А всё же?

— Несчастье у меня... горе...

— Горе? — переспросил Алексей Егорович. — Это брат, плохо. А что именно?

Павлик долго отмалчивался, а потом взял да и рассказал обо всём: и о том, что крапива ребят победила, и о том, что с девочками нельзя дружить.

— О крапиве разговор у нас особый будет. А вот почему нельзя с девочками дружить, не понимаю. Я, например, с малых лет дружил.

— Да ну? — поразился Павлик.

— Честное слово. Смешной ты человек. — Алексей Егорович наклонился к Павлику и прошептал: — Все взрослые мужчины женаты. И ты ведь женишься, когда вырастешь?

— Да, наверное, — Павлик пожал плечами, — придётся.

— Но ведь прежде чем жениться, надо сначала дружить, — продолжал Алексей Егорович. — Я тебе по секрету скажу: кто не дружит с девочками, тот просто балбес. Вот дразнится, от зависти, между прочим. На дразнилки не обращай внимания. Я тебе хочу посоветовать...

О том, что посоветовал Павлику Алексей Егорович, вы узнаете дальше.

Девчоночный командир

Ребята лежали на пляже, когда прибежал сухопутный пират Вилька Чудиков и заговорил:

— Что я видел! Что я видел! Вот позорище-то! Вот безобразие-то! Павка Меркушев у девчонок командиром стал!

Ребята от изумления слова сказать не могли, а Вилька продолжал:

— Глаза бы мои не видели! Уши мои не слышали бы! Вот позорище-то на нашу голову!

— Не врёшь? — спросил Петя.

— Не вру! Песок мне есть с камнями!

— Ешь!

Вилька взял щепотку песка, закрыл глаза, и песок заскрипел у него на зубах. Он с трудом проглотил песчинки, вытер губы, сплюнул и сказал:

— Вот.

Ребята вскочили.

— Нахальство! — крикнул Мурашкин. — Лучше умереть!

— Правильно! — поддержали ребята. — Позор!

— Надо придумать ему дразнилку, — предложил Петя. — Задразнить, чтоб помнил!

И, казалось, по всей реке раздалось грозное:

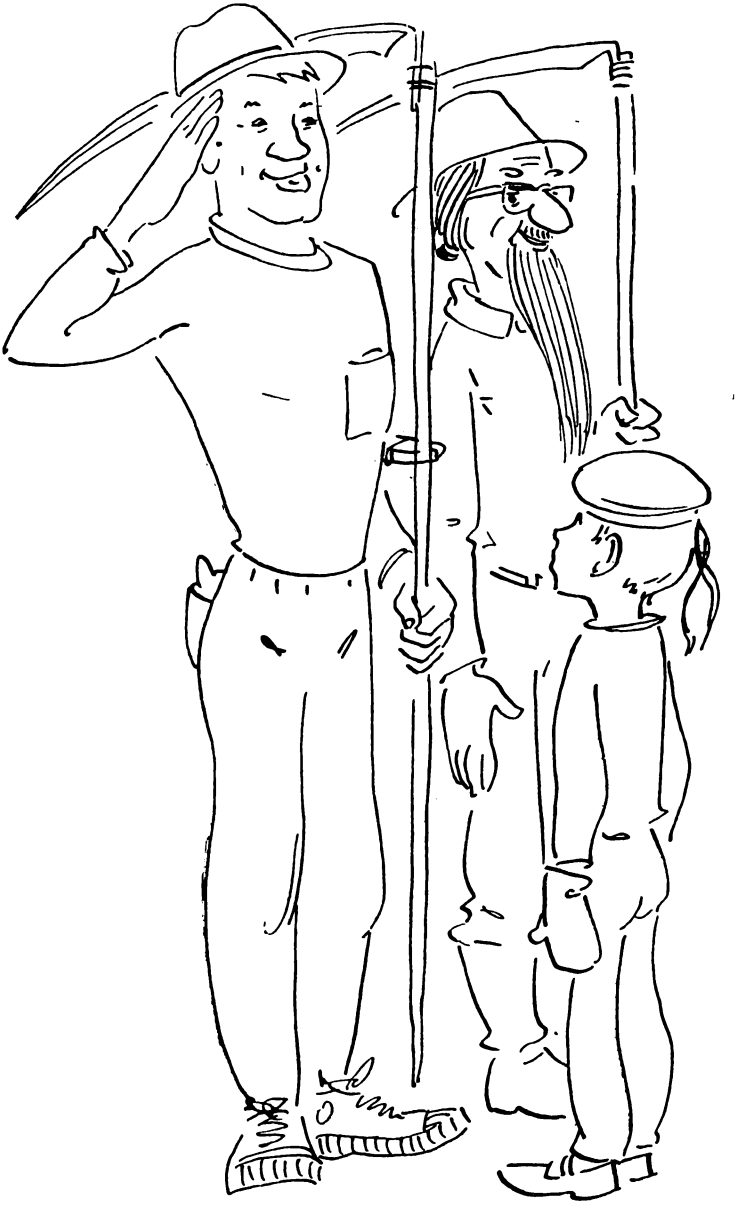
— Девчоночный командир!

Сухопутный пират ошибся

Дело было вовсе не так, как сообщил ребятам Вилька. Павлик командовал не только девочками. В его отряде было ещё несколько человек. И это были не девочки. Но их-то сухопутный пират не заметил.

Не увидели их и ребята, когда пришли дразнить Павлика. Что же они увидели?

Девочки и Павлик рубили крапиву и складывали её в кучу.



— Девчоночный командир! — крикнул Мурашкин.

Ребята захохотали. Они стояли за забором и хохотали, навалившись на него.

— Дев-чо-ноч-ный ко-ман-дир!

Забор пошатнулся и упал. Ребята полетели вместе с забором. Но даже на это девочки и Павлик не обратили внимания. Они продолжали работать.

А ребята, потирая ушибленные локти и колени, хором кричали, вернее, не кричали, а вопили:

— Девчоночный командир!

Вдруг они замолчали.

Из зарослей крапивы выходил бородатый историк Пётр Петрович Золотарёв. Он шёл, размахивая косой, и крапива рядами валилась на сторону. Пётр Петрович дошёл до конца зарослей, встал перед Павликом по стойке смирно и сказал:

— Товарищ командир! Ваше задание выполнено.

Не успели ребята прийти в себя от изумления, как из зарослей с косой в руках вышел дядя Семён и доложил Павлику, что порученное ему задание выполнено.

Но когда к Павлику подошёл Алексей Егорович, ребята ахнули. Они не верили своим глазам.

— Товарищ командир, — сказал Алексей Егорович Павлику, — задание выполнено. Разрешите закурить?

— Перерыв на пятнадцать минут, — объявил Павлик.

Нет, это был настоящий командир, и Мурашкин крикнул:

— Командуй мной! Согласен!

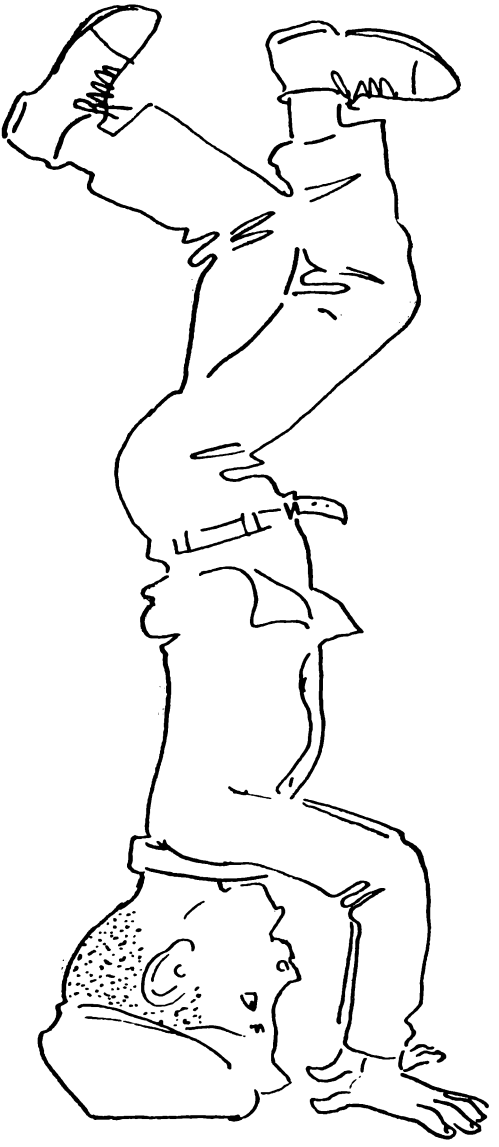
Вот и всё. Я думаю, вы сами догадаетесь о том, как закончилась война с крапивой.

Сами догадайтесь и о том, подружился
Павлик с Люсей или опять
испугался
дразни
лок.

1955 г.

Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семенова, второклассника и второгодника,

НАПИСАННАЯ НА ОСНОВЕ ЛИЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ АВТОРА И РАССКАЗОВ, КОТОРЫЕ ОН СЛЫШАЛ ОТ УЧАСТНИКОВ ИЗЛАГАЕМЫХ СОБЫТИЙ, А ТАКЖЕ НЕКОТОРОЙ ДОЛИ ФАНТАЗИИ



ГЛАВА № 1

ГЛАВА № 2

ГЛАВА № 3

ГЛАВА № 4

ГЛАВА № 5

ГЛАВА № 6

ГЛАВА № 7

ГЛАВА № 8

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

служащая как бы вступлением к описанию жизни Ивана Семёнова и объясняющая некоторые причины его дальнейшего поведения

Самый несчастный человек на свете

Иван Семёнов — несчастный, а может быть, самый несчастный человек на всём белом свете.

Почему?

Да потому, что, между нами говоря, Иван не любит учиться, и жизнь для него — сплошная мука.

Представьте себе крепкого, рослого мальчишку с наголо остриженной и такой огромной головой, что не всякая шапка на неё налезет.

И этот богатырь учится хуже всех в классе.

А честно говоря, учится он хуже всех в школе.

Обидно?

Ещё как!

Кому обидно?

Да всему классу!

Да всей школе обидно!

А Ивану?

А ему хоть бы хны!

Вот так тип!

В прошлом году играл он в белого медведя, целый день на четвереньках ходил по снегу — заболел воспалением лёгких. А воспаление лёгких — тяжёлая болезнь.

Лежал Иван в постели еле живой и хриплым голосом распевал:

Пирамидон-мидон-мидон!
Аспирин-пирин-пирин!
От лекарства пропаду-ду-ду!
Только в школу не пойду-ду-ду!

Долго лежал Иван. Похудел. И едва выпустили его на улицу, он давай кота Бандюгу ловить: хотел дрессировкой подзаняться. Бандюга от него стрелой, Иван за ним, поскользнулся — руку вывихнул и голову чуть не расколол.

Опять его в постель, опять он еле живой, опять хриплым голосом поёт, распевает:

На кровати я лежу-жу-жу!
Больше в школу не хожу-жу-жу!
Лучше мне калекой быть-быть-быть!
Лишь бы в школу не ходить-дить-дить!

Хитрый человек этот Иван Семёнов! Уж совсем поправился, а как врач придёт, Иван застонет, глаза закатит и не шевелится.

— Ничего не могу понять, — говорит врач растерянно, — совершенно здоровый мальчик, а стонет. И встать не может. Ну-ка, встанем!

Иван стонет, как раненный на войне, медленно опускает ноги с кровати, встаёт.

— Вот и молодец, — говорит врач. — Завтра можешь идти в школу.

Иван — хлоп на пол. Только голова состукала.

Его обратно в кровать.

А план у Ивана был простой — болеть как можно дольше. И всех бы он, Иван Семёнов, перехитрил, если бы не муха. Муха, обыкновенная муха подвела Ивана.

Залетела она в комнату и давай жужжать. Потом давай Ивану на нос садиться. Он её гонял-гонял — никакого результата. Муха оказалась вредной, ехидной и ловкой.

Она жужжит. Иван чуть не кричит.

Извела муха Ивана.

И спокойненько уселась на потолок.

«Подожди, — решил Иван, — сейчас я тебе напинаю».

Он подтащил стол, на стол поставил стул, взял полотенце, чтобы прихлопнуть муху, и — залез.

А муха улетела.

Иван от злости давай по потолку полотенцем хлопать!

Вспотел даже.

В это время в комнату вошёл врач. Ну и попало Ивану, невезучему человеку, так попало, что с тех пор он бьёт мух кулаком, да изо всех сил!

ОСТАВИЛИ ИВАНА во втором классе

НА ВТОРОЙ ГОД!

Все Ивана жалели.

А он? А он хоть бы хны!

Ну не получается у него учёба! Вот сядет он уроки готовить, обмакнёт перо в чернила, вздохнёт с горя — клякса. Иван её промокашкой — хлоп!

Клякса посветлеет, но станет ещё больше. Иван снова обмакнёт перо, снова вздохнёт и — снова клякса.

Смотрит он на кляксы и мечтает. Хорошо бы сделать так, чтобы голова отвинчивалась. Пришёл бы он в класс, спокойненько бы сел на своё место, отвинтил бы свою собственную голову и спрятал бы её в парту.

Идёт урок. Ивана, конечно, не спрашивают: не может же человек без головы говорить! Ведь говорит-то он ртом, рот-то у него в голове, а голова — где? В парте!

Звонок на перемену. Иван привинчивает голову и носится по школе.

Звонок на урок. Иван голову — вжик! вжик! вжик! — и обратно в парту. Сидит. Красота!

Думал Иван, думал и придумал однажды замечательную штуку. Пришёл он как-то в школу, сел за парту и молчит. Минуту молчит, вторую молчит, третью...

Пять минут прошло, а он — молчит!

— Что с тобой? — спрашивают ребята.

Иван отвечает:

— Зззззззззззззз... — и голова у него дёргается.

— Заболел? — спрашивают ребята.

Иван кивает.

— Чем заболел?

Иван мелом на классной доске пишет:

Я

зайка

Ребята ничего не понимают. Колька Веткин говорит:

— Да ты и не похож на зайца.

Иван весь задрожал и:

— Зззззззззззз...

— Заикой он стал! — догадался Паша Воробьёв. — Заикой, а не зайкой.

Иван обрадованно закивал.

Как только в класс вошла Анна Антоновна, ребята загалдели:

— Семёнов болен!

— Он заикой стал!

— Говорить не может!

И всем классом, хором:

— Зззззззззззззз...

— Тише, — сказала Анна Антоновна и вызвала Ивана к доске, и стала спрашивать.

А Иван отвечал так:

— Трр... бр... др... — и голова у него дёргалась.

— Молодец, — сказала Анна Антоновна, — правильно ответил. Ставлю тебе пять с плюсом.

— Пять с плюсом?! — радостно переспросил Иван, который ни разу в жизни и четвёрки-то не получал.

А ребята захохотали. А громче всех Колька Веткин.

Вызвали отца Ивана в школу. Ох и попало потом зайке-заике!

И сказал он друзьям:

— Хватит. Точка. Не могу больше так жить. Буду проситься на пенсию. Со здоровьем у меня из-за этой учёбы совсем плохо. Сегодня же напишу заявление.

— А куда, куда заявление? — с огромной завистью спросил Колька. — Отвечай давай, если совесть у тебя есть!

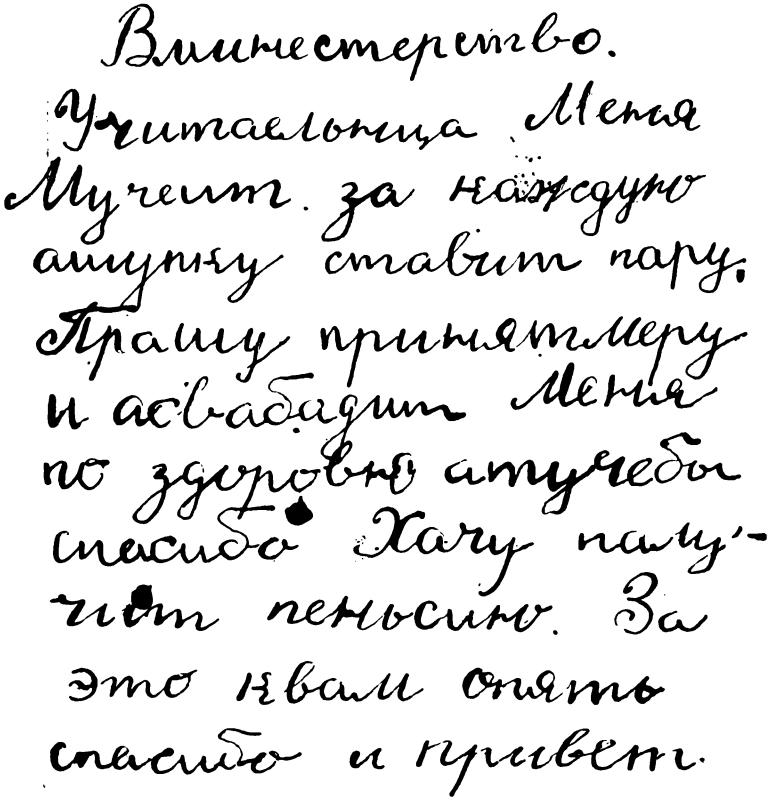
— Совесть у меня есть, не беспокойся, — со вздохом проговорил Иван. — Но не имею я права каждому рассказывать, куда я заявление о пенсии писать буду.

От обиды и возмущения Колька весь задрожал и крикнул:

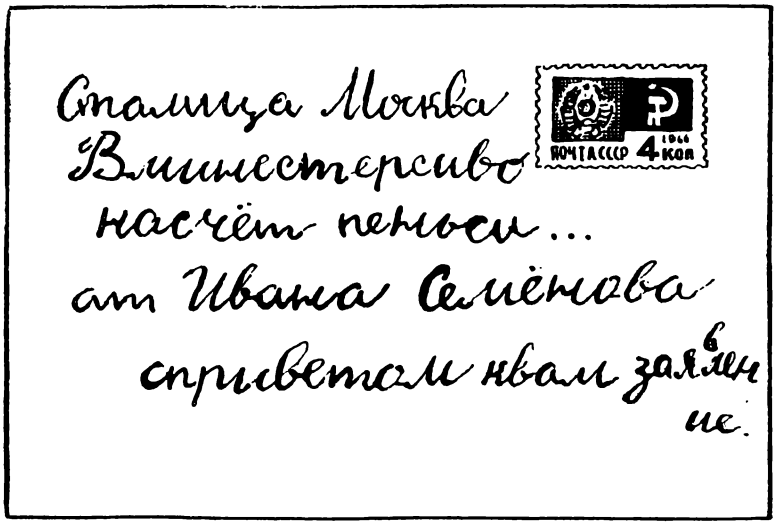
— Всегда ты такой! Собакой лаять научишь, ручки в пол втыкать научишь, а на пенсию один отправишься?!

— Ты соображай, — посоветовал Иван. — Если все на пенсию уйдут, кто же учиться будет? — И он ушёл, опустив свою большую голову.

Весь вечер трудился Иван над заявлением. Вот что у него получилось:



На конверте он написал:



Через день почтальон принёс письмо обратно и сказал:

— Нет такого адреса. И ошибок больно много. Рано тебе ещё жаловаться. И пенсию рано просить. Сначала школу окончи, поработай, потом жалуйся сколько тебе угодно.

Много разных историй с Иваном было, всех не рассказать. Но вы уже, конечно, поняли, какой он несчастный человек.

И вот вам последний случай: надумали в шпионов играть. Ивану хотелось быть командиром советских разведчиков.

А что получилось?

Как выбирали шпиона

Никто не сомневался, что лучше всего выбрать первоклассника Алика Соловьёва. Его и поймать легко, и настукать ему в любой момент можно, если будет спорить. А если ещё учесть, что Алик никогда не ябедничает, то станет ясно: лучшего шпиона и не найти.

Правда, он трусоват. Играли как-то в американского лётчика-шпиона Пауэрса. Пауэрсом выбрали Алика. Посадили его на крышу сарая — будто на самолёте летит — и давай в него камнями (то есть ракетами) стрелять.

С двадцатого выстрела попали — шишка!

Хорошо, в общем, поиграли. А он обратно слезать боится. Орали на него, орали, снова ракеты запускали.

Пришёл милиционер Егорушкин. Полез за Аликом, да сам с крыши грохнулся.

Попало ребятам.

И всё-таки лучше шпиона, чем Алик, не найти.

Кстати, он никак не мог научиться правильно произносить слова с приставками «пре» и «пере». У него получалось:

— Я пер-прыгнул.

— Я пер-пугался.

— Я пер-бежал.

— Я пер-нёс.

Значит, можно было считать, что Алик говорит на иностранном языке.

Всем было ясно, кто и на этот раз будет шпионом. Однако для видимости решили проголосовать и до того разорались, что Алик крикнул:

— Пер-катите!

Минутку помолчали и опять разорались.

Потом началась драка.

Драка началась из-за того, что Иван обозвал Кольку килькой.

— Какая такая килька? — обиженно спросил Колька.

— Маринованная, — ответил Иван, — или в собственном соусе. Ноль руб пятьдесят коп банка.

— Это я-то килька? — и Колька без лишних разговоров дал Ивану пинка. — Видал кильку?

Кто-то за кого-то заступился, и возник бой.

Главное в драке — не закрывать глаза.

А один друг Ивана — Паша Воробьёв — всегда закрывал и стоял в центре боя, вытянув руки по швам. Ну и доставалось же ему!

Иван любил драться. Он вам не будет разбираться, кто свой, а кто чужой. Ему важно именно драться — машет он руками, а то и ногами во все стороны и даже бодается. И очень часто случалось, что он помогал противнику выиграть сражение, так как бил своих.

На этот раз всё произошло немножко наоборот. Не за-

будьте, что в данной драке совершенно невозможно было разобраться, кому кого надо бить. Но каждый решил: не беда, начнётся бой — видно будет, кто свои, кто враги.

Паша глаза по привычке закрыл, но руки его заработали сами собой.

Свой первый в жизни удар Паша нанёс своему другу — Ивану.

Иван от неожиданности рот раскрыл. А Паша ведь не видит, кого бьёт, и опять — раз ему в то же самое место, то есть в лоб.

Иван до того растерялся, что закричал:

— Своих бьёшь!

А Паша ни остановиться, ни открыть глаза не может: страшно.

Тогда Иван тоже глаза закрыл. Что тут получилось, никакими словами не передать!

Ребята так устали, что драка кончилась сама собой.

Все сели. Говорить никто не мог: кто язык прикусил, у кого губа распухла. И никто не может вспомнить, из-за чего друг друга молотили.

Вдруг откуда ни возьмись — учительница.

— Что у вас здесь происходило? — спросила она.

Алик Соловьёв махнул рукой:

— Пер-дрались все.

А вы знаете, что, когда нужно срочно определить виновника драки, им всегда оказывается тот, кому больше всех досталось. А на сей раз больше всех досталось Ивану.

— Семёнов, после уроков зайдёшь в учительскую, — сказала Анна Антоновна и ушла.

— Так тебе и надо, — сказал Колька, — не будешь человека килькой обзывать. Да ещё ноль руб пятьдесят коп банка.

Иван хотел ответить, но Колька закричал что было силы:

— Кто за то, чтобы Ивана шпионом выбрать, поднимите ноги!

А в это время звонок.

Ребята все — бух на спину и ногами задрыгали. Это у них называлось голосованием.

Так Ивана выбрали шпионом.

Алик Соловьёв сказал:

— Пер-касно.

Тяжёлый разговор

После уроков Иван проговорил мрачно:

— Прощайте, товарищи.

Все молчали, опустив головы: человека в учительскую вызывают — не маленькие, понимаем что к чему.

— Ябедничать я, конечно, не буду, — продолжал Иван, — но учтите, что страдаю я из-за Кольки.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька (так он говорил, когда чего-нибудь не понимал). — Он один раз из-за меня пострадать не может. А сколько раз я из-за

тебя мучился! А? Кто в прошлом году в коридоре во время уроков лаял?

— Иван! — хором ответили ребята.

— А кому попало?

— Тебе!

— Мне! — и Колька ударил себя в грудь. — А кто придумал ручки в пол втыкать?

— Иван!

— А кому попало?

— Тебе!

— Мне! — и Колька так ударил себя в грудь, что ойкнул.

— Сравнил, — презрительно сказал Иван. — Подумаешь, собакой лаял. А тут — драка. Теперь меня как миленького из школы выгонят! — весело закончил он.

— Куда же ты тогда денешься? — спросил Паша.

— Не бойся, не пропаду. В милицию, например, устроюсь. Палку в руку и — пошёл! Раз — грузовик стоп, два...

— Иди-ка лучше в учительскую, — перебил Колька, — там тебе раз-два и стоп.

Ушёл Иван, а ребята загалдели: что делать, если его из школы выгонят!

Иван, подходя к учительской, думал: «Несчастный я человек. Дрались все, отвечать мне. Будет она меня мучить. Говорить начнёт. Мол, драться нельзя. Мол, выгнать тебя надо из школы. И ведь что обидно: не выгонят!»

Четыре раза подряд вздохнув, Иван вошёл в учительскую.

— Жаль мне тебя, — сказала Анна Антоновна, — живёшь ты плохо. Да?

— Плохо. — Иван опять вздохнул. — Не жизнь, а учёба. Мне бы только со школой разделаться, а там я... — Глаза его заблестели. — Да я сразу знаменитым человеком стану!

— Нет, не станешь ты знаменитым человеком, — сказала Анна Антоновна, — ты ведь знаменитый лодырь.

— Ну и что? Я ведь сейчас лодырь, а потом — нет.

— Потом поздно будет. Надо теперь же за ум браться. Жаль, жаль мне тебя, — повторила Анна Антоновна. — Плохо ты живёшь, неинтересно. Подумай над этим. Обязательно подумай. Можешь идти.

— Как?! — поразился Иван.— А насчёт драки?

— Сами разберётесь. Иди и даже не надейся, что бу-

дешь знаменитым человеком. Если, конечно, не исправишься. Никогда лодыри не становились знаменитыми людьми.

— А я буду, — упрямо проговорил Иван. — Да вы знаете, кем я буду? Лунатиком! Первым лунатиком! — И сразу успокоился.

Анна Антоновна рассмеялась.

— Кем? Кем? — сквозь смех переспросила она.

— Лунатиком, — с гордостью ответил Иван. — На Луну полечу. Здоровых ведь будут подбирать.

— Так ведь... так ведь... — смех мешал Анне Антоновне говорить. — Лунатиком!.. Ох... ведь лунатик... это болезнь такая... Кто ею болеет, того и называют лунатиком.

— Да ну? — удивился Иван, но, человек упрямый, добавил твёрдо: — Так я лунатик и есть. Давным-давно болею.

Вышел он из учительской, плечами пожал. Стало ему непонятно отчего грустно.

— Ну? — спросили ребята. — Здорово попало?

— В том-то и дело, что не попало, — ответил Иван. — Но разговор был тяжёлый.

— Тяжёлый? — спросили ребята. — Это как?

— А вот так. Лучше и не спрашивайте. И жизнь у меня тяжёлая, и даже разговоры у меня тяжёлые. Не то что у вас. И ещё она сказала, что я не лодырь, а просто несчастный человек.

— Врёшь!

— Не верите, не надо. И ещё она сказала: будешь ты, Иван Семёнов, знаменитым человеком.

— Да врёшь ты! — возмутился Паша. — Ты же двоечник!

— Ну и что? Она сказала, что все знаменитые люди в детстве были двоечниками.

— А это видал? — спросил Колька, показывая Ивану три пальца, сложенные, сами понимаете, в одну фигуру, названия которой я что-то не припомню.

Иван сжал кулаки.

— Пер-катите! — крикнул Алик. — А то опять пер-дерётесь!

— Тем более, — грозно проговорил Иван, — что я, к вашему сведению, лунатик.

— А это ещё что такое? — с удивлением спросили ребята.

— Болезнь, — важно объяснил Иван. — Страшной си-

лы болезнь. Просто не знаю, что и делать. — И, взглянув на ошеломлённых приятелей, сказал:

— Играть начинаем в двенадцать часов
ноль-ноль минут.
Ещё пожалеете,
что меня шпи
оном выб
рали!

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой описывается игра в шпионов и встреча Ивана с настоящими шпионами, которые оказались ненастоящими

Странный человек в тёмных очках

В двенадцать часов ноль-ноль минут милиционер Егорушкин заметил около клуба речников странного человека в пиджаке с поднятым воротником и в соломенной шляпе. Глаза его прятались за тёмными очками, руки были засунуты в карманы.

В двенадцать часов ноль три минуты милиционер Егорушкин подошёл к нему и спросил:

— Что это ты в таком подозрительном виде разгуливаешь? Да ещё на территории клуба? Да ещё зубы скалишь?

Странный человек ответил хриплым голосом:

— Не понимайт!

Милиционер Егорушкин проговорил сердито:

— Вот доставлю в отделение, сразу поймёшь.

Человек в тёмных очках вытащил из кармана пистолет, прицелился милиционеру в нос, крикнул:

— Бах! Бах!

И бросился наутёк.

— Я тебе дам «Бах! Бах!»! — крикнул Егорушкин. — Ты у меня побахаешь!

Вскоре странный человек появился в продовольственном магазине. Он бросился к прилавку, оскалил зубы и хриплым голосом сказал:

— Биттэ, дриттэ, фрау, мадам, цвай брот, шпиндель!

Продавщица спросила испуганно:

— Чего, чего?

— Р-рюки вверх! — прохрипел человек в тёмных очках. — Гутен так! Драй! Си бемоль! Урна!

Продавщица схватила нож, крикнула:

— Сам руки вверх, шпиндель!

Тогда странный человек вытащил пистолет, прицелился продавщице в нос и:

— Бах! Бах!

И выбежал из магазина.

Шпион убивает деда по прозванию Голова Моя Персона, а дед пытается взять шпиона в плен

Он промчался по улице и через несколько минут был у здания конторы. Там грелся на солнышке дед по прозванию Голова Моя Персона.

Человек в тёмных очках подсел к нему, тяжело дыша.

Дед спросил:

— В шпионов, что ли, играете?

— Не понимайт!

— Я говорю, в шпионов, что ли...

— Р-р-рюки вверх!

Дед послушно поднял обе руки вверх и недовольно пробормотал:

— Посидеть спокойно не дадут. А ежели я тебя самого в плен возьму?

Человек в тёмных очках вытащил пистолет, прицелился деду в бороду и:

— Бах! Бах!

И дед повалился на скамейку. Странный человек от изумления открыл рот. Вы, конечно, догадались, что пистолет у него был деревянный и никак не мог выстрелить по-настоящему.

А дед по прозванию Голова Моя Персона лежал закрыв глаза, не шевелился и только посапывал трубочкой.

— Дедушка, а дедушка, ты притворяешься?

— Ничего я не притворяюсь. Убил ты меня, голова моя персона.

— У-убил?!

— Наповал.

— А почему же ты разговариваешь?

— Вот поговорю немного, трубочку докурю и помру.

— Не умирай, дедушка, миленький!

— Нет, помру, — упрямо повторил дед, — а тебе отвечать, голова моя персона.

Странный человек бросился бежать.

Дед быстро сел, позвал:

— Былхвост!

Из-под скамейки выполз заспанный пёс.

— Усь шпиона!

Пёс по кличке Былхвост в несколько шагов догнал

странного человека, обежал его и отрезал путь к отступлению.

Смешной это был пёс. Засоня, между нами говоря. Просыпался он только для того, чтобы поесть и почесаться. Дед работал сторожем, и ему часто советовали сменить собаку.

— Засоня ведь он, — говорили деду, — проспит всех жуликов.

— Не беспокойтесь, граждане, — отвечал в таких случаях дед, — я его разбужу в один момент, как только жуликов заслышу.

Вот и сейчас Былхвост тут же, на дороге, задремал. Поэтому дед через равные промежутки времени будил его криком:

— Усь!

— Дедушка! — попросил странный человек. — Убери ты своего зверя!

— Не понимайт, — ответил дед и принялся неторопливо набивать свою трубку табаком. — Не так уж часто в нашем посёлке шпионы встречаются. Я вот первый раз встретил. А ежели мы с Былхвостом задержали шпиона, то не отпустим. Отведём его прямо в милицию.

— Отпусти, дедушка!

— Как же я тебя отпущу, когда я убит наповал?

Тогда странный человек зарычал, оскалив зубы.

Пёс проснулся.

Зевнул.

И нехотя зарычал.

Странный человек вытащил пистолет, прицелился в пса, крикнул:

— Бах! Бах!

Пёс зевнул и ответил:

— Гав! Гав!

Странный человек хотел выстрелить ещё раз, прицелился и крикнул:

— Гав!

И вдруг Былхвост начал пятиться всё быстрее и быстрее.

А дед не своим голосом закричал:

— Брысь! Брысь отсюдова!

Странный человек испуганно оглянулся.

Выгнув спину дугой, на Былхвоста двигалось чудовище — чёрное, безухое, трёхногое — бродячий кот Бандюга.

— Беги от него! Беги! — кричал дед.

Поджав остаток хвоста, жалобно взвизгнув, пёс юркнул в подворотню.

Бандюга гордо оглядывался по сторонам и облизывался — будто съел бедного пса целиком.

Странный человек в тёмных очках был свободен. Он показал язык сначала Бандюге, потом — деду, крикнул:

— Гутен так!

И убежал.

Жуткий случай. Иван в опасности

Как вы, конечно, догадались, это был наш знакомый Иван Семёнов — самый несчастный человек на всём белом свете.

Игра началась. Теперь Ивану надо было прятаться, да так, чтобы его не могли найти.

Между нами говоря, глупая игра. Сначала шпион прячется, его ищут. Но — попробуй найди его, если он залезет на чердак или в сарай или дома под кроватью уснёт!

Вот когда ему, шпиону, самому надоест прятаться, его поймают.

Так примерно случилось и с Иваном. Сидел он, сидел на чердаке, захотел есть до того, что начал грызть свой деревянный пистолет. Грыз-грыз — дуло отломилось. Пришлось пистолет выбросить. Иван решил сдаться в плен.

Только спустился он с чердака на лестничную площадку, как услышал голоса ребят.

— Вот это шпион, я понимаю! — кричал Колька Веткин.

Сдаваться в плен сразу расхотелось.

Куда бы спрятаться?

Забраться на чердак не так-то просто: лесенка до пола не доходила — обрывалась в воздухе.

Иван заметался. Вдруг он увидел, что дверь в квартиру № 16 приоткрыта. Иван прошмыгнул туда. Стоял он за дверью еле живой от страха, боялся дыхнуть.

А ребята спорили: залезать им на чердак или нет?

Иван не сдержался и вздохнул, нечаянно дёрнул плечом, и дверь защёлкнулась.

Сначала Иван испугался, потом обрадовался, потом опять испугался.

В квартире было тихо.

На лестничной площадке — тоже: ребята ушли.

Иван попытался открыть дверь, но это ему не удалось: замок был непонятного устройства.

С горя Иван сел на пол и вытянул ноги. Придут хозяева, подумают, что он вор, и посадят его, беднягу, в тюрьму.

Но не это самое страшное. Вдруг хозяева уехали куда-то, и надолго, и Иван умрёт здесь с голоду?

А есть ему хотелось — кота Бандюгу бы сейчас съел — вот как!

Незаметно для себя самого Иван задремал. Во сне он увидел, что будто бы сидит в столовой и ест учебники. Они вкусные-вкусные. Особенно понравилась ему арифметика — с жареным луком и соусом. Как это раньше он не догадался учебники съесть?

Проснулся Иван от звука открываемого замка, стрелой пролетел в комнату и оказался под столом.

Чтобы зубы от страха не лязгали, Иван схватился за нижнюю челюсть руками.

В комнату вошли двое.

— Сразу начнём? — спросил мужской голос.

— Конечно, — ответил второй голос, — времени мало.

И вот что дальше услышал Иван:

— Пистолет на стол! Так... Давно заброшены сюда?

— Два месяца назад.

— Сумели что-нибудь сделать?

— Пока нет.

«ШПИОНЫ!» — пронеслось в голове у Ивана.

Они долго ругались, потом ушли на кухню, и Иван уже не слышал, о чём они говорили. Страх почти исчез. Иван торопливо соображал, что ему делать. И сообразил. Он вылез из-под стола, схватил пистолет и спрятался за дверь. Тяжёлый пистолет оттягивал руку.

Двое вернулись в комнату.

— Хорошо закусили, — сказал один, — можно снова работать. Продолжаем. Итак, вы согласны выполнить это опасное задание?

— Готов.

— Учтите, что, если вы будете схвачены советской разведкой...

— Живым я им не дамся.

Иван стал медленно поднимать руку с пистолетом. «Сосчитаю до семнадцати, — решил он, — и бабахну обоих!»

— Постойте, — услышал он, — а где же пистолет?

— На столе.

— Не вижу.

— Что за чудеса?

«Сосчитаю до тридцати двух, — решил Иван, — и обоих бабахну!»

Почему рассердился милиционер Егорушкин

О милиционере Егорушкине в посёлке вспоминали лишь тогда, когда надо было забрать хулигана или пьяного или поймать воришку.

Если всё в посёлке было спокойно, никто об Егорушкине и не вспоминал. Но только случится какой-нибудь неприятный случай, как все начинают ворчать:

— Куда это Егорушкин смотрит? За что деньги получает?

А он никогда не обижался на людскую несправедливость, потому что был умным человеком.

Казалось, что вывести его из себя нет никакой возможности. Разбушевавшихся хулиганов он усмирял с таким спокойным и брезгливым выражением лица, с каким мы снимаем муху с липучей бумаги.

И вдруг милиционер Егорушкин вышел из себя. Человек, который ночью гнался на мотоцикле за автомашиной, а в ней — трое вооруженных бандитов, сегодня растерялся.

Рассердил его не кто иной, как наш дорогой Иван.

Больше всего на свете Егорушкин ненавидел лодырей: ведь именно из лодырей и вырастают жулики. Конечно, не каждый лодырь становится жуликом, но каждый жулик — это лодырь.

Новая выходка Ивана — тёмные очки, «Не понимайт!», «Бах! Бах!» — рассердила Егорушкина, но он сдержался.

А тут ещё возвращается из магазина жена и рассказывает... А жена Егорушкина — та самая продавщица, в которую Иван бабахал.

— Ну ладно... — сквозь зубы процедил Егорушкин. — Ты у меня ещё узнаешь гутен так, шпиндель!

Руки вверх! Стрелять буду!

Шпионы, в квартире которых оказался Иван, перевернули вверх дном всю комнату в поисках пистолета.

«Сосчитаю до ста сорока трёх, — решил Иван, — и бабахну прямо сквозь дверь!»

А у самого коленки трясутся, зуб на зуб не попадает. Одно дело — шпионов в кино смотреть, другое дело — живых шпионов встретить.

— Что же это такое? — спрашивал один из них. — Я отлично помню, что положил его вот сюда. Я же погибну без него. Сколько раз меня предупреждали... С меня голову снимут.

— Придётся сразу сознаться.

«Значит, сейчас они уйдут, — подумал Иван облегчённо, но сразу же озадаченно нахмурил лоб. — Они уйдут, а как же я подвиг совершать буду? Нетушки, нетушки, должен я героем стать!»

Иван ногой толкнул дверь, выбросил руку с пистолетом вперёд и крикнул:

— Руки вверх! Стрелять буду!

Перед ним стояли двое мужчин: один длинный и старый, другой невысокий, помоложе.

Рука с пистолетом у Ивана дрожала.

— Стреляй, стреляй, — сказал длинный и сел.

— Только целься получше, — посоветовал второй.

Иван нажал на спусковой крючок.

— Бах! Бах! — насмешливо сказал длинный. — Как ты сюда проник?

Иван понял, что дело его плохо, бросился в коридор, рванул дверь и...

Оказался в ванной комнате.

За его спиной скрипнула задвижка и раздался голос:

— Сиди, пока не придёт милиция.

Взглянув на ванну, Иван радостно подумал: «Утоплюсь!» Он закрыл дверь на крючок, отвинтил оба крана.

— Что ты делаешь?! — раздалось за дверью. — Сейчас же открой!

Из одного крана била горячая струя, из другого — холодная. Иван и обрадовался: ведь тонуть в тёплой воде куда приятнее, чем в холодной.

Он начал раздеваться.

А за дверью кричали.

Она содрогалась от ударов.

Иван снял всю одежду, кроме
трусов, и залез в ванну. Едва он
погрузился в тёплую воду, как сразу
раздумал топиться. Дурак он, что ли?
Вот сначала искупается,

а там видно будет. Конечно, лучше, если
он утонет. На похороны соберётся вся шко
ла. Выйдет директор и заревёт. А потом
скажет: — Спи спокойно, дорогой Иван
Семёнов. Прости нас. Это мы виноваты
в твоей смерти. Хоть ты и был ло
дырь, но человек ты был хороший.
И зря мы тебя мучили. Зря не
дали тебе уйти на пенсию...

— Сюда, пожалуйста, товарищ Егорушкин, — услышал Иван и похолодел в тёплой воде.

В дверь постучали.

— Гражданин Семёнов, я требую, чтобы вы открыли дверь! — сказал Егорушкин.

Бесследное исчезновение Ивана

Чтобы вы не очень долго гадали, в чью квартиру попал Иван, я сам расскажу. Здесь жил актёр драматического театра.

Со своим товарищем он репетировал сцену из новой пьесы о шпионах.

Милиционер Егорушкин сорвал дверь с крючка, вошёл в ванную комнату, осмотрелся и...

Ивана
нигде
не было.

Лежала на полу его одежда, а сам он словно растворился в воздухе или сквозь пол провалился.

— Сейчас обнаружим, — спокойно сказал Егорушкин. Но спокойствие его было чисто внешнее, потому что, осмотрев ванную, он ничего не заметил, никаких следов, кроме маленькой лужицы на полу.

— Мистика какая-то, — прошептал один из актёров.

Егорушкин снова заглянул под ванну — пусто. Взглянул вверх — на смывной бачок.

Пожал плечами.

Вдруг все вздрогнули:

где-то рядом
раздался писк.

Егорушкин резко нагнулся, заглянул за ванну и увидел голые пятки.

Он схватил их, потянул.

— О-о-о-о-ой! — нечеловеческим голосом закричал Иван. — Голову-то оторвёте!

— Я же тебя за ноги тащу...

— Ой! Голова застряла...

Тут Егорушкин сказал несколько слов, приводить которые я здесь не буду, так как убеждён, что они вырвались у него случайно. Больше я ни разу таких слов от Егорушкина не слышал, хотя мы бывали с ним в переделках куда опаснее, чем вот эта история.

Вытащить Ивана, застрявшего под прямым углом между ванной и стеной, удалось не сразу.

Ногами он ещё мог пошевелить кое-как, а голова была стиснута.

Сначала Иван от боли подвывал, потом скулил, а потом просто орал благим матом.

Егорушкин сбегал в домоуправление за водопроводчиками.

Они отключили воду, развинтили трубы, отодвинули ванну и — вытащили Ивана.

Тело его было в красных пятнах, в краске и извёстке. Говорить он не мог.

— Э-эх, — вздохнул Егорушкин, — такая огромная голова, а пустая. Придётся тебя, дорогой друг, в больницу.

Иван обрадованно закивал.

— В сумасшедший дом, — уточнил Егорушкин.

— Нетушки, — с трудом выговорил Иван. — Я нормальный. Я есть хочу. Здорово есть хочу.

— Может, накормить его? — спросил один из актёров. — Как-никак нервное потрясение перенёс.

— Кормите, если не жалко, — разрешил Егорушкин, — только пусть оденется.

Иван съел полкилограмма колбасы, полбуханки хлеба, выпил четыре кружки чаю и тут же, сидя, уснул. Даже нахрапывал.

Устал, бедняга!

И чем, вы думаете, всё кончилось?
Да тем, что Егорушкин
отнёс Ивана
к нему домой.
На ру
ках!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой впервые появляется Аделаида, и Иван Семёнов пытается выдать себя за лунатика

Ивану приходит в голову мысль

Милиционер Егорушкин принёс Ивана к нему домой, сдал родителям и сказал:

— Получите вашего обормота. До того нахулиганился, что захрапел.

Иван, конечно, проснулся, но притворился, что спит. Он подождал, пока уйдёт Егорушкин, пока все в квартире уснут, тихонечко прокрался на кухню, поел хорошенько и снова лёг.

И раз
мечтался.
Вот если бы за
один день выучить все
учебники за все классы!
А? Ух, было бы здорово! Про
щай, дорогая школа! Сидит Иван
на выпускном вечере в президиуме, в
самом центре, а выпускают его одного,
Ивана. Играет духовой оркестр. Выходит
директор и говорит: — Товарищи, мы собра
лись сюда для того, чтобы выпустить на свобо
ду из школы нашего лучшего ученика, выдаю
щегося человека нашего посёлка, гордость
нашу — Ивана Семёнова. Всю жизнь ему не везло.
Надо честно сознаться, товарищи, что мы вели се
бя плохо. Не жалели Ивана нисколечко. Мучили
его, воспитывали, заставляли учиться, не забо
тились о его здоровье. Поэтому он и был са
мым несчастным человеком на всём белом
свете. Но он взял себя в руки и соверш
ил небывалый подвиг — за один день

окончил все классы, всю школу.
Да здравствует Иван Семёнов!
Ура! Тут Иван сообразил,
что ведь всё это показы
вают по телевизору.

Была ночь, и никто не услышал его крика.

В окно светила луна.

У Ивана сжалось сердце, когда он подумал: «А вдруг мне не удастся слетать на Луну? Вдруг какой-нибудь Колька Веткин окажется счастливчиком? Или Паша Воробьёв? И уж совсем будет обидно, если я останусь на Земле, а на Луну полетит малявка Алик Соловьёв!.. Нетушки! Я вас всех обскачу. С завтрашнего дня буду отличником — вот увидите. Ведь стоит только мне захотеть, и буду кем угодно!»

И опять размечтался Иван. Представьте себе: получает он сплошные пятёрки. Никто его больше не ругает, не воспитывает. Все смотрят на него с уважением. Идёт он по школе и слышит, как старшеклассники про него говорят:

— Это Иван Семёнов, знаменитый отличник.

Заснул Иван крепко, сладко.

Ивана будут тащить на буксире

Утром был разговор с отцом. (Ну и любят же поговорить эти взрослые! Нет чтоб просто сказать, что вёл ты себя плохо, обормот ты такой, — и всё!)

— Скоро кончишь дурака валять? — спросил отец.

— Скоро.

— А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Больше не будешь?

— Нет.

И ещё минут десять! Так и хочется сказать: «Да что, я маленький, что ли? Не понимаю? Всё я прекрасно по-

нимаю, но не везёт мне. Я бы рад хорошо себя вести, но не получается!»

Вышел Иван на кухню, а там мама спрашивает:

— Скоро кончишь дурака валять?

— Скоро.

— А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Больше не будешь?

— Нет.

И ещё минут десять! И когда в кухне появилась бабушка, Иван затараторил:

— Скоро кончу дурака валять, потому что тебе надоело со мной нянчиться.

Мне стыдно очень.

Больше не буду.

— Ненаглядный ты мой! — воскликнула бабушка. — И всё-то ты понимаешь, бесценный!

Выбежав на улицу, Иван, конечно, тут же забыл обо всём, даже о том, что с сегодняшнего дня решил стать отличником.

Для него идти по улице — всё равно что кино смотреть, а может, ещё и интересней.

Кошку на окошке увидел — «Мяу, мяу» — поздоровался.

Собака мимо бежала — «Гав, гав» ей сказал.

«Кар! Кар!» — ворону передразнил.

Стайку воробьёв разогнал.

Взглядом проводил самолёт и погудел, как мотор.

Попробовал грузовик обогнать.

Девочке подножку подставил.

Все вывески прочитал и ещё складывал их, получалось интересно:

БАКАНОМ
ГАСТРОЛЕЯ

Около парикмахерской в зеркале состроил себе шестьдесят четыре рожицы.

Две старушки беседовали — послушал.

Впереди лейтенант шёл — Иван за ним в ногу кварталов пять прошагал.

И вдруг вспомнил: школа!

Почесал затылок, скомандовал:

— В школу бегом — марш!

Только пятки замелькали. Бежал, бежал, запыхался. Остановился, огляделся и давай хохотать — не в ту ведь сторону бежал!

— Гвардии рядовой Иван Семёнов, обратно шагом марш! Раз, два, левой! Раз, два, левой!

Кошку на окошке увидел — «Мяу, мяу» — поздоровался.

Попробовал грузовик обогнать.

Собака мимо бежала — «Гав, гав!» ей сказал.

Три старушки спорили — послушал.

Около парикмахерской в зеркале сам себе шестнадцать раз кулак показал.

И вдруг весело стало — поплясал немного.

Пришёл в школу усталый, еле дышит.

— Почему опять опоздал? — спрашивает Анна Антоновна. — Проспал?

— Нет.

— А что случилось?

— Ничего.

— Почему же опоздал?

— По улице шёл и... опоздал.

— Все по улице шли, а опоздал только ты. Почему?

— Не знаю.

— Не знаешь, — с укоризной сказала Анна Антоновна. — Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно. — Иван тяжело вздохнул. — Очень стыдно. Всем надоело со мной нянчиться.

Я больше не буду.

— А мы тебе не верим! — крикнул Паша.

— Мы всем классом решили, что тебе необходим буксир, — сказала Анна Антоновна.

— Какой буксир? — удивился и немного испугался Иван.

— Который тебя тащить будет! — крикнул Колька.

— Куда тащить?

— Мы найдём для тебя самого лучшего ученика из четвёртых классов, — объяснила Анна Антоновна. — Он поможет тебе учиться.

— А я и без буксира могу, — с гордостью сказал Иван. — Я ещё вчера решил круглым отличником стать.

Тут раздался такой хохот, что Иван тоже захохотал. И чем громче смеялись ребята, тем громче смеялся Иван.

«Собачья жизнь»

Домой из школы Иван шёл один.

Настроение у него было... охо-хо! Испортилось у него настроение. «Вот всегда так бывает, — размышлял он, — только соберёшься что-нибудь хорошее сделать — помешают. Буксир какой-то выдумали! Будто я сам не могу отличником стать. Ну, дело ваше... Вы этот буксир выдумали, вы и отвечать будете».

— Здорово живём, Семёнов! — окликнул его гревшийся на солнышке дед Голова Моя Персона. — Как жизнь шпионская?

Хотел Иван с горя мимо пройти, но вспомнил, что дед — мастер рассказывать разные истории, и присел рядом.

— Что смурый такой? — продолжал расспрашивать дед. — Двоечки мучают? У меня вот тоже беда. Можно сказать, несчастный случай. Надо нам с Былхвостом работу менять. Уж где только мы с ним ни работали, и отовсюду я из-за него уходил.

— А почему, дедушка?

— Друг он мой. Не важно, что пёс, а важно, что друг. Не могу я его бросить. А его отовсюду вежливо просят удалиться. Собачья у него жизнь! Характер у него уж больно невозможный. Вредный, я бы сказал. С виду пёс смирный, а засоня и лодырь. А вдруг вот найдёт на него... ужас! Вот в кинотеатре мы с ним работали. Красота! Днём сплю, вечером кино смотрю, ночью дежурю, караулю. Так этот пёс, будь он неладен, вдруг решил тоже в кино ходить. Пролезет в зал, полсеанса сидит смирно, а потом как начнёт лаять! Все с мест повскакивают, крики, а он от криков совсем одуреет и под стульями носится. Ну, привяжу я его на верёвку, а он скулит, прощения просит. «Дай,— говорю, — честное собачье слово, что больше не будешь». Он мордой кивает. Отвяжу я его. И опять старая история. Пришлось нам другую работу искать. Приняли нас в аптеку. Тоже красота! А там ночью дежурная

старушка сидела. Кому ночью лекарство потребуется, тот постучит, старушка проснётся и выдаст лекарство. Удобно. И кто это пса научил в окно стучать? Ума не приложу. Подойдёт он к окну и лапой стук-стук. Старушка просыпается, бежит открывать, а на крыльце Былхвост сидит. И ещё улыбается, дурак. Терпела старушка, терпела и заявила начальству: «Или я, или пёс!..» Пошли мы новую работу искать. Вот в эту контору устроились... — дед махнул рукой и замолчал.

— Ну и что, дедушка?

— Ох... Даже и говорить страшно. Думается мне, что Былхвост лунатиком сделался.

— Лунатиком? — оживился Иван. — Это как?

— А вот как. Ночь. Тьма кромешная. Бывало, друг мой храпит вовсю. Пока есть не захочет. Или блоха ему в ухо не заскочит. А сейчас ни с того ни с сего встанет и — пошёл! Прямо! А глаза закрыты! Спит! — в ужасе крикнул дед. — Стоя спит! На ходу! Лунатик!.. Вот какие дела, голова моя персона.

— Так пусть он себе гуляет, дедушка.

— А вдруг его на крышу потянет? Лунатики, говорят, даже по проводам ходят. С крыши на крышу перескакивают.

— А почему их лунатиками называют?

— Так ведь без луны-то лунатиков не бывает, — ответил дед. — Тут всё дело в луне. Она на них действует.

Ивану эта болезнь понравилась. Только не знал он, как ею заболеть.

Задумался.

И — придумал.

«Вот это буксир!»

После звонка с последнего урока Анна Антоновна задержала весь класс.

— Сейчас придёт... — сказала она.

— Буксир! — крикнул Колька Веткин.

Приоткрылась дверь, и раздался голос:

— Можно?

— Входи, входи, — пригласила Анна Антоновна.

В класс вошла девочка.

— Буксир! — закричал Колька Веткин. — Вот это бук-

сир, я понимаю! — И захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Но больше никто не рассмеялся.

Иван втянул свою большую голову в плечи.

Дело в том, что если бы эта девочка родилась мальчиком, то из неё (то есть из него) получился бы борец или боксёр самого тяжёлого веса. Эта четвероклассница ростом была как семиклассница, а может быть, и больше.

Звали её Аделаида.

Дочь крокодила

Стоял на улице киоск с вывеской «Мороженое». В киоске сидела тётя. Один зуб у тёти был не простой, а золотой. Когда на него попадал солнечный луч, зуб сверкал, как прожектор.

Ребята говорили, что раньше на месте этого зуба у тёти рос клык. Потом его кто-то выбил или он сам выпал, и она вставила себе золото.

Конечно, к взрослым надо относиться с уважением. Взрослые — это, в общем, неплохие люди. Но у них есть один недостаток: они часто забывают, что в своё время сами были маленькими. Они забыли, например, что внутри каждого мальчишки вставлен моторчик. И этот моторчик вырабатывает так много энергии, что если мальчишка посидит спокойно больше, чем семнадцать минут, то может взорваться. Поэтому и приходится бегать сломя голову, драться, кусаться, обзываться — только бы не взорваться!

Бывают среди взрослых и плохие люди, даже очень плохие. Это я вам говорю по секрету, и вы уж меня, пожалуйста, не выдавайте. Подрастёте — сами увидите, что я прав.

Сейчас же разговор идёт только о тёте с золотым зубом.

Паша Воробьёв назвал её однажды крокодилом.

— Какой же она крокодил? — удивился Колька Веткин. — Крокодил — это он. А она — это она.

— Значит, крокодил женского рода, — заключил Паша.

Так тётю и стали звать.

Почему же к ней такое отношение?

Попросту говоря, тётя эта была страшная злюка. Если бы разрешили есть людей, то она в первый же день съела бы человек пять. Ох и злая была!

Мороженое стоит одиннадцать копеек, а вам дома дали двенадцать — гривенник и двоечку.

Вы бегом к киоску.

— Дайте мороженку!

Глаза у тёти округляются, лицо наливается красной краской, и тётя кричит на весь посёлок нечеловеческим голосом:

— Нету сдачи!

И тут вы хоть головой о киоск бейтесь, мороженки вы не получите. Ни за что.

И даже если вы сбегаете в ближайший магазин и разменяете деньги, и принесёте тёте ровно одиннадцать копеек, то не думайте, что мороженка у вас в руках. Как бы не так!

Вполне может случиться, что тётя в это время жуёт. И на все ваши просьбы она будет кричать нечеловеческим голосом:

— У меня обед! Все люди едят, а мне нельзя?! — И ещё кулаком погрозит.

А жевать она может долго. Скопится огромная очередь, а тётя жуёт и жуёт.

Наконец всё съела. Так вы думаете, что теперь получите мороженку? Вряд ли. Тётя крикнет:

— Пить захотела!

И сколько бы вы её ни просили продать вам мороженку, тётя будет кричать, поблёскивая золотым зубом:

— Все люди пьют, а мне нельзя?! — И ещё кулаком погрозит.

И уйдёт на другой конец посёлка к другому киоску, где торгуют газированной водой. Пьёт тётя медленно и не меньше семи стаканов.

Я бы не стал о ней рассказывать, если бы у неё не было дочери по имени Аделаида.

Страшное условие

Вот кто она была, эта девочка, из который получился бы боксёр или борец самого тяжёлого веса, если бы она родилась мальчиком.

И у неё тоже был золотой зуб на том же месте, что и у мамаши, и он тоже сверкал, как прожектор, когда на него попадал солнечный луч.

Итак, Колька крикнул:

— Вот это буксир, я понимаю! — И захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Как вы помните, больше никто не рассмеялся.

Аделаида взглянула на Кольку и сказала:

— Плохо будет тому, кто обзовёт меня хоть ещё один раз.

И все поняли, что обзывать её просто опасно: это вам не малявка Алик Соловьёв.

— Который? — спросила Аделаида.

Все повернули головы в сторону Ивана.

— Я, — еле живой от стыда и страха, ответил он.

— Ну как? — спросила Анна Антоновна. — Согласна взять его на буксир?

— Согласна. С одним условием.

— Каким условием? — хором спросил класс.

— Чтобы он не жаловался, — ответила Аделаида.

Иван спросил тихо:

— А чего мне жаловаться-то?

— А я стукнуть могу, — объяснила Аделаида, и её золотой зуб сверкнул, как прожектор. — Характер у меня страшный. Разозлюсь — и стукну.

Тут Иван совсем растерялся и проговорил:

— Я бы тебе тоже стукнул, но с девчонками драться нельзя.

— Правильно, — согласилась Аделаида, — потому что они слабее. А со мной можно. Я сильная. Но предупреждаю: драться со мной очень опасно.

— Почему? — хором изумился класс.

— Я силы рассчитывать не умею, — сказала Аделаида, — так стукнуть могу... — она тяжело вздохнула.

— Как? — опять спросил класс.

— А так... — Аделаида показала свой большущий кулак. — Видите? Раз — и вызывайте скорую помощь.

Класс притих.

И никто не замечал, как улыбалась Анна Антоновна.

— Я не согласен, — дрожащим голосом пробормотал Иван. — Это что же получается? Буксир обязан тащить, а не бить.

— А я и не собираюсь тебя бить, — сказала Аделаида. — Если ты меня слушаться будешь, зачем мне тебя бить?

— Значит, договорились, — сказала Анна Антоновна.

Иван выдаёт себя за лунатика

Впереди, боязливо втянув голову в плечи, шёл Иван.

За ним широко и тяжело шагала Аделаида.

А на некотором от неё расстоянии стайкой семенили ребята.

Вдруг Иван резко остановился, обернулся и радостно закричал:

— Больной ведь я!

Подошли ребята. Аделаида спросила:

— Чем ты болен?·

— Лунатик я, — гордо ответил Иван. — Ночами-то я не сплю. По крышам гуляю, по столбам прыгаю, по проводам хожу. Устану, не высплюсь — какая тут может быть учёба?

Ребята смотрели на него с удивлением.

— А почему тогда не лечишься? — спросил Колька.

— Лечусь, да ничего не помогает.

— А не врёшь? — спросила Аделаида.

— Можете проверить, — ответил Иван, — пожалуйста, в любую ночь выходите и проверяйте.

Ребята восторженно загалдели.

— Тише, мелюзга! — прикрикнула Аделаида. — Проверим лунатика. Когда по крышам ходишь?

— Ну... часов так с двенадцати до... до самого утра! Иногда вы уже в школу идёте, а я всё ещё по крышам скок-скок.

— А где?

— А везде. Сначала на нашу крышу влезаю. Потом прыг-прыг до клуба. Потом по проводам, по столбам!

— И не падаешь?

— Могу и упасть. Тогда уж смерть. — Иван подмигнул притихшим ребятам.— Очень серьёзная болезнь.

— Вот это болезнь, я понимаю! — с завистью прошептал Колька. — А как тебе заболеть удалось?

— Не помню.

— А если тебя верёвками на ночь связывать? — спросил Паша.

— Пробовали. Но я любую верёвку раз — и пошёл дальше.

— А цепью если?

— То же самое получается.

— Ладно, ладно,— грозно проговорила Аделаида, сверкнув золотым зубом. — Всю ночь буду за тобой смотреть. И если ты наврал... — она погрозила большущим кулаком.

— Пожалуйста, смотри, проверяй сколько тебе угодно, — храбрился Иван. — Но учти: болезнь заразная. Тут один за мной подглядывал, так теперь ночами вместе со мной по крышам скачет. Понятно?

— Никаких болезней я не боюсь, — спокойно произнесла Аделаида. — Я очень здоровая.

— Моё дело — предупредить, — упавшим голосом пробормотал Иван.

— А моё дело... — Аделаида опять погрозила ему своим большущим кулаком.

И когда она скрылась за углом, Иван сквозь зубы процедил:

— Как бы я тебя на буксир не взял,
крокодильская
ты дочь!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,
в которой описываются события одной ночи, а также подготовка к ней

Лунатик тренируется и чудом спасается от гибели

Если вы думаете, что Иван струсил, то ошибаетесь. Конечно, ему было не по себе; конечно, он побаивался, но отступать не собирался.

Он сидел на крыше и размышлял: «Жалко, если навернусь головой вниз. Реветь все будут, сто раз пожалеют, что такого человека погубили. Судить ведь всех будут! Ну ладно, так и быть — постараюсь не упасть. Придётся для этого потренироваться».

Сказано — сделано: Иван начал тренировку.

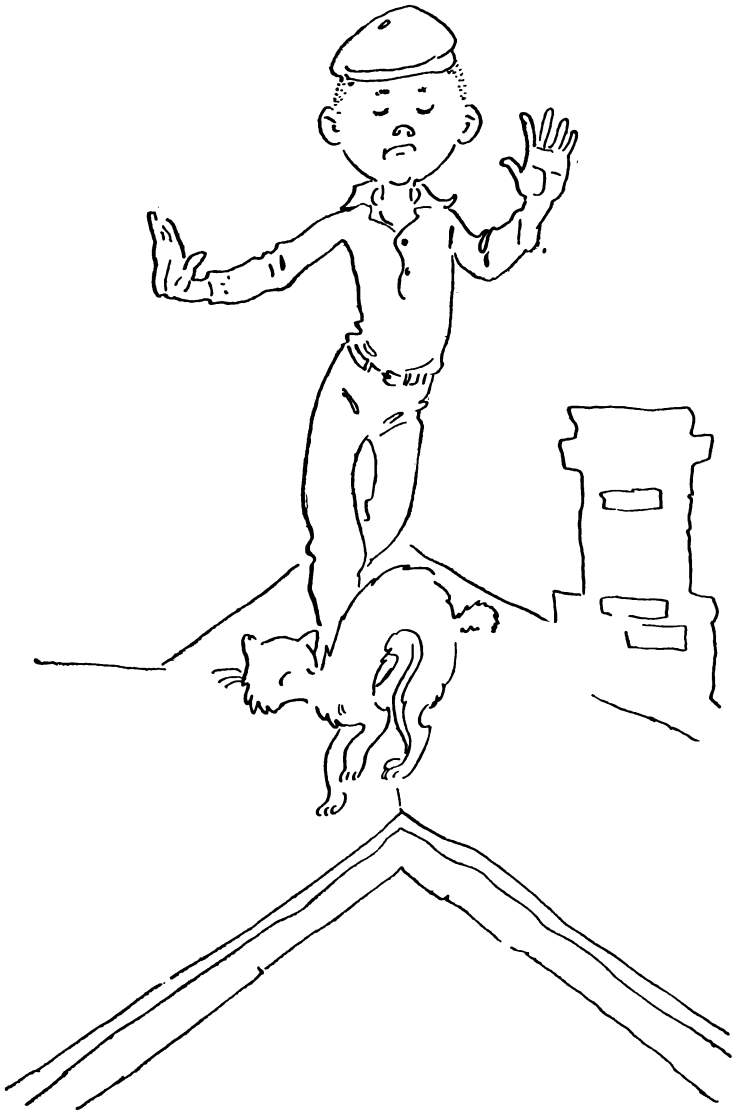
Он пошёл по гребню крыши. Дом трёхэтажный, не очень и высоко, но коленки трясутся.

Но если решил стать лунатиком — вперёд!

Балансируя руками, Иван осторожно переставлял ноги. Глаза у него были закрыты — как будто бы кругом ночь.

Вдруг он услышал глухой хриплый рёв, и в ноги ему ударилось что-то тяжёлое и упругое. Иван полетел вниз.

На мгновение открыл глаза — навстречу ему стремительно опрокидывалась земля. Всё перевернулось.



Он зажмурился.

Иван катился вниз по крыше, руками нащупывая, за что бы зацепиться.

Пальцы его вцепились в водосточный жёлоб.

Руки от усилий онемели. Он не мог ими пошевелить. Ногами он шевелить боялся: казалось, одно движение, и он соскользнёт с крыши.

И даже лежать неподвижно и то было страшно.

«Да-а, — пронеслось в голове, — ещё бы немного, и одним будущим отличником стало бы меньше».

Поднявшись на четвереньки, он вернулся на гребень крыши и сел. И тут-то увидел виновника своего падения, которое едва не кончилось гибелью, — кота Бандюгу.

Кот сидел на трубе и ехидно улыбался.

— Дурак! — крикнул ему Иван. — Ты соображаешь или нет?

— Ма-а-а, — ответил Бандюга.

— Ма-а-а, — передразнил его Иван. — Балбес! Был бы у тебя хвост, я бы тебя за него — и с крыши!

Бандюга показал ему язык, отвернулся и помахал обрубком хвоста.

«А вдруг он меня ночью так же? — испуганно подумал Иван. — Тогда — всё. Надо поймать его и спрятать».

— Бандюжечка, миленький, — позвал Иван ласково. — Бандитик ты мой дорогой. Ну иди сюда, разбойничек.

— Ма-а! — ответил кот, даже не посмотрев в его сторону.

— Золотой мой, бесхвостенький, иди сюда!

Но недаром кота звали Бандюгой: хорошего к себе отношения он не признавал.

— Иди сюда, а то получишь, бесхвостая твоя натура! — закричал Иван.

И тогда кот подошёл.

Загремела крыша и загудела, когда Иван бросился на Бандюгу и придавил его к железу.

— Ма-а-а-а-а!

— Два-а-а-а-а-а!

Куда же его спрятать?

Поединок на чердаке

Справиться с этим ужасным котом не было никакой возможности. Он орал, будто раненый тигр, кусался и царапался.

До того оба устали, что умолкли.

— Дурак ты, — тяжело дыша, сказал Иван, — чего ты? Я тебя накормлю, бай-бай уложу, а сам лунатить пойду.

Бандюга закрыл глаза и утих. Но Иван знал его подлый характер и рук не разжимал. Так они и сидели на чердаке, пока не отдышались.

Казалось, Бандюга совсем успокоился, но едва Иван поднялся, как кот снова обезумел. Опять он орал, кусался и царапался.

И — вырвался!

С победным рёвом кот ринулся вниз, в отверстие, к которому была приставлена лестница.

По дороге он сбил с ног маленькую девочку. Иван девочку не заметил, запнулся об неё и полетел кувырком, считая головой ступеньки.

Стук!

Стук!

Стук!

Стук!

Другой бы на его месте тут же умер. Но Иван столько раз в жизни падал и ударялся о твёрдые предметы, что для него подобный полёт — ерунда. Встал он, шмыгнул носом, почесал ушибленные места и — побежал дальше.

Бегал он за Бандюгой до позднего вечера, вернулся домой еле живой от усталости, поел хорошенько и лёг отдохнуть.

Впереди была трудная ночь.

Луна была большая и яркая

Предстояло сложное дело: надо было улечься спать, в двенадцать часов незаметно выскользнуть из квартиры, походить по крыше и так же незаметно вернуться домой.

Но Иван всё продумал до мелочей и лежал себе, с трудом отгоняя сон.

Куда сложнее было уйти из дому Аделаиде. Мамаша её до смерти боялась жуликов. Поэтому во дворе на здоровенной цепи сидел здоровенный пёс, а на двери было три висячих и четыре врезных замка, две щеколды да ещё цепочка.

Окна закрывались ставнями, а ставни — замками.

Но Аделаида твёрдо решила сбежать.

Но как выскользнуть из дома, в котором даже окна закрываются на замки?

Мамаша Аделаиды в этот вечер так ругалась с покупателями, что еле дошла до дому, хриплым голосом попросила пить, выпила семь стаканов квасу и легла. И сразу заснула.

Около двенадцати часов ночи Аделаида уже была в условленном месте — на скамейке под огромной липой напротив клуба.

Сюда пришли ещё трое: Паша Воробьёв, Колька Веткин, и — совершенно неожиданно! — Алик Соловьёв.

— Мама с папой уехали в дом отдыха, — сказал он, — я остался с бабушкой. А бабушку я легко пер-хитрил.

А Паша и Колька придумали так: соврали, что будто ночуют друг у друга.

— Смотреть в оба! — приказала Аделаида, и в лунном свете золотой зуб её грозно поблёскивал.

Луна была большая и яркая.

Смотрели ребята, смотрели на пустые крыши, заскучали.

— А это правда, что ты его бить будешь? — спросил Алик.

— А это от него зависит, — ответила Аделаида.

Мимо прошёл дед Голова Моя Персона с Былхвостом.

— Отведу я тебя, дурака, в больницу, — донеслось до ребят, — там тебе дадут жизни. Сто уколов как получишь, так взвоешь. Пожалеешь, что не слушался меня.

Вот уже и прохожих больше не было.

Ни одного огонька не светилось в окнах.

Алик уснул сидя и во сне сладко причмокивал губами.

Паша толкал его в бок, чтобы самому не заснуть.

Сияла огромная луна, будто дразнила незадачливых наблюдателей.

— Лунатик несчастный, — прошептала Аделаида, — получишь ты у меня...

— Я спать хочу... — жалобно протянул Паша.

— Сахара, сахара, сахара! — во сне крикнул Алик.

— А шоколада не хочешь? — рассердилась Аделаида. — Скоро пойдём по домам.

— По каким домам? — чуть не плача, спросил Паша. — Я ведь у него ночую, — он показал на спящего Кольку, — а он у меня. А мы оба на улице.

— Пер-станьте! — во сне крикнул Алик, вскочил, побежал, упал и заревел что было сил.

Колька спросонья тоже закричал:

— Лампочки держите!

А Паша с испугу запел:

— Не кочегары мы, не плотники!

И тут Аделаида доказала, что если бы она родилась мальчиком, то стала бы боксёром или борцом. Она стукнула Кольку по затылку и приказала:

— Цыц!

Она схватила Алика за шиворот, поставила на ноги и приказала:

— Цыц!

Паша с перепугу приказал сам себе:

— Цыц! — И замер, вытянув руки по швам, пятки вместе, носки врозь.

— То-то, — сказала Аделаида, — мелюзга несчастная. Пойдёте ночевать к Алику.

— Бабушка утром пер-пугается.

— Ничего. Марш домой!

— А ты? — спросил Колька.

— Буду продолжать наблюдение.

Ребята ушли.

Луна-то была. А никакого лунатика не было...

Ну и ночка!

Иван в это время спал самым, как сказал бы Алик Соловьёв, пер-спокойным образом. И спал Иван потому, что устал. А устал Иван потому, что за Бандюгой гонялся. А гонялся он за Бандюгой потому, что хотел его спрятать. А спрятать его он хотел потому, что Бандюга мог помешать ему лунатить.

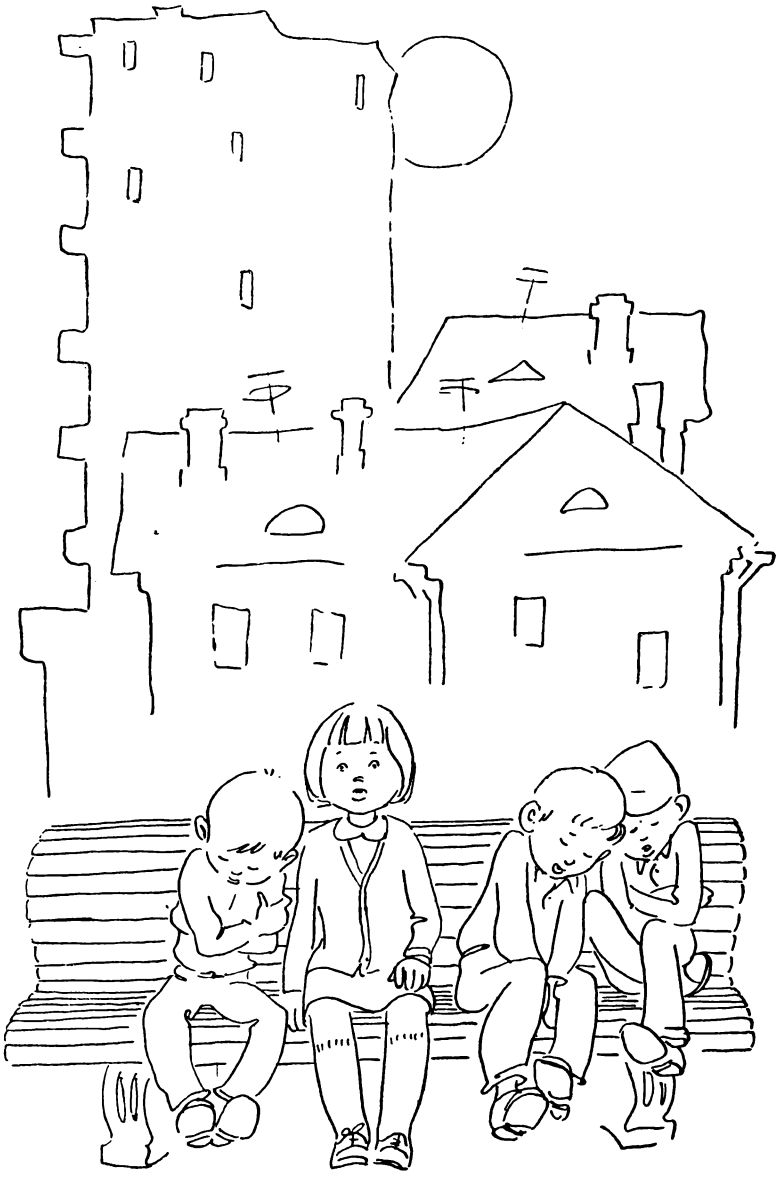
Устал Иван, лёг отдохнуть да и уснул до утра.

Аделаида знала, что никакой он не лунатик и что вообще всё это выдумки. Спорить же с Иваном бесполезно: он кого угодно переговорит и наврёт столько, что не разберёшь.

Вот и надо было его уличить.

Поэтому Аделаида и сидела на скамейке под огромной липой напротив клуба. Глаза сами собой закрывались.

Вдруг она вздрогнула и едва не вскрикнула.



Прямо на неё шёл пёс. Поймите, не просто шёл, а прямо на неё.

Аделаида не шевелилась.

Пёс ткнулся влажным носом в её колени и замер с закрытыми глазами.

Из-за угла клуба появились две фигуры и направились прямо к Аделаиде.

Впереди шагал милиционер Егорушкин, за ним вприпрыжку торопился дед Голова Моя Персона.

«Попалась, — подумала Аделаида. — Теперь мне попадёт! Да ещё как!»

— Вот он, лунатик! — обрадованно закричал дед. — Былхвост!

— А это что за особа? — удивлённо спросил Егорушкин, направляя луч электрического фонарика на девочку. — Что ты здесь делаешь?

— Лунатика караулю.

— Какого ещё лунатика?

И Аделаида рассказала о том, как её попросили взять Ивана Семёнова на буксир и что из этого вышло.

— Эх, сколь лунатиков-то развелось! — воскликнул дед.

Откуда-то донеслись не то крики, не то плач...

Все прислушались.

— За мной! — приказал Егорушкин.

Выбежав за угол, они увидели Пашу, Кольку и Алика, которые брели, спотыкаясь, по улице и ревели.

Увидев милиционера, ребята умолкли.

Оказалось, что бабушка Алика была глуховатой и они не могли ни достучаться, ни дозвониться.

— Ну и ночка! — сказал Егорушкин. — Придётся всех вас за нарушение общественного порядка отвести в отделение и составить протокол.

— Не надо-о-о!

— А что мне с вами делать прикажете?

— Иван во всём виноват, — прохныкал Колька, — из-за него... вот его и отводите... вот на него протокол и составляйте...

— Виновата я, — сказала Аделаида, — я здесь старшая.

— Граждане! — воскликнул дед. — Спросите меня, кто виноват, отвечу! Спрашивайте!

— Кто виноват? — спросил Егорушкин.

— Я! — гордо ответил дед. — Это я, голова моя пер-

сона, про лунатиков Ивану рассказал. Значит, надоумил его. Готов понести заслуженное наказание.

— Сейчас надо решить, куда эту мелюзгу спровадить, — озабоченно проговорил Егорушкин. — Уж вы меня извините, а придётся родителей будить.

Когда все разошлись под громкие вопли ребят, дед сказал:

— Идём, Былхвост, на дежурство. И не вздумай больше лунатика из себя строить. Кончилось моё терпение. Понял? И милиция вашим братом, лунатиком, заинтересовалась. Делай выводы.

...Утром Иван пришёл в школу чуть ли не первым.

Утром

Вернее, не пришёл, а прибежал.

Он трусил. Очень. Даже стыдился немного. Он понимал, что теперь никто ему не поверит, сколько ни сочиняй про свою страшную болезнь. Невезучий он человек — что поделаешь? Не нарочно же он проспал.

Одна только и была надежда, что Аделаида тоже проспала.

Тут она и подошла. И с нею ребята.

— Вчера я себя прекрасно чувствовал, — сказал Иван. — Пилюль много съел. Да таблеток ещё разных. Помогло. Всю ночь спал. Впервые за много лет. А вы?

— А мы ночью дежурили, — ответила Аделаида, — с товарищем Егорушкиным.

— А также с псом Былхвостом, — добавил Паша, — он тоже лунатик. Вроде тебя.

— Врун и хвастун, — сказала Аделаида. — Из-за тебя им дома знаешь как попало?

Ребята громко вздохнули.

— После уроков останешься, — приказала Аделаида, — начнём!

У Ивана мороз по коже пробежал.

— И правильно! — воскликнул Иван. — Ещё мало попало! Да я бы вас всех за такое безобразие в милицию забрал! Суток на семьдесят!

— За какое такое безобразие?! — поразился Колька Веткин.

— Пер-путал ты что-то, — сказал Алик Соловьёв. — Это пер-ступников в милицию забирают.

— А, может быть, вы и есть преступники во главе вот с этой особой. — Иван показал на Аделаиду. — Зачем к человеку пристали? — крикнул он. — Почему человеку нормально жить не даёте? Почему даже ночью ему от вас покоя нет?!

— Так ведь мы... — пробормотал Паша Воробьёв. — Так ведь мы ему помочь хотели!

— Не нужна ему ваша помощь ни капельки! — сказал Иван, отвернувшись. — Он жить по-человечески хочет!

Ему ночью спать надо,
а вы хотите, чтоб он
по крышам скакал
да по проводам
бегал! Не
выйдет!

ГЛАВА ПЯТАЯ,
писать которую автору очень не хотелось, потому что в ней Иван Семёнов снова совершает ряд плохих поступков, начинает драку с Аделаидой, терпит поражение и... выступает по телевидению

Аделаида наносит первый удар

После уроков Аделаида поймала Ивана уже во дворе школы за руку и привела обратно в класс.

— Не могу я сейчас заниматься, — жалобно сказал Иван, — есть я хочу. Когда я голодный, то могу в любой момент хлоп на пол. Обморок.

— А если поешь?

— Тогда всё в порядке. Могу хоть целый час заниматься.

Аделаида достала из портфеля свёрток, развернула — шесть бутербродов с маслом и колбасой.

«Ух ты, крокодильская дочь! — подумал Иван. — Вот свалилась на мою бедную голову!»

— Ешь, — грозно проговорила Аделаида, — лодырь несчастный. Лунатик заспанный.

— А ты паровоз бесколёсный.

— А ты... — но она сдержалась, иначе бы они разругались, и предложила: — Ешь на здоровье.

Чего-чего, а есть Иван любил и умел. И если бы за это умение давали звания, то Иван был бы примерно подполковником, так что бутерброды он уничтожил быстренько.

— Наелся?

— Спасибо. Ни капельки. Придётся домой идти.

— Сначала выучишь уроки.

— Не могу. Учти: не не хочу, а не мо-гу.

— Можешь.

Иван почувствовал, что сердце его замирает от страха, но проговорил громко и отчётливо:

— Не мо-гу! Не мо-гу! Не мо-гу!

Аделаида крикнула:

— Можешь!

И — трах! — кулаком по столу.

Понимал Иван, что если сейчас отступит, то потом будет ещё труднее. И, закрыв от страха глаза, он крикнул:

— Не могу и не желаю!

Тишина.

Иван открыл один глаз и у самого носа увидел большущий кулак.

— Последний раз предупреждаю, — сквозь зубы произнесла Аделаида, — если ты сейчас же не станешь учить уроки, я за себя не отвечаю. Так стукну, что живым отсюда не уйдёшь!

— Ой-ой!—вскрикнул Иван и дёрнулся всем телом.— Ох! Ох! — И снова дёрнулся, ещё сильнее. — Ух! Ух! — И объяснил: — Началось. Сейчас меня часа три дёргать будет. Ох! Ох!

— Бух!— крикнула Аделаида и нанесла ему здоровенный удар по шее.

Иван стукнулся о стену так, что задребезжали стёкла

в окне. Он лежал на полу и думал: «Ну что, крокодилова дочь? Попало тебе? Испугалась? Не знаешь, что и делать? А я лежу себе на здоровье».

— Ну как? — спросила Аделаида. — Живой?

— Живой-то живой, — ответил Иван, — но голова-то совершенно не работает. Что-то в ней треснуло.

— Склеим потом. Вставай.

— Не могу.

Взяла его Аделаида за шиворот, подняла, спросила:

— Ещё стукнуть?

Иван подумал и ответил:

— По-моему, не надо.

— Я тоже так считаю. Садись. Давай тетради, учебники, ручку. Что по арифметике задали?

— Вот этого я не помню.

— Зато я помню. Упражнение сорок третье. Приготовились. Начали.

«И откуда ты свалилась на мою голову? — с тоской подумал Иван. — Хоть бы ты заболела, что ли!.. А если Егорушкину на неё пожаловаться? Так, мол, и так, товарищ милиционер, избили средь бела дня. В голове трещина. Судить таких надо!»

— Ты же совсем не слушаешь меня! — рассердилась Аделаида. — А ну слушай!

«Слушаю, слушаю, — насмешливо думал Иван. — Вот вызовут тебя в милицию, послушаешь». А вслух сказал:

— Не забыть бы мне сегодня в милицию зайти. Акт составить. Об избиении. Отвечать тебе придётся.

— За что?

— Так ведь... человека покалечила.

— Ваня! — сказала Аделаида. — Хватит! Ведь перед всем классом договорились, что жаловаться ты не будешь.

— А я и не жаловаться. Чего мне жаловаться? Просто милиция должна о всех хулиганах знать.

— Вань! Встань! — скомандовала Аделаида.

Иван тяжело поднялся, сказал:

— Интересно всё-таки получается. Чуть-чуть человеку голову не расколола, да ещё командует!

— Вот что, — она положила ему на плечо руку. — Хватит. Мальчик ты не глупый. Выдумывать умеешь здорово. Ну чего ты? Скоро кончишь дурака валять?

— Скоро.

— А то ведь всем надоест с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Больше не будешь?

— Не буду! Не буду! Не буду! — крикнул Иван, расхохотался, бросился к окну и — прыг!

Вы-прыг-нул!

Погоня. Снова на краю гибели

Оглядываясь через плечо, Иван видел, что Аделаида бежит за ним ровно, словно не торопясь.

— Куда? Куда? — спросил его сидевший на окне Колька.

И хотя Иван не ответил, Колька спрыгнул с подоконника и помчался следом, на ходу спрашивая:

— А куда? А зачем?

Иван молчал: ему трудно было дышать.

Скоро к ним присоединился Паша.

— Куда?— спросил он, пристраиваясь за Колькой. — Зачем?

— Понятия не имею, — ответил Колька.

— Вы куда? — спросил Алик и, не дождавшись ответа, бросился следом.

Улица кончилась, и они выбежали в поле.

Иван обливался потом.

— Не могу больше! — крикнул Алик и остановился.

— Я тоже! — крикнул Паша и тоже остановился.

— Хватит тебе! — крикнул Колька и остановился. — Отдохни!

Тут Иван споткнулся и плашмя упал в пыль на дорогу. Упал и не вставал. Лежал, вытянув руки и ноги, и не шевелился. Ему было всё равно. Пусть грузовик его давит, пусть лошадь с телегой через него переезжает!

И даже когда подошла Аделаида, он не пошевелился.

— Вставай, — сказала она, — хватит лежать. Полежал и хватит. Ну?

— Не нукай, — ответил Иван. — Видишь, я еле живой. Ноги совершенно отнялись.

— А если машина?

— Пусть.

— Подождём, — сказала Аделаида и села в сторонке.

Подошли ребята и тоже сели.

— Долго лежать будешь? — спросил Паша.

— Сколько надо, столько и буду, — ответил Иван и вздрогнул: впереди по дороге пылила автомашина.

— Пер-едет тебя! — крикнул Алик.

— Задавит! — крикнул Паша.

— Лепёшка из тебя получится! — крикнул Колька.

Иван закусил губы, чтобы зубы не стучали от страха, но не двигался.

— Машине его не объехать, — спокойно сказала Аделаида, — по обеим сторонам канавы.

— Не канавы, а кю...кю...кюветы, — заикаясь, поправил Иван.

— Да что нам с ним делать? — закричал Паша.

— Пер-двинуть его надо в сторону! — крикнул Алик.

Ребята бросились к Ивану, схватили его за ноги и уволокли с дороги в кювет-канаву.

— Ты что, сумасшедший? — спросил Колька. — Не соображаешь?

— Не сумасшедший он, — сказала Аделаида, — а лодырь, каких свет не видал. Лодырь из лодырей. Готов в пыли валяться, только бы уроки не учить. Но учти, — повысила она голос, — я заставлю тебя учить уроки.

— Как бы не так, — ответил из кювета-канавы Иван. — А я виноват, что лодырь? Такой уж я родился.

— Враша ты. Всё выдумываешь, выдумываешь. А вот кем ты вырастешь?

— Кем захочу, тем и вырасту. — Иван тяжело вздохнул. — Я, между прочим, и без тебя отличником могу быть. Если захочу.

— Я не понимаю, — сказал Колька, — ты собираешься вставать или нет? Или мы тут до утра сидеть будем?

— А мне-то что? — Иван вылез из канавы-кювета и сел. — Я лично могу хоть до утра.

— Нет и нет, — глухо проговорила Аделаида. — Сейчас мы пойдём готовить уроки.

У Ивана внутри всё похолодело.

Он вскочил.

— Чего тебе от меня надо? — заикаясь от возмущения, спросил он. — Чего ты ко мне пристала? Чего ты надо

мной издеваешься? Чего ты меня бьёшь? Машина меня из-за тебя чуть-чуть не переехала! В милицию ты захотела?

— Напрасно ты кипятишься, — спокойно ответила Аделаида.— Я вовсе не собиралась тебя бить. Ты сам виноват.

— Я?! Сам?! Виноват?! — поразился Иван. — В чём же это я виноват — интересно мне знать! Я просил тебя сваливаться на мою несчастную голову?

— Меня просила Анна Антоновна и весь ваш класс.

— Но я-то не просил!

— А что с тобой делать? — закричал Паша, вскакивая. — Ведь ты можешь и на третий год во втором классе остаться. Это же позор! Это же безобразие!

— Идём готовить уроки, — твёрдо произнесла Аделаида.

— А ты его бить будешь? — шёпотом спросил Алик.

— Постараюсь не бить, — ответила Аделаида. — Чего мне с ним драться? Слабенький он.

— Слабенький?! Я?! — У Ивана от возмущения кулаки сжались сами собой. — Да ты понимаешь, что ты говоришь?!

— Не кричи, — сказала Аделаида, — успокойся. Тебя по-хорошему просят: идём учить уроки. И через час ты свободен.

Иван молчал.

Коварный замысел Ивана

— Ладно! — Иван махнул рукой и весело сказал: — Идём!

Пошли.

Впереди скакал неожиданно повеселевший Иван, с него летела пыль.

За ним, как милиционер за жуликом, готовая в любой момент схватить его, шагала мрачная Аделаида.

На некотором от неё расстоянии стайкой семенили ребята.

«СБЕГУ!

СБЕГУ!

СБЕГУ! — думал Иван. — Не дам над

собой издеваться. Нашлась какая! Крокодиловская ты доченька — вот ты кто, а не буксир!»

— Только не вздумай бежать, — сказала Аделаида. — Всё равно поймаю.

До самой школы никто больше не сказал ни слова... Остановились у подъезда. Лица у ребят были испуганными.

— А вдруг он опять пер-старается? — спросил Алик.

Аделаида пожала плечами, но золотой зуб её сверкнул, как прожектор.

— Ваня, — позвал Алик, — ты это... ну... пер-терпи... не надо.

— Конечно, не надо, — добавил Паша.

— Уговариваете? — возмутился Колька. — Как маленького? Деточка, выучи уроки? Конфеточку дам? Баю-бай, баю-бай, Ваню маленького бай?

И тут случилось неожиданное: Иван промолчал. Он даже не взглянул на Кольку. Он обдумывал коварный план избавления от Аделаиды.

— Ты не сердись, — пробормотал растерявшийся Колька. — Иди ты, выучи ты эти уроки.

— Ладно, ладно! — весело ответил Иван, подмигнул ребятам и стал подниматься по ступенькам.

Следом двинулась Аделаида.

— Пер-дерутся, — прошептал Алик.

Иван вступает в драку

Они вошли в класс.

— Садись, — сказала Аделаида, — очень прошу тебя: садись.

Иван, ухмыляясь во весь рот, сел, собрал учебники и тетради, сложил их в портфель.

— Ты что! — Аделаида шагнула к нему, но Иван выскочил из-за парты и попятился к окну. — Опять?!

— О-опять! — крикнул Иван. — Очень тебя прошу: отстань. Хуже будет.

— Даю тебе честное пионерское, — громко проговорила Аделаида, — что я от тебя не отстану. Ни за что. Я обязана, я дала слово помочь тебе.

— Обязана, обязана, — передразнил Иван. — Зато я не обязан. Привет, привет и — наших нет!

И — прыг в окно!

Вы-прыг-нул!

Тут же за ним выпрыгнула и Аделаида. С трудом устояв на ногах, она схватила Ивана за руку.

Сколько он ни пытался вырвать руку — не мог.

Ребята хохотали во всё горло.

Тут Иван совершил, пожалуй, самый ужасный поступок за всю свою многотрудную жизнь. Не зная, как вырваться, он укусил Аделаиду за руку.

Аделаида вскрикнула, но руки не выпустила. Тогда Иван цапнул её во второй раз, и посильнее. Затем он бросился головой вперёд, чтобы боднуть Аделаиду в плечо.

А она выпустила его руку и отскочила в сторону.

Иван по всем законам физики полетел вверх тормашками, хотя и не знал пока этих законов.

— Наших бьют! — крикнул Колька, но не двинулся с места.

Бедный Иван лежал на земле лицом вниз. От обиды и бессильной злости ему хотелось расплакаться.

— Предлагаю мир, — сказала Аделаида, — идём учить уроки.

«Притворюсь мёртвым, — решил Иван, — пусть попрыгают. Сто раз пожалеют, что издевались над хорошим человеком. Главное, чтоб крокодилова дочь от меня отвязалась. С остальными я справлюсь... Почему же они молчат?»

Осторожно повернув голову, Иван посмотрел через плечо — никого вокруг не было.

Аделаиды не было.

Кольки не было.

Паши не было.

И даже Алик куда-то исчез.

Обиделся Иван. Друзья называется! Бросили человека лежать, можно сказать, валяться на земле. Может быть, мёртвого! А потом ещё удивляются, что он часто и здорово болеет.

— Ура-а-а-а! — вдруг крикнул Иван, сел, встал на голову, поболтал в воздухе ногами и вскочил. Ведь если они ушли, то, значит, сдалась крокодиловская доченька, отстала! Значит, победил её гвардии рядовой Иван Семёнов!

— Домой шагом марш! — скомандовал он сам себе, подпрыгнул, гоготнул и зашагал.

Первая неожиданность

— А тебя ждут, — такими словами встретила его дома бабушка.

Иван заглянул в комнату и чуть в обморок не упал: за столом сидела Аделаида.

— Проходи, — сказала она, — не стесняйся. Будь как дома.

— Проголодался, бедненький? — спросила бабушка. — Сейчас я тебя кормить буду.

— Ты зачем пришла? — прошептал Иван Аделаиде. — Чего тебе надо?

— Если ты не будешь учить уроки, — ответила Аделаида, — я всё, всё, всё расскажу твоим родителям. И про буксир, и про это, — она показала руку, на которой было два красных пятнышка — следы зубов Ивана.

— Рассказывай сколько хочешь, — Иван неестественно рассмеялся. — Я им тоже про тебя кое-что расскажу. И про то, как ты мне голову чуть-чуть не раскокала, и про всё.

— Договорились.

Бабушка кормила Ивана вкусно и долго. Он столько съел, что еле дышал.

— Ты бы, девочка, шла погуляла, — сказала бабушка, — а Ванечке отдохнуть надо. Полежать. Он у нас слабенький здоровьем. Вот только питанием и поддерживаю.

— Уроки ему учить надо, а не отдыхать. А здоровье у него...

— Выучит, выучит, успеет, — перебила бабушка. — Самое главное — здоровье. Об нём надо заботиться. Иди, иди, девочка, подыши свежим воздухом.

— Погуляй, девочка, погуляй, — ухмыляясь, добавил Иван, — подыши свежим воздухом, подыши.

— Хорошо, — Аделаида встала. — Я пойду гулять и дышать свежим воздухом. А через час вернусь. Будешь делать уроки.

— Вот и правильно, — согласилась бабушка, — часа через два. А ещё лучше — с половиной. Главное — вовремя поспать.

Ох и похохотал Иван, когда Аделаида ушла. Молодец бабушка — не даёт внука в обиду и не даст. Никому и никогда.

Вторая неожиданность

Но почему-то не спалось и настроение было очень неважное.

Иван подошёл к окну и увидел...

Аделаиду!

Она сидела на скамейке. Ивана она не видела, и он погрозил ей кулаком, показал язык и в изнеможении от справедливой злости лёг.

Если она будет тут сидеть, то ему незамеченным не выйти из дома.

Что же придумать?

И хотя Иван считал себя невезучим человеком, на самом деле ему часто везло.

Читайте, что было дальше, и вы убедитесь в этом.

В дверь заглянула бабушка, позвала:

— Ванечка! Не спишь? Тут тебя дядечка какой-то спрашивает. Говорит, что ты сообразительный.

Иван вышел в коридор.

— Не узнаёшь меня? — спросил его высокий дяденька и снял шляпу. — Не помнишь?

— Узнал! Помню! — радостно ответил Иван. — Это я у вас... — И прикусил язык. — Вы артист, который шпионов играет.

— Правильно, — дяденька улыбнулся. — Ты ни разу не выступал по телевидению?

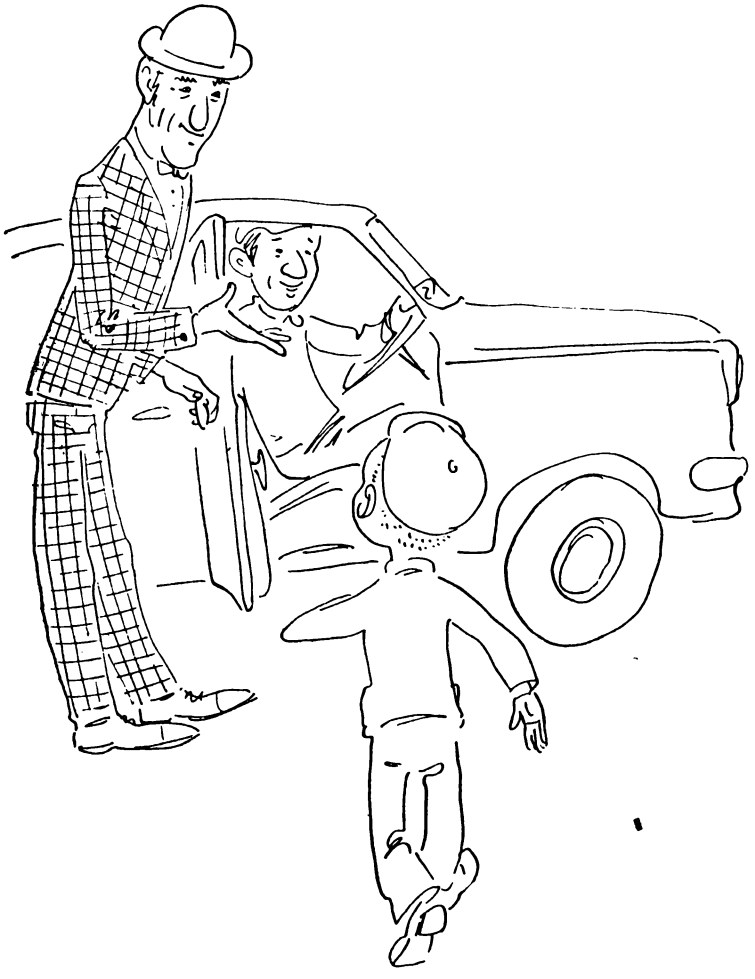
— Нет. А что? — у Ивана дух захватило.

— Понимаешь, через два часа передача, — ответил дяденька, внимательно разглядывая Ивана, — а мальчик, который в ней участвует, неожиданно заболел — охрип. Мне только что позвонили из студии и просили кого-нибудь подыскать для выступления. И я вспомнил о тебе. По-моему, ты мальчик сообразительный, находчивый. Думаю, что у тебя всё получится.

— Конечно, получится, — сказала бабушка. — Он у нас артист. Кого хочешь передразнит.

— Ты ведь во втором классе? — спросил дяденька. — Но это неважно. Ростом ты за четвероклассника сойдёшь. Так поехали репетировать?

— Поехали, поехали! — радостно воскликнула бабушка. — Сейчас я его приодену. Новую рубашку дам, чтоб он красивым был.



И представьте себе такую картину: у подъезда стоит голубая «Волга». Дяденька артист распахивает дверцу, Иван садится на переднее сиденье рядом с шофёром и говорит подбежавшей Аделаиде:

— Еду выступать по телевидению! Привет!

Третья неожиданность

Если вас когда-нибудь пригласят выступать по телевидению, не вздумайте одеваться тепло.

Жара в студии страшная!

На вас направляют всевозможные лампы, много ламп, от которых идёт свет и жар.

Дышать нечем.

Такое впечатление, словно вас накрыли горячей сковородкой.

Иван репетировал с Антоном Сергеевичем (так звали актёра) целый час.

Интересно до чего!

Антон Сергеевич играл роль учителя, а Иван — роль ученика. Он быстро выучил текст наизусть и произносил его без запинки.

И вот началась передача.

Сидит Иван за столом с Антоном Сергеевичем, а на них направлены пушки — телевизионные камеры.

— Некоторые ребята, — говорит Иван, — считают, что учиться можно не то чтобы плохо, а так — средне. Они считают, что можно и без хорошей учёбы стать, например, лётчиком. Эти ребята ошибаются. Первый долг школьника — отличная учёба.

Все вокруг улыбаются, кивают — дескать, молодец гвардии рядовой Иван Семёнов!

И он тоже улыбается: дескать, сам знаю, что молодец.

Но вдруг у него в горле словно сухой комок образовался — мешает говорить.

Испугался Иван. Стал глазами по сторонам водить, будто спрашивая: что это такое со мной творится?

И начал он спотыкаться чуть ли не на каждом слове:

— Все мы... мы... мечтаем о подвигах... Всем нам... нам всем... хочется стать героями... Но кое-кто... то есть кто-кое... нет, кое-кте... из нас, в общем...

— Кое-кто из ребят считает, что героем можно стать случайно? — спросил Антон Сергеевич, чтобы выручить Ивана. — А кто, по-твоему, может совершить подвиг?

— Тот, кто... кто тот... ну... у кого есть воля силы...

— Сила воли? — переспросил Антон Сергеевич.

— Да. И ещё... кто умеет бороться с этими... ну...

— Трудностями?

— Да, — унылым тоном ответил Иван.

— А лодырь может героем стать?

Иван отрицательно покачал головой.

Очень он расстроился, хотя все его поздравляли, хвалили, утешали и нисколько не ругали, что в конце передачи он растерялся и забыл текст.

А ведь он растерялся вовсе не потому, что забыл текст, а потому, что стало ему стыдно, и если бы изображение было цветное, то все бы увидели, как он покраснел. Ведь понимал он, что не имел права играть эту роль!

Но — опять он сидел в голубой «Волге» на переднем сиденье рядом с шофёром.

Было Ивану грустно.

И ещё он чувствовал себя виноватым, только не мог пока сообразить — в чём именно.

А вдруг скажут ребята:

— Лодырь, двоечник, а за кого себя выдавал? Напинать ему, чтоб знал!

Иван вышел из машины, боязливо оглядываясь по сторонам, словно кто-то мог его подкараулить.

И юркнул в подъезд.

Неприятный разговор

Дверь открыла бабушка, звонко чмокнула внука в обе щеки, сказала:

— Молодец ты мой ненаглядный! Настоящий артист!

— Иди-ка, артист, сюда, — позвал отец.

Иван, тяжко вздохнув, прошёл в комнату.

— Может, он сначала поест всё-таки? — обиженно и возмущённо спросила бабушка. — Устал ведь, намучился ведь.

— Поесть он всегда успеет, — ответил отец. — Садись, сын, потолкуем. Ну как? Доволен?

— Нет, — буркнул Иван.

— Почему? Ведь вся область тебя видела и слышала. Вот, думали люди, вот это парень! Не только сам хорошо учится, но и других по телевидению учит!

Кстати, отец Ивана учился хорошо — в вечернем тех-

никуме, а днём работал (тоже хорошо) на машиностроительном заводе токарем.

И мама Ивана тоже училась — в библиотечном техникуме, а днём работала в библиотеке.

— Все учатся, — сказала однажды бабушка, — я только неучёная. Но ничего — тоже вот на курсы какие-нибудь поступлю.

И поступила — на курсы кройки и шитья.

Хуже всех в семье учился Иван.

— Маленький ещё, — объясняла бабушка, — подрастёт, поумнеет и начнёт учиться.

Вот и сегодня отец отчитывал Ивана, а бабушка стояла в коридоре и громко вздыхала.

«Замучают ведь они несчастного ребёнка, — думала она, — искалечат. И ничем ведь на них не угодишь! Только одно и знают — воспитывать да перевоспитывать! А ребёнка жалеть надо, кормить его надо!»

— Когда в следующий раз выступать будешь? — спросил отец.

— Не буду я больше, — пробормотал Иван, — не имею права.

— Теперь можешь есть. Заслужил.

Бабушка кормила внука вкусно и долго.

Бабушка на посту

Иван сидел на окне и со страхом ждал прихода Аделаиды: ведь она обещала поговорить с его родителями и обо всём им рассказать.

А это значит, что опять начнутся разговоры-переговоры, и никому в голову не придёт, что человека не воспитывать, а жалеть надо. Трудно ведь жить человеку, почти невозможно! А его, видите ли, ещё и на буксир... Голову человеку чуть не раскололи. Машина его чуть-чуть не переехала...

Но если вы решили, что Иван растерялся и не знал, что делать, то ошибаетесь. Ему в голову пришла замечательная мысль.

Он бегом к бабушке и пожаловался ей.

— Буксир? — возмутилась бабушка. — Я ей покажу буксир! Иди, внучек мой ненаглядный, спокойно отдыхай.

А если она сюда заявится, я ей... кое-что скажу. Иди, иди, родименький, отдыхай.

То, что бабушка называла отдыхом, а ребята называли б е г а т ь, на самом деле было тяжёлой работой.

После такого отдыха ребята домой возвращались, высунув языки.

Ни рукой, ни ногой пошевелить не могли.

Однако на этот раз Иван не бегал. Он всё время поглядывал, не появилась ли во дворе Аделаида. То и дело приходили ребята из других домов и расспрашивали его о выступлении по телевидению.

Как Ивану хотелось похвастаться и приврать! Рты бы разинули от зависти и удивления!

Ахнули бы!

Но, кажется, впервые в жизни Иван не врал, и ребята уходили немного разочарованными.

«Все люди как люди живут, — горестно размышлял Иван, — один я несчастный. Заболеть бы, что ли, по-настоящему. Чтоб ни руки, ни ноги не двигались. Нет, чтоб одна-то рука работала бы: есть-то всё равно надо. Лежал бы себе, как суслик раненый, и радио бы целыми днями слушал, а вечером — телевизор к твоим услугам. Благодать!»

На скамейке у подъезда с вязаньем в руках сидела бабушка.

Иван знал, что, если бы даже сам директор школы захотел сейчас пожаловаться на него родителям, бабушка бы его не пустила. Больше всего на свете она любила внука и за него была готова идти в бой.

И когда перед ней появилась Аделаида, Иван нисколько не испугался, спрятался за поленницу и издали наблюдал.

Бабушка встала.

Вид у неё был воинственный.

«Сейчас она тебе! — торжествующе подумал Иван. — Крокодиловская ты доченька!»

Но что произошло дальше,
этого никто не ожидал —
ни Иван,
ни ба
буш
ка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой бабушка неожиданно становится одним из главных действующих лиц, а Иван Семёнов совершает героический поступок

Аделаида выясняет обстановку

— Добрый вечер, — сказала Аделаида и улыбнулась.

— Вечер добрый, — сквозь зубы проговорила бабушка, — не знаю, как тебя звать-величать.

— Меня зовут Аделаидой.

— Бывает.

Помолчали, внимательно разглядывая друг друга.

— А где ваш внук? Бегает?

— Может быть. Не твоё это, между прочим, дело.

Опять помолчали, настороженно разглядывая друг друга, словно собираясь бороться.

— А уроки он сделал? — спросила Аделаида.

— А ты кто такая? — спросила бабушка. — Чего тебе тут надо? Зачем пришла? Думаешь, он без тебя с учёбой этой не справится? Я у него буксир, а не ты. Видала, как он по телевизору выступал?

— Видела, видела! — радостно воскликнула Аделаида. — Замечательно выступал!

— Как настоящий артист, — бабушка посмотрела на неё с подозрением. — Просто удивительно.

— Ничего удивительного нет, — осторожно возразила Аделаида, — ведь он очень способный. У него только один недостаток. Вот если бы он...

— Нет у него недостатков! — грозно перебила бабушка.

— Один маленький недостаток.

— Нет.

— Малюсенький недостаточек. Совсем малюсенький.

— Допустим, — нахмурившись, сказала бабушка. — Поспать он любит.

— Не в том беда. Пусть себе спит сколько ему угодно. Плохо то, что очень уж он добрый.

— Это как понимать? — насторожилась бабушка.

— А вот мы решили помочь ему учиться, — стала объяснять Аделаида. — Другой бы на его месте сразу бы согласился: помогайте, пожалуйста, тратьте на меня силы и время! Правда? А он не такой. Ему неудобно беспокоить людей. Он добрый. Вот он от меня и бегает.

— Золотце ты моё! — бабушка всплеснула руками. — Ненаглядная ты моя! Идём, милая, я тебя вареньем накормлю. Оно у меня восьми сортов: клубничное, земляничное, малиновое, брусника с яблоками, крыжовник...

Бабушка и Аделаида скрылись в подъезде.

«Что делать? — испуганно подумал Иван, ничего не понимая. — Враг проник в мой дом. Что делать?»

В голове проносилось решение за решением. А если убежать в другой город? Поступить на работу, стать в вечерней школе отличником, потом — знаменитым человеком?

«Пусть без меня живут, — с болью в сердце думал Иван, — пусть скучают, пусть грустят, пусть слёзки льют».

Он так живо представил себе эту безрадостную картину, что сам чуть не разревелся.

«Нет, нельзя уезжать, — передумал он, — жалко всех. Да и поймают. Сядет Егорушкин на свой мотоцикл и догонит».

Иван обречённо побрёл домой.

На кухне бабушка и Аделаида пили чай. Весь стол был уставлен банками с вареньем.

— А мы уже по третьему стаканчику! — весело сообщила бабушка. — Налить тебе, миленький?

Сидел Иван, без всякого удовольствия пил чай стакан за стаканом, заедая это дело ложками варенья всех сортов, ждал, когда Аделаида заговорит о буксире и прочем, ёрзал на табуретке.

А они разговаривали о варенье.

«Нарочно это она! — думал Иван про Аделаиду. — Любит людей мучить. Но я сбегу! Пусть только заикнётся! Больше тогда она меня и не увидит!»

Допили чай, унесли банки в кладовку.

— Можно ему проводить меня? — спросила Аделаида.

— Конечно, конечно! Какой может быть разговор? — согласилась бабушка. — Он у меня такой вежливый, такой вежливый! Иди, иди, Ванечка...

УО

Иван был согласен на любой позор, даже на то, чтобы его дразнили женихом, лишь бы увести Аделаиду из дома.

Они вышли на улицу. Бабушка долго махала им вслед рукой. Аделаида оборачивалась и махала ей в ответ.

— Хорошая у тебя бабушка, — сказала она, — только балует тебя очень.

— Зачем приходила?

— Выяснить обстановку.

— Какую обстановку?

— Узнать, в каких условиях ты живёшь, — объяснила Аделаида, — как тебя воспитывают.

— Ну и что выяснила?

— Всё. Теперь я знаю, что ты бабушкин сынок. Нянчится она с тобой. Придётся тебе её с собой в армию брать. Ты ведь даже просыпаться сам не умеешь.

— Врёшь! — неуверенным голосом крикнул Иван.

— Не вру. Это я бабушке немного наврала. Из-за тебя. По телевизору ты выступил ужасно. Я краснела. Стыдно было. Очень стыдно.

— Без тебя знаю, — буркнул Иван; краешком глаза он поглядывал по сторонам: не видит ли кто-нибудь из ребят, что он гуляет с девочкой?

— В результате, — продолжала она, — я сделала важное открытие. Я поняла, что ты, может быть, УО.

— УО? — предчувствуя недоброе, переспросил Иван. — А это что такое?

— УО — значит умственно отсталый.

— Чего, чего? — почти крикнул Иван.

— Ты может быть, умственно отсталый ребёнок. Тебя надо перевести в специальную школу.

Иван остановился, вытаращив глаза, и долго с его губ срывались не слова, а какие-то непонятные отрывочные звуки. Еле-еле овладев собой, он спросил:

— В специальную школу?

— Конечно, — спокойно отозвалась Аделаида. — Тебе же будет лучше. Всё будет в порядке. Ведь почему с тобой

мучаются? Потому что считают тебя нормальным ребёнком. А ты УО. Умственно отсталый.

— Неправда! — жалобно крикнул Иван. — Я умный! Я сообразительный! Я умственно умный!

— Не кричи. Подумай обо всём спокойно. Вот тебе задание: или ты выучишь сегодня уроки, или я завтра сообщаю всем, что ты УО. До свиданья.

Очень грустное занятие

— Крокодиловская ты дочь! — вслед ей прошептал Иван. — В зоопарк тебя посадить надо! В клетку! За решётку! Тухлой капустой тебя кормить надо!

Аделаида обернулась и помахала ему рукой.

— Сама ты УО, — шептал Иван, демонстративно засунув руки в карманы, — это тебя в крокодильскую школу посадить надо!

Долго он стоял на одном месте. Было ему до того грустно, что хоть плачь на виду у всех. Он даже кулаками погрозил кому-то.

И побрёл домой, опустив свою большую многострадальную голову.

Кажется, впервые он призадумался над своей жизнью очень серьёзно. А когда ты совершил немало проступков, занятие это — думать о своей жизни очень серьёзно — очень грустное занятие.

Вместо того чтобы по привычке всех ругать, а себя жалеть от всего сердца, он шептал:

— Бабушкин сынок... УО... Умственно отсталый... Специальная школа... А почему? Потому что я не люблю учиться? Ну и что? Если я таким родился? Вот если бы я не мог учиться, тогда другое дело. А я могу, но не люблю. Ведь мне ничего не стоит стать отличником. Стоит только захотеть.

Эх, обидно-то как! Дураком бы обозвала, лодырем, двоечником, балбесом, тунеядцем в клеточку, второгодником полосатым, ещё как-нибудь, а то — УО, умственно, видите ли, отсталый.

Эти слова звенели у него в ушах. Он даже головой потряс, чтобы они вылетели, — не помогло.

Очень грустное это занятие — думать о своей жизни очень серьёзно.

Дома Иван сел на кухне и молчал.

— Что с тобой? Что это такое с тобой? — обеспокоенно спрашивала бабушка. — Заболел? Намыкался? Ложись-ка спать, ненаглядненький.

А Иван представил себе, что придёт он завтра в школу, уроки опять не приготовлены, опять его ругать будут, явится Аделаида, крикнет своим крокодильским голосом:

— УО! УО! УО!

Соберётся общешкольная линейка, и все хором крикнут:

— УО! УО! УО!

Анна Антоновна скомандует:

— Семёнов, в специальную школу вон отсюда!

А у подъезда стоит машина скорой помощи. Посадят в неё Ивана и увезут...

— Я, бабушка, уроки делать буду, — почти со слезами прошептал Иван. — Пожалей меня, бабушка!

— Жалею, золотце ты моё, изо всех сил жалею! Была бы моя воля, я бы вовсе уроки в младших классах запретила. Пусть старшие мучаются. Хочешь курочки?

— Нет, — со вздохом отказался Иван. — Буду уроки учить. Потом уж поем. — «Если, конечно, жив останусь», — мысленно добавил он.

Ну что ж... Сел Иван, достал из портфеля тетрадки, учебники, ручку.

Вздохнул.

Подрёмывать начал.

Притопала лень-матушка, зашептала на ухо:

«Устал ведь ты, миленький. Приляг, отдохни. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Ладно, — ответил ей Иван, — лягу. С удовольствием. А завтра? Опять всё сначала? Да ещё в специальную школу отправят? Нетушки! Совершу-ка я сегодня героический поступок — сделаю-ка я уроки!»

И лень-матушка обратно утопала.

Героический поступок

Иван трудился, высунув язык; исписал половину страницы — ни одной ошибки не сделал, не поставил ни одной кляксы. И только хотел крикнуть «ура», как...

...с носа
упала
капелька
пота.

Упала прямо в центр буквы «О». Хорошо, что Иван не поленился и написал её вроде колеса — большую и круглую.

Иван осторожненько поднёс к ней кончик промокашки, и промокашка выпила каплю.

«Я тебе покажу, какой я умственно отсталый! — подумал Иван, вспомнив Аделаиду. — Как бы тебя в специальную школу не отправили! На крокодила учиться!»

Разделавшись с упражнениями по русскому языку, он принялся за арифметику.

Тут у него начался с цифрами самый настоящий бой. Цифры прыгали у Ивана перед глазами как лягушки. Не было никакой возможности отличить их друг от друга. Тогда он представил, что цифры — его враги, и стал внимательно их выслеживать.

«Понятно, понятно, — решил он, глядя на ненавистные цифры, — вы тоже считаете, что я умственно отсталый. Сейчас разберёмся». И поднатужился — и решил первый пример.

Ещё поднатужился, крякнул пять раз — и ещё решил один пример.

Ручку кусал, пыхтел от злости, один раз даже порычал Иван, но трудился.

Всё было против него.

Особенно — чернила. Они так и старались собраться на кончике пера в каплю и — хлоп на тетрадный лист.

Однако Иван следил за ними до того внимательно, что ухитрился одну каплю схватить в воздухе левой рукой.

Вот тут-то упрямство впервые помогло ему.

И вдруг — несчастье!

Глупая муха попала в чернильницу. Иван проткнул муху пером, не заметил и написал мухой цифру «3». Представляете, что получилось?

Чуть не заревел Иван! Трахнул муху кулаком — брызги во все стороны.

«Не обращай внимания на умственно отсталых мух, — прошептала ему на ухо лень-матушка, — иди спать».

«Вырви страницу, — прошептало упрямство, — и всё перепиши заново».

«Устал ведь я, — жалобно ответил Иван, — сил моих больше нету ведь!»

«Правильно, правильно, — прошептала лень-матушка, — иди бай-бай. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Неужели ты сдашься из-за какой-то дохлой мухи?!» — удивилось упрямство.

Иван старательно вырвал забрызганный лист и начал переписывать примеры.

До того он увлёкся, что не слышал, как подошла бабушка, стояла рядом и громко вздыхала — будто внуку уколы делали.

Бабушка взбунтовалась

Утром Ивана будила бабушка.

А сегодня он проснулся сам. Честное слово! Сам открыл глаза, сам потянулся, сам зевнул и сам сел.

Настроение у него было замечательное, будто ему не в школу надо было отправляться, а на новогоднюю ёлку.

Раз! — встал на голову, подрыгал в воздухе ногами и грохнулся с кровати на пол — словно самая большая кастрюля упала с самой верхней полки.

Лежал на полу и хохотал.

Лежал, пока не замёрз.

Пошёл Иван на кухню, включил электрическую плитку, поставил на неё чайник, быстренько умылся, принёс из кладовки варенье и решил разбудить бабушку.

Открыв глаза и увидев внука, она испуганно вскрикнула. Если бы она верила в бога, то перекрестилась бы и сказала:

— Свят! Свят! — как в старину полагалось говорить всяким привидениям и разной нечистой силе.

Но бабушка в бога, привидения, нечистую силу не верила и поэтому спросила:

— Это ты?!

Два слова она выговорила с таким трудом, словно у неё болело несколько зубов.

— Я. А что?

— Да как же... кто тебя разбудил?

— Никто. Сам.

— Сам?!

— А что особенного? — обиделся Иван. — Что особенного?

Бабушка не ответила, сидела, держась рукой за сердце.

Потом она вышла на кухню и в ужасе спросила:

— И чайник сам поставил?! И варенье сам принёс?! — Она села, бессильно опустив руки, словно убитая большим горем. — Да что же это такое происходит?! Совсем от рук отбился. Против бабушки пошёл. Получается,

что я тебе не нужна?.. Не выйдет! — она стукнула кулаком по столу. — Бабушка я тебе или не бабушка?

— Бабушка, — ответил ошеломлённый Иван.

— Обязан ты меня слушаться или нет?

— Обязан.

— Так вот, — бабушка встала и грозно посмотрела на него. — Я должна просыпаться и будить тебя, а не ты меня. Я должна завтрак готовить, а не ты. Понятно? Я здесь командир.

— Кем же ты командуешь? — удивился Иван.

— Всей семьёй.

— А кто же тебя слушается?

— А вся семья.

— Бабушка! — воскликнул Иван. — Но ведь я-то тебя не слушаюсь!

— Как не слушаешься? — удивилась бабушка.

— Да так. Я потому и люблю тебя, что тебя можно не слушаться.

— А не врёшь?

— Нисколечко. Ты меня слушаешься, а не я тебя. Потому мы и живём дружно.

— Ну и пусть, — помолчав, сказала бабушка. — Не важно, кто кем командует, важно, что дружба есть. Но дружбе нашей скоро придёт конец, если ты будешь вести себя как сегодня. Нехорошо, Ваня, стыдно!

Иван взбунтовался

— Почему — стыдно? — спросил Иван. — Что я такого сделал?

— Как — что?! — вспылила бабушка. — Да я же тебе объяснила. Не имеешь ты права выполнять мои обязанности! Бабушка я тебе или не бабушка?

— А я внук тебе или не внук?

— Ты внук. А я бабушка. И не лезь в мои дела. Будь любезен спать до тех пор, пока я тебя не разбужу.

— А если я сам проснусь?

— Не имеешь права!

— А если проснулся?

— Всё равно спи. Или просто лежи, пока я не приду. Если ты сам просыпаться будешь, зачем я тогда нужна? Если ты сам завтрак готовить будешь, что мне делать?

— Отдыхать.

— Отдыхать?! — возмутилась бабушка. — За кого ты меня принимаешь? Чтобы я да на старости лет бездельничала?

— А ты за кого меня принимаешь? — возмутился Иван. — Чтобы я да на молодости лет тунеядничал?! Ты знаешь, как интересно самому просыпаться? Замечательно! Ты что, собираешься со мной в армию идти? И там меня станешь будить? А? Может, по-твоему, каждый солдат со своей бабушкой в армию пойдёт?

Тут бабушка горько расплакалась.

— Ни в какую я армию не собираюсь, — сквозь слёзы сказала она. — Но учти: пользы от нас в армии было бы много!

А Иван расхохотался.

— Бабушки! — скомандовал он. — По порядку номеров рассчитайсь! Бабушки, вперёд шагом марш! Песню!.. Да ты хоть одну строевую песню знаешь?

— Знать не знаю и знать не желаю! — отрезала бабушка. — А только в армии ты без меня пропадёшь! Ты ведь даже ботинки зашнуровывать толком не умеешь.

— А в армии сапоги носят. У них шнуровки нет.

— Пожалеешь, — бабушка снова горько расплакалась. — Я ли тебя не любила! Я ли за тобой не ухаживала! Я ли тебя не баловала! А ты?

— Эх ты, рёва, — сказал Иван ласково, — а ещё в армию собираешься.

— Я не рёва, — сквозь слезы ответила бабушка, — просто я тебя люблю, а ты меня нет.

— И я тебя люблю. Только я с тобой не согласен.

— Когда любят, соглашаются!

— Не могу я с тобой согласиться, — твёрдо сказал Иван. — Ты что, хочешь, чтобы меня бабушкиным сынком дразнили?

— Хочу! — горячо призналась бабушка. — Очень!

— Значит, тебе меня нисколько не жалко.

— А ты меня жалеешь? Ты меня и за бабушку не считаешь.

— Считаю. Ты замечательная бабушка. Только есть у тебя один недостаток.

— Нет у меня недостатков!

Иван чмокнул её в щёку, шепнул:

— Один, маленький.

— Может быть, — подумав, нерешительно согласилась бабушка, — но я не знаю, какой. Не замечала.

— Ты не даёшь мне нормально жить.

— Я?!

— Ты, бабушка. Только ты не сердись и не плачь. Держи себя в руках. Надо мне просыпаться самому.

— А давай по очереди? — обрадованно предложила бабушка. — Один раз я тебя разбужу, а один раз ты, может, сам проснёшься?

— Нет, — отказался Иван. — Не хочу я быть умственно отсталым.

— Не понимаю, — испуганно прошептала бабушка, — кто от кого отстал?

— Я вот понимаю. Если бы я вчера не выучил уроки, то сегодня меня бы как миленького в специальную школу отправили.

— Вот, вот! — радостно воскликнула бабушка. — Вот что значит просыпаться самому! Соображать плохо стал! Ещё будешь с бабушкой спорить?

— Буду, — тихо, но решительно ответил Иван. — Приходится. Я ещё, может быть, отличником сделаюсь. Ненадолго, конечно. Чтобы всем доказать, что я не умственно отсталый.

— А зачем это тебе, миленький? — ласково спросила бабушка. — Для меня-то ты всегда самый умный. Вот подрастёшь, сил наберёшься, тогда и станешь отличником. Сейчас-то зачем тебе надсажаться? Вспомни-ка, до чего мы с тобой замечательно жили!

— Жили-то мы с тобой замечательно, — согласился Иван, — но, может быть, как раз из-за этого я и чуть-чуть в УО не превратился. Чуть-чуть в специальную школу не попал. На радость дочке крокодильской, которую ты вареньем кормила. Она у меня ещё попляшет! Сто пятьдесят пять с половиной раз пожалеет, что издевалась над гвардии рядовым Иваном Семёновым! Назло ей отличником стану! Да ещё и круглым! Сам просыпаться буду! — со слезами в голосе крикнул Иван. — Сам одеваться буду! Сам... сам... сам...

Бабушка легла на кровать и сказала:

— Спасибо, дорогой внучек.
Можешь вызывать
«скорую по
мощь».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой бабушка снова пытается быть одним из главных действующих лиц, а Иван Семёнов совершает несколько выдающихся поступков

Иван
делает важное открытие

Вызывать «скорую помощь» не пришлось. Дали бабушке валерьянки, уложили в постель.

Сказала бабушка:

— Никому я, значит, не нужна. Пустое я, значит, место. Или вроде старой сковородки. Выбрасывайте.

Тут все стали её утешать, уговаривать, успокаивать. А она твердит своё:

— Надоела я вам. Мешаю я всем. Только и думаете, как бы от меня избавиться.

Тут её опять стали утешать, уговаривать, успокаивать. Бабушка лежала с закрытыми глазами и тихонько постанывала.

— Я в школу, — сказал Иван, но она даже не посмотрела на него.

Утро было серое и дождливое. Иван весело прыгал через лужи. Правда, редкую лужу ему удавалось перепрыгнуть, чаще обеими ногами он попадал в воду. И хохотал от удовольствия.

Устал прыгать, пошёл по тротуару.

Кошку на окошке увидел — отвернулся.

Собака мимо бежала — не обратил на неё внимания.

Вывески не читал.

В зеркале около парикмахерской состроил себе всего одну рожицу.

В школу торопился Иван — ещё как торопился!

А почему?

Да потому, что никого он сегодня не боялся.

Ребят не боялся.

Анны Антоновны не боялся.

Даже Аделаиды не боялся.

Да почему?

Да потому, что уроки-то он выучил! Пожалуйста, проверяйте! Сколько угодно! Вопросы задавайте, спрашивайте!

Идёт Иван, подпрыгивает.

До чего, оказывается, приятно в школу шагать, когда уроки приготовлены!

Неудача

Когда Иван подходил к школе, настроение у него немного испортилось. Он вспомнил, что предстоит разговор с Аделаидой.

«Но ничего, — подумал он, — выкрутимся!»

И опять ему стало весело.

— Доброе утро! — услышал он за спиной голос Аделаиды.

Иван обернулся, гордо кивнул и сказал небрежным тоном:

— Между прочим, у меня уроки сделаны.

— Да ну? Сам?

— Своими собственными руками и своей собственной головой, — важно ответил Иван. — Даже стишок выучил почти весь. Теперь никто не скажет, что я УО.

— Посмотрим. Кто тебя знает? Может, ты сегодня опять примешься за старое?

— Наверное, нет, — со вздохом негромко проговорил Иван. — Но ведь трудно.

— Конечно, трудно. А ты как думал? Это по телевизору чужие слова легко говорить. И за лунатика себя выдавать легко. Драться легко. И по лужам топать легко...

— Я не топал, я перепрыгивал.

— А учиться трудно, — закончила Аделаида.

«Тебе-то хорошо, — мрачно подумал Иван, когда она ушла, — ты с детства привыкла уроки делать. А я?»

Войдя в класс, он не закричал, как обычно, не запрыгал, а сел на своё место, сидел и помалкивал.

— Как жизнь? — спросил Колька.

— Нормально, — ответил Иван, — устал только. Всю ночь уроки делал. Не выспался.

— Всю?! Ночь?! — поразился Колька. — За час можно сделать.

Звонок.

«Сейчас вы все ахнете, — торжествующе подумал Иван, — сейчас меня вызовут и...»

Но сколько ни тянул он руку вверх, Анна Антоновна не замечала. Иван до того обиделся, что руки под парту спрятал.

В перемену он не двинулся с места, сидел, опустив свою большую многострадальную голову, и грустно размышлял: «Вот, пожалуйста! Только выучил человек уроки, так на него ноль внимания. А если бы он не выучил, то, будьте уверены, вызвали бы! А зачем уроки учить, если тебя не спрашивают?»

— Я уроки выучил! — крикнул он.

Весь класс окружил Ивана.

— Ну и молодец Аделаида! — сказал Паша.

— Вот это буксир, я понимаю! — воскликнул Колька.

— А она-то тут при чём? — с презрением отозвался Иван. — Я сам.

— Сам! Сам! — передразнил Колька. — Пока она тебя хорошенько не стукнула, ты и не собирался уроки учить.

В класс вошла Анна Антоновна.

«Сейчас все закричат, что я уроки выучил, — с надеждой подумал Иван, — и она меня вызовет».

Но ребята молчали. Урок шёл своим чередом. Иван чуть руку не вывихнул, до того старательно тянул её вверх.

Никакого впечатления!

«Нарочно она это, нарочно! — пронеслось у него в голове. — Нарочно! Чтобы помучить меня. Чтоб поиздеваться надо мной!»

Взял да и поднял обе руки.

— Семёнов, не хулигань, — сказала Анна Антоновна.

«Если и по чтению не спросят, — решил он, — больше я вам уроков делать не буду. Ни разу в жизни».

Не спросили его и по чтению.

После уроков, когда Анна Антоновна ушла, ребята бросились из класса, устроили в дверях такую давёжку, что Иван с трудом сдержался, чтобы не принять в ней самое активное участие.

Все убежали.

«Сговорились, — подумал он, — бросили меня одного, чтоб я погиб со скуки».

В дверях Иван столкнулся с Аделаидой.

— Куда? — грозно спросила она. — А домашние задания? Кто учить будет?

— Я, — ответил Иван неуверенно, — домашние задания дома делают. Оттого они и называются домашними. Понятно?

— Понятно, — сквозь зубы сказала Аделаида. — Не возражаю. Пошли домой. Тем более, что бабушка приглашала меня заходить почаще.

Бабушка опять бунтует

— Напрасно ты со мной ссоришься, — сказала Аделаида по дороге. — Ну никак не могу понять, для чего тебе со мной ссориться?

— Дружить мне с тобой прикажешь?

— А что?

— Может, мне ещё зуб золотой вставить прикажешь? — Иван хмыкнул. — Нетушки. Не бывать этому!

— Дело твоё. Но я бы на твоём месте со мной подружилась.

«А я бы на твоём месте, — подумал Иван, — оставил бы хорошего человека в покое».

— Шла бы ты домой, — сказал он, — я и без тебя уроки сделаю. Как вчера.

— Не верится что-то.

Навстречу шёл Егорушкин; приложив руку к козырьку, он сказал:

— Привет лунатикам!

— А он уроки вчера выучил! — радостно сообщила Аделаида.

— Какое важное событие, — насмешливо проговорил Егорушкин. — А то я у телевизора со стыда чуть не сгорел. — И серьёзно добавил: — Желаю новых успехов! — Откозырял и пошёл дальше.

— Событие, событие, — пробормотал Иван. — А чего смеяться?

— Забудем этот печальный случай, — предложила Аделаида. — Главное, что, кажется, ты не УО.

— Есть забыть этот печальный случай! — весело согласился Иван.

К его удивлению, дверь в квартиру оказалась незапертой. Они вошли, заглянули на кухню — никого, заглянули в комнату.

Бабушка лежала в постели. Увидев внука, она громко застонала.

— Что с тобой? — испуганно спросил Иван. — Всё ещё болеешь?

— Врача вызвать? — спросила Аделаида.

— Не надо, — еле слышно ответила бабушка, — врачи тут не помогут. Обидели меня.

— Кто? — удивился Иван. — Кто мог тебя обидеть?

— Все. Вся наша семья. Никому, я видите ли, не нужна. Вот и сидите без обеда. Узнаете, как без меня-то.

— Значит, я голодным буду? — голос у Ивана дрогнул. — За что?

— За то, что против бабушки пошёл. — И она закрыла глаза. — Не беспокойте меня. Мне необходим абсолютный покой.

Иван с Аделаидой постояли, постояли и ушли на кухню.

Сели. Помолчали.

— Да-а, — протянул Иван, — дела. А всё из-за того, что один раз человек проснулся утром сам.

И он рассказал об утренней истории.

— Есть выход из положения, — подумав, решительно заявила Аделаида. — Надо приготовить обед.

— А что будет с бабушкой?

— С бабушкой будет плохо. Но иначе нельзя. Её тоже надо воспитывать. Иначе она тебя избалует до безобразия.

Оказывается, не так-то просто

— Во-первых, — сказала Аделаида, — тихо. Во-вторых, не хныкать.

Пред
ставь себе,
что мы на нео
битаемом острове.
Если не сумеем быстро,
без шума приготовить пи
щу, то погибнем. Велика ли
важность — начистить картошки?
Оказалось — велика. Картошка-то
круглая, и так ей хочется высколь
знуть из ваших рук и укатиться под
стол! Вы за ней прыг, а на плечах-то у
вас голова, и вот эта голова старается обо
что-нибудь стукнуться. Нож не режет карто
фелину, но с удовольствием режет ваши пальцы.
Еле-еле успеваешь их отдёрнуть. — Молодец, —
похвалила Аделаида, когда Иван расправился со
второй картофелиной. — Осталось ещё штук де
сять. А у Ивана от обиды и злости руки тряс
лись. Он решил: если картофелина выс
кользнет, ползать он за ней не бу
дет, — возьмёт другую. Но картош
ка была его хитрее. Она выс
кальзывала только тогда, ког
да кожуры на ней почти не
оставалось. Сами понимае
те, что бросать такую
было жалко. И до того
Иван разозлился, что
твёрдо решил: «Все
пальцы себе отре
жу, а ни одну
картошку боль
ше не выпу
щу!»

Испугалась картошка, больше из его рук не выскальзывала.

— Ванечка, — позвала из комнаты бабушка.

— Ничего ей не говори, — прошептала Аделаида.

— Посиди со мной, — попросила бабушка, — скучно мне. Есть-то хочешь?

— Очень.

— А есть-то нечего, — весело сказала бабушка. — А я ещё дней пять, не меньше, болеть буду.

Бабушка сдалась

Когда Иван вернулся из комнаты, на кухне уже вкусно пахло борщом.

— Ох и попадёт... — испуганно прошептал Иван.

— Если ты очень труслив, — сказала Аделаида, — свали всё на меня.

— Нетушки! — горячо отказался Иван. — А кто картошку чистил? — И с гордостью понюхал воздух.

— А что, если нам сейчас и уроки сделать? — спросила Аделаида. — Понимаешь, как будет здорово?

— Понимать-то я понимаю, — с кислой миной ответил Иван и честно признался: — Да уж больно мне неохота.

— А ты думаешь, мне хочется за уроки браться? Как бы не так. Я иногда даже реву. До того не хочется. Зато когда я уроки сделала, я — свободный человек.

— Свободным-то человеком я быть люблю, — сказал Иван.

— Вот для этого и надо уроки учить. И ещё учти: если ты во втором классе к урокам не привыкнешь, то потом тебе будет просто беда. Привыкай сейчас.

— Я привыкаю, — Иван тяжело вздохнул и опять понюхал воздух: очень уж вкусно пах борщ.

— Это ещё что такое?! — на пороге стояла бабушка. — Это ещё что за безобразие?! Это как называется?!

— Борщ, — ответили Иван и Аделаида.

— Борщ? — переспросила бабушка, открыла крышку и ударила ею кастрюлю, как барабанщик медными тарелками. — Кто варит?

— Я, — ответили Иван и Аделаида.

— Та-а-ак, — грозно протянула бабушка, — понятно. Издеваетесь?

— Наоборот, — сказала Аделаида. — Как раз наоборот. Не о том он беспокоится, чтобы самому поесть, а о том, чтобы вас, больную, накормить.

— Да ну? — удивилась бабушка. — Золотце ты моё бесценное!

Она хотела обнять внука, но он вырвался и сказал:

— Я, между прочим, картошку чистить научился.

Бабушка всплеснула руками, укоризненно покачала головой и проговорила:

— Так, так... Значит, зря я болела? Значит, мне и по-

болеть нельзя? В другой раз я заболею, а он и бельё стирать научится, и пельмени стряпать, и варенье варить?! Кому я тогда нужна буду?

— А помощника вам разве не надо? — спросила Аделаида. — Разве вы не хотите, чтобы внук вам помогал?

— Может, и хочу, — бабушка улыбнулась, понюхав, как вкусно пахнет борщ. — Но раньше-то я была незаменимая?.. Да мало ли что было раньше. Давайте-ка лучше есть борщ. Проголодалась я тут, пока болела.

Иван съел три тарелки.

Иван не сдаётся

Аделаида ушла домой, взяв с Ивана честное слово, что он и сегодня сам приготовит домашние задания.

Злой сидел Иван.

Эх, придумать бы такую специальную ручку, чтобы сама уроки делала! Колпачок бы с неё снял, положил бы её на тетрадь — и поехала! Вжик-вжик, чик-чирик — готово домашнее задание!

Или бы специальную машину изобрели: сунул бы в неё тетрадь — тр-тр-тр-тр-тр! — готово домашнее задание.

Или бы ещё такой прибор сделали: трахнул бы им по голове, и она что угодно запомнила бы. Трах — правило запомнил, трах — стихотворение запомнил, трах, трах, трах — вот это учёба!

Иван ойкнул, потому что, размечтавшись, стукнул себя кулаком по голове.

— Гвардии рядовой Иван Семёнов! — скомандовал он. — На упражнение по русскому языку вперёд — марш!

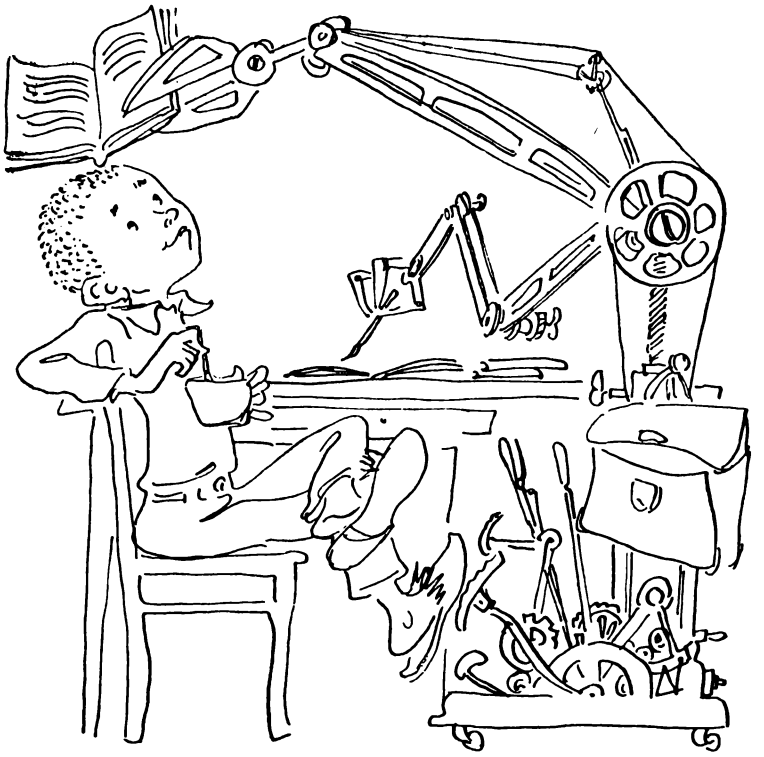
Если бы кто-нибудь в это время подставил ухо к дверям, то подумал бы, что Иван с кем-то борется — так громко он пыхтел. Он врезался грудью в стол и высунутым языком чуть-чуть не касался страницы. Нагни он голову ещё на полмиллиметра ниже, и лизнул бы строчку.

А лень-матушка стояла рядом и нашёптывала:

«Бедненький, несчастненький! Пожалеть тебя, кроме меня, некому. Иди-ка лучше побегай. Или спать ложись. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Уйди ты от меня подальше, — отвечал ей Иван, — и без тебя тошно».

«Никуда я от тебя не уйду, — говорила лень-матуш-



ка, — друзья мы с тобой на всю твою многотрудную, полную невзгод и опасностей жизнь».

Каждая буква давалась Ивану с великим трудом, и когда он поставил последнюю точку, рук поднять не мог.

«Не мучь ты сам себя, — шептала лень-матушка так сладко, что глаза у Ивана закрывались, — заболеть ведь можешь. Умереть ведь можешь».

— Гвардии рядовой Иван Семёнов! — скомандовал Иван. — В атаку на примеры — марш!

И лень-матушка исчезла: видеть она не могла тех, кто добрым делом занят. (Между нами говоря, ушла она не так уж и далеко, всё ещё надеясь, что уговорит Ивана.)

А он побеждал пример за примером.

И хотя они сдавались не сразу, но — сдавались.

А когда сдался последний пример, Иван вскочил и заплясал. Он прыгал по комнате и что-то кричал, а что — и сам понять не мог.

Вот как
радо
вал
ся!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
последняя, в которой читателя уже не ждут почти никакие неожиданности

Как Иван получил «восьмёрку»

Ужас!

Иван проспал!

ИВАН ПРОСПАЛ!!!

ПРОСПАЛ ИВАН!!!

Он выскочил на кухню и увидел улыбающуюся бабушку.

— Здравствуй, внучек, — сказала она. — Побоялась тебя будить. Уж извини. Опоздал ты. Десять с половиной минут осталось до начала уроков.

Иван быстрёхонько оделся и — на улицу.

Из-за угла выехал мотоцикл. А на нём Егорушкин.

— Беда! — не своим голосом крикнул Иван. — Опаздываю! Проспал! Спасите!

— Садись, — коротко приказал Егорушкин.

Хотел ветер Ивана с седла сдуть, но Иван удержался.

Тогда ветер рассердился и сдул с его головы фуражку.

Фуражка шлёпнулась в лужу.

Иван промолчал — после уроков её можно выловить.

Егорушкин подвёз Ивана к самому входу в школу. Иван слез с мотоцикла, сказал:

— Вот спасибо от всей моей души!

— В первый и последний раз, — сказал Егорушкин, — просто не люблю, когда опаздывают.

На радостях Иван успел до звонка побороться с Па-

шей, поругаться с Колькой, отобрать у одной девочки портфель, забросить его на шкаф и достать обратно.

Когда в класс вошла Анна Антоновна, Иван сказал:

— А я опять уроки сделал!

— Я знаю, — сказала Анна Антоновна. — Сейчас раздам тетради со вчерашними заданиями.

— У кого пятёрки? — спросил Колька.

— Семёнов! — позвала Анна Антоновна.

— Не может быть! — крикнул Колька.

— За обе работы я поставила тебе три, — сказала Анна Антоновна Ивану. — Очень грязно и некрасиво. Но за старание ты получаешь две пятёрки.

— Три да пять, — сказал Паша, — будет восемь. Ни разу в жизни восьмёрки не получал.

— Маленький ещё, — гордо сказал Иван.

— Вот это отметка, я понимаю! — жалобно, с завистью крикнул Колька.

К чему приводит хорошее настроение

В перемену Иван искал Аделаиду, но не нашёл, только узнал, что в школу она не приходила.

«Заболела», — мельком подумал он и тут же забыл об этом, хотя про себя и отметил, что сделала она такое нарочно: вот если бы он уроков не приготовил, она бы сама его разыскала.

Хорошее у него было настроение!

И вот к чему оно привело.

После уроков Иван вприпрыжку бежал по коридору. И, можно сказать, не сам Иван, а его левая нога сама дёрнулась в сторону. О неё споткнулся Паша, полетел, головой ударил в живот Кольку, а Колька опрокинулся назад и сел в ведро с водой.

Сел в воду и заорал со страха:

— Тону!

Со всех сторон сбежались ребята — ничего понять не могут. Видят, что сидит в углу человек на корточках и орёт. А ведра не видят.

Тут Иван сообразил и приподнял Кольку за шиворот. А ведро будто приклеилось — не падает. А Колька разогнуться не может.

Разогнули ребята Кольку — воду разлили.

Вдруг — дежурный по школе. Ребята врассыпную.

Иван — тоже бежать, да на ведро налетел и в луже растянулся, да ещё проехался немного.

Лежит и чуть не плачет: ведь из него получилось что-то вроде промокашки — всю лужу его одежда в себя впитала.

— Скажи, кто тебя обидел, мальчик? — спросил дежурный, помогая ему встать.

Иван вопроса не расслышал и ответил:

— Семёнов.

— Из какого класса?

— Второй «А».

— Хорошо, — сказал дежурный, — так и запишем. Не беспокойся, мальчик, хулиган будет наказан.

Побрёл Иван — мокрый весь спереди.

На улице его ждал Колька — спереди сухой, зато сзади мокрый.

— Доигрался? — спросил он. — Как теперь домой идти? Попадёт ведь.

— Пойдём сушиться, — предложил Иван. — С часик погуляем — и всё в порядке. Фуражку мою из лужи выудим.

Как сох Колька

Фуражка намокла, утонула, и из лужи виднелся лишь кончик козырька. Иван сказал:

— Ведро бы достать и вычерпать бы всю лужу.

— Палку бы достать, — сказал Колька, — или разуться и босиком топ-топ.

— Так любой дурак достанет, — задумчиво сказал Иван. — А ты попробуй метод примени. А не палку.

— Нет уж. Ты давай сам метод применяй. А то знаю я твои методы.

— Пожалуйста. Ты держи меня за ноги в воздухе, а я руками топ-топ и дотянусь до этой утопленницы.

— За ноги?! — поразился Колька. — Тебя?! Ты тяжёлый. Мне тебя не удержать. Уж лучше ты меня за ноги держи, а я руками топ-топ. Я лёгкий. Я быстренько.

— Всегда вот у тебя так, — проворчал Иван, — я придумаю, а слава тебе.

— Слава?! — опять поразился Колька. — Где я её видал, славу-то? Вечно мне из-за тебя достаётся!

— Тогда держи меня за ноги.

— Не удержать мне тебя. А ты меня запросто. Я ловкий. — Колька, повизгивая от нетерпения, закатал рукава, встал на четвереньки и крикнул: — Пошли! Пошли! Полный вперёд!

— Сначала на суше потренируемся, — предложил Иван.

Тренировка удалась: Колька руками ходил по земле, а Иван держал его за ноги в воздухе.

— Поворачиваю! — восторженно крикнул Колька и заработал руками по направлению к луже.

Он вошёл в неё, погрузившись почти по локти, и, осторожно переставляя руки, приближался к фуражке.

До фуражки оставалось не более полуметра, как Иван скомандовал:

— Стоп! Полный назад!

Дело в том, что Иван оказался уже на самом краю лужи. Ему и в лужу заходить не хотелось, и Колькины ноги нельзя было отпускать.

— Самый полный назад! — снова скомандовал он.

А Колька увлёкся, ничего не слышал и изо всех сил тянулся к фуражке. А Иван изо всех сил тянул его к себе. Колька почувствовал, что сейчас его тело разорвётся на две части.

— Отпускай! — испуганно крикнул он.

Иван разжал пальцы.

И Колька шлёпнулся в лужу.

Не крикнул.

Не пикнул.

Стоял на четвереньках, будто не знал, что ему делать.

— Вылезай, — прошептал Иван, — а то простудишься.

Колька на четвереньках добрёл до фуражки, взял её и вернулся на сушу; постоял ещё немного на четвереньках и поднялся на ноги.

— Подсох! — жалобно воскликнул он. — Высох! Жизни мне из-за тебя нет! Вечно ты меня в какую-нибудь глупую историю втянешь!

— Никто тебя не тянул. Сам в лужу полез.

— А кто меня на части хотел разорвать?

— Это что такое?! — услышали они испуганный голос Анны Антоновны. — Что с вами?

— В лужу спикировал, — хныча, объяснил Колька. —

Вот из-за этого головного убора! — он бросил фуражку обратно в лужу. — Сам доставай. Каким-нибудь методом. Свинство это, а не метод.

— Сейчас же идите по домам, — сказала Анна Антоновна. — Ну просто беда мне с вами. Вот кого ты сегодня, Семёнов, в школе на перемене в лужу какую-то толкнул?

— Не в лужу, а в ведро, — сказал Колька. Он повернулся к Анне Ивановне спиной — сзади он тоже был мокрый. — Видали? — торжествующе спросил он. — Красота! А вы ему восьмёрки ставите! Учтите, Анна Антоновна, что я зря страдал. И тут, в луже, зря страдал, и там, в ведре, зря страдал. Всю жизнь я из-за него страдаю.

— Хныкала ты, вот ты кто, — презрительно проговорил Иван. — Хныкала, нытик и паникёр.

Тут Колька сжал кулаки и подпрыгнул к нему.

— Идите по домам, — сказала Анна Антоновна, вставая между ними. — Увидят вас люди, испугаются.

— Мне домой нельзя, — Колька опять захныкал, — мне здорово попадёт.

— Тогда идёмте ко мне, — предложила Анна Антоновна, — я тут неподалёку живу. Приведу вас в порядок.

Ещё вопрос — кого на буксир брать?

Мальчишки остались в трусах и майках. Иванову одежду повесили на балкон сушить, а Колькину Анна Антоновна решила выстирать.

— А вы пока займитесь обедом, — сказала она.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька. — А какой у вас суп?

— Супу у меня нет никакого. Его приготовить надо. Что ты умеешь делать?

— Я? — Колька ненадолго задумался. — Например, суп мешать умею. Пробовать умею... Посолить могу.

— А ты, Семёнов?

— Я картошку чистить умею.

— Смехота! — Колька хихикнул. — У меня сестёр две штуки. Зачем мне с картошкой возиться? — И он опять хихикнул.

Анна Антоновна поставила на газовую горелку кастрюлю с водой, положила туда мясо и ушла стирать Колькину одежду.

— И не стыдно тебе? — спросил Колька. — Хочешь, всем ребятам расскажу? Ведь задразнят тебя. Где это слыхано, где это видано, чтобы наш брат мужчина, картошку чистил?

— А в армии?

— Там специальные повара есть. Солдаты воюют, а повара картошку чистят и прочее. Ты поваром хочешь быть или смелым солдатом?

— А если убьют повара?

— Запасной всегда бывает.

— А если запасного убьют?

— Тогда сухой паёк едят. Концентраты разные.

— Сам ты концентрат, — сказал Иван. — Сам ты сухой паёк, а не смелый солдат.

— А тебя на буксир взяли.

— По ошибке. Зря взяли. Тебя надо было на буксире тащить.

— А за что?! — поразился Колька. — Я средний. У меня всё в порядке. У меня всего понемножку. Всего в меру.

— А вот я тебя на буксир возьму,—пообещал Иван.— Не сейчас, конечно, а потом.

Вернулась Анна Антоновна, развесила на балконе одежду, сказала:

— Часа через два высохнет.

— Красота! — воскликнул Колька. — Домой приду сухой, чистый. А суп скоро будет готов?

— Сухим пайком получишь, — ответил Иван. — По-моему, теперь его очередь к буксиру прицепляться.

— Не смеши ты меня, — чуть не плача сказал Колька. — Чего ты ко мне привязался? Иди ты своей дорогой, вон у тебя всё высохло.

— И пойду, — сказал Иван. — У меня дел много, не то что у тебя.

— Какие же у меня могут быть дела? Когда я в таком виде? — возмутился Колька.

— Довольно ссориться, — сказала Анна Антоновна. — А буксир никому не вреден. Не знаете, почему Аделаида сегодня в школе не была?

— Наверно, мороженым объелась, — ответил Колька. — Говорят, она в день по килограмму съедает.

— Не по килограмму, а по четыре, — с серьёзным видом поправил Иван.

— Да ну?! — поразился Колька.

— У них дома только мороженое едят. Кошка ничего, кроме эскимо, в рот не берёт. А собака — только сливочный пломбир.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька. — Мне бы так денька три прожить!

Иван не сдержался и захохотал.

И Анна Антоновна рассмеялась.

— Обманул... — разочарованно протянул Колька. — А я поверил. Вот всегда он так, Анна Антоновна.

— Спорить мне с тобой некогда, — сказал Иван. — Вот возьму я тебя на буксир, тогда...

— Ты пока ещё сам на буксире,— перебила Анна Антоновна. — Не забывай.

— Я не забываю, — пробормотал Иван. — Только я бы

на вашем месте вот этого Николая Веткина обязательно бы на буксир взял. И супом бы его не кормил, раз он даже картошку чистить не умеет.

Лицо у Кольки было такое испуганное и обиженное, что Иван добавил дружелюбно:

— Тебе же лучше будет.

Иван находит золотой самородок

Грустный, брёл Иван по улице. Как домой без фуражки явиться? Третью уже он в этом году посеял. Одну в автобусе забыл, другую на крышу клуба забросил. Пока лестницу искали, фуражка исчезла.

И где сил найти, чтобы сесть за уроки?

Вдруг Иван увидел, что в траве — будто осколочек солнца блестит. Он полюбовался сверканием, нагнулся, поднял... зуб!

«Пусть зуб,— подумал Иван, — всё равно золотой самородок!»

Чей же это зуб?

Аделаиды, её мамаши или ещё чей-нибудь?

Что должен делать честный человек, если найдёт драгоценность?

Вздохнуть, полюбоваться, ещё раз вздохнуть, ещё тяжелее, и — отнести в милицию.

Но Егорушкин, взглянув на зуб, сказал:

— Можешь взять это дело себе. Заявления о пропаже золотого зуба не поступало.

— Не могу я его себе взять, — возразил Иван. — Чужая вещь. Может, ищет кто, а найти не может. Слёзы горькие льёт, милицию ругает.

— Да у нас в посёлке всего два золотых зуба в наличии, — сказал Егорушкин, — у гражданки из мороженого киоска и у её дочери. Иди и отдай.

Идти к Аделаиде Ивану не хотелось: и её он побаивался, и её мамаши.

— Как живём, лунатик? — окликнул его дед Голова Моя Персона. — А я своего друга вылечил. Теперь ему никакая луна не страшна. На любую луну он ноль внимания. Оказалось, что еды ему не хватало. Ночью-то он есть захочет и спросонья идёт куда-нибудь на запах. Стал я его

с вечера сытнее кормить, и вылечился пёс. Одна беда: больно уж крепко спит! Разбудить его иной раз нет моих возможностей. И вообще, совсем дурной стал. Ничего не соображает, — жаловался дед. — Нашёл я сегодня утром золотой зуб. Возле киоска. Обрадовался. А зуб-то у меня из пальцев возьми да и выскользни. А пёс его хап! — и проглотил. Как говорится, съел за милую душу и «спасибо» не сказал.

Иван, вздохнув, разжал ладонь.

— Он самый! — воскликнул дед. — А откуда он у тебя?

— Нашёл. Недалеко от киоска.

— Выходит, что друг мой и не виноват. А я его... Придётся прощения у Былхвоста просить.

— Берите, дедушка. Вы первый нашли.

— Я нашёл, я и потерял. Теперь он твой. Можешь вставить, — с завистью сказал дед. — Красиво будет.

— А если Былхвосту вставить?

— Сторожевому-то псу?! — возмутился дед. — Да ведь зуб-то сверкает! Его в темноте за тысячу вёрст будет видно! Отдай зуб законному владельцу — и точка.

— А чего это я его искать буду, владельца-то? — с тоской спросил Иван. — Он, может, сейчас сидит, компот ест, а я ищи его, мучайся?

— Не знаю, — дед вздохнул, покосившись на зуб, — может, компот употребляет, может, рыдает. Не знаю. У меня, голова моя персона, ни разу в жизни ни одного золотого зуба не было.

— У меня тоже.

— Вот и отнеси.

Иван потоптался на месте и побрёл. Очень ему не хотелось идти к законному владельцу золотого зуба.

Боялся Иван.

«А чего бояться? — спросил он самого себя. — Не искусают же они тебя? А если и будут драться, то удрать можно».

Эх, поесть бы сейчас и лечь спать!

И сон бы увидеть хороший!

Например, как прошло **много-МНОГО ЛЕТ**, и в школе, в которой Иван учился, на стенах в каждом классе **ВИСЯТ ЕГО ПОРТРЕТЫ**. А на здании прибита каменная доска, а на ней золотыми буквами написано:

В ЭТОЙ ШКОЛЕ СТРАДАЛ И МУЧИЛСЯ, НО С ОТЛИЧИЕМ ЕЁ ЗАКОНЧИЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, НО САМЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ВСЁМ СВЕТЕ ИВАН СЕМЁНОВ

Иван от умиления шмыгнул носом. Даже поплакать захотелось.

Однако плакать было некогда. Он уже стоял перед высоким забором.

Законные владельцы золотых зубов найдены

Калитка была закрыта. Иван постучал.

В ответ раздался страшенный собачий лай и звон цепи.

«Только был сама Аделаида вышла, а не её мамаша», — испуганно подумал Иван.

Из дома вышла мамаша. Иван ждал её, еле живой от страха.

— Чего надо? — грозно спросила она, подойдя к калитке.

— Аделаиду.

— Болеет она! И я болею! Все болеем!

— А чем? — поинтересовался Иван и вдруг увидел, что на месте золотого зуба у неё дырка. — Вот! — крикнул он радостно и протянул в щель между досками руку.

Мамаша схватила зуб левой рукой, а правой — руку Ивана, спросила:

— Второй где? Второй зуб где?

— Не знаю, понятия не имею, — ответил Иван, пытаясь освободить руку.

— В милиции скажешь!

— Да был я в милиции! — чуть не плача крикнул

Иван. — Отпустите меня! Больно мне! Вместе в милицию сходим, если хотите! Отпустите только!

— Не могу, — призналась мамаша, — боюсь, убежишь.

— Не убегу! Честное слово!

Она выпустила руку, сказала:

— Жалко. Хороший был зуб. Нет у меня времени по милициям ходить! — вдруг закричала она. — Мне мороженым торговать надо! Мне план выполнять надо! А кто

второй зуб нашёл, пусть им подавится! А если ты найдёшь, принеси.

— Не найти, — грустно сказал Иван. — По-моему, его собака съела. Былхвост её зовут. Теперь её Былзуб звать можно.

— Заходи, — тоже грустно сказала мамаша, а когда Иван закрыл за собой калитку, позвала: — Аделаида! Дочь! Иди сюда!

На крыльце появилась Аделаида. Глаза у неё были заплаканные, щека повязана платком.

— Здравствуй, — сказала она, и Иван заметил, что на месте золотого зуба у неё дырка.

— Один зуб принёс — мой, а твой — нет. Говорит, собака съела. Кто поверит? Нет, нет, отдай зуб! — жалобно кричала мамаша.

— Нате! — сказал Иван. — Берите любой! Хоть все! — И оскалил зубы.

— Дразнишься?

— Нет. Не дразнюсь, а жалею вас. Почему вы всех жуликами считаете?

— Не всех, а почти всех, — ответила мамаша. — Я торговать пошла. Может, по дороге в милицию зайду. Несдобровать тогда тебе.

Когда мамаша свернула за угол, Аделаида сказала:

— Посидим на крылечке.

Сели.

— Чего это зубы у вас выпали у обеих? — спросил Иван.

— Не выпали, а вырвали их. Заболели они. Вчера ночью. У меня и у мамы сразу. Мы утром в больницу. Нам их вырвали. А я их потеряла.

— Ну, я пойду, — озабоченно проговорил Иван. — Дел у меня много. Просто ни минутки свободной нет. Даже спать некогда. — Он встал. — Гвардии рядовой Иван Семёнов отправляется выполнять домашние задания. Привет!

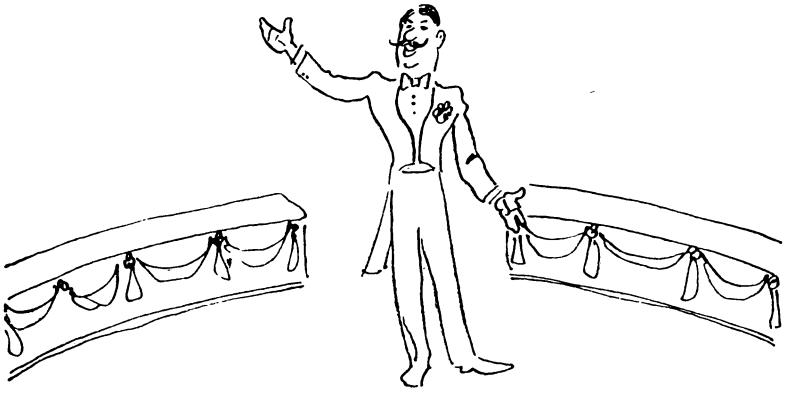
Выйдя за калитку, Иван помахал Аделаиде рукой и зашагал, напевая весёлую песенку.

1961 г.

Лёлишна из третьего подъезда,

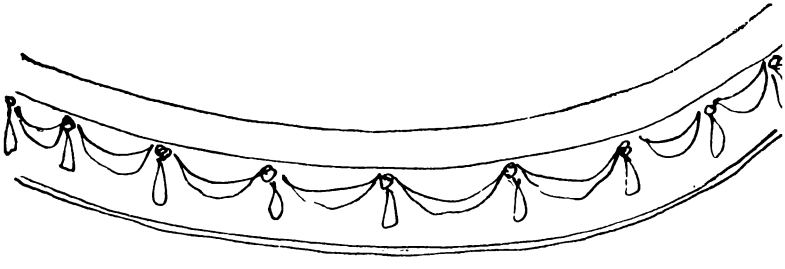
или

ПОВЕСТЬ О ДОБРОЙ ДЕВОЧКЕ, ХРАБРОМ МАЛЬЧИКЕ, УКРОТИТЕЛЕ ЛЬВОВ, ДВОЕЧНИКЕ ПО ПРОЗВИЩУ ПАРА, СМЕШНОМ МИЛИЦИОНЕРЕ И ДРУГИХ ИНТЕРЕСНЫХ ЛИЧНОСТЯХ, ПЕРЕЧИСЛИТЬ КОТОРЫХ В НАЗВАНИИ НЕТ НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ, ПОТОМУ ЧТО ОНО И ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ СЛИШКОМ ДЛИННЫМ



И если уж так случилось, что повесть эта связана с цирком, то автору невольно пришлось использовать слова, принадлежащие манежу. Цирковое представление, как известно, начинается с парада участников... Стоит перевернуть страницу, как вы попадёте на парад участников повести «Лёлишна из третьего подъезда».

Перевёртывайте!



ПАРАД УЧАСТНИКОВ

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ПАРАД УЧАСТНИКОВ

Лёлишна Охлопкова

Лёля Охлопкова, которую все называют Лёлишна, живёт в нашем доме — в третьем подъезде, на пятом этаже.

Ей одиннадцать лет.

Живёт она с дедушкой. Родители её умерли.

Хотели Лёлишну взять в детский дом, но дедушка сказал:

— Не выйдет.

И заплакал.

Потом дедушку хотели взять в дом для престарелых, но Лёлишна сказала:

— Не выйдет.

И не заплакала, потому что хотя и была маленькой, да ещё девочкой, но характер у неё был мужественный.

Она сказала дедушке:

— Пойдём-ка лучше купим мороженого.

Так они и сделали.

Сначала им стало весело, однако, когда вернулись домой, дедушка опять чуть не заплакал.

— Ты только слушайся меня, — сказала Лёлишна, — и всё будет очень замечательно!

— Ладно, — ответил дедушка, — за меня не беспокойся. Я буду вести себя очень прекрасно.

Он выпил валерьяновых капель (тридцать четыре штуки), прилёг и заснул.

Лёлишна поцеловала его в лоб, вышла на балкон и расплакалась, хотя у неё и был мужественный характер.

«Бедный дедушка, — подумала она. — Он ведь тоже сирота. У меня папы и мамы нет, и у него мамы и папы нет. Одни мы с ним остались».

Но долго переживать у неё не было возможности: некогда, забот много. Вряд ли кто из вас поймёт это, разве что некоторые девочки. А кто поймёт, тому и растолковывать не нужно.

Достаточно лишь сказать: Лёлишна была главой семьи. А быть главой семьи хотя бы из двух человек — дело трудное и неблагодарное. И главная его трудность заключается в том, что состоит оно из мелких мелочей.

Казалось бы, чего проще — сходить на рынок и в магазины, приготовить обед, прибрать квартиру?

А ну попробуйте.

И вы увидите самое неприятное, увидите, что время п р о х о д и т. Да, да, пройдёт несколько часов, а что, собственно, вы успели сделать? Мелкие мелочи. Даже и похвастаться нечем.

Все до того привыкли считать работы по домашнему хозяйству не стоящими внимания, что и не обращают на них внимания. Но...

НО...

е д я т!

Причём каждый день,
причём не один раз
и чтоб ВКУСНО было!
Поели, «спасибо» сказали.

А кто посуду мыть будет?

А кто пол мыть будет?

Бельё стирать?

Гладить бельё кто будет?

Лёлишна всё делала сама. Если дедушка и брался помогать, то лучше бы и не помогал; путал он всё, забывал, всё у него из рук валилось — старенький был дедушка.

На днях он сжёг на сковородке трёх рыб, которых внучка поручила ему зажарить.

— Ах, тебя ни о чём нельзя попросить! — воскликнула Лёлишна, а дедушка стал уверять, что обожает полусгоревшую рыбу.

И в доказательство даже съел одну штуку.

А после этого ему стало плохо.

И Лёлишна весь вечер просидела у его кровати.

Старый да малый — это очень трудно, но выручала дружба. Дедушка и внучка были верными друзьями.

И если вам часто не хватает времени, то у Лёлишны свободного времени почти не было. Она никому не жаловалась, никто и не замечал, как ей живётся.

Но, повторяю, характер у девочки был мужественный. Не будь у неё такого характера, я бы и писать о ней не стал.

Это что такое? Все участники парада стоят на ногах, а этот...

Лежит!

И спит...

Разрешите представить вам Петьку-Пару, чемпиона по плевкам, известного двоечника.

Спать он может до двух часов дня (если его разбудят, а если нет — то до трёх или четырёх часов).

Будит его бабушка. На эту операцию ей требуется часа полтора, а то и два.

Да ещё с половиной.

Сначала бабушка снимает с внука одеяло и выдёргивает из-под его головы подушку.

Тогда он суёт себе под голову кулак, а другой рукой накрывает плечо.

И спит.

Затем бабушка вытаскивает из-под него матрац.

Петька остаётся на голой раскладушке.

И спит.

Бабушка выливает на него стакан холодной воды.

Петька недовольно хрюкает, плюётся, но не просыпается.

Тогда бабушка опрокидывает раскладушку.

Петька стукается об пол и продолжает спать.

Примерно через полчаса он встаёт на четвереньки: холодно лежать на полу!

И Петька ползёт, не открывая глаз. Ползёт он к ковру.

Но хитрая бабушка ставит на его пути стул.

Петька стук об него лбом и поворачивает в сторону. И опять натыкается на стул.

Стукнувшись о стул раз восемь, Петька садится и начинает протирать глаза.

А бабушка уже наготове — стоит с миской в руках.

А в миске — каша.

И ещё не проснувшись, внук широко раскрывает рот, а бабушка складывает туда кашу.

Петька глотает.

Съев кашу, он просит:

— Чай!

Бабушка мчится за чаем.

Насытившись, Петька сначала открывает один глаз, а через несколько минут — второй.

Но если вы думаете, что он уже проснулся, то ошибаетесь.

Бабушка берёт его под мышки и держит так до тех пор, пока внук не перестанет покачиваться.

Она отпускает его и говорит:

— Вот мы и проснулись.

Бывало, что Петька засыпал среди бела дня. Это кончалось тем, что замок в дверях приходилось взламывать. Мог он уснуть в трамвае, в кинотеатре, в ванне, на уличной скамейке, а уж как крепко спал он на уроках, и говорить не надо! Замечательно спал.

Ещё любил Петька плевать. Это было его любимое занятие. Он мечтал научиться плевать так метко, чтобы с высоты пятого этажа попадать в копеечку.

В каждом классе Петька сидел два года; и все к этому так привыкли, что если бы он вдруг перешёл в следующий класс как положено, то все бы очень удивились.

Когда его отца вызывали в школу и жаловались на сына, отец говорил:

— Ничего, ничего, гражданка учительница, образумится парень со временем. Вот пойдёт в армию, там из него человека сделают. Любо-дорого на парня посмотреть будет.

— А до армии? — спрашивала учительница.

— Живёт ведь. А что? — невозмутимо спрашивал отец. — Не ворует, людей не убивает. Правда, соображает он плоховато. Так ведь не всем же академиками быть. Дворники тоже нужны.

Но Петька ни дворником, ни академиком быть не собирался. Любил он:

п о е с т ь
поспать
и
п е т ь.
по л ва

Больше Петьку ничто в жизни особенно не интересовало.

Виктор Мокроусов

Вот он в четвёртый класс не перешёл, а, точнее сказать, перебежал, так как учился он очень хорошо.

Живёт он в том же доме, что Лёлишна и Петька, в первом подъезде, на третьем этаже.

Когда Виктор во дворе, все могут быть спокойны. Он, если потребуется, напинает любому хулигану, защитит малыша или девочку; синяк под глаз получит, но не убежит от опасности. И вовсе не потому, что он сильнее всех или длиннее. Наоборот — Виктор самого среднего роста, и мускулы у него самые обыкновенные.

Сильным его делает смелость.

А откуда он, по-вашему, взял эту смелость?

На дороге нашёл?

Или взаймы у кого-нибудь выпросил?

Или на ножичек выменял?

Или папа у него космонавт?

Или Герой Советского Союза?

Нет, нет, нет и нет.

Папа у него бухгалтер, тихий человек. Про таких говорят: мухи не обидит.

А смелость на дороге не валяется.

Никто её взаймы дать не может.

И на ножичек не сменяет.

До второго класса Виктор был трусоват.

Вот гулял он однажды в городском парке, вдруг слышит ребячьи голоса:

— Головёшка идёт! Головёшка идёт!

Оглянулся Виктор, а к нему подбегает этакий чумазый тип и говорит:

— Давай деньги! Ну!

— Какие деньги? — заикаясь от страха, спросил Виктор.

— Твои. А ну — давай! — И этакий чумазый тип стукнул его по лбу.

Виктор бежать.

Прибежал он домой весь в слезах, рассказал о том, что сейчас с ним случилось.

— Ну и дурак, — сказал отец. — Выходит, что зря мы тебе такое имя дали. Придётся его сменить. Виктор — значит победитель. Звать тебя Победитель, а ты никого победить не можешь. Какой-то головёшки испугался.

— Он меня по лбу! Кулако-о-о-ом!

— Будет так! — рассердился отец. — Или ты становишься победителем, или мы меняем тебе имя!

Задумался Виктор. К имени своему он привык — хорошее имя, красивое.

Виктор — победитель.

Чтобы оправдать такое имя, надо быть смелым.

— Но как — стать смелым?

Надо тренироваться, учиться быть смелым.

А как???????????????

А вот так: не бояться — и всё!

И Виктор пошёл в городской парк.

И сразу увидел

Головёшку —

этакого чумазого типа.

Как и следовало ожидать, тип подскочил, скомандовал:

— А ну, давай деньги!

— Денег у меня нет, а если бы и были, то ничего бы ты не получил.

— Зато ты получишь! — крикнул Головёшка и стукнул его уже не по лбу, а — в лоб.

Виктор — реветь и наутёк.

Добежал он до выхода из парка и остановился. Что же такое получилось? Опять победителя победили?

По щекам его текли слёзы, но он двинулся обратно.

Головёшка, увидев Виктора, захохотал.

Однако долго хохотать ему не пришлось.

Виктор закрыл от страха глаза и махнул рукой.

И попал Головёшке по плечу.

Тот дал сдачи.

Виктор — реветь и стукнул его по лбу.

Народ собрался. Девчонки визжат, попискивают. Мальчишки советы дают.

Вдруг — милицейский свисток.

в ую.

Все

р ып

ас с н

Быстрее всех умчался Головёшка.

Один Виктор остался.

Подходит милиционер Горшков, спрашивает:

— Что тут имело место?

— Победитель побеждал, — с плачем ответил Виктор.

— Какой это победитель?

— Я-а-а-а-а-а-а-а-а... — на весь парк заревел Виктор.

— Какой же ты победитель? — удивился милиционер Горшков. — Во-первых, ревёшь. Во-вторых, нос у тебя расквашен, под глазом синяк и щека расцарапана. Полю-

буйся-ка! — он достал из кармана маленькое зеркальце и протянул мальчику.

— Ого-го-го! — воскликнул Виктор, увидев свою физиономию точно такой, какой её описал милиционер. — Цветная фотография получилась. Меня Виктором зовут, — объяснил он, — а это значит победитель. Так какой же я победитель, если я трус? Вот я и решил смелым стать, чтобы не трусить. Раньше я от Головёшки бегал, а сегодня он убежал.

— От Головёшки? — спросил Горшков. — Знаю такого. Ну ладно, ты не убежал. Зато ревел.

— Ну и что? Просто рот забыл закрыть.

— А как сейчас самочувствие?

— Ничего, только пить хочу.

И милиционер угостил Виктора газированной водой с вишневым сиропом, а на прощанье сказал:

— Во-первых, когда побеждать будешь, рот закрывай. Во-вторых, когда подрастёшь, приходи в милицию работать. Нам смелые люди очень нужны.

Домой мальчишка шёл гордый и весёлый. Сегодня он действительно был победителем, хотя и забыл при победе закрыть рот, хотя нос у него был расквашен, под глазом красовался синяк, а щека была расцарапана.

Сегодня Виктор действительно победил свою трусость.

Только не надо думать, что дальше у него всё шло гладко. Нет, как и всякое плохое качество, трусость уничтожить было трудно. Она просыпалась в минуты опасности почти каждый раз.

И каждый раз с ней надо было бороться.

И каждый раз Виктор её побеждал.

Укротитель львов Эдуард Иванович

Он тоже самый смелый человек. Ведь если самая обыкновенная кошка, какая-нибудь там Муська или Дуська, исцарапать может, то львы, сами представляете, на что способны. Хлоп лапой — и, как говорится, каюк в белых тапочках!

Конечно, на широком кожаном поясе Эдуарда Ивановича висели пистолеты, но патроны в них были не настоящие — холостые, потому что стрелять в цирке нельзя: можно случайно попасть в зрителей.

Правда, на всякий случай были ещё шланги, чтобы поливать зверей холоднючей водой, если они взбунтуются.

Были у Эдуарда Ивановича и помощники. Во время представления они стояли наготове с длинными железными палками в руках.

Но стояли они за клеткой.

Так что, единственным оружием дрессировщика был бич, которым он щёлкал — как стрелял.

— Почему львы вас слушаются? — часто спрашивали Эдуарда Ивановича зрители.

— А потому что я нахал и обманщик, — смеясь, отвечал укротитель. — Я нахально обманываю, доказывая, что я будто бы их сильнее. Как только они догадаются, что я их слабее, так они меня — ам!

Вам, конечно, интересно узнать, как Эдуард Иванович стал укротителем?

Цирк он любил с детства и, когда подрос, пошёл туда работать. Был он и рабочим, и кассиром, и контролёром, а потом стал ассистентом жонглёра, то есть его помощником. Хищники ему нравились, но он и думать боялся о том, чтобы войти в клетку к зверям.

Однажды во время представления укротителю львов стало плохо. Он был пожилым человеком и неожиданно почувствовал, что сердце у него вот-вот разорвётся. Он шагнул к выходу и упал.

Упал он лицом вниз. А хищникам нельзя показывать спину. Они обязательно бросятся на неё.

Ещё никто не успел сообразить, что же произошло, как Эдуард Иванович, стоявший у выхода на арену, открыл дверь в коридор из железных прутьев (по этому коридору львов из клеток выпускают на манеж).

Он выбежал на арену, подхватил дрессировщика под мышки и вытащил в безопасное место.

А львы **словно обезумели —**
заметались,
ПОДНЯЛИ страшенный РЁВ.

В цирке началась паника.

Можно было бы подождать, когда публика выйдет, и загнать зверей в клетки потоками холоднючей воды из шлангов. Но делать этого не хотелось. В цирке есть закон — доводить любой номер до конца.

И Эдуард Иванович во второй раз вышел на арену — к метавшимся львам.

Он взял бич, щёлкнул им — как выстрелил.

У него было такое весёлое, такое бесстрашное лицо, что зрители сразу успокоились, подумали, что будто так и надо было.

А Эдуард Иванович щёлкал бичом, наступал на львов, загонял их в коридор из железных прутьев.

И улыбался.

Когда последний лев был изгнан с арены и закрыт в клетку, молодой жонглёр стал раскланиваться перед довольной публикой как ни в чём не бывало. Как будто всю жизнь он только то и делал, что укрощал львов.

Старый дрессировщик обнял его, расцеловал и проговорил:

— Я больше работать с ними не могу. Они уже не будут меня слушаться. Бери моих львов.

Так Эдуард Иванович стал укротителем.

Интересная и опасная была у него профессия. Но какие бы с ним ни приключались беды и несчастья, он не унывал.

Как-то ему пришлось проводить репетицию ночью. В цирке никого не было, кроме нескольких рабочих и уборщиц.

И ВДРУГ ПОГАС СВЕТ.

Наступила полная темнота.

Укротитель, стоя посередине арены, не только не видел, он и не слышал сразу притаившихся львов и львиц.

А они его и видели, и слышали.

Что делать?

Он щёлкнул бичом.

Осторожно попятился.

вспыхнул

И тут свет!

В трёх шагах от себя Эдуард Иванович увидел двух львиц, приготовившихся к прыжку.

— Ай-я-яй! — сказал им дрессировщик. — Как вам не стыдно? А я-то думал, что вы меня любите. А вы решили меня слопать? По местам!

И он продолжил репетицию.

Злая девчонка
Сусанна Кольчикова

Я бы с удовольствием не написал о ней ни строчки, если бы она не участвовала в представлении.

Ей десять лет. Всего десять лет!

Но за свою небольшую жизнь она ухитрилась сделать людям столько неприятностей, сколько другим не сделать и за двести лет.

Можно сказать, что она только тем и занималась, что злилась и со злости творила всякого рода безобразия.

Ростом она маленькая, худенькая, вёрткая.

Пулей вылетит из подъезда.

Стукнет кого-нибудь по затылку.

И обратно

пулей

в подъезд,

домой!

А дома её встречают одна мама, один папа и две бабушки. Они до того обожают свою ненаглядненькую Сусанночку, что считают её самым замечательным ребёнком на всем земном шаре! Они и не подозревали, какие она творит злодеяния.

Однажды Сусанна проколола гвоздём футбольный мяч, ткнула в покрышку и — пши-и-иии...

Двадцать мальчишек — сорок ног — бежали за ней.

И её — две ноги — не поймали!

Кстати, это она научила
Петьку-Пару плевать.
Сказала ему,
что если целый день плевать на одно место,
то к вечеру на этом месте
вырастет белый гриб.

Петька плевал,

плевал,

плевал,

п л е в а л,

п-л-е-в-а-л...

Никакого белого гриба,
даже мухомора,
конечно, не выросло,
а плевать — понравилось.

Привык.

Даже Виктор Мокроусов Сусанны побаивался. А что делать?

Бежит мальчишка, она ему подножку — раз!

Он — плюх на землю, искры из глаз, голова гудит.

Он вскочит и — на Сусанну с кулаками.

Она — реветь и звать на помощь.

Люди видят — стоит девочка, плачет в четыре ручья (по два из каждого глаза), а её хотят бить.

И все — ей на помощь.

Вот она какая,
Сусанна
Кольчи-
кова.

ПРОДОЛЖАЕМ ПАРАД УЧАСТНИКОВ НАШЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ!

Человек, которому никто не верит, фокусник Григорий Васильевич

Вот как мы с ним познакомились. Был я в командировке, ждал поезда на маленькой железнодорожной станции.

Наступила ночь. До поезда оставалось часа два.

Смотрю: на скамейке под фонарём сидит человек и...

У меня от удивления, как говорится, глаза на лоб полезли, а от страха волосы на голове зашевелились.

Ведь человек этот поднимал с земли гальки, подбрасывал их в воздух и они п
а
д
а
л
и
е
м
у
в
р
о
т
.

Я начал считать гальки. Одна... Десять... тридцать...

Человек поднял гальку величиной с кулак, подбросил в воздух и — проглотил!

Заметив меня, он сказал:

— Присаживайтесь.

А я подумал: «Вдруг он возьмёт меня, подбросит в воздух и проглотит?!»

— Садитесь, садитесь, — снова предложил мне этот странный человек. — Отдыхайте.

Я присел, а он продолжал глотать гальки.

— Что вы делаете? — в ужасе спросил я.

— Закурить есть? — спросил этот странный человек.

— Некурящий.

Тогда он сунул руку в карман моего пиджака и достал оттуда сначала портсигар, затем спички, закурил, поблагодарил и положил спички с портсигаром мне в карман.

Я сунул туда руку — пусто.

Тогда он на моих глазах проглотил горящую папиросу, достал из уха новую, проглотил её и достал новую — из моего ботинка.

— Хватит! — весело сказал этот странный человек, видимо почувствовав, что я собираюсь бежать. — Просто я фокусник. Вот от нечего делать тренировался. Понравилось?

— Нет, — ответил я, — испугался.

Человек опустил руки, и из обоих рукавов на землю высыпались гальки, в том числе и та, величиной с кулак.

Посмеялись мы и разговорились.

Родители моего нового знакомого — Григория Васильевича — хотели, чтобы он рос не как другие дети. Его не отпускали одного играть на улицу, в школу и обратно домой его сопровождала мама. Ребёнок рос избалованным, капризным. Родители мечтали, чтобы он прожил жизнь уютно, беззаботно.

Но однажды Гришу привели в цирк.

Видел он и ловких гимнастов, и сильных борцов, и смелых дрессировщиков, и весёлых клоунов, и красивых наездниц...

И здесь же, на представлении, он решил во что бы то ни стало стать фокусником — человеком, которому никто не верит.

И стал им.

И выпала ему жизнь не уютная, не беззаботная, а суматошная, беспокойная, даже тревожная.

Но важно выбрать работу по душе. Это самое главное. Лучше быть хорошим дворником, чем плохим академиком.

Да и профессия фокусника не такая уж лёгкая, как может показаться на первый взгляд.

Фокуснику никто не верит.

Никто! Ни один человек!

Зрители пожалеют оступившегося гимнаста, поскользнувшуюся наездницу, простят глупые шутки клоуну, но когда выходит на манеж фокусник, все зрители мысленно желают ему неудачи. Кое-кто считает его просто обманщиком. Ведь зрители смотрят во все глаза и сердятся, потому что не могут заметить, откуда в бумажном кульке оказывается вода или как куриное яйцо мгновенно превращается в живого петуха.

...Когда в ваш город приедет цирк шапито, приходите на представление и не жалейте ладоней — хлопайте артистам, этим неутомимым, сильным, ловким и смелым труженикам!

Гроза жуликов и хулиганов милиционер Горшков и его подопечный, не поддающийся воспитанию Головёшка

Жизнь у Головёшки была в высшей степени скучная. Он даже читать не любил. Да чего там — читать! Он даже в футбол не играл.

А Горшков ему одно твердил:

— Думай. Включай свою мозговую систему на полную мощность.

Нет уж, если жизнь не удалась, никакая тут система не поможет, сколько её ни включай! Вот раньше, когда с жуликами дружил, жить было интересно. Воровать Головёшке (а так его прозвали за то, что он был черноволосый и всегда чумазый), скажем прямо, понравилось. Конфеты ел, в кино каждый день ходил, мороженое по нескольку штук за один раз сглатывал, по целой бутылке фруктовой выпивал и целой булкой закусывал.

И очень, помнится, удивился, когда его забрали в милицию.

Испугался.

Ничего не понял: ведь до этого он не задумывался над тем, что берёт чужие деньги, что совершает преступление, что будь он не маленьким, то за свои делишки угодил бы прямо в тюрьму.

Головёшка выслушал Горшкова с величайшим вниманием. Раскаяние его было настолько очевидным, что разговор в милиции занял не более получаса.

Однако на другой день милиционер явился к нему домой и долго разговаривал с матерью, Ксенией Андреевной, выспрашивал её о жизни.

Мать, конечно, расплакалась: сын растёт непутёвым, без присмотра ведь. А она — больная, вот уж несколько лет не встаёт с постели. И если бы не соседка тётя Нюра, то и как бы жили — неизвестно. Лечить-то лечат, а вылечить не могут.

Головёшка был благодарен Горшкову, что тот не рассказал о карманных кражах. А то бы мать совсем расстроилась.

Потом милиционер побывал в школе и через месяц примерно добился, чтобы мальчишку перевели в интернат.

Но Головёшка опять связался с жуликами.

Горшков опять его поймал.

На этот раз разговор в милиции был куда строже. Тут мальчишка впервые услышал слова «неподдающийся» и «колония».

И на этот раз Горшков рассказал Ксении Андреевне не всё.

— Только в интернате не говорите! — взмолился Головёшка. — Я тогда оттуда убегу!

— Ты не пугай, — строго сказал Горшков. — Условия не ставь. Мы тебе условия ставить будем.

— Вы уж его больно-то не ругайте, — попросила Ксения Андреевна, — он у меня переживательный очень.

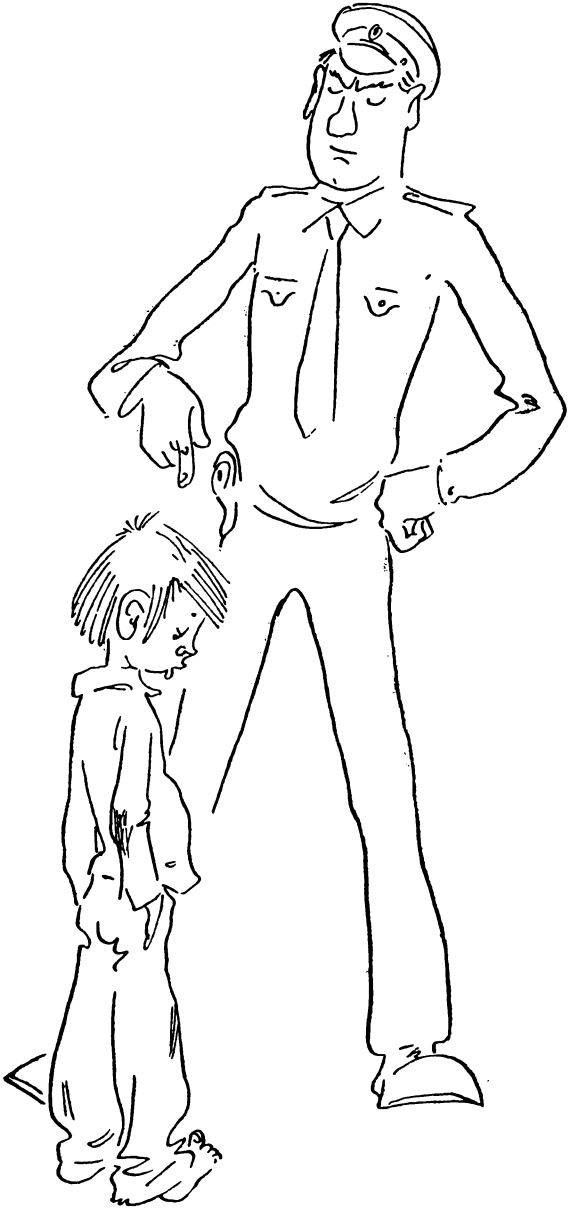
— Он у вас несознательный очень, — поправил Горшков. — Зря вы его жалеете.

— Да как же мне его не жалеть? Ведь он у меня один. Одна он моя надежда на старость.

— Надежда, надежда, — проворчал милиционер. — Если его сейчас же в руки не взять, не приструнить, он вам такую старость организует, что наплачетесь.

И не стало Головёшке покоя.

Горшков от него не отставал, всё хотел чем-нибудь



увлечь. Хоть бы футболом! На стадион его бесплатно проводил.

Ничего не получалось.

Ничем не интересовался Головёшка.

Ничем!

Ох и злился Горшков! И на себя, и на мальчишку. Зачем он только связался с ним?

У самого-то жизнь — хуже не придумаешь. Мечтал он работать в уголовном розыске, чтобы бороться с настоящими преступниками, а его держали, как он выражался, на мелкой рыбе.

И только изредка товарищ майор из уголовного розыска брал Горшкова с собой на опасные задания.

Роста Горшков был двухметрового.

— Потому тебя и не берут в розыск, — шутили товарищи, — что твою фигуру за восемь с половиной километров видно.

Зато уж жуликов Горшков не приводил в милицию, а, можно сказать,

приносил за шиворот.

Иной раз по две штуки в каждой руке.

НА ЭТОМ ПАРАД УЧАСТНИКОВ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ.
НАЧИНАЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!
ПЕРЕВОРАЧИВАЙТЕ СТРАНИЦЫ,
ЧИТАЙТЕ,
ПОКА НЕ НАДОЕСТ!

НАЧИНАЕМ НАШУ ПРОГРАММУ

Открывает первое отделение Петька-Пара

Он сидел на балконе и плевал. И вдруг увидел на соседнем балконе Лёлишну, закричал радостно:

— Эй ты, сирота, съела кошку без хвоста! — Он мяукнул, потом гавкнул, потом крикнул петухом. — Лёлька, Лёлька, пирбемолька! Кошка, мошка, драндулет! Мыло, сало и паркет!

— Не дразнись, пожалуйста, — попросила Лёлишна.

— А мне делать нечего, — признался Петька.

— Иди поспи, — посоветовала Лёлишна.

Петька вернулся в комнату, прилёг на диван. Уснул.

Бабушка, уходя на рынок, забыла взять ключ.

Придя домой, она все руки отбила о дверь.

Соседи выходили на помощь — тоже стучали.

— Петю будят, — сказала Лёлишна дедушке, когда они вышли во двор посидеть на скамеечке.

— Бедный ребёнок, — сказал дедушка, — они сломают дверь, а ему попадёт.

Выходил дедушка на улицу редко, так как ему было тяжело подниматься обратно на пятый этаж.

Несколько раз Лёлишна обращалась в домоуправление с просьбой поменять квартиру. Но грозный домоуправляющий товарищ Сурков говорил одно и то же:

— Разберёмся.

Пока он разбирался, дедушка не имел возможности гулять каждый день. Вот об этом они с Лёлишной и разговаривали, когда к ним подошёл высокий дяденька, в голубом пиджаке, с огромным чемоданом, и спросил:

— Где здесь тридцать восьмая квартира?

— Она во втором подъезде на пятом этаже, — ответила Лёлишна, — но вам в неё не попасть. Петя уснул.

— Если Петя уснёт, — объяснил дедушка, — его и пушкой не разбудить. У него феноменальный сон.

— А что мне делать? — спросил дяденька, присев на свой огромный чемодан. — Если я феноменально устал, а отдыхать мне негде?

— А вы кто такой? — спросил дедушка.

— Я дрессировщик, — раздалось в ответ, — укротитель львов. Работаю в цирке шапито.

Дедушка с Лёлишной испуганно встали, словно перед ними был не укротитель, а лев.

— Зовут меня, — дяденька тоже встал, — Эдуард Иванович. Жить мне в вашем городе месяца три. На это время дирекция сняла мне комнату. Тридцать восьмая квартира в этом вот доме. Я только что с поезда. Устал, а тут...

Лёлишна сказала:

— Ни разу в жизни не разговаривала с живым дрессировщиком.

— Я тоже, — сказал дедушка и обиженно спросил: — А почему вам, Эдуард Иванович, обязательно жить у этого феноменального засони?

— У нас две комнаты, — сказала Лёлишна, — и одну мы спокойно можем отдать вам.

— С большим удовольствием, — добавил дедушка, — если, конечно, львов с собой приводить не будете.

— Не стану, — весело пообещал Эдуард Иванович. — Согласен поселиться у вас. Но вот вопрос: какие у вас характеры?

— У неё хороший, — кивнув на внучку, ответил дедушка. — А у меня так себе, средний.

— Терпимо, — укротитель опять улыбнулся. — Домой я прихожу довольно поздно, но зато в цирк вы сможете ходить бесплатно и хоть каждый день. Вас устраивает?

Это очень устраивало Лёлишну с дедушкой!

Эх, если бы знал Петька, кого он проспал!

Второй номер нашей программы исполняет злая девчонка Сусанна Кольчикова

Она появилась во дворе нарядно одетой: в голубом, с белым воротничком, платьице, на макушке — огромный голубой бант. Самые страшные свои злодеяния Сусанна совершала именно нарядно одетой. Ведь тогда она выглядела паинькой, скромницей и люди забывали, какая она на самом деле.

Едва она вышла из подъезда, как все малыши бросились

р п
в а с ую.
с ы н

А бабушки, сидевшие с вязаньем в руках, стали настороженно следить за каждым её шагом.

Но она — маленькая, худенькая, нарядная — не человек, а кукла из магазина «Детский мир», — гуляла, скромно опустив глазки.

И бабушки успокоились.

И малыши вернулись на свои места.

А Сусанна зорко посматривала по сторонам, выбирая жертву для своего очередного злодеяния.

Интересной жертвы не было.

И она (то есть Сусанна) начала злиться.

Стала покусывать губки.

Сжала кулачки.

И опустила ножку на песочный домик.

Малыш — строитель домика — заревел.

На личике злой девчонки появилась улыбочка.

Бабушка забеспокоилась.

Малыши заволновались.

Но Сусанна снова скромно опустила глазки, разжала кулачки, перестала покусывать губки и вновь превратилась в куклу из магазина «Детский мир».

Из подъезда вышла Лёлишна.

— Опять Петя уснул, — озабоченно сказала она. — Бабушка на лестнице плачет, а он спит.

— Как замечательно! — радостно прошептала Сусанна. — Так ему и надо! Так ему и надо! Так им всем и надо!

— Ты что? — удивилась Лёлишна. — У них несчастье, а ты...

— А громко бабуся ревёт? — перебила Сусанна. — Обожаю, когда бабушки плачут! Пойду посмотрю! Очень интересно!

И злая девчонка вбежала в подъезд.

Но бабушки она не увидела: бабушка уже сидела у соседей и уже не плакала, а пила чай.

Разозлившись, Сусанна постучала в Петькину квартиру.

И — что бы вы подумали? Петька сразу проснулся. Вернее, не проснулся от стука, а просто выспался.

Он открыл дверь и спросил, зевая:

— Чего надо?

— А ты что делаешь, Петенька? — спросила Сусанна.

— Да вот квартиру караулю, — зевая, ответил Петька. — Дрессировщика какого-то поджидаю. То ли собак, то ли куриц он дрессирует, не знаю. Мы ему комнату сда-

ём. В цирк бесплатно хоть каждый день ходить придётся. Тебе-то что тут надо?

— Замечательно! Замечательно! — Сусанна даже подпрыгнула. — Что я придумала! Что я придумала!

И, так как она была в нарядном платьице, с бантом на макушке, Петька и забыл, какая она на самом деле.

— Заходи давай, — предложил он, — а то я один-то опять усну.

— Что я придумала! — перепрыгнув порог, воскликнула Сусанна. — Ах, Петюнчик ты миленький! Петюшечка ты замечательная! Золотце!

— Ты не обзывайся, а говори.

— Петюлечка ты дорогая! Почему все считают тебя засоней? Только и слышишь: «Пара-засоня!», «Засоня-Пара!»

— Да ну? — Петька сделал вид, что очень удивился. — Я им... — Он погрозил кулаком.

И зевнул.

— Правильно, Петюнчик! Правильно, Петюнчик! — сказала Сусанна ласково. — Ты им должен доказать, что они врут. Раз они считают тебя засоней, ты сиди и дверь не открывай. Сиди и молчи. Молчи и сиди. А потом, когда все заревут, открой дверь и скажи: «А я и не спал. Но раз вы считаете меня будто бы засоней...»

— Попадёт, — испуганно протянул Петька.

— А я здесь буду. С тобой. Скажу, что всё это я устроила.

— Всё равно попадёт. Мне больше, тебе меньше.

— Зато ты всех проучишь! Не будут тебя больше засоней дразнить! Уважать тебя будут, Петюлечка бесценная!

— Подумать надо...

И тут

раздался

СТУК в дверь.

— Не открывай, не открывай, не открывай! — шептала Сусанна, цепко держа Петьку за руку.

В дверь колотилось кулаков шесть — не меньше.

— Попадёт, попадёт, попадёт! — шептал Петька.

— Не открывай, не открывай, не открывай...

— Попадёт, попадёт, попадёт...

Вдруг — тишина.

Тишина — вдруг.

— Ломать будут, — всхлипнув, сказал Петька. Он и

в спокойной-то обстановке всегда туго соображал, а сейчас вообще понять не мог, что происходит. — Ломать будут! — жалобно повторил он. — Попадёт...

— Иди, — Сусанна подтолкнула его к дверям, — скажи им...

Он, хныкая, направился в коридор, остановился у дверей и заревел во весь голос.

Но было уже поздно.

Замок взломали.

Дверь открылась.

— Засоня! — сказал отец и дал ему подзатыльник.

— Жизни моей больше нет! — сказала бабушка.

— Это не я! — с рёвом ответил Петька. — Не мне по затылку надо, а Сусанне! Она меня за руку держала! Дверь не давала открывать! Можете проверить! Можете у неё спросить! Тут она! Сама обо всём расскажет! Вобла несчастная! Селёдка недожаренная!

Обыскали всю квартиру.

Даже на балкон выглянули.

Злой девчонки нигде не было.

Ни-где!

Ис-па-ри-лась!

У-ле-ту-чи-лась!

Пришлось Петьке отвечать одному. И за то, что засоня, и за то, что соврал насчёт Сусанны.

Но он не плакал.

Он думал о том, куда могла деться злая девчонка.

А попало ему здорово. Так попало, что я даже не буду описывать — как.

Сами догадайтесь.

Но, повторяю, он не плакал.

Он думал о мести.

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПРЫЖОК!
Только в нашей программе!
НЕВЕРОЯТНЫЙ ПРЫЖОК!

Куда же исчезла Сусанна?

И как?

А вот как.

Вышла она на балкон.

Пятый этаж.

Никуда не спрячешься.

Любой человек на её месте растерялся бы.

Но Сусанна не растерялась. Она перелезла через перила. О чём — интересно — думала она в этот момент?

А думала она о том, как попадёт Петьке-Паре. Причём ему попадёт ещё больше, если она исчезнет из его квартиры. Ведь он обязательно скажет, что всё это придумала она, а её нету!

Пятый этаж.

Правда, расстояние между балконами небольшое, но какой надо быть злой, чтобы...

Сусанна —

прЫгНуЛА!

Хихикая, перелезла она через перила соседнего балкона, одёрнула платьице, как бы вновь превращаясь в куклу из магазина «Детский мир».

И шагнула в комнату.

Лёлишнин дедушка пил молоко.

Увидев девчонку, он выронил из рук стакан.

Сусанна бросилась к выходу, но споткнулась и упала.

Раздался стук — это её голова ударилась об пол.

Виииииииииииииииииииииииизг раздался.

Если бы я был злым человеком, то хохотал бы сейчас во всё горло.

А если бы я был совсем злым человеком, то написал бы, что она завизжала как поросёнок.

Но я пожалел Сусанну: так здорово она грохнулась.

А ещё больше мне жаль дедушку. Ведь он очень испугался.

Сусанна тоже испугалась и на четвереньках уползла в коридор.

А дедушка долго-долго не мог прийти в себя.

Когда Сусанна вышла во двор, на лбу её красовалась шишка.

Малыши дружно рассмеялись.

Бабушки всплеснули руками, и клубки шерсти раскатились в разные стороны. Сами понимаете, как рррррррразозлилась Сусанна!

И —

наступила тишина.

Тишина наступила.

Шишка на Сусаннином лбу стала разноцветной.

Кажется, впервые в жизни она (то есть злая девчонка, а не шишка, конечно) разревелась по-настоящему, от всей

души, а не для того, чтобы кого-нибудь подвести или что-нибудь выпросить.

Она ревела так громко, что ничего не видела и не слышала.

А малыши прыгали вокруг неё и пели:

— Так тебе и надо! Так тебе и надо!

А бабушки прихлопывали в ладоши и даже

при
топ ва
ты ли.

На балконе появился Петька.

Увидев Сусанну, он что, по-вашему, сделал?

Конечно плюнул.

Но — промахнулся.

— Эй, ты! — крикнул он. — Берегись! Я из тебя котлету сделаю! На постном масле! С луком тебя изжарю, вобла полосатая!

И плюнул.

И опять — промахнулся.

Потому что очень нервничал.

Продолжаем нашу программу. Выступают артисты разговорного жанра — бабушки и дедушка

Лёлишнин дедушка, придя в себя после внезапного появления Сусанны, сказал:

— Это безобразие. Надо принимать меры.

Но какие меры и как их принимать, дедушка не знал.

Он сидел, пил молоко и повторял:

— Это безобразие.

Вдруг раздался резкий звонок.

Дедушка открыл дверь и увидел двух бабушек.

— Это безобразие, — сказали они, — надо принимать меры.

— Правильно, — согласился дедушка, — это феноменальное безобразие. Прошу вас в комнату.

Но бабушки даже порога не перешагнули, сказали:

— Надо её наказать, обязательно надо наказать. Обязательно и феноменально.

— Правильно, — опять согласился дедушка, — надо её наказать. Феноменально и обязательно.

Тут бабушки переглянулись между собой и спросили:

— А кого наказать?

— Её,— ответил дедушка.

— Кого — её?

— Я забыл, как её зовут, — виновато признался дедушка.

— Ха! Ха! Ха! — сказали бабушки. — Он забыл, как зовут его внучку. Смешно в высшей степени!

— Я не забыл, как зовут мою внучку, но...

— Её, её надо наказать! — перебили бабушки. — Она изуродовала нашего ребёнка! Сделала ему шишку! На лбу! В самом центре!

— Неправда. Шишку вашему ребёнку сделал, видимо, я.

— Вы?!

— Я, — дедушка виновато улыбнулся. — Понимаете, я пил молоко, кипячёное конечно, и ноги мои в это время были вытянуты, а ваш ребёнок запнулся и...

— Ах! — воскликнули бабушки и пошатнулись и стукнулись друг о друга. — Вас надо отвести в милицию. Нет, вас надо положить в тюрьму!

— Меня?

— Вот именно — вас!

— Пожалуйста, — вздохнув, согласился дедушка. — Если вы считаете, что я виноват, пожалуйста. Но я думаю, что виноват не я, а ваш ребёнок.

— Он не может быть виноват!

— Он виноват, — тихо, но упрямо возразил дедушка. — Из-за него, то есть из-за неё, я испугался и пролил стакан кипячёного молока.

— А чего это он испугался? — спросили друг друга бабушки.

— А как она попала в нашу квартиру? — спросил дедушка.

— Как она попала в его квартиру? — спросили бабушки насмешливо. — Ха! Ха! Ха! Уж не хочет ли он сказать, что она прилетела в окно? Ха! Ха! Ха!

— Да, я хочу сказать, что она вроде бы прилетела. Только не в окно, а на балкон. — И дедушка неуверенно добавил: — Ха. Ха. Ха.

Бабушки сказали:

— Пожилой человек, а врёт.

— Я не вру, — покраснев от обиды, сказал дедушка. — Даю вам честное пенсионерское, что ваш ребёнок вошёл не в дверь, а откуда-то появился на балконе.

— Всё ясно, — покачав головами, озабоченно произнесли бабушки, — его надо отправить не в тюрьму, а посадить в больницу.

Больницы и врачей дедушка боялся больше всего на свете. Поэтому он испуганно захлопнул дверь и убежал в комнату.

В это время проснулся Эдуард Иванович.

— Я спал, как Петька из тридцать восьмой квартиры, — сказал он. — Что тут происходило? Сквозь сон я слышал стук, визг, звонок и разговоры. Что случилось?

— Случилось безобразие, — ответил дедушка, — я попал в историю.

— Пустяки, — успокоил его дрессировщик. — Вся жизнь состоит из того, что попадаешь в истории. Главное, чтоб вас не съели. Всё остальное — пустяки. Ну, я на вокзал. Приходит поезд с животными. Как-то они перенесли дорогу? Гастроли начинаются через три дня. Надеюсь, что вы с внучкой будете частыми гостями в нашем цирке.

И дедушка сразу повеселел. Он очень любил цирк. Он даже забыл спросить: а кто же и за что же может его, дедушку, съесть?

Весь вечер у ковра Петька-Пара!

Петька карaулил Сусанну.

А она лежала дома на кровати, а вокруг бегали
две бабушки,
одна мама,
один папа.

Они часто налетали друг на друга, спотыкались, хватались руками за голову и сердце, потому что не знали, как спасти любимого ребёнка.

Ведь любимый ребёнок заявил:

— Если не будете меня слушаться, я умру. Или купите мне тигрёнка. Живого. Полосатого. С хвостом. Такого, какой на афише нарисован.

— Солнышко моё! — воскликнула одна мама. — Мы бы тебе целого тигра купили, но их не продают.

— Не продают, — подтвердил один папа.

— Не продают, — подтвердили две бабушки.

— Меня это не интересует! — крикнул любимый ребёнок и закрыл глаза.

И простонал.

— Доктора! Доктора! Доктора! — закричали две бабушки.

— Врача, — прошептала одна мама.

— Доктора! — приказал один папа.

— Тигрёнка! — громче всех крикнул любимый ребёнок.

И снова забегали, засуетились, заспотыкались, заналетали друг на друга

две бабушки,

одна мама,

один папа.

Всё это Петька слышал. И захотелось ему на это посмотреть. Он влез на водосточную трубу, откуда до открытого окна было рукой подать.

«Тигра захотела! — подумал он. — Сама ты тигра бесхвостая! Я тебе покажу тигра! Вобла ты в крапинках!»

Хотел Петька слезть на землю, но не смог оторвать от трубы ни ног, ни рук.

Прилип.

Труба-то была недавно покрашена — он это заметил ещё тогда, когда лез.

А сейчас вот прилип.

Да накрепко.

Подошла Лёлишна, спросила:

— Что делаешь?

— Ничего, — ответил Петька, — просто так.

— Слезай. Труба выкрашена.

— Зачем это я слезать буду, если мне здесь нравится?

— Вымажешься.

— Ну и что? Чего ты ко мне пристала?

Подошёл Виктор, спросил:

— Пара, ты что тут делаешь?

— Ничего, — ответил Петька, — просто так.

— По-моему, он прилип, — сказала Лёлишна, — но не сознаётся.

— Пара, ты прилип? — спросил Виктор.

— И чего вы ко мне пристали? — возмутился Петька. — Нельзя человеку спокойно на трубе посидеть.

— Ты, пожалуйста, сиди, — сказала Лёлишна, — сиди сколько тебе угодно. Но мне кажется, что ты прилип.

— Да, прилип, — гордо отозвался Петька, — а какое ваше дело? Что, нельзя человеку и прилипнуть?

— Можно, — насмешливо согласился Виктор. — А как отлипать будешь?

— Не знаю, — сказал Петька, — просто понятия не имею. Больно отлипать-то. Как начну руку тянуть... о-ой-ой!

— По-моему, надо ждать,—задумчиво произнесла Лёлишна. — Он вроде бы как яблоко, а труба — это вроде как дерево. Вот и надо ждать, когда он оторвётся.

— Под силой собственной тяжести? — с трудом сдерживая смех, спросил Виктор.

— Как яблоко, — ответила Лёлишна.

— Я бы лучше вроде как арбуз был, — грустно сказал Петька, — или тыква. Лежал бы под силой собственной тяжести, а не висел. О-ё-ё-ёй!

— ЧТО ТУТ ПРОИСХОДИТ? — раздался грозный голос, и ребята увидели в окне Сусанниного папу. — ЧТО ТЕБЕ ЗДЕСЬ НАДО?

— Ничего, — ответил Петька.

— ТОГДА УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!

— Убирайся, убирайся, — пробормотал Петька. — А как? Вы что, не видите? Я прилип.

— МЕНЯ ЭТО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ! — закричал Сусаннин папа. — ЕСЛИ ТЫ СЕЙЧАС ЖЕ НЕ УБЕРЁШЬСЯ, Я СБРОШУ ТЕБЯ!

— Нет, вы посмотрите на него, — сказал Петька ребятам. — Ему досталось от любимой доченьки, так он на мне злость срывает. А доченька у него тигра просит.

— НЕ ТИГРА, А ТИГРЁНКА! — снова криком ответил Сусаннин папа. — УЙДЁШЬ ТЫ ИЛИ НЕТ?

А Петька устал. Но стоило ему расслабить руки, как кожу с ладоней начинало тянуть — больно очень.

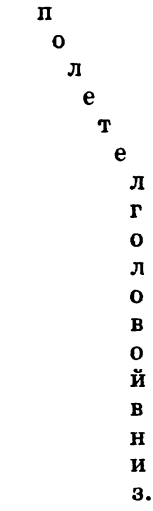
— Разрешите ему, пожалуйста, повисеть здесь ещё немножко, — попросила Лёлишна Сусанниного папу. — Он бы с удовольствием слез, но прилип.

— Так тебе и надо! Так тебе и надо! — Это уже дразнилась Сусанна, показавшаяся в окне. — Пара-тара! Парафара!

Не успел Петька подумать, как — плюнул.

И хотя он промахнулся, злая девчонка заревела так, что Петька испугался и разжал руки.

Руки-то оторвались от трубы, и он



Тогда отлипли и ноги.

Петька грохнулся на асфальт.

— ОТВЕЧАТЬ БУДЕШЬ! — гремел голос Сусаннино-го папы. — НЕГОДЯЙ! ХУЛИГАН! БАНДИТ!

Но если вы думаете, что Петька, грохнувшись на асфальт, заревел, то ошибаетесь.

Он вскочил на ноги и крикнул:

— Наплачетесь вы ещё с вашей доченькой! Она у вас скоро бегемота запросит! Или крокодила рогатого!

Что тут началось... Сусанна визжала. Папа её кричал. Бабушки возмущённо рыдали.

А мама, упав на колени, воскликнула:

— Будет у нас тигрёнок, только замолчите!

Следующий номер нашей программы несколько задерживается по вине автора

Прошу извинить меня за непредвиденную задержку. Должен вам объяснить, чем она вызвана.

Мне надо потолковать с вами на одну важную тему.

И очень сложную.

И по секрету.

Если кто-нибудь из вас думает, что писатели сидят и сочиняют всё, что им придёт в голову, то ошибается.

Вот с этого и начинается наш с вами секретный разговор. Учтите, что ни в одной книге, которые я написал для взрослых, я об этом даже не упоминал.

Только вам расскажу.

Кое-кто из взрослых думает, что нет ничего на свете легче, чем написать книгу.

Не верьте.

Конечно, я имею в виду не всех взрослых. Есть среди них и такие, которые понимают, что написать книгу — ох не так просто!

А я люблю писать для вас. Вы-то верите, что, какие бы события ни происходили в книге, — не писатель их выдумал. Они были на самом деле.

Ведь самое смешное, самое скучное, самое занимательное, самое страшное, самое светлое, самое злое, самое храброе, самое трусливое, самое тёмное, самое разноцветное выдумывает не писатель, а жизнь.

И сколько бы писатель ни выдумывал, никогда ему и не придумать больше того, что бывает в жизни.

Вот, например, всегда ли слушаются герои автора?

Как бы не так!

Они, то есть герои произведений, частенько совершают поступки, которых от них автор и не ожидал.

Почему?

А вот слушайте.

Когда Петька прилип к трубе, я рассердился на него.

Тем более я вовсе не хотел, чтобы Сусанна прыгала с балкона на балкон.

Но всё это случилось — и что мне делать?

Выхожу я из дому, сижу, разговариваю с ребятами про разные разности.

А сам о том думаю: почему меня мои герои не слушаются и что мне с ними в таком случае делать?

Жалуюсь на них ребятам.

А ребята смеются.

И мне становится смешно.

Всё объясняется просто. Феноменально просто, как сказал бы Лёлишнин дедушка.

Оказалось, что и Петька к трубе прилипал, и Сусанна с балкона на балкон прыгала, только я об этом не знал.

Но — догадался.

Считаешь, что придумал, а оно — обязательно было.

А теперь, уважаемые читатели, продолжаем нашу программу!

Эдуард Иванович вышел из дому и увидел вымазанного краской Петьку.

— Кто вас выкрасил, молодой человек? — удивлённо спросил укротитель.

— Он сам, — ответила Лёлишна, — к трубе прилипал.

— Я прилип, я и отлип, — пробормотал Петька. — Но попадёт мне здорово. Второй раз за один день.

— Это бывает, — весело сказал Эдуард Иванович. — Мне в детстве иногда по шесть раз за один день попадало, а когда вырос, стало раз по восемь за один день иногда попадать. Главное, чтоб вас не съели. Честное укротительское. Остальное — пустяки. Лёля, я вернусь часов в десять.

Он скрылся за углом дома.

Петька крикнул:

— Ура! Совсем забыл! У нас ведь дрессировщик жить будет. То ли кошек он дрессирует, то ли петухов, не знаю. И чего-то он долго не приходит. Спит, наверно. А это что за дядька? Откуда?

— Это и есть дрессировщик, — сказала Лёлишна, — и не кошек и не петухов, а львов. И жить он у вас не будет. Он уже у нас с дедушкой живёт.

— Не пугай ты меня! — взмолился Петька. — Самое моё честное слово: у нас он должен жить. Папка с мамкой в деревню уезжают, а комнату одну решили цирку сдать. Да чтоб дрессировщик и меня подрессировал немного.

— Он к вам и приходил, — объяснила Лёлишна. — А ты спал. И разбудить тебя не было никакой возможности. Мы и позвали его к себе.

Петька плюнул и сказал:

— За это мне тоже попадёт! Ещё как!

— Пойдём-ка отмываться, — предложила Лёлишна.— Придёшь домой чистенький, никто тебя ругать не будет.

— Ругать всё равно будут, — мрачно проговорил Петька. — Я один раз весь день ничегошеньки не делал нарочно, просто целый день на стуле просидел, почти не двигался. И всё равно попало. Вот жизнь!

— Да, — согласилась Лёлишна, — нам тяжело.

— А тебе-то что? — удивился Петька. — Ты сама себе хозяйка. Мне бы так!

— Зато у меня есть дедушка, — грустно произнесла Лёлишна и даже вздохнула. — Ну, идём. Будем тебя отмывать керосином.

— А за дрессировщика мне попадёт... — Петька плюнул. — Так попадёт, что... здорово попадёт, не беспокойся. А может, сменяемся? Ты мне дрессировщика отдашь, а я тебе что-нибудь интересное достану. А?

— Не говори глупостей, — сказала Лёлишна. — И не жалуйся. Иногда тебе попадает очень по заслугам.

Они поднялись по лестнице.

Дедушка открыл им дверь и сразу сообщил:

— Меня собираются положить в тюрьму или посадить в больницу. Дорогая Лёлечка, лучше тюрьма, чем больница.

— Будет так, как ты захочешь, — сказала Лёлишна.

И дедушка тут же успокоился.

— Давай отмывай меня, — заторопил Петька, — а то мне попадёт. И всю-то жизнь мне попадает! — с горечью вырвалось у него. — Вы даже представить себе не можете, что у меня за жизнь! Не жизнь, а сплошные попадания. Я уж сбежать хотел. Только не знаю, куда бежать. Ведь в школу придёшь — ругают, домой придёшь — ругают, спать ложишься — ругают, во сне спишь — знаю! — ругают, проснёшься — то же самое.

— Мне тоже часто попадает, — сказал дедушка, — только мне попадает в вежливой форме, а тебе, видимо, в грубой.

— Во всех формах, — Петька махнул рукой.

— А что мне тогда говорить? — грустно спросила Лёлишна. — Меня вот никто не ругает. К сожалению, некому. Учтите вы, жалобщики, — она попыталась улыбнуться, — тем, кого ругают, конечно, плохо. Но ещё хуже тем, кто вынужден ругать.

Дедушка воскликнул:

— Ты сказала истину!

— И я могу сказать истину, — пробормотал Петька. — Я сто истин могу сказать, и за каждую истину мне попадёт. Сусанна вот. Хуже она меня? В тысячу раз, если не больше. А живёт она как? Тигра запросила. И получит, будьте уверены! Вот у кого жизнь!

Петька говорил и говорил, а Лёлишна оттирала ему руки.

Краска смывалась медленно.

— А что со штанами делать? — спросил он.

— Можно в химчистку отдать или порошком «Новость» попробовать.

— Это будет новость! — обрадовался Петька и стал сам оттирать краску.

А Лёлишна поставила на газовую плиту таз с водой и ушла искать стиральный порошок.

Пятым номером нашей программы — Виктор Мокроусов ловит тигрёнка

В город приехал цирк.

Ещё задолго до его приезда на рекламных щитах уже красовались яркие афиши.

Виктор каждый день любовался ими, особенно самой яркой.

А на самой яркой афише был нарисован наш знакомый — Эдуард Иванович.

А рядом с ним — лев.

А пасть у льва оскалена.

А пасть — огромная.

Вот Виктору и хотелось крикнуть:

«С ГРУППОЙ ДРЕССИРОВАННЫХ ЛЬВОВ! С ГРУППОЙ ДРЕССИРОВАННЫХ ЛЬВОВ!»

Рядом — иллюзионист ГРИГОРИЙ РАКИТИН. (Иллюзионист — значит фокусник. Это тот самый человек, которому никто не верит.)

Воздушные гимнасты,
наездники,
жонглёры, акробаты-прыгуны, музыкальные эксцентрики — глаза разбегаются!

Так бы и стоял и смотрел бы хоть целый день!

Цирк приехал шапито!
Цирк приехал шапито!

И кричал бы на весь город:

Красота!
Красота! Красотушечка!
Шапито! Шапито! Шапитушечка!

А еще интереснее взглянуть на сам цирк, пусть он и не работает пока.

Виктор туда — бегом.

Денег на трамвай у него не было, ездить зайцем он не привык, вот и топал пешком да бежал бегом.

Весело ему было.

До того весело, что он трамвай обогнал.

Потом его трамвай обогнал.

Красота! Красота! Красотушечка!

Шапито! Шапито! Шапитушечка!

(Здесь я должен обязательно сказать, что всё-таки хорошо быть невзрослым. Например, мальчишка может бежать по улице, и никто не удивится — беги себе на здоровье, только людей с ног не сбивай. А вот если я побегу по улице, да ещё по центральной... может быть, меня и не остановят, но все будут смотреть на меня и думать: что это с ним случилось? А милиционеры будут подозрительно косить глазами в мою сторону...)

А Виктор бежал да подпрыгивал.

Подпрыгивал да бежал.

Пока не увидел брезентовый купол.

Виктор — ещё быстрей и — остановился.

Навстречу ему бежал

тигрёнок.

ЖИВОЙ!

ПОЛОСАТЫЙ!

С ХВОСТОМ!

Бежал он спокойно, как собачонка. И по асфальту за ним тянулся поводок — как у собачонки.

Видимо, поэтому никто и не обращал на него особого внимания.

Только девчонки испуганно повизгивали.

Да кошки шипели, выгнув спины.

Тигрёнок бежал, не поднимая мордашки. Хвост его висел, почти касаясь асфальта.

Виктор остановился и ждал, когда зверёныш подбежит, а сам думал: «Что делать? Что должен делать смелый человек, увидев дикого зверя на улице? Поймать!»

И он схватил поводок.

А тигрёнок нисколько не удивился.

Он сел — ну, честное слово, как собачонка.

Даже облизывался.

Мальчик держал поводок и не знал, что делать дальше. Так они и стояли.

Вернее, Виктор стоял, а тигрёнок сидел.

И все прохожие им улыбались. Они-то думали, что Виктор или сын дрессировщика, или сын директора зоопарка!

А ведь он не был сыном дрессировщика!

Он не был сыном директора зоопарка!

Первый раз в жизни он держал на поводке тигрёнка!

ЖИВОГО!

ПОЛОСАТОГО!

С ХВОСТОМ!

А вокруг уже собирались любопытные, уже спрашивали:

— Чей зверь?

— Почему без намордника?

— Ну и молодёжь нынче пошла: кошки у них и то стиляги.

— Это тигр или что?

— Игрушечный он, может?

Тигрёнок забеспокоился, оскалил зубы и порыкивал.

Виктор потянул его за поводок в сторону цирка.

Зверёныш потянул его в обратную сторону.

И — побежали.

Надо сказать, что, скорее, не мальчик вёл тигрёнка, а тигрёнок — мальчика.

Так они и бежали.

Встречные уступали им дорогу: кто — испуганно, кто — весело, кто — недовольно (смотря у кого какой характер).

Собаки поджимали хвосты и с визгом убегали.

Кошки шипели, выгнув спины и замерев на месте.

Девчонки, пискнув, прятались за киоски и мусорные тумбы.

Тигрёнок никого не боялся.

Ничего не боялся. Даже автомобилей.

И никому не уступал дорогу.

А Виктор боялся, как бы он не вырвался, и крепко сжимал поводок. Ещё больше он боялся, что их могут задержать. Ведь ясно, что зверёныш откуда-то сбежал и его сейчас ищут. И расставаться с ним жалко.

Тигрёнок рвался и рвался вперёд, словно знал адрес Виктора и торопился к нему в гости поесть чего-нибудь вкусненького.

Следующим номером нашей программы летающие штаны и дррррррррака

Петькины штаны Лёлишна выстирала быстро.

— Сушить надо, — сказал он, — на ветру быстрее высохнут.

Он вышел на балкон и стал ими размахивать.

Размахивал и приговаривал:

— Сохните, миленькие, сохните! Сохните, сохните, пока не высохнете!

Взглянул вниз и увидел тигрёнка.
Раскрыл рот.
Разжал пальцы.
И штаны начали

п
л
а
н
и
р
о
в
а
н
и
е
с
п
я
т
о
г
о
э
т
а
ж
а
.
.
.

— Караул! — закричал Петька и бросился за ними, но не по воздуху, а по

лест
ни
це.

Когда он выскочил из подъезда, то увидел,
что штаны его
лежат на асфальте.

А на штанах лежит тигрёнок. И рычит.

— Чья зверюга? — спросил Петька, протянул руку и отпрыгнул: тигрёнок чуть его не цапнул.

— Ты поосторожнее, — сказал Виктор, — он настоящий.

— А мне-то что? Штаны тоже настоящие. Чего он на мои штаны лёг? Тяни его с них!

— Не хочет. Пробовал я. Рычит.

— Кис, кис, кис! — позвал Петька. — Иди, иди. Мяу, мяу!

— Ты его не дразни, — посоветовал Виктор, — он ведь зверь, хотя и маленький. И что мне с ним делать?

Из подъезда вышла Лёлишна, и Виктор рассказал ей, как поймал тигрёнка, как они прибежали сюда.

— Глупые вы, глупые, — смеясь, сказала Лёлишна, — так ведь он из цирка. Придёт Эдуард Иванович и заберёт его.

— Придёт, придёт,—проворчал Петька, — заберёт, заберёт. А как я домой без этих штук вернусь?

Откуда ни возьмись появилась Сусанна и закричала:

— Ой, какой малюсенький! Какой полосатенький! Дай я тебя поцелую, лапочка!

Тигрёнок

бросился

от неё

наутёк!

Он даже хвост поджал — вот вам и Сусанна!

— Звери и то её боятся, — сказал Петька, забирая штаны. — Её в зоопарк бы месяца на четыре!

— Лёлишна, за мной! — скомандовал Виктор, и они бросились следом за злой девчонкой.

А она, повизгивая, мчалась за тигрёнком.

Он убегал от неё большими прыжками.

— Эй, ты! — крикнул Виктор. — Имей совесть! Не пугай его!

Но злая девчонка летела, почти не касаясь земли ногами. Визжала и кричала.

Они уже далеко убежали от дома. Картофельное поле кончилось, впереди было шоссе, за ним — сосновый бор.

И Виктор подумал: если Сусанну не остановить, она загонит тигрёнка в лес, и там его уже не поймать.

Мальчик сделал отчаянный рывок.

Подножка...

И Сусанна полетела вверх тормашками.

Один раз перевернулась в воздухе.

И восемь раз на земле.

Виииииииииизг раздался такой, что будь я злым человеком, то написал бы: будто шесть поросят пятачками на гвоздь наткнулись.

Пока Сусанна перевёртывалась, Виктор пробежал мимо и вместе со зверёнышем промчался дальше. Они знали, что им несдобровать.

Через плечо Виктор увидел, что Сусанна вся перепачкана землёй, платьице порвано, волосы растрёпаны, а лицо — берегись!

— Берегись! — крикнул Виктор тигрёнку.

И тот прошмыгнул перед колёсами автомашины, которая неслась по шоссе.

Прошмыгнул и оказался на той стороне дороги.

Автомобили летели в одну сторону

.юугурд в и

Перебежать шоссе не было никакой возможности.

Виктор обернулся и приготовился встретить Сусанну. Конечно, он её не боялся, но как драться с девчонкой? Какой бы она ни была, всё равно — девчонка. А их бить нельзя, даже таких, как эта.

А ещё надо учесть, что Сусанна прекрасно умела кусаться и царапаться.

Едва она подскочила, оскалила зубки, намереваясь его цапнуть, Виктор вывернул ей руки за спину и сказал:

— Спокойно, моя дорогая.

И получил пинок пяткой в коленку.

Он чуть не вскрикнул, но рук не разжал.

Сусанна пиналась так, что только ноги мелькали.

Виктор увёртывался, отскакивал — рук не разжимал.

Сусанна визжала,

кричала,

пищала,

орала и

пиналась.

Подбежала Лёлишна.

— Спасай тигрёнка! — задыхаясь, сказал Виктор. — А я этого зверя держать буду.

Лёлишна каким-то чудом проскочила между несущимися на полной скорости автомашинами и исчезла в лесу.

— Перестань, радость моя, перестань, — уговаривал Виктор, а Сусанна продолжала визжать,

кричать,

пищать,

орать и

пинаться.

Откуда только силы у неё брались?

От злости.

— Да перестань ты! — Виктор дёрнул её за руки. — Плохо тебе будет! В канаву столкну и камнем придавлю!

— Попробуй! Попробуй! — проверещала Сусанна. — Вот вырвусь, я тебе нос откушу и глаза повыцарапа-папаю!

— Вот что... сейчас я отпускаю тебя... но если ты попробуешь...

— Попробую, попробую, попробую, попробую!

Увёртываться от её пинков было всё труднее: Виктор просто устал.

Следующим номером нашей программы

ПЕРВАЯ В МИРЕ ДЕВОЧКА — УКРОТИТЕЛЬНИЦА ТИГРЁНКА!

Лёлишна нашла тигрёнка быстро, потому что он блуждал по лесу и скулил жалобно — как щенок, которого не пускают в дом.

Но, заметив Лёлишну, он бросился улепётывать со всех лап: принял её за Сусанну.

— Не бойся, я — это не она! — крикнула девочка, и он сразу остановился.

Сидел он, запыхавшийся, усталый, жалкий даже, но, когда она подбежала, зарычал.

— Ну что ты, полосатенький? — ласково удивилась Лёлишна. — Я тебя к Эдуарду Ивановичу отведу. Накормим тебя, сахару дадим и ещё чего-нибудь вкусненького.

Но тигрёнок опять прорычал, словно хотел сказать:

«Знаю я вас, девчонок. Наобещаете сахару, а на самом деле заставите бегать высунув язык. Знаю, знаю я вашего брата. Вернее, вашу сестру».

— Не будешь же ты здесь сидеть до утра? — спросила Лёлишна. — Голодный ведь ты. Усталый. Идём.

Тигрёнок лёг, положив мордашку на передние лапы. Дышал он тяжело и временами закрывал глаза.

Тогда девочка набралась смелости и погладила его.

Глаза зверёныша сразу стали весёлыми, он стукнул хвостом себя по бокам, прорычал, но уже не сердито — словно сказал:

«Ладно уж, поверю тебе. Но в последний раз. Если обманешь — съем!»

Лёлишна почесала ему за ушами, и тут тигрёнок совсем подобрел, лизнул ей руку твёрдым шершавым языком.

Девочка тихонько запела:

Спи, тигрёнок мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Скоро глянет месяц ясный
В мордочку твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою.
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю...

Тигрёнок будто понял песенку: закрыл глаза. Чёрные влажные ноздри его вздрагивали.

Вдруг он вскочил и зарычал.

Лёлишна испуганно обернулась.

К ним подбежал Виктор. Колени его были в синяках.

— Нашла?! — радостно воскликнул он. — А я от этой зверюги еле-еле освободился. Испинала меня всего. Чуть-чуть не искусала. Пришлось бы мне уколы ставить... Что с тигром делать будем?

— Домой поведём, — ответила Лёлишна. — Я с ним почти договорилась. Идём, полосатенький!

Тигрёнок выпрямил передние лапы, потянулся, сладко зевнул и двинулся вперёд.

За поводок его держала Лёлишна.

Следующий номер нашей программы опять задерживается, и опять по вине автора

Торопясь как можно скорее начать представление, я забыл включить в состав участников парада и тигрёнка, и ещё одно живое существо.

С тигрёнком (зовут его Чип) вы уже познакомились, а теперь знакомьтесь с живым существом по имени Хлоп-Хлоп. Это мартышка. Но так как Хлоп-Хлоп хоть и мартышка, но он, а не она, буду называть его мартышем.

Ну и хитрый же он! Сотворит что-нибудь не очень хорошее, заберётся куда-нибудь наверх, откуда его не достать, сидит там и сам себе аплодирует — в ладоши хлопает.

Один раз украл в оркестре флейту, забрался под купол цирка и давай дудеть изо всех сил. Подудит-подудит, флейту под мышку — и сам себе аплодирует.

Проказник он просто невозможный. Львы Эдуарда Ивановича его даже побаиваются.

Никто не умеет их так злить, как хитрый мартыш.

Насобирает он камешков, сядет напротив клеток и давай самому старшему льву, Цезарю, в морду их бросать.

Цезарь лапой ему грозит, рычит на весь цирк, а Хлоп-Хлоп камешки бросает, ехидно попискивает и сам себе аплодирует — очень доволен!

Каждый камешек попадает точно в цель — прямо в нос льву.

Ему не столько больно, сколько обидно.

А раз старший лев рычит и беснуется, то вслед за ним начинают рычать и бесноваться все львы и львицы.

За ними — все звери в цирке.

Даже ослы ревут.

Пронзительно кричат попугаи.

Трубит слон.

Лошади тревожно ржут.

И кто бы мог подумать, что этот несусветный переполох происходит по вине маленького мартыша?

А он сидит себе как ни в чём не бывало.

Цезарь с товарищами клетки готовы разнести: обидно!

Хорошо, если поблизости оказывался Эдуард Иванович. Он-то знал, чьих лап это дело, и быстро успокаивал своих львов и львиц, а вслед за ними успокаивались постепенно все звери и птицы.

Но если Эдуарда Ивановича поблизости не оказывалось, то случалось, что за виновника переполоха принимали бедного льва и тогда ему доставалось.

Хлоп-Хлоп с невинным видом сидел в сторонке, восторженно попискивал и сам себе аплодировал.

Зато когда он не проказничает, чудо что за мартыш! Добрый, ласковый, понятливый. Заберётся на плечо к хозяину и гладит его седые волосы.

Но потом вдруг спрыгнет с плеча на стол и давай в Эдуарда Ивановича книгами бросать.

Хлоп-Хлоп думает, что это очень весёлая игра, и искренне обижается, когда хозяин его отшлёпает.

Когда же обижают самого мартыша, то слезам его нет конца. Плачет он так долго, что становится мокрым — будто погулял под проливным дождём.

И чем больше его утешают, тем дольше и громче он плачет.

Если другие плачут, Хлоп-Хлоп хохочет.

Вот он какой несознательный!

Продолжаем нашу программу!

Когда обнаружили исчезновение Чипа, все в цирке всполошились.

Шутка сказать: зверь сбежал в город. Правда, тигрёнок — это ещё ребёнок. Но ребёнок особенный.

Позвонили в милицию.

Несколько рабочих и артистов разбежались в разные стороны — искать Чипа.

Для Эдуарда Ивановича не было загадкой то, как мог исчезнуть Чип. Уже не в первый раз Хлоп-Хлоп выпускал на свободу своего маленького друга. Но раньше каждый раз тигрёнка удавалось поймать ещё в цирке.

Эдуард Иванович разыскал Хлоп-Хлопа.

Мартыш забрался к нему на плечо и что-то нежно пропищал.

— Негодный тип, — сказал Эдуард Иванович, — зачем ты отвязал Чипа? А ещё другом называешься!

Хлоп-Хлоп опять что-то пропищал и погладил хозяина по седым волосам.

— Ты ещё и подлиза? — гневно спросил тот. — Подвёл меня и ласкаешься?

Мартыш заморгал хитрыми глазами, пожал плечиками и почесал затылок: дескать, ума не приложу: за что это меня ругают?

— Будешь отвечать!

Хлоп-Хлоп спрыгнул на стол, вытаращил глаза, вытянулся, как бравый солдат по стойке «смирно», и приложил лапу к уху.

Эдуард Иванович рассмеялся: он весёлый человек, а весёлые люди долго не сердятся.

— Хитрюга ты, — сказал он. — Если бы ты родился не мартышем, а человеком, то обязательно бы стал жуликом.

Хлоп-Хлоп обрадованно закивал, попискивая, и на всякий случай сам себе похлопал в ладоши.

А в кабинете директора раздавались телефонные звонки: это сообщали о том, что пока тигрёнок не обнаружен.

Девятый номер нашей программы

Лучше всего было бы провести тигрёнка прямо в дом и ждать Эдуарда Ивановича.

Но как пройти мимо Сусанны?

Или сразу в цирк?

Но не хотелось идти со зверёнышем по улицам.

— Я на разведку, — сказал Виктор, — а вы ждите меня.

Ещё издали он увидел злую девчонку и остановился. Зная её характер, Виктор сразу догадался, что она сидит на подоконнике не просто так, как люди сидят, а что-нибудь задумала.

Даже издали можно было разглядеть, что Сусанна скалит зубки.

«Будь что будет!» — решил мальчик и двинулся к дому.

Чем ближе он подходил, тем медленнее переставлялись ноги.

— Папочка в милицию звонил! Папочка в милицию звонил! — увидев Виктора, закричала Сусанна. — На машиночке за тобой приедут! За решёточкой, миленький, посидишь, за решёточкой! Пятнадцать суточек! Пятнадцать суточек! — Она хихикнула. — А Лёлишна-пирбемолишна где? А тигрёночек полосатенький, лапонька моя миленькая, где? Мне его купят, хвостатенького! Где он?

— Они в цирк ушли, — соврал Виктор. — А в милицию я поеду с удовольствием. И за решёточкой с удовольствием посижу. Только бы тебя, дорогая, не видеть. А кроме того, и про тебя в милиции кое-что рассказать можно.

— А что про меня рассказывать? А что про меня рассказывать? Мамочка говорит, что я пострадавшая. А бабусеньки говорят, что по тебе тюрьма плачет. Потому что ты — уголовный элемент.

— Сама ты элемент.

— А вот и нет! А вот и нет! Я единственный ребёнок! У меня музыкальные способности! У нас пианинка есть, а у вас нет! Мне тигрёночка купят, а тебе нет! Мне...

— Надоело тебя слушать, — оборвал Виктор, так и не решив, что же ему делать. — Шла бы ты спать, что ли. И тебе приятно, и людям спокойнее. Иди, иди. Бай-бай.

— Никуда я не пойду! — крикнула Сусанна. — Хочу посмотреть, как тебя в милиционерскую машиночку посадят! Как тебя на пятнадцать суточек за решёточку увезут! Так папуленька сказал! Ой, дождик идёт! — Она вытянула руку ладошкой вверх. — Каплет-капает! Каплет-капает!

— Это не дождик идёт, а Пара плюётся, — со смехом объяснил Виктор. — Петька, Петька, пуще, дам тебе гущи, хлеба каравай, на Сусанну ты плевай!

От злости шишка на Сусаннином лбу стала ещё разноцветнее.

Потом — побелела.

Виктор едва успел отскочить: злая девчонка запустила в него цветочным горшком.

И Виктор, как вратарь, принял его на грудь.

За вторым горшком пришлось делать бросок и падать.

— Уймись ты! — вскакивая, крикнул Виктор.

— Горшком её! — сверху крикнул Петька. — Горшком по черепу!

— Не уймусь! Не уймусь!

Сусанна обеими руками схватила самый большой горшок, подняла его над головой...

Горшок перевесил...

Она упала назад себя, только ноги в окне мелькнули.

Горшок раскололся вдребезги.

Злая девчонка закричала так, словно упала с пятого этажа головой вниз.

Потом закричали:

один папа,
одна мама и
две бабушки.

Да так закричали, словно увидели, что единственный ребёнок вместе со своими музыкальными способностями навернулся с пятого этажа!

А Виктор бросился наутёк: он-то знал, чем всё это может кончиться. Родители единственного ребёнка не будут вам разбирать, кто виноват.

Конечно не Сусанночка.

Когда Виктор обо всём рассказал Лёлишне, она проговорила:

— Плохи наши дела. Не везёт нам. И чего это Сусанна на нашей дороге встала? Пошли! — твёрдо предложила Лёлишна. — Чего нам бояться? Мы ни в чём не виноваты. Идём!

Тигрёнок зевнул и неохотно двинулся вперёд.

Виктор беспокойно оглядывался, будто на каждом шагу им грозила опасность.

Лёлишна пела:

Не боимся мы Сусанны,
Не боимся её папы,
Не боимся её мамы,
Не боимся бабушек,
Мамы да и папы!

А около дома — увидели они ещё издали — стояла милицейская машина.

Представление продолжается!
Выступает иллюзионист Григорий Ракитин!
В номере принимает участие
милиционер Горшков!

Не меньше Эдуарда Ивановича исчезновением Чипа был обеспокоен Григорий Васильевич. Ведь он готовил новый фокус, в котором должен был участвовать тигрёнок.

Представляете: в ящик садят живого петуха,
закрывают ящик крышкой,
приколачивают её гвоздями,
обматывают толстой верёвкой.

Затем ящик на канатике поднимают под самый купол цирка.

Григорий Васильевич целится в него (в ящик, конечно, а не в купол) из пушки.

Раздаётся оглушительный выстрел.

И ящик стремительно п
а
д
а
е
т
в
н
и
з
!

Развязывают толстую верёвку, срывают крышку, и из ящика вылезает...

Кто? Петух?

Из ящика вылезает Чип.

А где петух?

А как в ящик попал Чип?

А я не знаю. Если бы знал, то не книжки писал бы, а фокусником работал.

Как делается этот фокус, мы с вами никогда не узнаем. И никто из зрителей не догадается. И, конечно, все будут обижаться, что ничего не удалось заметить. И как это петух превратился в тигрёнка, да ещё в заколоченном ящике, да ещё обмотанном толстой верёвкой?

И вот, чтобы такой сложный фокус получился и никто ничего не заметил, надо было работать над ним каждый день по нескольку часов.

И вдруг Чип исчез!

Григорий Васильевич подумал-подумал, погоревал-погоревал и — бегом в милицию. Там дежурил милиционер Горшков. Окинув взглядом его фигуру, Григорий Васильевич подумал: «Вот это рост! Метра два, не меньше!»

— Не волнуйтесь, — сказал ему Горшков, — тигрёнок — не котёнок, разыщем. Вот в прошлом году из зоопарка обезьяна убежала, с ней тяжеловато пришлось. Мы с одним сержантом по крышам часа три за ней прыгали... А кем вы в цирке работаете?

Вместо ответа Григорий Васильевич проглотил чернильницу-непроливашку и достал её из своего кармана.

— Понятно, — задумчиво сказал Горшков. — Ловкость рук и никакого мошенства.

Тогда Григорий Васильевич взял ручку, воткнул её себе в ухо и вытащил из другого уха.

Милиционер поморщился и сказал:

— До Головёшки вам далеко.

— Какой головёшки?

— Неподдающийся тут у нас один есть, — объяснил Горшков, — воровать мы ему не даём, воспитываем его. Но воровать он умеет. По чужим карманам лазает — ничего, квалифицированно. Маленький он, чернявый и умываться не любит — отсюда и кличка его. Чисто, говорю, работает. Прямо скажем, вам до него далеко. Ни в какое сравнение с ним не годитесь.

— Простите, — оскорбился Григорий Васильевич, — я артист, и сравнивать меня с карманником... странно!

— Обидчивый вы народ, артисты, — укоризненно проговорил Горшков. — Чуть что, сразу и обижаться. Головёшка — тоже артист. Своего рода. Уж какой я специалист по карманникам, сколько я их видел, а официально заявляю: у этого руки золотые. Как у вас. Но талант свой Головёшка людям во вред использует. Потолковали бы вы с ним, гражданин артист-фокусник: может, он в цирке пригодится.

— Нет, нет, странно вы рассуждаете, — пробормотал Григорий Васильевич. — По-вашему получается, что он фокусником может быть, а я карманником?

— Нет. Карманником куда сложнее. Требований тут больше. Тут знания нужны, опыт; надо, чтобы совести не было. А самое главное, — Горшков поднял вверх указательный палец, — быть готовым на любую подлость. А вы вроде бы другого плана человек.

— Сравнение с жуликом — это оскорбление, — перебил словоохотливого милиционера Григорий Васильевич.

— Зато от всего сердца, — в свою очередь обиделся Горшков. — А я вам советую с Головёшкой познакомиться. Не пожалеете. Может, и он вас кой-чему научит для фокусов. А вы, может, и направите парня на путь истинный, то есть трудовой путь. Пусть хоть в цирке, да работает.

— Я буду на вас жаловаться! — резко вставая, произнёс Григорий Васильевич. — Вы думаете над тем, что говорите? Что это значит: пусть хоть в цирке, да работает? По-вашему, моя работа — работа артиста цирка — ерунда?

— Что вы? Не совсем, конечно, ерунда, — ответил милиционер. — Но... не то, конечно. Вот вы чернильницу на моих глазах проглотили, ручку с железным пёрышком в ухо себе воткнули, из другого уха вытащили. А зачем? Кому и какая польза от этого? Цирк! — с презрением продолжал Горшков. — Обезьяна на гармошке играет. Что за намёк? Медведи на велосипедах гоняют! Что этим хотят сказать? Клоунов развели — живот заболит на них смотреть, а толку? Польза какая? Или один гражданин возьмёт гражданку за ногу и давай в воздухе крутить! А она ему потом ногами на голову встанет! Это что, детям пример? Да? Зачем это, спрашиваю! К чему? Народ за это деньги платит. Уж лучше бы в кино сходили. Или в театр. Подросли бы культурно, умнее бы стали.

— Интересно вы рассуждаете, — насмешливо сказал Григорий Васильевич. — Каждый день цирк полон, по воскресеньям три представления. По-вашему, всё это дураки ходят? Один вы умный?

— Не знаю, — милиционер пожал плечами. — Но дело ваше несерьёзное, для забавы. Народ жизнь строит, а вы через голову перекувырковываетесь, ручки в уши втыкаете, чернилки проглатываете.

— Сейчас мне некогда, — сказал Григорий Васильевич. — Приходите в цирк, может быть, кое-что и поймёте.

— Ноги моей у вас не будет! — резко проговорил Горшков. — А с Головёшкой я вас познакомлю. Тогда поймёте, что такое ловкость рук настоящая.

— Хватит! Меня волнует сейчас одно: где тигрёнок?

— Не беспокойтесь. Поймаем. Не таких ловили.

И тут из соседнего районного отдела милиции сообщили, что тигрёнок обнаружен.

К этому месту срочно выехала милицейская машина. В кабине рядом с шофёром сидел Григорий Васильевич.

Продолжение девятого номера

Увидев милицейскую машину, Виктор сказал:

— Это за мной. Сусанночка, чтоб у неё косички отсохли, папуленьке на меня пожаловалась, папуленька в милицию сбегал, и вот...

— Глупости, — сказала Лёлишна. — Он, конечно, мог сбегать в милицию, но машина приехала не за тобой.

— А за кем тогда? Не за Сусанной же!

— И не за ней, конечно. Ты с тигрёнком стой здесь, а я схожу туда, — предложила Лёлишна. — Если никакой опасности нет, помашу тебе рукой. И ты приходи.

Она убежала, а Виктор присел на землю рядом с тигрёнком.

Отсюда было видно, как Лёлишна остановилась около машины и её окружили люди. Двое из них были в милицейской форме.

Вот Лёлишна вышла из круга и замахала рукой, что-то крича.

Виктор встал, потянул за поводок, но тигрёнок упёрся лапами в землю и не двигался с места.

— Идём, идём, — звал Виктор, — нас зовут. — А зверёныш упорствовал, даже порыкивал.

Виктор потянул поводок обеими руками.

Тогда тигрёнок, оскалив пасть, бросился на мальчика.

Виктор отпрыгнул, но поводка не выпустил.

Тигрёнок прыгнул снова.

Виктор снова отскочил, и тигрёнкины зубы щёлкнули около самой его ноги.

Храбрости у мальчика сразу поубавилось.

И когда тигрёнок прыгнул в третий раз, Виктор чуть-чуть не отпустил поводок.

Чуть-чуть... Однако этого было достаточно, чтобы зверёныш почувствовал, что уступать ему легко не собираются.

«Наверное, он тоже дрессировщик, только маленький. Или сын дрессировщика», — так примерно подумал тигрёнок и подчинился — вприпрыжку побежал к дому.

Увидев Григория Васильевича, Чип виновато опустил голову и даже скосил глаза в сторону, будто сделал вид, что очень раскаивается в своём не очень хорошем поведении.

Григорий Васильевич так обрадовался, что не сказал ни слова, схватил беглеца на руки, поблагодарил ребят и сел в машину.

Машина уехала.

Виктору с Лёлишной сразу стало грустно. Они посмотрели друг на друга, и Виктор сказал:

— Напугал же он меня! Три раза на меня бросался. Я чуть-чуть не убежал.

— Чуть-чуть не считается, — ответила Лёлишна. — Конечно, хорошо, что он вернулся в цирк, но немножко жалко. Мы бы с ним ещё поиграли.

— А он бы нас поцарапал, да?

— Нет, он хороший. Мы его ещё в цирке посмотрим. Интересно, если он нас увидит, то узнает или нет?

— Вряд ли.

— Ну и пусть, — Лёлишна вздохнула. — А мы его не забудем. Правда?

— Правда, — согласился Виктор.

— А откуда узнали, что тигрёнок у нас? Живём мы на окраине...

— Папуленька на вас жаловался, а заодно и про тигра высказался, — услышали они Петькин голос.

Оказывается, Петька давно стоял поблизости.

— Мне пора кормить дедушку, — сказала Лёлишна, — и Эдуарду Ивановичу что-нибудь на ужин приготовить.

— Что-нибудь! — Петька презрительно хмыкнул. — Он, к твоему сведению, только сырым мясом питается. Точно, точно. Сырое мясо. Каждый день. Иначе звери слушаться не будут. Он и ест вместе с ними, чтобы они видели, с кем имеют дело.

Лёлишна с Виктором рассмеялись.

— Смейтесь, смейтесь! — Петька сплюнул. — А правда моя. Вы ещё хлебнёте горя с этим дрессировщиком. Хорошо, что я его проспал.

— Завидуешь ты просто, — сказал Виктор.

— Завидую? Ей? Одному только я человеку завидую. Сусанне Аркадьевне Кольчиковой. Вот тут у меня слюнки текут. — Петька сплюнул. — Я тоже единственный ребёнок, а разве сравнишь? Мне бы хоть деньков пять прожить так, как она живёт. Ух, я бы!

— А чем у тебя жизнь плоха? — спросила Лёлишна. — Спишь сколько тебе надо...

— А ты знаешь, почему я много сплю? Потому что просыпаться незачем. Вот сейчас вздремнул немного, проснулся — в магазин погнали. Знал бы такое дело, спал бы до утра.

— А давно тебя в магазин послали? — спросила Лёлишна.

— Да с полчаса уже прошло, — ответил Петька, — если не больше. Я ещё когда дверь открывал, то помнил, что в магазин иду. А дверь закрыл — и отшибло память. Только сейчас вот вспомнил. Значит, опять попадёт. По всем правилам. Но ничего! — грозно продолжал он. — Скоро моему горю конец. Ещё несколько лет, получу паспорт, и я — свободный человек. Живи как хочешь. Каждый день в кино раза два. Учёбы никакой. Учительницу на улице встречу, не испугаюсь. «Наше вам!» — скажу и дальше пошёл. Благодать!

— Иди лучше в магазин, — напомнила Лёлишна.

— Теперь уже всё равно. Теперь всё равно попадёт. Одна радость у меня сегодня: Сусанна башку, головку свою с бантиком, расколотила. С окошка упала, вобла несчастная. Зебра в клеточку.

— Иди в магазин, — опять напомнила Лёлишна.

— Не командуй! — огрызнулся Петька. — У меня и без тебя командиров хватает. Вокруг меня одни командиры, один я гвардии рядовой. Ничего, в армию пойду, сам командиром буду. Уж я покомандую! Сусанна у меня медсестрой будет. Я ей покажу, где раки зимуют!

— Иди в магазин! — сказал Виктор.

Петька плюнул и пошёл в магазин.

В цирке снова переполох, поэтому очередной номер нашей программы — десятый по счёту — задерживается

Чип получил по заслугам. И если бы он умел плакать, то обязательно бы поплакал от обиды. А если бы он мог рассуждать, то рассуждал бы примерно так:

«Ладно, я виноват. Но почему этот хулиган по имени Хлоп-Хлоп сидит как ни в чём не бывало? Ведь это он отвязал меня! Почему же ему дали яблоко, а мне не дали даже поесть? Почему со мной никто не разговаривает? Почему никто меня не приласкает?»

В это время Хлоп-Хлоп доел яблоко и огрызком запустил в Чипа.

И попал ему прямо в нос.

Чип яростно зарычал, рванулся к обидчику, но опрокинулся на спину, отброшенный назад натянувшимся поводком.

Мартыш зааплодировал сам себе и восторженно запищал. Если бы он мог рассуждать, то рассуждал бы примерно так:

«Глупый же ты, Чип. Уж так в природе устроено: если она даёт силу и острые клыки, то не даёт — чего? — ума. Вот я по сравнению с тобой слабенький, но зато хитрый и ловкий. Да ещё умный. Кого угодно обману!»

И опять мартыш сам себе захлопал в ладоши. И радостно заверещал.

А тигрёнок зарычал, оскалив пасть.

Хлоп-Хлоп показал ему язык и упрыгал в зрительный зал.

Вокруг манежа стояла решётка, и Эдуард Иванович повторял со своими хищниками программу.

Мартыш пополз по столбам, покачался на тросике и вдруг увидел брезентовый шланг. Его провели сюда на случай, если звери взбунтуются.

Мартыш вдоль шланга выбежал на служебный дворик и оказался у столбика. А на столбике был ящик с открытой дверцей. А в ящике кран. И Хлоп-Хлоп, не долго думая, начал что было силёнок отвинчивать его.

Шланг на глазах как бы превращался в живую змею.

Наполняясь водой, он шевелился и даже немного извивался.

Из мелких дырочек брызнули фонтанчики.

Ой, как весело!

Мартыш, как вы, конечно, догадались, сам себе зааплодировал и восторженно запищал: вот как обрадуются все, увидев это чудо — живой шланг!

И представляете, что началось? Вода ударила из брандспойта вверх, под купол, и дождём полилась на манеж, на львов, на укротителя, на рабочих.

Звери зарычали, заметались.

Эдуард Иванович дважды выстрелил из пистолета.

А Хлоп-Хлоп схватил брандспойт и направил его прямо за решётку — давай гонять львов!

Он радостно повизгивал и водил струёй

то вверх,

то налево,

то направо,

то

в

н

и

з.

Ох уж как весело!

Ох до чего же здорово!

К нему пытались подойти, чтобы отобрать шланг, а он думал, что с ним играют.

Люди смешно размахивали руками, отбиваясь от струи, закрывали лицо, прыгали по скамейкам.

В суматохе никто не догадался сбегать и завинтить кран.

А Хлоп-Хлоп уже предвкушал удовольствие от того, как все будут его ласкать, угощать сахаром, называть нежными именами. (Например, Хлоп-Хлопик.)

И тут он получил такой пинок, что взлетел в воздух.

Несколько раз перевернулся.

Перелетел через решётку.

И плюхнулся на арену прямо к ногам Эдуарда Ивановича.

От обиды и боли Хлоп-Хлоп ударил себя кулачком в грудь и захныкал.

Эдуард Иванович взял его за загривок и дал ему штук пять шлепков.

Никогда ещё он так больно не бил мартыша.

Тот изумлённо уставился на мокрого с головы до ног хозяина.

Но Эдуард Иванович бросил мартыша на опилки и крикнул:

— Вон с глаз моих!

А лев Цезарь, как говорится, ещё добавил — лапой вышвырнул мартыша обратно туда, откуда он прилетел, — в зрительный зал.

Мартыш начал догадываться, что в чём-то виноват, но в чём именно, понять не мог.

Сидел и плакал.

И скоро стал таким мокрым, словно не он сам, а его самого поливали из шланга.

Тем временем Эдуард Иванович загнал зверей в клетки, потому что репетировать не было смысла, и ушёл переодеваться.

Рабочие, убиравшие решётку, тоже переоделись в сухое и бросали сердитые взгляды в сторону мартыша.

А он, обиженный, мокрый, побитый, решил, что, если ему сегодня не дадут сахару, он убежит из цирка. Да, да, убежит!

Он вам не Чип, не поймаете.

Ему сразу стало весело. Он похлопал сам себе в ладошки и побежал дразнить Чипа.

И увидел Эдуарда Ивановича и с радостным писком бросился к нему.

Но хозяин даже не посмотрел на мартыша, словно они и знакомы не были.

Хлоп-Хлоп возмущённо заверещал, потянул хозяина за брюки, как бы говоря:

«Ты что? Ослеп? Или не узнаёшь меня? Что я такого тебе сделал? Это я на тебя обижаться должен. Дай-ка мне сахару — и будем друзьями дальше. Ладно уж, я тебя прощаю».

— Убирайся! — крикнул Эдуард Иванович. — Марш на место!

И прошёл мимо.

Но это было ещё полбеды.

Он уходил не один. Он вёл на поводке Чипа!

И мартыш схватил тигрёнка за хвост.

Чип взвыл, я бы сказал, не своим голосом.

Хлоп-Хлоп бросился наутёк. Он забрался в комнатку Эдуарда Ивановича, немного поскулил, попробовал всплакнуть и решил лечь спать.

Укладываясь, он подумал о том, как несправедлива жизнь, как ему не везёт, сколько вокруг злых людей...

Почесался и заснул.

Десятый номер нашей программы!

ЕДИНСТВЕННЫЙ

В МИРЕ АТТРАКЦИОН!

Спешите читать!

СУСАННА КОЛЬЧИКОВА

ДРЕССИРУЕТ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

И ИХ РОДИТЕЛЕЙ!

Спешите читать!

У Сусанны было две шишки.

Одна — спереди, на лбу, другая — сзади, на затылке.

И если передняя шишка служила как бы украшением и уже не болела, то вторую, то есть заднюю, не было видно под волосами, но зато она ныла.

А злая девчонка выла.

Чтобы представить себе её вой, соберитесь человек пять и писклявыми голосами тяните:

— И-и-и-и-и-и...

А когда охрипнете, смените звук:

— У-у-у-у-у-у-у...

И когда из ваших глоток пойдёт сплошное сипение, это будет примерно такой звук, какой Сусанна выдавливала из себя вот уже третий час.

Мама лежала с холодным компрессом на лбу и стонала.

Бабушки допивали третий флакончик валерьяновых капель.

Папа сидел в ногах единственного ребёнка и просил:

— Перестань, радость моя, перестань...

А Сусанна сменила звук. Он получился таким, что я его с помощью букв даже изобразить не могу. Примерно это А, Ы, Э, издаваемые одновременно, плюс немного писка и чуть-чуть хрипотцы.

— Перестань, радость моя, пере...ста... — папа тоже начал хрипеть.

Всё это, в общем, и не смешно нисколько. Грустно это очень. И я уже тридцать восемь раз пожалел, что решил рассказать вам о Сусанне, её родителях и бабушках. Мне ещё за это попадёт. Найдутся люди, которые обязательно спросят:

— Зачем в книге для детей показывать взрослых в смешном виде?

Да я бы рад всех показывать только в хорошем виде, но это будет неправда да и неверно. Я тогда буду, просто говоря, обманщиком.

Нет, встретятся на вашем пути и хорошие, и смешные, и плохие люди. И я хочу, чтобы вы были готовы ко всем встречам.

Если хотите знать, то, когда я пишу о плохом, мне самому плохо, так плохо, что даже чернила в авторучке вы... сых... ают.

(Вот, перешёл на карандаш.)

Вдруг Сусанна села на кро... (И карандаш сломался от злости. Перехожу на пишущую машинку. Авось она выдержит. Она ведь металлическая.)

Продолжаю.

Вдруг Сусанна села на кровати, прохрипела:

— Умираю... помогите...

Папа вскочил.

Мама вскочила, сбросила с головы холодный компресс, крикнула бабушкам:

— Она умирает!

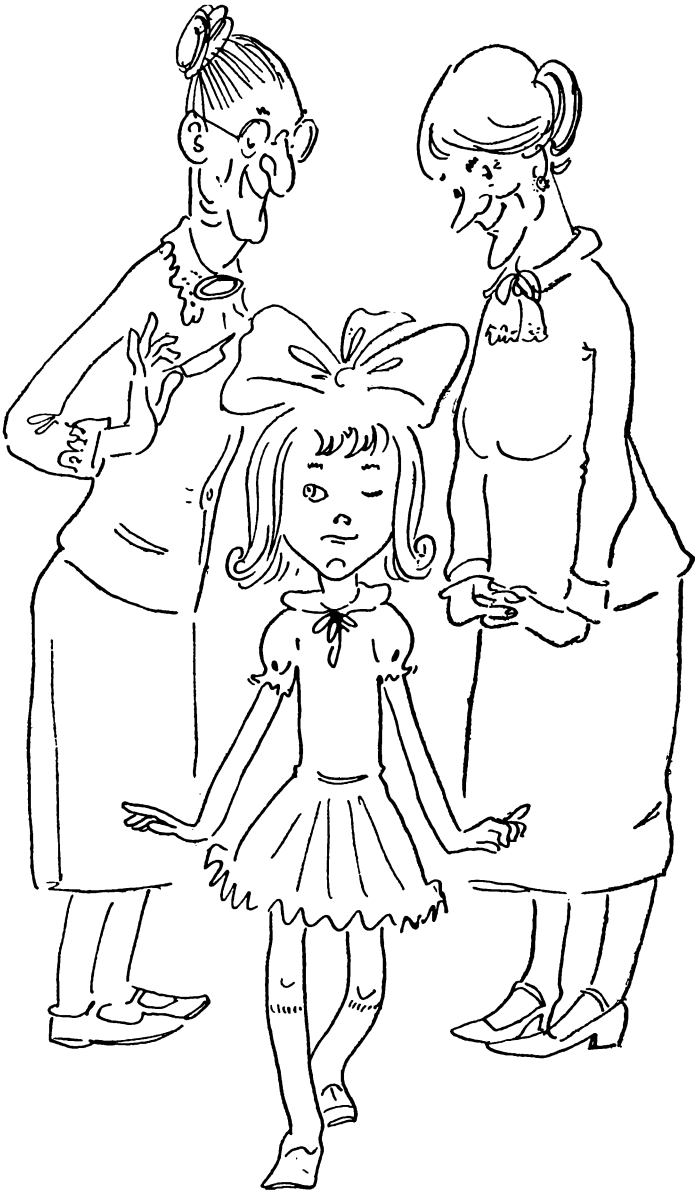
Конечно, она и не собиралась умирать. И все знали, что она наверняка не умрёт. Не с чего!

Но ещё лучше все знали, что если её не послушаться, то она такое вытворит, что... лучше послушаться.

Вот тут мне придётся остановиться и растолковать вам, что же происходило в семье Кольчиковых.

(Только бы пишущая машинка выдержала! На всякий случай кладу рядом коробку карандашей.)

Я уже говорил, что ничего смешного тут нет. Грустно всё это. Дело в том, что, едва родившись, Сусанна начала болеть и это у неё здорово получалось. Болела она, можно сказать, не переставая и по-настоящему. Вот тогда смерть действительно грозила ей несколько раз. За пять лет девчонка перенесла одиннадцать болезней. И, конечно, её родители и их родители (то есть бабушки) боялись дышать на Сусанну. Стоило ей лишь пальчиком пошевель-



нуть, как четыре человека бросались к ней и, отталкивая друг друга, спрашивали:

— Что тебе, деточка?

— Что тебе, солнышко?

— Что тебе, кисанька?

— Что тебе, ягодка?

И деточка, солнышко, кисанька, ягодка требовала от родителей и бабушек чего только хотела!

И они её требования выполняли.

И винить их в этом нельзя. К больному человеку, слабому, а тем более к ребенку, надо было быть очень внимательным.

Но никто не заметил, что Сусанна, став абсолютно здоровой, продолжала вести себя как больная.

Она привыкла, что каждое её слово ловят, что каждое её желание исполняется.

А отвыкнуть не могла.

И не хотела.

Петька не зря ей завидовал. Уж какой бы он ни был, но его хоть в магазин можно было послать.

А Сусанна ни разу сама даже не умывалась.

И если бы я составил список дел, которых она не умела делать, получилась бы толстая книга.

Неудобно писать об этом, но даже в одно заведение Сусанна ходила только с бабушкой или даже сразу с двумя бабушками. Вот!

А раз родители и бабушки отдали ей столько сил, она и стала казаться им необыкновенным ребёнком.

А когда поверили, что она необыкновенная, то стоило Сусанне, например, чихнуть, как все умилялись:

— Ах!

То есть: даже чихает не как все, а необыкновенно.

И даже когда она набила себе шишки, бабушки заявили, что ни у кого ещё не видели таких необыкновенных шишек.

Стоило Сусанне один-единственный раз пропищать какую-то песенку, и на семейном совете было дружно решено:

— У ребёнка музыкальные способности.

Мама и папа отказались ехать отдыхать, продали кой-какие вещи, заняли денег у друзей и купили пианино.

Ребёнок с музыкальными способностями вымазал белые клавиши фиолетовыми чернилами, гвоздём выцарапал на крышке

и предпочитал играть кулаками, а не пальцами.

И называл пианино пианинкой.

Сусанну не приняли ни в одну музыкальную школу города. Её водили к тридцати четырём преподавателям музыки, и тридцать три из них отказались заниматься со злой девчонкой.

И только одна старушка согласилась, потому что была глухая и не слышала, что там играют её ученики. Но даже эта старушка через две недели сказала:

— У вас действительно необыкновенный ребёнок. Такого абсолютного отсутствия музыкального слуха я ещё не встречала. Это у н и к у м! Берегите её! Как редкий экземпляр!

Короче говоря, в семье Кольчиковых получилось так, что не родители воспитывали дочь, не бабушки — внучку, а внучка воспитывала бабушек, а дочка — родителей.

И раз эта повесть связана с цирком, то вместо слова «воспитывала» следует говорить:

д р е с с и р о в а л а.

Алле, оп! Дорогие родители, шагом марш исполнять желания любимого ребёнка! Бабушки, то же самое! Да пошевеливайтесь!

И чтобы доказать вам, что Сусанна была неплохой дрессировщицей, расскажу о её основном номере.

Номер этот она проделывала редко, не чаще двух раз в год.

В чём он заключался?

Надо было довести мамуленьку, папуленьку, бабуленек до такого состояния, чтобы они... (Слмалась пишущая машинка. Не выдержала. тск чила буква. П пр бую пр д лжать без неё. Нет, пл х п лучается. Беру карандаш.)

Надо было довести мамуленьку, папуленьку, бабуленек до такого состояния, чтобы они были готовы выполнить ЛЮБОЕ желание ребёнка. (Карандаш сломался. Беру следующий.)

Для этого Сусанна несколько раз подряд повторяла:

— Умираю... помогите...

И тогда её спрашивали:

— Что сделать, чтобы ты не умирала?

Наступала тишина.

Тишина наступала.

И в тишине звучал слабый голос:

— Пой... те...

И что бы вы думали?

Папа говорил:

— Это возмутительно! — И уходил на кухню.

Мама восклицала:

— За что нам такое наказание? — И шла за ним следом.

Бабушки брали в руки носовые платки, вытирали друг другу слёзы и начинали:

Эй, моряк, ты слишком долго плавал,
Я тебя успела позабыть!
Мне теперь морской по нраву дьявол,
Его хочу любить!

В глазах злой девчонки появлялся злой блеск.

— Громче! — сипела она. — Веселее!

И бабушки, утерев друг другу слёзы платками, продолжали, притоптывая:

Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы
Всем на дно!
Там бы, там бы, там бы, там бы
Пить вино!

И пили валерьяновые капли.

А Сусанна закрывала глаза и звала:

— Моя милая мамочка...

— Что, детка? — ещё из кухни испуганным голосом спрашивала мама и бежала на зов любимого ребёнка.

— Мне плохо, мамочка.

— Что тебе нужно, миленькая моя?

— Не знаю.

— Ну, скажи, золотце. Я всё для тебя сделаю.

— Не знаю.

— Ну, вспомни, золотце...

— Не знаю.

— Помяукай! — шёпотом подсказывали бабушки. — Помяукай!

— Мяу.. — неуверенно начинала мама. — Нет, не могу!

— Как мне плохо... — сипела Сусанна, сквозь опущенные веки внимательно следя за мамой.

— Мяукай! — сквозь зубы приказывали бабушки.

— Мяу... — неуверенно начинала мама, и губки злой девчонки вытягивались в улыбочку. — Мяу! — уже громче продолжала несчастная мама.

— А он пусть лает, — бабушки кивали на дверь в кухню, где спрятался папа.

Мама открывала дверь в кухню и грозным шёпотом произносила:

— Ребёнку, нашему ребёнку плохо, а ты ничего не хочешь сделать. Тебе трудно немного полаять?

— Но ведь это непедагогично, — шептал папа.

— А если ребёнок умрёт, это будет, по-твоему, педагогично? Лай! Мяу, мяу, деточка! Лай, если ты настоящий отец!

— Гав... гав... — покраснев от стыда и непедагогичности, тихо отвечал папа. — Гав... гав...

— Громче! Она не слышит!

— Гав! Гав! Гав!

— Мяу, мяу! Деточка, ты слышишь?

А деточка смеялась, крича радостно и хрипло:

— Ещё! Ещё! А где курочки? Где курочки?

— Здесь мы! — отвечали бабушки и начинали: — Куд-куда! Куд-куда!

— Мяу! Мяу!

— Гав! Гав!

(От злости я сломал уже несколько карандашей. Когда книгу будут печатать, попрошу, чтобы эти места напечатали разными шрифтами. Как карандаш сломается, так тут и сменят шрифт.)

— Ещё! Ещё! — приказывала Сусанна, хлопая в ладоши. — Теперь ты будешь собачкой, он — кошкой, а вы — поросятами!

Наступала тишина. Тишина наступала.

Взрослые смотрели друг на друга, словно спрашивали: «Неужели вынесем и это?»

И отвечали друг другу: «Не знаю».

Сусанна закрывала глаза и — хлоп на спину.

Первым не выдерживал папа, он кричал:

— Мяу! Мяу!

— Гав! Гав! — отвечала мама, а бабушки, обливаясь слезами и разливая валерьяновые капли, хрюкали.

И все смотрели на единственного, необыкновенного, с музыкальными способностями ребёнка и ждали, что будет.

А он — выпороть бы его хоть один раз! — лежал не двигаясь, всем своим видом говоря:

«И не стыдно вам? Не можете рассмешить больную! Разве так надо смешить? Докажите мне, что любите меня!»

— Ей опять плохо, — в страхе шептала мама и начинала: — Мяу! Гав! Мяу! Гав!

— Хрюмяу... — отзывался папа. — Хрюгав... Куд-хрю! Мяу-куд!

А бабушки, совсем растерявшись, запевали:

Эй, моряк, ты слишком долго хрюкал,
Я тебя успела куд-куда!

— Спасибо, спасибо, ой, спасибо! — заливаясь смехом, говорила наконец Сусанна. — Мне стало значительно легче. Дайте мне теперь поесть чего-нибудь вкусненького-вкусненького, сладенького-сладенького!

И не спорьте: необыкновенный ребенок!

Приготовимся к следующему номеру!

А кто из вас брюки умеет гладить?

А пуговицы кто пришивать может?

В войну играете, носитесь как угорелые, «бах! бах!» кричите, а потом есть просите?

А вы по-настоящему поиграйте. Например, портянки выстирайте (или носки).

Да котелок сами вычистите (или тарелки вымойте).

А что? Как солдаты делают. У солдат домработниц нет, мамы, бабушки и жёны дома остались.

Солдат всё САМ УМЕЕТ делать.

Вот и поиграйте в таких солдат, в настоящих.

У них вот много той самой домашней работы, которую за вас дома мамы и бабушки делают. Или сестрёнки.

Примерно так рассуждала Лёлишна, готовя ужин и слыша за окном крики мальчишек.

Дедушке она сварила манной каши, а себе нажарила картошки и сделала салат.

После пережитых волнений дедушка всё ещё не мог успокоиться и ел торопливо, часто поглядывая на дверь.

— Ты что? — спросила Лёлишна.

— Да так, — ответил дедушка, — стыдно сказать, но побаиваюсь.

— Чего? Кого?

— Кого-то. И чего-то. — Дедушка снова взглянул на дверь и извиняющимся тоном проговорил: — Пуганая ворона куста боится. После того, как любимый ребёнок влетел сюда с воздуха, можно ожидать чего угодно.

— Ничего тебе не надо ожидать, — сказала Лёлиш-

на. — Любимый ребёнок набил себе две шишки и сейчас со злости дрессирует родителей. И бабушек. Ещё дать каши?

— Дать. А кто-то всё равно придёт. И что-то случится. Вот увидишь. — И он шёпотом закончил: — Я предчувствую.

И раздался звонок, громкий, настойчивый, незнакомый.

— Это кто-нибудь из них, — прошептал дедушка, поспешно доедая кашу, — из тех, которые хотели меня положить в тюрьму или посадить в больницу.

— Главное, не бойся, — укоризненно сказала внучка. — Пока я с тобой рядом, некого тебе бояться и нечего. — И направилась к дверям.

— Стой! — слабым голосом крикнул дедушка. — Мысль! Не открывай!

— Почему?

— Позвонят и уйдут.

Звонок повторился — ещё более настойчивый.

— Не бойся, — уже строго сказала Лёлишна и вышла в коридор. Она открыла дверь и радостно пригласила: — Ой, проходите, проходите! Дедушка, дедушка, посмотри, кто к нам пришёл!

— Тигрёнка не пугайтесь, — сказал Эдуард Иванович, — он ручной.

— Да я знаю, знаю! — И Лёлишна тут же, в коридоре, рассказала о своём сегодняшнем знакомстве с Чипом. Войдя в комнату, она позвала дедушку.

В ответ — тишина.

— Дедушка, к нам гости!

Опять тишина.

Лёлишна заглянула на кухню, потом в другую комнату, недоумённо пожала плечами.

Вдруг кто-то тонко чихнул. Чип зарычал.

Эдуард Иванович глазами показал Лёлишне на шифоньер.

Она постучалась в дверцу.

— Войдите, — раздался из шифоньера жалобный голос.

Дверца распахнулась, и все увидели напуганного дедушку, который сидел в шифоньере, согнувшись в три погибели.

— Всё-таки испугался, — виноватым тоном произнёс он, — не вас, конечно, и даже не этого зверя, а других.

Но раз все опасения и недоразумения рассеялись, а Эдуард Иванович принёс с собой торт, то началось чаепитие. Чип лежал у ног дрессировщика и дремал.

Дедушка изредка опасливо посматривал на тигрёнка.

— И как это вы с ними? — спросил дедушка. — Они же звери. Почему они вас слушаются?

— Очень просто, — весело ответил Эдуард Иванович, — я их люблю. Я без них жить не могу. Я даже на пенсию уйду не один, а возьму с собой самого старого льва. Это будет первый в мире лев-пенсионер... Человек я одинокий. Жена и дети погибли в войну. Теперь моя семья — мои львы. Да вот Чип. И ещё есть у меня Хлоп-Хлоп, очаровательный мартыш. Мне его в Одессе подарили моряки.

— Конечно, ко всему можно привыкнуть, — заключил дедушка, — к одному только нельзя привыкнуть — к старости.

— Вот об этом я сейчас и думаю всё время, — оживлённо отозвался дрессировщик. — Мне нужно найти ученика. Чтобы передать ему знания, опыт и львов.

— Да любой мальчишка согласится стать вашим учеником! — воскликнула Лёлишна. — Только позовите.

— А мне нужен не любой, а... — тут Эдуард Иванович вздохнул, как бы хотел этим сказать, что найти нужного ему мальчишку почти невозможно. — Он должен быть смелым, любознательным, упорным.

— Найдёте вы себе ученика, — сказал дедушка, — или ученицу.

— Ученика, — твёрдо проговорил Эдуард Иванович.

— Найдёте, найдёте, — обиженно сказала Лёлишна, словно она собиралась стать дрессировщицей, а её не брали. — Но как же вы его учить будете, если вы всё время из города в город переезжаете? Его же родители не отпустят.

— Можно взять его вместе с родителями, — сказал дедушка.

— Трудно, конечно, найти родителей, которые согласятся отпустить ребёнка со мной, — грустно произнёс Эдуард Иванович. — А кого с удовольствием отпускают, из такого дрессировщика не получится. Пришла как-то ко мне одна мамаша и говорит: «Возьмите вы моего лоботряса, справиться с ним никто не может. Авось вам он пригодится. Подрессируйте его хоть немножко». Смех смехом, а найти ученика трудно.

— У нас есть смелые, любознательные, упорные мальчишки, — сказала Лёлишна.

— Очень хочу с ними познакомиться, — сказал Эдуард Иванович.

Когда улеглись спать, Лёлишна долго лежала с открытыми глазами, думала.

Конечно, она не собиралась стать дрессировщицей, но всё-таки обидно: почему Эдуард Иванович ищет ученика, а не ученицу?

Продолжаем подготовку к следующему номеру

До чего же радостно было просыпаться Лёлишне утром на другой день!

Открыв глаза и вспомнив обо всём, она испугалась: а вдруг это ей просто приснилось?

Вдруг нет никакого Чипа и никакого Эдуарда Ивановича?

Она встала, быстро оделась и — на кухню. И вскоре уже напевала:

Будет каша кип-кип-кип.
Её будет кушать Чип,
Кушать, наедаться,
Прыгать и смеяться.
Кип-кип!
Чип, Чип!

Вдруг кто-то за её спиной громко чихнул.

— Будьте здоровы! — крикнула Лёлишна и рассмеялась оглянувшись: это был Чип. — Чем же мне тебя угостить?

Чип зевнул и потянулся, как кошка, выгнув спину. Лёлишна бросила ему кусок сахару. Чип благодарно помахал хвостом, похрустел сахаром, облизнулся и глазами попросил: «Давай ещё, не жадничай».

— Чип, ко мне! — раздался голос Эдуарда Ивановича.

«Давай, давай быстро! — просил взглядом тигрёнок. — Мне некогда! Угощай!»

Лёлишна отрицательно покачала головой.

«Смотри, пожалеешь». — И Чип утопал.

Может быть, он решил, что Лёлишна просто жадная. На самом деле она просто знала, что до завтрака детям сладкое давать нельзя. А тигрёнок — ребёнок.

Эдуард Иванович появился на кухне в зелёном, с широкими чёрными полосами длинном халате. Седые волосы были гладко зачёсаны.

— Доброе утро, хозяюшка, — сказал он, — сколько кусков сахару удалось выпросить полосатому попрошайке?

— Всего-навсего один.

— И то зря. Сахар, хозяюшка, надо сначала заработать. Готовить мы с тобой будем по очереди. А как-нибудь я устрою тебе выходной день. Самый настоящий. Трудно тебе?

— Ну и что? Я привыкла.

— Вижу. Молодец.

— И всё-таки вам требуется ученик, а не ученица.

— Потому что это мужское дело! — крикнул из комнаты дедушка. — Если обязательно необходимо, чтобы львы кого-нибудь слопали, бросьте им меня.

— Не беспокойся, — ответила Лёлишна, — никто меня в укротительницы не берёт. А сейчас будем завтракать.

За столом дедушка был хмурым, не разговаривал и даже немного покапризничал. Каша показалась ему недосолённой, он солил её, солил и до того досолил, что есть уже было нельзя. Но он ел.

Незаметно смахивал слезинки и ел, бедный.

Лёлишна знала: в таких случаях лучше помалкивать, делать вид, что ничего не случилось.

Недавно она водила дедушку в больницу, а на другой день зашла к врачу, и тот объяснил, что у дедушки больные нервы. А это значит, что его нельзя раздражать, нельзя волновать, да и сердце у него, как говорится, неважное.

Выпив чаю, дедушка чуть успокоился, почувствовал себя виноватым и пробормотал:

— Нервы у меня пошаливают.

— А у кого они не пошаливают? — весело отозвался Эдуард Иванович. — И у зверей, и у людей. Вот и я старею, и нервы сдают.

— Я, видимо, тоже старею, — дедушка вздохнул. — Внучке со мной тяжело.

— Неправда, — мягко возразила Лёлишна, — без тебя мне было бы в миллион раз тяжелей.

Уходя, Эдуард Иванович пригласил её на репетицию и попросил привести с собой одного из смелых, любознательных, упорных мальчишек.

МАЛЬЧИК В КЛЕТКЕ С ЖИВЫМ ЛЬВОМ!

Читателей со слабыми нервами просят не читать!

МАЛЬЧИК В КЛЕТКЕ С ЖИВЫМ ЛЬВОМ!

Только в нашем цирке!

В пустом цирке неуютно и холодновато. Даже летом.

Ветер похлопывает брезентовым куполом.

Над ареной включено всего несколько ламп.

Балкончик для оркестра пуст.

На манеже работали трое акробатов. Четвёртый стоял в стороне и недовольно повторял:

— Темп! Темп!

Лёлишна с Виктором задержались в проходе, поёживаясь от холодка.

Они взялись за руки, словно перед входом в сказку. И как во всякой сказке, здесь было и страшновато, и таинственно, и, главное, очень интересно.

Акробатов сменили жонглёры. Улыбаясь, они бросали друг в друга мячами, тарелками, булавами, кольцами.

И Лёлишна с Виктором радостно шептали:

— Темп! Темп! Темп!

Так они могли стоять и глазеть без конца, но тут один из жонглёров спросил:

— Вы к кому?

— К Эдуарду Ивановичу.

— Это вон туда, — жонглёр показал на вход, вернее на выход, под балкончиком для оркестра, — там его и найдёте. Только рты закройте.

Лёлишна и Виктор посмотрели друг на друга: рты у них были широко раскрыты. Посмеявшись, ребята пошли к выходу на арену.

Тут, в коридоре, они снова остановились и снова широко раскрыли рты. Здесь были клетки со львами, разные непонятные, диковинные сооружения, сновали люди, два клоуна дрались бамбуковыми палками, один дяденька прыгал... на руке.

— В сторону, в сторону, не мешайте!

Ребята отскочили, пропуская рабочих, несущих огромные шесты.

— Брысь отсюда!

Они опять отскочили, чтобы не попасть под колёса какого-то невероятного сооружения.

— Сюда, ребятишки, сюда! — услышали они голос Эдуарда Ивановича.

Стены его маленькой комнатки были оклеены красочными афишами. Лёлишна видела их не впервые, но только сейчас обратила внимание, что на афишах укротитель выглядит моложе и волосы у него не седые, а чёрные.

— Когда-то я был таким, каким сейчас бываю только на рекламе, — грустно сказал Эдуард Иванович. Он уже облачился в голубые шаровары и красную куртку.

Откуда-то сверху на плечо к дрессировщику спрыгнул мартыш и уставился на гостей.

— Знакомьтесь, — проговорил Эдуард Иванович. — Хлоп-Хлоп, самый хитрый, самый обидчивый, самый недисциплинированный зверь в нашей труппе. Давно бы отдал его в зоопарк, но люблю.

Хлоп-Хлоп обнял хозяина за шею и пискнул: дескать, правильно. И немного поаплодировал сам себе.

— Спортом занимаешься? — спросил Виктора Эдуард Иванович.

— Он чемпион школы по лыжам, — ответила Лёлишна.

— А учишься как?

— Он отличник, — опять ответила она за Виктора, вздохнула и добавила: — А ещё он смелый.

— Я стараюсь быть смелым, — поправил Виктор, — но не всегда это получается. Например, я не представляю, как можно войти в клетку ко львам и не умереть от страха.

— Это не страшно. Надо просто знать их. Все повадки, привычки, характеры. Можно сказать, что укротитель, как и сапёр, ошибается один раз в жизни. И вот надо прожить жизнь так, — Эдуард Иванович улыбнулся, — чтобы ни разу не ошибиться. Ну, а сейчас идите в зрительный зал, после репетиции встретимся.

И ребята следом за Хлоп-Хлопом вышли в коридор и снова попали в суматоху.

Суматоха осложнялась ещё и тем, что к арене тянулся коридор из железных прутьев.

И уж как там случилось, никто потом толком и понять не мог.

А произошло примерно вот что и вот как.

Зазевавшись и ища глазами Хлоп-Хлопа, который убежал вперёд, Виктор шагнул в железный коридор.

Не заметил этого.

И продолжал шагать дальше.

Лёлишна смотрела по сторонам и шла, казалось, совсем рядом — их с Виктором разделяла только решётка.

В это время рабочие подкатили к железному коридору клетку.

Подняли дверцу.

И лев по знакомой дороге побежал на арену.

Только тут, сообразив, что произошло, Лёлишна завизжала.

Хлоп-Хлоп пронзительно заверещал.

Виктор резко обернулся и замер, раскинув руки, будто намеревался не пускать зверя на манеж.

Лев остановился.

Рыкнул.

Тут подоспели рабочие, вооружённые шестами с железными наконечниками, преградили ими льву дорогу и пытались заставить его повернуть обратно.

Мальчик не шевелился.

Он даже дышать перестал.

Это озадачило зверя.

Если бы Виктор повернулся к нему спиной и побежал, лев бы стрелой бросился на него и...

Но мальчик не двигался.

И льву стало ясно: маленький человек его не боится.

— Витя, Витя, Витя... — шептала Лёлишна.

Взбешённый ударами, лев раскрыл пасть и зарычал так, что Лёлишна закрыла лицо руками.

Подбодрив себя рёвом, лев двинулся к Виктору.

Удары железными наконечниками только злили зверя, но не могли остановить.

Лев пригнулся, готовясь к прыжку.

Виктор не двигался.

И вдруг раздался повелительный голос:

— Цезарь, назад!

Это в железный коридор вбежал Эдуард Иванович.

Лев получил удар бичом, второй, третий...

И бросился на дрессировщика.

Тот разрядил пистолет прямо ему в морду.

И закрыл собою мальчика.

В обезумевшего льва направили струю из шланга.

Он бросился назад, в клетку.

Опустилась дверца.

Эдуард Иванович обнял Виктора и глухо проговорил:

— Молодец, мальчик, молодец...

Репетицию, конечно, отложили: надо было выждать, пока успокоятся звери, поднявшие страшный рёв.

Виктор старался улыбнуться, но улыбка получалась слабой, жалкой даже.

На плече Эдуарда Ивановича оказался Хлоп-Хлоп. Он гладил хозяину волосы и возмущённо попискивал.

«Я им задам! — словно бы говорил он. — Они ещё у меня узнают! Не волнуйся, я рядом с тобой и не дам тебя в обиду».

А Лёлишна заплакала.

— Я так испугалась, я так испугалась, — сквозь слёзы бормотала она. — Меня до сих пор всю трясёт.

Виктор молчал.

«Струсил я или не струсил? — думал он. — Виктор я или не Виктор?»

Вот на этом — конец первого отделения нашей программы.

Сейчас объявляется

АНТРАКТ

на несколько страниц,
во время которого
состоится более подробное знакомство
уважаемых читателей
с личностью по прозвищу Головёшка

Горшков, тот самый милиционер, который считал цирк пустой забавой, на время гастролей шапито был к нему прикреплён для дежурства.

И хотя в милиции дисциплина строгая и возражать начальству нельзя, Горшков сказал:

— Уж это не работа, товарищ капитан, а наказание.

— Правильно, Горшков, рассуждаешь, — ответил капитан, — для тебя это наказание. За то, что цирка не понимаешь. Постарайся понять, пока там будешь дежурить.

— Есть постараться понять, товарищ капитан! — грустно сказал Горшков. — Разрешите идти?

И пришёл в цирк, и сразу встретился с Григорием Васильевичем.

— Вы же говорили, что ноги вашей здесь не будет? — сказал фокусник.

— Говорил, говорил, — мрачно согласился милиционер. — Не по своей я воле здесь. По долгу службы. А как насчёт Головёшки?

— Какой головёшки?

— Того самого Головёшки, — объяснил Горшков, — у которого совести мало, а руки золотые. Мозговая система работает не очень, а парень хороший. Очень мне хочется вас с ним познакомить. На предмет его исправления, может, приохотите его к фокусам-покусам. И у него кой-чему поучитесь.

— Прошу вас, — обиженно сказал Григорий Васильевич, — не приставать ко мне со всякими головёшками. Надоело. Лучше верните мне мой портсигар.

— Какой портсигар?!

— Мой. Который вы себе в карман засунули. Вон в тот.

Горшков сунул руку в карман своих брюк, вытащил портсигар, проговорил восхищённо:

— Чисто работаете. Но берегите свой портсигар. Головёшка вам докажет, на что он способен. Только не обижаться.

— Договорились.

Головёшку милиционер разыскал в кассовом зале панорамного кинотеатра.

Маленький, худенький, в старой ковбойке с продранными локтями, в штанах чуть не до подмышек, в огромных ботинках с загнутыми вверх носами, Головёшка скалил зубы да посвистывал.

Увидев Горшкова, он улыбнулся ему, как самому дорогому другу, и приветствовал:

— Здравия желаем вам, товарищ дядя Горшков!

— Какой я тебе товарищ? — сердито отозвался милиционер. — Чего здесь делаешь?

— А они здесь чего делают? — Головёшка показал на очереди у билетных касс.

— Они культурно расти пришли, — объяснил Горшков. — Купят билеты, кино посмотрят, умнее станут, образованнее. Ты давал слово, что больше не будешь грязными делишками заниматься?

— Моё слово — каменная стена, това... гражданин милиционер дядя Горшков. И я тоже пришёл культурно расти.

— А деньги на билет у тебя имеются?

— Пока нет.

— Значит, опять по карманам?

— Никак нет. На жалость бью и высокую сознательность. Подхожу к тётеньке, выпрашиваю несколько копеечек. Глядишь, пошёл культурно подрасти.

— Беда мне с тобой, — грустно сказал Горшков. — У матери как здоровье?

— Обычно.

— Ну ладно. Сделаем ещё одну попытку в человека тебя превратить. Попрошайничать-то тоже ведь не положено. Пойдём-ка.

Головёшка покорно двинулся следом.

Они пересекли улицу, вошли в городской сад и присели на спрятавшуюся в кустах скамейку.

— Ты, главное, пойми, — начал Горшков, — включи свою мозговую систему на полную мощность. Вникай в каждое моё слово и каждое моё слово постарайся понять. А если не поймёшь, так и заяви, не прикидывайся, будто понял. Вот слушай.

И Горшков рассказал о фокуснике Григории Васильевиче, который, по его твёрдому убеждению, мог заинтересовать непутёвого мальчишку, увлечь его так, что Головёшка и думать забудет о своём карманном ремесле.

— Ты вникни, — убеждал Горшков, — навыки у вас вроде бы одинаковые. Только ты народу вред и горе приносишь своими навыками, а он — вроде бы пользу. Во всяком случае, вреда нет. Законом разрешается. Понравится ему твоя работа — он тебя в обучение возьмёт. Артистом будешь. А это всё-таки лучше, как ни крути, чем жуликом. И опять же законом разрешается. Понимает твоя мозговая система или нет, в чём тут дело?

— Система понимает, а я нет, — признался Головёшка.

— Колония тебя, дурака, ждёт! — вскипел Горш-

ков. — Это ты понимаешь? Сколько я ещё с тобой воспитательной работой заниматься должен? Включай мозговую систему снова!

И Головёшка понял: он должен достать из кармана фокусника портсигар и тем самым доказать, как выразился Горшков, высокое качество своей подлой работы. Фокусник будет поражён ловкостью рук и начнёт учить Головёшку цирковым фокусам. Тоже, конечно, обман, но законом, повторяю, разрешается.

Поехали к цирку.

Дождались, когда вышел Григорий Васильевич и направился к трамвайной остановке.

Головёшка — за ним.

Сели в один вагон.

Головёшка пристроился за спиной фокусника.

Когда на повороте трамвай затормозил и пассажиры повалились друг на друга, Головёшка раз — и нащупал портсигар.

И потянул...

Не тянется.

Будто прилип к подкладке.

Пришлось убрать руку.

В таких случаях мозговая система Головёшки работала на полную мощность.

Каждый мускул, каждая мышца, каждый нерв были включены.

На носу даже выступили капельки пота.

Но ничего не мог понять Головёшка.

И когда на остановке пассажиры снова повалились друг на друга, он снова сунул руку в уже знакомый карман, снова нащупал портсигар, потянул...

Не тянется.

Да что же это такое?

Головёшка вытащил пустую руку, и тут Григорий Васильевич обернулся, взглянул на него насмешливо и вышел из вагона.

Обескураженный Головёшка вернулся к цирку.

— Ну? — спросил Горшков.

— Включил всю свою мозговую систему на полную мощность — не понимаю. Вот этой самой, — Головёшка протянул правую руку, — два раза цапался за портсигар, а вытащить не мог. Он у него как приклеенный.

— Эх! Один раз попросил тебя доброе дело сделать, и то...

— Завтра попробую.

— Попробую, попробую, — почти передразнил милиционер, — а всё от твоей несознательности проистекает.

— Я тут ни при чём. Я работал качественно. Чего-то у него с этим портсигаром сделано. Устройство там.

— А ты должен перехитрить. И уст

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК!

ройство, и фокусника. Понимаешь? Обязан ты его перехитрить. Тогда, повторяю, в цирке работать будешь.

Конечно, поведение Горшкова может кого-то и удивить, и даже показаться неправильным. Кто знает — наверное, имелись и другие способы убедить Григория Васильевича заинтересоваться судьбой Головёшки.

А Горшков придумал свой способ.

Ведь он относился к мальчику как к попавшему в беду человеку и старался ему помочь.

Жил Головёшка без присмотра и в любой момент мог попасть в дурную компанию.

Так вот, на другое утро мальчишка сидел в сквере напротив гостиницы, ждал Григория Васильевича; дождался и вместе с ним сел в трамвай.

Но в трамвае было всего несколько человек. Действовать в подобных условиях почти невозможно, но, помня наказ милиционера, Головёшка включил свою мозговую систему на сверхполную мощность.

Всего какое-то мгновение потребовалось ему, чтобы, проходя мимо фокусника, чуть задеть его плечом и...

Портсигар был в кармане Головёшки.

Вот вам и фокусник!

На эт

ВТОРОЙ ЗВОНОК!

о и рассчитывал Горшков.

Увидя подходившего к цирку Григория Васильевича, он приложил руку к козырьку, улыбнулся во весь рот и приветствовал во весь голос на всю улицу:

— Здравия желаю, гражданин фокусник!

Григорий Васильевич поздоровался, тоже улыбнулся и прошёл мимо.

А Головёшка приближался с важным видом, неторопливо, смотря по сторонам независимо.

— Ну? — нетерпеливо спросил Горшков.

Мальчишка отдал ему портсигар.

— Золотые руки, — растроганно проговорил милиционер, — научить бы их чему-нибудь хорошему. Можешь считать, что ты в цир

ТРЕТИЙ ЗВОНОК!

ке работаешь. Идём.

КОНЕЦ АНТРАКТА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

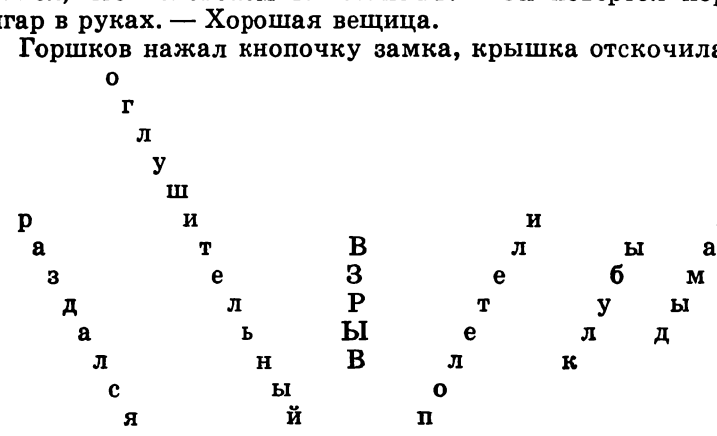
НАЧИНАЕМ ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НАШЕЙ ПРО
ГРАМ
МЫ

Отделение 2

Второе отделение нашего представления открывают Горшков и Головёшка. В номере принимает участие иллюзионист Григорий Ракитин!

— Молодец, молодец, — сказал Горшков, — всегда я надеялся, что человеком ты станешь. — Он повертел портсигар в руках. — Хорошая вещица.

Горшков нажал кнопочку замка, крышка отскочила...



Головёшка закричал.

Горшков, окутанный дымом, отскочил в сторону.

Хорошо ещё, что поблизости никого не было, — быть бы тогда переполоху.

С минуту, не меньше, смотрели они друг на друга.

Вдруг мальчишка хихикнул, пальцем показывая на милиционера.

Горшков спросил хриплым голосом:

— И я такой же?

— Как трубочист!

— Пошли отмываться.

У входа стоял Григорий Васильевич. Он удивлённо спросил:

— Что с вами такое? Трубы чистили?

— Проиграли один — ноль, — ответил Горшков, — нате вашу машину. Точно сработала. — И отдал портсигар.

— Два — ноль вы проиграли, — поправил Григорий Васильевич, — вчера вот этот молодой человек чуть-чуть

мне карман не оторвал. Золотые руки, да голова... не очень золотая.

— Это мы ещё проверим, — сказал Горшков. — А за такие шутки можно и к ответу призвать.

— У меня душа в ботинки залезла! — восхищённо признался Головёшка.

— Душа, душа, ботинки, ботинки, — проворчал Горшков. — Вот у меня душа куда-то упрыгала, это понятно. Только сейчас вот обратно вернулась. А знаете, кто во всём виноват? Горшков. Так и его тоже надо понять, гражданин фокусник. Он, он, Горшков, во всём виноват. Ведь если бы не Горшков, тоже прошу учесть, пропал бы Головёшка давным-давно. А Горшков жалеет его и вас его пожалеть просит.

— Идите умойтесь, — сказал Григорий Васильевич, — потом побеседуем.

Умывание длилось довольно долго, пришлось ведь ещё и одежду чистить.

Горшков всё это время говорил:

— Иногда человека воспитать легче лёгкого. Бывают люди — их и воспитывать не надо. Такими хорошими они и родились. А попадётся иной раз, так сказать, человечек — наука перед ним в тупик встаёт, не то что милиция. Вот Головёшка с виду человек, руки, ноги имеются. Говорит человеческим голосом, а сознательности — кот наплакал.

— Гражданин дядя Горшков! — взмолился Головёшка. — Вы же знаете, что в последнее время сознательность у меня повысилась!

— Идём беседовать.

Войдя в зрительный зал, Головёшка глаза вытаращил.

На арене работали акробаты-прыгуны. Чего они только не выделывали! Они подбрасывали друг друга со специальных подкидных досок, переворачивались в воздухе. А опускались они не на арену, а на плечи товарищей.

— Вот это да! — прошептал Головёшка. — Законно!

Но тут прыгуны упрыгали, а на манеж выпустили красивую белую лошадь.

В центре арены встал дяденька в чёрном пиджаке, белых галифе, с длинным хлыстом в руке.

Лошадь бежала ровно и сильно.

На барьере появилась маленькая девочка в розовой балетной пачке и чёрных чулках.

— Ух, какая куколка! — крикнул Головёшка и сразу

примолк, потому что куколка на полном скаку прыгнула лошади на круп и сделала стойку на руках.

— Вот тебе и куколка, — мрачно сказал Горшков, — покалечиться в любой момент может.

А девочка и не собиралась калечиться.

— Ап! — командовал дяденька, и она, перевернувшись в воздухе, ловко опускалась на бегущую лошадь.

Горшков тянул мальчишку за рукав, но Головёшка не двигался. В цирке он был впервые. Это оказалось для него интереснее любого кинофильма, даже панорамного.

— Законно... законно... — шептал Головёшка.

Милиционер взял его за руку и повёл.

В комнатке Григория Васильевича стоял столик с трельяжем — тройным зеркалом.

Мальчишка сразу к нему и давай себе рожи строить. И хохотать. Ещё бы: на него смотрели сразу трое Головёшек — один в середине и два по бокам.

— Что ты умеешь делать? — спросил Григорий Васильевич.

— С картами три фокуса знаю, петухом кричать могу. Спичку с огнём во рту могу держать. Солдатиком нырять умею.

— Короче говоря, ничего не умеешь делать.

— А основная работа? — спросил Горшков. — Ловкость-то рук!

— Руки у него ловкие, — согласился фокусник. — Ну и что? Но он ничего не умеет ими делать. И мускулы у него слабенькие.

— Не могу с вами согласиться, — мрачно проговорил Горшков. — Просто поражаюсь вашему равнодушию к судьбе данного ребёнка. Пропадёт ведь он.

— Не знаю, — спокойно ответил Григорий Васильевич. — Брать его в ученики? Но через три месяца я уеду отсюда.

— За три месяца можно многому научиться.

— Давайте сделаем так, — предложил Григорий Васильевич, — пусть приходит на представление. А там будет видно. Я за это время подумаю.

— Вот правильно! — Горшков крепко, от всей души пожал фокуснику руку. — Так будет ближе к делу. Я, конечно, понимаю, что легче моржа там или бегемота с носорогом к работе приучить, чем Головёшку. Но бросать его на произвол судьбы глупой мы права не имеем.

Двенадцатый номер нашей программы. На арену действия проникает дедушка. Оркестр, сыграйте в таком случае что-нибудь не очень весёлое. Прошу!

С рынка Лёлишна вернулась усталая, до того усталая, что как села на табуретку, так и сидела.

Дедушка спросил:

— Что с тобой?

— Устала немного.

— Ничего себе, немного! — возмутился дедушка. — Я вижу. Так вот, с завтрашнего дня я хожу на рынок, я хожу по магазинам!

— А сзади я на «скорой помощи»?

— В этом не будет необходимости. Выдержу.

— Я тоже выдержу. Сейчас отдохну и начну готовить обед.

— А почему не я?

— Потому что у тебя обязательно что-нибудь сгорит, убежит, уплывёт. А потом будет плохо с сердцем. А скоро вернётся Эдуард Иванович, его надо накормить.

— Нет, нет, так больше продолжаться не может! — разгорячился дедушка. — Я обязан о тебе заботиться, а не ты обо мне. Я старше. Отныне я всё беру на себя. И никаких «скорых помощей»! Мне всего семьдесят шесть лет! — Он схватился за сердце.

И сел.

— Тебе нельзя волноваться, — сказала Лёлишна, — а устала я оттого, что много пережила. Мы были в цирке на репетиции, и Виктор попал в клетку ко льву.

— Когда похороны? — прошептал дедушка.

— Всё окончилось хорошо. Но мне до сих пор страшно.

— Даже мне стало страшно. Со львами шутки плохи. Я, пожалуй, прилягу.

Лёлишна помогла ему прилечь и принялась готовить обед.

Работа всегда отвлекала её от грустных мыслей, но сейчас этого не случилось. Она всё вспоминала и вспоминала лицо Виктора, когда к нему приближался Цезарь...

— Хочется теперь тебе быть укротителем? — спросила Лёлишна, когда они вышли из цирка.

— Не знаю, — ответил Виктор.

«А вот мне захотелось стать укротительницей, — думала она, разжигая духовку, — захотелось и — всё! Мне не забыть, как ворвался в железный коридор Эдуард Иванович. Лев **мог убить** его одной лапой,

а... убежал!»

Эх, если бы она была мальчишкой!..

Она бы с т а л а у ч е н и к о м Эдуарда Ивановича!

СТАЛА БЫ!

И Лёлишна представила,
как она в ярком цирковом наряде,
с бичом в руке,
с пистолетами за кожаным поясом
под звуки марша выходит на манеж.
На тумбах сидят гордые львы и львицы.

Она их не боится нисколечко.

Они слушаются её, как отличники учительницу.

Со всех сторон раздаются голоса:

— Да ведь это Лёлишна!

— Это у которой дедушка с больными нервами?

— Которая квартиру не может обменять?

— Она! Она!

— Вот это да!

И наступает главный номер, такой, какого ещё не было в цирках.

Лёлишна садится на самого большого льва и кричит:

— Но-о-о!

Лев скачет.

Она держится руками за его гриву.

Он б е ж и т и р ы ч и т.

Рычит и бежит.

— **Тпру! — останавливает** его Лёлишна и под гром аплодисментов **спрыгивает на арену.**

Но вдруг один из львов бросается на маленькую дрессировщицу.

Она стреляет из обоих пистолетов.

Грохот.

Дым.

— Лёля! — слышит вдруг она голос дедушки. — Что там за дым? Что горит?

Дым шёл из духовки — горело мясо.

Лёлишна вытащила кастрюлю, раскрыла окно и полотенцем стала выгонять дым.

Такое с ней случилось впервые, и она, конечно, расстроилась. Во-первых, просто жаль мяса, во-вторых, она вообще не любила, если что-нибудь получалось не так, как надо.

«Размечталась тут! — мысленно ругала себя Лёлишна. — Верхом на льве кататься вздумала!»

И ещё она вспомнила, что на днях рассердилась на дедушку за сгоревшую рыбу.

— Вот, — виновато произнесла внучка, когда он вышел на кухню, — размечталась и прозевала.

— Бывает, бывает, — улыбаясь, сказал дедушка и уточнил: — Со всеми бывает. О чём размечталась?

— Да так, — уклончиво отозвалась внучка, — о разных разностях.

Но дедушка не уходил. Он стоял в дверях, словно пришёл за чем-то, а за чем именно, забыл.

Лёлишна срезала с мяса горелую корку.

Помявшись, дедушка спросил:

— Видимо, этот случай с Виктором подействовал на тебя? Быть дрессировщиком — занятие, как ты поняла, не из безопасных? Ничего в нём привлекательного, конечно, нет?

— Что ты! — вырвалось у Лёлишны. — Это так здорово!

— Но ведь в перспективе — их обязательно едят. Укротитель ошибается один раз в жизни, ты ведь слышала? И потом... девочек-дрессировщиц не бывает.

— Не было, ты хотел сказать?

— И не будет. Кстати, — напомнил дедушка, — мне ведь нельзя волноваться, у меня, и ты это хорошо знаешь, больные нервы.

— Волнуешься ты напрасно. Ни в какие дрессировщицы никто меня не возьмёт, — грустно проговорила Лёлишна. — А нервы мы тебе вылечим.

— Ты должна дать мне честное слово, — раздражённо сказал дедушка, — что ты забудешь о всяких там хищниках вроде львов!.. Я жду!

— Я не могу дать такого слова, — тихо, но твёрдо сказала Лёлишна, — потому что я ещё ничего не знаю. Пока я ещё только думаю.

— Хо-ро-шо! — почти крикнул дедушка. — Поступай

как хочешь! Но учти: я не пе-ре-жи-ву! А если переживу, то с никуда не годными нервами. Налей мне валерьянки. Тридцать четыре капли — норму и сверх нормы еще... столько же. Я ложусь. Мне плохо.

И дедушка лёг на диван с таким видом, словно Лёлишну уже лев ел.

Дедушка даже слышал, как хрустели её косточки.

Продолжаем нашу программу. Весь вечер у ковра Петька-Пара. Он ставит рекорд сверхвизговой скорости

И задумал Петька убежать из дому.

Мысль эта забралась ему в голову совершенно неожиданно, как говорится, без всякой предварительной подготовки.

Шла, видимо, шла, наткнулась на Петькину голову, места свободного там много, вот мысль туда и забралась. А уж если она туда забралась, он вам её не отпустит: не так уж часто его мысли посещают.

Уловив эту мысль, Петька радостно сплюнул. Ему даже показалось, что он очень умный человек.

А вы должны знать, что стоит человеку поверить в то, что он умный, как он тут же начинает делать глупости.

Петька одному лишь удивился: почему же раньше он не замечал, что является очень умным?

Всё сразу показалось простым.

И, сидя в ванной комнате, куда его закрыли за то, что он ходил в магазин целых полтора часа и вместо масла купил сыр, Петька обдумывал план побега.

Во-первых, куда бежать?

Во-вторых, когда бежать?

В-третьих, как?

Когда — это ясно. Сегодня.

Куда? Тоже ясно. Сначала в Москву, а там видно будет.

Как? А как придётся. Лишь бы в поезд забраться. Всю дорогу он преспокойненько проспит, не привыкать спать подолгу, а проснётся уже в Москве.

Вот бы денег достать! Тоже просто: надо продать учебники. Карандаши продать, ручки, перья, тетради...

Поступит он на работу и заживёт как люди живут. Эх, выпустили бы только!

— Живой? — спросил за дверью отец.

— Замёрз, — ответил сын, — выпустите. Пора уж.

Из ванной он вышел такой сияющий, что отец удовлетворённо сказал:

— Видать, подействовало. Учтём. Поди поешь.

За столом Петька набил полные карманы кусками хлеба и сахара.

Он тихонечко вынес в коридор портфель, куда сложил учебники и прочие вещи для продажи.

— Я бегать, — сказал он.

— Валяй, — отозвался отец, — только не до полночи.

На лестнице Петька остановился, вздрогнув, словно кто-то его резко окликнул.

«Попадёт, — пронеслось в голове, — так попадёт, что...»

Он сел на ступеньку.

И опять вздрогнул, словно опять кто-то его резко окликнул.

«Да смеёшься ты, что ли? — мысленно сказал он себе. — Через два месяца в школу! А в Москве ты к этому времени собственную благоустроенную отдельную квартиру будешь иметь. И зарплату. В кино каждый день ходить будешь. Телевизор купишь».

И он помчался по лестнице.

Выскочив на улицу, Петька увидел Сусанну.

Скромно опустив глазки, в нарядном платьице, с огромным бантом в волосах, с чёлкой, прикрывающей шишку на лбу, она стояла, как кукла из магазина «Детский мир».

Все малыши, игравшие до её появления во дворе, разбежались

в с н ю.
р
а ы у
с .
п

Бабушки, сидевшие с вязаньем в руках, насторожённо следили за каждым её шагом.

А Сусанна посматривала по сторонам.

Выбирала жертву.

Интересной жертвы пока не было.

Одним прыжком Петька подскочил к Сусанне.

Вдарил портфелем.

И — ног не видно — побежал, набирая скорость.

Он мчался так быстро, что даже Сусаннин виииииииииизг не мог его догнать.

Значит — сверхвизговая скорость.

Рекорд!

До железнодорожного вокзала Петька добрался без всяких приключений, и хотя временами его охватывал страх, о возвращении домой он и не думал.

На запасных путях мальчишка разыскал состав, на каждом вагоне которого было написано, что он идет в Москву.

Петька радостно плюнул.

Все вагоны были закрыты, но в конце состава оказалось несколько товарных вагонов с открытыми дверями.

«А какая мне разница? — решил Петька. — Я могу и в товарном. Даже лучше».

Он забрался в вагон, на четвереньках прополз в угол, лёг, подсунув под голову портфель, плюнул и стал ждать, когда состав переведут на главный путь, сделают посадку — и ту-ту-ту-у-у...

Он ещё раз плюнул.

И уснул.

Представление продолжается. Но перед началом следующего номера автор ненадолго просит слова

Вот мы и движемся потихоньку вперёд.

Стопка бумаги (исписанной) слева от меня растёт.

А стопка чистой бумаги справа — тает.

Уже вторая осень за окном, с тех пор как я сел писать эту повесть.

А закончу я её зимой, не раньше.

А надо вам сказать (может быть, вы этого не знаете), что рукопись книги всё равно что родной ребёнок. Иногда его (то есть её) хочется или приласкать, или отшлёпать, или похвалить, или в угол поставить (точнее говоря, положить).

Каждый родитель мечтает, чтобы его ребёнок вырос хорошим, добрым, полезным людям, верным.

Но как иногда дети бывают плохими, так и с книгами это случается.

И как родителей вызывают в школу, когда их дети ведут себя неважно, так и нас, авторов, призывают к ответу.

Мне кажется, что нам с вами надо потолковать о том, почему я стараюсь писать весело.

Думаю, что вы меня поймёте. Я очень хорошо помню, как я сам был маленьким. До того помню, что понимаю вас даже тогда, когда вы творите глупости.

А если я пишу смешные книжки, то это вовсе не значит, что меня с утра до вечера распирает смех.

Тем более это не значит, что от всех вас я всегда в восторге и не понимаю, что иногда из-за вас не смеяться, а плакать надо.

И всё-таки я посмеиваюсь над своими героями и не ставлю их в угол.

Почему?

Основная ваша ошибка заключается в том, что вы совершенно напрасно думаете, что взрослые вас не понимают.

Будто они оттого запрещают вам кое-что выделывать, что до них, до взрослых, не доходит прелесть этого кое-чего.

Например, если вам не дают бегать до двенадцати часов ночи, то лишь потому, что не представляют, как это здорово.

Да не так всё это, не так!

Уж если вы решили, что взрослые не всегда вас понимают, то что делать взрослым, если вы их редко понимаете?

Вам надоело слушать, как вас учат, а взрослым учить вас надоедает.

Отсюда и неприятности.

И вам плохо.

И взрослым не лучше.

Вот из-за этого я и решил схитрить, когда понял, что моя судьба — писать книжки для детей.

Никуда мне от этого не спрятаться.

Если я буду вас учить уму-разуму, втолковывать вам, что дважды два — четыре, ничего из этого может и не получиться. Зевнёте, отложите мою книжку в сторону и что-нибудь про шпионов читать будете (или бегать убежите).

Вот я и решил стать юмористическим писателем. А это значит: научился я быть весёлым, как бы грустно мне не было.

Ведь каждой книжке хочется стать для вас умным другом.

А весёлый друг — он ещё обязательно и добр, и терпелив. Учит он незаметно.

Так и смешная книжка: смех-то смехом, а за ним всё — серьёзно.

Но заметит это только неглупый человек. На него я и рассчитываю.

Недаром говорят: смех — дело очень серьёзное.

А теперь...

Продолжаем нашу программу!

Из цирка Головёшка вышел расстроенным. Не радовало даже приглашение прийти на открытие шапито.

Особенно расстроила мальчишку наездница Эмма, которую он сначала обозвал куколкой.

Посмотрел на неё, и стало ему завидно.

«На лошади скачет, видите ли! — рассуждал Головёшка сам с собой. — А мне всю жизнь только в трамваи вскакивать, да? Прыг-скок? Скок-прыг — всю жизнь? Да если бы меня учили, да лошадь бы дали, да от школы освободили, да кормили бы... да я бы тогда...»

И, ещё более раздосадованный, он решил с кем-нибудь подраться, чтобы успокоиться. Он всегда дрался, когда у него было плохое настроение. Надаёт кому-нибудь — и сразу успокоится, будто доброе дело сделает.

Конечно, возникает вопрос: если он нападает на человека, значит, он, Головёшка, смелый?

Значит, не боится?

Не смелый, а наглый.

И не боится потому, что наглецам редко дают сдачи. Причём чем наглее наглец, тем меньше у него опасения получить сдачу. Поэтому Головёшка, как правило, выбирал жертву длиннее себя. И чем длиннее жертва, тем быстрее она улепётывала.

Да почему же?

Да потому, что многие уверены: если на тебя нападают, значит, сильнее тебя.

И с такими не связываются.

Улепётывают.

Этому приёму Головёшку научили жулики. Там и сказали:

— Сам убежать всегда успеешь. Сначала попробуй, чтоб от тебя убежали. Силы нет — бери нахальством. Нахальства нет — трудной жизнью жить будешь.

Раз попробовал Головёшка — получилось.

Два — получилось.

Три.

Четыре.

Пя... — и не получилось. Головёшка сам получил. (Если вы помните, это был случай с Виктором Мокроусовым, когда он учился побеждать.)

На некоторое время Головёшка приутих.

Но вот сейчас, когда на душе было тяжело, он вспомнил, как можно улучшить настроение.

Впереди по скверу шёл мальчик.

Головёшка

бац

ему

по спине!

Мальчик обернулся, да не один.

А вместе со своим кулаком.

И попал Головёшке в ухо.

И спросил:

— Ещё надо?

— В милицию за такие дела надо, — ответил Головёшка и крикнул: — Опять ты, да?

Виктор тоже узнал его, сказал:

— Опять. А ты всё ещё на людей бросаешься?

— Иногда. С горя.

— А может, с глупости?

— Не-е. У меня мозговая система на полную мощность работает.

— А мощность у неё большая?

— Кто её знает? — Головёшка пожал плечами. — А я в цирке был сейчас. Лошадь видел дрессированную. И ещё кое-кого. Меня туда работать берут. Фокусником.

А Виктор рассказал ему о том, как он побывал в цирке и в клетке со львом.

— Врёшь?! — с надеждой спросил Головёшка.

— Зачем мне врать? А как ты в цирк попал?

Они присели на скамейку, и Головёшка понемногу рассказал о себе всё. Разговорился. А потом даже разжаловался:

— В колонию меня собираются отправить. Как неподдающегося. А чему поддаваться-то? Учёбе? Нужна она мне. Как петуху тросточка. И мать мне бросать нельзя. Я — её единственная надежда.

— Никакая ты не надежда, — сказал Виктор, — а дурак.

— Почему? — искренне удивился Головёшка.

— Да такого шампиньона, как ты...

— Шам... шпиона?

— Шампиньона. Гриб такой.

— Поганка?

— Нет. Едят. Маленькие такие грибочки, но на поганки чуть похожи.

— Так я и знал! — возмущённо воскликнул Головёшка. — По уху съездят да ещё поганкой обзовут! Ты, случайно, не отличник?

— Угадал.

— Круглый?

— Абсолютно.

— Значит, ты круглый отличник, а я, выходит, круглый дурак?

— Хватит ругаться, — предложил Виктор. — Не мужское это дело. Пойдём лучше к цирку, посмотрим чего-нибудь.

Но до цирка они не дошли.

Рассказ об этом —

В следующем номере нашей программы ЛЁЛИШНА собирается ремонтировать Головёшку!

Друзей у Головёшки не было. Поэтому он аж подпрыгивал, идя с Виктором, и без умолку болтал:

— Эммой её зовут. Маленькая. А лошадь большая. Для неё эта девчонка будто муха. Бежит себе. А Эмма штучки разные выделывает. Законно! Мне бы дали такую конягу да из школы бы отпустили, я бы почище скакал да перекувырковывался.

— Девочка эта в школе учится, — сказал Виктор, — и жизнь у неё потяжелее, чем у нас с тобой. Вот у нас с тобой каникулы, а она работает. А зимой ещё и в школу ходить будет.

— Кто это тебе насочинял? — Головёшка расхохотался. — Ну зачем ей в школу ходить? Семью семь учить? На лошади скачет, деньги получает, томатный сок хоть каждый день пьёт да ещё...

— Тебя как зовут? Меня Виктор. Мокроусов фамилия.

— А меня Головёшка.

— А имя?

— Имя? — недоумённо переспросил Головёшка, будто забыл его. — Владик. Фамилия Краснов.

— Вот что, Владик. Если хочешь дружить, давай не будем на каждом шагу болтать глупости. Не люблю. Видать, мощность у твоей мозговой системы маленькая. А сам ты уже не маленький. Пора бы тебе поумнеть.

— А как?

— Об этом подумаем вместе. Представляю, как матери с тобой трудно. Лежит она, больная, и ждёт, что вот-вот тебя милиция домой доставит.

— Этого она как раз и не боится. Милиция у нас дома часто бывает. Мать даже радуется.

Шли они, как вы помните, в цирк, а пришли в милицию.

Случилось это так. Когда впереди уже показался купол шапито, Виктора окликнули.

Обернувшись, он увидел Лёлишну.

Она бежала к нему через улицу и кричала:

— Петя ночью дома не ночевал! Милиция его ищет! — Она подбежала и спросила Головёшку: — А ты чего чумазый такой? Витя, где ты такого подобрал?

— Из мусорной машины выпал, — пробурчал Головёшка.

— А ты куда бежала? — спросил Виктор.

— Не знаю. Как услышала о Пете, так с испугу и побежала. Вот ведь какой дурной! Ждали его вчера, ждали, а ночью в милицию заявлять пошли.

— Никуда не денется, — авторитетно сказал Головёшка, — найдут. Не таких ловили.

— А ты кто такой? — спросила Лёлишна.

— Я? В общем, гражданин. Ну, обыкновенный человек.

— Вот что, обыкновенный человек, — проговорила Лёлишна, — надо тебя отремонтировать. Привести тебя в порядок надо. Но сначала зайдём в милицию.

Представление продолжается. Выступает, как вы догадались, уважаемые читатели, беглец Петька-Пара

Спал Петька крепко.

Но во сне он съел весь хлеб и сахар, которыми были у него набиты карманы.

Ещё сквозь сон он с удивлением почувствовал, что лежит не на раскладушке, а на жёстком полу, который стучит и подрагивает.

Открыл глаза — ничего не видно.

Туман?

Или пыль?

Заорал Петька нечеловеческим голосом.

А поезд набирал ход.

Пыль клубами вылетала в открытые двери вагона.

Петька орал и чихал.

Чихал и орал.

Глаза он от страха зажмурил.

Весь он пропитался цементной пылью. Даже во рту был её привкус.

Когда Петька открыл глаза, пыль уже выдуло.

Сердце мальчишкино стучало громче, чем колёса.

Он вспомнил, что сбежал из дому, и в ужасе перестал не только кричать, но и дышать.

Дышать-то он, конечно, через некоторое время начал, но молчал.

Поезд шёл мимо незнакомого города.

Петька смотрел, боясь подойти к дверям, но тут вспомнил своё правило: тратить время на что угодно, только не на раздумья.

И он

прыг

нул.

И уже в воздухе пожалел об этом.

Потоком плотного встречного ветра его отбросило далеко назад.

И — .олунревереп

Тут уж ничего не оставалось делать, разве что мысленно попрощаться с родными и знакомыми, пожелать им счастливой жизни, успехов в труде и учёбе и пожалеть о собственной глупости.

Но и этого не успел сделать Петька.

Приземлился.

Не доставайте носовые платки, чтобы вытереть слёзы жалости.

Просто скажите:

— Вот везёт!

Насыпь вся была из галек, которые толстым слоем покрывали песчаное основание. И лишь в одном месте галек почти не было — только песок.

Вот именно на это место и приземлился Петька. Да ловко приземлился! Если и ушибся, то в данном случае это — пустяковые пустяки.

Лежал он лицом вниз,

растянувшись,

ничего не соображая.

И думать-то толком не мог: голову ему сильно встряхнуло.

Долго лежал, не мог поверить, что живой.

Затылок болел.

В ушах гудело.

Из носа текла кровь.

Но когда он увидел, что город совсем близко, вот тут, за неширокой полосой молодых берёзок, сразу сел.

Но сразу встать не решился: подумалось, что ноги не выдержат и подкосятся.

Но всё-таки уже не лежал, а сидел.

Окраина как окраина. Невысокие деревянные домики среди зелени.

А вот дальше — большой город.

«Куда это меня занесло? — подумал Петька, со страхом и восхищением. — Великий я путешественник!»

«Есть хочу!» — вдруг кто-то сказал громко и резко.

Петька оглянулся по сторонам:

никого нет.

«Хочу есть!» — настойчиво и пронзительно повторил голос, и Петька понял, что это не голос, а требование голодного желудка, который привык в это время каждый день принимать немалое количество пищи.

«Бедненький ты, бедненький, — весело ответил ему его владелец, — потерпи немножко, сейчас пойдём с тобой в город, продадим учебники вместе с портфелем...»

И вспомнил: портфель-то вместе с учебниками — ту-у-у! — уехал.

И кепка уехала.

Это было для Петьки ударом посильнее, чем тот, который он испытал, когда выпрыгнул из вагона.

Это был, если вы знаете бокс, — нокдаун!

Петька лёг.

И вытянул ноги.

И уснул.

Спал он примерно с час. Проснувшись, сначала опять ничего не понял. Почему — ни бабушки, ни раскладушки?

Весь он был в цементной пыли, а руки — в крови.

Захныкал Петька, кулаком кому-то погрозил.

Встал.

Хлопнул по себе ладошками — пыль полетела. Сообразил он, что в таком виде показываться в городе нельзя.

Пошёл Петька бродить среди берёзок, обливаясь горючими слезами.

Эх, домой бы сейчас, получить бы:

1) хорошую порку
и
2) хороший обед!

Увидев ручей, Петька сразу стал раздеваться.

Куртка полетела в воду.

За ней — рубашка.

И он принялся стирать штаны. Собственно, он их не стирал — не умел, а просто опускал в воду, поднимал, снова опускал — полоскал, одним словом.

А выжать не догадался.

Так и повесил штаны на ветви.

Куртку и рубашку пришлось искать ниже по течению, потому что они уплыли и затонули.

Через некоторое время Петька грелся на солнышке, а одежда висела в тени.

А он ещё удивлялся, чего это она и не собирается высыхать.

Голодный желудок пронзительными выкриками и стонами требовал у хозяина пищи.

Слюны было столько, что Петька ставил рекорд за рекордом по дальности плевков.

Ух, как есть хотелось!

И в голову проникла мысль: а почему бы тебе сей же час не пойти в город? Авось что-нибудь где-нибудь и получится?

Вдруг буханку хлеба найдёшь или ещё что-то?

Петька бегом побежал.

Вбежав в улицу, он понюхал воздух.

Уловил какие-то съестные запахи.

Свернул на них.

Бежал и нюхал.

Снова свернул.

Ещё свернул.

И вдруг заметил, что ЗАПАХИ запахи
запахи
запахи запахи

запахи запахи

СО ВСЕХ СТОРОН ЗАПАХИ!

Хоть стой на одном месте, крутись и нюхай!

Ведь из каждого дома неслись запахи. А нюх у Петь-

ки был до предела обострённый. Ведь впервые в жизни мальчишка, проснувшись, не поел!

За маленьким заборчиком увидел он невероятно толстого мальчика.

Тот сидел за вкопанным в землю столом и страдал.

А на столике перед ним — невероятно огромная миска и в ней — суп!

Ух, суп!

Эх!

Запах супа прямо-таки притянул Петьку, перетащил его через заборчик и посадил за стол.

И Петька спросил:

— Съем?

— Ешь, — лениво ответил невероятно толстый мальчик, брезгливо пододвигая к нему невероятно огромную тарелку.

Ложка в Петькиных руках превратилась в супомёт системы «ТНП» («Только не подавись»).

Проглотив суп, Петька спрятался в кусты.

Из дому вышла невероятно толстая тётя и воскликнула:

— Ты съел всё? О радость! Больше ты не будешь худеть и сохнуть на моих глазах! Ешь котлетки, я побежала за компотиком!

Невероятно толстая тётя скрылась в доме.

Петька выскочил из кустов и уставился на четыре большие котлеты и невероятно длинные макароны.

Невероятно толстый мальчик сказал:

— Ешь. Я и так закормленный.

Петька быстро всё сглотал. А мальчик сказал:

— Спасибо. Компотик я буду сам.

Петька с трудом перешагнул через заборчик.

Им овладела сытая истома.

Он еле передвигал ноги.

И искал местечка, где бы прилечь.

И спокойно переварить пищу.

Глаза закрывались сами собой.

Петька начал спот...ык...атьс...я...

Спать...

спать...

спа-а-а...

Несколько шагов он спал стоя.

Потом растянулся прямо у забора на травке.

Продолжаем нашу программу.
ВЫСТУПАЕТ ИЛЛЮЗИОНИСТКА ЛЁЛИШНА ОХЛОПКОВА!

Всего за два часа
она превращает Головёшку
во Владика Краснова!
Ловкость рук и — забота о человеке!
Прощание с Головёшкой.

Оркестр, вальс!

В милиции Горшков сказал ребятам:

— Найдём вашего Пару. Не таких ловили. Вот недавно, помните, тигрёнок потерялся, это было трудновато — его разыскать. А Пара никуда не денется, далеко не убежит. С любого поезда снимут и обратно отправят. В цирк вечером идёте?

— Конечно, — ответил Головёшка, — приглашены.

— В таком-то виде пойдёшь? — спросила Лёлишна. — Вы посмотрите на него!

— А что? — недоумённо спросил Головёшка. — Я вам не стиляга какая-нибудь. Я всю свою жизнь в таком виде прожил.

— Что правда, то правда, — сумрачно проговорил Горшков, — нет у него другого вида. Условия жизни у него тяжёлые.

— Надо ему помочь, — всё так же спокойно сказала Лёлишна, — надо его вымыть, заштопать и перешить.

— Не смешите вы меня, — испуганно попросил Головёшка. — Ни разу в жизни со мной такого не было. Разыгрываете меня, да? К штанам, придрались, да?

— Идём, Владик, — позвал Виктор, — нечего время зря терять.

— Не Владик я никакой! Понятно? Головёшка я! Понятно? Неподдающийся! Понятно? Колония по мне плачет! Понятно?

— У тебя нервы больные, — устало сказала Лёлишна, а Горшков сказал:

— Не шуми, Голо... Владик. Слушайся умных людей. От них вреда не бывает.

— Надоело мне всех слушаться, — огрызнулся Головёшка, — особенно умных. — Но пошёл следом за ребятами.

Всю дорогу молчали. Только Лёлишна тихонько напевала:

Вы все проказники,
Вы безобразники,
Вы хулиганщики,
Вы все обманщики!

У самого дома Головёшка сказал:

— Никогда в жизни со мной такого не было.

Тут Лёлишна всплеснула руками, ойкнула: из подъезда выходил дедушка.

— Кто тебе разрешил? — жалобно спросила она. — Ведь вечером идти в цирк. А если ты поднимешься на пятый этаж, тебе ведь опять будет плохо. И никакого цирка мы не увидим!

— Не беспокойся, — гордо отозвался дедушка. — Я совершенно здоров. Могу даже в футбол играть. Все лекарства можешь вылить в раковину. Они мне больше не понадобятся. Не могу же я целыми днями сидеть в помещении? Мне нужно гулять, дышать свежим воздухом, общаться с людьми.

— Всё это так, — очень грустно произнесла Лёлишна, — но в цирке нам сегодня не бывать.

— Повторяю, — сказал дедушка, — я феноменально здоров.

— А Пара пропал! — радостно крикнула из окна Сусанна. — И найти не могут! А найдут — пороть будут! Ой, посмотреть бы!

Никто ей ничего не ответил, и она закричала ещё громче и ещё радостнее:

— Всем попадёт! Всех пороть будут!

Ребята скрылись в подъезде.

Сусанна от злости покрылась разноцветными пятнами и крикнула изо всех сил:

— И тебе, дед, попадёт!

Дедушка счёл за лучшее быстренько уйти.

А вслед ему раздалось:

— И тебя, дед, пороть будут!

Ребята поднялись на пятый этаж, вошли в квартиру.

— Сразу за дело, — скомандовала Лёлишна, — я сейчас найду выкройку, а ты, Владик, снимай одежду.

Сняв ковбойку и брюки, Головёшка сел в угол на табурет и проговорил:

— Чудеса какие-то. Средь бела дня раздели.

А когда Лёлишна бритвой стала распарывать брюки, он выхватил их и закричал:

— С ума спятила?!

Виктор сказал:

— Сиди ты и не чирикай!

А Головёшка чуть не плакал: на его глазах его единственные брюки превращались в куски материи.

А Лёлишна с Виктором смеялись. Из старых газет они сделали выкройки, мелком перенесли контуры на материю и давай резать её.

— Такие хорошие штаны были! — жалобно воскликнул Головёшка. — Чего они вам не понравились?

— Молчи, — весело отозвалась Лёлишна, — ещё спасибо скажешь. И брюки у тебя будут, и берет из остатков получится.

Короче говоря, скоро началась примерка.

Головёшка подошёл к зеркалу, взглянул на себя...

И обнял Лёлишну.

И смутился.

И она смутилась.

И даже Виктор смутился.

— Ну что ты... — пробормотала Лёлишна. — Ещё рано благодарить, ещё сшить надо...

Она открыла швейную машину.

Головёшка крутил ручку, а Виктор поддерживал материю.

Если бы вы видели, что творилось с Головёшкой! Он крутил ручку, приплясывал и кричал петухом.

До того докукарекался, что охрип.

А когда он облачился в новые брюки, закричали все трое.

Лёлишна стала шить берет.

Виктор повёл своего нового знакомого в ванную.

Отмываться.

Вернее, отмывать.

И вот, чистый, причёсанный, заштопанный и перешитый, в берете, стоял Головёшка перед зеркалом и шептал удивлённо:

— Какой я, оказывается, красивый... Вот ещё бы ботинки подрезать... перешить бы их как-нибудь... Тогда бы все сказали: «Вот вам и Головёшка!»

— Забудь ты про своё прозвище, — сказала Лёлишна, — забудь. Будто его и не было.

— Забуду, забуду, — согласился Головёшка. — Очень уж я нарядный. Родная мать меня не узнает. Гражданин милиционер дядя Горшков меня не узнает. А я крикну: «Да это же я! Владик! Тот, который Головёшкой ещё был!»

— Короче можно сказать так, — предложил Виктор, — прощай, Головёшка!

— Прощай, Головёшка! — сказала Лёлишна.

— Прощай, Головёшка! — сказал Владик. Он подмигнул своему отражению в зеркале и добавил: — Вот теперь можно мне и в цирке работать. Там все такие красивые.

— Ой... — Лёлишна схватилась руками за голову. — Я совсем забыла про дедушку!

И бросилась из комнаты.

Продолжение Петьки-Паринова выступления

Проснувшись под забором, Петька потянулся, хрустнул всеми своими косточками.

Сел.

И вместо бабушки увидел — кого?

Эдуарда Ивановича. Только не живого, а на афише.

А рядом с ним лев.

А пасть у льва оскалена.

А пасть огромная.

— С группой дрессированных львов! — крикнул Петька и захохотал почему-то, словно дома оказался.

Прохохотав, он почесал затылок.

Задумчиво сплюнул.

Откуда в чужом, далёком городе та самая афиша, которую он ещё вчера видел в своём родном городе? Ведь он ехал в поезде целую ночь...

И всё-таки первым делом надо сходить в цирк, а там видно будет, как жить дальше. Может, в цирке на работу возьмут. И квартиру дадут. И поесть, конечно, дадут. Можно у льва кусок мяса отобрать, изжарить и — кусай себе, а не льву, на здоровье.

Петька встал, опять потянулся, сладко зевнул, опять хрустнул всеми своими косточками.

И весело сплюнул.

Желудок пока не требовал пищи, и хозяин его мог даже соображать немного.

Он бодро зашагал

и

остановился.

А где штаны?

Куртка где?

Рубашка?

И побежал обратно.

Бежал, бежал, снова остановился: забыл ведь, где повесил одежду сушиться!

Забыл, забыл —

ничего вспомнить не мог.

Он погрозил кому-то кулаками и двинулся вдоль полосы берёзок.

Ни одной приметы не запомнил!

Ни одной!

К тому же раздался испугавший его шёпот:

— Есть хочу...

Шёпот был лёгкий, еле слышный, но Петька струсил и бросился обратно в город.

А люди думали: спортсмен, чемпион какой-нибудь бежит, тренируется.

Две собаченции за ним увязались.

Бежали, бежали, да отстали — вот как он мчался!

Увидел Петька трамвай — прыг в него.

— Абонементик закомпостируем? — спросил весёлый старичок.

— Какой тут может быть абонементик? — ответил Петька. — У человека ни штанов, ни рубахи, ни куртки, а вы — абонементик!

— А откуда ты такой взялся и куда ты едешь без штанов, рубахи и куртки? — старичок сразу стал сердитым.

— В цирк еду, а сам я издалека, из другого города.

Тут все пассажиры рассмеялись.

А Петька начал реветь.

А старичок, который сначала был весёлым, потом — сердитым, стал грозным и безжалостно подтолкнул его к выходу да ещё крикнул:

— В следующий раз будешь иметь дело с милицией!

Трамвай ушёл.

Петька побрёл вдоль трамвайной линии, не глядя по сторонам.

В желудке было легко, на душе — тяжело.

Трамвайная линия привела мальчишку в... родной город.

Стоял Петька.

Хлопал глазами.

Ведь он Уехал, а оказалось, что ПРИехал.

Как так?

Почему ПРИ, а не У?

А было так. Вагон, в котором он спал, ночью отцепили от состава, прицепили к другому, и только утром поезд тронулся в путь. А в этот момент Петька и проснулся. И выпрыгнул из вагона на окраине своего родного города. А раз он не бывал на окраине, то и не узнал её.

Но раздумывать сейчас было некогда, и Петька помчался к Лёлишне. Только бы незаметно проскочить в её квартиру!

Стрелой летел он по лестнице вверх. Коленки от страха дрожали. Сердце стучало где-то в затылке.

Лёлишну он чуть с ног не сбил — она бежала навстречу, ойкнула, спросила:

— Откуда ты?

— Спрячь меня, — умоляюще прошептал Петька, — быстро-быстренько. Без разговоров.

— Не могу. Дедушка куда-то ушёл.

— Ничего с твоим дедушкой не будет. А со мной знаешь, что будет? Давай я у вас жить стану? Я смирный. Меня кормить побольше, а больше мне ничего не надо.

— Не болтай глупостей, — торопливо и сердито сказала Лёлишна. — Сейчас же, немедленно иди домой. Там же волнуются. Тебя милиция ищет. Вот что ты натворил, Пара несчастная!

— Не обзывайся!

— Первый раз обозвала! Потому что довёл всех!

— Ну и ладно! Я лучше в милицию пойду! Пусть судят. Пусть куда-нибудь садят. Хоть отосплюсь!

— Иди домой!

— Не пойду!

— Иди, тебе говорят!

— Не пойду!

— Так ведь попадёт же тебе!

— Вот именно! Поэтому и нету мне никакого смысла хорошие поступки делать! Одно мне в жизни осталось:

спрятаться бы куда-нибудь и носа оттуда не высовывать!

— Петя, — почти ласково сказала Лёлишна, — иди. А вечером в цирк пойдём.

— Сейчас мне такой цирк будет, — прошептал Петька, — тут-то я и погибну. Прощай.

И он пошёл навстречу своей нелёгкой судьбе.

А Лёлишна побежала искать своего дедушку, который чувствовал себя феноменально здоровым.

Пятнадцатый, если не ошибаюсь, номер
нашей программы.
На арену действия
вновь прорывается дедушка.
ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ
ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ!
Номер заканчивается плачевно

Действительно, дедушка чувствовал себя настолько хорошо, что забыл обо всём, особенно о том, что ему нельзя волноваться и много двигаться.

Он погулял вокруг дома, поразмышлял о том, кто и за что будет его пороть, как обещала Сусанна, и пришёл к футбольному полю.

Сначала он следил за игрой довольно спокойно, но игра была настолько азартной, что дедушка незаметно для себя увлёкся, разволновался и вскочил со скамейки, на которой собирался отдохнуть с полчасика.

И — уже размахивал руками.

Подпрыгивал.

Кричал:

— Давай, давай!

Дедушка уже бегал вдоль поля вместе с командой, которая наступала, причём бегал так быстро, словно ему дали пасовку для удара по воротам.

Отобьют атаку, перейдут в наступление, и дедушка — обратно, с той же скоростью. В другую, конечно, сторону.

— Давай, давай!

И дедушка выбежал на поле.
И бросился к мячу.
И вдруг услышал:
— Давай, дедушка, давай!
И он
ка-а-ак
даст
по
мячу!!!
И, шатаясь, направился к скамейке.

«Всё ясно, — подумал он, — доигрался. Один — ноль в пользу «скорой помощи».

А к нему уже бежала Лёлишна.

Стыдно стало дедушке за своё поведение.

Он держался рукой за сердце и старался дышать ровно.

— Ничего, ничего, — проговорил он, когда внучка подбежала, — сейчас пройдёт. Неудачно ударил и...

— Сиди, сиди, — попросила Лёлишна. — Ребята, сбегайте кто-нибудь к телефону, вызовите «скорую помощь». Быстро!

Несколько мальчишек убежали, а остальные окружили скамейку.

На глазах Лёлишны были слёзы, но она говорила спокойно, укладывая дедушку:

— Полежи немного. Ничего особенного. Всё в порядке. Всё хорошо.

— Я не виноват, — прошептал дедушка, — я увлёкся.

— Он здорово болел! — восторженно подтвердили ребята. — Мы думали, что он футболист-пенсионер. Конечно, он промазал, с кем не бывает? Но болел правильно. Законно!

Машина «скорой помощи» подъехала прямо к футбольному полю.

Врач знал дедушку и сразу скомандовал:

— Носилки!

Ребята помогли отнести дедушку домой.

Когда врач сделал всё, что требовалось, то позвал Лёлишну на кухню и спросил:

— Как же так получилось? Ведь ты прекрасно знаешь...

— Знаю я, знаю! — прошептала Лёлишна. — Первый раз я оставила его без присмотра. И он сразу сбежал. А потом я забыла. Я ведь тоже устаю.

— А я тебя и не ругаю. Была в домоуправлении?

— Несколько раз, — Лёлишна тяжко вздохнула. — Там сидит товарищ Сурков. — И призналась: — Я его боюсь. По-моему, его все боятся.

— Ничего, ничего, найдём управу и на товарища Суркова. Завтра я ещё раз схожу в горздравотдел. Вам обязательно нужно переехать на первый этаж.

Закрыв за врачом дверь, Лёлишна вернулась в комнату.

И увидела на столе бумажку. На ней было написано: «На два лица». Это был пропуск в цирк — для неё и для дедушки.

«Так я и знала, — горестно подумала Лёлишна. — Одно лицо будет лежать, а другое — за ним ухаживать».

— Ты обязательно пойдёшь в цирк, — сказал дедушка, словно угадав её мысли. — Пойдёшь, а я тебя здесь подожду. Спокойно. И ты мне потом всё расскажешь.

— Ты мне дороже всякого цирка, — сказала внучка, — туда можно сходить и в другой раз.

— Да я же совершенно здоров. Ещё несколько минут, и я на своих двоих, то есть на ногах. И если ты не пойдёшь в цирк, у меня от огорчения опять что-нибудь случится.

— Вот что, — строго проговорила Лёлишна, — лежи и не рассуждай ни о каком цирке.

— Есть, — грустно отозвался дедушка, — есть лежать. И не рассуждать. Ни о каком цирке. А всё же я бы на твоём бы месте бы обязательно бы пошёл бы! В конце концов, ты просто ставишь меня в неловкое положение. Ведь ты не идёшь из-за меня?

— Я не иду не из-за тебя, а из-за твоего плохого здоровья.

— Но я виноват в том, что не слушался тебя!

— Ты виноват в том, что до сих пор не слушаешься меня.

Дедушка лежал с таким оскорблённым видом, словно по вине Лёлишны не смог сегодня пойти в цирк.

А она пошла на кухню варить ему манную кашу и тихонько напевала:

Не везёт, не везёт,
Это так ужасно.
А вот если бы везло,
Было бы прекрасно...

Думаю, что вы с этим согласитесь.

Объявляем следующий номер —
самый короткий в нашей программе.
Погасите свет! Полная темнота!
Начали!

Петьку посадили в чулан.

Если бы там можно было хотя бы повернуться, мальчишка бы изловчился и попрыгал от радости.

Но повернуться было нельзя, и он радовался неподвижно.

Ведь ему, можно сказать, не попало. Чего-то там ему наговорили, накормили и закрыли в чулан.

Вот и всё!

Кто другой на его месте и расстроился бы, а Петька — нет. Ни капельки!

Посидит-посидит, поспит-поспит — выпустят, а он в цирк убежит. И не поймаете!

Но радовался Петька недолго. Вернее, даже и не успел порадоваться.

Вдруг — ни с того ни с сего — радостное настроение улетучилось без остатка.

В сердце забрался стрАХ!

«ПОЧЕМУ НЕ ПОПАЛО? — пронеслось в голове. — Почему даже не ругали толком? Почему даже по одному месту не наподдавали?»

И Петька понял: не попало, но ПОПАДЁТ, да ещё как!

Дайте полный свет!
Продолжаем!

Виктор мыл посуду.

Такой у них дома был порядок: посуду мыли все. По очереди. Кроме кота Паровоза. Он был освобождён от этого важного дела ввиду своей полной несознательности.

Не скоро Виктор привык к такому обычаю, но привык. А когда привык, то это дело для него особого труда уже не представляло. Конечно, мальчишки (да и девчонки) сначала дразнили, но потом тоже привыкли и перестали дразнить.

Зато и выгода от такого обычая была немалая. После того как ты сам, один, в порядке живой очереди, без напоминаний вымыл посуду, ты уже вроде бы как взрослый человек. И никто уже не скажет тебе вслед:

— Только не бегай, не дерись, носик вытирай платочком, переходя улицу, оглянись по сторонам, не обижай девочек...

Нет, ты спокойно говоришь:

— Я пошёл.

И уходишь.

А если и спросят тебя, когда вернёшься, то ведь и папу об этом спрашивают.

Но Владик (то есть бывший Головёшка) смотрел на Виктора как на чудо морское; не выдержал и спросил:

— За что это тебя они?

— Чего, чего? — не понял Виктор. — Кто — они? Что — за что?

— Так ведь позор! Посуду-то мыть!

— А, вот ты о чём. А у вас кто посуду моет?

— У нас тётя Нюра. Соседка.

— Ей, видно, делать больше нечего?

— Как — нечего? — возмутился Владик. — У них семья большая. Просто она мать жалеет.

— А ты?

— Чего — я?

— А ты мать жалеешь?

— Чего-то ты меня путаешь, — подозрительным тоном проговорил Владик. — Мать — это одно. Посуда — это другое. С чего это я, мужчина, посуду мыть буду? Засмеют.

— Дармоед ты, — спокойно сказал Виктор. — И всё у тебя в голове перепуталось. Как говорится, мозги с картошкой. Или чернила с маслом.

— Обзываешься опять?

— Ты сам обязан о своей маме заботиться, а не тётя Нюра. Ты ведь единственный мужчина в семье...

— А ведь точно! — изумился Владик. — Единственный мужчина, — с гордостью повторил он. — Я матери скажу, вот обрадуется, вот...

— Мама у тебя в беду попала, а ты на чужую тётю надеешься.

— Не надеюсь я на неё! — с возмущением крикнул Владик. — Наоборот совсем. Уж лучше бы она к нам и не ходила. Она... она с в я т а я.

— Святых не бывает, — сказал Виктор.

— Конечно, не бывает. А она говорит, что она святая. Потому что о нас заботится. Говорит, что подвиг совершает.

— Эх ты! — воскликнул Виктор. — Зачем же ты свой подвиг другому отдаёшь? Сам его совершай.

— Подожди, подожди, — попросил Владик, — подумать надо.

Он включил, сами понимаете, свою мозговую систему на полную мощность. Такой нагрузки она ещё никогда не испытывала.

Виктор мыл посуду и не мешал ему думать.

И пока он думает, я расскажу вам, что же с ним происходило.

Вы, конечно, знаете, что почти все люди — 9999 из 10 000 — прекрасно понимают, что такое хорошо и что такое плохо.

Но кое-кто (не будем считать, сколько) забывает, что такое хорошо и что такое плохо. Или делают вид, что забыли. Ну, к примеру, вряд ли найдётся человек, который считает, что руки мыть вредно. А ходить может с грязными руками.

А вот Владик был тот самый 1 из 10 000, который не всегда даже знал, что такое хорошо и что такое плохо. Ему ещё надо было всё объяснять да объяснять.

— Я, брат, не как некоторые, — гордо сказал он после молчания, — которые раз-два и сообразили. Мне суток трое надо.

— Думай, думай, никто тебя не торопит. Только учти, что, пока ты думаешь, тётя Нюра все твои подвиги совершит. — Виктор кончил вытирать посуду. — Ни одного тебе подвига не оставит.

Опять Владик был вынужден включать мозговую систему; на такую мощность включил, что голова заболела.

Выступает Хлоп-Хлоп!
В номере принимает участие милиционер Горшков!

Нельзя сказать, что дежурство в цирке доставляло Горшкову много хлопот.

Другой милиционер на его месте радовался бы.

Но так как Горшков цирка не любил, то пребывание в нём воспринимал как муку и наказание.

Здесь всё его раздражало и даже пугало. Горшков чувствовал, что почти на каждом шагу притаилось что-то.

Что?

Беда?

Опасность?

Или просто подвох?

Он не мог смотреть на очереди у касс. Зато все, кому не досталось билета на сегодня, с завистью поглядывали на Горшкова: вот, мол, счастливчик — он-то посмотрит представление.

И я не берусь описывать состояние бедного милиционера, когда он узнал, что сегодня в цирк придёт с супругой сам товарищ майор из уголовного розыска. Тут Горшков вспомнил все неудачи своей жизни и особенно то, что его не берут работать в уголовный розыск.

В шапито направили — на посмешище!

И Горшков решил ни в коем случае не показываться на глаза товарищу майору с его супругой.

Чтоб не видел товарищ майор его позора!

В довершение всего Хлоп-Хлоп стащил у Горшкова фуражку. Поймать мартыша не успели.

А он повесил фуражку под самым куполом, уселся на трапецию и даже там ухитрился сам себе поаплодировать.

Горшков яростно засвистел в свисток, но это только развеселило Хлоп-Хлопа. Он послал милиционеру воздушный поцелуй и напялил фуражку на свою голову, которую считал очень умной.

— Не обращайте на него внимания, — посоветовали рабочие, — поиграет и отдаст. Или случайно выронит.

Но милиционер без фуражки — не милиционер, и Горшков крикнул:

— Прекратить безобразие! Отдать мне головной убор!

Мартыш показал ему язык, и Горшков отправился к Эдуарду Ивановичу.

Тот посоветовал:

— Скажите ему: «Ай-я-яй». Ему станет стыдно и...

— Вам должно быть стыдно, гражданин с группой дрессированных львов и мартышкой! — почти крикнул разгневанный Горшков. — Если мартышка не понимает, то вы-то должны понимать, что...

— Скажите ему «ай-я-яй», — спокойно посоветовал укротитель.

Мысленно ругая цирк, циркачей, всех зверей и всех укротителей, а может быть и проклиная их, Горшков вернулся на манеж и прогремел:

— Ай-я-яй!

Мартыш виновато запищал и бросил фуражку вниз.

«Соображает, — подумал милиционер. — Животное, а сообразило!»

Он отряхнул фуражку, водрузил её на голову и немного успокоился. Однако про себя он отметил, что бдительность надо усилить раза в два с половиной, иначе любая мартышка лишит твой мундир чести.

И только успел он об этом подумать, как сзади грохнул выстрел. Мгновенно пригнувшись, Горшков резко обернулся, чтобы броситься вперёд...

— Что-то у меня с пистолетом неладное, — сказал Григорий Васильевич, — осечки даёт. Не поможете?

— Помочь можно, — передохнув, ответил Горшков. — Но вы больше без предупреждения выстрелы не производите.

— Это ещё ничего. — Григорий Васильевич усмехнулся. — Во время своего номера я из пушки бабахаю. Смотреть придёте?

— Я здесь не фокусы смотреть поставлен, — ответил Горшков, — а охранять порядок. Одним глазом, конечно, взгляну. Вы учтите, что сегодня на вас смотреть товарищ майор с супругой придут. Не подкачайте.

— Постараемся. Но если ещё и вы смотреть будете, то сил не пожалеем! — И, рассмеявшись, Григорий Васильевич ушёл.

А Горшков вышел на улицу и поморщился: у касс толпился народ.

Представление продолжается.
Выступает Сусанна Кольчикова
в оригинальном, но нечестном жанре:
ненадолго превращается
в Лёлишну Охлопкову

Чтобы не волновать дедушку, чтобы он не вспоминал о цирке, Лёлишна решила кому-нибудь отдать пропуск.

Она прибежала к Сусанне, обо всём ей рассказала.

Злая девчонка от радости завизжала.

— А отпустят тебя? — спросила Лёлишна.

— Меня? Ха-хи-хе! И ещё хо-хо! Ты спроси: разрешу ли я им не отпустить меня? А что значит: «на два лица»? Можно вдвоём? Можно старое лицо взять? Тогда я прихвачу одну из бабушек. Самую послушную. Младшую. Она сегодня пенсию получила. Значит... — Сусанна захихикала, потирая ручки.

Медленно поднималась Лёлишна на свой пятый этаж. Сердце колотилось громко, не потому, что подъём был тяжёлый, а потому, что тяжело было даже подумать, что вместо неё и дедушки в цирк пойдёт Сусанна с младшей бабушкой, самой послушной.

Её чуть не сбил с ног Петька.

— А я тебя искал, — торопливо сообщил он, не ожидая вопроса. — Меня в чулан запирали, решили из дому не выпускать. Никогда. Ни за что. До конца моей жизни. Но я убежал. Ух и попадёт мне потом! А ты чего?

— Ничего, — ответила Лёлишна. — А ты зря убежал. Опять все будут волноваться. Нельзя же так!

— Конечно, нельзя, — согласился Петька. — Но меня тоже не понимают. Вот ты можешь дома сидеть, когда цирк выступает, а я не могу. Понимаешь, не могу. Не потому, что я плохой такой немазаный сухой, а потому, что не могу! Меня туда тянет. Будто там магнит, а я болванка железная! Смотри! — Он взмахнул руками и умчался вниз по лестнице,

прыгая
через
три
сту
пень
ки.

Лёлишна вернулась домой. Дедушке в это время надо было немного поспать, а он не мог заснуть.

Ему было очень грустно, хотя в руках у него была весёлая книжка.

Но Лёлишна знала, что нужно делать, чтобы дедушка заснул: нужно было спеть колыбельную песенку.

Её Лёлишна придумала сама. Она села перед кроватью, на которой лежал дедушка, и тихонько запела:

А в январе — январь,
В феврале — февраль,

В марте — тоже март,
В апреле — апрель,
В мае — тоже май,
В июне — июнь,
В июле — июль,
В августе — август,
В сентябре — сентябрь,
В октябре — октябрь,
В ноябре — ноябрь,
В декабре — декабрь...

И хотя в слове «август» ударение получалось неправильное, дедушка засыпал.

Оставим их. Пусть отдыхают, пока не настанет пора снова вступить в действие.

А Петька, выскочив из подъезда, увидел Сусанну.

И восхищённо сплюнул.

Злая девчонка была разодета так, что даже туфли на высоких каблуках у неё были!

— Куда это тебя приготовили? — спросил Петька.

— В цирк, — ответила Сусанна. — У меня пропуск на две физиономии.

— Иди ты своей дорогой, хулиганский мальчишка, — сказала младшая бабушка. — И не приставай. А ты ему не отвечай, Сусанночка, солнышко моё драгоценное.

Петька зло сплюнул и двинулся за ними следом.

Бабушка через плечо косилась на него, не выдержала, остановилась и спросила:

— Почему ты нас преследуешь?

— Да нам по дороге просто. Вы в цирк, и я в цирк. Дважды два — четыре.

— Дважды два действительно четыре, но это не даёт тебе права преследовать нас. Иди своей дорогой. Я не уверена, что ты не выкинешь какой-нибудь безобразный или даже неприличный трюк.

Обиделся Петька до того, что хотел сказать старушке что следовало бы, да не стал.

Перешёл он на другую сторону улицы и зашагал себе, никому не мешая. Было ему, честно говоря, не так уж и весело. Забыть он не мог, ЧТО ждёт его сегодня дома. И жалеть уже начинал о своём поведении...

Да ещё надо было придумать, как проникнуть в цирк.

У шапито — будто праздник, так много народу.

Петька решил пристроиться за Сусанной: пока её будут разглядывать, он прошмыгнёт в зрительный зал как мышь.

Но то, что произошло дальше, повергло его в ярость и изумление.

Он остолбенел.

Едва только тётеньки-контролёрши увидели у Сусанны пропуск, как воскликнули:

— Проходите, проходите! Рады, ах, как мы рады вас видеть!

И даже публика чуть-чуть отступила от прохода.

— Какая хорошая девочка! — говорили тётеньки-контролёрши. — Какая замечательная девочка! А где твой дедушка?

— Здесь я, — ответила бабушка, — только я не дедушка, а наоборот.

Тётеньки-контролёрши удивились немного, но сказали:

— Проходите, пожалуйста, сюда, налево, первый ряд.

Петька упустил удачный момент, надо было искать другого случая проникнуть в зрительный зал.

Мальчишка стоял в стороне и возмущённо думал: «Ну что за жизнь? Сусанну встречают с почётом, а меня даже без почёта не пускают! Когда же это кончится? Скоро эта килька томатная автографы раздавать будет!»

Чуть не зарыдал Петька, когда стало ясно, что без билета в цирк не проникнуть. Ни за что. Даже ни за какие. Если бы и деньги были, всё равно не проникнуть — билетов-то не было.

А тётеньки-билетёрши работали как милиционеры: мышонку мимо них не проскользнуть незамеченным.

Первый звонок.

Петька запереступал ногами.

Обежал вокруг шапито.

Снова вернулся к входу.

И решил, что нагнёт голову и бросится вперёд, как грозный зверь, и даже зарычит...

— Пара, ты откуда взялся?

Это подошёл Виктор с незнакомым мальчиком в берете.

— Из дому взялся, — ответил Петька. — Кончилось моё знаменитое путешествие. В чулане отсидел. Опять сбежал. А билета нет.

— А это видал? — И Виктор показал ему пропуск. — На три лица. Вот втроём и пройдём.

Петьку будто в холодильник сунули — дрожь его пробила, он спросил еле слышно:

— Да ну?

— Идём, идём.

Петька еле удержался, чтобы от страха не зажмурить глаза.

А вдруг...

Но — пропустили!

П р о п у с т и л и!

Но это было ещё не всё счастье. Петька-то куда, по-вашему, сел?

Сел он в первом ряду, в п е р в о м!

Рядом со злой девчонкой!

— А ты как сюда попал? — спросила Сусанна.

— Законно, — ответил Петька нежным голосом, — по всем правилам.

— Ты разве тоже лицо?

Но Петька от счастья даже поперхнулся и не смог ответить, а только кивнул.

— А вот как ты сюда проникла? — спросил Виктор.

— Не разговаривай с ними, деточка, — сказала бабушка, — скоро их выведут. Они хулигански заняли чужие места.

Хотел Петька сказать ей что следует, но не сказал.

— Эскимо! Эскимо! Кому эскимо?

— Сюда! Сюда! Мне! Мне! — закричала Сусанна. — Две штуки! Две штуки! Бабусенька, покупай быстрее! Ты сегодня пенсию получила! Две штуки! Мне одной две штуки!

Бабушка сняла серебряные бумажки с обеих мороженок, а злая девчонка начала есть сразу две, гордо поглядывая на мальчишек.

И причмокивала на весь цирк.

Мальчишки отвернулись.

Второй звонок.

Они заёрзали и затолкались.

Вдруг подходит дяденька в цирковой форме и спрашивает у Сусанны:

— Тебя звать Лёля?

— Что вы! — возмущённо отозвалась бабушка. — Её зовут Сусанночка. И не спрашивайте, где дедушка. Я бабушка.

— А Лёлишна с дедом не придут, — весело сообщила Сусанна. — Он заболел, спасибо ему за это, и ей нельзя выходить из квартиры. Она меня послала. Законно. По всем правилам. Пропуск на две физиономии. Вот!

— Понятно, — сказал Виктор, — хулигански заняла чужое место.

— Так вот почему тебя с почётом встретили, — сказал Петька.

И тут — третий звонок.

И Петьку от удовольствия и счастья приподняло с сиденья.

И опустило обратно.

На мгновение почти погасли лампы и тут же ярко вспыхнули. Грянул оркестр.

Мальчишки в такт музыке притопывали ногами.

Началось цирковое представление.

А в нашей программе
начинается следующий номер.
Называется он
«СКОРОСТНАЯ ПОМОЩЬ».
Исполняют его наездница Эмма
и Григорий Васильевич на лошади
АРИЗОНА

Артисты — товарищи Эдуарда Ивановича — решили сделать всё, чтобы Лёлишна сегодня побывала в цирке.

Вызвать такси не удалось. Просьбу могли удовлетворить только часа через два.

И, как назло, шофёров цирковых автобусов отпустили до конца представления.

— Через полчаса девочка будет здесь, — сказала наездница Эмма. — Аризона свободна.

— Седлай Аризону, — приказал Эдуард Иванович. — А я пойду договорюсь с директором.

Аризона — старая цирковая лошадь. Она уже не выступала, была уже обыкновенной лошадью, на ней просто ездили.

И вот из ворот служебного дворика красиво выбежала серая, в тёмных пятнах-яблоках лошадь.

А на ней Григорий Васильевич и Эмма.

Копыта Аризоны звонко зацокали по асфальту в тот самый момент, когда прозвенел третий звонок.

Прохожие останавливались и глазели на всадников.

Милиционеры от удивления брали под козырёк.

Аризона бежала, как привыкла бегать по арене, — быстрым ровным шагом, лебедино выгнув шею.

У дома Лёлишны Эмма натянула поводья.

Аризона остановилась, словно сказочный конь. Казалось, что вот-вот из её трепетных ноздрей вылетит пламя. Она переступала ногами, как бы пробуя прочность асфальта.

Все жильцы смотрели во все глаза из всех окон.

Григорий Васильевич уже стучался в квартиру на пятом этаже.

Разгорячённая бегом, необычной обстановкой, чувствуя на себе десятки восторженных взглядов, Аризона, видимо, вспомнила молодость — как она выступала в цирке. Она не могла стоять на месте — пританцовывала.

Изумлённая Лёлишна остановилась на крыльце.

— Садись! — коротко сказал Григорий Васильевич и помог ей взобраться на лошадь.

— Алле! — приказала Эмма.

Аризона зацокала копытами.

И все жильцы изо всех сил замахали всеми руками из всех окон.

Григорий Васильевич вернулся к дедушке.

Аризона красиво и гордо бежала по вечернему городу, и не она боялась автомобилей, автобусов, троллейбусов и трамваев, а шофёры, водители и вагоновожатые удивлённо тормозили, увидев маленьких всадниц.

Лёлишна крепко держалась за Эмму.

Было и страшно, и весело, и ещё как-то.

На одном из перекрёстков милиционер пропустил их даже на красный свет.

И, конечно, откозырял.

А когда проезжали мимо большого кинотеатра, выходившие из него зрители зааплодировали.

А старичок один помахал шляпой и крикнул:

— Брависсимо!

А дяденька один крикнул:

— Сила!

А другой дяденька от радости до того растерялся, что потребовал:

— Шай-бу! Шай-бу!

И опять, видимо вспомнив свою молодость, Аризона остановилась и опустилась перед зрителями на одно колено — спасибо вам!

И ни одна машина не объехала её.

Все шофёры затормозили и двинулись вперёд лишь вслед за необыкновенной лошадью.

На цирковом дворике девочек встретил взволнованный Эдуард Иванович. Он помог им слезть и обнял Лёлишну.

— Идём, идём, — позвал он. — А ты, Эмма, сразу после номера за Григорием Васильевичем.

— Не беспокойтесь, — сказала Эмма, — всё рассчитано.

Все зрители увидели, как в проходе появился седой человек в халате — а потом все узнали в нём укротителя львов, — приставил к первому ряду стул и усадил на него обыкновенную девочку, с обыкновенными косичками, в обыкновенном ситцевом платьице.

И все зрители, конечно, подумали: а кто же она такая, за что ей такой почёт?

И ещё — позавидовали.

А тут начался

ОДИН ИЗ САМЫХ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ НОМЕРОВ НАШЕЙ ПРОГРАММЫ!

С участием Петьки-Пары, Головёшки, Горшкова и злой девчонки Сусанны Кольчиковой!

Эх, не зря боялся Горшков цирка, не зря усиливал бдительность, не зря почти на каждом шагу ждал подвоха!

Вот он осторожно вошёл в зрительный зал, чтобы случайно не попасть на глаза товарищу майору с супругой, а самому чтоб взглянуть: нравится им или нет?

Хорошо бы — если бы не нравилось! Тогда бы после представления подошёл бы Горшков и сказал бы:

— Теперь вы меня поймёте, товарищ майор. Каково мне здесь.

— Понял, Горшков, понял, — ответил бы товарищ майор. — Бросай ты этот цирк немедленно и приходи работать ко мне, в уголовный розыск. Ты человек серьёзный, и не к лицу тебе цирковые штучки.

Горшков улыбнулся своим мыслям, окинул взглядом зрительный зал и...

Протёр глаза.

«Задави меня грузовик, — подумал он, — если это не Головёшка! Нет, не Головёшка! Нет, Головё... нет... но...»

Но тут милиционер увидел Петьку. Того самого, который вчера исчез из дому и которого не могут найти. (Не знал он, что в милицию уже сообщили о возвращении Петьки домой.)

Кончился номер, следующий ещё не объявили.

Оркестр заиграл весёлую польку.

И Горшков шагнул через барьер.

На арену.

А Петька и Владик, вдруг увидев идущего прямо к ним милиционера, как люди, всегда в чём-нибудь виноватые, бросились бежать.

В разные стороны.

Вдоль барьера.

Горшков дунул в свисток так, что чуть не заглушил оркестр.

Публика дружно захохотала, подумав, что это — очередной клоунский номер. (Вы же помните, что Горшков был не меньше двух метров ростом, и его погоня за мальчишками никем всерьёз не воспринималась.)

Бежать между барьером и первым рядом — значит, бежать по ногам зрителей.

И мальчишки вспрыгнули на барьер.

Они мчались навстречу друг другу.

А милиционер уже расставил руки, намереваясь схватить обоих враз.

Если бы Петька и Владик стукнулись лбами, лбы у них треснули бы.

Поэтому мальчишки спрыгнули на арену и — два носа к одному — столкнулись с Горшковым.

И нырнули — проскочили у него между ногами.

Милиционер озирался: куда исчезли беглецы?

Публика хохотала так, что было слышно на другом конце города.

Тётеньки-контролёрши знали, что идёт не номер, а настоящая погоня.

И они стали помогать Горшкову: не давали мальчишкам убежать с арены.

А зрители подбадривали мальчишек возгласами.

Горшков трёхметровыми шагами носился за Петькой и Владиком.

То в одну сторону бросится, то

.юугурд в

Цирк!

И неизвестно, сколько бы времени всё это продолжалось, если бы не Сусанна.

Сначала она просто кричала, визжала и подпрыгивала на сиденье, а потом не выдержала.

Перескочила через барьер.

И подставила Петьке ножку.

А Горшков поймал за шиворот Владика.

А Сусанна, восторженно хихикая, взяла за шиворот бедного Петьку.

Аплодисменты, как говорится, грянули.

А когда через барьер перелезла младшая бабушка, зрители подумали, что сегодня их решили у х о х о т а т ь.

Горшков увёл ребят за кулисы. Бабушка увела Сусанну на место. Публика ещё долго не могла успокоиться.

И Виктор с Лёлишной не могли успокоиться. Им не терпелось узнать, почему милиционер устроил погоню, которую зрители приняли за очень смешной номер.

В цирке антракт,
но нам с вами, уважаемые читатели,
отдыхать некогда.
Нам надо узнать,
что происходит за кулисами,
куда милиционер увёл ребят

Что же происходило за кулисами?

Там происходил смех.

Один Горшков стоял невозмутимый, скорбный, держа мальчишек обеими руками за плечи.

Между нами говоря, он до сих пор не знал, зачем он ловил Владика.

А Владик не знал, зачем он убегал.

— Вы прирождённый комик, — сквозь смех сказал Эдуард Иванович.

— Я прирождённый человек, — возразил Горшков, — по профессии милиционер. А вы из меня клоуна сделали.

Тут прибежали Лёлишна с Виктором, и все недоразумения были выяснены.

— В общем и целом, — мрачно произнёс Горшков, — здорово получилось. А в первом ряду товарищ майор с супругой сидит. Понимаете? Если меня уволят из милиции, — голос его дрогнул, — одна мне дорога осталась — в клоуны. И всё из-за вас!

— Вы ни в чём не виноваты, — сказала Лёлишна, — вы просто выполняли свой долг.

— И мы свой долг выполняли, — сказал Владик, — убегали сколько могли. А то, что посмеялись над нами, не беда.

— Смех — дело полезное, — добавил Петька.

— Смотря для кого, — возразил милиционер. — При исполнении слубежных обязанностей смеяться нельзя. Пойду товарища майора спрошу, какого он теперь обо мне мнения.

Когда он ушёл, ребята рассмеялись — не над ним, конечно, а просто так, весело им было потому что.

В клетках порыкивали львы, будто волновались перед выступлением, как артисты.

Верещали и пронзительно вскрикивали попугаи.

Мимо сновали артисты в ярких костюмах.

Рабочие проносили или катили какие-то диковинные сооружения, странные предметы.

Прибежала Эмма, протянула ребятам эскимо — каждому по штуке — и сказала:

— Это вам от Эдуарда Ивановича. Я выступаю сейчас первой, потом поеду сидеть с дедушкой, а Григорий Васильевич приедет сюда.

— Смотри, с лошади не грохнись, — проговорил Владик и покраснел.

— Это исключено, — ответила Эмма и, помахав рукой, убежала.

Ребята пошли в зрительный зал, где и увидели

Самый потрясающий номер нашей программы!
Смертельный трюк! ЗАТРЕЩИНА!
Барабаны, дробь!

— Противная бабка! Самая противная бабка на свете! Больше ни разу не возьму тебя с собой в цирк! — сквозь зубки цедила Сусанна.

А бедная младшая бабушка, самая послушная, вытирала слёзы.

Ребятам стало неловко и стыдно за злую девчонку.

— У тебя совесть есть? — спросил Виктор.

— А тебя не спрашивают! А тебя не спрашивают! Вам хорошо: вы мороженое едите! А эта противная бабка больше мне не покупает! Денег жалеет! А сама пенсию сегодня получила! У-у-у, нисколько не люблю тебя, про-про-про-противная!

— Да, солнышко моё миленькое, нет у меня с собой больше денег...

— Жадина! Жадина! Жадина! Говядина!

И тут ребята протянули руки.

Виктор — на!

Лёлишна — на!

Владик — НА!

И даже Петька — НА, щука бесхвостая!

Все отдавали злой девчонке свои эскимо.

А она замахнулась...

И как ударит по Петькиной мороженке...

И не успел Петька ничего сделать, даже сообразить ничего не успел, как младшая бабушка, самая послушная, встала.

Ох, что сейчас будет...

Младшая бабушка, самая послушная, дала единственной, любимой, с музыкальными способностями внучке такую З А Т Р Е Щ И Н У, что Сусанна втянула головку в плечики.

Да ещё закрыла глазки.

Да ещё прикрыла головку ручками.

Казалось, во всём цирке наступила тишина.

— Надоело, — сказала бабушка. — Всему, даже любви, есть предел. Марш за мной.

И бабушка направилась к выходу.

— Ба-ба-бабуленька... — всхлипнула злая девчонка и двинулась за ней следом.

— Наконец-то, — проговорил Петька, — за такое дело и эскимо не жалко.

Ребята по-братски разделили мороженое, заработали языками и ждали начала второго отделения.

А Лёлишна сказала:

— Кончилась у Сусанны счастливая жизнь. Сейчас её начнут воспитывать.

— Да пора бы уж, — сказал Петька. — Дрессировщика специального для неё нанять надо да кормить перестать.

— Что же сейчас с ней происходит? — весело спросил Виктор.

А на улице происходило следующее.

Бабушка шла, не оглядываясь, не обращая внимания на просьбы внучки пожалеть, простить, не сердиться, хотя бы — остановиться.

Устав ковылять в туфлях на высоких каблуках, Сусанна сняла их и несла в руках — вот была картина!

Люди только диву давались, глядя на неё.

Хорошо ещё, что обескураженная Сусанна не орала на всю улицу, как обязательно сделала бы раньше.

К тому же она просто боялась идти домой, словно догадывалась, что младшая бабушка, бывшая самая послушная, задумала что-то ужасное.

Надо вам сказать, что я не случайно употребил слово ЗАТРЕЩИНА. Это был не какой-нибудь там шлепок или лёгкий подзатыльник, а настоящий удар.

Им бабушка словно отомстила злой внучке за все её капризы и издевательства сразу.

Сдаваться, между нами говоря, младшая бабушка не собиралась. И если бы сейчас Сусанна попробовала бы безобразничать, то получила бы удар ещё сильнее.

И внучка чувствовала это.

Она и не пыталась запугать бабушку, как обязательно сделала бы раньше.

Она пыталась разжалобить.

— Бабуленька, — слабым голоском позвала внучка, — я падаю. Ты слышишь? Падаю на твёрдый-твёрдый асфальт. Личиком вниз. Слышишь?

— Падай, падай, — не оборачиваясь, ответила бабушка, — падай сколько тебе угодно.

— Но я же разобьюсь!
— Разбивайся.
— Потечёт кровь!
— Пусть течёт.
— А как же ты будешь жить без меня?
— Замечательно.

Тогда Сусанна обогнала её, загородила дорогу и спросила самым жалобным тоном, на какой только была способна:

— Ты ведь любишь меня?
— Нет, — ответила бабушка и пошла дальше.
— Неправда! — крикнула Сусанна. — Ты сама говорила, что меня нельзя не любить! Ты сама говорила, что я осветила твою жизнь! Бабуленечка! Бабулюсенька! Самая лучшая на свете! Тебя нельзя не любить! Ты осветила мою жизнь!

Бабушка не отзывалась.

И тут Сусанну
взяла
злость.

Она, то есть Сусанна,
пошла в последний
или, вернее, в предпоследний бой.

Злая девчонка села на асфальт, застучала по нему туфлями.

И завизжала.

Но бабушка не остановилась,
не оглянулась, а
шла себе дальше.

Сусанна за ней несколько шагов пробежала на четвереньках.

Потом вскочила на ноги.

Обогнала бабушку и помчалась вперёд, уверенная, что её окликнут.

Не окликнули.

Злая девчонка обернулась, швырнула бабушке под ноги туфли.

И помчалась дальше.

Ей надо было успеть домой раньше бабушки, чтобы той, младшей и послушной, досталось! Чтоб ей попало как следует!

А в это время в цирке закончилось выступление Эммы. Она быстро переоделась и вскочила на Аризону.

И поехала за Григорием Васильевичем.

А мы с вами, уважаемые читатели, вернёмся в цирк

Здесь всё шло своим чередом.

Зрители то ахали, то не дышали, замирая, то аплодировали, то хохотали — всем было очень хорошо.

И ни один человек не знал, не подозревал, как страдает, сидя на пустом ящике во дворике, милиционер Горшков.

Он даже забыл, что находится на дежурстве, то есть при исполнении служебных обязанностей.

Сейчас он исполнял свои человеческие обязанности — переживал.

Ведь товарищ майор сказал ему:

— Хорош!

Как это понять? Ведь товарищ майор мог сказать прямо:

— Горшков, тебе после такого позорного клоунского выступления не место в рядах героической милиции.

Но он не сказал этого. Он сказал:

— Хорош!

Может быть, похвалил? Тогда он мог бы выразиться иначе, яснее, например, так:

— Горшков, ты выполнил свой долг. Не беда, что немного ошибся и попал в смешное положение. Хотя человек ты, безусловно, серьёзный, конечно, благодарности в приказе ты не заслужил, но твоё место, конечно, не в цирке, а в рядах героической милиции.

Во всём был виноват цирк. Тут серьёзному, нормальному человеку не место. А если судьба или служба забросила его сюда, надо усилить бдительность не в два с половиной раза, а в шесть-семь или даже восемь. Иначе такое с тобой случится, что хуже и не придумать.

Сейчас самое время объявить

Следующий номер нашей программы. КОРОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГОРШКОВА!

Тут во дворике появился Григорий Васильевич.

— Почему не смотрите представление? — спросил он.

— А вас это, гражданин фокусник, не касается. Вам этого не понять.

— Зря переживаете. Ничего страшного не случилось. Все очень довольны. Всем очень понравилось. У вас есть просто артистические способности.

— Э-э-эх... — с укоризной произнёс Горшков.—Вас бы на моё место.

— Или вас на моё. — Григорий Васильевич улыбнулся и ушёл.

И ни он, ни Горшков не подозревали, конечно, что эти вот слова сбудутся.

И ещё не знал Горшков, что его несчастья, связанные с цирком, не кончились. Они только-только начались.

Самое
страшное
было впереди. Вот как
это получилось. Григорий
Васильевич появлялся на арене сле
дующим образом. Вставал за кулисами
на плоский пластмассовый круг. Помощники
включали специальное устройство. И круг
как бы сам собой плавно двигался вперёд,
на арену, — как бы плыл. И пока зрители гадали,
в чём тут дело, фокусник сходил с круга на ковёр.
А круг уплывал обратно. — Выступает Григорий Ра
китин! Фокусы и манипуляции! — Заиграл оркестр.
— Включайте! — приказал фокусник. И в это са
мое время стоявший рядом с кругом Горшков ре
шил посмотреть на товарища майора. Милиционер
шагнул. Споткнулся о край круга. Полетел впе
рёд. И столкнул фокусника с круга на пол. А
сам остался на круге, еле удержавшись на но
гах. А круг повёз его на манеж. Публика
увидела Горшкова и засмеялась. И заапло
дировала, как знакомому артисту. А он,
согнув ноги в коленях, боялся пошеве
литься. Всё тело словно застыло.
Тут Горшков увидел, что товарищ
майор встаёт. И уходит. А круг
на мгновение замер и поплыл
назад. Горшков стоял на нём
по стойке «смирно», смело
глядя перед собой, гото
вый мужественно встре

тить любую опасность,
любую превратность
судьбы, любой её
фокус. И если
бы сейчас
какая-то
неве

домая сила подбросила его вверх и ударила о землю, он бы нисколько не удивился. Он перенёс бы и это.

Зрители опять же решили, что видели очередной смешной номер, с удовольствием похлопали в ладоши и стали ждать, что будет дальше.

А дальше — появился Григорий Васильевич и начал своё выступление.

Семнадцатый номер нашей программы. Им заканчивается второе отделение нашего представления

В антракте ребята вышли подышать свежим воздухом.

А впереди осталось ещё одно отделение — выступление Эдуарда Ивановича с его хищниками.

Ребятам было уже грустно: скоро конец.

Наверное, когда-нибудь придумают так, что цирковые представления будут длиться почти без конца. И будет в них не два и не три отделения, а... (впишите цифру — сколько вам надо).

— А когда я домой приду, — сказал Петька, — там у меня будет «представление продолжается». Больше меня из дому не выпустят. До первого сентября. А потом станут только в школу выпускать. Цепь для меня купят. Буду сидеть на цепи, как барбос.

— Сам ведь виноват, — сказала Лёлишна. — Вот если бы ты сегодня не сбежал в цирк, завтра тебя уже выпустили бы.

— Он что, тоже неподдающийся? — спросил Владик.

— Вроде этого, — ответил Виктор.

— Тогда его надо на поруки взять.

— Эта как? — спросили ребята.

— Очень просто, — начал объяснять Владик. — Пойти к нему домой и сказать, что вы за него ручаетесь.

— Это как? — спросил Петька.

— Отвечать они за тебя будут. Не одного тебя ругать станут, а вместе с ними. Со мной несколько раз так делали.

— И помогает? — удивилась Лёлишна.

— Помогать-то, конечно, не помогает, — честно признался Владик, — но зато удобно. Тебя, к примеру, из школы исключать надо, а класс тебя на поруки берёт. Значит, в школе остаёшься. Стоишь себе на собрании, краснеешь немножечко, но домой идти не страшно. А дальше ещё лучше. Натворишь чего-нибудь, а отличники на собрании говорят: мы недоглядели, мы чего-то там не проявили, упустили, не сумели куда-то подойти.

— Я не против! — радостно заявил Петька. — Берите, берите меня на поруки эти самые! Ни капельки не возражаю!

— Он не возражает! — воскликнул Виктор. — Ты сначала нас спроси, согласны ли мы за тебя ручаться. А если ты нас подведёшь? Тогда что?

— Закопайте меня живьём в могилу! — Петька шесть раз ударил себя кулаком в грудь. — Под трамвай киньте! Троллейбусом на меня наезжайте! Грузовиком раздавите! Электросваркой на кусочки разрежьте, если я вас подведу!

— Не кричи, — остановила его Лёлишна. — Я бы с удовольствием взяла тебя на поруки. Но мне тебя на поруки не отдадут, да и ни к чему они. Ничего с тобой особенного не будет. Накормят и спать уложат.

— Так и вам ничего не будет, — сказал Владик. — Раз, два — и взяли на поруки. А дальше — каяться только. Вот и всё.

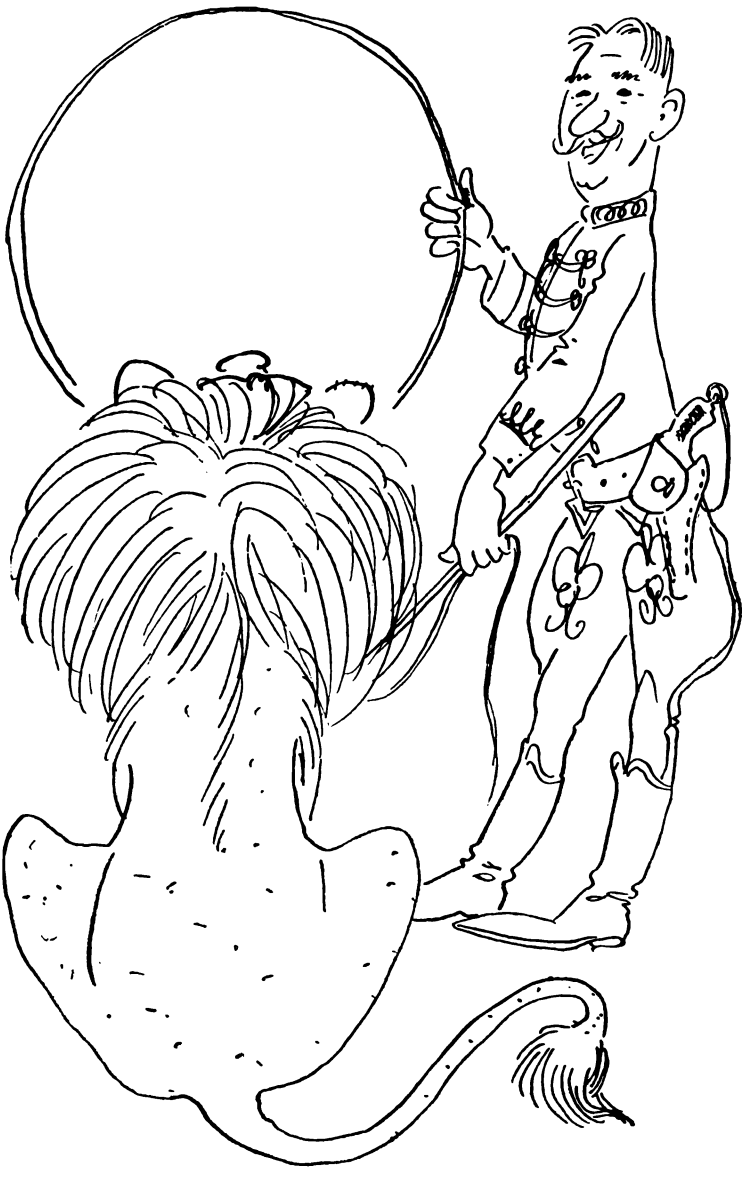
— Возьмите! — взмолился Петька. — Поручитесь!

— Как же за тебя ручаться, — спросил Виктор, — когда ты без царя в голове живёшь?

— А с чего это у меня в голове царь должен быть? — возмутился Петька. — Смейтесь, смейтесь, — угрожающе произнёс он. — Вот попадёте в беду, я тогда тоже ухохочусь.

— Да какая у тебя беда? — возмутилась Лёлишна. — Наоборот. Захотел — из дому убежал. Захотел — в цирк пошёл. Мороженое ел. Хохотал. Теперь немножко попадёт. И правильно.

— Последний раз спрашиваю, — грозно проговорил Петька, — берёте меня на поруки или нет? Друзья вы мне или просто так, понарошку?



— Досмотрим представление, — предложила Лёлишна, — и решим, что с тобой делать.

НА ЭТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАШЕЙ ПРОГРАММЫ.
ОБЪЯВЛЯЕТСЯ

АНТРАКТ

на несколько страниц,
при чтении которых вы увидите
милиционера Горшкова
в схватке с крупным преступником
по кличке Сом

Не успел Горшков как следует погоревать о своём втором появлении перед зрителями, как рядом оказался работник уголовного розыска и сказал:

— К майору. Я с машиной.

Ни жив ни мёртв сел Горшков в газик.

Он был уже абсолютно уверен, что сейчас его попросят удалиться из рядов героической милиции. Иначе не стал бы товарищ майор вызывать его, да ещё в такое позднее время.

И скажет ему товарищ майор:

— Горшков! Я, конечно, не являюсь твоим непосредственным начальником. Но считаю своим долгом вот сейчас, почти ночью, высказать тебе своё презрение. Как старый боец заявляю, что руки тебе не подам, встретив, а перейду на противоположную сторону улицы.

«И правильно! — чуть не крикнул Горшков, сидя в газике, где ему пришлось согнуться в три погибели. — Весь вечер у ковра бывший милиционер, ныне клоун, — гражданин Горшков! Позор! Спешите видеть! Позор! Следите за рекламой!»

В кабинет он входил готовый понести самое суровое наказание. Любое из них он считал справедливым.

— Устал? — спросил майор.

Горшков не мог произнести ни звука, только отрицательно покачал головой.

— Дело тут одно есть, — продолжал майор, — я сам

поеду... Хотелось бы тебя с собой взять. Как ты на это смотришь?.. Да что с тобой?

— Я... всегда... го... тов... — с трудом выговорил милиционер. — Я... вам...

— Болен ты, что ли?

— Здоров, товарищ майор! — наконец-то смог выговорить Горшков. — Готов к выполнению любого задания! Рад стараться! — так громко гаркнул он, что от движения воздуха закачалась открытая форточка.

— Ну, ну! — удивился майор. — Здесь, брат, тебе не цирк.

— Виноват. Вырвалось. Больше не повторится.

— Садись и слушай. Помнишь, лет пять назад, а точнее пять лет назад, был у нас с визитом этот подлец по кличке Сом?

— Хорошо помню, товарищ майор. Как он тогда улизнул.

— Вот-вот. Пять лет Сом не действовал. Так сказать, отдыхал. Слонялся по разным южным городам, запутывал следы. Взять его не удавалось. Что его к нам сюда обратно занесло, не понимаю. Видно, решил, что работа у нас неважно поставлена и он опять нас вокруг пальца обведёт. Сегодня выходит на дело. Понимаешь?

— Ясно! — радостно выдохнул Горшков.

— Рисковать не хочется, — продолжал майор. — Работники у нас всё молодые. А Сом опытен и очень опасен. Брать его надо наверняка. Мы с тобой рисковать будем. Согласен?

— Зачем обижать меня, товарищ майор? Зачем такие вопросы задаёте? Уж если я в цирке добросовестно службу несу, то чего мне Сома бояться?

— Зря обижаешься. Сердце подсказывает, что трудно нам сегодня придётся. Стар Сом, нахален до невозможности. Работает грубо. И опасно. Будь готов ко всему.

Горшков встал, ответил:

— Служу Советскому Союзу.

— Надеюсь на тебя, как на себя, — сказал майор. — Иди переодевайся, там всё готово.

Скоро Горшков возвратился в кабинет переодетый в штатское. Одежда была лёгкая, удобная.

Майор сменил пиджак на спортивную куртку и шляпу на кепку.

— Посидим перед дорогой, — предложил он. — А в цирке ты меня насмешил. До слёз. Невезучий ты человек,

Горшков. А цирк хорош. Жаль, не удалось досмотреть — вызвали... Ну, двинулись.

В таких случаях говорят: гора с плеч свалилась. И если эту поговорку применить к Горшкову, то у него целый горный хребет с плеч свалился.

Они вышли на улицу, свернули за угол и через несколько кварталов остановились.

Подкатило такси. Майор с Горшковым сели на заднее сиденье.

— Пятый сообщил, — чуть повернув голову в их сторону, сказал шофёр, — что все на своих местах.

— Как связь?

— Нормально.

— Довезёшь нас до поворота, а сам обратно.

— Слушаюсь.

Когда Горшкову случалось выходить на службу ночью, он всегда думал об одном и том же: какая у него замечательная профессия. И чем ему труднее, тем легче будет людям. Они иногда и не подозревают, что им угрожает опасность. Вон идут себе любуются яркими огнями...

— Горшков, — прервал его размышления майор. — Слушай. Я уже говорил, что Сом нахал страшный. Действует напролом. Наглость плюс наглость. И помощники у него — ерунда. Одного мы сегодня взяли. План у них примерно такой. Строительство завода на окраине города. Помещение бухгалтерии — деревяшка. Сейф — рухлядь. Охраны толковой пока нет. Сегодня не успели выдать всю зарплату. Сом едет один, в такси. Берёт деньги и — обратно в такси. Мы его караулим где только можно. Но боюсь — обойдёт всех. Последний пункт наш с тобой — сейф.

Они уже выехали за город.

Машина летела по шоссе в полной темноте.

— Ночь-то какая, — сказал майор, — повезло Сому... Но ничего...

Остальную часть дороги промолчали.

Машина остановилась.

— Счастливо, — сказал шофёр.

— Спасибо, — ответил майор.

Они с Горшковым вышли, дождались, когда машина развернулась и уехала, и зашагали в темноту.

Под ногами было поле.

Долго шли.

Остановились у высокого деревянного забора.

Из темноты кто-то спросил:

— Гуляете или по делу?

— Гуляем, — ответил майор, — но по делу.

— Сюда, — позвал голос, и они увидели фигуру человека. Он раздвинул в заборе две доски.

Майор пролез в отверстие легко, а Горшков с трудом.

Огней на территории строительства было мало, да и их майор обходил стороной.

Вот они подошли к невысокому деревянному зданию, похожему на барак.

Все окна были темны.

Даже вход не освещался.

Майор достал ключ, нащупал замочную скважину.

Два по

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК!

ворота — два щёлканья.

Не включая карманных фонариков, Горшков с майором вошли, спрятались за шкаф, стоявший у дверей.

В большое продолговатое окно лился мутный лунный свет. На окне была решётка, и её тень лежала на полу и на стенах.

Когда глаза привыкли к темноте, Горшков внимательно изучил обстановку.

Два сейфа стояли в дальнем углу. Пять столов, стулья, огромный диван. Бороться тут трудно — негде.

— Будем надеяться, что его возьмут по дороге, — шепнул майор.

В наиболее опасные моменты жизни человек, как известно, против своей воли начинает думать о пустяках или о том, что сейчас уже не имеет значения. Вот и Горшков думал о цирке, о неудачных своих выступлениях и о том, как хорошо теперь выглядит Владик, так хорошо, что Головёшкой его уже и не назовёшь.

Нестерпимо зачесался кончик левого уха.

Потом зачесалось под правой лопаткой.

Туго ползло время.

И вдруг чуткий слух уловил дальние звуки шагов.

Сразу стало ясно, что идёт Сом.

Он шёл походкой осторожного, напуганного зверя.

Почти неслышно.

Услышать такого зверя может только очень опытный охотник.

Майор тихонько тронул за плечо товарища: приготовились.

Горшков машинально расстегнул кобуру и, уже готовый к схватке, подумал: «Как же удалось Сому пройти все засады?»

Дважды щёлкнул замок.

Скрипнула дверь.

Сом дышал громко и прерывисто. Значит, устал и боится.

Дверь он закрывал, повернувшись к ней не лицом, а спиной.

Постоял, привыкая к темноте.

Вот Сом двинулся вперёд.

И Горшков едва не крякнул от восхищения: какая походка! Не походка, а походочка! Большой, грузный, а идёт легче балерины. Кошка! Кошечка!

Горшков широко раскрыл пересохший рот: стало трудно дышать от волнения.

Майор тронул его за локоть.

Вспыхнули два фонарика, направленные в затылок преступника.

Сом нырну

ВТОРОЙ ЗВОНОК!

л под стол.

Пригнувшись, Горшков бросился к нему.

Выстрел.

Тут же фонарик майора погас.

Свой фонарик Горшков отбросил.

И что было сил пнул под стол.

— А-а-а! — дико закричал Сом.

Опять выстрел.

Горшков нырнул под стол, весь сжавшись, упал на Сома, схватив его руку с пистолетом.

И придавил к полу — не вырваться, не пошевелиться.

— Товарищ майор! — позвал Горшков. — Как вы?

— Живой...

Вспыхнула лампочка под потолком.

Майор стоял, с трудом держась на ногах. Лицо и грудь были в крови.

— Оглушило, — сказал он, — и лоб царапнуло.

Горшков проверил карманы, всю одежду и обувь Сома, положил на стол пистолет и инструменты для взламывания сейфа.

Сом лежал не двигаясь, не открывая глаз, держась рукой за бок.

— Это я, первый, — сказал майор в телефон, — всё в порядке. Ждём. Вызовите врача.

А Горшков смотрел на этих людей — оба седые, оба усталые, оба раненые. Один всю жизнь истратил на то, чтобы приносить людям зло, другой — добро.

— Ловко, — прохрипел Сом и, морщась, сел, прислонился спиной к дивану. — Хорошие у вас кадры-кадрики.

— Да, — ответил майор, — не то что у вас. А помнишь, лет этак тридцать назад, я тебя в первый раз взял?

— А помнишь, лет этак пять назад, я от тебя ушёл? — спросил Сом.

— И пулю мне в ноге оставил. Помню. И вот наша с тобой последняя встреча. Больше тебе на волю не выйти, старик.

— Знаю, знаю, — хрипло проговорил Сом, — на поруки меня никто не возьмёт. — Он усмехнулся и спросил: — Что за чертовщина?! Я ведь сейчас в цирке был. Там этого долговязого чудака видел. Как он здесь оказался?

— Фо

ТРЕТИЙ ЗВОНОК!

кус-покус, — ответил Горшков.

КОНЕЦ АНТРАКТА.

ПРОДОЛЖАЕМ НАШУ ПРОГРАММУ.

НАЧИНАЕМ ТРЕТЬЕ —
ПОСЛЕДНЕЕ —
ОТДЕЛЕ-
НИЕ!

Отделение 3

Мы начинаем с описания выступления Эдуарда Ивановича с группой дрессированных львов и первого появления перед публикой Хлоп-Хлопа

Выступление Эдуарда Ивановича со львами занимало всё третье отделение.

Ребятам оно очень понравилось.

Им было и жутко, и весело. Совсем рядом — рукой подать! — свирепые львы и коварные львицы. Можно было разглядеть каждый волосок в огромных гривах. А когда звери раскрывали пасти, видно было каждый зубище.

Но Виктор переживал, пожалуй, больше всех. И если зрители видели, что с лица дрессировщика не сходит улыбка, то мальчик видел, что улыбаются у него только губы.

Публика ахала и охала.

Охала и ахала.

То замирала от страха, удивления и восхищения, то восторженно шумела.

Львы, конечно, слушались укротителя, но со злобой и неохотой. Казалось, что вот-вот кто-нибудь из них взревёт и бросится на Эдуарда Ивановича.

Бросались.

Замахивались лапой.

И — исполняли то, что он от них требовал.

Когда же на арене появился Хлоп-Хлоп, поднялся такой хохот, что его, этого хохота, мартыш испугался больше, чем диких зверей.

Ведь сегодня Хлоп-Хлоп впервые в своей жизни появился перед зрителями.

Он быстро забрался на плечо к хозяину, обнял его (то есть вцепился) и зажмурил глаза.

Львы уже привыкли к мартышу на репетициях и почти не обращали на него внимания. Он был для них всё равно что для нас, например, воробей. А некоторые львы его даже побаивались, зная, на какие хитрости и обидные проделки он способен.

Хлоп-Хлоп, как я уже сказал, боялся не зверей, а зрителей. Но боялся он так уморительно, что вызывал не жалость, а смех.

Эдуард Иванович и выпустил его сегодня только с одной целью — чтобы он постепенно привык к публике. А когда привыкнет, можно будет думать и о том, что ему делать на манеже среди львов.

И в заключение Эдуард Иванович уложил своих хищников, сделал из них этакий живой ковёр и прилёг на него отдохнуть.

Тут Хлоп-Хлоп едва не испортил номер. Сидя на плече хозяина, он немножко освоился и раз-раз — дёрнул Цезаря за гриву.

Лев уже раскрыл пасть, но Эдуард Иванович ласково потрепал его по густой шевелюре: дескать, не стоит обращать внимания.

Оркестр заиграл прощальный марш, укротитель стал раскланиваться с публикой. (Ребятам он поклонился отдельно, положив руку на сердце.)

Жалко было уходить отсюда!

Взяли бы артисты да и повторили всё сначала!

Но погасла половина ламп, и хотя вышли не все зрители, а цирк уже напоминал пустой дом, из которого уходят не только гости, но и хозяева.

Ребята выходили последними.

На улице они остановились, чтобы подождать Эдуарда Ивановича. Ушёл только Владик: мать просила его прийти пораньше.

— Как насчёт порук? — спросил Петька.

— Подожди, — отмахнулся Виктор. — Попасть бы в ученики к Эдуарду Ивановичу!

— Мне было страшно, — сказала Лёлишна, — я всё про тебя вспоминала.

— Ну, а поруки? — не унимался Петька. — Обещали ведь решить этот вопрос. Вам-то что? Пришли домой, поели хорошенько и спать. А меня, знаете что? Ждут. Уж если львов и мартышек дрессировать можно, то почему же я считаюсь неподдающимся? Вон Эдуард Иванович львов на поруки взял, а вы меня, человека, не хотите!

— Ладно, ладно! — резко произнёс Виктор. — Расхныкался. Любишь кататься — люби и саночки возить. Поможем тебе на этот раз саночки везти. Но учти: если подведёшь, пощады не будет! Уж не знаю, что я с тобой сделаю, но — берегись!

— Берегусь, берегусь! — радостно воскликнул Петька, а Лёлишна сказала:

— Я вот ему ни капельки не верю. В любой момент подведёт и не заметит. Поверим ему в самый распоследний раз.

Из цирка вышли Эдуард Иванович и Григорий Васильевич, были они усталые и весёлые.

Ребята радостно загалдели, перебивая друг друга.

— Спасибо вам за всё, — смущённо проговорила Лёлишна. — От меня особенно спасибо.

— Вот уж не за что, так не за что, — ответил Эдуард Иванович. — Мы всё делали с удовольствием. Мне, правда, немного попало от директора, но ничего.

— Милиционера только жаль, — добавил Григорий Васильевич и рассмеялся. — Хороший он человек, но почему-то не любит цирка. Даже конца представления не дождался. Пошли, товарищи. Мне ещё Эмму надо домой проводить.

Следующий номер нашей программы можно назвать

«ПАЛКА О ДВУХ КОНЦАХ».

Это последнее крупное выступление Петьки-Пары!

Пословица утверждает, что у палки два конца и если одним концом кого-нибудь ударишь, то вполне вероятно, что второй конец стукнет по тебе.

Применима ли эта пословица к тому, о чём сейчас прочтёте, судите сами. Или другие пословицы подберите.

Вот Петька постучал в дверь своей квартиры — постучал спокойно, с достоинством, как стучит человек, который ни в чём не виноват. А если и виноват, то его, между прочим, на поруки берут. Значит, не совсем уж он конченый человек.

За дверью — тишина.

Постучал Виктор.

Опять — тишина.

— Чего это они? — испуганно прошептал Петька.

— А вот так тебя всегда будят, — сказала Лёлишна. И тоже постучала.

Долго, громко стучала.

— Да что же это такое? — жалобно спросил Петька. — Чего они дрыхнут так? — И застучал обеими руками.

Как говорится, ни ответа ни привета.

— Идём спать к нам, — предложила Лёлишна.

— Ну да! Я домой попасть не смог, а кому попадёт? Будьте уверены — мне.

— Не стоять же нам здесь с тобой до утра, — сказал Виктор. — А если они спят, как ты, надо ломать замок.

— Я ещё попробую. — И Эдуард Иванович постучал так, что выглянули соседи из всех дверей.

— Я домой, — сказал Виктор, — а то и мне попадёт.

И ушёл.

— Ладно уж, — весело проговорил Григорий Васильевич,— помогу, так и быть.

Он достал перочинный ножичек, раскрыл его и склонился над замком.

— Ой, до чего боюсь... — прошептал Петька. — Прямо хоть в Африку убегай. Не знаю только, как туда добираться.

— Сам ты, Петя, виноват,— сказала Лёлишна не с упрёком, а с жалостью. — Вытерпи ты сегодня всё, а завтра возьмём тебя на поруки. И уж больше не дури.

И дверь открылась.

— Прошу, — предложил Григорий Васильевич, — замок цел. Только никому не рассказывайте о моих способностях.

Петька в знак благодарности и прощания помотал головой и скрылся за дверью.

В квартире никого не было.

Он заглянул в чулан, в ванную, в оба шкафа, даже под кровати заглянул.

Ни-ко-го.

Сел.

Куда все исчезли?

Почему не предупредили?

Так вот и сиди всю ночь?

А в голову разные страшные мысли лезут.

Вдруг на поезде уехали, а поезд — под откос?

Вдруг ВСЕХ ТРОИХ трамваем переехало?

А в т о б у с о м задавило?

Т р о л л е й б у с о м стукнуло?

А вдруг?

А вдруг?..

А ВДРУГ???

Петька забегал по комнатам.

— Мама! — жалобно крикнул он. — Папа! Бабушка! — и остановился, прислушиваясь; до того шею вытягивал, что голова чуть не оторвалась.

Страшно было за себя, за родных и вообще — страшно. Петька забыл даже о том, что голоден. Не до еды было.

«Бросили! Бросили! — думал он. — Покинули! И никому до меня, бедного, дела нет. Где вы?»

И от жалости к самому себе он взрыднул.

Всего он ожидал, к любому наказанию был готов. Но не к такому. Это было, по его мнению, не наказание, а издевательство.

Главное — ничего не известно!

Почему, когда хочется плакать, кажется, что слёзы собираются в носу?

Петька заплакал тихо, но изо всех сил. Ещё ни разу из него не выбегало столько слёз. Даже рубашка на груди промокла.

И впервые в жизни ему не хотелось спать — ночью! Вот какой он был несчастный!

Горели все лампочки, даже настольная, — семь штук. И всё равно казалось, что в соседней комнате есть к т о - т о.

Чудились голоса.

Шаги.

Смех.

Музыка.

Шорохи.

СТУКИ.

Будто Петьку окружали со всех сторон.

И вот совершенно отчётливо он услышал, что на кухне к т о - т о ходит и разговаривает.

Он бросился в другую комнату, захлопнул дверь, навалился на неё плечом.

И услышал, что теперь разговаривают в комнате, откуда он только что выскочил.

— К т о т а м? — пискнул Петька.

«ВОры, — подумал он, — шПИоны, жулИки, убиЙцы, разБОЙники, пираТЫ. **Узнали**, что я один, **и пришли** ограБИТЬ, СжЕЧЬ, связать, избить, УБИТЬ!»

Осторожно, как бы отрывая марлю со свежей раны, потянул он дверь и одним глазом глянул в щёлку — никого.

Вытянув шею — ухо вперёд, он подошёл к кухне, заглянул — никого и, вместо того чтобы обрадоваться, сказал:

— Дурак!

Ведь это внизу, этажом ниже, и за соседними стенами разговаривали! Вот и сейчас слышно.

— Красота! Красота! Кислая капуста! — спел Петька и даже ногами потопал — вроде бы сплясал.

Но — есть неохота, спать неохота— что же делать?

Он лёг.

Лежал, лежал...

Встал.

Да где же это видано, да где же это слыхано, чтобы родители и бабушка из дому убегали?

Размышляя об этом, Петька машинально кончиком ножа провертел в столе ямку.

В новом-то столе!

Отшвырнул нож, сплюнул.

Опять в сердце забрался страх. Где они? А вдруг их в больницу отвезли?

Газом отравились!

Или объелись чем-нибудь?

В милицию надо бежать — с о о б щ и т ь!

Петька выскочил на лестничную площадку.

Сзади хлопнула дверь.

Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь... лампочек забыл он выключить и — кулаками застучал по перилам, будто они были виноваты.

И направился в милицию.

Да по дороге устал.

Присел в сквере на скамейку.

И уснул.

Крепко-крепко уснул, бедный.

Продолжаем нашу программу. Следующий номер — утро

Лёлишна, конечно, увидела во сне цирк.

Такой смешной сон получился, что, проснувшись, она улыбалась.

А приснилось ей, что она укротительница. Только не львов, а...

На тумбах сидели:

СУСАННА

ВЛАДИК ДЕДУШКА

ПЕТЬКА БАБУШКА (младшая).

А Виктор сидел верхом на льве.

Лев встал на дыбы (вернее, на задние лапы), прыгнул к Петьке, зубами взял его за шиворот, а Сусанна бросилась на хищника...

Тут Лёлишна и проснулась.

Кто это на кухне?

Лёлишна взглянула на будильник: половина десятого! Почему же он не прозвенел в половине восьмого? Никогда ещё они с дедушкой не спали так долго!

Лёлишна оделась и — на кухню.

— Доброе утро, хозяюшка! — приветствовал её Эдуард Иванович не оборачиваясь. — Как спалось? Какой сон после вчерашнего представления приснился?

— Что вы делаете?! — поразилась Лёлишна, словно не услышав вопросов.

— Готовлю завтрак. Я уже съездил на рынок. Дедушке будет манная каша, а нам с тобой...

— Ой, как нехорошо получилось! Я первый раз проспала! Никогда...

— Потому что я перевёл стрелку будильника на десять. И — не возражать. Извольте меня слушаться.

— Слушаюсь, — Лёлишна улыбнулась. — Что нужно делать?

— Умываться. А больше ничего. Уходите отсюда, не мешайте. Мы, домашние хозяйки, не любим, если стоят у нас над душой, когда мы стоим над плитой.

Лёлишна ушла умываться, а когда вернулась в комнату, дедушка уже сидел в постели.

Лицо у него было грустное и виноватое.

— Стыдно вспомнить вчерашнее, — сказал он, — я плохо вёл себя. Феноменально плохо.

— Плохо вело себя твоё здоровье, а не ты.

— Сначала — оно, потом — я. Вернее, сначала всё-таки я, а потом — оно. И не надо меня утешать. Такие замечательные люди вчера из-за меня... Нет, нет, стыд и позор! Меня надо наказать. Жестоко, беспощадно.

— Ты абсолютно неправ, — сказала Лёлишна. — Ви-

новат ты лишь в том, что без разрешения вышел погулять и играл в футбол.

— Нет, нет, я всё равно буду переживать. Долго. Мучительно.

— Вот как раз переживать тебе и нельзя. Иди лучше умойся.

— И всё равно буду переживать. Даже умытый.

— И добьёшься, что тебя положат в больницу.

— За что?! — ужаснулся дедушка.

— Чтобы лечить. Если не удаётся вылечить тебя дома, я отправлю тебя в больницу. Нельзя переживать с утра до вечера по любому поводу.

— Хорошо, — угрюмо согласился дедушка. — Я постараюсь выполнить твои указания. Но без переживаний жить ещё труднее, чем с переживаниями.

Как только сели завтракать, явился Петька.

Вид у него был помятый и растерянный.

Когда мальчишка рассказал, что его покинули родители, а вместе с ними и бабушка, все рассмеялись.

Пока все смеялись, Петька расправился со всей яичницей.

А пока смеялись над тем, как он уснул по дороге в милицию и проспал до утра, Петька доел что-то со сковородки (а что — не успел разобрать).

— Это всё ерунда, — задумчиво сказал он.— Вот лампочки, семь штук, забыл выключить, ямку в новом столе провертел — вот это хуже. Взяли бы вы меня к себе, дядя дрессировщик!

— Зачем?

— Да хоть зачем! Не может ведь быть, чтоб я хуже мартышки оказался. Да чтоб польза от меня была, хочу! — жалобно воскликнул Петька. — А то вред один! Самому надоело!

— Ну, раз надоело, — сказал Эдуард Иванович,— значит, соображать уже начал. А раз соображать уже начал, значит, со временем поумнеешь. А то ведёшь себя как грудной младенец. Ешь, спишь, делишки разные вытворяешь.

— Плюёшься, — добавил дедушка.

— Хватит тебе младенцем быть, — продолжал Эдуард Иванович.

— Грудным,— весело добавил дедушка.

— Ладно, ладно! — угрожающе проговорил Петька. — Вы меня ещё узнаете. Я таким замечательным буду, что

меня когда-нибудь вывесят! Видали на Ленинской улице доска Почёта «Лучшие люди города»? Там я буду!

— Всё может быть, — сказала Лёлишна. — А на поруки тебя брать?

— А ну их, эти поруки! Сам я себе — порука.

Лёлишна с Эдуардом Ивановичем пошли мыть посуду, а Петька вышел на балкон.

— Переживаешь? — спросил, подойдя, дедушка. — Я тебе завидую. Тебе можно переживать. А мне запретили. Категорически. А это было моим любимым занятием.

— Я переживать не буду, — твёрдо ответил Петька. — Хватит. Буду себе какое-нибудь дело искать.

И тут он увидел своего отца и бабушку. Они выходили из-за угла дома.

— Папа! — не своим от радости голосом закричал Петька. — Бабушка! Я тут! Я здесь! Я к вам!

И умчался.

Продолжаем нашу программу.
ПРОЩАНИЕ ЗЛОЙ ДЕВЧОНКИ СУСАННЫ КОЛЬЧИКОВОЙ
с читателями!
Читайте о её последнем выступлении в нашей программе!

Пробегая от подъезда к подъезду, Петька увидел невероятную картину.

До того невероятную, что не мог не остановиться.

Ему навстречу шла Сусанна Кольчикова с небольшим чемоданчиком в руке и с авоськой — в другой.

Шла одна, опустив голову.

Одна!

— Ты куда это? — прямо-таки обалдело спросил Петька.

Сусанна подняла заплаканные глазки, всхлипнула и ответила:

— Мы больше не увидимся. Прощай навсегда.

— Прощай, конечно, — сказал Петька, — тем более, что навсегда. А куда ты?

Но злая девчонка больше не сказала ни слова.

Ушла, всхлипывая тонко и жалобно.

Её отправили в пионерский лагерь, потому-то она и брела, опустив голову.

А вот почему она шла одна, сама несла (сама!) чемоданчик и авоську, это следует объяснить.

Вчера, прибежав из цирка без туфель и бабушки, Сусанна плюхнулась на диван и закрыла глазки.

И пронзительнейше застонала.

— ЕЩЁ ЧТО? — грозно спросил папа. — ОПЯТЬ ЧТО-НИБУДЬ?

— Где туфли? — спросила мама.

— Где бабушка? — спросила старшая бабушка.

— Она ИЗБИЛА меня, — со стоном ответила злая девчонка. — В цирке. При всех. Дала мне ЗАТРЕЩИНУ. И бросила на улице. Ой... как мне страшно ужасно...

— Довели, — мрачно заключил папа.

— Я петь больше для неё не буду, — сказала старшая бабушка. — И хрюкать не буду. И мяукать не буду. И кудкудакать не буду. И вообще я уезжаю. К брату. В Калугу.

У Сусанны было такое ощущение, словно она ехала в трамвае по знакомому-знакомому маршруту, а приехала, например, на Луну.

Сквозь полуопущенные веки злая девчонка следила за тем, что происходило вокруг, и ничего не понимала.

Ей становилось ясно: происходило что-то непонятное, невиданное, страшное, что впоследствии будет ещё непонятнее, ещё невиданнее, ещё страшнее.

Родители и бабушки почему-то вроде бы перестают её слушаться. Были такие добрые, такие послушные...

— Ну... лад-но!

Она дёрнулась всем телом, затем подёргала левой и правой ногами попеременно.

— Это мне надо дёргаться! — крикнул папа уже обычным голосом. — Это ты нас издёргала! Нас сегодня вызывали в домовой комитет! И правильно! И смеялись над нами! И правильно!

— Посмотри, она всё ещё дёргается, — прошептала мама.

— ПУСТЬ! — отрезал папа. — Не боюсь нисколько. Завтра она поедет в пионерский лагерь, будет жить как все. Пусть попробует там дёргаться.

Тогда Сусанна стала хрипеть.

— Ей плохо, — прошептала мама.

— Пусть, — сказала старшая бабушка.

— Ни в какой пионерский лагерь я не поеду, — дрожащим голоском проговорила Сусанна. — Там для меня смерть. Я простыну, умру, утону, сломаю ногу или руку, отравлюсь недоброкачественно приготовленной пищей.

— Это мои слова, — грустно призналась старшая бабушка, — я отрекаюсь от них.

— Там за мной не будет надлежащего присмотра и ухода, — постанывая и похрипывая, продолжала Сусанна. — Мне, которая привыкла к заботе, ласке, трудно будет среди сотни невоспитанных сорванцов и сорванок.

— Последнего слова я не говорила! — воскликнула мама.

— А про клещей вы забыли? — спросила Сусанна. — Пусть тот отправляет детей в пионерлагеря, кто не может обеспечить им другой, более комфортабельный вид отдыха.

— Отказываюсь от своих слов! — крикнул папа. — Поедешь в лагерь! Там тебя отучат дёргаться и мучить взрослых! Там ты сама станешь человеком!

— А мои музыкальные способности?

— Нет у тебя никаких музыкальных способностей!

Пришла младшая бабушка, с порога заявила:

— Всему есть мера. Моя бывшая внучка довела меня до того, что я дала ей ЗАТРЕЩИНУ. В цирке. При всех. До сих пор рука болит. Свои новые туфли она оставила на улице.

— А ты не могла их поднять? — крикнула Сусанна. — Тебе трудно было нагнуться, да?

— МАРШ ЗА ТУФЛЯМИ! — И папа приподнял дочь с дивана и толкнул к дверям.

— И вообще я уезжаю, — сказала младшая бабушка, — к сестре. В Воронеж. Хочу отдохнуть.

Если бы я был злой человек, я бы всему этому порадовался. Но, честно говоря, мне чуть-чуть жаль Сусанну. Не одна же она виновата, что выросла злой девчонкой.

Туфель она не нашла — утащили собаки.

Села Сусанна на диван и заплакала. Заплакала она по-настоящему, с горя.

Никто к ней не подходил.

Бабушки собирали вещи, так как решение уехать оказалось бесповоротным.

Никто не подходил к Сусанне.

Только мама несколько раз вставала, но каждый раз садилась обратно.

Утром Сусанна спросила:

— Я ведь никуда не поеду, правда?

— Поедешь, — спокойно, но твёрдо ответил папа, — в пионерский лагерь «Рассвет».

— Кто проводит меня?

Папа ответил тем же тоном:

— Дорогу ты знаешь. Возьми вещи и иди. Счастливо тебе отдохнуть.

О том, как ей жилось в пионерском лагере, догадайтесь сами.

Представление продолжается. Выступают тигрёнок Чип, мартыш Хлоп-Хлоп и домоуправляющий — ГРОЗНЫЙ ТОВАРИЩ СУРКОВ

В домоуправление, где сидел грозный товарищ Сурков, которого все боялись, вместе с Лёлишной пошёл Эдуард Иванович, сказав:

— Сначала заглянем в цирк, возьмём с собой помощников.

Помощниками оказались Чип и Хлоп-Хлоп. Как они обрадовались, увидев хозяина!

Мартыш даже полез целоваться, но Эдуард Иванович отвернулся. Хлоп-Хлоп обиженно пискнул, но чмокнул-таки его в щёку.

А Чип тёрся о ноги хозяина и урчал-урчал-мурлыкал.

— Вот что, друзья, — сказал Эдуард Иванович. — На нашу долю выпала ответственная задача. Надо помочь Лёлишне и её дедушке обменять квартиру. Несколько раз она обращалась в райжилуправление, откуда заявления пересылали в домоуправление к грозному товарищу Суркову, которого все боятся. Грозный товарищ Сурков говорит: не имеем возможности, но постараемся. На самом же деле он имеет возможность, но не старается. Наша задача заключается в том, чтобы заставить товарища Сур-

кова перестать быть грозным и быстрее помочь Лёлишне. Ясно? Вопросов нет? В путь!

Лёлишна вела Чипа на поводке, а Хлоп-Хлоп устроился на руках у хозяина.

Сами понимаете, что за ними увязалась целая толпа мальчишек, которым Хлоп-Хлоп показывал язык, кулак и корчил рожицы.

И мальчишки показывали ему язык и строили рожицы, но кулаками не махали.

Вот такой толпой и явились к домоуправлению.

Служащие этой важной конторы всполошились.

А когда в комнату к ним втопал, скаля зубы, Чип, служащие (а это были женщины) вскочили из-за своих столов и спрятались за самый большой стол, за которым восседал сам грозный товарищ Сурков.

Надо сказать, что когда-то, не очень-то уж и давно, грозный товарищ Сурков был немаленьким начальником, но очень плохим человеком. Стал он из-за этого начальником поменьше, а каким он стал человеком, судите сами. Пора вам во всём этом уже самим разбираться.

Внешне в нём ничего грозного не было. Невысокого роста, с лохматой шевелюрой, с недобрым взглядом чёрных маленьких глаз, он, чтобы выглядеть выше ростом, носил шляпу.

Её он не имел обыкновения снимать даже в конторе.

Увидев тигрёнка, Эдуарда Ивановича, Хлоп-Хлопа и Лёлишну, товарищ Сурков спросил:

— Как прикажете это понимать? Адреса зверинца не знаете?

— Здравствуйте, — сказал Эдуард Иванович.

А мартыш молниеносным прыжком соскочил на стол, сорвал с управляющего шляпу, возмущённо погрозил ему пальцем, сам себе поаплодировал и снова влез на плечо к своему хозяину.

Товарищ Сурков на приветствие не ответил и, стараясь выглядеть невозмутимым, спросил:

— Охлопкова, где тигра взяла? Зачем сюда появилась? Почему без намордника? Мартышке кто тут скакать разрешил? — И платком вытер крупные капли пота на носу.

— Я насчёт заявления, — сказала Лёлишна. — Дедушке тяжело подниматься... врач сказал... тигрёнок из цирка... вы обещали... дедушка...

— Ну, обещал! Дальше?

— Выполняйте своё обещание, — сказал Эдуард Иванович.

А Чип, как бы полностью поддерживая просьбу хозяина, зарычал, широко раскрыв пасть.

Женщины завизжали.

Мальчишки, облепившие подоконники, захохотали и тоже порычали и повизжали.

— Я милицию вызову, — сказал, сразу став не очень грозным, управляющий домами. — Вы нарушаете общественный порядок. Мешаете работе государственного учреждения. Хулиганите. Нервируете аппарат, то есть моих сотрудниц.

— А вы не хотите помочь девочке,— спокойно возразил Эдуард Иванович. — Вы же знаете, как ей трудно жить, имея на руках больного дедушку.

— Я всё знаю! — тихо крикнул товарищ Сурков, снова вытирая пот на носу. — Надоела мне ваша девочка с вашим дедушкой! Из горздрава два раза звонили. А у меня нет...

— Есть,— испуганно возразила одна служащая, — мы ещё вчера напоминали вам о заявлении Охлопковой...

— О! — произнёс товарищ Сурков. — Чередь! Желающих спуститься с верхних этажей в нижние путём обмена жилплощади много. У одного — дедушка, у другого — бабушка, третий сам плохо дышит. Но это всё ерунда. Другое дело — мотоцикл, мотороллер. Дедушки-бабушки-инвалиды всякие и дома посидеть могут, нечего им взад-вперёд на пятый этаж бегать. А попробуй-ка на себе мотоцикл, да ещё с коляской, таскать. Мотороллер попробуй на себе таскать. А?

Мартыш показал ему язык.

И мальчишки показали ему языки.

А Эдуард Иванович твёрдо сказал:

— Мы не уйдём отсюда, пока вы не дадите...

— Не дам! — крикнул товарищ Сурков. — Не дам!

И мальчишки закричали:

— Не дам! Не дам! Не дам! Не дам!

— А я не могу, — гордо и даже торжественно произнёс товарищ Сурков, — не могу думать и руководить в такой обстановке.

Тут все служащие стали упрашивать его подписать заявление Охлопковой, называли номер дома и номер квартиры, жильцам которой не нравится первый этаж.

— Пусть придёт в другой раз, — упрямился товарищ

Сурков. — А то можно подумать, что я тигрёнка или мартышки, видите ли, испугался. Или попал под их влияние. Смешно. Нет, нет, пусть Охлопкова ещё несколько разиков придёт.

— И в каждый другой разик, — насмешливо сказал Эдуард Иванович, — я буду приходить с ней. И возьму с собой уже не тигрёнка, а льва.

— Льва-а-а? — хором спросили мальчишки и служащие.

— Самого настоящего. И тоже без намордника. Могу и двух львов привести. И трёх.

— Безобразие, одним словом, — еле выговорил товарищ Сурков, теперь уже совсем негрозный. — Отвечать будете. Какая там у нас квартира на обмен согласна?

Короче говоря, завтра же Лёлишна могла переезжать на первый этаж в соседнем доме.

Следующим номером нашей программы — ЖИВЫЕ ТАРЕЛКИ. Исполняет единственный мужчина в своей семье Владик Краснов, бывший Головёшка. В действие вступает ТЁТЯ НЮРА, КОТОРАЯ СЧИТАЕТ СЕБЯ СВЯТОЙ

Владик мыл посуду. То есть не мыл, а бил.

Потому что тарелки оказались живыми.

Первая же тарелка выскользнула из его рук в раковину. И, конечно, разбилась.

— Эх ты, — сказал ей (вернее, её осколкам) Владик, — совести у тебя нету.

Со второй тарелкой он держался настороженно и даже сумел донести её до струи воды из крана.

И тут она (то есть тарелка) выскользнула из его рук на пол.

И разбилась.

«Ну, погодите! — возмущённо подумал Владик. — Не

хотел я с вами связываться, а придётся. Не забудьте, что руки у меня золотые. Так сам гражданин милиционер дядя Горшков считает. Мозговая система у меня имеется. И вы из себя много-то не воображайте. Тем более, что я — единственный мужчина в нашей семье».

И тут третья тарелка — вдребезги.

Сел Владик.

Задумался.

Пустяковое вроде бы дело, а — не получается. В цирке вон тарелки на палках крутят, в воздух бросают и чего только с ними не делают, а тут...

Он встал.

Взял тарелку обеими руками.

И — поднёс к раковине.

Но нужна ещё одна рука, чтобы открыть кран.

Владик отнёс тарелку обратно на стол, открыл кран, взял тарелку обеими руками и подставил под струю.

Брызги во все стороны бросились.

Даже глаза пришлось зажмурить.

Вымок Владик до пояса.

Зато и тарелка немного вымылась.

К следующей — пятой — тарелке он отнёсся уже увереннее, да и она, видимо, почувствовала, что имеет дело с человеком, который кое-что в мытье посуды уже понимает.

И облился он на этот раз меньше.

Маленькая работа, а — работа. И когда сделаешь её, приятно.

— Чего тут стряслось? — услышал он напуганный и возмущённый голос тёти Нюры.

— Да вот посуду мыл, — небрежным тоном ответил Владик. — Я ведь единственный мужчина в семье.

— Единственный ты лоботряс в семье! — сказала тётя Нюра. — Кто тебя просил? Вот натворил дел! Подожди, упекут тебя в колонию, сто раз пожалеешь, что не слушался добрых людей.

Ругалась тётя Нюра равнодушно, и раньше Владик не обращал внимания на такие слова, но сегодня ответил:

— С утра до вечера вы меня без передыха ругаете. Зря. Если человеку всё время втолковывать, что он лоботряс, то он лоботрясом и будет.

Они с тётей Нюрой собрали осколки, а она принялась вытирать пол, говоря:

— Тебя не ругать нельзя. Потому как хвалить тебя не

за что. Ты вот телевизор не смотришь. А каких там мальчиков показывают иногда! Чистенькие, умненькие, рассуждают ровно взрослые. Советы дают, учат. И все из нашего города. Местные. Сердце не нарадуется. Вот тебе бы с них пример взять.

— У нас телевизора нет.

— И никогда не будет! — И тут тётя Нюра заметила на нём новые брюки, всплеснула руками: — Кто это тебя?

— Знакомые одни.

— До чего же ладно подогнано! Только ботинки всё портят. Ботинки бы сменить! — сокрушалась тётя Нюра. — Уж больно они у тебя длинноносые. Погоди, погоди, я сейчас. — Она быстро ушла, почти убежала, и скоро вернулась, держа в руках сандалии. — Примерь-ка. Если подойдут, будешь ты парень хоть куда. И меня добрым словом вспомнишь. Мол, есть на свете тётя Нюра — святой человек. Ведь с какой стати, собственно, я о тебе забочусь? Да потому что добрая, отзывчивая я... Не жмут? Носи на здоровье.

— Спасибо.— Владик даже потопал от радости.

— Покажись-ка матери.

Владик убежал.

Ксения Андреевна, как всегда, полулежала на кровати.

— Мам, смотри!

— Балуешь ты нас, — растроганно сказала она вошедшей в комнату тёте Нюре. — Спасибо тебе. Весь он в обновках. Прямо и не узнать, до чего хорош парень.

— Не хвали ты его раньше времени, — ворчливо посоветовала тётя Нюра. — Посмотреть ещё надо, как он дальше расти будет. Пока похвастаться ему нечем.

— Когда хвалят, на него больше действует, — виновато сказала Ксения Андреевна.

— Всем нам охота, чтоб нас хвалили, — усмехнулась тётя Нюра. — А к ругани надо привыкать. Легче жить будет. А то, знаешь, как он себя величать начал? — Она хихикнула. — Единственный, мол, мужчина в семье! — Она расхохоталась. — А я ему говорю: единственный ты, мол, лоботряс в семье.

— Ничего смешного нет, — хмуро сказал Владик.

— Три тарелки он тебе расколол. Помощничек!

— И пусть, — радостно сказала Ксения Андреевна. — Научится. Лиха беда — начало.

— Ничему он не научится! — почти крикнула тётя

Нюра. — Одному пока только и научился — за чужой счёт жить. Да кабы не моя доброта...

— Берите свою доброту обратно, — вдруг сказал Владик.

Снял сандалии. И отодвинул их от себя.

— Чего ты?! — возмутилась тётя Нюра. — Подумаешь, обиделся! К тебе по-людски, а ты...

— Может, и меня когда-нибудь по телевизору покажут, — пробормотал Владик. — И нечего меня на каждом шагу ругать. Ругаться легко! Телевизор смотреть легко! А вы попробуйте жить, как мы живём, как нам с мамкой...

— Прости ты меня тогда, — насмешливо перебила тётя Нюра. — Только запомни: добрая я, отзывчивая. Жалею тебя. Возьми сандальки.

— Спасибо, не надо, — твёрдо отказался Владик. — И жалеть меня не надо. Может, сам справлюсь.

— Вот что! — тётя Нюра встала. — Ты словами-то не кидайся! И не гордись! Нечем тебе гордиться! Не задирай нос-от! Рассуждатель!

— За что ты так? — растерянно спросила Ксения Андреевна. — Маленький ведь он ещё.

— Маленький, да удаленький. Сердце кровью обливается, когда об вас думаю. Чего бы вы делали, кабы не я? Вы мне спасибо говорить должны не переставая. А он физиономию от меня воротит! Возьми сандальки! — крикнула тётя Нюра.

— Не возьму, — ответил Владик. — И не нужна мне ваша помощь больше. И пол мыть научусь! — с отчаянием продолжал он. — И суп кипятить научусь! И чай варить! И по магазинам ходить буду!

— Да кто тебе деньги-то доверит?

— Я, — сказала Ксения Андреевна. — За великую помощь тебе, Нюра, великое спасибо. Никогда не забуду. Но прав Владик — больше не надо.

— Да ты... Да ты что, Ксения? Я над собой ни смеяться, ни издеваться не позволю! Никому, не то что тебе с твоей Головёшкой! Да вы меня не обижать, а обожать должны!

— Мы с тобой потом обо всём поговорим. — Ксения Андреевна достала из-под подушки книгу, протянула сыну. — Вот здесь все наши с тобой деньги, квитанции всякие. Положи на комод. Надо будет — бери.

— Можно подумать, — оскорблённо пробормотала тётя Нюра, — что я не пользу, а вред делала.

— Тебе куда-то надо, Владик? Так ты иди, иди. Часикам к двум возвращайся, сбегаешь в столовую за обедом. Были бы у меня ноги живые — я бы на месте не сидела. Иди, иди, сынок.

Когда Владик ушёл, так и оставив сандалии, тётя Нюра заговорила громко и пронзительно:

— Чего это вы? На кого надеетесь? Думаете, ещё такую дуру, как я, найдёте? Ты поверила, что Головёшка образумился? Да накатило просто на него. Хлебнёшь ты с ним ещё горя! Тыщу раз ещё меня вспомнишь!

— Добра твоего я никогда, Нюра, не забуду. А какая мать без горя прожила? — тихо спросила Ксения Андреевна. — За помощь, говорю, великое тебе спасибо. Только в одной руке ты, оказалось, помощь протягиваешь, а другой — по сердцу бьёшь.

— Да чего вы без меня делать будете? Да ты знаешь, что умные люди про меня говорят? Святая ты, Нюра, говорят! Куда вы без меня?

— Жить будем. Свет не без добрых людей. К осени меня — в больницу, а Владика — в детдом. Может, и вылечат меня. На юг куда-то увезут. К морю.

Мне придётся прервать на этом их разговор. Думаю, что суть его вы поняли.

А перед началом следующего номера автор просит уважаемых читателей разрешить ему сказать несколько слов, которые он считает очень необходимыми

Вот мы и приближаемся к окончанию нашей программы.

Начались уже заключительные выступления.

И жалко мне расставаться с моими героями — моими друзьями-приятелями, ведь расстаюсь я с ними навсегда.

И в то же время мне радостно, потому что работа близится к завершению.

И с вами мне расставаться жалко. Пока вы читали книгу, мы с вами как будто беседовали по душам.

Конечно, я надеюсь, что мы с вами встретимся ещё не один раз, но всякое в жизни бывает. Недаром писатель старается каждую книгу писать так, словно она — последняя. И старается вложить в неё всё, что ему хочется сказать людям.

Но какой бы ни была книга толстой, у неё обязательно есть конец.

Решил я ещё раз — последний! — ненадолго остановить действие

повести, чтобы сказать вам несколько слов, которые кажутся мне очень необходимыми.

Решил я сказать их именно в этой книжке, не откладывая до следующей.

Потому что когда я напишу следующую книжку, вы уже станете совсем большими, вам будет не до детских книжек.

Если вы закроете «Лёлишну» и быстро забудете о том, что в ней написано, то — полбеды. Значит, либо я плохо написал, либо вы прочитали невнимательно.

Но вот вопрос: неужели вы умеете г л о т а т ь книги?! Ам — и прочитали?

И забыли.

Тогда — для чего читать? Чтобы только провести время до начала, предположим, телевизионной постановки о шпионах?

Авторы пишут, стараются, переписывают рукописи по нескольку раз; в типографии огромные машины печатают, переплетают книги — для чего?

Если бы вы не боялись слова «учебник», я бы сказал, что даже смешные книги — это учебники.

Да, да, учебники! По ним можно учиться жить.

Если, конечно, есть желание.

Говорят:

— Скажи мне, **ЧТО** ты читаешь, и я скажу, **КТО** ты.

Но есть ещё одна, по-моему, более важная поговорка:

— Скажи мне, **КАК** ты читаешь, и я скажу, **КТО** ты.

Вы — люди понятливые, и я не буду вам всё растолковывать до конца. Сами поймёте.

Продолжаем нашу программу. Сейчас номер разговорного жанра. Выступают Лёлишна, дедушка и Владик

Когда Владик рассказал Лёлишне о том, что случилось с ним утром, — об истории с тарелками и тётей Нюрой, то, к радости своей, услышал в ответ:

— Ты поступил правильно. Как настоящий мужчина.

— Да ну? — удивился Владик. — Я — единственный мужчина в семье, и ещё оказалось, что я — настоящий мужчина. Два мужчины во мне получилось?

— Один мужчина — хорошо, а два — лучше, — сказал дедушка. — Я, правда, всего-навсего единственный дедушка в семье, толку от меня не очень уж много.

— До чего вы мне все надоели, — весело сказала Лёлишна, — честное слово. Ну, хватит, дедушка.

— Я вот о чём думаю, — сказал Владик. — А дальше? Я ведь ничего не умею делать. Две тарелки всего осталось.

Вымою их — черепки соберу. А суп из чего есть? Из стаканов? Так я их тоже поломаю. В другой раз.

— Надо учиться, — сказал дедушка. — Вот я из пяти тарелок разбиваю лишь одну. Потому что у меня есть опыт. А у тебя его нет.

— Я уже, когда к вам шёл, пожалел, — признался Владик, — зря, может, сандальки не взял? А потом включил мозговую систему: нет, не зря. Сами подумайте: во мне двое мужчин, сообразим мы вдвоём что-нибудь путное или не сообразим?

— Всё может быть, — как-то очень серьёзно сказал дедушка. — К счастью, я умею советовать. Если бы не плохое здоровье, я бы мог работать в горСОВЕТЕ. И вот сейчас я вам дам совет. Если что не поймёте, спрашивайте. Я охотно объясню. Даю совет: Владику нужно помочь.

— А как? — спросила Лёлишна.

— Как — я не знаю. Моё дело — дать совет.

— За совет спасибо, — сказала Лёлишна. — Будем ему помогать. Только ты, Владик, должен дать слово, что не отступишь.

— Куда?

— Назад.

— Куда — назад?

— Раз ты решил стать главой семьи...

— Головой? — испугался Владик. — Это как? Это что?

— Главным в семье, — объяснил дедушка. — Вот как в нашей семье моя внучка.

— Ты должен всё делать без тёти Нюры, — сказала Лёлишна.

— Ничего у меня не получится! — Владик махнул рукой. — Какая я голова семьи? Я рот семьи!

— Вот ты уже и отступаешь.

Владик вскочил, пробежал по комнате, затараторил:

— Зачем я вас только встретил? Жил бы себе как жил! А тут мысли всякие в голове крутятся! Мозговая система скрипит, пыхтит, тарахтит! Тарелки бить начал! Водой весь облился! Сандальки отдал! Трудно ведь всё это, да? На что мне это надо, а? Ещё одним мужчиной быть — ладно, а двумя-то зачем?

— А ну сядь, — приказала Лёлишна, и Владик сел. — Распрыгался! Зачем, зачем? — передразнила она. — Затем, затем! Если ты не отступишь, знаешь что будет? Мама твоя выздоровеет!

— Да ну?

— А ты как думал? Конечно, выздоровеет. Не чужие руки ей будут пищу подавать, а твои. Не чужие люди ей будут помогать, а ты, сын.

— Честное слово, она феноменально права! — воскликнул дедушка. — Я давно бы умер, если бы не она. — Он погладил внучку по голове. — Я ведь рано просыпаюсь. Только вид делаю, что сплю. Иначе она тоже будет совсем рано вставать. Проснусь и каждое утро несколько часов думаю. Лежу и думаю. Думаю и лежу. Грустно мне этим заниматься. И тяжело. Не получилось из меня пенсионера. Какой я пенсионер? Больной. Дома сижу. А настоящие пенсионеры — как милиционеры! Они следят за порядком, борются с нарушителями всех возрастов — от младенцев до своего брата — пенсионера. Пенсионеры — как пионеры! Всегда готовы! А я... — Дедушка протяжно вздохнул. — Нет, никакой я не пенсионер... Не будь Лёли, я бы совсем...

— Вот ты опять начал переживать, — сказала Лёлишна, — а мы договаривались, что ты этим заниматься не будешь.

— Переживать я всё равно буду, — виновато, но твёрдо произнёс дедушка. — Но буду знать меру. Понемножку каждый день. А ты контролируй меня. И всё будет в а ж у р е.

— Всё будет в абажуре, — задумчиво сказал Владик. — Тяжёлое это дело — быть главой-головой. Тут голова нужна. Сильная мозговая система.

— Идём, — сказала Лёлишна, — хватит рассуждать, надо делами заниматься. Дедусь, я приду скоро. Веди себя хорошо.

— Не сомневайся, — заверил дедушка. — Всё будет в ажуре-абажуре. Я ведь отчётливо сознаю, что вы — серьёзные люди. И у вас очень серьёзные дела. Не буду вам мешать.

Читайте
о последнем выступлении Горшкова
в нашей программе!

Горшкову дали несколько дней отпуска — отдохнуть.

Чего-чего, а отдыхать он не умел. Просто понятия не имел, как это делается.

И пошёл он гулять.

Настроение у него было — поднимите большой палец правой руки — во!

Он побывал в больнице. Товарищ майор чувствовал себя хорошо и пообещал Горшкову взять его на работу в уголовный розыск.

А когда исполняется твоё самое заветное мечтание, тебе хочется, чтобы всем было хорошо, как тебе. Ты готов забыть и простить все обиды, помириться с теми, с кем был в ссоре.

И Горшков почувствовал, что ноги его сами идут к цирку, и понял, что он нисколько не сердится на шапито и артистов.

И даже на мартыша!

В таком, как говорится, радужном настроении и явился милиционер в цирк.

На арене стоял Григорий Васильевич и...

И горел!

Горел он изнутри: дышал широко раскрытым ртом, из которого вылетало яркое пламя с дымом.

Горшков прыжком через барьер и к фокуснику — помочь!

А тот как ду-у-у-у-унет пламенем!

И милиционер отскочил, чтобы не опалиться.

«Куда только пожарники смотрят?» — возмущённо подумал Горшков, садясь на скамейку.

В это время фокусник кончил гореть, выдохнул из себя остатки дыма и спросил:

— Как впечатление?

— Горите вполне естественно, — ответил Горшков. — Не понимаю, однако, к чему? Зачем? А разрешение пожарной охраны имеете?

— Имею, имею, — успокоил его Григорий Васильевич. — А почему вчера ушли с представления?

— Вызвали на задание. Теперь буду работать в уголовном розыске. Вот пришёл попрощаться.

— Жаль. Мы к вам привыкли.

— Я нельзя сказать, что привык, — проговорил Горшков немного виновато, — но верю, что и от вас иногда может быть польза.

— И за это спасибо, — весело сказал Григорий Васильевич. — А вы на нас не сердитесь, пожалуйста.

— Да уж вроде бы и не сержусь. А пришёл я к вам, гражданин фокусник, опять из-за Головёшки, то есть Вла-

дика Краснова. Обязаны вы ему помочь. Не отстану от вас ни за что. Обязаны вы людям помогать. Я так считаю! — Горшков вдруг разволновался и даже взял Григория Васильевича за руку. — Бегом бежать, чтоб помогать, надо! Вот сходите к нему домой, своими собственными глазами на жизнь его посмотрите. А как увидите его жизнь, так и не успокоитесь, пока не поможете.

— Упрямый вы человек, — с уважением сказал Григорий Васильевич. — Идёмте к вашему Головёшке.

— Когда?

— Да сейчас. Я свободен до вечера.

Надо ли говорить, как обрадовался Горшков?

Следующим номером нашей программы — Владик Краснов сам себя ранит в неравном бою

Ксения Андреевна не расплакалась, как с ней обычно бывало в радостных случаях.

Она только без конца благодарила Лёлишну, называла её доченькой.

А Лёлишна вспоминала свою маму и еле сдерживала слёзы.

Так сидели они и разговаривали.

— До чего же мне теперь хорошо, доченька, — сказала Ксения Андреевна. — А всё оттого, что мы с тобой повстречались. Теперь-то мой Владик когда из дому уйдёт бегать, переживать не буду. Смучилась ведь я с ним. Виду не показывала, а тяжело было. И не во мне дело. Я-то всё перетерплю, лишь бы он хорошим человеком вырос.

— Конечно, хорошим человеком вырастет, — сказала Лёлишна. — Можете даже и не сомневаться. А вам мы помогать будем не хуже тёти Нюры. У нас в классе есть девочки, которым дома не разрешают помогать по хозяйству. А им очень хочется домашним хозяйством заниматься. Вот они и ищут семьи, где много работы по дому. И помогают. И все довольны... Пойду посмотрю, что там Владик делает.

А Владик там — то есть на кухне — делал суп.

На мальчишке был передник, который ему подарила Лёлишна.

Рукава рубашки засучены.

А руки — в крови.

???

Во всяком бою бывают раны. А он вёл бой — с картошкой, свёклой, луком, капустой, морковью...

Видите, как много врагов?

А он один!

А его руки, которые милиционер гражданин дядя Горшков считал золотыми, оказались деревянными — ничего они не умели делать.

Только резались — словно нарочно лезли прямо под остриё ножа.

И странно было Владику всем этим заниматься. Ещё вчера был он беззаботным человеком, слонялся себе по улицам, делал что хотел (то есть ничего не делал)...

И вдруг...

Суп.

Передник.

И все руки в крови.

— Ой! — вскрикнула Лёлишна, войдя на кухню. — Эх ты, неумейка!

— Только не ругаться, — предупредил Владик, — надоело. Лучше похвали. Или молчи.

— Конечно, ты молодец. В общем. Йод у вас есть?

Вскоре Владик сидел в углу на табуретке, разглядывая свои руки, покрытые тёмно-коричневыми пятнами, а Лёлишна ловко чистила овощи.

— Ничего я не понимаю, — вдруг сказал Владик, — жил я, жил, не тужил — и вот тебе...

— В том-то и беда, что не тужил. А тебе надо тужить, обязательно надо.

— Почему?

— Сам должен понять, почему.

— Включаю мозговую систему на полную мощность, — сказал Владик. — Думаю. Но — не понимаю.

— Ещё подумай.

Владик осторожно склонил голову набок, словно прислушиваясь к тому, что в ней происходит, поморщился и сказал:

— Плохо моя мозговая система действует.

— А ты не торопись, — посоветовала Лёлишна.

Через несколько минут Владик обрадованно крикнул:

— Есть! Я единственный мужчина в семье. Это раз. Я настоящий мужчина. Это два. Значит, я должен тужить? А ты кто? А тебе надо тужить? Ты единственная

женщина в семье? Настоящая женщина, да? Здорово моя мозговая система работает, а?

— Не знаю. На вопрос ты не ответил.

— Отвечу когда-нибудь. Когда подумаю побольше. Тяжело всё это. — Владик вздохнул. — И ничего уж не поделаешь. — Он опять вздохнул, ещё громче. — Зато и в колонию не попаду. В общем, буду жить и тужить на полную мощность.

Сказал он это таким жалобным тоном, что Лёлишна чуть не рассмеялась.

— Тебе хорошо, — завистливым тоном проговорил Владик, — ты девчонка. Ты всё умеешь. Ты тужить умеешь.

Выступает Григорий Ракитин!
Он задумывает номер,
какого ещё никогда не было
ни в одном цирке мира!

Горшков шёл торжественно.

Он был абсолютно уверен, что Григорий Васильевич, увидя, как живёт Владик, близко к сердцу примет его судьбу.

И поможет.

И тогда и ему, Горшкову, станет легко и радостно.

— Я ведь Владика ровно родного сына жалею, — сказал Горшков, — просто подумать боюсь, что опять парень со шпаной свяжется.

Но не знал Горшков, что теперь он уже не один заботится о судьбе бывшего Головёшки.

Увидев нежданных гостей, Ксения Андреевна посмотрела на них испуганно.

— Ничего, ничего не случилось, — сразу успокоил её Горшков. — Вот привёл к вам на предмет знакомства гражданина артиста-фокусника. Может, он вашим Владиком подзаймётся.

— Спасибо вам, — растроганно сказала Ксения Андреевна, — только не понимаю я... Народ у нас с утра до вечера теперь. Суп вот сварили. Давно я домашнего не ела. Одежду Владику переделали. Тут вот вы пришли.

— Всё идёт правильно, — удовлетворённо произнёс Горшков. — Так и должно быть. Давно я об этом мечтал.

Григорий Васильевич сидел задумчивый, молчал, а потом вдруг спросил:

— А вы бывали в цирке, Ксения Андреевна?

— Была когда-то. А когда, уж и не помню. Владик вот недавно ходил, так рассказывал. Особенно про львов и про фокусы.

— Работать буду, телевизор купим, — сказал Владик. — Там тебе и цирк, и футбол, и кино с концертами.

— Ну, ждать, когда ты работать будешь, долго, — сказал Григорий Васильевич, — а цирк вы, Ксения Андреевна, скоро увидите.

— Ходить-то ведь я не могу.

— Организуем, — загадочно произнёс Григорий Васильевич. — Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе.

И, церемонно откланявшись, он ушёл.

И, слышно было, как, закрыв за собой дверь, засвистел весёлую песенку.

— Магомет, — задумчиво проговорил Горшков, — гора. Магомет не идёт, гора идёт. Ничего не понимаю.

— Это пословица такая, — сказала Ксения Андреевна, — я по радио слышала. Это значит: если кто-то к кому-то не идёт, так тот сам прийти должен.

— Почти понятно. Только — почему бы прямо не сказать? Всё у них, у артистов, с выкрутасами. Но — будем надеяться, что не подведут. Ни горы, ни магометы.

А Владику было и радостно, и тревожно. Почему радостно, это вы, конечно, понимаете.

А тревожно ему было оттого, что жизнь его менялась. И менялась резко. А резко менять привычную жизнь так же трудно, как на большой скорости резко сворачивать в сторону. Вдруг навернёшься?

Словно догадываясь о состоянии Владика, Горшков сказал:

— Конечно, враз-то трудно по-новому жить начинать. Но постепенно привыкнешь. Если Магомет к горе не пойдёт, она на него обвалится.

Случайно взгляд его упал на окно, и Горшков встал и начал внимательно следить за тем, что происходило во дворе.

И Владик встал рядом.

Увидели они нечто непонятное.

Григорий Васильевич разгуливал по двору, словно измеряя его шагами, останавливался, оглядывался.

— Дом, что ли, он тут строить собирается? — спросил Владик.

— Или деревья сажать? — спросил Горшков.

Но Григорий Васильевич ни дом строить, ни деревья сажать не собирался.

Он задумал номер, какого ещё никогда не было ни в одном цирке мира.

Следующий номер нашей программы называется ПЕРЕНОС!

Это был самый весёлый из всех переездов, какие я только видел в своей жизни.

А видел я их немало: и как заселялись восьмидесятиквартирные дома, и стоквартирные, и такие, в которых число квартир и сосчитать на глаз невозможно.

А однажды я видел, как заселялся сразу целый квартал.

Но переезд Лёлишны с дедушкой — это всем переездам переезд!

На помощь пришли цирковые артисты, и рабочие, и даже музыканты.

Да ещё ребят собралось видимо-невидимо.

Да Горшков явился с двумя милиционерами.

— Безобразие, феноменальное безобразие, — сказал дедушка. — Сколько людей тратят время и силы на меня и на тебя. Получается, что мы сплошные тунеядцы. Потрясающие лодыри. Что мне нести?

— Ничего, — ответила Лёлишна.

— Опять? — возмутился дедушка. — Опять ты меня считаешь законченным инвалидом?

— Тогда неси свои лекарства. Я их сложила в одну коробку. Только не урони.

— Я бы ни за что не уронил их, — раздражённо проговорил дедушка, — если бы ты не напомнила о такой возможности. А сейчас я всё время буду думать о том, чтобы не уронить их. И обязательно, видимо, уроню.

— Роняй. Купим новые. Главное — переживать не надо, — посоветовала Лёлишна.

К дверям в квартиру выстроилась длиннющая очередь желающих помочь.

На всех лестничных площадках открылись все двери, из-за которых выглядывали любопытные.

Музыканты с инструментами в руках стояли у крыльца.

Эдуард Иванович спросил:

— Все готовы?

— Все!

И он скомандовал:

— Раз-два, взяли! И — шагом марш!

Первым в дорогу двинулся шифоньер. Его несли силовые акробаты. Шифоньер для таких богатырей — всё равно что для нас с вами табурет. Они даже не почувствовали, что, кроме шифоньера, несут ещё...

Что бы вы думали?

А?

Не что, а — кого?

Да Петька спрятался в шифоньере, хотел всех напугать или рассмешить, но заснул.

Затем в дорогу двинулись кровати. Их несли воздушные гимнасты. Им такие ноши — нечего и разговаривать!

И оттоманка двинулась в путь, и письменный стол, и круглый стол, и стулья...

И когда на крыльце показался шифоньер, грянул оркестр.

Откуда ни возьмись появился сам грозный товарищ Сурков.

Рот разинул от удивления.

Ничего понять не мог.

А мальчишки сбежались чуть ли не со всего города! Лишь бы только вещей хватило — кому что нести. Тут уж поступали честно: делили поровну — кому ножик достался, кому вилка, да и чайная ложка — тоже вещь!

И всем хотелось, чтобы вещей было много-много.

Таскать бы да таскать!

Под музыку!

Да хоть целый день!

Весёлое настроение людей передалось даже мебели.

Шифоньер пританцовывал.

Письменный стол приплясывал.

Стулья как бы кружились в вальсе.

Тарелки летали по воздуху от жонглёра к жонглёру.

Сам грозный товарищ Сурков крикнул:

— Что тут происходит?

И мальчишки хором под музыку пропели:

— Лёлишну перевозим! Лёлишну перевозим! С дедушкой перевозим! С дедушкой перевозим! С пятого на первый!

И рот у грозного товарища Суркова опять раскрылся.

И не мог товарищ Сурков никак его закрыть.

И сказать ничего не мог — до того удивился. Не привык он, чтобы человеку оказывали так много внимания.

Так с незакрытым ртом и ушёл.

А переезд продолжался.

Хлоп-Хлоп сидел на плече у Эдуарда Ивановича, одной рукой держался за него, а другой помогал Лёлишне с дедушкой переезжать — нёс карандаш.

Карандаш этот доверили Хлоп-Хлопу совершенно напрасно.

Когда Эдуард Иванович спускался с пятого этажа, мартыш вёл грифелем по стене и прочертил линию до первого этажа. (В суматохе никто этого не заметил, а потом весь подъезд долго гадал: кто же из мальчишек мог так набезобразничать? И попало, конечно, Петьке, хотя он спал в шифоньере).

А раз я вспомнил о Петьке, то надо рассказать, что он там, бедный, в шифоньере, переживал.

Проснулся он оттого, что его покачивало и играла музыка.

Темнота.

Несут.

«Помер я, что ли? — испуганно подумал Петька. — А чего тогда музыка весёлая? Радуются, что ли, что одним хорошим человеком на земле меньше стало?»

И, чтобы убедиться, что он жив, Петька плюнул.

Живёхонек!

И сразу обо всём вспомнил и захихикал — пусть несут! Это ему за все его несчастья — первое в жизни удовольствие.

Когда из квартиры вынесли всё, девочки помогли Лёлишне вымыть полы.

Она вручила ключи новым хозяевам квартиры.

А они отдали ей ключи от своей квартиры.

Теперь мебель запританцовывала, заприплясывала в обратном направлении.

Снова грянул оркестр — помогали переехать и тем, с кем Лёлишна обменялась квартирой.

Правда, подниматься на пятый этаж труднее, чем спускаться, но — всё равно весело.

Когда все помогают всем — всегда весело.

С музыкой-то тем более!

И всем жильцам обоих домов захотелось сейчас обменяться квартирами.

— Это не переезд, — сказал дедушка, — а перенос.

Он был очень горд, потому что не уронил коробку с лекарствами: сам перенёс её на новую квартиру и осторожно опустил на табурет.

— Вот и с новосельем вас, — сказал Эдуард Иванович.

— И вас тоже, — ответил дедушка, — ведь вы у нас живёте. Значит, и у вас новоселье. Лёля, срочно валерьянки! Феноменально срочно! Я очень разволновался. От радости. Я не переношу, когда вижу так много доброты. Сердце не выдерживает.

— Не давать ему валерьянки! — вдруг строго приказал Эдуард Иванович. — Радостные волнения полезны любому организму.

— Да, но я привык к валерьянке, я...

— Вот именно, — тем же строгим, даже грозным тоном перебил Эдуард Иванович. — Вы привыкли. Надо отвыкать.

— Как? — упавшим голосом спросил дедушка.

— Очень просто, — ответила Лёлишна, — отвыкай — и всё. Держи себя в руках. Будь мужественным.

— Трудно это. И неинтересно. Я однажды целый день был мужественным и — очень устал. Разрешите мне хотя бы изредка тяжело что-нибудь переживать?

Эдуард Иванович с Лёлишной переглянулись, и она ответила:

— Не разрешаем.

Дедушка совсем растерялся.

Сел.

На коробку с лекарствами.

— Ну вот, — удовлетворённо сказал он, — вот вам и результат.

— Ты встань, — предложила Лёлишна.

— Мне теперь всё равно, — сказал дедушка и встал.

Лёлишна расправила смятую коробку и сказала:

— А теперь будем наводить порядок.

— Эй! — раздался из шифоньера знакомый голос. — Откройте! Задохнусь, чего доброго.

Открыли.

— Привет, — сказал Петька, — хотел вам помочь, да уснул.

Мог бы и сейчас помочь, нашлась бы работа, да разыгрался с Хлоп-Хлопом.

Сидели они друг против друга и дразнились.

Петька сам себе аплодировал.

А мартыш плевался.

Наша программа подходит к концу. Начинаем очередной номер

Лёг спать дедушка.

Привязанный цепочкой к батарее центрального отопления, спал на подстилке Хлоп-Хлоп.

В соседней комнате растянулся на ковровой дорожке Чип.

Дедушка видел во сне, что ему снова разрешили переживать с утра до вечера.

Хлоп-Хлопу снился Петька — будто они с ним соревнуются, кто дальше плюнет.

Чипу пригрезилось: бегает он по лесу, а под каждым кустом или деревом лежит или кусочек сахару или кусочек мяса.

А на кухне горел свет.

А за окном давным-давно была ночь.

На кухне сидели Эдуард Иванович и Лёлишна.

Они шептались.

Прыгала крышка на давным-давно закипевшем чайнике.

А они давным-давно шептались, склонясь головами над столом.

Заскулил Хлоп-Хлоп, ему нужно было в туалет.

А его не слышали.

Он заскулил громче.

Проснулся Чип и зарычал.

Дедушка проснулся, испугался и с головой спрятался под одеяло.

А двое на кухне ничего не слышали.

Шептались.

Чип пожалел мартыша, подошёл к нему и спросил (конечно, на зверином языке):

— Чего раскричался?

— Чего? Чего? — хныча, передразнил мартыш. — Неужели не понимаешь?

— Нет, — признался Чип.

— Я хочу, — стыдливо опустив глазки, произнёс Хлоп-Хлоп, — туда. Иди скажи им.

Чип лбом толкнул дверь в кухню, вошёл и с упрёком посмотрел на Эдуарда Ивановича.

Тот сразу всё понял, отвязал мартыша, и вскоре Хлоп-Хлоп снова спал.

И Чип спал.

А дедушка притворялся, что спит.

Когда двое на кухне снова зашептались, он тихонько вылез из-под одеяла, всунул ноги в тапочки.

И неслышно подошёл к дверям в кухню.

Но от напряжения и некоторого количества страха не мог ничего расслышать.

Сквозь стекло он видел затылок Эдуарда Ивановича и раскрасневшееся лицо внучки, но ничего не мог расслышать.

Но чувствовал, что разговор касается его.

А он ничего не слышит!

И вдруг услышал, что они замолчали.

— Входи, дедушка, — сказала Лёлишна.

— Как ты меня обнаружила? — виновато спросил он, входя.

— Очень просто, — ответила внучка, — в двери стекло, а стекло просвечивает.

— Представляю, как глупо я выглядел. — Дедушка вздохнул. — Но это из-за вас. Ваши звери, Эдуард Иванович, испугали и разбудили меня. А ваш разговор с Лёлишной растревожил меня. Прошу, вернее, требую валерьянки.

Лёлишна переглянулась с Эдуардом Ивановичем и ответила:

— Садись, дедушка. Валерьянки ты не получишь.

— Справедливое решение, — сказал Эдуард Иванович. — Выпейте лучше стакан чаю с сахаром.

— Так, так, — продолжая стоять, произнёс дедушка. Вы против меня. Вдвоём. Понятно. О чём вы шептались? Отвечайте честно.

Опять переглянувшись с Лёлишной, Эдуард Иванович сказал:

— Отвечаю честно. Я убеждал Лёлю стать моей ученицей.

Дедушка сел.

— За несколько дней я хорошо изучил её, — продолжал Эдуард Иванович, — мне нравится...

— Феноменально! — перебил дедушка. — Вы специально приехали сюда на гастроли, чтобы увезти мою внучку! Сломать мне жизнь! Один вопрос: в какую больницу вы собираетесь меня посадить, чтобы я не мешал вам? — Он вскочил. — А может быть, сделать проще? Бросить меня в клетку к вашим долгогривым? Они не будут меня долго мучить. В отличие от вас.

— Спать ты сейчас, конечно, не будешь, — сказала Лёлишна. — Тогда поговорим. Откровенно. Как взрослые люди. Милый дедушка, ты знаешь, как я тебя люблю. Люблю, — повторила она, когда он попытался что-то возразить. — И я никогда тебя не брошу. И ты это знаешь. Но...

— Не надо «но»! — взмолился дедушка. — Давай жить без этого «но»!

— Но я ещё не успела ничего сказать!

— И не надо! — радостно посоветовал дедушка. — Не надо ничего говорить. Идёмте спать... Почему вы оба молчите? Почему вы, Эдуард Иванович, молчите?

— Я собираюсь идти спать, — ответил Эдуард Иванович, — завтра у меня утренняя репетиция. А о нашем разговоре Лёля расскажет вам сама. Спокойной ночи.

И он ушёл.

— Может быть, и мы пойдём спать? — спросила Лёлишна.

— Что ты? — со вздохом отозвался дедушка. — В таком состоянии... Что ты задумала? И почему ушёл Эдуард Иванович? А! — Дедушка хлопнул себя ладонью по лбу. — Ему стыдно смотреть мне в глаза! Да?

— Пожалуйста, не стукай себя так сильно, — сказала Лёлишна, — голова заболит. Эдуард Иванович ушёл потому, что считает меня взрослой. И ещё самостоятельной. Он говорит, что я сама могу решать сложные жизненные вопросы.

— Понятно, понятно, — дедушка попытался усмехнуться. — Ты самоСТОЯТЕЛЬНАЯ, а я, выходит, самоЛЕЖАТЕЛЬНЫЙ?

— Извини, нисколько неостроумно. Тебе надо сначала успокоиться, дедушка. А потом мы с тобой поговорим.

В конце концов дедушка согласился лечь в постель. И не успел он снова начать разговор, как Лёлишна тихонько запела:

А в январе — январь,
В феврале — февраль,
В марте — тоже март,
В апреле — апрель...

И где-то в ноябре дедушка заснул.

А Лёлишна ушла на кухню, села у окна.

Уже начинало светать.

Да, Эдуард Иванович сказал, что она уже — не по годам — взрослая, самостоятельная, может решать сложные жизненные вопросы.

И предложил
ей
стать
его
ученицей.

Совмещает же Эмма учёбу и работу в цирке!

Но — дедушка. Он не может переезжать из города в город.

А в ушах Лёлишны звучал цирковой марш, стоило закрыть глаза, как она видела залитую ослепительным светом арену...

И если Лёлишна сейчас заплакала, то никто не видел.

И вот выдающийся фокус
Григория Ракитина!
ТАКОГО ЕЩЁ
НИКОГДА НИГДЕ НЕ БЫЛО!
Предпоследний номер нашей программы!

Во дворе дома, где жили Владик с Ксенией Андреевной, с утра появились незнакомые люди.

Они приехали на нескольких грузовиках и автобусах.

А в кузовах были всякие диковинные вещи: какие-то мачты, колёса, разноцветные бочки, разноцветные доски...

— Что такое? — спросила Ксения Андреевна.

— Не знаю, — сказал Владик, хотя и знал, в чём тут дело, но обещал до поры до времени ничего не рассказывать маме.

А я вам сразу объясню.

Незнакомые люди протянули через двор огромное полотнище.

На нём было написано:

СЕГОДНЯ
ЦИРК ШАПИТО
ДАЁТ В ЭТОМ ДВОРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
В ДВУХ
ОТДЕЛЕНИЯХ
ДЛЯ
КСЕНИИ АНДРЕЕВНЫ КРАСНОВОЙ
Начало в 17 часов
Приглашаются все!

Придумал это, как вы уже догадались, Григорий Васильевич. Он рассказал своим друзьям-артистам о Ксении Андреевне, и они согласились участвовать в представлении.

Сами понимаете, что народу собралось видимо-невидимо.

Сидели даже на крышах.

Заполнили все балконы.

И дело не в том, что представление было бесплатным. Дело в том, что оно было необычным.

Конечно, не все номера удалось показать. Например, никак нельзя было привезти львов. Но всё остальное — почти как в настоящем цирке, а может, ещё и интереснее.

Вместо звонка — колокол.

Бом!

Бом!

Бом!

Оркестр заиграл марш.

Вышел ведущий и сказал:

— Сегодня мы выступаем в необычной обстановке. Необычен сегодня и повод для нашего выступления. Представление мы посвящаем Ксении Андреевне Красновой, которую многие из вас, вероятно, знают. Из-за болезни она не смогла прийти к нам в цирк. Мы пришли к ней!

Тут вышли все участники программы и хором сказали:

— Салют, Ксения Андреевна!

— Ура! — закричали все зрители.

Ксения Андреевна сидела в кресле, которое вынесли на балкон.

— Итак, — сказал ведущий, — первым номером нашей программы...

И началось представление.

Почти каждый номер приходилось повторять — так здорово аплодировали зрители.

А после представления устроили танцы.

А мальчишек и девчонок катали на Аризоне.

Весело было! Всегда бы так!

И вот — ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР НАШЕЙ ПРОГРАММЫ!

Вечерами, когда Эдуард Иванович был в цирке, ребята собирались у Лёлишны. Они играли в лото и домино, в «морской бой», а больше — спорили.

То есть не спорили, а ругали Лёлишну.

— Обзываться нельзя! — негодовал Виктор. — А то бы я тебя обозвал знаешь как?

— От такого дела отказываться, — вторил Владик. — Да если бы меня он взял! Я бы от радости выше дома подпрыгнул!

— Мне вот дрессировщиком быть нельзя, — мрачно говорил Петька, — я и на арене уснуть могу. Да и самого меня ещё несколько лет дрессировать надо.

А дедушка сидел весёлый-весёлый; изредка произносил:

— Ничего, ничего, всё будет в ажуре-абажуре.

Вечером пришёл Горшков.

Сначала ребята его даже не узнали: он был в штатском.

Настроение у него было мрачное и чуть-чуть злое.

— Ерундистика получается, — сказал он, молча выпив четыре стакана чаю без сахара. — Сплошное безобразие.

— А что? — спросили ребята и дедушка.

— Феноменальный ужас, — ответил Горшков и залпом выпил пятый стакан чаю без сахара. — Стыдно сказать, но почти каждый вечер в цирк хожу. Добровольно.

— Да ну?! — поразились ребята и дедушка.

— Добровольно, почти каждый вечер, — повторил Горшков. — А вернее, каждый свободный от работы вечер. Тянет меня туда. Понял я, в чём дело. Отдыхать в цирк народ ходит. Сил набираться для завтрашнего трудового дня. Сидит зритель, смотрит на Эдуарда Ивановича и думает: силён, значит, человек! Вон львов не боится, а я хулигана позавчера испугался. Тоже вроде бы воспитательная работа получается.

— Эх вы! — с укором и сожалением бросил дедушка. — А я разлюбил цирк. Он чуть не разлучил меня с внучкой. Хорошо, что у неё высокая сознательность, а то бы... — Он махнул рукой.

— Поясните обстановку, — попросил Горшков.

И тут ребята заговорили все разом. Вот что услышал Горшков:

— Эдуард а она Иванович берёт отказывается к себе а мы в ученицы говорим да мне бы соображать ей такое

пред надо ложили радовать а она ся что отказывается надо...

— Молчать! — приказал Горшков. — Пусть она сама расскажет.

— Вы представляете... — начала Лёлишна.

— Да, да, вы представляете — цирк! Горят все огни. Оркестр играет марш, от которого трудно усидеть на месте. На арене клетка из железных прутьев. Выходит ведущий и говорит:

— Выступает с группой дрессированных львов единственная в мире девочка-укротительница Лёлишна Охлопкова!

— А она отказывается, — сказал Владик.

— Понятно, — сказал Горшков. — Тебе бы, Лёлишна, в милиции работать. Там такие люди очень нужны.

— Какие такие? — спросил Петька с завистью, но зевая.

— Такие, — гордо сказал Горшков. — Которые, как она... Вы уж меня извините, а я в цирк.

После его ухода ребята долго молчали.

— Ничего я не понимаю, — заговорил Петька. — Чего её все без конца хвалят? Девчонка она, конечно, ничего. Ну, а чего особенного-то?

— Она единственная женщина в семье, — ответил Владик, — и настоящая женщина.

— Особенного, может быть, ничего в ней и нет, — сказал Виктор, — но ей, а не мне, тебе или ему предложил Эдуард Иванович стать ученицей.

— Я, конечно, понимаю мою отрицательную роль в этой истории, — виновато сказал дедушка. — Но что поделаешь?

— Ничего, — ответила Лёлишна. — Всё равно я буду дрессировщицей. Когда-нибудь.

— И никогда не будешь на меня сердиться? — спросил дедушка.

— Никогда, — ответила Лёлишна, — можешь не беспокоиться.

Вот и всё, уважаемые читатели.

Даже у самых толстых книг бывает

КОНЕЦ.

И мы с вами добрались

до конца

«Лёлишны».

Мне осталось пожелать вам
счастливой жизни,
написать пос
леднее
слово

КОНЕЦ

и поста
вить

●

1963 г.

этокнигаотомкакшпио
нырешилиуничтожить
всехмальчишекидевчо
нокпотомучтоненавидя
тихбольшевсегонасвет
е

автор

РУКИ ВВЕРХ! ИЛИ ВРАГ №1

РОМАН

ЧУТЬ-ЧУТЬ ДЕТЕКТИВНЫЙ, ДА ЕЩЁ С НАУЧНО-МЕДИЦИНСКИМ УКЛОНОМ, ДА ЕЩЁ С ПРОЛОГОМ, НО ЗАТО БЕЗ КОНЦА; В ДЕСЯТИ ЧАСТЯХ, НАПИСАННЫХ ЛИЧНО АВТОРОМ, И ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ, КОТОРУЮ ОН ПРЕДЛАГАЕТ НАПИСАТЬ САМИМ ЧИТАТЕЛЯМ; СРЕДИ НИХ АВТОР НАДЕЕТСЯ УВИДЕТЬ МАЛЬЧИШЕК И ДЕВЧОНОК, КОТОРЫЕ ХОТЯТ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ПОВЗРОСЛЕТЬ, И ВЗРОСЛЫХ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАБЫЛИ СВОЕГО ДЕТСТВА

ПРОЛОГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

ПРОЛОГ

Шпионская организация «Тигры-выдры» терпит почти полный провал из-за третьеклассника Толика Прутикова

Краткое описание жизни и деятельности полковника Шито-Крыто и его сокровенной мечты

В Самом Центральном Отделе шпионской организации «Тигры-выдры» царила невероятнейшая паника!

Начальник отдела грозный полковник Шито-Крыто, зелёный от злобы, вот уже тринадцать с половиной минут стучал правым кулаком по столу.

Когда правый кулак заболел, полковник Шито-Крыто побагровел от дикой злобы и заработал по столу левым кулаком.

На столе лежало

ДОНЕСЕНИЕ ПЕРВОЕ

СЕГОДНЯ АГЕНТОМ МАЛЕНЬКОГО РОСТА ТИПА ШКОЛЬНИКА ЗАДЕРЖАН ЫХ-000. ПОДОЗРЕВАЮ, ЧТО ЫХ-000 ПРЕДАТЕЛЬ. ТОГДА НАМ ВСЕМ КЕЯК.

Бугемот.

— Убью! — закричал полковник Шито-Крыто и в несусветной ярости затопал ногами. — Расстреляю всех из пушки! За левую ногу к потолку подвешу!.. А что такое кеяк? — Пяткам стало больно, и он замолотил по столу кулаками, обоими сразу. — Что такое кеяк?

И тут на стол перед ним положили

ДОНЕСЕНИЕ ВТОРОЕ

БОЮСЬ, ЧТО МЫ ПОГОРЕЛИ. НАДО БЫ УБЕЖАТЬ, НО Я БЕЖАТЬ НЕ МОГУ, ТАК КАК ИМЕЮ УЖАСНОЕ РАССТРОЙСТВО ЖЕЛУДКА

НА НЕРВНОЙ ПОЧВЕ. ЫХ-000 КУДА-ТО ИСЧЕЗ. МЯУ МОЛЧИТ. А ВСЕМ НАМ КАКОЙ-ТО КЕЯК, КЕЮК ИЛИ КАЁК. ЖДУ СРОЧНЫХ УКАЗАНИЙ. ПОГИБАТЬ НЕОХОТА. ВЕДЬ Я ТАК ЕЩЁ МОЛОД.

Канареечка.

Двадцать три часа восемь минут шестнадцать секунд кричал, стучал кулаками и топал ногами, бился о стену своей огромной, без единого волоска головой начальник Самого Центрального Отдела полковник Шито-Крыто, багровея, бледнея, синея, зеленея, коричневея от дикой злобы и несусветной ярости.

Сотрудники отдела застыли в гробовом молчании...

Полковник Шито-Крыто умолк и замер лишь тогда, когда на стол перед ним положили

ДОНЕСЕНИЕ ТРЕТЬЕ

БУГЕМОТ И КАНАРЕЕЧКА АРЕСТОВАНЫ. ЫХ-000 ВЗЯТ АГЕНТОМ МАЛЕНЬКОГО РОСТА ТИПА ШКОЛЬНИКА. ВТОРЫЕ СУТКИ СИЖУ НА ДЕРЕВЕ В ПАРКЕ. ОЧЕНЬ ХОЧУ ЕСТЬ. НЕ ЗНАЮ, ЧТО И ДЕЛАТЬ. ВСЕМ НАМ КАКОЙ-ТО КЕЯК, КЕЮК ИЛИ КАЁК.

Мяу.

Полковник Шито-Крыто оцепенел. Он сидел, выпучив глаза, потеряв дыхание, и его огромная, без единого волоска голова почернела от дикой злобы и необъятного горя. И вдруг он начал стучать этой головой по столу и кричать во всю глотку:

— Какой кеяк? Какой кеюк? Какой каёк? Всех подвешу к потолку за левую ногу! Расстреляю всех из пушки! Зарежу всех! Зажарю всех! Кеяк! Кеюк! Каёк! Сафронито ту балд! (Известное шпионское ругательство.)

И в это время на стол перед ним положили

ДОНЕСЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ
САМОЕ ВАЖНОЕ

НАДОЕЛО ШПИОНИТЬ. ХВАТИТ. ПОЧТИ ДОБРОВОЛЬНО СДАЛСЯ ТРЕТЬЕКЛАССНИКУ ТОЛИКУ ПРУТИКОВУ. ВЫДАЛ Я ВСЕХ ПРИЯТЕЛЕЙ-ПРЕДАТЕЛЕЙ. ВЫДАЛ ВСЮ НАШУ ДИВЕРСИОННУЮ ГРУППУ «ФРУКТЫ-ОВОЩИ» И ОРГАНИЗАЦИЮ «ТИГРЫ-ВЫДРЫ». ЧТОБ ВСЕМ НАМ БЫЛ КАЮК. ЧТОБ ПОЛКОВНИК ШИТО-КРЫТО ЛОПНУЛ ОТ ДИКОЙ ЗЛОБЫ.

Бывший агент ЫХ-000, а сейчас честный человек по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

Но, получив это ужасное известие, полковник Шито-Крыто не лопнул от дикой злобы. Он постучал по столу кулаками, потопал по полу ногами, три раза ударился с разбегу огромной, без единого волоска головой о стену и приказал:

— Всех шпионов ко мне! Срочно!

Ровно через одиннадцать с половиной секунд все шпионы стояли навытяжку в огромном кабинете своего грозного начальника, а грозный начальник орал:

— Мы оказались в дураках! Нас предали! Проклинаю агента ЫХ-три нуля! Найду его живого или мёртвого и подвешу к потолку за левую ногу! Проклинаю третьеклассника Толика Прутикова! Уничтожу его во что бы то ни стало! Погибла вся диверсионная группа «Фрукты-овощи»! Рыдайте, шпионы! У нас необъятное горе! Рвите на себе волосы! Беда тому, кто зарыдает негромко!

И каждый шпион зарыдал во весь свой шпионский голос. И каждый шпион вырвал из своей шпионской головы хотя бы один шпионский волосок.

— А теперь в память о погибших — раз, два! — взвыли!

Шпионы взвыли с таким отчаянием, словно каждому из них грозила немедленная гибель.

Сам грозный полковник Шито-Крыто выл громче всех,

потому что был здесь самым главным, самым злобным, самым подлым, самым жестоким, самым хитрым.

— Приказываю, — сквозь зубы хрипло процедил он, — всем быть на своих местах и без моего особого распоряжения ни есть, ни пить, ни спать! Только думать! Думать так, чтобы я слышал, как скрипят у вас мозги! Учтите, что провалилась не только диверсионная группа «Фрукты-овощи», но и шпионская организация «Тигры-выдры» в целом! Это не только позор, но и ужас! Чтобы реабилитировать, то есть оправдать себя в глазах начальства и потомства, мы должны выработать план новой операции. Невиданной операции! Такой жестокой и подлой, чтобы мы сами сначала испугались своего собственного замысла! Мы должны натворить что-то такое несусветное, чего не вытворяла ни одна шпионская организация мира за всю историю всего человечества. Надо соорудить такую дичь и мерзость, чтобы люди падали в обмороки, услышав одно лишь название нашей организации. ЫХ-три нуля и Толик Прутиков будут уничтожены. Забудем о них. Никогда больше мы не увидим доблестных агентов Бугемота, Канареечку и Мяу. И тоже забудем о них. Итак, идите, садитесь и скрипите мозгами. Горе тому, за левую ногу того к потолку, скрип чьих мозгов я не услышу! Быстро по местам — вон! Стриптиро стрито! (Известное шпионское ругательство).

Шпионы быстро бросились вон по своим местам, чтобы вплоть до особого распоряжения ни есть, ни пить, ни спать, а громко скрипеть мозгами — придумывать операцию, какой не вытворяла ещё ни одна шпионская организация всего мира за всю историю всего человечества.

Громче всех скрипел мозгами сам полковник Шито-Крыто. Он думал и одновременно вспоминал свою трудную и подлую жизнь. А жизнь свою он вспоминал потому, что в ней наступал тот долгожданнейший момент, когда полковник Шито-Крыто получал реальнейшую возможность проскочить в генералы. А проскочить в генералы ему было необходимо, чтобы исполнить заветнейшую, многолетнейшую мечту всей своей жизни. Вот вам вкратце его жизнь и вот вам вкратце его мечта.

Были когда-то у грозного полковника Шито-Крыто и фамилия, и имя. Но прозвище Шито-Крыто он получил ещё в школе, и сейчас уже сам не помнил, какое же у него было имя и какая же была у него фамилия.

Ловкий, хитрый, жестокий и коварный, Шито-Крыто

научился шпионить лет с пяти. Сначала он подглядывал за младшим братом, затем он подглядывал за старшей сестрой, потом — за бабушкой и дедушкой и наконец стал подглядывать за родителями. Вся семья боялась его и ненавидела.

А тут ещё он приспособился следить за соседями. Тогда его стали бояться и ненавидеть ещё и соседи.

Поэтому, когда Шито-Крыто пошёл в школу, им был уже накоплен порядочный опыт подслушивания, подглядывания, слежки, нашёптывания и всего вроде этого. Едва научившись писать, он принялся за доносы, которые полюбил на всю жизнь.

В классе, где учился Шито-Крыто, все боялись друг друга, ябедничали, клеветали, сплетничали, писали доносы, пакостили самыми разнообразными способами, и никто не мог догадаться, кто же их довёл до жизни такой.

У Шито-Крыто всё всегда было шито-крыто!

И если через месяц-полтора после начала учебного года класс, где он учился, не распускали, то к середине учебного года приходилось расформировывать всю школу.

С тринадцати лет Шито-Крыто уже подрабатывал на службе в полиции, и его ставили в пример взрослым сыщикам.

Больше всего любил Шито-Крыто предавать. У него на это был редкий, особый талант. Вступал он, например, в шайку воров, спокойненько воровал вместе с ними, спокойненько складывал денежки в карман, очень спокойненько выдавал воров полиции, очень спокойненько получал за это денежки и, сами понимаете, совершенно спокойно складывал эти денежки в тот же карман.

Справедливости ради следует отметить, что предавал он не только из-за денег, а принципиально. Он по зову сердца работал предателем.

Со временем Шито-Крыто сообразил, что нет смысла рисковать, связываясь с преступниками, и стал предавать просто честных людей. Это оказалось легко, безопасно и очень выгодно.

Подлости Шито-Крыто поражались самые подлые подлецы. Он до того наловчился и привык выслеживать и доносить, что однажды донёс на свою родную маму.

Вот тут-то его и вызвали в шпионскую организацию «Тигры-выдры».

Начальник Самого Центрального Отдела полковник Батон сказал:

— Такого негодяя, как вы, мне ещё не приходилось видеть! — Он крепко пожал ему руку. — По-моему, вы один из самых подлых людей на всём земном шаре.

— Стараюсь, шеф, — скромно ответил Шито-Крыто.

— Предать свою родную маму! Это же замечательно!

— Это для меня ерунда, господин полковник. Просто, как говорится, под рукой никого, кроме мамаши, не было. Повторяю: предать свою родную маму — для меня пустяк. Я мечтаю предать всех матерей! Всех отцов! Всех детей! Всех людей — предать! Вот мечта моей жизни.

Полковник Батон так и сел, так и сказал:

— О'кейно! Впервые я встретился с воистину великим подлецом! Предать всех! Вот это мечта! Но — подождите! Значит, вы можете предать и меня?

— При первом удобном случае, шеф.

Полковник Батон схватился за пистолет, очень тяжело задышал, схватил пресс-папье, промокнул им на лбу очень крупные капли очень холодного пота и пробормотал:

— Вы далеко пойдёте. А как вам удалось стать таким выдающимся подлецом? — с завистью спросил он.

— Очень просто. Во-первых, немного наследственности, — начал неторопливо и с достоинством объяснять Шито-Крыто. — В своё время мой папаша, ныне царство ему небесное, проворовался. Грех небольшой, с кем не бывает, не стоило бы о такой мелочи и вспоминать. Но мой папаша заявил куда следует, что наш сосед, которого он, кстати, и обокрал, не человек, а верблюд. И соседу пришлось в шестидесяти восьми комиссиях и комитетах доказывать, что он человек, а не верблюд. Доказать ему этого не удалось, посадили его в зоопарке в клетку и прибили табличку «Новый тип верблюда». А папаша на ворованные, так сказать верблюжьи, деньги купил автомобиль. Этот случай произвёл на меня неизгладимое впечатление.

— Продолжайте! Продолжайте! — в большом волнении заторопил полковник Батон.

— Во-вторых, я сам с четырёх лет понял, — всё так же неторопливо, с достоинством и скромно продолжал Шито-Крыто, — понял, что украсть вообще легче, чем заработать честно. С пятилетнего возраста, подсматривая за взрослыми, я сам понял, что говорить правду иногда очень опасно, зато ври — сколько душе угодно. В шесть с поло-

виной лет мне стало абсолютно ясно, что самое приятное, самое безопасное и самое выгодное на свете дело — подводить честных людей. Причём чем честнее человек, тем приятнее, выгоднее и безопаснее его подводить. А с десяти лет я начал читать газеты и не отрывался от телевизора. Немного надо было ума, чтобы понять: в нашем, так называемом западном, мире одна верная, прямая дорога — в подлецы. Что я и сделал.

— Я в принципе с вами согласен, — глубокомысленно проговорил полковник Батон. — У вас недюжинный ум, большое знание, я бы сказал, глубочайшее знание человеческой психологии. У вас блестящее будущее. Но вы избрали слишком трудный путь. А почему бы вам не стать бандитом высокой квалификации, крупным политическим деятелем или просто оборотистым дельцом?

— Для меня всё это мелко, — Шито-Крыто брезгливо поморщился. — Что может сделать бандит? Ну, убить несколько человек, ограбить несколько банков. И всё. Политика — дело тёмное, скользкое, нудное. А быть просто оборотистым дельцом для меня просто неинтересно. Зато сердце сжимается от счастья и гордости, когда я вспоминаю о своей великой мечте — предать всех. Ради этого стоит жить и работать.

— Но как вы это осуществите?

— Пока не знаю, шеф. Но ведь я почти не сплю, очень мало времени трачу на принятие пищи. Я не переставая думаю, размышляю, рассчитываю, прикидываю, взвешиваю, изучаю, сравниваю, делаю выводы... И когда-нибудь обязательно найду способ, при помощи которого мне удастся предать всех матерей, всех отцов, всех детей, всех людей — предать!

— Зачисляю вас в штат доблестной организации «Тигры-выдры», — сказал полковник Батон. — Здесь у вас будут почти все условия, чтобы постараться осуществить свою великую мечту.

Вскоре Шито-Крыто стал одним из ведущих агентов «Тигров-выдров». Ему поручали самые опасные и самые подлые задания. Соперничать с ним мог только агент ЫХ-000, известнейший шпион Фонди-Монди-Дунди-Пэк. Надо ли говорить о том, что они были закадычными врагами?

Но если ЫХ-000 был просто шпионом, то Шито-Крыто ещё и при каждом удобном случае продвигался вверх по служебной лестнице, дослужился до звания полковника,

стал начальником Самого Центрального Отдела и командовал Фонди-Монди-Дунди-Пэком.

И вот закадычный враг, опытнейший шпион ЫХ-000 незадолго до выхода в отставку вдруг предал родную шпионскую организацию.

...Полковник Шито-Крыто перестал скрипеть мозгами, перестал вспоминать свою жизнь и заскрипел зубами. Ничего, ничего, он отомстит и ЫХ-000, и Толику Прутикову! Он сполна отомстит им за гибель диверсионной группы «Фрукты-овощи»! Кока-кука! (Очень распространённое шпионское ругательство.)

Он прислушался к доносящемуся со всех сторон скрипу мозгов и зло рявкнул: в скрипе шпионских мозгов явственно слышался скрип стула! Кто же это пытается обмануть начальника Самого Центрального Отдела? Кому это лень скрипеть мозгами, и он скрипит стулом?! Лайермайер! (Мало распространённое шпионское ругательство.) Узнаем, узнаем!

Главное, что наступает, наступает тот долгожданнейший момент, когда полковник Шито-Крыто может очень даже и ловко проскочить в генералы, столкнуть с пути ленивого генерала Батона и вплотную приступить к осуществлению мечты всей своей жизни.

Он радостно крякнул, топнул левой ногой, ударил правой рукой по столу, вызвал к себе шпионов и ехидно спросил:

— Ну, что интересного придумали ваши умные головы?

Ничего интересного, а тем более умного, шпионские головы не придумали.

— Иного я от вас и не ожидал, — удовлетворённо сказал полковник Шито-Крыто. — А кто из вас, голубчиков, вместо мозгов скрипел стулом?

— Я, шеф, — признался офицер Лахит. — Как я мог позволить себе соревноваться моим мозгам с вашими?! Вы же умнее меня — я недавно подсчитал — в шестнадцать тысяч раз!

Полковник Шито-Крыто довольно хмыкнул, почти хрюкнул, и сказал:

— Ты неглуп, хитёр и нагл. Скоро вы, безобразники вы этакие, узнаете о том, что придумала моя огромная,

без единого волоска голова. Вы вздрогнете от страха и удовольствия! А теперь вон — отдыхать!

Ни разу не видели шпионы своего грозного начальника таким весёлым и добрым. К чему бы? Почему бы? Отчего бы? Операция «Фрукты-овощи» провалилась, его за милую душу могут выставить на все четыре стороны, а у него прекрасное настроение!

«Поживём — увидим», — решили шпионы и отправились вон — отдыхать.

А полковник Шито-Крыто сел и стал думать,
размышлять, рассчитывать, прикидывать,
взвешивать, изучать,
сравнивать,
делать
выво
ды...

КОНЕЦ ПРОЛОГА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
под названием
«У КАЖДОГО СВОЯ ПЕЧАЛЬ, У КАЖДОГО СВОЯ МЕЧТА»

Глава № 1
Ночные крики Толика Прутикова и их причина

Была у Толика Прутикова мечта. Эх, какая это была мечта! Пальчики оближешь! Волосы дыбом встанут! Мороз по коже! Вот какая мечта! Не то что у некоторых!

Проснётся ночью Толик, весь трясётся от радости, кричит на всю квартиру:

— Поймал, поймал! Честное слово, поймал!

— Ну и хорошо, — сквозь сон отвечает бабушка Александра Петровна. — Ну и молодец. Раз поймал, значит, можно дальше баиньки.

А Толик сидит на кровати, весь трясётся и ничегошеньки не соображает. Сидит Толик, сидит, трясётся Толик, трясётся и понемножку начинает соображать.

Соображает он, соображает, да и баиньки, сначала сидя баиньки, а потом — лежа.

Пройдёт какое-то время — и снова на всю квартиру радостные вопли:

— Поймал! Поймал! Честное слово, опять поймал!

И опять сквозь сон бабушка Александра Петровна говорит:

— Ну и хорошо. Ну и молодец. Раз поймал, значит, можно дальше баиньки.

А Толик сидит на кровати, весь трясётся от радости и ничегошеньки не соображает. Такое у него впечатление, что будто бы он крепко-накрепко спал, а кто-то вдруг заорал на всю квартиру, и он от этого крика проснулся.

Сидит Толик, сидит, трясётся Толик, трясётся и по-

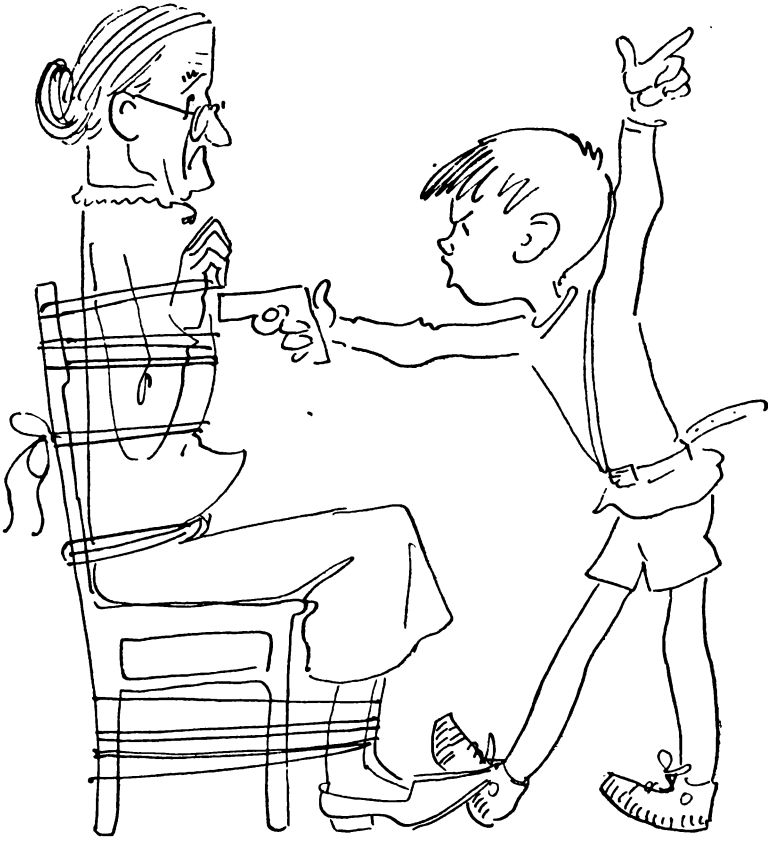
немножку начинает соображать. Начинает он понимать, что кричал это он сам. И лишь поймёт, сразу уснёт — сначала сидя, а потом — лежа.

И вот так каждую ночь по нескольку раз. Бабушка всё это терпела, как бабушке и положено. А родители не выдержали и однажды ночью вызвали «скорую помощь».

Врач по фамилии Аборкин выслушал рассказ о странном поведении Толика с видимым состраданием, скорбно покачал головой и проговорил горестно:

— К сожалению, в данном случае медицина бессильна. Нет у нас ещё аппарата для промывания мозгов.

— А обязательно это надо? — обеспокоенно и недо-



верчиво спросила бабушка Александра Петровна. — Может, укол какой сделать или ещё лучше — порошочек бы или таблеточку...

— Не реагируют они на лекарства, — ответил врач Аборкин, — не реагируют, когда в шпионов играют. В это время они невменяемы, то есть совершенно ничего не соображают. Наблюдаются даже нарушения психики.

— Почему же медицина вплотную не займётся этим важным вопросом? — недоумённо спросил папа Юрий Анатольевич. — Если требуется промывание мозгов, значит, они не в порядке? Значит, их надо лечить немедленно! И мозги, и детей!

— Мозги-то у них, может, и в порядке, — всё так же горестно ответил врач Аборкин. — Но они, как и у вашего сына, за-би-ты.

— Чем за-би-ты? — возмущённо и испуганно спросила бабушка.

— Ерундой. Шпионами. Вы даже представить себе не можете, до чего ребёнка этот самый шпионизм довести может... Вот послушайте. — И врач Аборкин рассказал в высшей степени поучительную и грустную историю, которая излагается ниже.

Глава № 2

Разительные метаморфозы (превращения) ребёнка-эталона Власа Аборкина и известного двоечника Петра Пузырькова

— Есть у меня сын Влас. Тоже третьеклассник. Ребёнок был чудо. Образно выражаясь, эталон ребёнка, образец или, коротко, ребёнок-эталон. Учился только на пятёрки. Собирал металлолом, макулатуру. Развивал мускулатуру, то есть занимался спортом. Помогал маме и бабушке по домашнему хозяйству, предварительно выполнив домашние задания. Мыл посуду, полы. Сам себе гладил рубашки и с особенным удовольствием — брюки. Любил я любоваться своим ребёнком.

Приду в школу на родительское собрание, сижу и слушаю следующее:

«Ах, какой у вас замечательный Влас!»

Или:

«Ах, какой у нас показательный Влас!»

Иногда утверждалось и такое:

«Ах, если бы все дети у нас были, как Влас!»

Но однажды на одном из собраний встаёт без разрешения и приглашения один товарищ родитель, отец известного двоечника Петра Пузырькова, и говорит:

— Я лично в вашего Власа не верю, не верил и верить не собираюсь. Таких детей не бывает и быть не может. Получается, что ваш Влас лучше всех наших детей?

Тут встал я и тоже заговорил:

— Как же так — нашего Власа быть не может? Он уже есть. Он ест, спит, живёт, одним словом, существует. Учится только на пятёрки. Собирает металлолом, макулатуру, развивает мускулатуру. Помогает маме и бабушке...

— Это мы слышали! — перебивает моё выступление гражданин родитель, отец известного двоечника Петра Пузырькова. — Это мы слышали одну тысячу раз, какой у вас замечательный Влас. Но мы вам не верим.

— Хорошо, — говорю я, хотя в этот момент мне было очень плохо. — Мне вы не верите. А учительнице? Нашей глубокоуважаемой Зинаиде Петровне? Тоже не верите?

И этот гражданин родитель ответил:

— Тоже не верю. Даже очень.

Тут была вынуждена заговорить учительница, наша глубокоуважаемая Зинаида Петровна. Заговорила она следующим образом:

— Гражданин родитель Пузырьков, если ваш сын растёт ленивым тунеядцем, то это никак не даёт вам морального права полагать — даже в порядке теоретического предположения, — что дети других родителей — хотя бы тоже в порядке теоретического предположения — не могут расти замечательными. Правда, — подчёркиваю, — такое бывает крайне редко, в исключительных случаях, но — бывает! Великолепный пример у нас — Аборкин Влас. Обратите внимание на вот этот плакат, так любовно выполненный первоклассниками.

И все посмотрели
на огромный красочный плакат,
висевший под портретом Власа:

ВЛАС АБОРКИН

гордость нашей школы

Он самый круглый отличник!

Влас у нас вот такой:

а) трудолюбивый
б) вежливый
в) дисциплинированный
г) всегда опрятный
д) уважающий старших
е) не обижающий младших
ж) уступающий место пожилым

В трамвае автобусе троллейбусе

Возьмём пример с Власа!

БУДЕМ ГОРДОСТЬЮ ШКОЛЫ И КЛАССА!

Зинаида Петровна вслух и с выражением прочитала текст плаката, а отец Петра Пузырькова не постеснялся стукнуть, извините, кулаком по ученической парте и крикнул:

— Не верю! И плакату не верю! Сочинили вы Власа! Придумали! Из головы выдумали! Очки вы своим Власом втираете! Людей вы своим Власом пугаете!

Наступила тишина, такая тишина наступила, что слышно было, как текли слёзы обиды и возмущения по щекам нашей глубокоуважаемой учительницы Зинаиды Петровны.

А мы, родители, все, кроме отца Петра Пузырькова, сидели неподвижно, скорбно опустив головы, в которых было много тяжёлых мыслей.

— Вы просто завидуете мне, — вынужден был я сказать правду прямо в глаза этому родителю известного двоечника. — Но теперь всем, по крайней мере, стало ясно, почему у вас растёт такой сын.

— Какой это такой?

— Ленивый тунеядец.

— Соласен. С этим мы боремся. По мере сил, конеч-

но. Но предупреждаю от всей моей души: подведёт вас Влас. Опозорит. Скандал устроит. Осрамит вас Влас показательный.

Тут зашумели все родители, да так шумно зашумели, как будто бы всем школьникам объявили, что все каникулы навсегда отменены.

Мы гневно спросили гражданина отца Петра Пузырькова:

— На каком таком основании вы обидели учительницу наших детей, нашу глубокоуважаемую Зинаиду Петровну? Раз. На каком таком основании вы не просто обидели, а даже оскорбили Власа и его родителей? Два. Как вы смеете не верить плакату, одному из средств наглядной агитации? Три. И четвёртое: что вы конкретно намерены предпринять, чтобы из вашего ленивого тунеядца-двоечника сделать хотя бы нормального троечника?

Родитель долго молчал, видимо, думал и ответил:

— Троечника мы из него когда-нибудь соорудим. Мы на него рационом кормления воздействуем. Он у нас без солёных огурцов жить не может. Так вот, даю собранию слово, что Пётр ни одного солёного огурца не получит, пока в нормального, как тут правильно заметили, троечника не превратится. Перед вами и глубокоуважаемой Зинаидой Петровной я извиняюсь, если требуется. С плакатом я оплошку дал. Плакат — дело серьёзное, а я как-то не подумал. Теперь опять о Власе. От всей моей души сочувствую его несчастным родителям и даже родственникам. Как они, бедные, не могут понять, что не способен ребёнок длительное время быть замечательным? Сил у него на это не хватит. Надорвётся. Здоровье не позволит. Нервы сдадут. Вот увидите! Ведь растет у них не ребёнок, а попка. То есть попугай. Или мартышка. Делает только то, что ему взрослые и плакаты советуют. А где же самостоятельность? Инициативность где, в конце концов? Вот мой Пётр вчера что отчебучил? Компот вилкой ел! Надо же было самостоятельно до такого додуматься! Всей семьёй хохотали. А вашему Власу скоро надоест попкой быть или мартышкой жить. Попадёт он обязательно под дурное влияние. И не узнаете вы своего Власа. Станет он хуже моего лоботряса.

— И, представьте себе, товарищи Прутиковы, — взволнованно продолжал врач Аборкин, — именно так и случилось. Произошла с Власом метаморфоза, то есть превращение. Увлёкся он этим самым шпионизмом. Вместо шко-

лы — кино про шпионов. Вместо домашних заданий — книжки про шпионов. Вместо сбора металлолома, макулатуры и развития мускулатуры — сплошное бегание с выпученными глазами. Рычит. Разговаривает на непонятных языках. И совершенно невозможно определить: то ли он кого-то ловит, то ли его кто-то ловит. Среди ночи, как ваш, вскакивает — и на бабушку с пистолетом. Правда, с деревянным.

Пётр же Пузырьков за это время тоже пережил метаморфозу: в троечники выдвинулся. А мой в двоечники скатился. Это Влас-то! Кошмар плюс скандал с ужасом!

Явлюсь в школу на родительское собрание, сижу и слушаю следующее:

«Ах, какой у вас отвратительный Влас!»

Или:

«Ах, какой у нас отрицательный Влас!»

Иногда утверждалось и такое:

«Ах, как хорошо, что дети у нас не такие, как Влас!»

Плакат и портрет со стены сняли и на склад сдали.

Увы, всё это было лишь началом!

Однажды Влас связал бабушку. Да, да, свою родную бабушку, мою тёщу Валентину Ивановну, привязал бельевой верёвкой к стулу, ходил вокруг и спрашивал:

— Какое получили задание? Квадрат приземления? Явки? Быстро!

Я стою в дверях, от изумления и внутреннего негодования шевельнуться не могу, а бабушка отвечает:

— Задание я получила такое. Как приземлюсь в квадрате, так кормить тебя перестану.

А Влас размахивает пистолетом и несёт уж совсем что-то несусветное:

— Поймите, запираться не имеет никакого смысла. Мы только зря потратим время. Вы же опытная разведчица и должны понимать, что нечего играть с нами в прятки. Ведь мы же встречались с вами в Париже осенью...

— Вла-а-а-ас! — испуганно позвал я. — Опомнись! Это же твоя родная бабушка, мать твоей родной мамы! Какой Париж? Она же дальше Голованово никогда никуда не ездила!

— Руки вверх! — крикнул он мне, родному отцу. — Ни с места! Одно движение — и пуля в лоб! Я стреляю без промаха и без предупреждения!

Поднял я руки вверх, в одной — тяжёлый портфель.

— Эх, по телевизору бы нас показать! — воскликнула бабушка. — Чтоб увидели люди, что в нашей дружной семье творится!

— Молчать! — прямо-таки заорал Влас на неё. — Учтите, что я даю вам семь минут на размышление! Дальше пеняйте на себя!

— Развяжи бабушку, — попросил я.

— Кругом! — прямо-таки заорал и на меня сын. — К стене! Стреляю без промаха и без предупреждения!

— Да он сумасшедший, — сказала бабушка, — связал бы ты его, а меня развязал. Я смирная. Да и мясо в духовке вот-вот сгорит.

«Если он сумасшедший, — подумал я, — то мне нужно вести себя предельно разумно. А если он не сумасшедший, надо его наказать и — строго. Может быть, и выпороть. Я, конечно, понимаю, что детей в принципе бить нельзя. И то место у Власа, по которому придётся бить, к нему, этому месту, ещё не прикасалась рука человека. Рука-то, правда, прикасалась, но не била, а шлёпала. Теперь же надо, по крайней мере, пороть... Надо ли?»

— Я скажу всё, — сказал я. — В Париже осенью вы встречались со мной, только я был переодет женщиной. Дайте мне стакан воды. Я очень устал, пока приземлялся в квадрат.

Хитрость моя удалась. Влас приказал мне не двигаться, ушёл на кухню, а я спрятался за дверью, извините, с ремнём в руке. Рука у меня немного дрожала.

Как врач я хорошо знаю, что самые горькие лекарства часто бывают и наиболее действенными. И когда Влас вернулся в комнату, я немедленно приступил к наказанию его.

Я проводил это сложное для меня и неприятное для обоих мероприятие без всякого энтузиазма и с трудом гасил в себе жалость.

Но бабушка Валентина Ивановна удовлетворённо приговаривала:

— Так ему! Пусть мясо в духовке горит! Так его! Пусть мясо в духовке сгорит! Так ему! Так его!

— Ни слова не скажу! Ни слова не скажу! — исступлённо повторял Влас. — Никого не выдам! Никого не выдам!

Опытом по применению ремня в целях воспитания я не обладал, поэтому Влас держался мужественно, а я вскоре выбился из сил. Тем более, что шляпа налезла

мне на глаза, и я вообще не уверен, попадал ли ремнём по сыну.

Внезапно мне подумалось, что я нахожусь в глупейшем положении: ведь получалось, что и я сам играю в шпионов!

— Ни слова не скажу! — кричит Влас. — Никого не выдам!

Значит, он не воспринимает наказание в его прямом значении!

Хорошо ещё, что я сумел быстро развязать бабушку.

— Отныне, — сказал я присмиревшему Власу, — за каждую шпионскую выходку получишь.

— Да ещё как, — добавила бабушка.

Не убеждён, что я поступил педагогично, но Влас некоторое время явно старался вернуться от шпионской жизни к нормальной. Однако длилось это недолго.

Снова по ночам он начал вопить:

— Руки вверх! Руки вверх!

Пришлось повторить процедуру применения ремня с целью воспитания. Влас вёл себя мужественно, даже с оттенком некоторого презрения ко мне.

— Больше не будешь? — неуверенно спросил я. — Вспомни, какой ты был замечательный ребёнок. Эталон ребёнка. Тобой гордилась вся школа. Мне завидовал отец Петра Пузырькова. Теперь же я вынужден завидовать ему.

— Хочу быть разведчиком, — твёрдо шептал Влас, — или шпионов ловить.

— Лови себе на здоровье, — согласилась бабушка. — Только зачем меня-то связывать? Бабушки-то, слава богу, шпионами не бывают. И отец родной шпионом быть не может.

— Хочу быть разведчиком, — уже громко и отчаянно проговорил Влас, — или шпионов ловить.

— Да хоть водолазом, хоть парикмахером. Хоть репой на базаре торгуй. Только с ума не сходи.

— Хочу быть разведчиком, — в третий раз сказал Влас, — или шпионов ловить.

И по ночам опять крики:

— Руки вверх! Ни с места! Руки вверх!

Было совершенно очевидно, что применение ремня с с целью воспитания не даёт результатов.

Так мы и живём. Иногда Влас ненадолго возвращается к нормальной жизни. Один раз он сдал металлолом,

два раза — макулатуру. В конце учебного года едва не догнал по успеваемости бывшего известного двоечника, а ныне никому не известного троечника Петра Пузырькова. А потом опять отстал. И сейчас мечтаем, чтобы Влас учился хотя бы на двойки. Как-никак, всё-таки отметка. Власу же даже единиц в конце учебного года не ставили. Сам он уже портфель не открывал, да и в школу-то иногда заходил только потому, что лень было пройти дальше. Дойдёт случайно до школы, ну и зайдёт. Подумайте над всем этим.

Глава № 3
И всё бы закончилось благополучно, если бы...

Когда врач Аборкин закончил свой, как он полагал, поучительный рассказ, Толик проговорил:

— Я тоже шпионов ловлю.

— Так ведь не хватит на всех вас шпионов-то! — воскликнула бабушка Александра Петровна. — В кино их всё время ловят, по телевизору за ними гоняются, в книжках тоже. Сколько людей за ними и без тебя бегает.

— Сам хочу ловить! — тихо выкрикнул Толик. — Своими собственными руками!

— А своими собственными мозгами ты можешь сообразить, что ничего глупее нельзя придумать? — очень гневно спросил врач Аборкин и мрачно заключил: — Советую вам показать мальчика психоневропатологу.

— Это ещё зачем? — ужаснулась бабушка Александра Петровна. — Ведь не псих он ещё у нас. Своего Власа небось за психа не считаете?

— Мой Влас уже был под наблюдением психоневропатолога, — скорбно отозвался врач Аборкин. — И вам я советую обратиться в клинику. Ничего страшного. Вам просто подскажут, какие надо принимать меры, чтобы...

— Никаких мер принимать не надо! — рассердилась бабушка. — Я своего Толика в обиду не дам! Не такая уж и страшная игра в шпионы-то. Футбол куда страшнее. Про хоккей и говорить нечего.

— Мама, — с упрёком обратился к ней Юрий Анатольевич. — Сколько раз мы договаривались не обсуж-

дать вопросы воспитания ребёнка в присутствии самого ребёнка!

— Известное дело — бабушки, — сокрушённо заметил врач Аборкин. — Большинство из них не только тормозит, но даже извращает сам смысл процесса воспитания... Я настойчиво советую вам обратиться за консультацией к крупнейшему в нашем городе специалисту по детским нервным и психическим расстройствам Моисею Григорьевичу Азбарагузу. Всего хорошего.

После ухода врача Аборкина все долго молчали.

— А я всё равно поймаю шпиона! — сказал Толик. — Вот увидите! Героем Советского Союза буду! Вот увидите! А может, и двух шпионов задержу! А может, трёх! Четырёх! Пятерых!

— Пятерых и хватит, — ласково остановила бабушка. — Надо, чтобы и другим ребятам кое-что осталось.

— Объясни мне, пожалуйста, — почти грозно заговорил папа, — ты ведь не очень глупый мальчик, вернее, очень неглупый. Ну как это ты сможешь поймать шпиона? Они что, по улицам гуляют? Хорошо, предположим, ты встретишь шпиона. Каким образом ты узнаешь, что это шпион? Далее. Ведь он наверняка взрослый человек. Специально обученный. Вооружённый. Тут как минимум нужна собака. Тоже специально обученная.

— А сколько раз он просил у вас собаку купить? — торжествующе спросила бабушка. — Была бы собака, может, он и шпиона давно словил и успокоился бы, и по ночам не орал бы. Вот и надо сперва ребёнку собаку купить, а потом уж ребёнка к психам тащить.

— Это я с ума сойду... — прошептала мама, которая до сих пор молчала. — Это меня к психоневропатологу придётся вести, а может быть и везти. Как можно с серьёзным видом говорить о чудовищных глупостях? Какая собака? Зачем собака? Кого ловить? Зачем ловить? Когда ловить? Где ловить? Я вам сто раз говорила: у меня нет возможности воспитывать своего собственного сына. Я учительница. У меня в классе таких тридцать с лишним, и к каждому надо найти свой подход.

— Бабушка! Мамочка! Папа! — Толик несколько раз хныкнул, намереваясь громко и долго поплакать, чтобы разжалобить родителей, но хнык в плач не превратился, и мальчик тогда проговорил уже твёрдо: — Никто не имеет права запретить человеку быть бдительным! Служебная собака — не забава, а друг и помощник человека,

который хочет поймать шпиона. Ну как вы не понимаете, что если я поймаю вражеского агента, то сразу перестану кричать по ночам?

— Умница ты моя золотая! — нежно прошептала бабушка. — Достанем мы с тобой собаку, не беспокойся. Супом её густым кормить будем. Всё равно супы у нас часто прокисают. Спать она будет на кухне под столом. Всё получается замечательно! Усь шпиона!

— Как хотите... как хотите... — бормотала мама. — Но я не вынесу... не выдержу... Собака под столом!.. Ужас! А если она окажется бешеной?

— Всем уколы сделают, — объяснил Толик. — Штук по двадцать. И ничего страшного.

— Разговор окончен, — очень грозно сказал папа. — Отныне никаких собак и никаких шпионов. Тем более — уколов. С завтрашнего дня начинаю тебя перевоспитывать.

До самого рассвета не мог Толик заснуть! Подумайте-ка внимательнее, войдите-ка в его положение! Была у человека мечта. Эх, какая это была мечта! Пальчики оближешь! Волосы дыбом встанут! Мороз по коже! Не то что у некоторых!

А его за эту мечту, извините, может быть, в психи запишут...

Толик вздохнул так тяжело, что из груди его вырвался стон, а на глаза навернулись слёзы обиды. Проглотив, как говорится, эти слёзы, он с горя чуть не залаял: до того ему захотелось сейчас же, немедленно погладить свою служебную собаку, скомандовать ей: «Ищи!» — и отправиться на задание — ловить шпионов. Но Толик, конечно, не залаял, а лишь вздохнул несколько раз.

— Чего не спишь? — сквозь сон спросила бабушка, услышав, как тяжко вздыхает внук. — Давай уедем в деревню к моей сестре, лови там шпионов сколько хочешь. Никто тебе мешать не будет. Вволю наиграешься.

— Не понимаете вы меня! — жалобно прошептал Толик. — Да не играть я хочу, а по-настоящему я хочу шпионов ловить! Я Родине пользу хочу принести! Настоящего агента иностранной разведки хочу задержать! Врага! Шпиона империалистической державы!

— Это я понимаю, — с большим уважением проговорила бабушка. — Только не знаю, чем бы тебе помочь. Ты, главное, пока хорошо учись. Макулатуру эту самую сдавай с металлоломом. Мускулатуру эту самую развивай.

А в свободное время по сторонам смотри. Авось и попадётся тебе шпион какой-нибудь.

«Да, положение, — с тоской подумал Толик, — никто меня не понимает... И ведь что обидно! Вот сейчас, в этот самый момент, где-то недалеко, совсем, может быть, рядом, спокойненько действует шпион. А мне даже из дому выйти нельзя!»

Толик уснул в тот самый момент, когда зазвенел будильник, и, конечно, не слышал, как в комнату вошли родители, как они его, бедного, бранили и как бабушка его, любимого, защищала.

И всё бы ещё закончилось благополучно, если бы в это самое время Толик не закричал на всю квартиру невероятно истошным голосом:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения и без промаха!

— Прекрасно, — сквозь зубы сказал папа. — К психоневропатологу сегодня же, без предупреждения, негодник!

Глава № 4
Страдания пожилого агента ЫХ-000

И ещё одному человеку в этом же городе в это же самое время было тоже очень тяжело.

Опытнейший агент шпионской организации «Тигры-выдры» по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк, зашифрованный под индексом ЫХ-000, вот уже семнадцатые сутки дрожал от страха.

Откуда пришёл этот страх, пожилой шпион не знал.

Ни разу в жизни никого и ничего он не боялся. Его десятки раз сбрасывали кромешной ночью на парашюте, шесть раз в море — с аквалангом; из него, из Фонди-Монди-Дунди-Пэка, врачи извлекли двадцать три пули и одиннадцать осколков; тридцать четыре раза он был в смертельной и сорок два раза в почти смертельной опасности; за ним сотни раз гнались

пешком,
бегом,
ползком,
на лошадях,
автомобилях,

МОТОЦИКЛАХ,
ВЕРТОЛЁТАХ,
самолётах,
подводных лодках...

На его лице врач Супостат, заведующий кабинетом «Ухо, глаз, нос и вся физиономия в целом», проделал одиннадцать пластических операций, и никто не знал, какое же в самом деле было настоящее лицо у ЫХ-000!

И, пережив все эти ужасы, Фонди-Монди-Дунди-Пэк понятия не имел, что такое страх.

А вот теперь, когда он выполнял последнее в своей жизни задание, после чего мог уйти в отставку с очень приличной пенсией, ЫХ-000 почему-то начал дрожать. Начал стучать от страха зубами. Один раз дрожал и стучал зубами так сильно, что выбил себе два передних зуба — верхний и нижний. И не зубов ему жалко было, а самого себя и всей своей жизни.

Он — майор, грудь в орденах и медалях, заслуженный шпион, уважаемый человек... Но кем — уважаемый? Своими же приятелями-предателями. А кто ещё уважать его может? И за что?

Раньше это Фонди-Монди-Дунди-Пэка нисколько не интересовало. Он рассуждал примерно так: уйду в отставку, куплю себе двухэтажный домик на берегу озера, куплю автомобиль и моторную яхту под названием «ЫХ-000» и буду жить-поживать, телевизор смотреть; в огромном холодильнике всегда вдоволь мороженого всех сортов и сколько угодно фруктовки...

Сейчас же он мечтал лишь об одном: освободиться бы от страха! Но страх одолел до того, что ЫХ-000 сообщил в Самый Центральный Отдел «Тигров-выдров» о том, что он будто бы очень серьёзно заболел, и просил отложить выполнение операции «Фрукты-овощи».

Его начальник и закадычный враг полковник Шито-Крыто приказал ему немедленно выздороветь и вскорости ждать прибытия трёх агентов по кличкам Бугемот, Канареечка и Мяу. Ни одного из этих типов ЫХ-000 и в глаза не видел: наверное, новенькие. Но при одной мысли, что они вот-вот заявятся, Фонди-Монди-Дунди-Пэка начинало мелко и сильно трясти от страха, а зубы начинали выбивать противную дрожь. Унять её не было никакой возможности.

Всё чаще и чаще в седую голову ЫХ-000 стала приходить сладкая мысль — сдаться! А что? Закрыли бы его в камере, и он бы спокойно поспал. Он подходил к зеркалу, поднимал руки вверх и шептал:

— Сдаюсь. Устал. Сил моих больше нету. Дрожу от страха почти круглые сутки. Зубами стучу. Два передних зуба уже вылетели: один верхний, другой нижний. Руки трясутся. Поджилки дрожат. Надоело шпионить. А полковник Шито-Крыто очень плохой тип. Не пожалел старого специалиста.

Несколько дней ЫХ-000 не выходил на улицу, забросив все шпионские дела. Страх не уменьшался, а, наоборот, усиливался, и не только с каждым днём, но и с каждым часом. Уже дёргалась шея, а вместе с ней и голова.

А мальчишки во дворе с утра до вечера играли в шпионов (дурацкая игра, с точки зрения пожилого агента!) и кричали:

— Руки вверх! Руки вверх!

И при каждом таком крике ЫХ-000 подпрыгивал на месте, и его трясущиеся руки как бы сами тянулись вверх, а дёргающаяся вместе с шеей голова втягивалась в дрожащие плечи.

Совсем худо стало Фонди-Монди-Дунди-Пэку, когда он застрадал бессонницей, которой раньше не знал. И ночью ему отныне было ещё страшнее, чем днём.

Вот как-то, именно ночью, он подумал: а ведь страшно ему было всю жизнь, но тогда он умел отгонять страх или делать вид, что будто бы не замечает его. Сейчас же страх, а может быть и ужас, овладел всем существом Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Стуча зубами, с трясущимися руками и поджилками (да ещё шея вместе с головой дёргалась), он сидел в комнате, не зажигая света, положив на стол перед собой оружие, и вздрагивал от любого звука.

Он хорошо представлял, что сейчас творится в Самом Центральном Отделе «Тигров-выдров»! Агенты Бугемот, Канареечка и Мяу, конечно, уже доложили, что ЫХ-000 не выходит на связь. Ведь он ни разу не был на условленном месте в городском сквере, а за последние дни не включал рацию...

Ночами он вспоминал свою жизнь, и чем больше вспоминал, тем хуже ему было. Главное, он не видел выхода из создавшегося положения. Ну, хорошо, предположим, он каким-то чудом выкрутится из этой истории, может

быть, и задание даже выполнит... А дальше? Уйдёт он в отставку, купит двухэтажный домик на берегу озера, купит автомобиль и моторную яхту под названием «ЫХ-000», будет жить-поживать, телевизор смотреть; в холодильнике мороженое всех сортов, фруктовки вдоволь... Неужели только ради этого он всю жизнь рисковал своей жизнью?!

Ведь лишь сейчас, в эти дни, а особенно в эти ночи, Фонди-Монди-Дунди-Пэк понял, что он абсолютно одинок. Нет у него ни детей, ни настоящих друзей, ни внуков — никого у него нету.

«Тигры-выдры» ненавидят детей, и ЫХ-000 их ненавидел, а вот пожилой Фонди-Монди-Дунди-Пэк вдруг полюбил их до того, что ему захотелось стать дедушкой. Тогда бы ему и пригодились и двухэтажный домик, и автомобиль, и моторная яхта, и холодильник... А к чему они ему одному?

Не подумайте, что пожилой шпион испытывал раскаяние или стыд. Нет, пока до этого он ещё не дошёл. Пока ещё только страх перепутал все его мысли.

Чего же страшился Фонди-Монди-Дунди-Пэк? Страшился он бесславного конца своей жизни. Ведь если его схватят, ему несдобровать: наказание будет самым суровым и, конечно, справедливым. Любое наказание он уже заслужил сто раз. Он принёс людям столько горя, что не смеет и думать о пощаде.

Нет, не сама по себе смерть пугала его. Пусть она придёт. Он примет её достойно, какой бы она ни была.

Но ведь никто, ни один человек во всём мире не пожалеет о том, что Фонди-Монди-Дунди-Пэка не стало на свете! Разве что приятели-предатели во главе с полковником Шито-Крыто повоют тридцать секунд будто бы от горя и тут же про него забудут, словно его никогда и не было!

Да, да, как будто его никогда и не было!

— Мама! — прошептал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Мамочка!

И заплакал матёрый шпион человеческими слезами, хотя мамы и папы он не видел с тех пор, как ушёл в агенты, не переписывался с ними, денег им не посылал, не поздравлял ни с праздниками, ни с днями рождения, даже с Новым годом не поздравлял — просто забыл. Не нужны были ему они, папа и мама. А сейчас вот рыдал:

— Мама... мамочка...

В таких случаях правильно говорят: раньше надо было маму кричать.

— Всё! Всё! — вытирая трясущимися руками слёзы, сказал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Надоела мне шпионская жизнь! Осточертела!

Он включил рацию. В эфире жалобно попискивал Бугемот. Потом ещё жалобнее запопискивал Канареечка, а за ним — Мяу... Ага, и вы не спите? Может быть, тоже плачетесь о своей шпионской судьбе? Не знаете, что вам и делать? Куда вы без меня в чужой стране? А кто нас сюда звал? Вот и трясёмся от страха... Тряситесь на здоровье!

И он отключил рацию.

Эх, давно надо было начать соображать! Был бы он сейчас не ЫХ-000, а пожилой хороший человек по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк. С детишками бы в футбол играл. Мороженое бы с ними ел! По телевизору бы мультики смотрел! И хохотали бы все во всё горло!.. А когда бы он умер, похоронили бы его по-человечески — на кладбище, с венками, с духовым оркестром, всплакнули бы все и долго бы его помнили...

И пожилой шпион опять залился человеческими слезами и опять задумался: а ради чего же он всю жизнь прятался, отстреливался, отсиживался, убегал, улетал, уплывал, уползал? Ради чего?

Грудь в орденах и медалях, на плечах майорские погоны, в банке много денег накоплено, но нет у него

НИ
ПАПЫ,
МАМЫ,
ЖЕНЫ,
ДЕТЕЙ,
НАСТОЯЩИХ ДРУЗЕЙ,
ВНУКОВ И ВНУЧЕК,
ДЕДУШКИ,
БАБУШКИ,
ДЯДИ,
ТЁТИ,
ПЛЕМЯННИКОВ,
БРАТЬЕВ,
СЕСТЁР,
БЛИЗКИХ И ДАЛЬНИХ, ДАЖЕ
СВЕРХДАЛЬНИХ РОДСТВЕННИКОВ

никого у него нет, а если и есть, то неизвестно где!

Он даже не помнит, какой у него был нос до первой пластической операции, которую ему сделал врач Супостат!

А потом нос Фонди-Монди-Дунди-Пэку переделывали много-много раз — то удлиняли, то обрезали... Уши ему не один раз перекраивали. Хорошо ещё, что глаза заменять или переделывать не научились, а то бы и глаза у него были вроде бы как чужие. Пожилой агент нежно погладил свой, можно сказать, очередной нос и решил, что больше никогда и никому не позволит кромсать свою физиономию. Это будет его последний нос!

И тут же Фонди-Монди-Дунди-Пэку стало жаль и уши. Он их тоже погладил, и тоже нежно, и тоже решил, что никогда и никому не позволит их перекраивать. Это будут его последние уши!

(Может быть, кому-то это и покажется смешным, но с каждым днём пожилой агент всё с большей нежностью относился к своему носу и своим ушам, гладил их и даже разговаривал с ними!)

И с каждым днём он всё чаще и чаще, глубже и глубже размышлял о своей жизни и о диверсионной группе «Фрукты-овощи».

Фонди-Монди-Дунди-Пэк чувствовал, что ему не заставить себя выполнять задание. Ведь диверсионной группе «Фрукты-овощи» поручено отравить город через водопроводную сеть... Такого подлого задания он не получал за всю свою подлую жизнь.

Вот ещё почему боялся выходить на улицу ЫХ-000. Ему стало казаться, что люди знают о нём всё...

И ещё Фонди-Монди-Дунди-Пэку стало казаться, что все люди смотрят очень внимательно и очень подозрительно на его нос и уши. Дело доходило до того, что пожилой агент в испуге иногда машинально прикрывал нос ладошкой, а уши прятал под воротник...

Трясущимися руками он включил рацию. Рация
загудела от напряжения: так громко
орал полковник Шито-Крыто
на своего агента —
грозил ему
смер
тью...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,
у которой два названия:
«ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О ВРАГЕ № 1»
и
«КАК ЗАПУТАЛИСЬ ШПИОНЫ ИЗ ДИВЕРСИОННОЙ ГРУППЫ «ФРУКТЫ-ОВОЩИ»

Глава № 5
Толик Прутиков у психоневропатолога

— Я ведь совсем не псих, — с обидой сказал Толик.

— Правильно, правильно, совершенно справедливо! — торопливо и весело согласился психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз. — Психов вообще не бывает. Даже научного термина такого нет. Бывают психически больные.

— Так я даже и не психически больной.

— Вполне вероятно. На что же мы жалуемся? Что же с нами происходит? Что же нас беспокоит?

Расспрашивая и не дожидаясь ответов, Моисей Григорьевич осмотрел Толика и заключил:

— Вполне здоровый организм. Любопытно в таком случае, на что же вы ухитряетесь жаловаться, молодой человек?

— Жалуюсь я, — сказал Юрий Анатольевич. — Он у нас ненормальный, или помешанный, или, извините за выражение, тронутый.

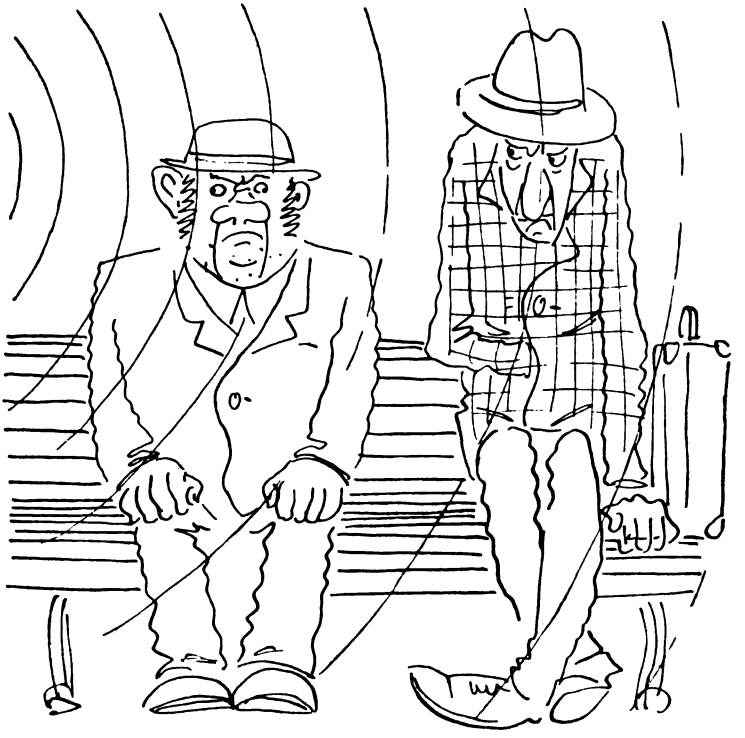
— Тогда у меня вполне естественный вопрос: на какой почве он ненормальный, помешанный или, как вы изволили выразиться, тронутый?

— На почве шпионизма. Вбил себе в голову, что обязательно поймает шпиона. Среди ночи кричит.

— Ну и что? — недоумённо спросил Моисей Григорьевич. — Мальчишки часто бывают на чём-нибудь помешаны. Сын одного моего знакомого ест так называемые счастливые билеты. Знаете, что это такое?

— Понятия не имею, — признался Юрий Анатольевич. — Да и какое это имеет отношение...

— Сейчас объясню. Номер трамвайного билета состоит из шести цифр. Если сумма трёх первых цифр равняется сумме трёх остальных, билет считается счастливым. Невежественные чудаки уверяют, что, если съесть сто один счастливый билет в течение не более семи месяцев, будешь счастливым. Так вот, сын одного моего знакомого



помешался на этом и съел уже тридцать два билета. Ничего страшного, надо только старательно пережёвывать.

— Я не понимаю...

— Тоже ничего страшного. Для любой истины требуется некоторое количество времени, чтобы она усвоилась. Так вот, ребёнок может чем-то увлечься сверх меры. Я давно изучаю внутренний мир современного ребёнка и пришёл к выводу, что в принципе увлечение шпионизмом не содержит в себе ничего особенно опасного.

— Но нас направили именно к вам! — возмутился Юрий Анатольевич. — Именно по вопросу детского шпионизма. Мы надеялись на вашу помощь.

— И вы получите ее, получите в достаточном количестве и, смею надеяться, удовлетворительного качества! — воскликнул Моисей Григорьевич. — Но получите вы не просто помощь, а строго аргументированную теорию, то есть научный взгляд на некоторые стороны поведения некоторых детей.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз мелкими-мелкими движениями потёр руки, словно собирался вкусно поесть, прошёлся по кабинету, остановился перед Толиком, пронзительным и научным взглядом посмотрел в его испуганные глаза, отвернулся и заговорил...

Глава № 6

Невероятнейшие, но научно обоснованные взгляды психоневропатолога М. Г. Азбарагуза на детскую лень и рассказанная им история смертельно опасной болезни его дальнего родственника Германа Белова

— Есть у меня, — начал рассказывать психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз, — дальний родственник по линии моей троюродной тёти третьеклассник Гер-

ман Белов. Был он до недавнего времени совершенно невозможным, я бы позволил себе сказать грубость, отвратительным созданием. Ленив был фантастически. Представьте себе, до того обленился, что принимать пищу стал лишь в принудительном порядке. С виду — совершенно здоровый, нормальный ребёнок, все анализы прекрасные, а у меня по отношению к нему предчувствие катастрофы.

Как врач, как учёный, как родственник я начал догадываться, что Герман чем-то болен. Но чем?

Бесчисленные консилиумы, исследования и наблюдения долго не давали результатов, пока я наконец с группой коллег не доказал, что мой дальний родственник болен острейшей формой лени — lenia tunejadica (лениа тунеядика).

Увы, пока медицина не знает, как бороться с этим опаснейшим и очень распространённым среди детей заболеванием. Мы даже не знаем его происхождения. Есть неопровержимые доказательства заразности лени, хотя вируса её обнаружить ещё не удалось. Можно, предположим, установить, что заражение произошло от соседа по парте, но как это произошло? Неизвестно.

Может быть, лень наследственна? Вряд ли. Ленивые дети часто бывают как раз у очень трудолюбивых родителей. И не всегда у ленивых родителей обязательно вырастают дети-тунеядцы.

Единственное, на чём сходятся все специалисты, это утверждение, что ленью можно заболеть по собственному желанию, то есть совершенно самостоятельно, без посторонней помощи. Многие знаменитые лодыри в смысле овладения ленью — самоучки.

Где, в чём истоки заболевания ленью? Вот над этим кардинальным вопросом современности и бьются сейчас учёные, в том числе и ваш покорный слуга. Ответить на этот вопрос — значит победить лень и навсегда избавить человечество от вреда, который приносит тунеядничество.

Как многие опасные болезни, лень страшна не только сама по себе, но и своими осложнениями. Мне известны три случая, когда лодыри сходили с ума. Я уже не говорю о её обычных последствиях, как-то: потеря человеческого облика, почти полное снижение умственной и физической деятельности, потеря слуха и зрения, омертвение отдельных частей тела и так далее.

И прежде чем продолжить рассказ о невероятнейшем

случае с моим дальним родственником Германом Беловым, позвольте сообщить вам следующее.

Буквально позавчера я ознакомился с книгой одного из крупнейших заграничных специалистов по изучению лени и её последствий. Называется книга «Лень в аспекте судьбы человечества». Автор делает страшный вывод. И если с ним, автором или выводом, согласиться, то надо всех лодырей немедленно изолировать от общества. Он предлагает ссылать их на необитаемые острова без права переписки и выезда обратно. Ибо автор считает лень единственным, повторяю, единственным источником всех, повторяю, всех несчастий человека и человечества. Автор приводит девять тысяч шестьсот сорок четыре примера отрицательного влияния лени на ход исторических событий.

Мы, конечно, должны учитывать, что имеем дело с трудом буржуазного учёного, но обязаны внимательно изучить все его доводы.

Он, например, утверждает, что в подавляющем большинстве дети появляются на свет уже ленивыми, а точнее, вполне сформировавшимися лодырями. И лишь благодаря непрерывным усилиям семьи и общества только какую-то часть детей удаётся спасти от разлагающего воздействия лени.

Более того! Автор утверждает, что заболевание тунеядством грозит человеку на протяжении всей его жизни. В книге описываются четыре случая, когда ленью начали страдать люди в возрасте старше восьмидесяти двух лет.

Я не считаю выводы и доводы автора бесспорными. Но даже если он прав хотя бы всего наполовину, человечество обязано серьёзно задуматься над тем, что же делать с лентяйством, особенно детским. Запомните: сегодня ребёнку лень вымыть руки, завтра — лень как следует приготовить уроки, а послезавтра — только вообразите! — ему станет лень быть честным человеком.

— Я с вами согласен, — сказал Юрий Анатольевич, пожав плечами. — Но я пришёл к вам по совершенно другому вопросу. Мой сын болен не ленью, а шпионизмом!

— Минуточку, минуточку, минуточку! — воскликнул психоневропатолог Моисей Григорьевич, строго нахмурив седые брови. — Во-первых, вы ещё не знаете, чем может быть болен ваш сын. Во-вторых, вы обратились ко мне за

научной помощью. Понять душу современного ребёнка не так-то просто, как вам, родителям, кажется. И будьте любезны выслушать меня до конца. Ведь я нахожусь при исполнении научных обязанностей.

Продолжаю в высшей степени поучительный рассказ о загадочно возникшей болезни моего дальнего родственника Германа Белова.

Лень в нём развилась до того, что он почти перестал дышать. Ему было лень вдыхать и выдыхать воздух!

Врачи дни и ночи не отходили от его постели, поражённые не только опасным состоянием мальчика, но и самим протеканием невиданного заболевания.

Искусственное дыхание. Искусственное питание. И то, что бывает после питания, тоже искусственное.

А ведь всё началось, прошу учесть, с пустяка — однажды уснул в одном носке. Лень было снять. На следующий вечер не снял уже оба носка, и вот... лежал передо мной уже не мой дальний родственник, а почти труп моего дальнего родственника.

Искусственное дыхание. Искусственное питание. Всё искусственное. Но ведь это не могло продолжаться до бесконечности. Рано или поздно организм не выдержит, и Герман унесёт с собой в могилу нерешённую любопытнейшую медицинскую загадку.

Наконец консилиум опытнейших врачей и учёных единодушно пришёл к страшному выводу: случай с Германом — один из редчайших в истории медицины, когда заболевание ленью может окончиться смертельным исходом. Налицо наивысшая степень заболеваемости — лень жить.

Сам по себе случай этот, конечно, обогатит науку, послужит суровым уроком для всех тунеядцев всех возрастов и полов. Но как жаль мне моего дальнего родственника — третьеклассника Германа Белова!

И я решил рискнуть, решил пойти на эксперимент, сложный опыт, чтобы спасти лодыря.

Выход я нашёл совершенно неожиданно. Заметив, что Герман не худеет, а толстеет, я, естественно, предположил, что организм его приспособился к новым условиям существования. Значит, с некоторых пор мы не лечили Германа, а, можно сказать, губили, развивали в нём лень. Ему стало лень дышать — пожалуйста, искусственное дыхание. Ему стало лень есть — к его услугам искусственное питание.

И я перестал лечить моего дальнего родственника, вернее, стал лечить его по-новому. Я запретил поддерживать жизнь в организме Германа искусственными приёмами.

Он начал задыхаться. А у меня похолодели руки, учащённо забилось сердце, но я внушал себе: вот сейчас ему будет лень задыхаться!

Так оно и случилось. И вскоре Герман впервые за последнее время открыл один глаз — левый.

— Как себя чувствуешь? — спросил я, забыв, что говорить ему ещё наверняка лень. — Над тобой висит смертельная опасность. Жизнь твоя в твоих руках. Ты болен острейшей формой лени. Если не перестанешь лодырничать, погибнешь, не окончив даже начальной школы.

По открытому левому глазу Германа было видно, что он, не глаз, конечно, а Герман, безумно хочет есть, но ему лень сказать об этом.

Через несколько дней наступила угроза голодной смерти. Но я был уверен, что скоро Герману будет лень быть голодным.

— Есть, — почти беззвучно, почти не шевеля губами, попросил он, — есть... много...

Короче говоря, Герман понемногу начал двигаться, есть, пить и всё остальное. Постепенно к нему вернулся рассудок, не полностью, конечно, а так, примерно чуть больше половины. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы мальчик мог смотреть и понимать, что показывают по телевидению.

И вот тут случилось чудо. Демонстрировался фильм о шпионах. Выстрелы, погони, драки, убийства. Герман ожил. Он кричал, визжал, хохотал, подпрыгивал.

Едва закончился кинофильм, Герман вскочил и завопил, как совершенно здоровый ребёнок:

— Руки вверх!

Конечно, все мы с удовольствием и одновременно в чисто медицинских целях выполнили его приказание. Сколько было радости! Ещё бы — ведь ему не лень играть!

Я не льщу себя уверенностью, что излечение полностью закончено, ведь в школу Германа пока вернуть не удалось. Однако в скором времени я добьюсь, чтобы Герману стало лень быть ленивым!

Это я сказал, как вы догадались, в порядке шутки. На самом деле предстоит борьба за мальчика. Для нас

же с вами несомненно одно: дети не только имеют право, но и обязаны во что-нибудь играть. И мы, взрослые, должны помогать им и в учёбе и в игре.

Глава № 7
Организм Толика Прутикова способен на очень серьёзное заболевание

— Странно всё-таки получается, — пробормотал Юрий Анатольевич. — Какая же это игра, если у него из-за неё с головой не в порядке?! — рассердился он. — Я убеждён, что мой ребёнок психически ненормален!

— Спокойнее, спокойнее, объективнее, уравновешеннее! — строго сказал Моисей Григорьевич. — Учтите и ещё раз учтите, что внутренний мир современного ребёнка необычайно сложен, а местами противоречив и запутан. К примеру, от чрезмерной учёбы тоже возможны нарушения психической и умственной деятельности, вплоть до временного отупения. И помните, что по природе своей ребёнок не может не делать определённого количества глупостей. Так пусть он их делает в игре. А наша задача — проследить, чтобы учёба более или менее разумно сочеталась с игрой.

— Но если он кричит ночами, это же ненормально! Это, в конце концов, неудобно для окружающих! К тому же он ни о чём не думает, кроме как о своих шпионах! Это, по-вашему, по-научному, нормально? — горячился Юрий Анатольевич. — И я совершенно не понимаю смысла этой так называемой игры!

— Хорошо. Прекрасно. Замечательно, — спокойно проговорил Моисей Григорьевич. — Но вы рассуждаете поверхностно. А я веду вас к научной мысли. Будьте терпеливы. Если мальчик болен, я это обнаружу. Мальчик, почему тебе нравится играть в шпионов?

— Я не играю, — ответил Толик. — Я тренируюсь. А они считают, что я играю. Я должен поймать иностранного агента. Это моя мечта. Я хочу доказать, что мальчишки такие же люди, как все, только ростом поменьше. И нисколько мы других не хуже. А некоторые даже лучше некоторых.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул Юрий Анатольевич. — Он же заговаривается! Он же несёт бели-

берду! Чепуху! Ерунду! Абракадабру! А вы — патологопсихонерловог...

— Психоневропатолог.

— Всё равно мне сейчас уже не выговорить. Я слишком взволнован. Поставьте ему хоть какой-нибудь укол хоть куда-нибудь!

— Успеется. Продолжай, мальчик.

— Я мечтаю поймать нескольких агентов иностранных разведок, — ответил Толик. — Вот и всё.

— А как ты учишься?

— Учусь я... не очень... Но что, по-вашему, важнее — пятёрки получать или врага обезвредить?

— Так вопрос ставить нельзя, — возразил психоневропатолог. — А почему бы тебе не совмещать полезное с приятным — пятёрки получать и врагов обезвреживать?

— Пятёрки многие получать могут, особенно девчонки, — сказал Толик и вздохнул. — Пятёрками не прославишься. Подумаешь, на доску Почёта повесят! А я хочу героем быть, чтобы обо мне все знали. А отличников всяких круглых и без меня хватает. Можно всю жизнь отличником быть, а тебя никто и знать не будет. А когда я шпиона поймаю, то буду считаться выдающимся человеком. Меня в открытой машине через весь город провезут, а на центральной площади митинг в честь меня организуют. По телевизору меня будут показывать.

— И — последний вопрос! — Моисей Григорьевич предельно внимательно вгляделся в мальчика. — Что для тебя важнее: поймать шпиона или считаться выдающимся человеком?

— То и другое! — воскликнул Толик. — Разве плохо мечтать о том, чтобы стать героем наших дней?

Психоневропатолог Моисей Григорьевич в заметном волнении прошёлся по кабинету, остановился перед Толиком, сказал:

— Выйди, пожалуйста.

Когда Толик закрыл за собой дверь, Юрий Анатольевич торопливо спросил:

— В чём дело, доктор?

— Вы оказались правы, — угрюмо ответил Моисей Григорьевич. — Организм мальчика способен на очень опасную болезнь.

— Какую, доктор?

— Ему грозит мания величия. Причём в очень острой форме. Распространённое заболевание среди современных

детей. Внук одного моего знакомого возомнил себя котом Васькой. Ночами пытался ловить мышей, лазал по крышам, лакал из блюдечка на полу и прочее. Ему, видите ли, казалось, что кошачья жизнь необыкновенно легка. В частности, не надо ходить в школу.

— Я не предполагал... не подозревал...

— В том-то и наша беда,— со вздохом сказал Моисей Григорьевич, — что мы и не предполагаем, и не подозреваем. Для ребёнка враг номер один — это лень. А может быть, это и единственный враг ребёнка. Вот ваш мальчик. Ведь ему хочется ловить шпионов только потому, что это дело представляется ему необыкновенно лёгким. А прославиться ему хочется лишь для того, чтобы ничего не делать. Он у вас очень избалован. Скорее всего бабушкой.

— Что же делать? — еле слышно спросил Юрий Анатольевич. — Есть какой-нибудь выход?

— Найдём, — убеждённо произнёс Моисей Григорьевич. — Самое страшное произойдёт в том случае, если мальчик действительно поймает шпиона. Тогда ему, мальчику, несдобровать.

— Неужели всё так серьёзно? Что же делать?

— Оградите мальчика от бабушки. Это первое. Он ведь не играет в шпионов, он мечтает поймать настоящего агента, прославиться этим лёгким способом. К сожалению, вы даже представить себе не можете, в какой степени это серьёзно. Избалованным детям грозят такие заболевания, перед которыми мы, врачи, лишь разводим руками. Вынужден вам сказать: до скорой встречи.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз увидел, как переменился в лице папа Юрий Анатольевич, как пошатнулся, прижав ладони к вискам...

В кабинет вбежал Толик. Он обнял папу и сказал:

— Пошли отсюда. Я совершенно здоров.

Моисей Григорьевич смотрел на них с глубоким сожалением.

Глава № 8

«А чем сосиски лучше сарделек?»

Есть такая поговорка: всяк мерит на свой аршин. Это означает примерно следующее: дурак всех полагает дураками, подлец всех считает способными на подлость, жулик думает, что все вокруг него тоже жулики.

Вот и агенту ЫХ-000 казалось, что все люди вокруг него вроде него — такие же, а значит, и жалеть их нечего.

И вдруг Фонди-Монди-Дунди-Пэк неожиданно для себя обнаружил, что люди бывают очень разными: и честными, и добрыми, и бескорыстными, и просто хорошими. Вот это было открытие! ЫХ-000 до того растерялся, что целых шестнадцать минут испытывал желание стать или честным, или добрым, или бескорыстным, или просто хорошим.

Однако шпиону нельзя быть хорошим человеком больше шестнадцати минут. Зато этих шестнадцати минут оказалось вполне достаточно для того, чтобы ЫХ-000 задумался над своей жизнью. Раздумывание же над своей жизнью кончилось тем, что Фонди-Монди-Дунди-Пэка охватил безумный страх, а вслед за ним появилось желание сдаться врагу.

Страх ещё больше усилился, когда ЫХ-000 узнал, что полковник Шито-Крыто заподозрил его в предательстве. Это означало, что рано или поздно начальник Самого Центрального Отдела «Тигров-выдров» прикажет уничтожить его, ЫХ-000!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк не ел уже несколько суток, так как не выходил из дому, и у него от голода стала кружиться голова. Это ведь очень опасно — не есть несколько суток и думать. Всё в голове у него так перепуталось, что он и не заметил, как вышел на улицу, добрёл до городского сквера и устало, почти без сил опустился на первую попавшуюся на дороге скамейку.

Тут же к нему подсел низенький, широченный в плечах, толстый гражданин с утиным носом и маленькими, глубоко спрятавшимися глазками, спросил вкрадчиво:

— Вы, случайно, не знаете, когда играет «Спартак» с «Динамо»?

По спине Фонди-Монди-Дунди-Пэка пробежал озноб: он (не озноб, конечно, а ЫХ-000) понял, что сел на скамейку — условленное место встречи с агентами из диверсионной группы «Фрукты-овощи»! Он должен был ответить: «Я спортом не интересуюсь, я больше люблю сардельки».

Но Фонди-Монди-Дунди-Пэк ответил так:

— Я спорт не люблю, а больше интересуюсь сосисками.

А сам подумал:

«Кто же это? Мяу? Бугемот? Или Канареечка?»

Гражданин снял соломенную шляпу, обмахнул ею вспотевшее лицо и ещё более вкрадчиво спросил:

— Может быть, случайно вы всё-таки спортом не интересуетесь, а больше любите сардельки?

ЫХ-000 дрожащей рукой нащупал в кармане пистолет и ответил:

— Нет, я интересуюсь сосисками с картофельным пюре.

Тут толстый гражданин с утиным носом тоже сунул руку в карман пиджака и спросил мрачно:

— А чем сосиски лучше сарделек?

— В них витаминов больше, — ответил Фонди-Монди-Дунди-Пэк и быстро пошёл прочь, не оглядываясь.

Он направился в магазин, купил два килограмма сосисок, вернулся домой, включил рацию и начал глотать сырые сосиски. И пока не сглотал все, не мог остановиться.

А в эфире ругались, жаловались, обзывались три штуки агентов.

Первым высказался Бугемот:

— Был на условленной скамейке. Уверен, что разговаривал с ЫХ-три нуля. Но он не ответил на пароль. Подозрения шефа оправдываются. Чувствовал я себя во время разговора, как кусок мяса в тупой мясорубке. Ваши соображения?

В ответ ему Канареечка:

— Все мы дураки во главе с начальством. Надо было сразу сматываться обратно. Бугемот и есть бугемот, всё испортил с помощью своей пустой головы.

Мяу сказал так:

— Если ты сам дурак, на начальство не сваливай. А если ещё будешь критиковать начальство...

Тут в эфир полетели такие словечки, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк отключил рацию. Хорошо, что Бугемот не слишком умён и не пошёл за ним следом!

Настроение чуть-чуть улучшилось. ЫХ-000 вспомнил, какое глупое лицо было у Бугемота, когда он услышал, что в сосисках витаминов больше, чем в сардельках!

Но в сердце опять прокрался страх, и хорошее настроение моментально улетучилось. ЫХ-000 трясущимися руками включил рацию и сразу услышал:

— Группе «Фрукты-овощи». Приказ шефа. Если в течение двадцати четырёх часов ноль семи минут не бу-

дет налажена связь с ЫХ-три нуля, Канареечка и Мяу возвращаются. Бугемот остаётся для особо специального задания.

«Ага! Ага! — пронеслось в дёргающейся голове Фонди-Монди-Дунди-Пэка. — Особо специальное задание — это я! Моя смерть!»

И он быстрёхонько передал в эфир:

— Говорит ЫХ-три нуля. Удивляюсь вашей беспомощности. За мной следят. Прячусь глубоко под землёй. Была возможность связаться с Бугемотом, но он затеял с посторонним человеком глупейший спор о спорте, сосисках и сардельках с картофельным пюре. Этак он провалит нас всех. В ближайшее время встретимся. Приветик. Гуд бом!

Он отключил рацию, тяжко вздохнул семь раз: агентов-то он напугал и запутал, а что же ему самому теперь делать?

Предположим, он сдастся и выдаст всю диверсионную группу «Фрукты-овощи». Предположим, ему за добровольное раскаяние сохранят жизнь. Но, скажите, кому интересно провести остаток жизни за тюремной решёткой?

Задание он выполнять не будет — это решено бесповоротно. Но если он будет сидеть вот так, сложа трясущиеся руки, то Бугемот рано или поздно с ним разделается!

И ЫХ-000 с досадой подумал:

«Надо было съесть не два килограмма сосисок, а четыре с половиной, и обязательно с картофельным пюре. Тогда бы голова работала лучше».

Теперь же голова работала плохо, дёргалась, ничего не могла сообразить... А опасность всё приближалась и приближалась.

ЫХ-000 вытащил пистолет и спрятался под кровать.

Глава № 9
Агент Мяу теряет пистолет

Положение трёх штук агентов было незавидным. ЫХ-000 должен был приготовить для них жильё, где они могли бы, по крайней мере, ночевать. А они вот уже несколько дней слонялись по городу, спали где придётся, а часто и вообще не спали.

Собираться вместе без приказа руководителя диверсионной группы они не имели права. В лицо они друг друга не знали, связь поддерживали только по радио.

Первым не выдержал Бугемот, предложил:

— Надо собраться и разобраться. ЫХ-три нуля тянет резину. Может, он давно уже переметнулся к врагу. Давайте соберёмся вместе, обсудим наше незавидное положение. Ум — хорошо, а три — неплохо.

Мяу возразил:

— Приказ шефа — ждать двадцать четыре часа ноль семь минут.

Канареечка сказал:

— Приказ приказом. Шеф шефом. А нам надо встретиться. У меня поджилки трясутся. Кругом одни человеческие лица. Хочу хоть одну шпионскую физиономию увидеть. Услышать хоть один шпионский голос.

Решено было встретиться в парке за городом. Для опознавания Бугемот придумал пароль. Но, поражённый тем, что однажды он уже запутался с паролем, Бугемот не смог придумать ничего более лучшего, чем опять:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки?

И такой вот отзыв:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски.

Бугемот явился на свидание первым и ждал у дороги в парк, невдалеке от автобусной остановки.

Подходит к нему гражданин в тёмных очках, спрашивает:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки?

— Сардельки здесь не продают, — радостно ответил Бугемот, — но есть замечательные сосиски с картофельным пюре!

А ведь пароль и отзыв должны произноситься точно из слова в слово!

И агенту Мяу (а это был он) ничего не оставалось делать, как сказать:

— Спасибо, но я сосисок с картофельным пюре не ем.

Мяу направился обратно к автобусной остановке. Навстречу ему торопливо шёл длинный гражданин в зелёном берете.

Оба враз остановились.

Гражданин в зелёном берете спросил:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки?

Мяу облегчённо вздохнул и ответил:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски с картофельным пюре.

Как это «картофельное пюре» сорвалось у него с языка, он и сам не понимал, а гражданин в зелёном берете пробормотал растерянно:

— Спасибо, но я картофельное пюре не перевариваю.

И он прошёл мимо: рисковать нельзя — можно погибнуть из-за двух слов, если даже эти слова означают всего-навсего обыкновенное картофельное пюре!

Канареечка (а это был он) приблизился к изнывавшему в ожидании Бугемоту и спросил безнадёжным тоном:

— Скажите, где здесь можно купить сардельки?

Бугемот сжал кулаки, набрал в грудь побольше воздуха, напряг весь свой разум и отчётливо, почти по слогам, выговорил:

— Сардельки здесь не продают, но есть замечательные сосиски.

И оба агента так громко и так облегчённо вздохнули, что стоявший вдалеке Мяу услышал и оглянулся на них.

— А кто это? — кивнув в его сторону, спросил Канареечка. — У него сосиски, но с картофельным пюре.

— Я виноват, — объяснил Бугемот. — У меня с языка «пюре» сорвалось, и у него потом. Иди договорись.

Вскоре они втроём сидели на укромной полянке.

— Мы влипли в историю, — мрачно заговорил Бугемот. — ЫХ-три нуля специально нас запутал. Голову даю на отсечение, что я разговаривал с ним и пароль я сказал правильно, а он не захотел отвечать. За нами наверняка уже следят.

— Через двадцать один час семнадцать минут я могу сматываться домой, — пропищал Канареечка. — Надоело мотаться без дела.

— Я тоже уверен, что мы попались, — промямлил Мяу. — Я вот нисколько не удивлюсь, если сейчас услышу: «Руки вверх!»

И раздался голос:

— Руки вверх!

Бугемот мгновенно исчез в куче хвороста. Канареечка белкой взлетел по стволу дерева. Мяу нырнул в кусты.

На полянку выскочил мальчик, крикнул:

— Руки вверх! С места не двигаться! Стреляю без предупреждения и без промаха!

И пробежал дальше.

Не скоро отдышались насмерть перепуганные шпионы. «Руки вверх!» — да ещё прозвучавшие совершенно неожиданно, самые страшные для шпиона слова. Потому-то агенты и не обратили внимания на то, что голос был детский.

Мяу вернулся весь белый, еле слышно промямлил:

— Вот... это... пистолет... ведь... потерял... эх...

Шпионы схватились за головы — каждый за свою.

— Да, действительно пюре получается, — мрачно сказал Бугемот. — Ты бы лучше башку потерял! Вместе с головным убором! Ха-ха...

— А какой дурак придумал спрашивать о сосисках и сардельках в лесу? — разозлился Мяу. — Нарвись мы на догадливого человека — и перехватали бы нас, как кроликов!

— Надо искать пистолет, — жалобно пропищал Канареечка. — И что у вас за привычка вечно лаяться? И как тебя угораздило потерять оружие? Чему тебя только учили! Агент ещё называется!

— Я споткнулся, — объяснил Мяу, — взлетел в воздух, перевернулся несколько раз, встал на голову, опрокинулся на спину, потом побежал... сунул руку в карман... тю-тю!

— Нам нужно выбрать главного, — очень мрачно предложил Бугемот. — Иначе никакого порядка не будет. Будет одно сплошное пюре.

— Главный у нас есть, — возразил Канареечка. — ЫХ-три нуля. Никто его пока ещё не отстранил. Он может объявиться в любой момент. А нам никто не давал права командовать.

— А где же этот знаменитейший, сверхопытнейший, самый заслуженный ЫХ-три нуля? — совсем мрачно спросил Бугемот. — Он трус и предатель, я уверен. Шеф всё равно прикажет убрать его.

— Помогите мне найти пистолет! — взмолился Мяу. — Вдруг его кто-нибудь найдёт?!

Шпионы ползали на четвереньках по парку не меньше часа. Пистолета нигде не было.

— Только без паники! — рявкнул Бугемот, когда агенты снова собрались на укромной полянке, и Мяу громко зашмыгал носом. — Пора прощаться. Рации включать через каждые полчаса.

— Я ещё здесь останусь, — сказал Мяу. — Ещё поползаю. Не мог же он сквозь землю провалиться!

Глава № 10
Шпионский пистолет находит Толик Прутиков

Да, конечно, пистолет не мог провалиться сквозь землю. И напрасно агент Мяу ползал на четвереньках, ощупывая каждую травинку.

Пистолет нашёл Толик Прутиков. Он с ребятами играл в шпионов, все отправились домой, а Толик решил ещё потренироваться немного. Он бегал по парку, ползал, лазал по деревьям, прятался в кустах и кричал:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения и без промаха!

Один раз ему даже померещилось, что своими криками он вспугнул несколько человек, которые разбежались перед самым его носом.

Эх, если бы знал Толик, что шпионы, настоящие шпионы в количестве трёх штук испугались его!

Но зато он нашёл настоящий пистолет. Когда Толик увидел его в траве, то чуть не заорал от восторга. Схватив пистолет, он бросился бежать сломя голову, и просто удивительно, что он не разбил эту голову ни об одно из деревьев!

И лишь выскочив на обочину шоссе, Толик сообразил, что нельзя же бегать с настоящим пистолетом в руках, а тем более ехать так в автобусе. Куда бы спрятать оружие? Ведь на Толике были всего лишь трусы, безрукавая майка да кеды.

Размышляя о том, куда бы спрятать пистолет, он и не подумал, что надо о такой находке сообщить милиционеру или военному человеку.

Но вот так у нас всегда и бывает: шпионов ловить мы горазды, а обыкновенная сообразиловка часто и не работает. Если в парке средь бела дня валяется пистолет, то ведь можно сообразить, что тут дело нечисто?

Да и зачем Толику пистолет, если он даже и стрелять из него не умеет? Он ведь думал, что стрелять надо, как в кино, по его мнению, стреляют: нажал там что-то и бах-ба-бах! Если бы так могло быть, то пистолет давным-давно уже сам выстрелил бы.

Помните, что Толик мечтал поймать шпиона сам, как

говорится, своими собственными руками, чтобы считаться выдающимся человеком?

Толик снял майку, завернул в неё пистолет и сел в автобус. Сидел он в автобусе и весь сиял: ведь теперь он любого шпиона раз и — руки вверх!

До того ему замечательно было, что он и билет забыл купить, хотя шесть копеек в карманчике трусов имелось.

— Граждане, приготовим билеты для проверки общественным контролёром! Водитель, двери без моего сигнала не открывать!

Бросившись к кассе-полуавтомату, Толик и натолкнулся на общественного контролёра — тётеньку Анну Дмитриевну.

Тётенька очень обрадовалась:

— Есть один заяц!

— Вовсе не заяц я! Честное слово, не заяц я! — взмолился Толик. — Просто забыл! Вот денежки! Ровно шесть копеечек!

— Денежки свои, шесть копеечек своих, оставь при себе, — весело сказала тётенька общественный контролёр. — А мы с тобой сойдём на конечной остановке и отправимся в милицию. Там составим акт. Вызовут одного из твоих родителей. Он заплатит за тебя штраф. Дома тебе будет соответствующее наказание, а мне соответствующий почёт.

Не мог же Толик сказать ей, что забыл купить билет из-за того, что настоящий пистолет нашёл, от радости размечтался и...

— Тётенька, а тётенька! — позвал он. — Даю вам честное слово, что никогда безбилетным зайцем не ездил! Вот первый раз, да и то случайно!

— Чтобы этого с тобой второй раз случайно не случилось, миленький ты мой, — ласково ответила тётенька общественный контролёр, — придётся одному из твоих родителей заплатить за тебя причитающийся законный штраф.

Её стали уговаривать почти все пассажиры: дескать, на весь автобус всего один заяц, да и не заяц, а зайчик ещё, да и тот билет купит, дескать, такого и простить можно.

Но она радостным голосом объявила, что если зайцев, а тем более маленьких, отпускать подобру-поздорову, тогда им, общественным контролёрам, делать будет нечего. А если им делать будет нечего, то их, общественных

контролёров, тоже отпустят подобру-поздорову на все четыре стороны. А если их отпустят, то зайцев разведётся видимо-невидимо и они со временем выживут всех честных пассажиров.

И ещё она объяснила, и ещё более радостным голосом, что в воспитательной работе с подрастающими детьми надо умело и разумно сочетать методы поощрения с методами наказания. В данном случае она умело и разумно применяет именно метод наказания.

Толик прижимал к груди завёрнутый в майку пистолет и размышлял о том, как удивительно плохо всё устроено на этом белом свете! Вот пистолет нашёл настоящий — оружие, просто необходимое для задержания настоящего шпиона, — и вдруг из-за какого-то пустяка, из-за тётеньки общественного контролёра с ласковым и весёлым голосом, всё летит вверх тормашками!

Да и не то страшно, что дома попадёт, там ещё бабушка всегда имеется на всякий случай, а то ужасно, что в милиции-то пистолет всё равно обнаружат и обязательно отберут.

Надо — сбежать!

Во что бы то ни стало надо улизнуть любым способом!

— А чего это ты голый ездишь? — спросила тётенька общественный контролёр. — Майку почему скомкал?

— Жарко очень, — ответил Толик, — много бегать пришлось. А дома мне здорово попадёт. Бабушка горько плакать будет. Она всегда горько плачет, когда мне зря попадает.

— А часто тебе зря попадает?

— Да почти всегда зря. Бабушку уж очень мне жалко.

— Я бы тебя отпустила, — призналась тётенька общественный контролёр. — Но я план по зайцам уж который месяц не выполняю. Все выполняют, одна я, Анна Дмитриевна, ещё ни одного зайца не поймала и не оштрафовала. А у нас через четыре дня торжественный вечер. Да ещё с духовым оркестром. Всех будут хвалить, а меня даже не поругают. Потому что пенсионеров критиковать нельзя: очень уж мы обидчивы. А хвалить меня не за что. А вот приведу я тебя в милицию, одного из твоих родителей оштрафуют, — голос её стал совсем ласковым, — тебе дома попадёт, бабушка твоя горько поплачет, зато мне, Анне Дмитриев-

не, почёт на торжественном вечере с духовым оркестром. Понимаешь?

— Я-то понимаю. Вы поймайте меня завтра, Анна Дмитриевна! Какая вам разница? Я ещё двоих товарищей позову. Будет у вас целых три зайца. Вам за это три почёта. Понимаете?

— Что-то не очень...

— Да ведь три зайца — это в три раза больше, чем один! А мы вам завтра втроём попадёмся. Мы и деньги на штраф принесём, чтобы родителей не беспокоить. Три штрафа! Три!

— Деньгами-то я вам и сама помогу, — задумчиво проговорила Анна Дмитриевна. — Мне ведь не деньги нужны, а почёт. А почёта мне не будет, пока я плана по зайцам не выполню. Всё! Приехали. Конечная остановка. Не вздумай бежать, миленький, — ласково предупредила она и показала милицейский свисток раза в четыре больше обычного.

— Отпустите вы меня! — жалобно попросил Толик. — Завтра мы вам втроём попадёмся! Три почёта вам будет!

Тётенька общественный контролёр отрицательно покачала головой, но пообещала:

— Ещё подумаем. Торопиться не будем. Всё взвесим, прикинем, потом ещё раз подумаем.

— И думать тут нечего! — Толик с трудом удержался, чтобы не сказать чего-нибудь грубого. — Меня не жалеете, бабушку мою пожалейте! Она ведь тоже пенсионерка! Плакать ведь она будет! Может быть, даже зарыдает! И всё из-за вас!

— Значит, с нервами у неё плоховато, — сочувственно объяснила тётенька общественный контролёр. — Пусть по утрам холодный душ принимает. Это очень укрепляет нервную систему.

Они вышли из автобуса и зашагали по дорожке городского сквера.

«Что же делать?! Что же делать?! Что же делать?! — чуть не кричал Толик. — Вот вредная старушенция! Свалилась на мою несчастную голову!.. Но я что-нибудь, да придумаю! Она ещё пожалеет...»

— Предложение твоё деловое, — сказала тётенька общественный контролёр, — но рискованное. Присядем давай. — Она села на скамейку, не выпуская из рук милицейский свисток, и думала, шевеля губами, подсчитывая что-то.

И Толик тоже думал, но в руках у него был не милицейский свисток, пусть раза в четыре больше обычного, а — пистолет. Придётся, видимо, им воспользоваться!

«Уйти бы куда-нибудь, — торопливо прикидывал в уме Толик, — там я вынимаю пистолет... и требую... то есть приказываю... А если она не поверит, что пистолет настоящий? Тогда что делать?»

На всякий случай он ещё раз сделал попытку разжалобить тётеньку общественного контролёра и самым нежным голосом, на какой только был способен, заговорил:

— Три зайца у вас завтра будет. Три штрафа. Три почёта. Отпустите вы меня. Честное-пречестное слово, не обману. Если удастся, четырёх зайцев приведу. А?

— Не верю я тебе, миленький, — ласково сказала Анна Дмитриевна, — и права не имею верить. Какой же я тогда общественный контролёр, если зайцу поверю? Идём в милицию, а завтра товарищей приводи. О штрафе не беспокойтесь. Сама за вас деньги внесу. Только попадитесь.

— Руки вверх! — в отчаянии приказал Толик, вытащив пистолет и направив дуло прямо в нос Анне Дмитриевне. — Ни с места! Я стреляю без предупреждения и без промаха! Я агент иностранной разведки крупной державы! Заброшен в ваш город для выполнения опасного задания! Если вы, бабушка...

— Не бабушка я ещё...

— Неважно! Если вам, пока вы ещё не бабушка, дорога жизнь, не шевелитесь, не двигайтесь с места, не свистите в свой свисток десять минут! Не вздумайте выдавать меня! Моя пуля найдёт вас повсюду!

— Не боюсь я тебя... Не боюсь я тебя... — торопливо бормотала Анна Дмитриевна, оглядываясь по сторонам. — И пистолет у тебя игрушечный... И не агент ты, а второгодник какой-нибудь... А я сейчас милицию вызову... тут тебя и...

— Стреляю без предупреждения и без промаха! — тряся пистолетом перед её носом, хрипло крикнул Толик. — Моя пуля найдёт вас повсюду!

Держа пистолет в вытянутой руке, Толик попятился.

Не успел он скрыться в кустах, как общественный контролёр Анна Дмитриевна с такой силой начала дуть в свой свисток, словно это была боевая труба.

Глава № 11
Общественный контролёр Анна Дмитриевна в обществе двух шпионов. ЫХ-000 пытается стать человеком

ЫХ-000 побрился, причесался, уложил вещи в чемодан, включил рацию и передал в эфир:

— «Фруктам-овощам». Потерял всякую возможность действовать. Окружён со всех сторон. Видимо, гибну. Работайте самостоятельно. Старшим назначаю Бугемота. Скоро нам всем каюк. ЫХ-000».

Он передал это сообщение в эфир несколько раз. Пусть приятели-предатели выкручиваются сами, а задания им всё равно не выполнить. Полковник Шито-Крыто лопнет от злобы. А ему, Фонди-Монди-Дунди-Пэку, пожилому человеку, надоело трястись от страха. И пусть не носить ему мундира с погонами, орденами и медалями, зато он отныне будет жить по-человечески.

Сядет он в поезд, уедет на берег южного моря, снимет там комнату в доме, где много детей, станет с ними во все игры играть, кроме игры в шпионов.

И теперь он, кстати, уже не ЫХ-000, не Фонди-Монди-Дунди-Пэк. В паспорте у него значится: Иван Иванович Иванов.

С чемоданом в руке он довольно спокойно шагал к вокзалу, раздумывая о том, что на первый, как говорится, случай он нашёл неплохой выход из положения. Конечно, полковник Шито-Крыто будет его разыскивать, искать он умеет, ну, а мы умеем прятаться.

Но он и сам не заметил (проклятая шпионская привычка — действовать по секретной инструкции!), как оказался в сквере на условленной скамейке.

Тут же рядом сразу плюхнулся Бугемот, да так плюхнулся, что едва не опрокинул скамейку. Сидел он, сидел, пыхтел он, пыхтел и мрачно спросил:

— Вы, случайно, не знаете, когда играет «Спартак» с «Динамо»?

«Поручили ему ликвидировать меня или нет? — пронеслось в голове Фонди-Монди-Дунди-Пэка. — Главное, чтобы он не догадался, что я — это я».

Иван Иванович Иванов на вопрос ответил вопросом:

— А какое «Динамо» вы имеете в виду?

— Обыкновенное «Динамо». Футбольную команду.

— В первенстве страны участвует, к вашему сведению, несколько команд под названием «Динамо», — любезно объяснил Иван Иванович Иванов. — Какая именно команда вас интересует? Киевская, минская...

— Я спортом не интересуюсь, — пробурчал Бугемот, — я больше люблю сардельки. Понимаете, я больше люблю сардельки!

— А я обожаю сосиски, — с улыбкой ответил Иван Иванович Иванов. — И обязательно с картофельным пюре.

— А я пюре ненавижу, — сквозь зубы процедил Бугемот, и по лицу его было видно, что он мучительно что-то соображает. — Ненавижу я пюре! — очень мрачно повторил он. — И сосиски ненавижу! И футбол ненавижу!

— Почему же вы спрашиваете о футболе вот уже второй раз?

— Потому что меня просили спросить. Понимаете? Меня просили спросить: вы, случайно, не знаете, когда играет «Спартак» с неважно каким «Динамо»?

«Он от меня не отстанет, — подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, — надо мне от него как-то отделаться».

А Иван Иванович Иванов недовольно сказал:

— Если вы, гражданин, лишку выпили и заговариваетесь, то ступайте себе домой, а то вон невдалеке где-нибудь наверняка милиционер имеется.

— Извиняюсь, простите, извините, — испуганно пробормотал Бугемот, но не двинулся с места, только запыхтел ещё громче.

«Значит, он уже приставлен следить за мной, — подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, — нагонит в безлюдном переулке — и пулю мне в затылок. Или две, для верности».

Бугемот же был абсолютно убеждён, что перед ним, вернее рядом с ним, не кто иной, как руководитель диверсионной группы «Фрукты-овощи». И хотя Бугемот совершенно запутался в этих «Динамо», сосисках, сардельках и особенно в картофельном пюре, он, как говорится, всей своей шпионской шкурой чувствовал, с кем имеет дело.

Но поведение ЫХ-000 было настолько непонятным, что Бугемот потерял всякую рассудительность вместе с бдительностью. В страшном нетерпении, стремясь как можно

скорее и во что бы то ни стало выяснить обстановку, он отломил прутик и на песке нацарапал:

ЫХ-000.

«Вот болван! — подумал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Как бы мне от него улизнуть?»

И пока Иван Иванович Иванов спокойно сидел и не смотрел на песок, словно там было нацарапано неприличное слово, Бугемот весь испыхтелся, словно бежал в гору и нёс на себе Бугемота вроде себя.

Вдалеке раздался милицейский свисток. В другое время шпионы не обратили бы на него и малейшего внимания, а сейчас их затрясло от страха, словно они были не агенты, а жулики-карманники. Бугемот так заподпрыгивал на скамейке, что она имела право развалиться в любой момент.

А трели милицейского свистка были всё ближе и ближе, всё громче и громче.

Бугемот и ЫХ-000 тряслись и тряслись. Только один успокоится — другого забьёт мелкой дрожью. Так можно было и мозги вытрясти! Поэтому агенты вцепились руками в скамейку, чтобы унять дрожь, сжали зубы и — замерли.

Кто-то сзади приближался к ним, ломая кусты и оглушительно свистя в милицейский свисток.

— Спартак... Динамо... Спартак... Динамо... — бормотал ЫХ-000, пытаясь вспомнить что-то очень важное. — Спартамо... динаспар... такдина... амоспар... так!.. так!

— Сосиски, сардельки! Сосиски, сардельки! — бормотал совершенно обескураженный Бугемот. — Соселькн! Сароски! Перю! Рюпо! Пюро! Пере! Пюре!

От страха они не слышали друг друга и не смотрели друг на друга.

— Граждане, граждане! — раздался сзади радостный голос. — Вы тут случайно шпиона не видели? Маленький такой, с пистолетом, в одних трусах чёрных, в руках майка жёлтая, а?

— Нет, нет, никакого шпиона мы не видели! — торопливо ответили шпионы.

На скамейку между ними села тётенька общественный контролёр Анна Дмитриевна. Она тяжело дышала и мелко тряслась — это оттого, что скамейка подпрыгивала.

— Чего-то вроде землетрясения, что ли? — удивилась Анна Дмитриевна. — Или меня от радости трясёт? Нюхто у меня какой, а? Ловила безбилетного зайца, а чуть

шпиона не поймала! Как он меня отпустить его уговаривал! А у меня на них нюх! Мальчишкой, подлец, переоделся! И лопочет совсем по-нашему! И ездит-то, как наши, зайцем! В майке у него пистолет был завёрнут. Вытащил он его, прямо мне в нос сунул и заорал человеческим голосом: «Руки вверх!»

Шпионы тихонько состонали, борясь с желанием поднять руки.

— Я ни разу в жизни живого-то шпиона и не видел, — заискивающим тоном произнёс Бугемот. — По-моему, их не бывает.

— Не бывает! — усмехнулась Анна Дмитриевна. — Как же это не бывает, когда он мне сам сказал, что он агент иностранной разведки крупной державы! В мальчишку переоделся и действует, враг такой!

— Мальчики часто играют в шпионов, — строго сказал ЫХ-000, — глупейшая, конечно, игра, но...

— Идиотская игра! — почти рявкнул Бугемот. — Запретить её надо!

— Это было бы очень, очень гуманным решением, — добавил ЫХ-000. — А то кому — игра, а кому — трёпка нервов.

— Шпион это, агент! — твёрдо проговорила Анна Дмитриевна и громко дунула в свой свисток. — Вот отдохну, отдышусь и поймаю. Хотел он меня запугать, думает, что мы, пенсионеры, народ трусливый. А мы, наоборот, храбрецы. Я вот себя полной сил почувствовала, когда меня с почётом на заслуженный отдых проводили. Аппетит у меня появился, мысли, желания всякие. И никого я не боюсь. Я бы и с Фантомасом справилась! Точно, точно!.. А чего это я трястись перестала?

И только тут тётенька общественный контролёр Анна Дмитриевна заметила, что сидит на скамейке одна.

Она набрала в грудь побольше воздуха
и засвистела в милицейский свис
ток так, словно
дула в бое
вую тру
бу.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,
у которой тоже два названия:
«КЕЯК, КЕЮК, КАЁК, КАЮК»
и
«НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ, САМ В НЕЁ ПОПАДЁШЬ»

Глава № 12
Почему генерал Батон против гигиены

Полковник Шито-Крыто уже давно унюхал, что тщательно подготовленная им лично операция «Фрукты-овощи» проваливается.

Ещё когда он получил сообщение от ЫХ-000, что тому нездоровится, у полковника Шито-Крыто засосало под ложечкой. А если у такого типа засосало под ложечкой, то это означало, что не он делал кому-то крупную пакость, а ему кто-то делал крупную пакость.

Он не задавал себе вопроса: как могло случиться, что трусом и предателем оказался его лучший агент и закадычный враг? С точки зрения полковника Шито-Крыто, любой может стать трусом и предателем в любой момент.

Начальника Самого Центрального Отдела беспокоило другое: полный провал операции «Фрукты-овощи» означал, по существу, почти полный провал всей организации «Тигры-выдры». Ведь ЫХ-000 знает всё! А раз он всё знает, то всё и выдаст! Следовательно, его надо как можно скорее ликвидировать. Но — как?

Пока ещё полковник Шито-Крыто не стучал по столу кулаками, не топал по полу ногами, не бился о стену своей огромной, без единого волоска головой и тем более не собирался лопаться от дикой злобы.

Пока он занимался своими обычными ежедневными делами, то есть думал,

размышлял,
рассчитывал,
прикидывал,
взвешивал,
изучал,
сравнивал,
делал выводы —
готовился к осуществлению мечты всей своей жизни.

От очень сильного напряжения голова потела, и он часто подставлял её под поток воздуха от девяноста семи настольных вентиляторов и выжидал, когда она охладится.

Уважал, любил и берёг он свою голову!

Генерал Батон спросил его однажды:

— Не могу разобраться, что же напоминает мне ваша огромная голова — арбуз, футбольный мяч или глобус?

Вопрос был задан самым ехидным тоном, но полков-

ник Шито-Крыто ответил не только серьёзно, но и с достоинством:

— А это зависит от того, когда вы вспоминаете о моей голове, шеф. После сытного обеда она напоминает вам арбуз. Во время футбольного матча она напоминает вам мяч. А когда вы думаете о масштабах деятельности «Тигров-выдров», моя голова кажется вам похожей на глобус. К счастью, ваша голова, господин генерал, ни на что не похожа.

Об этом разговоре и не стоило бы вспоминать, но полковник Шито-Крыто ни на секунду не забывал, что генерал Батон ненавидит его смертельной ненавистью, завидует ему лютой завистью именно из-за головы.

Как так — генерал завидует полковнику? Как так — начальник завидует подчинённому?

А вот так, бывает.

Ведь над каждым начальником обязательно есть ещё начальник, и поэтому каждый начальник — ещё и подчинённый. И начальники, которые командовали генералом Батоном, хорошо знали, что его голова соображает хуже, чем голова полковника Шито-Крыто.

Дело в том, что генерал Батон был невероятно ленив, и особенно лень ему было думать: от самой маленькой мысли он очень уставал. Больше всего на свете он любил сидеть в мягком генеральском кресле и дремать, совершенно забыв о том, что он генерал и у него много генеральских забот.

А его помощник — офицер Лахит — говорил посетителям, что шеф занят, однако не уточнял, чем именно занят шеф.

Путём многолетних ежедневных тренировок генерал Батон научился мастерству спать с открытыми глазами. Можно было считать, что он не жил, не руководил, не командовал, а подрёмывал себе на здоровье и во вред своей родной шпионской организации. И ещё он овладел ещё более сложным искусством — просыпаться в самый нужный момент.

Питался генерал Батон в основном манной кашей и киселём: чтобы не жевать. Да и жевать-то ему было нечем: почти все зубы у него давным-давно выпали, так как он чистил их всего восемь раз за всю свою жизнь. Вставлять искусственные зубы он не хотел: всё равно жевать ему было лень. А для чего же зубы вставлять, если ими не жевать?

И, представьте себе, его отец — старик Батон, тоже генерал, но только в отставке — часто ставил своего сына в угол!

Как только увидит старик Батон, что сын садится обедать не вымыв руки, так и скомандует:

— На двадцать две минуты в угол шагом марш!

И ровно через двадцать две минуты снова команда:

— Просить у меня прощения шагом марш!

Генерал Батон просыпался и говорил:

— Простите меня, господин папа генерал, я больше не буду. То есть, наоборот, буду мыть руки перед едой.

Но вот чего не ленился делать генерал Батон, так это — писать доносы, жаловаться всегда всем на всех везде, сплетничать, распускать слухи, клеветать. Все его и боялись.

Все, кроме полковника Шито-Крыто, который единственный из подчинённых знал о своем начальнике всё, даже то, что дома его часто ставят в угол за немытые руки.

Как мечтал генерал Батон разделаться с полковником Шито-Крыто!

И вот офицер Лахит принёс радостную весть:

— Операция «Фрукты-овощи», шеф, под угрозой полного провала. Мутит воду ЫХ-три нуля. А он зря мутить не будет.

Генерал Батон от радости проснулся, вздремнул на радостях, от радости же проснулся, вызвал к себе начальника Самого Центрального Отдела и спросил совершенно ехидно:

— Насколько блестяще продвигается операция «Фрукты-овощи», подготовленная лично вами? Как великолепно действует доблестный ЫХ-три нуля, ваш закадычный враг?

Глядя ему прямо в глаза и зная, что он в это время дремлет, полковник Шито-Крыто спокойно ответил:

— Произошли некоторые вполне естественные затруднения и связанные с ними соответствующие осложнения, шеф. Стараемся их ликвидировать. Что же касается ЫХ-три нуля... он всегда в наших руках.

С трудом уловив смысл, генерал Батон соснул ещё семь секунд и сказал:

— Принимаю ваше сообщение к сведению... Кстати,

полковник! Как мне достоверно известно, вы каждый день чистите зубы, несколько раз в день моете руки. Так?

— Так точно, шеф. Зубы я чищу дважды в день. Утром и перед сном.

— Позвольте узнать, а с какой целью вы всё это выполняете?

— Гигиена, шеф. Чистота — залог здоровья. В здоровом теле — здоровый дух.

— Дух-то у вас, может быть, и здоровый, — соснув, сказал генерал Батон иронически. — А вот какой у вас ум? Разве вы стали умнее оттого, что дважды в день чистите зубы и моете руки перед едой? Разве помогла гигиена хоть кому-нибудь стать умнее? — И он заснул стоя и с открытыми глазами.

Полковник Шито-Крыто угадал, когда шеф проснулся, и спросил:

— А разве сделала хоть кого-нибудь умнее нечистоплотность?

— Нет, нет! — радостно и громко воскликнул генерал Батон и своим голосом разбудил самого себя. — Гигиена не имеет никакого отношения к уму. Моешь ты руки перед едой или не моешь, умнее от этого не станешь. Нам нужен не здоровый дух, а здоровенный ум. Я считаю, полковник, — говорил он уже во сне, — что вы много времени тратите на гигиену и это нездоровое увлечение отрицательно сказывается на вашей работе. Ведь в то время, когда вы беззаботно чистите зубы или непонятно зачем моете руки, работа у вас не двигается с места. В молодости, моей и вашей, вы казались мне выдающимся человеком. Вы мечтали — и мечта эта была прекрасна — предать всех людей! Вы даже хвастливо заявили, что предадите и меня при первом удобном случае. Ну?

— Я и предам вас при первом удобном случае, шеф. Не беспокойтесь, пожалуйста, на этот счёт. Всему своё время.

— Посмотрим, посмотрим! — генерал Батон опять сам разбудил себя громким голосом. — Мне не нравится ваше увлечение гигиеной, от которой никому ни холодно ни жарко. Как старший по званию и по возрасту советую: побольше работы, поменьше гигиены! Если операция «Фрукты-овощи» провалится, не видать вам генеральских погон. Можете идти.

И генерал Батон задремал, стоя и с открытыми глазами.

Глава № 13
Как полковник Шито-Крыто предполагает проскочить в генералы, убрав с пути генерала Батона

Полковник Шито-Крыто вернулся в свой кабинет и, как ни в чём не бывало, продолжал

думать
и размышлять,
р а с с ч и т ы в а т ь и п р и к и д ы в а т ь,
ВзВешиВАть и изучАть,
сравнивать
и ДЕЛАТЬ **выводы...**

На слова шефа он нисколечко не обиделся, потому что начальство имеет полное право говорить всё, что ему придёт в голову, если даже эта голова ни на что не похожа. Даже сейчас эта голова не понимает, что её владельцу грозит грандиозный подвох со стороны головы полковника Шито-Крыто, которая похожа на арбуз, футбольный мяч или глобус. Не соображает голова ленивого генерала Батона, что в случае провала операции «Фрукты-овощи» попадёт-то ему! И этого добьётся голова полковника Шито-Крыто!

Когда их вызовет Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование, полковник Шито-Крыто не станет каяться:

— Простите, извините, виноват, больше не буду, готов понести любое наказание, дурак я дурак, а вы умные!

А скажет он следующее:

— Это моя первая и последняя крупная ошибка. Прошу дать мне возможность загладить вину. Я предлагаю вашему вниманию операцию «Братцы-тунеядцы», над которой я работал всю жизнь.

Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование будет поражено, ошеломлено, восхищено, обескуражено, обрадовано планом невиданной операции.

Генерал же Батон будет спать с открытыми глазами, а когда проснётся, то услышит, что его снимают с поста руководителя «Тигров-выдров», а на его место назначают Г Е Н Е Р А Л А Шито-Крыто.

— За что? — очень глупо спросит генерал Батон.

— А хотя бы за то, — ответит ему Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование, — что не может быть руководителем крупнейшей шпионской организации субъект, который не чистит зубы и не моет руки перед едой и вообще против гигиены который.

И генерал Шито-Крыто, получив особые полномочия и огромные ассигнования, тут же примется за подготовку операции «Братцы-тунеядцы», которую вынашивал в своей огромной, без единого волоска голове всю жизнь.

Но всё это были пока ещё мечты, хотя и вполне реальные.

Полковнику Шито-Крыто многое предстояло пережить и многое сделать, прежде чем он проскочит в генералы. Ему ещё предстояло, в частности, чуть не лопнуть от дикой злобы.

Глава № 14
Мечта Толика Прутикова сбылась!

Милиция оцепила сквер. Служебные собаки вынюхивали не только каждый сантиметр земли, но и каждый миллиметр, и виновато помахивали хвостами. Ведь по скверу прошло столько людей, что отыскать нужный след было, конечно, невозможно. Но служба есть служба, и собаки старались изо всех сил.

Тётенька общественный контролёр Анна Дмитриевна всё рассказывала и рассказывала, но уже хриплым от усталости голосом:

— Я, говорит, заграничный шпион крупной державы, я вам пулю в нос без промаха и предупреждения. Я, говорит, вас, пенсионеров, ненавижу, потому что вы — главная сила в государстве. А сам мальчишкой переоделся и зайцем, как наши, в автобусе разъезжает. И болтает по-нашему. Чувствую я, что это шпион, а не заяц. Потому что бдительности у меня очень уж много. Заработала я себе почёт или не заработала? Заработала, конечно, заработала!

А Толик тем временем прибежал домой, мимо бабушки прошмыгнул в комнату, сунул пистолет под подушку.

— Не поймал ещё шпиона-то? — спросила бабушка.— Давай поешь да снова за дело. Бегаешь, бегаешь, глядишь, и поймаешь. А на голодный желудок, говорят, шпионы ловятся плохо.

Замечательной бабушкой была Александра Петровна! Никогда она на внука не сердилась. Никогда она на внука не ворчала. Никогда она внука не наказывала. Никогда она на внука не жаловалась. Жить с ней было нетрудно и весело. Да и удобно!

Была, например, у неё с внуком секретная тайна, о которой знали только они вдвоём.

Один раз в месяц бабушка утром озабоченно говорила:

— Что-то у тебя лицо, милый внук, очень уж нехорошее. Видно, у тебя недомогание от переутомления. Лечить тебя надо.

Папа Юрий Анатольевич советовал немедленно вызвать «скорую помощь», мама — просто участкового врача, а бабушка успокаивала:

— Я его не хуже любого врача выхожу. Просто устал парень, да и простуду подхватил.

Едва закрывалась дверь за родителями, Толик прямо в постели вставал на голову, болтал в воздухе ногами, снова залезал под одеяло и ждал, когда бабушка начнёт его угощать.

Болеть, если болеешь, неинтересно. Но болеть, если ты совершенно здоров, это очень замечательно!

— Конечно, мы поступаем не совсем честно, — говорила бабушка, подкладывая внуку оладью за оладьей, одну больше другой. — Но ведь ребёнок — тоже человек и тоже нуждается в дополнительном отдыхе и усиленном питании. Вот полежишь, наберёшься сил и дальше будешь учиться.

Потом они с Толиком в шашки играли. И в этом они были друзьями. Раз внук ей проиграет, два раза она ему сдастся.

Вот как она внука любила! И, чувствуя, видимо, вред подобной любви, она иногда говорила:

— Если я и балую тебя, то в меру.

Современные бабушки, как известно, очень отличаются от своих бабушек. В наше время выросло и сформировалось новое, не похожее на предыдущие, поколение бабушек, которое условно можно назвать телевизионным.

Телевидение сблизило бабушек и внуков, выработало у них общие интересы.

Бывало, папа с мамой давно уже спят, а Толик и Александра Петровна убавят у телевизора звук — и смотрят!

Один раз, правда, их задержали, как говорится, на месте преступления. Это когда бабушка не выдержала и среди ночи криком потребовала у сборной СССР:

— Шай-бу! Шай-бу! Шай-бу!

Сборная СССР, естественно, уважила бабушку, но обе они, сборная СССР и бабушка, на этом не успокоились: команда забросила ещё одну шайбу, а бабушка и Толик торжествовали на всю квартиру:

— Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!

Тут явился папа Юрий Анатольевич, и ночным болельщикам здорово попало.

Так вот они и жили, и всё было хорошо до того самого момента, когда Толик пришёл домой с пистолетом. Он вёл себя неимоверно гордо. Если можно так выразиться, его прямо распирало от этой самой гордости.

Он и не подозревал, не мог подозревать, что в глубине души бабушка уже давненько сама побаливала шпионизмом! Она тщательно скрывала это от всех, даже от внука. Ей очень хотелось стать первой бабушкой в мире, которая отличится в борьбе с агентами иностранных разведок. Ведь по телевизору или в кино кто их только не ловит! Но ещё ни разу ни одного шпиона не поймала ни одна бабушка!

И Александра Петровна не выдержала и спросила Толика, который гордо ел суп:

— Друзья мы с тобой или не друзья? Помогала я тебе всю жизнь или не помогала? Согласен ты со мной дальше дружить или не согласен?

Она намеревалась спросить об этом спокойно, деловито, но при первых же словах разволновалась и совершенно неожиданно начала всхлипывать.

— Да ты что? — небрежно спросил Толик. — Как девчонка какая-нибудь! — И он снисходительно пообещал: — Ты у меня ещё прославишься. Ты у меня самой знаменитой бабушкой будешь.

— Вот, вот, вот! — растирая по щекам слёзы, воскликнула бабушка. — Я ведь тоже хочу шпионов ловить! Всегда все везде говорили, что ум — хорошо, а два — куда лучше. Ну как ты без меня шпиона поймаешь? Мы же с тобой привыкли всё делать вместе. Давай и шпионов вместе ловить! Это же будет замечательно: бабушка и её любимый внук — герои!

Толик очень насмешливо усмехнулся, гордо доел суп и сказал:

— Да где же это видано? Да где же это слыхано?

Никогда ещё бабушки такими серьёзными и опасными делами не занимались. У тебя ведь даже физической подготовки нет. А бегать быстро ты можешь? А ползать по-пластунски ты умеешь?

— Зачем мне физическая подготовка? Зачем мне быстро бегать? Бегать будешь ты. И физическая подготовка у тебя будет. Вот ползать — я, пожалуй, попробую. Может, по-пластунски, может, просто так. Ты, главное, пойми, что нельзя тебе меня бросать. Дружить мы с тобой должны до последнего дыхания.

— Давай котлету, — разрешил Толик. — Не волнуйся. Что-нибудь придумаем. Ссориться нам с тобой ни к чему.

— Всегда всем доказывала, что голова у тебя соображает замечательно! — растроганно сказала бабушка. — Ешь, ешь, сил набирайся! Считай, что шпионы у нас в руках!

«Как бы не так! — насмешливо подумал Толик. — Не бабушкино это дело — иностранных агентов задерживать. Это наше дело, мужское. Тут смелость нужна, ловкость, зоркий глаз, сила. А бабушкино дело — обеды варить, чтобы я здоровым был».

Такая самоуверенность объяснялась не только тем, что у мальчика был пистолет. Толик был твёрдо убеждён, что мечта его исполнится. Вот выйдет он на улицу, хорошенько посмотрит вокруг, в каждое лицо вглядится, и одно из этих лиц обязательно окажется шпионским! И тут останется одно: руки вверх! Ура!

— Ура! — закричал Толик. — Не уйти им от меня! Стреляю без промаха! Руки вверх!

— Красиво это у тебя получается, — одобрила бабушка, — не хуже, чем по телевизору, получается.

— По телевизору, бабушка, — это кино, понарошку всё, — важно проговорил Толик. — А я настоящего шпиона поймаю. Жизнью своей рисковать буду.

— Вот уж этого я бы не делала, — сразу обеспокоилась бабушка. — Пусть он, шпион, жизнью своей рискует. Тебе-то зачем рисковать?

Ловко сунув пистолет в карман, Толик выбежал на улицу, радостно думая о том, что кто его знает, а вдруг, а может быть, именно сегодня он задержит иностранного агента! Ведь нашёл же он сегодня пистолет! Ведь сбежал же он сегодня от тётеньки общественного контролёра! И от бабушки легко отделался!

Он резко остановился, обеспокоенный какой-то неожиданно пришедшей в голову мыслью, вернее даже не мыслью, а ощущением тревоги. Откуда она, эта тревога, взялась? Вот совсем недавно, когда он ел на кухне, ему казалось, что шпиона он встретит почти сразу, как выйдет из подъезда... А сейчас уверенность вдруг стала таять...

Мимо него проходили совершенно обыкновенные люди, нисколько не напоминающие шпионов. Толик медленно шёл, внимательно и подозрительно вглядываясь в каждое лицо, и с каждым шагом всё меньше надеялся встретить агента иностранной разведки.

«Ой, какой же я недотёпа! — вдруг радостно подумал Толик. — И зачем это шпиону ходить по улицам? А если даже он и тут где-то, то обнаружить его среди множества людей просто невозможно. Надо идти куда-нибудь, где людей мало. И там шпион сразу бросится в глаза. Остальное — ерунда. Руки вверх! Пройдёмте!»

Вспотевшей от волнения ладонью Толик сжимал в кармане оружие и ходил по скверу, внимательно смотря по сторонам и подозрительно вглядываясь в каждого прохожего. Устав, он присел на скамейку и увидел, что на песке нацарапано: ЫХ-000.

«Это же номер иностранного агента! — радостно сообразил Толик и даже затопал ногами от нетерпения. — Итак, ловим шпиона ЫХ-000! ЫХ-000! ЫХ-000!»

Не знал Толик, что в это же самое время ловили и его самого, тоже считая его или агентом или хулиганом в жёлтой безрукавой майке!

А он лазал по кустам, ползал, чего-то высматривал, кого-то подкарауливал и вскрикивал:

— Руки вверх, ЫХ-три нуля! Руки вверх, ЫХ-три нуля!

С каждой минутой азарт погони овладевал им всё сильнее и сильнее. Толик вытащил пистолет, он прицеливался в стволы деревьев, в скамейки, мусорные тумбы и выкрикивал:

— Руки вверх, ЫХ-три нуля! Ни с места, ЫХ-три нуля! Сдавайся, ЫХ-три нуля!

Из-за поворота вышел дяденька с чемоданом в руке. Услышав приказание, он выронил чемодан и поднял руки вверх.

Толик хотел пробежать дальше, но от неожиданности не мог пошевелиться.

— Сдаюсь, — хриплю сказал дяденька, не сводя глаз с пистолета. — Не могу больше. Устал. Ведите.

Глава № 15
«Вы хотели отравить наш город, а как попались, сразу жить захотели»

Знаменитейший агент шпионской организации «Тигры-выдры», зашифрованный под индексом ЫХ-000, по имени Фонди-Монди-Дунди-Пэк, с паспортом на имя Ивана Ивановича Иванова, руководитель диверсионной группы «Фрукты-овощи», шёл с поднятой вверх рукой, в другой держал чемодан, и бормотал:

— Всё скажу. Всех выдам. Не могу больше. Устал. Надоело. Возраст не тот. Силы не те. Здоровье не то. Всё не то.

Это видел агент Мяу. От страха он остановился посередине улицы, нарушил правила уличного движения и, пока платил штраф милиционеру, потерял из виду странную пару: мужчина с поднятой вверх рукой и мальчик с пистолетом.

Это же видел и агент Бугемот. Хорошо, что на его голове была соломенная шляпа и никто не заметил, как волосы под ней встали дыбом.

«Кеюк... — пронеслось в голове Бугемота. — Кеяк... каёк... Откуда они берут таких маленьких агентов? С виду совсем мальчишка, а взял, может быть, ЫХ-000! Или это предатель? Или это вовсе не ЫХ-000?»

И Бугемот, как говорится, дал дёру. Дёру-то он дал, но — куда? Бежал Бугемот, бежал, пыхтел Бугемот, пыхтел, запыхался совсем, остановился. «Кеюк! — опять пронеслось в голове. — Кеяк! То есть крышка? Теперь-то мы все пропали! Каёк!»

Еле-еле справившись со страхом, Бугемот, как полагалось по секретной инструкции, передал сообщение о случившемся в Самый Центральный Отдел «Тигров-выдров» и начал искать в эфире остатки диверсионной группы «Фрукты-овощи».

Первым отозвался Канареечка. Бугемот сообщил ему неприятнейшую новость, закончив её словами:

— Теперь нам всем кеяк, кеюк или каёк. Выбирай любое. Прощай навеки.

Тут его и взяли.

Вторым попался Канареечка. При попытке ускользнуть он налетел на мусорную тумбу, ударился о неё головой, и тумба раскололась на две равные части. Канареечка потерял сознание и очнулся уже в камере.

Дольше всех ловили Мяу. Поймали.

И вот голубчики в полном составе, вся диверсионная группа «Фрукты-овощи», теперь уже безопасная, сидели в кабинете полковника Егорова.

Он, улыбаясь, сказал:

— Наконец-то вы можете побеседовать в спокойной обстановке. Вопрос первый, над которым я давно ломаю голову. Почему Бугемот, а не Бегемот?

— Машинистка в приказе сделала опечатку. Сначала не заметили, а когда заметили, я уже по всем документам был Бугемот, — мрачно объяснил агент. — Вот у меня вопрос к нашему руководителю, которого нам всегда ставили в пример. Я хочу узнать перед смертью: предатель ты или нет?

— Я всегда был предателем, как и все вы, — уклончиво ответил ЫХ-000. — Мне надоело шпионить. Мне надоело диверсионить. Всё надоело. Я устал... Но в любом случае мы бы погорели. Здесь даже мальчишки ловят нашего брата.

— Даже есть одна бабушка, — смеясь, сказал полковник Егоров, — которая тоже мечтала поймать одного из вас.

— А что такое кеяк? — пропищал Канареечка, бережно ощупывая свою забинтованную голову. — Или кеюк? Или каёк?

— Не кеяк, не кеюк, не каёк, а каюк. Крышка.

— Ясно! — буркнул Бугемот. — Господин полковник, а нам сохранят жизнь?

— Интересно вы рассуждаете, — усмехнулся полковник Егоров. — Вы хотели отравить наш город, а как попались, так сразу жить захотели.

— Жизнь... нам... ну... это... ни к чему, — зло промямлил Мяу. — Мне всё равно, что со мной будет. Но предателем я не буду. От меня лично вы ничего не узнаете.

— Напрасно вы так! — строго сказал полковник Егоров. — Да, по нашим законам вам грозит самое тя-

жёлое наказание. Но вы можете облегчить свою участь добровольным и полным раскаянием.

— А что бы вы хотели? — заискивающим тоном пропищал Канареечка. — Конкретно?

— Конкретно вот что. Я даю вам на размышление два часа. Один из вас должен вернуться в «Тигры-выдры» с нашим заданием.

— Полковник Шито-Крыто подвесит этого безумца к потолку за левую ногу или расстреляет из пушки! — воскликнул Мяу и побледнел от страха, словно перед ним был не полковник Егоров, а начальник Самого Центрального Отдела.

— Мы не такие дураки, — проворчал Бугемот.

— Это в принципе нереально! — пропищал Канареечка.

ЫХ-000 промолчал.

— В вашем распоряжении сто двадцать минут, — сказал полковник Егоров, — постарайтесь использовать их разумно.

Глава № 16
Самодонос генерала Батона

И вот полковник Шито-Крыто убедился, что диверсионная группа «Фрукты-овощи», подготовленная лично им, потерпела полный провал, такой провал, какого не знали «Тигры-выдры» за всё время своего существования.

Полковник Шито-Крыто, придя в себя, сел готовить доклад Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию.

А генерал Батон в редкие минуты бодрствования обдумывал очень серьёзный вопрос. Ведь если он не свалит всю вину на полковника Шито-Крыто, то полковник Шито-Крыто свалит всю вину на него.

Тогда генерал Батон улыбнулся и сел за стол сваливать всю вину на своего подчинённого, то есть писать на него анонимный донос.

Он быстро-быстро застучал на пишущей машинке:

Самому Высокому
Самому Верховному Главнокомандованию
АНОНИМНЫЙ ДОНОС

НА ПОЛКОВНИКА ШИТО-КРЫТО

И генерал Батон сразу почувствовал себя молодым, здоровым, умным, честным, смелым.

Чтобы донос получился правдивым и убедительным, надо на другого сваливать свои собственные грехи. Донос обязательно должен быть анонимным (то есть без подписи). Тогда комиссия по его проверке будет ломать голову не над тем, что сообщается в доносе, а над тем, кто же его сочинил, но рассердится на того, на кого и написан донос! Тут-то ему и несдобровать!

Потерев от удовольствия немытые руки, генерал Батон быстро-быстро застучал на пишущей машинке:

ПОЛКОВНИК ШИТО-КРЫТО НЕ МОЕТ РУКИ ПЕРЕД ЕДОЙ, НЕ ЧИСТИТ ЗУБЫ,
ИСКУССТВЕННЫЕ НЕ ВСТАВЛЯЕТ И ПОЭТОМУ ПИТАЕТСЯ МАННОЙ КАШЕЙ И КИСЕЛЁМ, ЧТОБЫ НЕ ЖЕВАТЬ. РОДНОЙ ОТЕЦ ЕГО — ГЕНЕРАЛ В ОТСТАВКЕ, ВРЕДНЫЙ СТАРИКАН БАТОН — СТАВИТ ЕГО В УГОЛ (ЭТО ГЕНЕРАЛА-ТО!). КРОМЕ ТОГО, ОН, ТО ЕСТЬ ГЕНЕРАЛ БАТОН, НАУЧИЛСЯ СПАТЬ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ ДАЖЕ НА СОБРАНИЯХ И ЗАСЕДАНИЯХ.
ГЕНЕРАЛ БАТОН, ПО СУЩЕСТВУ, НЕ РУКОВОДИТ «ТИГРАМИ-ВЫДРАМИ», ПОЭТОМУ ОПЕРАЦИЯ «ФРУКТЫ-ОВОЩИ» И ПОТЕРПЕЛА ПОЛНЫЙ ПРОВАЛ.

К сему

Генерал Батон, увлёкшись правдой, и не заметил, как написал донос на самого себя — самодонос!

Когда его с полковником Шито-Крыто вызвали к Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию, он и уснуть не успел, как услышал:

— За полное неумение писать доносы, глупость, лень и развал шпионско-диверсионной деятельности немедленно разжаловать генерала Батона в рядовые и направить на

выполнение особо опаснейшего задания, чтобы хоть смертью своей он загладил вину перед командованием, которое на него очень сердито!

Вздохнув, бывший генерал Батон задремал и сквозь сон слышал обрывки речи полковника Шито-Крыто:

— Провал... полный провал... развал... полный развал... глупость... лень... не моет руки... не чистит зубы... позор... против гигиены... докатился до самодоноса... невиданная по своим масштабам операция «Братцы-тунеядцы»... особые полномочия... увеличение финансовых ассигнований... мои заслуги... его позор...

И чей-то голос:

— Генерал Шито-Крыто... генерала Шито-Крыто... генералу Шито-Крыто... подготовить... доложить...

Тут бывший генерал, а отныне рядовой Батон проснулся, потому что рядовым спать много не положено.

— Приступить к подготовке плана операции «Братцы-тунеядцы»!

— Есть приступить! Благодарю за доверие! — ответил генерал Шито-Крыто и приказал: — Рядовой Батон, за мной шагом марш!

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ, в которой «ТИГРЫ-ВЫДРЫ» ПРЕВРАЩАЮТСЯ В «ГРОЗУ И МОЛНИЮ»

Глава № 17
Толик Прутиков опасно заболевает: считает себя выдающимся человеком

Бабушка Александра Петровна твердила одно и то же:

— И я шпиона поймаю. И ещё какого! И ещё как поймаю! У тебя-то всё случайно получилось. А я подготовлюсь. Все шпионские методы сначала изучу. Уж если внук иностранного агента задержал, то бабушка и двух-трёх сможет обезвредить!

Толик в ответ насмешливо усмехался, очень снисходительно улыбался. Дружба его с бабушкой, можно сказать, кончилась, и оба они, представьте себе, не жалели об этом. Бабушка не жалела потому, что обиделась на внука, а внук не жалел потому, что был очарован собой, то есть зазнался.

Но ещё пока никто не догадывался, что мальчик заболел опасной болезнью, которую и предсказывал психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз.

Толик стал гордым и важным. Ведь теперь он был не простой мальчишка, а выдающийся человек, герой наших дней. Правда, он полагал, что ему оказали слишком мало почестей. Его и в открытой машине через весь город не провезли, митинга на центральной площади в честь его не организовали, передачи по телевидению не сделали и даже ни ордена, ни медали какой-нибудь не дали! Это он считал настоящим безобразием.

И всё же Толик был глубоко убеждён, что он может

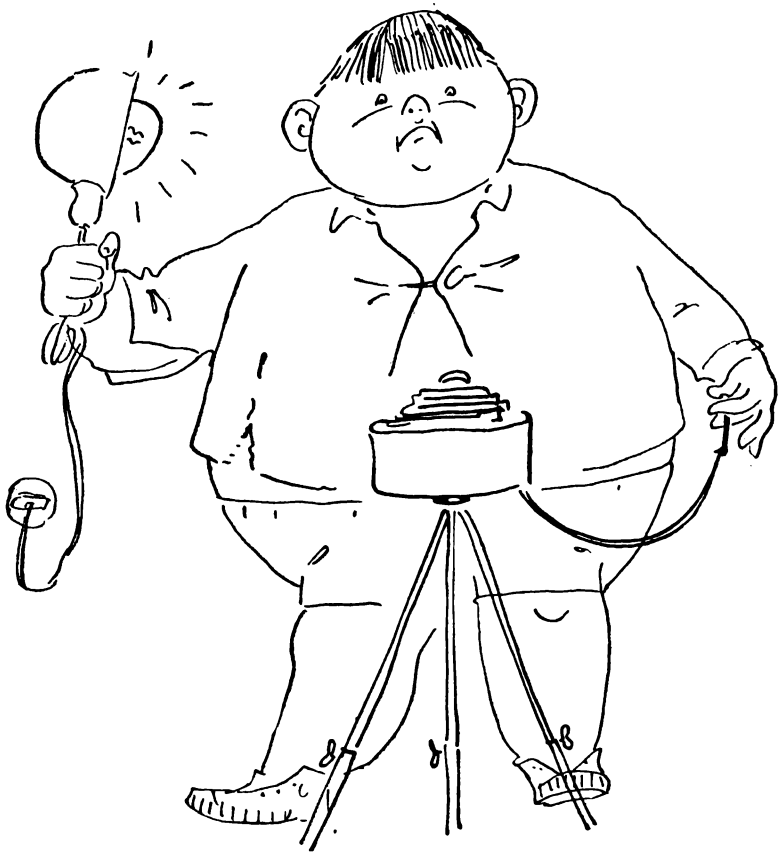
считаться выдающимся человеком, и знал, что ему следует делать. Он любовался собой, гордился собой, уважал себя, обожал себя, не узнавал друзей и знакомых.

— Привет, Толик! — радостно кричит, например, бросаясь к нему, одноклассник или даже сосед по парте. — Здравствуй, Толик!

Выдающийся человек долго смотрит на него, невыдающегося, недоумённо пожимает плечами, морщит лоб, спрашивает удивлённо:

— Простите, а, собственно, действительно, кто вы, извините, такой?

Невыдающийся одноклассник, а может быть даже сосед по парте, растерявшись, называет свою фамилию, имя,



класс, где он учился с выдающимся человеком, а Толик опять недоумённо пожимает плечами, морщит лоб и очень озабоченно произносит:

— Что-то не припомню... что-то не припомню... А когда мы вместе учились? До того, как я смело и отважно поймал шпиона, или после того, как я отважно и смело задержал агента империалистической державы?

— До того! До того! Потому что после этого мы ещё не учились. Каникулы потому что у нас летние. Ты тогда нормальным был. Помнишь, ты у меня на контрольных списывал?

— Что-то не припомню... нет, нет, никак не припомню, извините! — И выдающийся человек шествует дальше, высоко задрав нос, а невыдающийся его одноклассник, а может быть даже и сосед по парте, с уважением и обидой смотрит ему вслед.

Но долго считаться выдающимся человеком трудно.

Ну, хорошо, ты помог однажды поймать шпиона. Прекрасно. Замечательно. Молодец. Ну, а дальше? Так и будешь ходить всю жизнь, задрав нос и не узнавая друзей и знакомых? Один раз сделал доброе дело и считаешь, что больше от тебя ничего и не требуется?

Нет, так в жизни быть не должно, хотя и часто бывает. Любовались Толиком, любовались, гордились Толиком, гордились, уважали Толика, уважали, да и перестали. Другие выдающиеся люди вокруг него появились. Влас Аборкин упал с балкона третьего этажа и не разбился. Мишку Давыдова одна собака искусала, а ему двадцать уколов против бешенства сделали, и он ни разу не пикнул! Пётр Пузырьков спас девочку, которая средь бела дня чуть в фонтане не утонула. У мальчишек слава на весь город, а они, в отличие от Толика Прутикова, ни орденов, ни медалей не просят, не мечтают о митингах в свою честь, просто продолжают жить дальше, как люди живут.

Стал Толик бывшим выдающимся человеком. Шпиона он больше поймать не мог, с третьего этажа падать было страшновато, собак он тоже побаивался, а в фонтане больше никто тонуть не собирался.

А Толику и невдомёк, что быть обыкновенным хорошим мальчишкой совсем неплохо, да и не так уж легко. Нет, он по-прежнему шествовал по улицам, важный и гордый, никого из друзей и знакомых не узнавал, не замечал

даже и того, что никто уже не обращал на него никакого внимания.

Но чем меньше на него обращали внимания, тем сильнее ощущал он себя выдающимся. Дело дошло до того, что с каждым днём он становился всё толще и толще. Но толстел он не оттого, что много ел.

Толстел он, так сказать, от важности и гордости; ему приходилось пыжиться, и вместе с важностью и гордостью в организм проникало много воздуха. Толика так распирало, что бабушка почти каждый день переставляла ему пуговицы на одежде, а затем пришлось и одежду новую покупать.

Александра Петровна сокрушалась:

— С чего это тебя развозит?

Внук не отвечал. Он вообще ни с кем почти не разговаривал. Он всё время думал о себе самом. И чем больше он думал о себе самом, тем больше любил самого себя. Он уже не мог жить без себя, часто подходил к зеркалу и долго не мог оторвать глаз от своего изображения.

«Какой же я всё-таки выдающийся! — ласково думал он, самовлюблённо вздыхая. — Я самый смелый и уж тем более самый мужественный. Видимо, самый умный. Недаром мне все завидуют. Да если бы я захотел, то навернулся бы не с третьего этажа, как Влас Аборкин, а хоть с девятого! Пусть падают на асфальт те, кому больше выделиться нечем. Пусть их собаки кусают, пусть им хоть по сто уколов делают, пусть они из фонтанов утопленников хоть каждый день по десять штук вытаскивают!.. А самый выдающийся — это всё-таки я один. Да здравствую я! Ура!»

Увы, никто не восхищался им, и он придумал способ, как ему восхищаться собой, — занялся самофотографированием. С утра до вечера Толик снимал себя в разных позах и в разных местах. Все стены комнаты он украсил своими автопортретами.

Настало время, когда он так раздулся, что в ненастную погоду остерегался выходить на улицу, чтобы его не унесло ветром, как надувной шар.

— По-моему, он свихнулся, — сказала однажды бабушка, — надо бы его опять к психоневропатологу.

— Какая ты стала неумная, — Толик снисходительно усмехнулся. — Я просто выдающийся человек, а ты от зависти мне этого простить не можешь.

— Марш в угол, грубиян! — очень громко и очень рас-

серженно крикнул папа Юрий Анатольевич. — И не смей выходить оттуда, пока...

— Странный ты, папа, — недоумённо перебил его Толик. — Где ты слышал, скажи, пожалуйста, чтобы выдающихся людей ставили в угол?

— Зато я слышал, что иных выдающихся людей давным-давно пора выпороть!

— Мне стыдно за вас всех, — устало и с сожалением произнёс Толик. — Вам бы радоваться за меня, а вы... — Он махнул рукой.

— Говорю я вам, что рехнулся парень! — авторитетно заявила бабушка.

— Какой ужас... — прошептала мама. — Два человека не могут справиться с воспитанием одного ребёнка!.. У всех дети как дети, а у нас... кошмар! Я учительница, все мои силы уходят на воспитание чужих детей, а моё собственное чадо... кошмар!

— Смешно и грустно, — озабоченно сказал Толик и посоветовал: — Вы должны мной гордиться. Вы не должны сводить с меня восхищённых глаз. Вы должны обожать меня, умиляться мной. В этом, только в этом ваше счастье.

Призадумались бедные родители и бабушка, пригорюнились. С очень огромной тоской вспоминали они те незабываемые дни, когда Толик был обыкновенным ребёнком.

А как-то ночью случилось немыслимое событие, такое немыслимое, что вся семья едва не угодила в больницу.

Часа в три ночи бабушка проснулась, потому что захотела пить. Она встала, сунула ноги в шлёпанцы и случайно взглянула на кровать, где спал внук.

Но вместо раздутого, шарообразного Толика, каким она уже привыкла видеть его в последнее время, лежал кто-то другой — худенький, нормальный мальчик.

Бабушка подошла поближе и вскрикнула. Перед ней лежал не кто-то другой, а именно её внук Толик, но именно такой, каким он был до того, как раздулся от гордости.

— На помощь! — позвала бабушка. — Спасите! Помогите! Ужас! Кошмар! — Она включила свет, взглянула на внука и крикнула ещё громче: — Караул! Толенька, Толенька, ты ли это? — спрашивала она, плача от радости и тормоша внука.

В комнату вбежали родители, застыли, изумлённые и обрадованные.

Толик проснулся, сел, улыбнулся совершенно нормальной улыбкой, какой улыбался когда-то, но потом, видимо, вспомнил, что он выдающийся, нехорошо, с презрением к окружающим усмехнулся и стал быстро-быстро толстеть-надуваться.

Примерно за три с половиной минуты он достиг прежних размеров и спросил:

— Пришли полюбоваться мной? Молодцы. Любуйтесь. Вам это должно быть очень приятно.

Бабушка, охнув, покачнулась, схватилась за сердце и упала в обморок. Не успел папа Юрий Анатольевич поймать её в воздухе, уложить на кровать, как мама тоже охнула, тоже покачнулась, тоже схватилась за сердце и тоже упала в обморок — прямо на руки Юрию Анатольевичу.

— Это они от восторга, — объяснил Толик.

— С ума сойти можно, — сказал папа. — Сойти с ума можно... Можно сойти с ума... с ума можно сойти...

— Не надо сходить с ума! — приказала, очнувшись, бабушка. — В больницу сходить надо! А то ещё, чего доброго, лопнет!

Толик задремал и на глазах у всех — вконец перепуганных родителей и бабушки — начал быстро-быстро худеть. Ведь во сне-то он забывал, что является выдающимся человеком!

Глава № 18
Шпиончик № 14 — лучший из двадцати восьми штук — ненавидит рядового Батона, но назначается с ним на важное задание

Бывший генерал, а ныне рядовой Батон работал на площадке молодняка, следил вместе с другими дежурными за отрядом шпиончиков.

Даже когда он был генералом, он и то боялся сюда заглядывать: шпиончики слушались только плётки и полковника Шито-Крыто, а в него, генерала, могли и плю-

нуть, и обозвать его как угодно, а если зазеваешься, то и ущипнуть.

А уж бывшему генералу они норовили сделать любую гадость — успевай отпрыгивать!

Шпиончики содержались в клетках из железных прутьев. Клетки стояли прямо на земле и никогда не чистились. С гигиеной тут дело было очень неважно.

Целыми днями шпиончики дразнились, ругались, ссорились, ни минутки не молчали, ни минутки не сидели на месте — перевёртывались через голову, ползали, бегали на четвереньках, раскачивались на руках, висели вниз головой, прыгали.

Кормили их раз в сутки непроваренной холодной кашей без масла, то недосолённой, то пересолёной, и, когда разносили пищу, шпиончики поднимали невообразимый писк-рёв-вой-визг.

Пить им давали только один раз в сутки — по стакану тухлой воды из болота.

Имён у шпиончиков не было, они просто значились под номерами — двадцать восемь штук. А перед началом учёбы в первом классе шпионской школы им давали клички, которые впоследствии становились фамилиями.

Пока же их учили только драться и ничему больше не учили. Дрались шпиончики два раза в день, а по субботам и воскресеньям — три раза.

Делалось это так. С клеток снимались висячие замки, и дежурный офицер с пистолетом в руке командовал:

— Приготовиться к драке!

От нетерпения шпиончики начинали скулить, цепко вцепившись руками и ногами в прутья. Не выдержав напряжения, шпиончики начинали трястись и рычать.

Звучала команда:

— Ещё раз приготовиться к драке, да — смотри у меня!

Тут уж поднимался такой вой-визг-рёв-лязг-стук-грохот, что не выдерживал дежурный офицер и стрелял из пистолета в воздух. Шпиончики мигом выскакивали из клеток и в страшной злобе бросались друг на друга.

Вот дрались они молча — яростно, стиснув зубки, не издавая ни звука. И это была не какая-там-нибудь потасовка вроде бы на школьном дворе в большую перемену, а самая настоящейшая, серьёзнейшая, опаснейшая драка. Тут противничка надо было исколошматить так, чтобы он

ни рукой, ни ногой пошевелить не мог, а после этого затащить его в клетку и закрыть на висячий замок.

Когда четырнадцать штук шпиончиков оказывались в клетках, то остальным четырнадцати (победителям) выдавалось по стакану тухлой воды из болота на каждого.

Жадно проглотив воду, которая казалась им слаще родниковой, шпиончики без команды снова бросались в драку, ещё более ожесточённую.

И семь штук оказывались запертыми в клетки, а другие получали по стакану водопроводной воды на каждого, которая казалась им слаще фруктовки.

Дежурный офицер разрешал им немного отдышаться и командовал:

— К настоящей драке приготовиться, да — смотри у меня!

Шпиончики медленно сходились в круг, замирали.

Раздавался выстрел из пистолета, и они хватали друг друга кто за что и кто чем, тянули и дёргали.

Изо всех сил!

Слышалось только учащённое дыхание да изредка рычание. Достаточно было кому-нибудь хотя бы пискнуть от дикой боли, как дежурный офицер тут же оттаскивал несчастного в сторону, а дежурные солдаты закрывали беднягу в клетку.

Оставшиеся в кругу шпиончики продолжали истязать друг друга. Раздавался стон или вскрик — и на одного драчуна становилось меньше.

И наконец оставалось только двое, искусанных, исцарапанных, исщипанных.

— Прекратить настоящую драку! — командовал дежурный офицер, и победители получали по большому куску чёрного хлеба, сглатывали его и, тяжело дыша, ждали последней команды.

Дежурный офицер приказывал:

— Гони противничка в яму, душа из тебя вон!

И стрелял из пистолета в воздух.

Два шпиончика подскакивали к глубокой яме, на дне которой была очень грязная и очень холодная вода. Побеждённый должен был пробыть в яме шесть часов шесть минут. Если же в яму падали оба шпиончика, их оттуда вылавливали и драка возобновлялась.

Победителю выдавали полусырую котлету и бутылку фруктовки. Затем он совершал почётный обход клеток,

во время которого имел право дёрнуть каждого шпиончика за ухо или нос.

Вот так воспитывал свои подрастающие кадры полковник, а теперь уже генерал Шито-Крыто.

Его шпиончики не боялись ни голода, ни холода, ни болезней. Они росли злыми и хитрыми, сильными и выносливыми, закалёнными и бесстрашными, подлыми и преданными только начальству.

А было им всего по пять — девять лет!

В десять лет их из клеток переводили в казарму и начинали готовить к шпионско-диверсионной работе.

Полковник Шито-Крыто обожал своих питомцев и часто выступал перед ними с речами.

— Вы — наша смена, — любил повторять он, — вы — наша главная надежда. Я выращу из вас таких замечательных негодяев, каких ещё не знала вся история всего человечества. Мы с вами когда-нибудь устроим людям огромную подлость. Будущее принадлежит вам! Банзай!

Учили шпиончиков здорово, и они учились здорово. В одиннадцать лет они умели управлять автомобилем, мотоциклом, вертолётом, прыгали с парашютом, метко стреляли, знали радиодело и несколько языков.

Поэтому работа на площадке молодняка оказалась для рядового Батона далеко не из лёгких. Дело в том, что за побег из клетки шпиончику полагались луковица и стакан минеральной воды. А если учесть, что молодняк кормили хуже, чем впроголодь, а в сутки, как вы помните, давали всего стакан тухлой воды из болота, то шпиончики дни и ночи только о том и думали, чтобы выбраться из клетки.

В первое же дежурство рядовой Батон оскандалился: из клетки совершенно непонятным образом улизнул № 14. Правда, он считался лучшим из двадцати восьми штук и был, конечно, ловчее и хитрее новоиспечённого рядового.

Надо учесть и то, что № 14 — единственная девочка среди шпиончиков, любимица самого генерала Шито-Крыто. Когда ему доложили о её побеге, он крякнул от удовольствия, приказал:

— Выдать номеру четырнадцать дополнительный стакан минеральной воды! Если ещё раз сбежит, да ещё в дежурство Батона, получит две луковицы и бутылку фруктовки!

С этого случая рядовой Батон возненавидел шпиончи-

ка № 14 всеми силами своей рядовой, бывшей генеральской души. А № 14 только и ждала, как бы ему напакостить. И хотя он не спускал с её клетки глаз, № 14 улизнула и во второй раз!

Она скакала по площадке и кричала:

— Мне фруктовка, Батону клетка! Батону клетка, мне фруктовка!

По инструкции дежурный, проглядевший два побега, сам залезал в клетку на неделю и получал питание наравне с молодняком. Каково же было пожилому, толстому, не очень здоровому человеку, да ещё бывшему генералу, сидеть в маленькой клетке на голой земле и увёртываться от соседей-шпиончиков, которые пинали и кусали его! Да и вообще, стыдно сказать, чего они только с ним, бедным, не делали!

Он даже несколько раз всплакнул, схватившись за голову, которая, по определению генерала Шито-Крыто, была ни на что не похожа.

Но ничего не поделаешь — отсидел неделю, только поседел. Сидел, сидел и поседел. Это были самые кошмарные дни в жизни Батона. Ведь у клеток не было ни крыш, ни стенок, ни пола. Сверху лили дожди, с боков продували ветры, снизу несло холодом. Рядовой Батон загрипповал, просил лекарства — не дали: нельзя, не положено по инструкции. Еле-еле он выжил, и, если бы не злость на № 14 и генерала Шито-Крыто, мог бы и помереть. Как говорится, запросто. Только злость и согревала его и поддерживала в больном организме силы.

Как сумела № 14 открыть замок?! Этот вопрос раскалённой иголкой застрял в мозгу рядового Батона. Ведь если он ещё хоть раз попадёт в клетку, то живым из неё уже не выползет.

Горестно размышляя о столь нелепой и столь тяжёлой судьбе, рядовой Батон лежал на жёсткой койке в солдатской казарме и с блаженством вспоминал свою генеральскую постель. Восемь матрацев на ней было, девятнадцать подушек (и все в наволочках), шесть одеял с пододеяльниками!

Домой его, увы, не пускали родители.

— Пока снова не дослужишься до генерала, — грозно сказал папа, — можешь домой не приходить!

— Мне очень стыдно за тебя! — гневно сказала мама. — Узнав, что ты теперь — фи! — рядовой, с нами перестали здороваться даже ближайшие родственники. Не

смей показываться на мои материнские глаза, пока снова не станешь — ах! — генералом!

А жизнь в солдатской казарме после генеральской жизни показалась Батону сплошным издевательством. Солдатская-то каша твёрдая, её жевать надо, а жевать-то ему было нечем! Ужас! И если бы рядовой Батон не надеялся дослужиться до генерала, то он и жить бы больше не стал ни минутки.

Вот приговорили его ещё и к опасному заданию... Никакой жалости к пожилому человеку! Эх, скажите спасибо, что он доносы писать разучился, а то бы вы у него попрыгали, как зайцы на горячей сковородке! Да вот беда: как начнёт он писать донос, так обязательно на самого себя настрочит! Разучился. Дисквалифицировался.

Не успел он толком отдохнуть от сидения в клетке, а его уже вызвали к начальству. Генерал Шито-Крыто спросил довольно любезно:

— Жив ещё, бывший бездельник?

— Пока жив. Но если ещё раз попаду в клетку, то живым оттуда уже не выползу. Зачем ты так мучаешь меня?

— Потому что я тебя презираю, — объяснил генерал Шито-Крыто. — Но я к тебе ещё по-божески отношусь. А мог бы за левую ногу к потолку подвесить. Или в карцер с крысами посадить. А я добрый. Вот придумал для тебя несложное задание. — И он приказал в микрофон: — Младшего сержанта Стрекозу ко мне!.. Ты похудел, это очень хорошо. Надо полагать, и поумнел немного?

Открылась дверь, вошла девочка в военной форме с погонами младшего сержанта и отрапортовала:

— Младший сержант Стрекоза по вашему приказанию, шеф.

Рядовой Батон вынужден был встать и приветствовать младшего сержанта, хотя в его рядовом, бывшем генеральском, сердце клокотала злоба. Ведь младший сержант Стрекоза оказалась не кем-нибудь, а №14!

— Вы ненавидите друг друга, — весело сказал генерал Шито-Крыто, — поэтому посылаю вас вместе. Вы будете так внимательно следить друг за другом, что возможность предательства исключена. Ответственным за операцию назначаю младшего сержанта Стрекозу.

— Слушаюсь, шеф!

— Вы расследуете причины провала операции «Фрукты-овощи». Батон, можешь убираться, подожди её в приёмной.

Когда дверь за ним закрылась, генерал Шито-Крыто продолжал:

— Сделай так, чтобы старый хрыч сюда не вернулся. Уничтожишь ЫХ-три нуля и Толика Прутикова. Сама не рискуй, подсовывай старика. Сейчас же отправляйтесь на подготовку. Консультанты ждут вас в девятьсот девяносто девятом кабинете.

— Всё будет исполнено, шеф!

— Не сомневаюсь.

И началось! Для выполнения задания Стрекозу и Муравья (такую кличку получил рядовой Батон) готовили тридцать восемь консультантов. Вместо отдыха агенты смотрели кинофильмы, читали газеты, книги, журналы, слушали радиопередачи.

Агента Стрекозу звали внучкой Ниночкой, а Муравья — её дедушкой Николаем Степановичем. Фамилию им дали Уткины.

Внучка и дедушка жили в одной комнате. Просыпаясь, Ниночка говорила:

— Доброе утро, милый дедушка!

«Чтоб тебе пусто было!» — думал рядовой Батон, а дедушка Николай Степанович отвечал:

— Здравствуй, здравствуй, внученька!

— Как спалось, милый дедушка?

— Замечательно, Ниночка.

На самом же деле он не спал почти всю ночь, потому что так выспался за свою генеральскую жизнь, что в сне уже практически не нуждался.

Глава № 19

Генерал Шито-Крыто превращает «Тигров-Выдров» в «Гроб и молнию», отдаёт приказ о подготовке плана операции «Братцы-тунеядцы»

А генерал Шито-Крыто не спал тринадцать суток подряд и никому спать не давал. Его сотрудники валились с ног от усталости, дремали на ходу и уже ничего не соображали.

— Перерыв! — приказал генерал Шито-Крыто и сразу захрапел тут же, в кресле, не успев закрыть рот.

Сотрудники попадали кто куда — где застал их приказ. Офицер Лахит заснул, стоя в дверях.

С того самого дня, когда полковник Шито-Крыто проскочил в генералы, в главном штабе «Тигров-выдров» царила потрясающая кутерьма, напоминавшая временами лихорадку. Шестнадцать машинисток-лейтенанток, не переставая, печатали приказ за приказом, отделы переезжали из кабинета в кабинет, начальники становились подчинёнными, подчинённые превращались в начальников, одних сотрудников увольняли, других оформляли на их место — и никто толком не знал, что же затеял новый генерал.

Известно было только одно: организация «Тигры-выдры» скоро приступит к разработке самой невиданной за всю историю всего человечества операции «Братцы-тунеядцы». Своей масштабностью, подлостью и жестокостью эта операция потрясёт мир.

Проснувшись через трое суток, генерал Шито-Крыто по сигналу боевой тревоги собрал всех сотрудников и шпионов в огромном зале.

Окинув аудиторию таким пронзительным взглядом, что каждому показалось: новый начальник именно ему заглянул в глаза, а через них — прямо в душу, он погрозил всем пальцем.

Все мелко затряслись.

— Слушайте меня с предельным вниманием, — негромко приказал генерал Шито-Крыто, но стояла такая тишина, что каждому показалось: это именно ему кричит в ухо новый шеф. — «Тигры-выдры» закончили своё существование. Я создаю принципиально другую организацию под названием «Гроб и молния». Ей предстоит под моим руководством и при вашем участии подготовить и выполнить грандиознейшую операцию «Братцы-тунеядцы». Весь мир содрогнётся от страха и омерзения. По сравнению с этой операцией даже большая война — пустяк. Мы медленно, не торопясь, но неуклонно приведём человечество к полному вырождению. С нашей планеты мы отправимся на другие миры и там учиним такое же безобразие. Пусть расцветают все науки, пусть развивается техника, литература и искусство, пусть люди трудятся в поте лица своего, а мы используем все их достижения для достижения их же погибели! Довольно играть в бирюльки! До-

вольно заниматься ерундистикой! Вперёд, к настоящим подлостям! Мы первыми в мире воспользуемся для достижения наших мерзких целей детской ленью! Будущее принадлежит тому, кто раньше сумеет сделать человечеству какую-нибудь величайшую пакость! Ленивые дети помогут нам в этом! Банзай!

В огромных окнах мелко дрожали стёкла.

Это оттого, что дрожали стены.

А стены дрожали потому, что дрожал цементный пол.

А цементный пол дрожал оттого, что тряслись все сотрудники и шпионы.

— Перестаньте трястись! — крикнул генерал Шито-Крыто. — Я знаю, что среди вас есть несколько трусов и один добрый. Ни тем, ни ему у меня не место! Мне нужны самые негодяйные негодяи, самые мерзавочные мерзавцы, самые подлые подлецы! Остальные вон, пока не поздно! Вас ждут большие награды, немалые деньги, высокие чины, но за малейшую оплошность подвешу к потолку за левую ногу, из пушки расстреляю! Разойдись немедленно!

Надо ли говорить о том, что шпионы не просто моментально разошлись или убежали. Они у л е т у ч и л и с ь. Вот до чего боялись они своего грозного начальника.

Глава № 20
Стрекоза и Муравей готовятся быть внучкой Ниночкой и дедушкой Николаем Степановичем по фамилии Уткины

Вернувшись после речи генерала Шито-Крыто в свою комнату, внучка Ниночка спросила:

— Чем займёмся, милый дедушка?

— Подожди ты! — огрызнулся рядовой Батон. — У меня всё ещё поджилки трясутся.

— Потому что ты старый, трусливый и глупый, — сказала Стрекоза. — Вам предложили крупное дело, а вы затряслись. Хлюпики! Настоящие шпионы растут только у нас на площадке молодняка.

— Да, мерзавчики там что надо, — согласился Муравей. — Что же это за операция «Братцы-тунеядцы»? При чём здесь дети?

— Никто пока не знает и долго ещё не узнает. Каждый будет делать своё дело, а общий замысел только в голове шефа... Милый дедушка, расскажи мне, пожалуйста, сказочку!

— С удовольствием, внученька. Слушай. Жил-был у бабушки серенький козлик...

— Серенький козлик! Серенький козлик! — передразнила Стрекоза. — Заладил одно и то же! Ты должен был выучить десять сказок! В карцер захотел, апистофитель? (Ругательство.)

— Тебя бы в карцер, да с крысами! — проворчал рядовой Батон, а дедушка Николай Степанович сказал: — Не сердись на меня, внученька Ниночка. С памятью у меня плохо. Склерозик. Старенький ведь я.

— И нисколько ты, дедушка, у меня не старенький, — ласково сказала внучка Ниночка. — Только ты у меня ленивенький немножечко. Ну-ка, вспомни какую-нибудь интересную сказочку для своей любимой внученьки Ниночки.

Когда наступила ночь, дедушка Николай Степанович Уткин уснул, агент Муравей притворился, что спит, а бывший генерал Батон горестно размышлял: «Почему я такой несчастный? На старости лет меня разжаловали в рядовые. Родители меня из дому выгнали. Посылают меня на опаснейшее задание, смысла которого я не знаю. Командует мной, стыдно сказать, девчонка... Эх, зря я пошёл в шпионы! Надо было мне идти в продавцы или повара... А не сбежать ли мне сейчас из шпионов? А что? Убегу-ка я, пожалуй...»

— Руки вверх! — Стрекоза с пистолетом в руках вскочила на постели. — Почему не спишь? Что задумал? Смотри у меня! Засажу тебя в карцер с крысами! Отгрызут они тебе нос или ухо!

— А ты не забывай, что я всё-таки генерал! — обиделся и испугался рядовой Батон. — Пусть бывший, но генерал! И я не позволю какой-то младшей сержантке...

— Лежать! Закрыть глаза!.. Вот так. Спокойной ночи, милый дедушка.

— Приятных сновидений, внученька, — ответил дедушка Николай Степанович Уткин и уснул.

Уснул и агент Муравей. А рядовой Батон увидел заме-

чательный сон: взял он младшую сержантку Стрекозу за оба уха, поднял в воздух и стал медленно, с удовольствием раскачивать... Агент Стрекоза вопит, как коза... А рядовой Батон ей ещё уши-то и выворачивает, выворачивает, выворачивает, выворачивает...

Всю бы ночь смотрел он этот восхитительный сон и не просыпался.

Глава № 21

«Давайте вести переговоры в рамках подлости», — предлагает агент Бугемот полковнику Егорову

Следствие по делу диверсионной группы «Фрукты-овощи» продолжалось. Агенты ничего не скрывали, ничего не пытались утаить, потому что не было в этом никакого смысла: ЫХ-000 выдал всё, а знал он больше всех.

Каждому из агентов полковник Егоров предлагал вернуться в «Тигры-выдры» с его заданием. Шпионы отказались наотрез: страшно, ужасно, опасно, бессмысленно. Уж лучше здесь получить по заслугам, чем дома — зря. (В скобках замечу, что в услугах Бугемота, Канареечки и Мяу полковник Егоров не нуждался, у него была другая цель, о которой вы со временем узнаете.)

Однажды полковник Егоров неожиданно вызвал шпионов к себе в кабинет и сказал:

— Прелюбопытнейшие известия. Организация «Тигры-выдры» больше не существует. Появилась новая организация под названием «Гроб и молния». Генерал Батон разжалован в рядовые. Начальником «Гроба и молнии» назначен генерал Шито-Крыто.

Агенты, как говорится, обалдели.

Один ЫХ-000 оставался невозмутимым. Он сказал спокойно:

— Всего этого вполне можно было ожидать. Шито-Крыто фактически давно уже был руководителем «Тигров-выдров». Он лишь ждал удобного случая, чтобы разделаться с Батоном и отделаться от него.

— Этого никак нельзя было ожидать! — пропищал Канареечка. — Разжаловать должны были полковника Шито-Крыто. Ведь он непосредственно отвечал за нашу диверсионную операцию!

— Во всяком случае, — мрачно проговорил Бугемот, — нам от этого ни жарко ни холодно.

— Последние годы Батон был особенно глуп и ленив, — сказал ЫХ-000. — А глуп он был потому, что ленился думать.

— Тогда почему же ваше командование доверяло ему? — удивился полковник Егоров.

— А он любил и умел писать доносы, — ответил Мяу. — Он всегда на всех писал доносы.

— Доносов было так много, — добавил Канареечка, — что одновременно работало по семь, восемь, девять комиссий. А господин генерал Батон всё кляузничал и кляузничал не переставая. Комиссии не успевали проверять его анонимные доносы. Так и шли годы.

— Дурак был наш генерал, и точка, — мрачно сказал Бугемот. — Меня всё время Носорогом называл, хотя всем известно, что я Бугемот по всем документам.

— Что из себя представляет новый генерал?

— Замечательный человек! — восторженно пропищал Канареечка.

— У вас с ним будет много хлопот, — проговорил ЫХ-000. — Он человек большой идеи. Он мечтает предать всех людей. Подготовке к этому он посвятил всю свою жизнь. Учтите, что он заочно окончил семь институтов и два факультета двух университетов. И генералом его, видимо, назначили потому, что он предложил план новой операции, который понравился Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию. Он давно мечтает о какой-то невиданной операции, но никого не посвящает в свои замыслы.

— Мы узнаем, — сказал полковник Егоров.

— Вряд ли вы сумеете сделать это своевременно. Генерал Шито-Крыто — это вам не генерал Батон. Наш новый шеф, по-моему, выдающаяся личность. В своём роде, может быть, даже и гениальная. Он прирождённый негодяй и новатор. На него работают много учёных. Он так ненавидит людей, что от него можно ожидать самой подлой подлости. — ЫХ-000 долго молчал. — Голова у него огромная. Работоспособность чудовищная.

— М-да... — с неопределённой интонацией произнёс

полковник Егоров. — Почти всё ясно. Ну что ж, если генерал Шито-Крыто решил предать всех людей, то мы постараемся спасти их. Я ещё раз предлагаю вам сотрудничать с нами. Согласие хотя бы одного из вас значительно облегчит участь всех.

— Интересно получается, — мрачно пробормотал Бугемот. — Я буду рисковать своей шкурой, а предателю ЫХ-три нуля будет смягчена участь.

— Нам необходимо как можно быстрее узнать план новой операции «Гроба и молнии», — ответил полковник Егоров, внимательно наблюдая за ЫХ-000. — Мы начинаем догадываться, что новая операция грозит нам большой бедой. Неужели ни один из вас не хочет помочь людям?

— Что делать-то надо? — жалобно пропищал Канареечка.

— Мы этому не обучены, — признался Мяу.

— В шпионской школе мы этого не проходили, — добавил Канареечка.

— Зато мы способны на любую подлость, — мрачно проговорил Бугемот. — Вот и давайте вести переговоры в рамках подлости. Вопрос поставим так: сделать подлость генералу Шито-Крыто.

— А где гарантия, что вы и нас в рамках подлости не предадите? — усмехаясь, спросил полковник Егоров.

— Да, таких гарантий мы не даём, — пропищал Канареечка. — Наша подлость безгранична.

— Но ведь вы не только шпионы, — сказал полковник Егоров, — вы ещё и люди.

— Господин полковник! — вдруг взмолился Бугемот. — Мы же не дети! Мы взрослые люди! Чего вы от нас хотите? Ведь вы же прекрасно знаете, что каждый из нас с огромным удовольствием вас предаст. Мы просто не можем не предавать!

— Нас специально учили этому! — пропищал Канареечка.

— Профессора и доценты! — гордо добавил Мяу.

И лишь один ЫХ-000 не проронил ни одного слова. Вот на него-то и рассчитывал полковник Егоров.

КОНЕЦ ЧЕТВЁРТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ,
в которой действуют КРУПНЕЙШИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ПО РАБОТЕ И БОРЬБЕ С ДЕТЬМИ

Глава № 22
Сугубо научная.
В ней разъясняется, что означают первые четыре буквы в слове «перевоспитание»

Носилки, на которых гордо лежал возомнивший себя выдающимся человеком Толик Прутиков, несли два санитара.

— Здоров парень с виду, — сказал один из них, — а лёгок. Чем это вы его выкармливали?

— Болезнь это, — грустно ответил папа Юрий Анатольевич. — А ест он в обыкновенных количествах самую обыкновенную пищу.

— Я не больной, — важно возразил Толик, — я выдающийся.

— Выдающийся?! — удивился старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Чем выдающийся? Толстота твоя пустая какая-то. Дутыш ты, что ли?

Толик покраснел от возмущения, проговорил с сожалением:

— Взрослые люди, а разговоры неумные, детские.

Санитары чуть носилки не выронили, а Юрий Анатольевич попросил:

— Не сердите его. Молчите.

— Он что, сильно умный? — спросил санитар.

— Считает себя умным. Болезнь это такая.

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз быстро осмотрел Толика, снял очки, долго протирал их в задумчивости, потом водрузил их на переносицу и спросил:

— Значит, днём вот такой, а ночью худеет?.. Прелюбопытно! А вес нормальный?

— Нормальный, — ответил старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Воздуху он, видать, наглотался. А обратно выпустить не может или не хочет.

— Попросите санитаров удалиться, — морщась, сказал Толик, — они действуют мне на нервы.

Моисей Григорьевич отпустил санитаров и предложил:

— Расскажи мне о себе. Что с тобой произошло?

— Вы не знаете? — обиженно удивился Толик. — Всем должно быть известно о моём подвиге, а, оказывается, почти никто и не знает! Ведь я же смело и отважно задержал иностранного агента!

— Правда, правда, — скорбно подтвердил Юрий Анатольевич.

— Этого я как раз и опасался! — в волнении воскликнул Моисей Григорьевич. — Продолжай, мальчик. Я очень внимательно тебя слушаю, боясь пропустить хотя бы одно слово.

— Вот это правильно! — И на глазах психоневропатолога Толик ещё немного потолстел. — Я задержал шпиона и, таким образом, следовательно, и уж, конечно, действительно, стал выдающимся человеком. Все должны мной гордиться, уважать меня, ценить, обожать, любить. А мне завидуют. Стыдно сказать, но меня до сих пор не провезли в открытой машине через весь город, не организовали митинга в честь меня на центральной площади. Меня даже по телевизору не показывали! Награды я никакой ещё не получил, представляете! Вот безобразие!

— Ну, это дело поправимое, — успокоил его Моисей Григорьевич. — А учиться дальше ты собираешься?

— А зачем?! — поразился Толик. — Пусть учатся те, кто ещё ничего не добился в жизни.

— Что же ты будешь делать, если не учиться?

— Видимо, буду отвечать на многочисленные письма.

— Какие письма? — вздрогнув, спросил Юрий Анатольевич.

— Восторженные, — невозмутимо объяснил Толик. —

Ведь рано или поздно люди всё равно узнают о моём замечательном подвиге, и я буду получать многочисленные восторженные письма. Не отвечать неудобно. Подумают, что я зазнался.

— Да, тебе предстоит огромная работа, — озабоченно согласился Моисей Григорьевич. — Пока ты останешься здесь. Мы уже получили много заявок от желающих тебя повидать. Дома принимать так много людей неудобно: всю квартиру затопчут. — Он позвал санитаров и приказал: — Как можно быстрее приготовить для выдающегося человека отдельный выдающийся кабинет. Вымойте выдающегося человека в выдающейся ванне, оденьте в выдающееся бельё и положите в выдающуюся постель.

Санитары унесли довольного Толика.

— Чем он болен? — почти со стоном спросил Юрий Анатольевич. — И что вы с ним намерены делать? Какие заявки? Это же насквозь больной ребёнок, а вы потакаете ему...

— Главное, успокойтесь, — торжественно произнёс Моисей Григорьевич, — не волнуйтесь и тем более не паникуйте. Случилось как раз то, что я когда-то и предсказывал. Это очень редкое в детском возрасте заболевание. И очень опасное. Одна из форм мании величия — мания дутика (mania dutica).

В дверях появился рассерженный старший санитар Тимофей Игнатьевич и проворчал:

— Не погружается — да и всё.

— Что не погружается? Куда не погружается?

— Выдающийся человек в ванну не погружается. Плавает. Как пробка. Мы его погружаем путём нажатия на него руками, а он обратно всплывает. И одно твердит, что будто бы мы неумные. А он, видите ли, шибко уж умный.

— Под душ его лучше, — посоветовал Юрий Анатольевич, — и не спорьте с ним.

— Была нужда, — проворчал старший санитар Тимофей Игнатьевич и ушёл.

Моисей Григорьевич, в волнении прохаживаясь по кабинету, заговорил:

— Без таких людей, как ваш Толик, наука бы топталась на месте. Ведь далеко не каждому организму удаётся заболеть интересной, а иногда и уникальной болезнью! А ваш Толик вновь поставил перед нами сложнейшую задачу. Его организм настолько ослаблен избалованностью,

что легко поддаётся всем заболеваниям, связанным с ленью.

Вернулся старший санитар Тимофей Игнатьевич и устало произнёс:

— Выдающийся человек зеркало просит. Тоже, наверное, выдающееся. Не лопнул бы он, а? Уж больно он пыжится. Я бы из него воздуха хоть немного откачал. Предупреждаю, если выдающийся человек лопнет во время моего дежурства, я за это ответственности не несу.

— Возьмите на складе самое большое зеркало и поставьте туда, куда укажет выдающийся человек, — приказал Моисей Григорьевич и, когда старший санитар ушёл, продолжал: — Наука, дорогой Юрий Анатольевич, совсем недавно занялась проблемой детской лени как заболеванием. Поэтому здесь много неясного и спорного.

— Вон даже санитар и тот меры предлагает, а вы...

— Я ещё раз призываю вас к полнейшему спокойствию. Мы сделаем всё, что в наших силах. Я почти уверен в успехе.

Оставшись один, Моисей Григорьевич устало опустился в кресло и очень глубоко задумался.

Он уже несколько лет работал над научным трудом «Взрослый человек как результат развития ребёнка». В основу его Моисей Григорьевич положил мысль о том, что все основные духовные качества, и в особенности плохие, развиты в ребёнке уже в первые годы его жизни.

Учёный надеялся добиться того, чтобы, наблюдая младенца ещё в грудном возрасте, определить, каким он может вырасти человеком. А определив это, легко будет принять все меры, чтобы он рос хорошим примерно уже с трёх-четырёх лет.

Тогда и не будет больше плохих детей, а впоследствии — и плохих людей вообще. Ведь известно совсем немного случаев, когда из плохих детей вырастали хорошие люди. Так же мало известно случаев, когда из хороших детей вырастали плохие люди.

Научные противники Моисея Григорьевича заявляли:

— Ваша теория неверна. Плохого ребёнка можно ПЕРЕвоспитать в школе, пионерском или спортивном лагере, в институте, армии и так далее. В конечном итоге вся воспитательная работа и сводится к ПЕРЕвоспитанию. А вы его-то как раз и отвергаете.

— Моя теория абсолютно верна, — отвечал своим научным противникам Моисей Григорьевич. — Представьте

себе, что мы определим, что вот из данного младенца грудного возраста может вырасти такой обжора, что со временем ему будет грозить смерть от ожирения. Мы назначаем соответствующий курс лечения и воспитания, и из данного младенца грудного возраста вырастает нормальный человек, который может умереть от чего угодно, только не от ожирения.

А что такое ваше ПЕРЕвоспитание? Сначала мы ребёнка балуем, он превращается, допустим, в тунеядца, и это мы называем, простите, воспитанием! И лишь затем принимаемся изо всех сил за ПЕРЕвоспитание.

Вот простой арифметический подсчёт. Программа воспитания семилетнего ребёнка содержит 641 пункт. Программа ПЕРЕвоспитания включает в себя уже 1061 пункт.

$$\begin{array}{r} 1061 \\ -\ 641 \\ \hline 420. \end{array}$$

ПЕРЕвоспитание на 420 пунктов больше, чем воспитание!

П=105 пунктам!
Е=105 пунктам!
Р=105 пунктам!
Е=105 пунктам!

Уничтожить в понятии «ПЕРЕвоспитание» всего четыре буквы, а с ними то, что они означают, — и человечество сначала будет избавлено от плохих детей, а впоследствии и от плохих людей вообще!

Путь к этому светлому будущему ясен и научно обоснован: надо победить лень, врага № 1, главного противника любого ребёнка.

Но как доказать, как убедить каждого ребёнка в том, что быть ленивым — это значит медленно, но, как говорится, верно умирать!

Достаточно вспыхнуть эпидемии лени в любом уголке земного шара, как она может охватить всё человечество.

А у нас пока нет медикаментов, способных остановить заражение организма, особенно детского, тунеядством.

Вдруг найдутся в мире изверги, которым взбредёт в голову бредовая, страшная, ужасная идея изобрести препарат, введение которого в кровь ребёнка сделает его (ребёнка) неизлечимо ленивым?!

Ночи напролёт часто не спал психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз. Перед его мысленным взором

вставали кошмарные картины распространения лени по нашей планете. Вот он видит какой-то большой посёлок, где все дети выросли тунеядцами... а вот целый город наполнен бездельниками... магазины закрыты... не ходят автобусы, троллейбусы и трамваи... таксисты спят... пустуют театры, кинотеатры, стадионы... не работают бани... остановились заводы и фабрики...

Холодный пот выступал на огромном лбу учёного.

Моисей Григорьевич бросался к столу и торопливо писал страницу за страницей, убеждал, доказывал, приводил примеры и цифры, описывал невероятнейшие случаи заболевания ленью, давал советы детям и родителям...

Моисей Григорьевич спешил закончить свой научный труд как можно быстрее. Ведь он знал, что количество случаев заболевания ленью среди детей не уменьшается, а неуклонно растёт и растёт. Надо предупредить людей о грозящей им опасности!

Глава № 23

Высокий гость низенького роста

В главный штаб шпионской организации «Гроб и молния» специальным самолётом прибыл высокий гость. И хотя ростом он был ниже всех встречавших его на секретном аэродроме, гость считался высоким.

Высокий гость низенького роста был одет в чёрный мундирчик, но на головке у него красовалась белая детская панамка. На левой ножке у него был белый сапожок, на правой ножке — чёрный сапожок; на левой ручке — белая перчаточка, на правой ручке — чёрная перчаточка.

За высоким гостем низенького роста вышагивали три здоровенных субъекта, абсолютно одинаковых, одетых в серые полувоенные костюмы и в чёрных беретах. Голубые глаза их как бы застыли и как бы ничего не видели.

Когда встречавшие военные отдали честь приближавшемуся высокому гостю низенького роста, он вскинул вверх сначала левую ручку, чертыхнулся, вскинул ручку в чёрной перчаточке и заорал:

— Майль!

Три субъекта, как три автомата, в точности повторили его движения, тоже чертыхнулись и рявкнули:

— Фиг майль!

— Господа! — сказал генерал Шито-Крыто. — Поз-

вольте представить вам нашего дорогого и высокого по значению гостя. Это и есть знаменитый господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке.

— Майль! — заорал высокий гость маленького роста.

— Фиг майль! Фиг майль! Фиг майль! — прорявкали три субъекта.

— А это мои любимые и в недалёком будущем тоже знаменитые гаврики, — с гордостью объяснил фон Гадке. — Я прихватил с собой лучшие образцы. Номер пятый, номер девятый и номер сорок седьмой. Такие экземпляры, вы себе представить не можете! — восхищённо, а вернее хвастливо, продолжал фон Гадке. — В багажник марш!

Три здоровенных субъекта-гаврика совершенно непонятным образом мгновенно оказались в багажнике автомашины и сами захлопнули крышку.

Несколько слов о высоком госте низенького роста. Из всех шпионов мира у него самый маленький рост (93 см 26 мм) и самый длинный чин (оберфобергогердрамхамшнапсфюрер). Но в определённых кругах он больше известен под короткой кличкой Дядя Съем. Он уже давным-давно не шпионил, а являлся крупнейшим специалистом по молодняку, то есть по подготовке агентов с грудного возраста.

Именно этим и заинтересовался генерал Шито-Крыто.

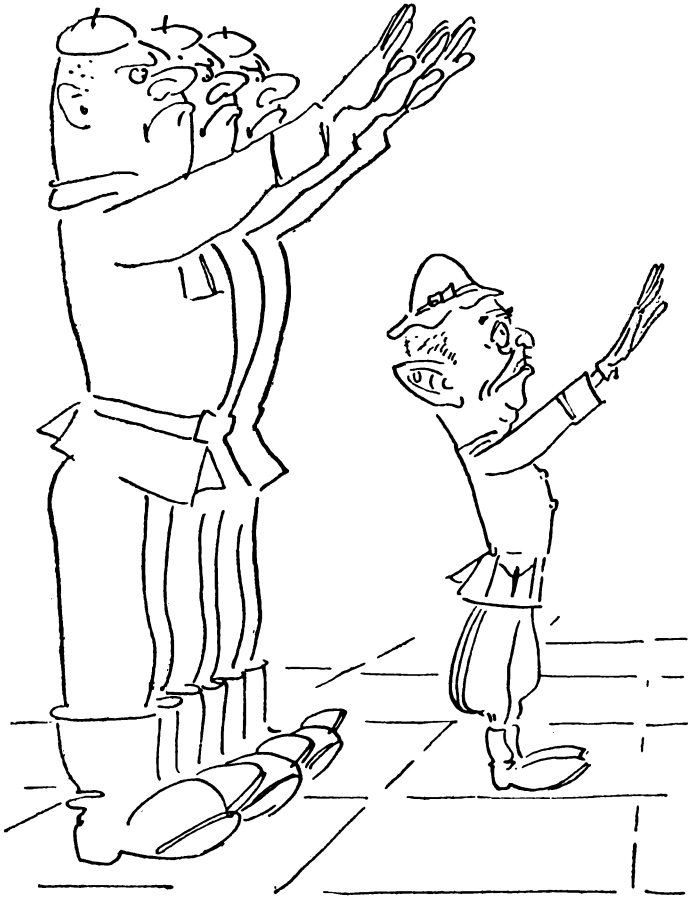
— Мои гаврики будут лучшими диверсантами в мире, — хвастался по дороге фон Гадке. — Они уже сейчас творят чудеса. Номер девятый, например, умеет зарываться в землю, как крот. Проходит под землёй до трёх-четырёх метров в час. Номер пятый — семьдесят две минуты под водой без акваланга и носа наружу не кажет! А номер сорок седьмой — чудо из чудес! — без промаха стреляет из двух пистолетов одновременно в разные стороны. Питается только сырым собачьим мясом, поэтому его ни одна собака не тронет. Парашют раскрывает, безобразник, всего в четырнадцати метрах от земли. Прыгает с восьмого этажа на асфальт.

— Меня особенно интересует, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер, ваша работа с грудными младенцами. Вы первый в мире начали этот потрясающий научный опыт. Как пришла вам в голову поистине великолепная мысль о том, что шпионов надо начинать готовить именно с грудного возраста?

— Мною было замечено, — охотно ответил фон Гадке, — что с каждым годом вербовать на нашу работу лю-

дей всё труднее и труднее. Возьмёшь на службу вроде бы приличного негодяя, кормишь его, одеваешь, жалованье выплачиваешь, учишь, но нет никакой гарантии, что он не струсит или не предаст. И наша школа к тому же перестала выполнять план. Начальник Центрхапштаба барон Баран мне прямо заявил: либо план, либо вон. Да и заработки, надо отметить, упали. Ведь я получаю сдельно, то есть поштучно за каждого агента. И я решил: или найду новый, безотказный метод подготовки шпионов, или пулю в висок от позора!

— Великолепное решение! — воскликнул генерал Шито-Крыто, а польщённый фон Гадке продолжал:



— Кроме того, рушилась мечта моей жизни. Я ведь не собирался отправляться на тот свет, хе-хе, с пустыми руками. Я должен был преподнести человечеству что-нибудь такое, хе-хе, оч-чень неприятное! И вот, раздумывая над новым методом подготовки шпионов, я обнаружил: до чего же много вокруг плохих детей! Мне попадались почти законченные этакие мерзавчики десятилетнего возраста! Начал работать — майн бог! — блестящие результаты!

— Я весь внимание, — прошептал генерал Шито-Крыто. — Продолжайте, пожалуйста, высокий вы гость! Где вы берёте младенцев? Каков принцип отбора?

— Для нас это не проблема. Любой настоящий вояка считает за честь для себя отдать нам своё дитё. Тем более, мы неплохо платим. Принцип отбора — просто здоровые экземпляры.

— А питание, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер?

— Опять же очень просто. Получив младенца, мы сразу вставляем ему металлические зубы и даём мяса. Младенец покричит-покричит, попищит-попищит да и начнёт жевать. Голод не тётка, а дежурный ефрейтор, хе-хе, не бабушка. Дальше обычный воспитательный процесс: натравливание друг на друга, основы драки и слежки, обучение языкам. Широко применяем убеждение голодом, жаждой, поркой. До семи лет гаврики живут под открытым небом, закаляются, хе-хе.

— Я преклоняюсь перед вашим умом, — сказал генерал Шито-Крыто, — какая высокая степень оболванивания!

— Ну, это ещё не всё! — совсем хвастливо воскликнул фон Гадке. — Самое главное в том, что гавриками можно управлять по радио. Всё просто. В возрасте пятишести месяцев мы делаем им трепанацию-операцию черепа и вставляем в мозг тонюсенькие пластиночки-антенки.

— Низко склоняю перед вами свою голову, — произнёс генерал Шито-Крыто, но даже и не пошевелился, и совершенно неподвижной осталась его огромная, без единого волоска голова, похожая на арбуз, футбольный мяч и глобус.

А головка фон Гадке, кстати, напоминала дыньку, на которой с трудом разместились, теснясь и мешая друг дру-

гу, круглые совиные глазки, острейший нос, широченный рот и длиннейшие уши.

Продолжение беседы состоялось в кабинете, где был накрыт огромный стол с множеством еды, а вокруг стояли пять слуг-солдат. Уши у них были заткнуты пробками, чтобы они не услышали ни слова. Командовал ими офицер Лахит. У него из ушей тоже торчали пробки, но можете быть уверены, что он слышал всё до слова!

Генерал Шито-Крыто ел редко, потому что всегда был занят, но уж если он принимался за пищу, то уничтожал её прямо-таки в нечеловеческих количествах. Подчинённые сплетничали, что у их шефа верблюжье устройство — внутренний жировой блок, который позволяет ему длительное время обходиться без еды.

Зато фон Гадке ел при каждом удобном случае и тоже нечеловечески много, так как при его маленьком росте большую часть организмика занимал пищеварительный аппарат.

— Я могу быть уверен, господин генерал, что ни одно моё слово не уйдёт дальше ваших ушей?

— Ни секунды не сомневайтесь, дорогой оберфобергогердрамхамшнапсфюрер! Один только вопрос для начала...

— Понимаю, понимаю! — Фон Гадке долго хихикал. — Все мои новые знакомые всегда недоумевают по этому поводу. Сапожки и перчаточки у меня разных цветов потому, хе-хе, что я путаю правое и левое. Старость не радость. Склероз на почве повышенной умственной деятельности.

— А панамка?

— Она для того, чтобы я не забывал о своей главной миссии — о работе с детьми и о борьбе с ними.

Хозяин и гость разговаривали, не переставая есть. Офицер Лахит и пять слуг-солдат едва успевали менять пустые тарелки на полные.

— Вы, конечно, догадываетесь, зачем я пригласил вас, — сказал генерал Шито-Крыто, удивившись, как фон Гадке моментально съел целого гуся. — Вы — единственный мой коллега и единомышленник во всём мире. Мы с вами первыми оценили роль детей в развитии общества. Во время последней большой войны вы прославились тем, что специализировались на массовом уничтожении подрастающего поколения.

— О да! Да! — радостно, вернее, хвастливо воскли-

нул фон Гадке, положил в свой широченный рот цыплёнка, жевнул и выплюнул одни чистые косточки. — Меня даже судили за это, но я, хе-хе, выкрутился. Я спрятался в одном укромном местечке и писал свою ставшую затем знаменитой книгу «Сегодня — невинный младенец, завтра — твой враг». В ней я доказал, что дети наших врагов — наше главное зло, составил карту мира, на которой указал самые основные места скопления детей. Я считаю, что в детях будущее любой страны, значит, их надо своевременно, хе-хе, удалить подальше. Мы легко победим самого сильного врага, если предварительно расправимся с его молокососами и молокососками!

— Мудрейшие, мудрейшие мысли! — похвалил генерал Шито-Крыто, с завистью отметив, что высокий гость такого низенького роста успевает есть во много раз больше него. — Я давно слежу за вашей работой и безмерно восхищаюсь ею!

— Учтите, нам надо торопиться! — Фон Гадке ненадолго даже перестал жевать. — Ведь дети с каждым годом хоть понемногу, хоть не все, но умнеют. Надо торопиться, пока дети наших врагов ещё валяют дурака, учатся на тройки, не уважают старших, капризничают, бездельничают. Конечно, если бы случилось такое милое чудо, как новая большая война, мои бы гаврики запросто расправились с любым количеством детей. Они, мои гаврики, обожают их, детей, уничтожать.

Стол опустел.

— Не угодно ли отдохнуть, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер? Вы с дороги...

— С удовольствием. Не забудьте приказать дать моему номеру сорок седьмому...

— Не извольте беспокоиться. Он съел уже двух щенков.

Проводив высокого гостя низенького роста отдыхать, генерал Шито-Крыто выпил семнадцать бутылок минеральной воды и стал думать.

Да, как он и предполагал, фон Гадке в принципе мыслит правильно, хотя и довольно ограниченно. Он угадал главного врага — детей. Но методы он предлагает устаревшие — убивать, убивать, убивать...

Так дело не пойдёт.

Развязать обычную большую войну вряд ли удастся. Поэтому «Гроб и молния» задумала нечто куда более оригинальное, коварное и результативное...

Изобрети он гавриков раньше, цены бы им не было. К сожалению, сейчас они могут выполнять только грязную работу. Они ведь всего-навсего болваны, управляемые по радио. Но болван и есть болван, каким бы способом им ни управляли.

Шпиончики — другое дело. У них хоть маленькие, да свои мозги. Попробуем их, шпиончиков, в драке с гавриками. Проверим: кто кого?

И самый важный вопрос: как быть с фон Гадке? Старик уже путает правое и левое. В любой момент его могут отправить в отставку, и тогда какой-нибудь барон Баран из Центрхапштаба пустит гавриков в дело, всполошит весь мир и сорвёт операцию «Братцы-тунеядцы»! Тем более, генерал Шито-Крыто не хочет иметь соперника в работе с детьми и в работе по уничтожению детей.

Он желает один во всём мире действовать против всех людей!

Ведь это мечта его жизни!

Но как-то не учитывал генерал Шито-Крыто, что оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке тоже мечтает сделать человечеству огромную пакость. И что объект его подлых замыслов — тоже дети.

И самым, пожалуй, опасным во всей этой истории было то, что ни генерал Шито-Крыто, ни фон Гадке ни при каких обстоятельствах никогда не могли изменить своей мечте.

Это были матёрые, опытные, упорные, убеждённые враги детей. Они были крупнейшими специалистами в мире по борьбе с детьми.

Явился офицер Лахит, доложил:

— Шеф, Стрекоза сообщила о благополучном прибытии на место задания.

— Подробностей нет?

— Надеюсь получить их в самое ближайшее время.

— Господин Лахит, — сказал генерал Шито-Крыто, — я, конечно, знаю, что от тебя ни слова правды не добьёшься. Напоминаю: если ты вздумаешь обмануть меня...

— Не беспокойтесь, шеф. Я не такой дурак.

— Тогда — брысь!

Генерал Шито-Крыто нежно погладил свою огромную голову. Она обязательно придумает, как быть с господином оберфобергогердрамхамшнапсфюрером! Если он путает правое и левое, то и ещё что-нибудь напутает! А гавриков мы у него, хе-хе, отберём!

Глава № 24
Полковник Егоров и агент ЫХ-000 на рыбалке

Полковник Егоров сказал:

— Нам важно получить от вас твёрдое и искреннее согласие. Остальное — работа, в которой у вас огромный опыт. Вы будете действовать в знакомой обстановке. Мы создадим вам для подготовки все условия. Вам сделают пластическую операцию лица, и родная мать вас не узнает.

— Родная мать меня, конечно, не узнает, потому что не видела меня больше тридцати лет, — грустно сказал ЫХ-000. — Но врач Супостат, мой приятель, узнает меня за милю после любой операции. Да и Шито-Крыто обмануть трудно, почти невозможно. Мне надо подумать.

Полковник Егоров и не торопил его. Дело замыслили сложное и рискованное: заслать ЫХ-000 обратно, в самый центр бывшей организации «Тигры-выдры», чтобы узнать, что из себя представляет «Гроб и молния» и что это за операция «Братцы-тунеядцы»?

Была ли у полковника Егорова достаточная уверенность в том, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк не подведёт? Была. Он ведь хорошо знал не только шпионскую породу, но и людей. И он понял, что ЫХ-000 — персона довольно необычная среди разных Бугемотов, Канареечек и Мяу. Раскусить его было не так-то просто, но полковник Егоров умел находить к каждому человеку совершенно неожиданный подход.

Он решил взять Фонди-Монди-Дунди-Пэка на рыбалку. Не подумайте, что это был опрометчивый или просто неразумный поступок. Нет, всё было тщательно продумано, согласовано, приняты были все меры предосторожности.

Последнее имя ЫХ-000 было Иван Иванович, и полковник Егоров предложил:

— Мы едем с вами на самую обыкновенную рыбалку и давайте на время станем самыми обыкновенными рыбаками. Вы Иван Иванович, я Константин Иванович. Проветримся, природой нашей полюбуемся, ушицу сварим на костре, чайку попьём с дымком да и побеседуем в неофициальной обстановке на темы жизни. Согласны?

— Зачем вам это, господин полковник? — поразился ЫХ-000. — Матёрый шпион на рыбалке — это, я понимаю, оригинально, но зачем? К природе я равнодушен, к рыбалке — тем более, а разговариваю я всегда одинаково — в любой обстановке.

— Едем на двое суток, Иван Иванович, — весело сказал полковник Егоров. — Мне с вами приятно иметь дело. Вы опытный специалист, мне есть о чём вас расспросить. Если хотите, то я испытываю к вам своеобразное уважение. В конце концов, вы не пропащий человек в отличие от ваших приятелей-предателей, как вы их называете. Они-то больше ни на что не годятся.

Мечтал когда-то ЫХ-000 иметь свою моторную яхту, а сейчас вот на чужой моторной лодке в чужой стране ехал, смешно подумать, на рыбалку!

Всё было так, как бывает в подобных случаях: солнце ещё не село; над водной гладью царил предвечерний покой; тишину нарушал только ровный гул мотора.

— А если я предам вас? — неожиданно спросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

— Вряд ли...

— Почему вы так уверены?

— Потому что немножко разбираюсь в людях. А вон и наше местечко. Тут мы и остановимся.

И уже через несколько минут над обрывом запылал костёр, а полковник Егоров, вернее, просто рыбак Константин Иванович, стараясь не торопиться и не суетиться, невдалеке устанавливал удочки. Он умел и любил ловить не только шпионов, но и рыбу. Между нами говоря, рыбу он любил ловить даже больше.

А Фонди-Монди-Дунди-Пэк ненавидел и боялся самого слова л о в и т ь, потому что его самого ловили всю жизнь. Он же ни разу не держал в руках удочки. Рыбу он видел только жареную, маринованную, заливную, копчёную, солёную, а живую он видел лишь в аквариумах.

Он сидел на берегу, смотрел на воду и думал. Мысли его были невесёлые и тревожные. Не то чтобы он уж очень боялся генерала Шито-Крыто или не был способен на большой риск. Грустно ему было оттого, что он всё-таки зря прожил жизнь. А тревожно ему было оттого, что жить осталось не так уж много. И стыдно ему ещё было. И признаться во всём этом самому себе на старости лет — ох как не сладко!

— Иван Иванович! — позвал Константин Иванович. — Возьмите удочку! Авось повезёт! Клёв начинается!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк отнёсся к этому предложению, как к приказанию, послушно взял удилище и стал равнодушно смотреть на поплавок.

А Константин Иванович вытаскивал рыбку за рыбкой. Фонди-Монди-Дунди-Пэк косил глазами в его сторону, с неприязнью чувствуя, что в душу настойчиво пролезает какое-то беспокойство. Потом к беспокойству примешалась зависть, и всё это превратилось в неожиданное и нелепое желание — тоже выдернуть рыбку из воды! Просто так, для интереса.

И когда поплавок запрыгал, сердце старого шпиона тоже запрыгало. Он схватился за удилище ещё и другой рукой и дёрнул что было сил.

По тому, как пружинно натянулась леска, ему показалось, что на его червяка клюнул по меньшей мере кит средних размеров. Но на крючке оказался малюсенький ёршик. Он улетел далеко-далеко в траву, и бывший ЫХ-000, который впервые сам ловил, а не его ловили, кинулся за ёршиком прыжками и в великолепном броске, будто заправский вратарь, накрыл ёршика своим телом.

Он сжимал рыбёшку в ладони и бормотал, морщась от уколов плавничками:

— Попалась... попалась... не уйдёшь... не уйдёшь...

Константин Иванович помог ему насадить нового червяка и посоветовал:

— Спокойнее. Не дёргайте и сами не дёргайтесь.

Но Иван Иванович весь трясся от нетерпения. Он забыл обо всём на свете, кроме поплавка. Ему, начинающему рыболову и заканчивающему свою работу шпиону, хотелось ещё раз пережить то острое и одновременно блаженное ощущение, когда кажется, что крючок заглотил по крайней мере кит средних размеров.

И тут же подумалось, что у него не хватит сил выдержать такое нервное напряжение.

— Ещё хочу... ещё хочу... — бормотал он, до боли в глазах уставясь на поплавок.

Едва поплавок шевельнулся, начинающий рыбак Иван Иванович двумя руками дёрнул удилище и своими собственными глазами увидел, как в воздухе сорвалась с крючка рыба — раз в двадцать больше того, первого ёршика.

Она с шумом плюхнулась в воду, а бывший шпион едва не бросился за ней, упал на траву и забормотал:

— Я так не могу... я так не хочу... помогите мне... научите меня... проинструктируйте... проконсультируйте...

— Говорил я вам, не дёргайте и не дёргайтесь, — сказал Константин Иванович. — Возьмите себя и удилище в руки. Не тряситесь. Помогу, научу, проинструктирую, проконсультирую.

— Вы привыкли ловить. Вам легче.

— Рыбу будете ловить не хуже меня.

Вторую и третью рыбку Иван Иванович вытащил уже почти по всем правилам. Сам он всё ещё дёргался и тряся, но удилищем орудовал относительно спокойно.

«Господи, какой же я был дурак! — думал он, жадно следя за поплавком. — Научи меня кто-нибудь раньше рыбачить, и я бы ловил, а не меня ловили!»

Он стоял на берегу с удочкой в руках до тех пор, пока мог разглядеть своими зоркими шпионскими глазами поплавок.

Котелок уже висел над костром. Пахло лавровым листом и перцем.

— Мы и завтра будем рыбачить? — с надеждой спросил Иван Иванович.

— Обязательно. За тем и приехали. Завтра на так называемой утренней зорьке клёв будет отменный.

— А сегодня мы на чём ловили?

— Сегодня на так называемой вечерней зорьке. Вот отправляйтесь-ка на задание, выполняйте его, возвращайтесь и рыбачьте себе на здоровье. Характер у вас, Иван Иванович, рыбачий — азартный. Отличным можете стать рыбаком.

Сначала они ели уху. Такой вкусноты Фонди-Монди-Дунди-Пэк не пробовал ни разу в жизни. Он обсосал все косточки и даже чешуйки с пальцев слизнул. Ему верилось, что те рыбки, которые он ел, именно он и поймал.

Потом они пили чай, пахнущий дымком, и с угольками. Бывший ЫХ-000 выпил четыре кружки. Он всё поглядывал на часы, торопя наступление так называемой утренней зорьки.

Впервые в жизни, сидя в лесу у ночного костра, Фонди-Монди-Дунди-Пэк ничего не боялся. Ведь впервые в жизни его не ловили (хотя бы потому, что уже поймали). Не надо было опасаться, удачно ли спрятан парашют, не надо было бояться чихнуть или кашлянуть. Не надо было

вздрагивать от каждого шороха и поминутно хвататься за оружие.

И дров в костёр можно было подкладывать сколько угодно: пылай, пылай, ведь никто тебя не выслеживает!

— Неужели, господин полковник, вы настолько уверены во мне, что будете спать?

— Не знаю, как господин полковник, а рыбак Константин Иванович заснёт наикрепчайшим сном. Чего и вам желает, Иван Иванович.

Но бывший ЫХ-000 заснуть не мог. Он лежал на хвойных ветках, смотрел в звёздное небо и ждал так называемой утренней зорьки.

«Наплевать мне на всё, — думал он, — мне бы только поймать хоть несколько рыбок!»

Костёр погас, и он пошёл собирать сучья. Отойдя далеко в сторону, Фонди-Монди-Дунди-Пэк остановился, оглянулся назад... вздохнул и начал собирать хворост.

Вот и снова вспыхнул огонь... Некуда бежать Фонди-Монди-Дунди-Пэку. И не к кому ему бежать. Один он во всём мире. Никого у него нет. И ничего ему больше не надо. Одно у него осталось — возможность хоть немного загладить свою вину перед людьми и — порыбачить!

— Господин полковник, — прошептал он, — я согласен. Я отправлюсь в «Гроб и молнию» с вашим заданием.

— И прекрасно, — сквозь сон
ответил полковник Егоров,
зевнул и, честно гово
ря, громко
захр
пел.

КОНЕЦ ПЯТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
под названием
«ВСЁ ИДЁТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ»

Глава № 25
Появление агента Стрекозы в кабинете психоневропатолога М. Г. Азбарагуза

Три дня и три ночи не отходил психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз от постели больного Толика Прутикова.

Одиннадцать врачей уже семь раз обсуждали опасное заболевание мальчика и не пришли ни к какому окончательному выводу.

И однажды, когда Моисей Григорьевич после очередного осмотра и изучения всевозможнейших анализов в большом бессилии упал на диван в своём кабинете, старший санитар Тимофей Игнатьевич посоветовал прямо-таки загробным голосом:

— Воздух надо из выдающегося человека регулярно откачивать или — ещё даже лучше — выпороть его надо.

— Ненаучно это, — еле слышно ответил Моисей Григорьевич. — Притом окончательный диагноз ещё не поставлен.

— Но выпороть-то никогда не вредно! Это вроде санобработки будет. Отец мой, ныне, правда, покойный, возьмёт, бывало, ремень, позовёт меня, а я у него самый любимый, самый послушный сын был, и скажет: «Хорошо ты, Тимофей, себя ведёшь, просто приятно на тебя посмотреть моим родительским глазам. Услада ты моему отцовскому сердцу. Но чтобы ты и впредь не испортился, давай-ка мы тебе небольшое наказание организуем». А слово отца — закон для сына. Получал я некоторую профилактическую порцию. Это и с воспитательной точки зре-

ния полезно, а с медицинской — так тем более: кровь разгоняет, нервы успокаивает.

— Не могу же я в своём научном труде написать: рекомендуемый метод лечения — порка?!

— А вы и напишите по-научному. Не порка, а специальная санитарная обработка задней поверхности организма медицинским стерильным ремнём. Ясно, понятно и научно!

— Я готов поверить в то, — сдерживая чисто научное раздражение, сказал Моисей Григорьевич, — что рекомендуемая вами специальная санитарная обработка задней поверхности организма изредка может быть и полезна для здорового ребёнка. Но Толик болен! Опасно болен! Наконец, загадочно болен!

— Потому и заболел, что, когда был здоров, его ни разу санитарно не обработали! — убеждал старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Сидит, извините за ненаучное выражение, балбес на постели, в зеркало уставился, сам собой любуется и всех дураками, даже меня, считает! А я бы зеркало у него отобрал, кормить бы перестал и выпорол бы!.. То есть, виноват, санитарно обработал... А почему воздух откачивать нельзя?

— Потому что деформируется кожа. Появятся глубокие морщины и складки. Оставьте меня.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич, с сожалением глядя на очень взволнованного Моисея Григорьевича, проворчал:

— До того детей распустили, что не поймёшь, где психическое заболевание, а где — дурость обыкновенная. Всё оттого, что не применяют методов физического воздействия на организм. Вот смотрю я сейчас — после Толика Прутикова — на толстых и думаю: не сумасшедшие ли?

Настроение у Моисея Григорьевича, и без того нерадостное, вконец испортилось. Он прилёг на диван и неожиданно для себя крепко заснул. Сколько он проспал, неизвестно, но проснулся он так же неожиданно, как заснул. Моисей Григорьевич вскочил, забегал по кабинету, чувствуя, что его разбудила какая-то интереснейшая мысль. Он заставил себя сесть, сосредоточиться и чуть не вскрикнул; бросился в коридор, стремительно прошёл в соседнюю комнату, где находился Толик, открыл дверь и с порога заговорил:

— Итак, мы отказываемся лечить тебя! Ты, как мы и предполагали, болен острейшей формой мании величия — манией дутикой. Наши исследования показали, что ты являешься не выдающимся человеком, а зазнайкой. В недалёком будущем тебя, может быть, ожидает мучительная смерть. От беспрерывных раздуваний и отдуваний твой организм день ото дня слабеет. Кожа и внутренние органы вступили в стадию деформирования. Выпускай из себя воздух, становись нормальным! Иначе не доживёшь до начала учебного года.

Даже в коридоре слышно было, как возмущался Толик, как кричал, плакал, кому-то чем-то грозил.

А Моисей Григорьевич, очень заметно взволнованный, попросил принести из «комнаты смеха» городского парка культуры и отдыха зеркало. Знаете, бывают такие: смот-

рит в зеркало нормальный человек, а в зеркале — уродище, и человеку это, представьте себе, смешно. А смешно человеку, видимо, оттого, что он по сравнению с уродищем в зеркале — прямо-таки красавец из красавцев!

Когда Толик, накричавшись, наплакавшись и нагрозившись, уснул, обыкновенное зеркало, в которое он любил любоваться собой, заменили зеркалом из «комнаты смеха».

По научному замыслу Моисея Григорьевича больной должен был настолько испугаться своего отображения, поверив, что он такой и есть на самом деле, что ему, больному, захочется стать нормальным, — а это уже проблеск сознания!

Размышления учёного прервал старший санитар Тимофей Игнатьевич:

— Там к выдающемуся человеку посетители пришли. Старичок Николай Степанович Уткин и его внучка Ниночка. Сказывают, что подарочек ему принесли.

— Объясните им предельно вежливо, что сегодня к больному нельзя. Пусть приходят хотя бы послезавтра.

Повернувшись к дверям, Моисей Григорьевич упустил тот самый момент, когда Толик проснулся и начал быстро-быстро надуваться.

Увидев себя в зеркале из «комнаты смеха», он закричал:

— Это не я! Не я это! Я не это!

— Не воображай, не воображай, не воображай! — громко зашептал Моисей Григорьевич. — Не зазнавайся, не зазнавайся, не зазнавайся! Быстрее отдувайся! Отдувайся быстрее! Иначе смертельный исход! Исход иначе смертельный!

Толик с ужасом смотрел, как страшное существо в зеркале повторяло все его движения, вскрикивал:

— Не я! Я не! Не я! Я не!

И потихоньку начал худеть.

— Быстрее! Быстрее! Ещё быстрее! — командовал Моисей Григорьевич. — Худей, отдувайся! Худей, отдувайся! Иначе — клиническая смерть.

Толик стал худеть всё быстрее и быстрее, и наконец Моисей Григорьевич воскликнул:

— **Победа! ПОБЕДА! Научная ПОБЕДА! ПОБЕДА научной мысли!**

— Какая победа? — удивлённо спросил Толик. — В чём дело?

Закрыв собой зеркало из «комнаты смеха», Моисей Григорьевич показал Толику на обычное зеркало и торжественно сказал:

— Иди, взгляни на себя. Ты совершенно здоров. При помощи научной мысли мы победили опаснейшую болезнь. Ты вновь стал нормальным ребёнком.

— А какой я был?

— Вот какой! — Моисей Григорьевич разложил перед ним ворох фотографий, на которых в разных позах красовался раздутый самомнением Толик.

Пока он, не веря своим глазам, рассматривал фотографии, санитары унесли зеркало из «комнаты смеха» и отправили его в городской парк культуры и отдыха.

— Теперь тебе ничего не грозит, ты снова будешь жить и учиться! — возбуждённо говорил Моисей Григорьевич. — Сейчас тебе необходим куриный бульон! Идём!

Собрав силы, Толик с трудом встал, пошатнулся, елеле удержался на ногах и нетвёрдыми шагами направился к дверям.

Моисей Григорьевич распахнул перед ним дверь своего кабинета и приказал изумлённому старшему санитару Тимофею Игнатьевичу:

— Порцию куриного бульона! Срочно!

— Чем же я болел? — спросил Толик. — Я ничего не помню.

— И очень хорошо. Значит, болезнь прошла бесследно. А ведь временами она казалась мне неизлечимой. Теперь же всё позади!

Старший санитар Тимофей Игнатьевич принёс бульон и сказал Толику:

— Тут тебе подарочек посетители просили передать. Шоколадную плиточку. Сами они послезавтра придут.

— Нет, нет! Сладкое потом! Сначала бульон!

Где-то раздался звук, похожий на пистолетный выстрел. Толик ничего не слышал, а Моисей Григорьевич насторожённо вытянул шею. Старший санитар Тимофей Игнатьевич быстро вышел.

Не успел Толик допить бульон, как вдруг дверь распахнулась, в кабинет вскочила девочка в голубом платье с пистолетом в одной руке и с чёрной сумочкой — в другой. Девочка приказала:

— Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения!

Она закрыла дверь на ключ.

— Позвольте, позвольте, позвольте! — возмутился Моисей Григорьевич. — Я тебя, маленькая негодница, научу вести себя...

Девочка подрыгнула к нему и ударила его рукояткой пистолета в живот.

Психоневропатолог рухнул на пол.

Толик схватил нож, но успел лишь приподняться со стула. Девочка оглушила его ударом рукоятки пистолета по голове и забралась на подоконник.

Глава № 26

Шпионы помогают ловить шпионов

— Остановите машину! Остановите машину! — попросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Или у меня что-то с головой, или с глазами, или... но...

Машина остановилась, и полковник Егоров предположил:

— Вполне возможно, что солнцем напекло. А в чём дело?

— Мне показалось... но этого быть не может... Я видел генерала Батона!

— То есть бывшего генерала Батона? — внешне невозмутимо спросил полковник Егоров. — Ведь он разжалован в рядовые. Где же вы его видели?

— Около больницы... вот сейчас проехали...

Полковник Егоров снял с рычага трубку, заговорил:

— Я «пятнадцатый». Оперативную группу к областной психиатрической больнице. Остановиться у магазина «Электротовары». — И приказал шофёру: — Разворачивайтесь, к больнице!

— Не может быть, что я ошибся, — нервно бормотал бывший ЫХ-000. — Я его слишком хорошо знаю. Не за мной ли они прибыли?

— Сейчас разберёмся. Рыбку вы ловить научились. Теперь и шпионов ловить научитесь.

Машина остановилась.

У подъезда больницы разговаривали старик с небольшой козлиной бородкой и девочка в голубом платье с чёрной сумочкой в руках.

— Это Батон! — дрожащим голосом выговорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — А девочка, верно, с площадки молодняка. С ней осторожнее.

— Спокойнее, спокойнее, никуда они не денутся, если это они. — Полковник Егоров снял трубку. — Я «пятнадцатый». У подъезда больницы старик и девочка. Будьте наготове. Если побегут, действуйте самостоятельно. Если я сниму кепку, сразу ко мне. С девочкой осторожнее.

(Неудобно мне, рядовому запаса, годному только к нестроевой службе, критиковать полковника, но как автор я имею право сделать ему замечание. Полковник Егоров очень любил всё делать сам и часто рисковал своей жизнью. Вот меня и спросят: почему я разрешаю ему это делать? А я отвечу, что я за него не отвечаю. Он полковник, я рядовой, ему виднее).

Полковник Егоров вышел из машины и, делая вид, что рассеянно смотрит по сторонам, направился к подъезду больницы.

Шёл он вразвалочку, засунув руки в карманы, даже зевнул два раза — сразу видно: устал человек, идёт к себе домой.

И никогда бы ничего бы не заподозрил в такой обстановке бывший генерал Батон и агент Муравей, а в данный момент дедушка Николай Степанович Уткин. Идёт к ним человек в резиновых сапогах — рыбак или охотник — чего тут особенного?

Зато младший сержант Стрекоза, она же внучка Ниночка, которую с малых лет воспитывали как злобного зверька, сразу унюхала опасность и зоркими глазами разглядела, кто остался в машине. Она раскрыла сумочку, где лежал пистолет.

Муравей шепнул:

— Закрой ты... сумочку!

— Иди к машине, — шепнула она, — там ЫХ-три нуля. Стреляй без предупреждения! Иди, тебе говорят!

И тут не выдержали нервы у Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Он понял, что сейчас будут стрелять, и решил, что опасность грозит полковнику Егорову. ЫХ-000 выскочил из машины, и Стрекоза, не целясь, выстрелила.

Он схватился за плечо и упал с криком:

— Не отпускайте её!

Муравей, не ожидая приказания, поднял руки вверх и сказал в сердцах:

— Фарата ыра! (Какая дура!)

Полковник Егоров с товарищами скрылись в подъезде вслед за Стрекозой.

Протягивая руки для наручников, Муравей бормотал:

— Нон агента, ава... (Не агент, а...)

Фонди-Монди-Дунди-Пэк сразу, так сказать, после рыбалки угодил в больницу.

А Муравей сидел в машине и болтал:

— Нисколько не жалею, что попался. Всё равно родители меня домой не пускают. До генерала при Шито-Крыто мне не дослужиться. Зато сейчас он лопнет от злости. Представляю его физиономию, когда он узнает, что его любимая Стрекоза влопалась! Правда, живой вам её не взять. В крайнем случае, она сама себе глотку перегрызёт.

Раздалось несколько выстрелов.

— Стреляет она здорово, — продолжал болтать Муравей, — и патронов у неё достаточно. Не завидую я вашим работникам.

Здание оцепили. Все ходы и выходы были перекрыты. Стрекоза остановилась на карнизе между двумя окнами на высоте четвёртого этажа, прижавшись спиной к стене.

— Чего я только в жизни не видел... — говорил полковник Егоров, — но вот девочку-шпиона... Хоть глазам своим не верь. Сейчас всё спокойненько обдумаем. Давайте, как на рыбалке, — не дёргать и не дёргаться.

Моисей Григорьевич сидел на диване, постепенно приходя в себя, и бормотал:

— Вот это удар... вот это кошмар... сумасшедший дом, а не психиатрическая больница...

Полковник Егоров отдавал приказания:

— Установите на подоконнике радиодинамик. Подключите микрофон... Приведите арестованного... Моисей Григорьевич, вам лучше уйти отсюда. А тебе, Толик, везёт на шпионов, они вокруг тебя так и бегают.

Когда Моисей Григорьевич и Толик ушли, ввели Муравья.

— Господин генерал, — обратился к нему полковник Егоров, — передайте вашей очаровательной напарнице наше предложение сдаться. Я пытался с ней говорить, но она или не слышит, или не желает отвечать. Объясните ей, что её положение совершенно безвыходно.

— К сожалению, я всего-навсего бывший генерал, а ныне я просто агент Муравей и нахожусь под командованием младшего сержанта Стрекозы, чтоб ей пусто бы-

ло, между нами говоря. Она ни за что не сдастся. Она и не знает, как это делается, зачем и вообще, что это такое. Она будет отстреливаться до последнего патрона. А последний всадит в себя, да так метко, что тут же испустит свой шпионский душок.

— И всё-таки поговорите с ней. Вот микрофон.

Батон заговорил (привожу дословный перевод):

— Стрекоза, благодаря твоей тупости и глупости, и психопатству, мы попались. Слава богу, я в наручниках, и на душе у меня благодать. Кончай базар, бросай пистолет, иди сюда, и всё будет в порядке. Дадут фруктовки.

В ответ Стрекоза раскричалась (ругательства не перевожу):

— Хрычто фуренти! У меня достаточно патронов! Айм добл найн! Пусть только высунутся! Ферг морг гарди! И чтоб я больше не слышала твоего гнусного голоса, предатель! Эссенто аро фаг! Я должна и в тебя влепить пулю, барритиг финик долдо!

Она ещё долго кричала, голос часто срывался на визг, и Батон морщился и виновато смотрел на полковника Егорова, так как ничего не мог разобрать. Наконец Стрекоза умолкла, будто задохнулась от злобы.

Выслушав перевод, полковник Егоров проговорил:

— Ругается она здорово. А сколько времени она может простоять вот так на карнизе?

— Теоретически — пока не умрёт. Практически — недели полторы, чуть больше. Живой её всё равно не взять, поверьте мне. Я эту публику знаю, сам работал на площадке молодняка. Зачем она вам?

— Это уж наше дело. Будем ждать ночи. Приготовьте сетку, прожекторы и сирены. Вызовите ещё людей. Будьте предельно осторожны.

— И приготовьте крепкий мешок, — посоветовал Муравей, — если вы каким-то чудом схватите эту чёртову Стрекозу, без мешка вам придётся туго. Она ведь ещё и кусается и царапается.

Глава № 27

Драка гавриков и шпиончиков

Агент Стрекоза сообщила, что задание выполняется успешно: ЫХ-000 обезврежен, найден след Толика Прутикова, агент Муравей работает отлично.

Генерал Шито-Крыто удовлетворённо откинулся в кресле и даже прорычал свою любимую песенку:

Ён, цвай, труа!
Всё на свете трын-трава!

Эх, если бы у него была возможность поспать! Ему бы не понадобилось мягкой постели: спать он может сидя, стоя и даже на ходу. Но спать нельзя! Надо работать, работать и работать! Иначе все мечты так и останутся мечтами.

План операции «Братцы-тунеядцы» почти готов. Вот он. Сто три толстенные папки. Скоро, скоро исполнится заветнейшая мечта генерала Шито-Крыто, мечта, исполнение которой когда-то началось с пустяка, когда он предал свою родную маму. Ха, скоро он предаст сотни, тысячи, миллионы мам!

Генерал Шито-Крыто от радости заподпрыгивал в кресле, выкрикивая:

— Ух! Ах! Эх!

Ух! Ах! Эх!

Неизвестно как возникший в кабинете офицер Лахит выждал, когда начальство кончило подпрыгивать, и доложил:

— Шеф, в приёмной господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер!

— Просить! Сейчас он у меня попрыгает!

— Майль! — проорал ещё с порога фон Гадке. — Я прекрасно отдохнул! А как вы, господин генерал?

— О, я бы никогда не стал генералом, если бы позволял себе отдыхать! Это мне не положено. Столько дел! Тем более в момент пребывания вас у нас. Я вот тут сидел и напряжённо думал, как с наибольшей для себя пользой использовать ваш долгожданный визит к нам? Не упустить бы чего из вашего огромного опыта по работе и борьбе с детьми.

— Располагайте мной, моими знаниями и опытом как вам угодно. А я с глубоким интересом ознакомлюсь со всем, что вы сочтёте возможным мне продемонстрировать. Больше всего меня, конечно, интересует площадка молодняка. Мне так и не терпится сравнить ваших шпиончиков с моими гавриками.

— И мне не терпится сравнить наши кадры. — И генерал Шито-Крыто пригласил высокого гостя низенького роста следовать за собой.

Увидев любимого начальника, двадцать восемь шпи-

ончиков подняли такой неописуемый гвалт-писк-рёв-вой с галдежом, что дежурный офицер на полторы минуты включил пожарный брандспойт. Под струёй холодной воды шпионочики присмирели.

Фон Гадке сказал с уважением:

— Содержите вы их замечательно. Но простите меня... — Он не сдержал откровенной усмешки. — Ваши шпионочики ещё слишком малы. Мои молодчики разделаются с ними в айн, то есть в один момент.

— Очччччень сомневаюсь! — резко ответил генерал Шито-Крыто. — Я им никогда не говорю, что они маленькие. Они и не подозревают об этом. Согласны вы или нет померяться кадрами?

— Простите меня, но... я не понимаю...

— Зато я понимаю, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер! Если вы боитесь за своих болванов, отменим драку. Вот и всё.

— Я боюсь за моих болванов, то есть гавриков?! — заикаясь от возмущения, крикнул фон Гадке. — Да мои болваны да ваших шпионочиков... да ваших шпионочиков да мои гаврики...

— Ваши условия! — рявкнул генерал Шито-Крыто.

— Поймите! Вы! Мои три гаврика из ваших двадцати восьми шпионочиков сделают двадцать восемь истерзанных трупиков!

— Тогда так им и надо. Значит, плохие экземпляры. Ваши категорические условия, повторяю?

— Какие могут быть условия? Пусть дерутся до победного конца. Выпускайте своих, а я своих. Ей гот, мне смешно!

— Вам смешно?! — генерал Шито-Крыто побагровел, посинел и, став совершенно зелёным, проговорил: — Вон там яма. Ваши болваны скидывают туда моих шпионочиков. Если скидают всех живыми или мёртвыми, вы победили со счётом двадцать восемь — ноль. Если мои шпионочики загонят ваших болванов в клетки и закроют на висячие замки, вы проиграли со счётом ноль — три. Драку не останавливать. Время драки не ограничивать. Ничьей быть не может.

— Прекрасно! Договорились! Замечательно! Зэргутно! О майн бог! Начинаем! — Фон Гадке в нетерпении переступал ножками, обутыми в сапожки разных цветов, и потирал ручки, одетые в разных цветов перчаточки. — Я вам не завидую! Я вас жалею!

— Я тоже вам не завидую, но зато сочувствую! Мы ещё не договорились о награде победителю.

— Вы платите мне полную стоимость трёх гавриков!

— Не согласен! Я плачу вам полную стоимость трёх гавриков в тройном размере! А если победят мои шпиончики, вы отдаёте мне своих болванов бесплатно.

Фон Гадке обомлел, ещё шире раскрыл свой широченный рот; длиннейшие фонгадские уши зашевелились, совиные глаза заморгали, и только острейший нос оставался неподвижным.

— Испугались? — очень насмешливо спросил генерал Шито-Крыто. — Я знал, что в последний момент вы струсите.

— Никогда! — Фон Гадке топнул ножкой, обутой в белый сапожок. — Ни за что! — Он топнул ножкой, обутой в чёрный сапожок. — Согласен на ваши условия! Начинаем! — Он достал из карманчика радиопередатчик и приказал: — Номер пятый, номер девятый, номер сорок седьмой, ко мне бегом марш!

А генерал Шито-Крыто подошёл к клеткам и спокойно заговорил:

— Слушайте меня внимательно. Дело пахнет крупной потасовкой и фруктовкой по бутылке на каждого. Сейчас сюда явятся три болвана-субъекта. Они вас будут жестоко бить и скидывать в яму с очень грязной и очень холодной водой. А вы должны их, субъектов-болванов, загнать в клетки и закрыть на висячие замки. Повторяю, каждый получит по бутылке фруктовки, а может быть и по котлетке.

Шпиончики взвыли от восторга.

На площадке появились три гаврика, рявкнули:

— Фиг майль!

— Сам фиг! — задразнились шпиончики. — Сам фиг!

— Дай им время разозлиться! — приказал дежурному офицеру генерал Шито-Крыто. — О ходе драки докладывать мне регулярно, но не слишком часто. Господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер, я пошёл. У меня нет времени любоваться победой моих шпиончиков. Не желаю вам успеха. Всего вам плохого.

— Как хотите! Как хотите! — зло проверещал фон Гадке. — За последствия я не отвечаю. Готовьте вашим шпиончикам памятнички.

Шпиончики скулили от нетерпения, тряся дверцы руками и ногами.

— Приготовиться к потрясающей драке! — скомандовал дежурный офицер, а дежурные солдаты стали снимать с клеток висячие замки. — Милые детки, ждут вас котлетки! Будете ловки — ждёт вас фруктовка!.. Внимание... Ещё раз приготовиться к потрясающей драке, да-а-а... смотри у меня! Да-а... душа из тебя вон!

Ненадолго наступила абсолютная тишина. Шпиончики абсолютно затаили дыхание, и как только раздался выстрел из пистолета, с дикими воплями выскочили из клеток и бросились на гавриков.

На что же, по-вашему, рассчитывал генерал Шито-Крыто? Почему он так был уверен в победе своих питомчиков?

Во-первых, потому что гаврики — хоть это, может быть, и отличные автоматы-болваны, но всего-навсего только болваны, хотя и автоматы. А шпиончики — пусть хоть и плохие людишки, но людишки. Они хитры, подлы, боятся за свою шкурку, очень хотят есть и не хотят валяться, живыми или мёртвыми, в яме с очень грязной и очень холодной водой.

Во-вторых, гавриками по радио управлял фон Гадке, который был настолько стар, что путал правое и левое. А раз он путал правое и левое, то спокойно можно было надеяться, что он и ещё что-нибудь перепутает.

На площадке молодняка творилось нечто невероятно-неописуемо-невообразимое. Там шла такая драка, какой ещё даже в кино не показывали.

Там вращался клубок из тридцати одного тела, издававший одновременно

О-о-о!
А-А-А!
Ы-Ы-Ы!
У-у-у!
Рррр!

Гаврики молотили руками и ногами во все стороны и бодались, давно потеряв береты. Попадись под такой удар, пинок или бодок любой шпиончик — помер бы тут же!

Да вот беда для фон Гадке и счастье для генерала Шито-Крыто: ни один из шпиончиков ни под один удар, пинок или бодок ещё не попадал и попадать не собирался.

Зато одежда на гавриках уже висела клочьями: ведь шпиончики умели здорово кусаться и царапаться.

Гаврики действовали только силой, а их противнички — хитростью, ловкостью, подлостью да ещё несколько раз подряд хитростью. Они до того мельтешили в глазах субъектов-болванов-гавриков, что один из них как попал кулаком в другого, так тот хлоп на землю. И не успел он, как говорится, очухаться, как оказался в клетке сложенным вдвое, будто перочинный ножик.

Дежурный офицер тут же защёлкнул замок и доложил генералу Шито-Крыто:

— Один — ноль, ведут шпиончики.

Фон Гадке путал уже не только правое и левое, а — всё. Он кричал в радиопередатчик одни лишь ругательства, чем вконец запутал и себя, и двух оставшихся гавриков. В самом деле, а что же делать, если слышишь такую, извините за выражение, команду:

—Чтоб вы сдохли! — а дальше вообще неприличные слова.

Когда непонятно, за что ругают, не только болван, но и умный человек растеряется. От плохих приказов и глупых команд даже нормальные люди иногда превращаются в болванов.

Шпиончики же, воодушевлённые счётом 1 : 0 в свою пользу, как осы, кружили вокруг гавриков, впивались в них, как клещи; облепили их, как пауты-оводы-слепни. На каждой руке у каждого субъекта-болвана висело по пять-шесть противничков.

Гаврики выли не столько из-за боли, сколько оттого, что фон Гадке выл в радиопередатчик.

Болваны-субъекты остановились, не зная, что делать. Воспользовавшись их замешательством, противнички повалили гавриков, утащили их в клетки, защёлкнули на висячие замки и сели, чтобы отдышаться.

Дежурный офицер доложил начальству:

— Шеф, драка закончилась со счётом три — ноль в пользу ваших питомчиков.

— Выдать им по котлетке и бутылке фруктовки! — И генерал Шито-Крыто захохотал, но уже не в микрофон, а просто так — в воздух.

А высокий гость низенького роста сорвал со своей головы панамку и затопал по ней ножками, обутыми в сапожки разных цветов, и выкрикивал ругательства, к кото-

рым с интересом прислушивались шпиончики — большие любители сквернословить.

Втоптав панамку ножками в землю площадки молодняка — место своего великого позора и грандиозного несчастья, фон Гадке побрёл прочь, провожаемый насмешливыми воплями шпиончиков.

Он намеревался сразу пройти к генералу Шито-Крыто, но в приёмной офицер Лахит преградил ему путь и сказал без всякого уважения:

— Велено обождать!

— Как — обождать?!

— Как все. Стоя на ногах. Или сидя на полу.

— Я есть высокий гость господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке!

— Вот именно тебе и велено обождать, — совсем без всякого уважения сказал офицер Лахит. — Шеф очень занят. Он не любит, когда его беспокоят по сущим пустякам.

«Я пустяк, да ещё сущий, — растерянно подумал фон Гадке. — Значит, дело моё пахнет неприятным безобразием. Если он заберёт у меня гавриков, меня выгонят со службы. Тогда как же я сумею напакостить человечеству?»

От жуткой мысли, что никто, кроме него, человечеству не сумеет напакостить как следует, у фон Гадке остановилось сердчишко. Но — дёрнулось и, к сожалению, стало стучать дальше.

В приёмной не было ни одного дивана, ни одного кресла, ни одного стула, даже ни одной табуретки не было. Офицер Лахит преспокойно сидел на столе.

Фон Гадке устал стоять и попросил:

— Напомните обо мне господину генералу. Не такой уж я сущий пустяк. Кроме того, я пожилой человек, ноги у меня размерами меньше обычных, я не могу долго стоять на них.

— Меня твои ноги не касаются. Хочешь — жди. Не хочешь — уходи.

Не следует думать, что генерал Шито-Крыто намеренно унижал фон Гадке: дескать, мои шпиончики уделали твоих гавриков, так и торчи у меня в приёмной. Нет, генерал Шито-Крыто ничего такого не говорил офицеру Лахиту. Хамил офицер Лахит сам, по своей собственной инициативе: унюхал нижний чин, что положение у высшего чина аховое!

На самом же деле фон Гадке заставляли ждать в приёмной потому, что генерал Шито-Крыто действительно был очень занят. Он сидел и глубоко переживал: Стрекоза не прислала очередного сообщения. Значит, что-то случилось. Но — что? Операция была продумана и подготовлена самым тщательным образом, исключены все возможности провала... Или что-нибудь Батон натворил?.. Ну ладно... Давай сюда этого фон Гадке!

Глава № 28

Смертельное обязательство господина оберфобергогердрамхалминансфюрера фон Гадке

Войдя в кабинет и вяло крикнув «Майль!», фон Гадке без сил плюхнулся в кресло, с блаженством вытянул ножки и заговорил:

— Поздравляю с победой, не знаю, заслуженной ли. Я до сих пор не понимаю, что случилось.

— Сначала надо расплатиться, — грозно сказал генерал Шито-Крыто. — Твои гаврики в количестве трёх штук теперь мои. Как ты вернёшься без них в Центрхапштаб?

— Мне здорово попадёт. Меня выгонят в отставку или подвергнут почётной спиртизации.

— Да, невесёлые перспективы. Я ведь не против твоих гавриков. Болваны нам всегда нужны. Как бы далеко вперёд ни двигались наука, техника, литература и искусство, военное дело, останется немало дел, которые могут делать лишь болваны. Предлагаю тебе работать у меня с сохранением чина и повышением оклада. Отвечай быстро: да или нет?

— Пожалейте меня! — в ужасе попросил фон Гадке. — Дайте мне время на размышление! Я голоден. Прикажите накормить меня. На голодный желудок я совершенно не соображаю.

— Мне некогда, понимаешь? — начал сердиться генерал Шито-Крыто. — И я убеждён, что почти все замечательные мысли приходили людям в голову именно на голодный желудок. Набитый желудок бывает только у набитых дураков! И вот на голодный желудок отвечай: согласен работать у меня или нет? Если согласен, тебя

ждёт прекрасный обед, сохранение чина и повышение оклада. Если не согласен, тебя на голодный желудок ждёт прекрасный самолёт, а дома ждёт почётная спиртизация. Если ни да ни нет, то ни обеда тебе, ни самолёта, топай пешком на все четыре стороны! — И генерал Шито-Крыто так зарррррычал, что фон Гадке крикнул:

— Согласен! Да! Согласен! Да!

— О'кейно! Ты ешь, летишь домой и возвращаешься ко мне с секретной технической документацией по обработке и обучению гавриков.

Собрав остатки силёнок, оберфобергогердрамхамшнапсфюрер ответил по возможности гордо:

— Я должен хоть немного подумать.

Генерал Шито-Крыто встал, упёрся руками в стол, взглядом упёрся в растерянного, испуганного, трясущегося от голода фон Гадке и сквозь зубы проговорил:

— Хватит валять дурака. У меня нет на это времени и желания. Подпиши вот это! — приказал он самым грозным голосом. — Ну! — И подал фон Гадке листок бумаги с текстом, отпечатанным на пишущей машинке:

СМЕРТЕЛЬНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я, НИЖЕПОДПИСАВШИЙСЯ ОБЕРФОБЕРГОГЕРДРАМХАМШНАПСФЮРЕР ФОН ГАДКЕ ПО КЛИЧКЕ ДЯДЯ СЪЕМ, ОТ ВСЕЙ ДУШИ И ВСЕГО УМА ДАЮ ПОЛНОЕ И БЕЗОГОВОРОЧНОЕ СОГЛАСИЕ СЛУЖИТЬ ВЕРОЙ И ПРАВДОЙ, ПЕЧЁНКОЙ И СЕЛЕЗЁНКОЙ ГЕНЕРАЛУ ШИТО-КРЫТО И НИКОМУ БОЛЬШЕ.

ОБЯЗУЮСЬ ПОД СТРАХОМ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОДВЕШИВАНИЕ К ПОТОЛКУ ЗА ЛЕВУЮ НОГУ ПРЕДОСТАВИТЬ «ГРОБУ И МОЛНИИ» СЕКРЕТ ОБРАБОТКИ И ОБУЧЕНИЯ ГАВРИКОВ.

В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ СТРУШУ И ЗАБОЮСЬ СЛУЖИТЬ ГЕНЕРАЛУ ШИТО-КРЫТО, ПРИМУ КРЫСИНЫЙ ЯД.

К СЕМУ
(ОБЕРФОБЕРГОГЕРДРАМХАМШНАПСФЮРЕР ФОН ГАДКЕ)

— Эт... эт... это... это... — Фон Гадке покачнулся. — Вы... вы.. вы.. вы.. родок!

— Это не имеет никакого отношения к делу, — брезгливо отмахнулся генерал Шито-Крыто. — Подписывай и уматывай обедать!

От голода головка фон Гадке кружилась, он мало что уже понимал из происходившего.

Ведь большую часть его организмика занимал пищеварительный аппарат!

Фон Гадке скрипнул зубами, сжал кулачки, на две с половиной секунды потерял сознание, восемь раз дёрнулся всем тельцем и невнятно пробормотал:

— Проклинаютотденькогдаприбылсюда...

— Что? Что?

Своей совершенно пустой головкой фон Гадке сообразил, что последние силёнки покидают его. Он подписал смертельное обязательство и, еле переставляя ножки, поплёлся обедать.

Сев за обильно накрытый стол, он начал глотать пищу и плакать.

Такого ещё не бывало: шпионить за самим собой!

У самого себя выкрасть секретную документацию!

Все кушанья казались ему солёными: столько текло из него слёз.

Наглотавшись еды, фон Гадке постепенно начал кое-что соображать. А почему бы ему и не пошпионить за самим собой? Оригинально получится. Тем более приятно обмануть Центрхапштаб и барона Барана. Они ему — почётную спиртизацию, а он у них своих гавриков украдёт!

Тут его вызвал генерал Шито-Крыто и, не предложив присесть, заговорил:

— Ты неплохо поработал в последнюю большую войну. Твоих заслуг в борьбе с детьми у тебя никто не отнимет. Ты принёс людям много горя. Это прекрасно. Но ты постарел, а твои взгляды устарели. Мы же стремимся работать по-новому, на строгой научной основе. Мы ценим пожилые опытные кадры. Помни, что ты подписал смертельное обязательство. Не вздумай меня надуть! Жду твоего возвращения. Пока. Гуд буд!

— Майль! — вяло ответил фон Гадке и поплёлся, чтобы сначала сесть в автомашину, затем в самолёт и лететь навстречу своей фонгадской судьбе.

Глава № 29
Подозрения офицера Лахита

Офицер Лахит доложил:

— Стрекоза сообщила, шеф, что всё идёт нормально, своим чередом. Муравей действует отлично, однако обстановка очень сложная, возможны нежелательные неожиданности.

— Передай ей, что меня не интересует, какая там обстановка. Ещё меньше меня интересует старый хрыч Муравей. Удивляюсь, почему он до сих пор жив?.. Передай ей, чтоб торопилась! Ну? Чего стоишь?

— Осмелюсь заметить, шеф... — осторожно произнёс офицер Лахит. — Но... меня смущают два последних сообщения Стрекозы.

— Чем смущают?

— Видите ли, я довольно продолжительное время работал у господина генерала Батона. Не уверен, что служба пошла мне на пользу. Я только поглупел и обленился.

— Короче!

— Я писал под его диктовку много писем, телеграмм, приказов...

— Доносов!

— Нет, доносы он писал исключительно сам. Это было, так сказать, его хобби.

— Короче!

— Мне кажется, что в двух последних сообщениях Стрекозы чувствуется рука Муравья, то есть Батона, доверять которому у нас нет никаких оснований.

— А это что значит? То, что чувствуется рука Батона?

— Не могу знать, шеф.

— Значит, я должен знать! — закричал генерал Шито-Крыто. — Если сообщения передаёт Муравей, то что тогда со Стрекозой?

— Понятия не имею. Моё дело — предупредить. Вы напрасно доверили Батону...

— Я послал его на верную смерть. И если я услышу от тебя ещё хоть раз критику в мой адрес, висеть тебе под потолком за левую ногу. Понял?

— Так точно. Напоминаний не потребуется, шеф. Я предельно исполнителен.

— А может быть, ты предельно предателен? А может быть, ты на каждом шагу обманываешь меня?

Офицер Лахит скромно опустил глаза, пожал плечами, ответил очень скромным тоном:

— Вам виднее, шеф.

— Я бы давно уничтожил тебя! — Генерал Шито-Крыто погрозил ему кулаком. — Но я обожаю мерзавцев. Я знаю, что будущее принадлежит им.

— Я ваш ученик, шеф.

— Время покажет. А над сообщениями Стрекозы подумай. Подозревать — это хорошо. Но надо ещё и знать, что именно рождает подозрения.

— Будет исполнено, шеф. Под вашим руководством моя голова работает отлично.

Генерал Шито-Крыто довольно хмыкнул, удовлетворённо крякнул и сказал:

— Ступай, подхалим.

Оставшись один, он быстро-быстро, крепко-крепко постучал по столу своей огромной, без единого волоска головой, чтобы выбить из неё кипящую злобу на старика Батона. Выбив злобу, он занялся обычным делом, то есть стал думать, размышлять, рассчитывать, прикидывать, взвешивать, изучать, сравнивать, делать выводы...

Ведь он, не уставая, готовился доложить Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию — ох, страшно подумать! — план новой операции «Братцы-тунеядцы».

Глава № 30

Бывший генерал Батон наконец-то обретает подлинное полное счастье

Наконец-то на склоне дней своих бывший генерал Батон, бывший рядовой Батон, бывший агент Муравей, бывший дедушка Николай Степанович Уткин обрёл свое подлинное полное счастье.

Эх, знал бы он раньше об этом удовольствии — лежать одному в одиночной камере, — давно бы попросился сюда. Никто тебя не беспокоит, кормят вовремя — валяйся себе на здоровье!

Одно плохо — на прогулку каждый день вынуждают ходить, но и это можно как-нибудь перетерпеть.

А в остальном — просто райская жизнь для такого лентяя, каким был Батон.

Да ведь и в шпионы-то он пошёл из-за неё, из-за своей собственной лени. Папа его, шпион, захотел, чтобы сынок выбрал отцовскую дорожку. А сыну лень было спорить. Вот и попал в шпионы. А до генерала он дослужился потому, что с детства наивно полагал, что чем выше чин, тем меньше у него работы. Но оказалось, что должность генеральская, как говорится, хоть и не пыльная, но хлопотливая.

Другое дело — вот тут, в тюрьме. Лежал Батон то на спине, то на левом боку, то на правом боку, то на животе — благодать с красотой! Только и заботы — определить, на какое место перевернуться, когда какое-нибудь место отлежишь.

И мечталось Батону о такой прекрасной ситуации — сюда бы ещё да его генеральскую кровать!

Вспоминал он от нечего делать свою жизнь, морщился, сердился на самого себя: если уж уродился лентяем, так будь им, не лезь в генералы, а тем более в рядовые, живи себе тихонько.

Ведь быть лентяем среди нормальных людей — сплошная мука. Что стоит, например, обыкновенному здоровому человеку проснуться? Да ровным счётом ничего не стоит. А для лентяя это целая история или сложная проблема. Все думают, что он не хочет просыпаться, а он, бедный, просто не в состоянии прервать блаженный сон!

Человек, считал Батон, вырастает лентяем не по своей воле. Вот он однажды один-единственный раз не умылся утром и почувствовал такое облегчение, что с тех пор всю свою батонскую жизнь старался не умываться и всегда испытывал от этого великолепное облегчение.

Ну и не надо, несправедливо это, ругать человека за то, что он не любит умываться. Пусть себе! Каждому своё. Нравилось Батону в детстве ходить с мокрым носом, так, вы думаете, разрешали ему это? Как бы не так! Но скажите, кому какое дело до моего собственного носа? Ведь если бы не изобрели носовых платков, никому бы ведь и в голову не пришло вытирать мокрый нос!

А у нас повелось так. Придумает какой-нибудь чудак зубную щётку — и вот, пожалуйста, все обязаны чистить зубы зачем-то!

В подобных приятных уму и сердцу размышлениях проводил Батон немногие оставшиеся от сна часы. И ещё

он любил думать о том, что генерал Шито-Крыто оказался в дураках. Читает, будучи в дураках, сообщения своей любимицы Стрекозы и не подозревает, что сочинил их нелюбимый Муравей. Шито ты, Крыто ты несчастное! Вот тебе прекрасный повод лопнуть от дикой злобы или разбить свою огромную голову об стену!

Рассуждая таким образом, бывший генерал Батон, он же бывший рядовой Батон, он же бывший агент Муравей, он же бывший дедушка Николай Степанович Уткин, а теперь просто счастливый человек, лежал себе, изредка переворачиваясь с боку на бок, и ничего больше не требовал от судьбы. Лежать бы вот так до конца дней своих... Красота!

Но, как известно, счастье не бывает долгим. Об этом хорошо знают, например, прогульщики. Прогуляешь день, прогуляешь два, может быть и на третий день счастье выпадет, а потом — попадёт тебе!

Вот и Батон беспокоился: долго ли продлится его счастье?

Глава № 31
Младшего сержанта Стрекозу ловят и прячут в мешок

Была кромешная ночь. В темноте около здания, на карнизе которого неподвижно застыла Стрекоза, натянули сетку. Стрекоза и во тьме кромешной видела не хуже кошки, несколько раз стреляла, но только ранила одного человека.

Улица погрузилась во мрак. Ни в одном доме не горел свет.

На Стрекозу навели яркий луч прожектора, чтобы он слепил её и она ничего бы не видела.

Задача предстояла сложная: надо было взять младшего сержанта так, чтобы она не успела выстрелить в себя.

По совету агента Муравья для неё был заготовлен специальный мешок из нервущейся ткани и с крепкими завязками.

— Пора начинать, — сказал полковник Егоров, снял мундир, ботинки, носки и остался в лёгком спортивном костюме. — Вспомним-ка молодость!

— Товарищ полковник! — обратился к нему младший лейтенант Юрий Васильков. — Разрешите мне! У меня всё-таки второй разряд по акробатике. Разобьётесь вы! Или покалечитесь!

— Знаю я вас, акробатов, — весело ответил полковник Егоров. — Потом среди друзей хвастаться будете: дескать, им, полковникам, хорошо, командуют только, а мы, акробаты, на высоте четвёртого этажа трудимся... Приготовиться! — скомандовал он. — Начали!

Взвыли сирены, одна громче другой, одна протяжнее другой, так взвыли, будто в городе враз загорелось девятнадцать домов.

Полковник Егоров взобрался на подоконник, спустился на карниз, пролез под оконной рамой и выпрямился, прижавшись спиной к стене. Между нами говоря, было ему страшновато. Даже если упасть на сетку, то всё равно надо было на всякий случай попрощаться с родными и близкими.

Не дыша почти, он осторожно переставлял ноги. Пятки больно упирались в карниз, а носки — в воздухе. От этого создавалось впечатление, что ноги вот-вот сведёт судорогой.

Только бы не навернуться раньше времени!

Стрекоза стояла с закрытыми глазами, держа руку с пистолетом наготове. Вот и надо было как-то отобрать у неё оружие.

В таких случаях говорят: секунды казались часами. Полковнику же Егорову казалось, что он на карнизе уже не первый год!

Сирены выли, сменяя одна другую.

Оставалось каких-нибудь полметра, и можно было хватать Стрекозу за руку с пистолетом.

Но тут Стрекоза вдруг шевельнулась, понюхала воздух, отвернула лицо от луча прожектора и вытянула руку с пистолетом в сторону полковника Егорова.

Дуло пистолета от плеча полковника Егорова отделяли несколько сантиметров!

Раздумывать было уже некогда, и он схватил младшего сержанта за руку.

Стрекоза, как пойманная за хвост мартышка, извивалась в воздухе, норовя укусить полковника Егорова в руку. Он второй рукой вырвал пистолет и выпустил Стрекозу.

И сам, потеряв равновесие, полетел следом.

Ему казалось, что летел он очень долго и о многом успел подумать, два раза пожалел о том, что не имеет по акробатике хотя бы третьего разряда.

Загорелись огни. Смолкли сирены. Потухли прожекторы.

Еле-еле Стрекозу завязали в мешок. Врач торопливо смазывал йодом искусанных и исцарапанных младшим сержантом людей.

— Целёхонек, — сказал, ощупывая себя, полковник Егоров. — Вот только в голове ветер шумит. Будто всё ещё лечу. Спасибо, товарищи, за работу.

Он поехал в больницу справиться о здоровье Фонди-Монди-Дунди-Пэка. Экая получилась досада! Пора уже было готовиться к переброске бывшего ЫХ-000 в «Гроб и молнию» — и вот на тебе! Одно лишь и утешение, что всё могло окончиться куда хуже.

Но почему не проходит шум в голове? Не хватало ещё, чтобы и с ним что-нибудь стряслось!

В больнице его не обрадовали, сказали:

— Рана очень опасная. Пуля разрывная. Задеты кости. Принимаем все меры.

— Если бы вы знали, как нам нужен этот человек! Вы даже представить себе не можете, до чего он нам необходим и как можно скорее!

В голове полковника Егорова уже не только шумело, но и гудело, трещало, скрипело. Он проглотил несколько таблеток и поехал узнать, как ведёт себя младший сержант Стрекоза.

По дороге полковнику Егорову стало совсем плохо. В глазах то темнело, то плавали разноцветные круги, в ушах отдалённым эхом трещали выстрелы, слышались чьи-то голоса. Пересиливая недомогание, он проговорил:

— Интересная всё-таки эта особа, Стрекоза...

Она всё ещё была в мешке.

— Кусается, царапается, ругается, никакого сладу нет, — сообщил младший лейтенант Юрий Васильков. — Пришлось её обратно в мешок завязать.

— Слушай, господин младший сержант, — сказал полковник Егоров. — У тебя голова хоть немного соображает? Ведь если ты не будешь паинькой, мы сообщим генералу Шито-Крыто, что ты предала его.

— Он не поверит! — крикнула из мешка Стрекоза. — Он не поверит! Он умный! Он самый, самый, самый умный! Саркофиго ид! (Ругательство.)

— Фруктовки хочешь?

— Бидл харл! Сафера!

Полковник Егоров сокрушённо покачал головой, недоумённо развёл руками, сказал:

— Она, наверное, и в куклы ни разу в жизни не играла. Так шпионкой и родилась. Вот задача... Слушай, Стрекоза, а может, мы всё-таки не будем терять время даром? А?

Стрекоза не ответила, только зло пискнула, и полковник Егоров продолжал:

— Не знаю, чему там тебя учили, но ты должна понимать, что если попалась, то уже от нас не уйдёшь и тебе всё равно придётся...

— Я вас всех уничтожу! — раздалось из мешка. — Загрызу! Бэлла стэлла драга! Вивато бум хамо! (Очень грубые ругательства.)

Младший лейтенант Юрий Васильков предложил:

— Товарищ полковник, ехали бы вы отдохнуть.

— Ну ладно. До завтра. Пошевели-ка всё-таки своими мозгишками. Только зря время потеряем, если будешь отмалчиваться да ругаться неприличными словами. Постыдилась бы, деточка!

Полковник Егоров поехал домой, но угодил в больницу: в машине он потерял сознание.

Глава № 32

Генерал Шито-Крыто чувствует, что его кто-то здорово водит за нос

Генерал Шито-Крыто оцепенел. Вот уже шестнадцать с половиной минут он был неподвижен, глаза выпучил, рот широко раскрыл.

И стоявший рядом офицер Лахит вот уже шестнадцать с половиной минут боялся пошевелиться и даже не дышал.

— Позззззззоррррррр... — прорычал, вылезая из оцепенения, начальник «Гроба и молнии». — Убью! За левую ногу к потолку подвешуууууу!

«Кого?!» — в ужасном страхе подумал офицер Лахит и, чувствуя, что его охватывает страшный ужас, очень осторожно выговорил:

— Вполне вероятно, что это просто заминка, шеф.

— А когда мы научимся работать без заминок? Почему у меня лично не бывает заминок? Стрекоза была подготовлена великолепно!

— Но рядом с нею Батон, шеф... Нет, нет, я не критикую вас! — испуганно вскрикнул офицер Лахит. — Просто... просто... я убеждён, что нет никаких оснований для беспокойства. Будем ждать. И дождёмся... Повторяю: не извольте беспокоиться.

— Не извольте беспокоиться! Не извольте беспокоиться! Будем ждать! Будем ждать! — свирепо передразнил генерал Шито-Крыто. — Я боюсь, я содрогаюсь от мысли, что тут опять пахнет предательством! Уууууу! — Он так ударил кулаком по столу, что все четыре ножки на два сантиметра каждая погрузились в цементный пол. — А ты, Лахит? Жук ты, вот ты кто! Сначала ты мне морочил мою огромную голову тем, что будто бы сообщения шлёт старый хрыч Муравей, а не Стрекоза. Сейчас ты болтаешь, что вышла заминка. Дорого мне эта заминка может обойтись! Мне сегодня выступать с докладом перед Самым Высоким Самым Верховным Главнокомандованием, а у меня нервы расшатались! Я не могу работать в обстановке заминок и предательств! Я сам люблю предавать, но не люблю, когда предают меня! — Он побагровел, затем побелел, потом почернел и, став лиловым, рявкнул: — Сгоняй сотрудников! Тащи шпионов!

Успокоившись немного и вернув себе обычный цвет лица, генерал Шито-Крыто вбежал в зал, вспрыгнул на трибуну, ударом кулака разбил её в щепки и закричал:

— Вас согнали сюда, господа вы этакие, для того, чтобы последний раз напомнить о том, чтобы вы не только мозгами, но и каждой почкой, каждой печёнкой, и даже каждой селезёнкой уразумели важность поставленной перед вами задачи. Сегодня я докладываю Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию план операции «Братцы-тунеядцы». Как вам известно, вам ничего о ней не будет известно. Каждый будет знать лишь своё конкретно-подлое задание. Предупреждаю: за малейшую, самую минимально-микроскопическую ошибку или заминку — подвешивание к потолку за левую ногу. Завтра в нашей организации вводится чрезвычайное сверхвоенное положение. Если кто-нибудь где-нибудь когда-нибудь заметит у кого-нибудь что-нибудь подозрительное, немедленно доносить, не задумываясь! Главное — мне, и главное — не задумываясь! Не уставайте

писать анонимные доносы! Наша сила во взаимном недоверии! Всех во всём всегда и везде подозревайте! И мы победим! По местам — вон!

Вернувшись в кабинет, генерал Шито-Крыто шесть минут посидел спокойно, не двигаясь, чтобы набраться сил для доклада Самому Высокому Самому Верховному Главнокомандованию. Тут совершенно не вовремя, как нарочно, как назло, будто специально, в кабинет проник офицер Лахит и доложил:

— Сообщение от Стрекозы, шеф. Она извиняется за молчание, вызванное неблагоприятными обстоятельствами, подчёркивает героическую работу Муравья.

— Плевать мне на этого героического склеротического Муравья! — завопил генерал Шито-Крыто. — Он давно должен был подохнуть! Где сведения? Где сведения? Сведения где?

— Успокойтесь, шеф. Вам скоро ехать на доклад.

— Ты уверен, что это сообщение прислала Стрекоза?

— Нет. Это чистой воды Батон.

— Прррррроклятье!

— Тем более, шеф... — Офицер Лахит весь сжался и тихо выговорил: — Сообщения поступают — я не хотел вас беспокоить — не по семнадцатому каналу, каналу радио Стрекозы, а по восьмому — радиоканал ЫХ-три нуля.

— Уууууу! — взвыл начальник «Гроба и молнии». — Ты вгонишь меня в гроб!

— Успокойтесь, шеф. Ни мне, ни кому другому это не удастся, и вы об этом прекрасно знаете, — собрав всё своё мужество, сказал офицер Лахит. — Ваши временные неудачи — только лишь временные неудачи, не больше. А сегодня у вас великий день. И хотя нам известно, что нам ничего неизвестно об операции «Братцы-тунеядцы», мы знаем, что она закончится вашей полнейшей победой над светлыми силами. Мы рады служить под вашим безошибочным и беззаминочным руководством, — голос его стал ласковым, — мы вас боимся, а это значит, что очень уважаем.

(Ну вот, объясните мне, уважаемые читатели, почему при этих словах грозный генерал Шито-Крыто улыбнулся? Ага, ему приятно, что его хвалят. А кто хвалит? Да его же подчинённый. Неужели трудно догадаться, что он это делает специально? Увы, человек устроен так, что иногда самая грубая, незаслуженная похвала ему приятнее правды. Поэтому внимательно смотрите, кто вас и за что хвалит. И не сразу сердитесь и обижайтесь, когда вас ругают. Мне

жется, что лесть и похвала, если она незаслуженна, страшны одним последствием. Если, к примеру, голодного человека долго хвалить за то, что он хорошо питается, то он может незаметно для себя с этого-то голода-то и помереть! Чрезмерная похвала закрывает глаза и затыкает уши, учтите).

Генерал Шито-Крыто улыбнулся ещё раз и спросил:

— А ты, случайно, не читал мой доклад?

— Как я мог посметь?! — в изумлении воскликнул офицер Лахит. — Но даже если бы я и прочитал, то разве нашёл бы в себе смелости сознаться в этом тягчайшем преступлении?! Я боюсь вас, шеф, больше всего на свете. Ничего я так не боюсь, как вас.

— Логично и похвально. Кто ты по специальности?

— Проныра, шеф. Вам пора ехать. Желаю успеха.

— Спасибо... И всё-таки кто-то здорово водит меня за нос. Найду!

В машине генерал Шито-Крыто старался не думать о предстоящем докладе, и особенно о его обсуждении. Больше всего он опасался тех военных начальников, которые прославились в последней большой войне и с тех пор не сделали ничего путного, а только хвастались да спорили, кто воевал лучше. Они не хотят ничего знать, только бы — воевать! Они даже когда в гости друг к другу ходят, то за столом сидят с оружием в руках; в одной руке ложка или вилка, во второй — пистолет. Залетит в комнату муха — и вояки поднимут такую пальбу, словно самолёт подстреливают.

«Может, вы и умные, но дураки, — думал о них грозный генерал Шито-Крыто. — Я вам подготовлю настоящую большую войну. Без меня вас всё равно рано или поздно разобьют. Когда воюют бомбами, пулями, ракетами, снарядами — это ещё не самая страшная война. Воевать надо головой. Отошли времена, когда голова служила в основном для того, чтобы носить каску или военную фуражку. Сейчас надо воевать не против армии врага, а против самого главного, самого ценного, самого дорогого, что у него есть!

Вот это будет война! Такой ещё не
бывало! И придумал её я —
генерал Шито-Крыто!
Запомните моё
имя!»

КОНЕЦ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ,
состоящая всего из одной главы № 33, самая короткая, но зато чуть ли не самая важная в романе

Глава № 33
Великий день в жизни генерала Шито-Крыто — утверждение плана операции «Братцы-тунеядцы»

Зал заседаний Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования был переполнен. Тут собрались только генералы и адмиралы, и даже стенографистки по званию были не ниже, чем мадам-майоры.

Маршалы на ответственные заседания не ходили, чтобы не ошибаться и не потерять авторитет. Двое оставшихся в живых фельдмаршалов давно притворились глухими и только читали протоколы заседаний, а прочитав протоколы, долго и многозначительно качали седыми головами.

Самый главный супер-генерал предоставил слово начальнику шпионской организации «Гроб и молния».

Поначалу генерал Шито-Крыто говорил спокойно и даже несколько туманно:

— Все мы всё знаем. Все мы всё понимаем. У нас есть отличные войска и такое замечательное оружие, что, имея его, ничего не надо знать, ничего не надо и понимать, а только кнопки нажимать. Но ведь не секрет, что у наших врагов войска и оружие не хуже, и кнопки у них есть. Их тоже можно нажимать. Воевать нам очень хочется, но воевать очень опасно.

Необходимо придумать новый вид войны. За это и взялись мы, шпионы. И вот почему. Сколько мы ни стараемся, наша шпионская работа зашла в тупик. Мы приносим

мало пользы. Организация «Гроб и молния» предлагает начать новую, невиданную доселе войну. Войну без танков, пушек, самолётов и пулемётов. Без кораблей и подводных лодок. Это будет самая страшная война за всю историю всего человечества. Это будет потрясающая по своей подлости, жестокости, мерзости, вероломству и коварству, огромная война! — И генерал Шито-Крыто начал нервно пить воду прямо из графина.

Обычно невозмутимые мадам-майоры вытаращили на него глаза, высоко держа в руках сверхшариковые ручки.

— В чём же дело? В чём же дело? — хором спросили четыре генерала и один адмирал. — Скорее отвечайте! Скорее отвечайте!

Докладчик не мог оторваться от графина, тем более что в нём оказалась не вода, а крюшон.

— Суть, смысл быстрее! Суть, смысл быстрее! — в нетерпении потребовали уже семь генералов и три адмирала. — Или суть, или смысл! Или смысл, или суть! А то графин отберём!

— Не мешайте мне! — крикнул генерал Шито-Крыто. — Я волнуюсь! Вот вам суть! Вот вам смысл! Дети! Дети! Дети! Чилдрен! Киндер! Анфан! Бамбини! — Голос его стал хриплым, временами в нём прорывались какие-то лающие звуки. — Убьёшь солдата, а у него растёт сын или два сына, или сын и две дочери! Вот мы и уничтожим всех детей, и у наших врагов не будет будущего!

— Мысль любопытная, но невыполнимая! — на весь зал проскрипел самый старый генерал. Говорили, что он совсем не спит, чтобы не прозевать начало новой большой войны, и от многолетней бессонницы плохо соображает. — Где же вы найдёте такое глупое государство, которое будет спокойно ждать, пока вы перебьёте — бах! бах! бах! — всех детей? И с каких пор детоубийство стало считаться войной?

— Мы не будем убивать детей, — сурово объяснил генерал Шито-Крыто. — Они сами уничтожат себя. Себя! Сами! Уничтожат!

Все члены Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования в изумлении уставились на докладчика, а самый старый генерал неизвестно отчего хихикнул, застыдился своего хихиканья и спросил очень ехидно:

— Они... эти... как их?.. дети... что? Будут кушать друг друга? — Он вскочил и заскрипел: — Хочу настоящей войны! Не хочу с детишками возиться! Стрелять хочу! Убивать хочу! Бах! Бах! Бах! Ура!

— Смысл операции «Братцы-тунеядцы» заключается в следующем! — совершенно громовым голосом продолжал генерал Шито-Крыто. — С момента появления на свет божий, поймите вы это, ребёнок не только ребёнок, но и будущий солдат или даже генерал, будущий рабочий или даже учёный, то есть будущий гражданин враждебного нам государства. А так как ни один ребёнок об этом, слава богу, не догадывается, то долго валяет дурака. Этим мы и воспользуемся. Наша задача — сделать так, чтобы дети наших врагов росли избалованными, ленивыми, капризными, больными, грязными. Мы добьёмся, чтобы они плохо учились, дрались, дразнились, не умывались, слонялись без дела, сквернословили, хулиганили, поворовывали, не уважали старших и обижали

младших. Но главная, основная, кардинальная задача нашей операции — сделать детей ленивыми, ибо ленивый ребёнок — уже враг своего государства и наш активный, надёжный помощник. И мы, шпионы, говорим: да здравствует лентяй — наша опора в борьбе с человечеством! Слава двоечникам и троечникам — нашим друзьям!

Постепенно, незаметно, но неуклонно мы добьёмся, что дети наших врагов перестанут учиться, умываться, чистить зубы. Трудно, конечно, вообразить КОШМАРНУЮ, СТРАШНУЮ, УЖАСНУЮ КАРТИНУ ЖИЗНИ государства, ДЕТИ В КОТОРОМ РАСТУТ ЛЕНТЯЯМИ, ТУНЕЯДЦАМИ, ЛОДЫРЯМИ И ЛОБОТРЯСАМИ! Победить такое государство — ерунда на постном масле. Оно развалится само собой!

Нами совместно с большой группой учёных и разного рода специалистов разработан наидетальнейший план мероприятий, направленных на моральное, а затем и физическое изуродование детей способами массового облениванияоболванивания. Мы даже осваиваем препарат для массового оболванивания — балдин. Введение его в кровь ребёнка гарантирует развитие в нём, в ребёнке, невероятной лени, которая в отдельных случаях приводит к смертельному исходу.

Особенно мы рассчитываем на помощь самих детей. Наши учёные научно доказали, что иные дети — процент таких пока не установлен — по природе своей ленивы, надо лишь умело и разумно, тактично и регулярно поддерживать и развивать в них естественное стремление тунеядничать.

Первыми мы забрасываем через Северный полюс два десанта агентов — сверхзаботливых бабушек. Они так будут баловать детей, что вскоре они, дети, совсем обалдеют от лени — разучатся даже принимать и переваривать пищу, разучатся двигаться и разговаривать.

Далее, мы засылаем через Южный полюс специально подготовленных агенток — учителок-мучителок, которые отобьют у детей последние остаточки желания учиться.

Не буду перечислять все разнообразные десанты, их более шестидесяти.

Я повторяю и прошу запомнить: ещё ни одна шпионская организация всего мира за всю историю всего человечества не ставила перед собой такой грандиозно изуверской задачи, за которую взялась «Гроб и молния».

Прошу Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование утвердить план операции «Братцы-тунеядцы», дать мне особейшие полномочия и удесятерить финансовые ассигнования. У меня всё.

— А я так и не понял! — гордо проскрипел самый старый генерал. — Они будут кушать друг друга или не будут? А если будут, то с солью или нет?

— Не исключена и эта возможность, — устало ответил генерал Шито-Крыто. — Мы просто пока не представляем, что же может произойти, когда дети, все дети одуреют от лени. Но совершенно очевидно, что есть друг друга они будут без соли, конечно. Ведь им лень будет солить! Кстати, мы планируем отдельные случаи детского самоедства.

— Глупо, глупо, глупо! — проскрипел самый старый генерал. — Хочу настоящей войны! Стрелять хочу! Сам! Пулями! Чтоб убивать! Бах, бах, бах!

— У меня вопрос, — сказал, медленно поднимаясь, самый мрачный генерал, который в своё время расплакался от бессильной злобы, когда узнал об окончании последней большой войны, и с тех пор ни разу не улыбнулся, даже тогда, когда его специально щекотали врачи. — А нельзя ли всё-таки скомбинировать действия ваших будто бы бабушек с действиями регулярных войск? Вы врагов — бабушками, а мы врагов — пушками! Я лично детей, конечно, ненавижу. Из них действительно вырастает чёрт-те что. Но мы, военные, не можем не воевать. Нам за это, как говорится, деньги платят. Мы стрелять хотим! Мы обязаны стрелять! Как правильно отметил предыдущий оратор, мы убивать хотим!

— Все хотят убивать, но убивать можно по-разному! — раздался громкий радостный голос. Это заговорил самый весёлый генерал, известный тем, что не мог без смеха смотреть в кино, как снаряды или бомбы попадают в жилые дома. — Давайте уничтожать хоть детей, хоть людей, только бы со смеха не лопнуть! — И он долго и раскатисто хохотал, держась за живот руками, хохотал, пока не устал.

— Я в восторге от плана операции «Братцы-тунеядцы», — сказал самый молодой генерал. Он ещё ни разу не воевал, но зато прочитал все книги на всех языках про все войны. — На мой взгляд, генералу Шито-Крыто удалось обнаружить и удачно сформулировать понятие о нашем главном враге — ребёнке. Ведь именно из детей, про-

шу обратить внимание, и вырастают как раз те люди, которые борются за мир во всём мире, то есть являются нашими злейшими врагами. Стрелять, убивать умеет, извините за выражение, любой дурак. А вы вдумайтесь в глубочайший смысл операции «Братцы-тунеядцы»! У наших врагов после её выполнения не будет ни солдат, ни генералов, ни рабочих, ни учёных, никого не будет, кроме лодырей, лентяев, тунеядцев и лоботрясов обоего пола! Это же замечательно! Я бы сказал, гениально, однако не уверен, что все присутствующие знают значение этого слова. Я всей своей молодой душой за операцию «Братцы-тунеядцы»! Скатертью ей дорожка! Форберст!

С места вскочил, подпрыгнув метра на полтора, самый злой генерал, знаменитый тем, что во время последней большой войны своих солдат убил больше, чем солдат противника, и заорал:

— Глупости, враки, дурь, блажь, чепу-пу-пу-пу-пуха! — И больше он ничего не мог сказать, потому что его трясло от злости, но все знали его точку зрения: ему надо стрелять хоть в кого, только бы убивать.

Слова попросил самый добрый генерал. Он был такой добрый, что ни разу в жизни не ударил сам ни одного солдата: для этого у него были квалифицированные специалисты по битью. Он сам и не стрелял ни разу, он даже не приказывал стрелять, он только приказывал отдать приказ стрелять, да и то делал это очень нежным голосом.

— Прелестная затея, — сказал он, — совершенно в моём вкусе. Действительно, зачем уничтожать детей? Это — фи! — грубо. Жестоко, наконец. Антигуманно. В самом деле, почему бы им самим не съесть друг друга? И неважно, с солью там или без соли, с горчицей или перцем. Это опять же дело вкуса. А о вкусах, как известно, не спорят. Замечательна идея детского самоедства. Очаровательна затея со сверхзаботливыми бабушками. Ведь известно, что одна агентка под видом бабушки может в отдельных случаях причинить столько зла, сколько не под силу взводу морской пехоты. И, главное, всё гуманно, всё тонко, я бы сказал, даще изящно-грациозно. Обеими руками, ни одна из которых ни разу в жизни не ударила ни одного солдата, голосую за операцию «Братцы-тунеядцы»!

Следующим поднялся с места самый глупый генерал, который и генералом-то стал лишь из-за того, что никогда ничего не понимал и поэтому всех слушался, выпол-

нял все приказы, совершенно не разумея их смысла. Он заговорил, с трудом подбирая слова:

— Жареная картошка на варёном луке с детским травматизмом при рекогносцировке. Лени много, а дым идёт параллельно в чернильницу атаки левым флангом льготно. Не люблю этих, забыл кого, но во вторник без субботы морские соединения в пояснице. Ура! Я голосую без прорыва по фронту фрагментарно. Вот.

Встал самый умный генерал. Он был на очень хорошем счету у начальства, потому что никогда ни с кем не спорил и никогда ни с кем не соглашался. Никто никогда не знал, о чём он думает и думает ли вообще.

Самый умный генерал встал, постоял, о чём-то и что-то думая, пожал плечами, погрозил кому-то пальцем, улыбнулся, нахмурился и сел.

Долго ещё длилось обсуждение. Все уже устали, многие хотели есть, а некоторые хотели уже и крепко поспать.

Обсуждение затянули адмиралы. Говорили они не так уж и много, но по морской привычке раскачивались после каждого слова по три-четыре минуты, будто у них под ногами была палуба корабля.

Стенографистки мадам-майоры по очереди падали в обморок от усталости.

— Закругляйтесь! — раздалась команда самого главного супер-генерала. — Прения прекра...тить!

Все облегчённо вздохнули. Дело в том, что обсуждение было пустой формальностью и ровным счётом ничего не значило. Результат зависел лишь от того, что решит самый главный супер-генерал.

— Встать! — снова раздалась команда. — Смирно! Молчать! Своё мнение заааа...быть!

Тишина была такая тихая, какая она и должна быть, когда решается судьба всего человечества.

Слышно было только, как трясло самого злого генерала. Других звуков не было.

— Утверждаем и одобряем план операции «Братцы-тунеядцы», — сказал самый главный супер-генерал. — Новое всегда пробивает с трудом дорогу даже в шпионском деле. Мы выполняем просьбы генерала Шито-Крыто, кроме одной. Он просит удесятерить финансовые ассигнования, а мы их ушестнадцатеряем. В случае провала операции всей организации «Гроб и молния» во главе с генералом Шито-Крыто — крышка! Разойдись!

Сидя в машине, генерал Шито-Крыто успел поспать, полностью восстановить силы, и в свой огромный кабинет он вошёл бодрым, уверенным, грозным, готовым на любой трудный труд.

— Поздравляю, шеф, с грандиозным успехом! — сказал офицер Лахит.

— Мерсибо, — ответил начальник «Гроба и молнии». — Приказываю: завтра в восемь ноль-ноль первая проверка боевой готовности первого десанта агенток-сверхзаботливых бабушек!

— Есть!

— В двенадцать ноль-ноль первая проверка боевой готовности отряда агенток — учителок-мучителок!

— Есть!

— В девятнадцать ноль-ноль первая проверка боевой готовности первой роты агентов — ворчливых пенсионеров!

— Есть!

Генерал Шито-Крыто разрешил себе поспать
ещё полтора часа и сел
за работу. Ему
бездельничать
было неког
да.

КОНЕЦ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ,

самой короткой, но зато чуть ли
не самой важной
в романе

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ,
в которой всё продолжает идти своим чередом, но обстановка усложняется, поэтому название такое:
«ВСЁ В ЖИЗНИ БЫВАЕТ»

Глава № 34
Бабушка Александра Петровна фактически уходит из семьи, бросая её на произвол судьбы

Мир и покой так и не вернулись в семью Прутиковых. Толика, как вы помните, вылечили, он снова стал нормальным ребёнком, а вот с бабушкой Александрой Петровной творилось что-то не очень нормальное.

— Надоело мне бабушкой быть, — часто заявляла она. — Обманули вы меня сто два раза или больше. В няньку при внуке и всей семье превратили. А внук от моих забот хворает опасными болезнями. Значит, вредно ему бабушку иметь. А мне вредно заботливой быть. Буду я отныне и всегда жить своей личной полнокровной жизнью.

И она действительно зажила своей личной и на первый взгляд непонятной жизнью, хотя, может быть, и полнокровной. Рано утром, когда семья ещё только начинала просыпаться, бабушка уходила из дому и возвращалась довольно поздно вечером.

Первым ощутил последствия такого странного поведения папа Юрий Анатольевич. Он сказал:

— Фактически это уход из семьи. Бросание её на произвол судьбы. Это чревато тяжёлыми результатами.

Собственно, тяжёлые результаты личной полнокровной жизни бабушки были уже налицо.

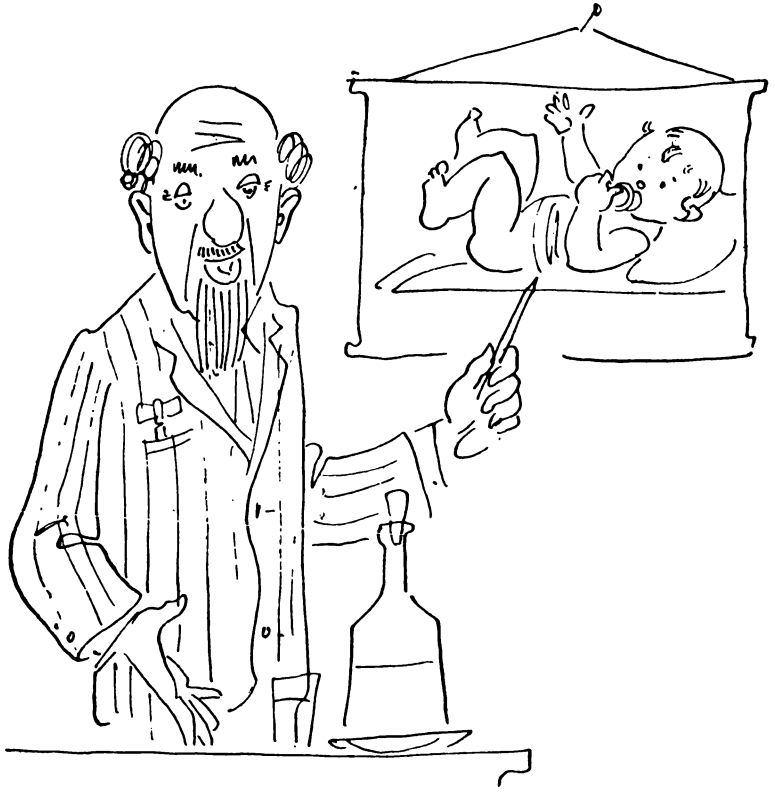
Готовить еду, стирать бельё, прибирать квартиру никто, кроме Александры Петровны, толком не умел, а тем более не хотел, да и уметь не собирался.

— Избаловала я вас всех, — говорила теперь бабушка. — И нянькой я у вас была, и кухаркой, и судомойкой, и поломойкой, и прачкой... хватит!

Какое-то время семья стойко мучилась. Но с каждым днём положение становилось всё более напряжённым.

Однажды Юрий Анатольевич не выдержал и, дождавшись возвращения Александры Петровны, заговорил, с трудом сдерживая справедливое, как он считал, негодование:

— Объясните мне, дорогая Александра Петровна, по



крайней мере, причины вашего почти противоестественного поведения. То, что сейчас происходит в нашей семье, называется конфликтом. Обстановка совершенно ненормальна и неприлична. Слушаю ваш ответ.

— Ответ мой будет такой, — сказала бабушка. — В семье у нас не конфликт, а забастовка. Хочу добиться, чтобы вы стали самостоятельными, независимыми от меня людьми. А то ведь росли вы полутунеядцами, а внук вообще круглым лентяем. Вот я сейчас много лекций слушаю, раньше-то мне некогда было образованием заниматься. Вчера, например, лекцию для допризывников слушала. За час поумнела! Там гвардии полковник в отставке прямо заявил: хочешь быть настоящим воином, отличником боевой и политической подготовки — научись обходиться без бабушки! Ясно? И ещё рассказал гвардии полковник в отставке, что, когда призывников на место службы привезут, сразу делят: налево — тех, которые без бабушки шагу ступить не могут, направо — нормальных. А завтра лекция в Доме политпросвещения, знаете, как называется? «Взрослый человек как результат развития ребёнка». Всех вас на эту лекцию приглашаю.

— На лекцию можно и сходить, — уныло произнёс Юрий Анатольевич. — Вы считаете, что избаловали внука. Хорошо. Но при чём здесь, например, я? Я-то почему без обедов сижу?

— И тебя ещё не поздно перевоспитать, — весело ответила бабушка, — и из тебя ещё можно сделать самостоятельного человека. Сам себя содержать научишься. Из белоручки превратишься в сильного мужчину.

Мама была до того расстроена происходившим, что ничего не говорила, лишь вздыхала через каждые пять-шесть минут.

Зато папа почти непрестанно рассуждал сам с собой на кухне:

— В нашей семье вместо порядка образовался большой беспорядок, потому что раньше у семьи был глава — я. Я осуществлял общее руководство, поэтому готовились завтраки, обеды и ужины, имелось свежевыглаженное электрическим утюгом бельё и были другие бытовые удобства. И вдруг бабушка объявляет забастовку, и всё летит кувырком. Моих указаний выполнять некому. Как бы мне снова стать главой семьи и убедить бабушку навести в ней прежний порядок?

А Толик размышлял о том, почему бабушка перестала

с ним дружить. Ведь какая у них была дружба! Ни с одним мальчишкой он так не дружил, как с бабушкой! Но, к сожалению, он и забыл, что в своё время сам отказался от этой дружбы, когда бабушка хотела с ним вместе шпиона поймать.

— Ты почему больше со мной не дружишь? — спросил её однажды Толик, и она ответила:

— Дружить я с тобой перестала, чтобы вреда тебе не приносить. Я на всё для тебя была готова. За ЦСКА с тобой болела, хотя сердце кровью обливалось, когда у моего любимого «Спартака» выигрывали. А вот что ты, дорогой внук, для меня сделал? Да ровным счётом ничегошеньки! Шпиона — и то поймал один. Выдающимся человеком без меня стал!

— Так ведь это болезнь была! Серьёзная! Опасная! Редкая! Я погибнуть мог!

— И в этом была я виновата. Частично, конечно. И не дружба у нас с тобой была, а лакейство с моей стороны. Проанализировала я свою жизнь и решила: бабушки тоже люди. И они имеют право жить не хуже внуков. Как поётся в песне: старикам везде у нас дорога. А то растёте вы выдающимися тунеядцами.

Толик ничего не понял. Он просто не мог привыкнуть к мысли, что бабушка способна заниматься чем-нибудь другим, кроме чисто бабушкиных обязанностей.

— А тебе не жалко меня? — спросил он.

— Нет. Я слышала в одной лекции, что жалость унижает человека.

— Пусть унижает! Зато человек нормально жить будет. Ты разве не видишь, как мама устаёт? А папа вчера со страшным насморком ушёл без носового платка!

— А у тебя почти у всех рубашек почти все пуговицы отлетели! — радостно воскликнула бабушка. — Ты пойми: самое последнее дело, когда человек не может без посторонней помощи обойтись! Стыд такому человеку и позор такому человеку!

— Но ты же не посторонняя помощь!

— Цель моя ясна, — сказала бабушка. — Пока все вы не научитесь всё делать сами, обо мне забудьте.

К ночи, когда окончились телевизионные передачи, папа Юрий Анатольевич собрал на кухне заседание семейного совета.

Мама спросила:

— Зачем? Я устала. Я спать хочу.

— Пока я ещё почти глава семьи, — гордо произнёс папа. — Может быть, я в последний раз глава семьи. Мы должны принять твёрдое и разумное решение, как жить дальше. Ребёнок остался без присмотра. Я остался без носовых платков. Вот вам результат бабушкиного каприза, который она называет забастовкой.

— Мы не имеем права заставлять её работать, если она не хочет, — сказала мама, зевая. — Она пожилой человек и имеет право отдохнуть. Давайте учиться вести домашнее хозяйство все вместе.

— Великолепно! Великолепно! — очень иронически сказал папа. — Завтра же поступаю на курсы кройки и шитья или на курсы молодых хозяек. Но я, к вашему сведению, экономист, у меня высшее образование и ответственная умственная работа! Почему же я должен стирать, извините, носовые платки?

— Отнеси их в прачечную! — очень раздражённо сказала мама. — У меня тоже высшее образование и ответственная умственная работа! Я воспитываю и учу детей!

— Значит, выхода нет? — мрачно спросил папа. — Кстати, я не виноват, что меня всю жизнь обслуживали бабушки. В детстве у меня их было две. А сейчас меня бросили на произвол быта. Может, мне уйти с работы и выучиться на домработницу? Нет, нет и нет! Надо вернуть бабушку в семью!

Увы, не знал Юрий Анатольевич, не подозревал, что ещё дальше-то будет! Ведь бабушкина забастовка только-только началась...

Глава № 35
Бывший генерал Батон даёт согласие выполнить задание полковника Егорова

Полковник Егоров сбежал из больницы, захватив с собой все лекарства, которые были на столике перед его постелью.

(Вот этим поступком он опять поставил меня, автора, в неловкое положение. Если положительные герои ведут себя неправильно, попадает ведь за это, как ни странно, в первую очередь автору! Единственное, чем я могу оправдать моего героя, так тем, что ему было стыдно за своё поведение и нельзя ему было отсутствовать на службе хотя бы один день).

Перво-наперво надо было решить, какие сообщения посылать в «Гроб и молнию» и что делать со Стрекозой. Сколько времени можно держать её в мешке!

— Да вы в клетку её! — посоветовал Батон. — Пользы от неё вам никакой. Она ни слова не выдаст. А при первом удобном случае кого-нибудь загрызёт. А генералу Шито-Крыто я бы послал такое сообщение: «Попались мы, голубчики, из-за вашей любимой Стрекозы. Чувствую себя прекрасно. А вам всем скоро будет крышка. Батон, бывший генерал, ныне счастливый человек». Но если вы, господин полковник, хотите доконать Шито-Крыто, попробуйте связаться с офицером Лахитом. Это проныра, каких свет не видел. Кого угодно обведёт вокруг пальца и оставит с носом. Обожает денежки.

— Как с ним связаться?

— А что я буду за это иметь?

— А что вам надо?

— Ещё, по крайней мере, два матраца.

— Договорились.

— Очень мерсибо. — Батон весь расплылся в счастливой улыбке. — Я намекну ему, что мы попались, но что я ни о чём не жалею, попрошу, чтобы он принял одного важного гостя, который даст ему возможность неплохо подработать.

— Деловой разговор, — насмешливо одобрил полковник Егоров. — То, что мы сообщим Лахиту, не станет известно его шефу?

— Ни в коем случае.

— В чём гарантия, что он не подведёт нас?

— В подлости. Лахит — проныра не только по специальности, но и по призванию. У него душа проныры, ум проныры, организм проныры. Ему необходимо проныривать, то есть обманывать, куда-то пролезать, кого-то запутывать, кого-то подводить. А вы ему даёте возможность ещё и подзаработать. Когда-нибудь он вас, конечно, предаст, но не сразу.

— Матрацы вы получите сегодня же. Диктуйте текст сообщения Лахиту.

Текст получился такой:

«Имеем трещину. Питаюсь манной кашей. Привыкла. Ждите дорогой весточки. Ваша до гроба и молнии Стрекоза».

— Лахит всё поймёт, — сказал Батон. — С его помощью вы разделаетесь с Шито-Крыто почти запросто. Но

ловите момент, когда Лахиту станет выгодно продать вас.

Отпустив Батона, полковник Егоров проглотил несколько таблеток, порошков, пилюль, выпил капли из трёх флаконов и одной бутылочки и спросил дежурного:

— Что госпожа Стрекоза поделывает?

— В мешке, как обычно. Выпускать нельзя: кусается и царапается, спасу нет.

— На что реагирует положительно?

— Изредка на фруктовку. Пищи почти не принимает.

— Отправьте вот это сообщение по одиннадцатому радиоканалу. Об ответе доложить немедленно, где бы я ни был.

— Есть, товарищ полковник. Из больницы звонили, требовали, чтобы вы...

— Спасибо, спасибо. Идите.

Голова болела непрестанно. А работать надо было именно головой. Нельзя же сидеть сложа руки или лежать в больнице и ждать-гадать, что там замыслил генерал Шито-Крыто. Ведь задание Стрекозы неизвестно, удалось только определить, что она должна была уничтожить ЫХ-000 и что-то (а что?) сделать с Толиком Прутиковым.

Из главного управления советуют: не торопитесь, не спешите, поможем, подскажем. Но полковник Егоров чувствовал, что медлить нельзя.

— А если... отпустить Стрекозу? Что она будет делать без рации, без денег, без документов, без оружия? Может быть, она всё-таки попробует выполнить задание? Тут мы его и узнаем.

— Товарищ полковник, сообщение от Лахита.

Лахит ответил так:

«Рад за вас. Питайтесь манной кашей. Я её тоже обожаю. Жду дорогой весточки. Лахит».

— Всё понятно! — весело сказал полковник Егоров.— Вызовите к восемнадцати ноль-ноль оперативную группу. А сейчас ко мне Батона.

Батон явился заспанный; сев в кресло, шесть раз сладко зевнул, три раза с хрустом потянулся. Он прочитал сообщение, ещё раз сладко зевнул, ещё раз потянулся, но уже без хруста, сказал:

— Он согласен. Можете посылать к нему человека. Входной пароль: перекос карбюратора. Отзыв: хабанера, гулливера, чок.

— А пароль для выхода?

— Он меняется три раза в сутки. К Лахиту обращаться по этому вопросу не имеет смысла. Теперь он согласен иметь дело только с человеком, который прибудет от вас, и только на месте.

— Господин бывший генерал! — сказал полковник Егоров. — А если мы пообещаем вам свободу, вы окажете нам ещё одну услугу?

— Не нужна мне никакая свобода! — испуганно вскрикнул Батон. — На что мне она? Мне и так у вас нравится. У меня нет никаких претензий. Я всем доволен. Готов вам во всём помогать, но только лёжа.

— А если я переведу вас в карцер?

— За что, господин полковник?! Ах, да! Я забыл, что я у вас, так сказать, в плену. Простите, забыл. Слушаю вас.

— Что будет делать Стрекоза, если ей, предположим, удастся убежать?

— Сначала она сделает всё, чтобы попытаться выполнить задание. Жизнью она не дорожит нисколько, поэтому будет действовать нагло, напролом.

— Почему она интересовалась Толиком Прутиковым?

— Вероятнее всего для того, чтобы обезвредить его. Или завербовать. Шито-Крыто очень злобен. И мстителен. Вполне возможно, что он просто решил расплатиться за провал диверсионной группы «Фрукты-овощи» и в то же время испытать в деле первого шпиончика.

— А если я предложу вам сбежать вместе со Стрекозой?

Выражение лица Батона стало таким кислым и страдальческим, словно он раскусил гнилой лимон. Батон в страхе забормотал:

— Она же меня изуродует. Её опасно выпускать. Она же улизнёт. Её никому не поймать. Нет, нет, я отказываюсь! Лучше карцер! Я сидел в клетке на площадке молодняка и то не умер! Поймите и пожалейте меня, господин полковник! Я готов делать для вас всё, что угодно, но только лёжа!

— Лёжа? — переспросил полковник Егоров. — А что, если действительно лёжа? А? Предположим, вы лежите и умираете...

— Как — умираю! Уже?!

— Я сказал «предположим». Вы лежите, умираете и просите привести к вам вашего командира — младшего сержанта Стрекозу. Вы хотите проститься с ней перед

смертью и кое-что ей посоветовать. Мы придумаем, что именно вы ей посоветуете перед своей якобы смертью.

— Страшно. Но я согласен. Лёжа я согласен на всё.

Батона увели, а полковник Егоров опять проглотил несколько порошков, пилюль и таблеток, запил их каплями и с завистью подумал, что хорошо бы ему сейчас часика на три прилечь...

— Соедините меня с доктором Азбарагузом, — попросил он дежурного и вдруг сквозь плотную тупую боль в голове уловил ясную мысль: Стрекозу надо познакомить с Толиком Прутиковым. Интересно, что она с ним будет делать?

— Товарищ полковник, доктор Азбарагуз уехал в Дом политического просвещения читать лекцию «Взрослый человек как результат развития ребёнка».

— Я туда.

— Оперативная группа в сборе.

— Пусть будет наготове. Стрекозе сообщите, что Муравей серьёзно заболел, настолько серьёзно, что, может бать, скоро умрёт. В Доме политпросвещения я буду в зале у крайнего правого входа.

В машине полковник Егоров пытался отдохнуть, пытался хотя бы закрыть глаза, но что-то тревожило его, словно он ехал не на лекцию, а на опасное задание.

Глава № 36

Лекция «Взрослый человек как результат развития ребёнка» и первые реплики из зала

Зал Дома политического просвещения был не просто переполнен, а ПЕРЕПЕРЕполнен. Полковнику Егорову пришлось стоять сжатым со всех сторон возбуждёнными, напуганными бабушками и дедушками, насторожёнными папами и мамами. Много было детей, но они как-то попрятались среди взрослых.

Главы № 36 и 37 написаны специально для взрослых, дети их могут не читать. (Примечание автора.)

Психоневропатолог и учёный Моисей Григорьевич Азбарагуз долго пережидал гул зала и заговорил лишь тогда, когда гул этот утих.

— Меня не удивляет тот факт, — начал учёный, заметно волнуясь, — что на мою лекцию собралось такое значительное количество заинтересованных лиц. Дело здесь, конечно, не в моём более чем скромном имени, а в самой теме лекции. Итак, взрослый человек как результат развития ребёнка. Разработке этой трудной и благороднейшей в своей неблагодарности теме я посвятил всю свою научную сознательную жизнь. Как всякое научное открытие, работа моя встретила не только поклонников-сторонников, но и немало разнообразных противников.

Приступаю к изложению своих взглядов на ребёнка.

У некоторых из нас, родителей, а особенно у бабушек и частично у дедушек, неверный, ненаучный и, в конечном итоге, вредный для ребёнка взгляд на ребёнка.

Примерно ползáла возмущённо прогудело.

— Мы всё время забываем, — повысил голос Моисей Григорьевич, — что ребёнок, пусть самого незначительного возраста, это уже человек и в недалёком будущем — взрослый человек. И если вы зададите мне вполне резонный вопрос: откуда берутся плохие люди, — я очень логично отвечу: в основном из плохих детей. Из Петеньки-лапушки образуется бандит с большой дороги, из Марусеньки-кисаньки, извините, опытная мошенница, из Васюленьки — крупнейший бюрократ и так далее. Я чуть-чуть сгущаю краски, но лишь для того, чтобы яснее выразить мысль. А кто всеми силами, сам того не замечая, иногда стремится к тому, чтобы дети выросли плохими? Мы. Обычный пример: пятимесячный карапуз стукнул бабушку, простите, по очкам. А что говорит бабушка, как она реагирует на этот насильственный акт?

Из зала раздался восторженный голос:

— Ах ты, шалунишка ненаглядненький!

— Вот именно! — грозно сказал психоневропатолог и учёный Моисей Григорьевич Азбарагуз. — А это вовсе не шалунишка ненаглядненький, а хулиган пятимесячного возраста! Сдачи ему дать надо!

— Это младенцу-то?! — хором спросило примерно бабушек сорок.

— Он не только младенец, но и будущий взрослый человек! Бьющий бабушку по очкам безнаказанно в буду-

щем способен и на убийство! Поймите это, иначе — крах воспитательной системы!

Зал вздрогнул.

— Потрясающее наблюдение! Не все двоечники — жулики, но почти все жулики — бывшие двоечники! Далее! Почему бабушка в нашем свободном обществе находится чуть ли не в рабстве у внука или внучки?

— Это не рабство, а счастье! — крикнула бабушка из последнего ряда.

— Это не счастье, а безобразие! — ответил Моисей Григорьевич. — По моим научным подсчётам, которые, конечно, можно оспаривать, из ста плохих детей пятьдесят девять избалованы бабушками, одиннадцать — дедушками, пятеро — объединёнными усилиями бабушек и дедушек, двадцать — папами и мамами, и лишь двое испортились самостоятельно или по не известным науке причинам.

— Детство должно быть радостным и счастливым! — прогремел чей-то дедский голос.

— Не только детство, — ответил Моисей Григорьевич, — но и вся жизнь человека должна быть радостной и счастливой. А вы знаете, кто из взрослых страдает больше других? Как раз те самые, которых избаловали в детстве.

Папа Юрий Анатольевич непроизвольно вздохнул на весь зал, на него зашикали со всех сторон, а он нахмурился.

— Вот что пишет в дневнике, — оживлённо продолжал Моисей Григорьевич, — Вася Терёхин, десяти лет: «Когда родители просят меня что-нибудь сделать, мне хочется умереть!» Далее! Избалованный с детства и во взрослую жизнь входит неприспособленным, и жену-то себе выбирает типа бабушки! Повторяю свой первый научный вывод: избалованность и ленивость детей может превысить все допустимые нормы, станет социальной проблемой, требующей немедленного разрешения. А готовы ли мы к этому, к разрешению?

— Говорите, пожалуйста, по-русски,—попросила старушка из первого ряда, — а то мне страшно, а вот отчего страшно, никак не пойму.

— Я говорю по-научному, — объяснил Моисей Григорьевич, — иначе я не умею, ибо я учёный. Коэффициент бесполезного действия детей на сегодняшний день в некоторых районах нашего города увеличился, а коэффи-

циент полезного действия детей — соответственно снизился. Перехожу к самому главному. Что является основным врагом ребёнка, врагом номер один?

Зал так притих, словно он был не ПЕРЕПЕРЕполнен, а совершенно пуст. Бабушки насторожённо вытянули шеи, повернув к трибуне то ухо, которое лучше слышало. Дедушки же, наоборот, втянули головы в плечи, словно ожидая удара. Папы и мамы виновато и ободряюще улыбались друг другу. И даже дети в такой обстановке абсолютно присмирели.

Моисей Григорьевич продолжал:

— Мы, учёные, с древнейших времён отвечаем: основной враг ребёнка, враг номер один — это лень, lenia tunejadica. Я не буду останавливаться на чисто научной стороне данного вопроса. Постараюсь передать его сугубо практический смысл.

Лень особенно страшна тем, что мало кто считает её заболеванием и тем более очень опасным, часто неизлечимым. Тунеядство проникает в организм человека не известными медицине путями. Последствия таких заболеваний ужасны. Полная или частичная потеря трудоспособности, полная и особенно часто — частичная потеря умственных способностей. Функциональные расстройства всего организма. Больной Романов Алик, тринадцати лет. Привык часами сидеть неподвижно, поджав под себя левую ногу и размышляя о том, как бы и чем бы заболеть, чтобы не идти в школу. Левая нога немела, но ему было лень заменить её правой, и постепенно левая нога высохла. Сейчас Алик Романов используется в качестве экспоната в одном научном институте.

Просто невозможно в рамках небольшой лекции хотя бы перечислить разнообразнейшие виды заболевания ленью у детей. В моём научном труде их описано двести шесть.

Задумайтесь над этим! Известно, что сам ребёнок излечиться от тунеядства не может. Ему требуется большая помощь семьи, школы, всего общества.

Тунеядничество легче предупредить, чем вылечить. Довольно большая группа довольно известных западных учёных утверждает, что человек ленив по природе и практически лень неизлечима. Они, кстати, описывают случаи, когда дети родились уже ленивыми.

Мы придерживаемся обратной точки зрения, но отмечаем, что процент ленивых детей не снижается. Как ни

странно, это особенно бросается в глаза, когда анализируешь данные по благоустроенным районам города. Получается, что чем больше бытовых удобств, тем ленивее ребёнок. Конечно, это не значит, что мы ратуем за свёртывание жилищного строительства, нет! Но мы за то, чтобы взрослые поняли опасность, которую несёт с собой заболевание ленью.

Мамы и папы! Бабушки и дедушки! Старшие братья и сёстры! Близкие и дальние родственники! Вашим детям, внукам и внучкам, младшим братьям и сёстрам грозит почти смертельная опасность! Все силы на борьбу с ленью! Помните: сегодня — милый ленивый карапуз, а завтра, может быть, мягко выражаясь, негодяйчик, которому лень быть хорошим человеком.

Напоминаю, хотя и предвижу, какой поток возражений посыплется на меня. Пусть я сгущаю краски, пусть я преувеличиваю. Но для пользы дела я утверждаю, что особая роль в привитии детям закоренелых навыков тунеядства принадлежит бабушкам, частично — дедушкам. А мамы и папы передоверили им детей, ссылаясь на занятость.

Тут все бабушки в зале ахнули, а дедушки возмущённо крякнули. Мамы и папы ободряюще улыбнулись друг другу. Дети удовлетворённо хихикнули.

— Я заканчиваю, — устало сказал Моисей Григорьевич. — Не сомневаюсь в нашей победе. Не сомневаюсь я и в том, что наши уважаемые бабушки ещё много сделают в нелёгкой борьбе с детской ленью. Не отстанут от них и дедушки, и мамы с папами. Мы окажем народу огромную помощь, если сообща примемся за полное искоренение лени у детей.

Объявили перерыв. Такой поднялся галдёж, словно учеников школ двадцати пяти одновременно выпустили на большую перемену в один двор.

Полковник Егоров разыскал Моисея Григорьевича, крепко пожал ему руку, проговорил:

— Вы начинаете великое дело. Кстати, для сведения, вам надо знать, что некоторые иностранные разведки начинают готовить агентов прямо-таки чуть ли не с грудного возраста.

— Вот видите! — с жаром воскликнул Моисей Григорьевич.— Шпионы оценили значимость ребёнка, а иные бабушки упорно почитают своих внуков и внучек лапуш-

ками да кисаньками вплоть до призыва в армию или даже во время учёбы в институте.

— У меня к вам вопрос. Агенты, которых мы задержали у вас в больнице, они не пытались увидеть Толика Прутикова?

— Они за этим и пришли. Но я не разрешил.

— Спасибо, это ценные сведения, — поблагодарил полковник Егоров. — К сожалению, не имею возможности дослушать диспут. Дела. Достанется же вам от бабушек!

— О, ради науки я готов на любые муки!

Глава № 37
Взволнованное, временами даже нервное обсуждение лекции М. Г. Азбарагуза

Когда после перерыва Моисей Григорьевич появился на сцене, в зале сразу наступила какая-то тревожная тишина, прерываемая глухим ворчанием дедушек и вздохами бабушек. Папы и мамы никаких звуков не издавали. Дети с интересом примолкли.

Первой к трибуне взбежала бабушка из первого ряда и торопливо заговорила:

— Ничего я почти не поняла. Ничего я почти не разобрала. А то, что я всё-таки ухитрилась понять, и то, в чём я с трудом разобралась, это ужасно. Вредно. Чудовищно! Предположим, всем детям грозит лень. Прекрасно! То есть, наоборот, плохо. Но при чём здесь мы, бабушки?! Вы возвели на нас клевету и напраслину. Пусть это научно, но нечестно и несправедливо!

Все бабушки заулыбались и согласно закивали головами.

— По-вашему, получается, — ещё торопливее продолжала бабушка из первого ряда, — что мы воспитываем только лентяев. Но кто тогда воспитывает, например, Героев Советского Союза? Тоже мы, бабушки!

И под бурные аплодисменты бабушек она гордо села на своё место в первом ряду.

Вторым на трибуну поднялся очень высокий дед с очень короткой бородкой и сказал:

— Хорошо, что наука взялась за бабушек. Они — это действительно большая сила, но и зло тоже значительное. Простой арифметический подсчёт наглядно показывает, что на сегодняшний день бабушки пока воспитывают больше лентяев, чем Героев Советского Союза! Шумите, шумите сколько вам угодно! — обратился он к бабушкам в зале. — Истину вам всё равно не заглушить! А истина заключается в том, что внуков мы балуем, подходим к ним с заниженными требованиями. Мне известны случаи, когда молодые люди в возрасте девяти-десяти лет не умеют правильно намазывать масло на хлеб, хотя есть умеют здорово. Я беру на себя обязательство: из двух имеющихся у меня внуков хотя бы одного вырастить настоящим человеком. Чего и вам желаю.

— Я не знаю, зачем нас сюда пригласили? — всхлипывая на весь зал, спросила бабушка из последнего ряда. — Не нужна мне ваша трибуна! Я буду говорить правду со своего места! Зачем нас сюда позвали, я спрашиваю! Чтобы обидеть нас и наших чудесных, замечательных, удивительных внуков и внучек? А за что? Я считаю, что ребёнок должен расти здоровым. Вот моя основная задача. По-вашему же, получается, что ленивый, но здоровый ребёнок хуже, чем трудолюбивый, но, извините за выражение, рахитик. Где логика? Может быть, в этом есть наука, но логики нет. — Она помолчала, чтобы унять слёзы, уняла их и заговорила дальше: — Я кормлю, родители и школа обязаны воспитывать. Я обожаю своего внука и не стыжусь этого чувства. В нём смысл моей жизни. И мне совсем не трудно намазать ему хлеб маслом! Я это делаю с радостью и удовольствием. Лишь бы ел! У меня всё.

— Можно вопрос? — Никто и не заметил, как на сцене оказалась такая маленькая старушка, что её самой не было видно за трибуной, а виднелась лишь чёрная шляпка с белым пёрышком. — Кто тут боится, что мы не умеем воспитывать? Кто тут сеет слухи, что мы выращиваем только лентяев? Наука, оказывается, боится. Вот так новость! По-научному получается, что не будет ленивых детей, зато появятся ленивые бабушки. К этому, оказывается, нас наука призывает. Интересно, что мы будем делать, если нам запретят все силы и здоровье отдавать детям?

— На заданные вопросы отвечу я! — Это заявила бабушка Александра Петровна. Она серьёзно прошла через

зал, поднялась на сцену, встала рядом с трибуной. — Ленивая бабушка — понятие такое же неестественное, как, например, идеальный ребёнок. Я полностью признаю все научные претензии в наш адрес. По-моему, современная бабушка состоит из нескольких частей. Она и нянька, и прачка, и повар, и так далее. Но сколько бы профессий она ни совмещала, своей собственной, личной полнокровной жизни у неё нет. Бабушки годами не ходят в театры, не участвуют в художественной самодеятельности, совершенно не занимаются спортом. Поэтому я дома объявила забастовку под лозунгом: хватит! Не могу я забыть и о том, что своим сверхзаботливым отношением я довела внука до болезни. И вот вам результат моего освобождения: недавно внук научился наливать суп в тарелку совершенно самостоятельно. Я доведу его до того, что он суп и варить научится! Долой ленивых внуков и да здравствуют свободные бабушки!

Диспут длился до глубокой ночи. Сначала выступали по одному и выходили к трибуне, но затем, чтобы дать возможность выступить всем желающим, стали говорить по нескольку ораторов сразу и с мест. Выступали бабушки и дедушки. Папы и мамы долго отмалчивались. Первым из родителей выступил Юрий Анатольевич.

Он сказал:

— Не оспаривая научных выводов уважаемого лектора, позволю категорически не согласиться с ним в части бабушек. Нельзя всех бабушек стричь под одну гребёнку. Бабушки бывают разными. Я считаю профессию бабушки одной из самых почётных и — прошу учесть! — незаменимых. Большинство из них бескорыстно и старательно выполняет свой исторический долг. — Он переждал восторженные аплодисменты и продолжал: — Все мы, родители, со временем превратимся кто в бабушек, кто в дедушек. Сейчас мы мучимся с детьми, а в будущем нам предстоит терпеть внучат. Но мы же совершенно не подготовлены к тому, чтобы стать полноценными бабушками и дедушками. Словом, во весь рост встаёт проблема прабабушек и прадедушек. Что я хочу этим заявить? Слава бабушкам и дедушкам, которые ещё немало поработают в качестве прабабушек и прадедушек!

Когда все совершенно устали и пора было заканчивать прения, на трибуну поднялась учительница Зинаида Петровна. Тут зал примолк.

— Как опытный педагог, — сказала учительница Зи-

наида Петровна, — я считаю прослушанную мною лекцию совершенно антипедагогичной. Утверждение, что наши дети находятся будто бы в какой-то опасности, нелепо и вредно. Товарищ учёный не знает жизни, оторван от неё. Конечно, ещё встречаются ленивые дети, но в целом-то наша жизнь прекрасна и удивительна, как сказал поэт. Никто этих слов пока не отменял. И уверять, что наши дети воспитываются неправильно, — значит клеветать на большую армию учителей, сводить на нет благородную работу школы. Товарищ учёный просто не в курсе дела. Мы не против деятельности бабушек и дедушек, но нам важнее поднять сознательность родителей. Многие из них не ходят даже на родительские собрания. А это нам очень мешает. Ждём, дорогие родители, вас в школе!

В заключение выступил психоневропатолог и учёный Моисей Григорьевич Азбарагуз. Он ответил на многочисленные вопросы и сказал, в частности, следующее:

— Я утверждаю и буду продолжать утверждать, что бабушки и дедушки уже сыграли свою историческую роль в развитии общества и должны уступить дорогу самим детям. Современная наука требует от современного ребёнка ранней самостоятельности. Мы разработали свод научных рекомендаций, которые помогут добиться того, чтобы уже в возрасте трёх-четырёх лет ребёнок был вполне сознательным и самостоятельным. И главное: если мы как можно быстрее не осознаем всю опасность наступающей лени, не примем мер для борьбы с нею, наплачемся. Спасибо за внимание.

Семья Прутиковых шла домой молча. Толик хотел спать и на каждом шагу спотыкался.

— Интересно, — у самого дома сказал папа, — на лекцию вы нас сводили, Александра Петровна. Спасибо. А что же мы будем сейчас есть?

— Чаю попьём, — неестественно весёлым и громким голосом отозвалась мама. — На ночь есть вредно.

— Знаю, знаю! — сразу рассердился папа. — Утром окажется, что и завтракать вредно! Хорошо ещё, что спать не вредно!

— Чаю попьём! Чаю попьём! — уже совершенно неестественным и весёлым голосом повторила мама. — Пить чай — это очень полезно.

— Особенно без заварки и без сахара, — со счастли-

вым смехом сказала бабушка. — Никто ведь не догадался в магазин сходить, а я была занята.

— Уважаемая Александра Петровна, — сквозь зубы выговорил папа Юрий Анатольевич, — вы можете не заботиться обо мне. В конце концов, я вам чужой человек. Но я отец вашего внука! Я муж вашей дочери! Неужели это не даёт мне права потребовать к чаю без заварки и без сахара хотя бы бутерброд с колбасой?

— Я очень хочу есть, — зевая, сказал Толик. — Мне не уснуть на голодный желудок.

— Видите, уважаемая Александра Петровна, до чего вы довели ранее вами любимого внука! — воскликнул папа.

— Ссориться при ребёнке непедагогично, — сказала бабушка. — Я вот позавчера в Доме санитарного просвещения слушала лекцию «Ранний склероз у детей». Лектор прямо заявил, что ссоры родителей угрожают ребёнку сердечно-сосудистыми заболеваниями. В таких случаях рекомендуется вместо ссор заниматься спортом.

И всё-таки лекция Моисея Григорьевича, как потом выяснилось, оказала на семью Прутиковых определённое влияние.

Глава № 38
Фон Гадке хворает, трясётся и принимает важное решение

Господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке очень хворал. Он очень захворал сразу, как вернулся от генерала Шито-Крыто. Ведь впервые в жизни не фон Гадке обманул, а его, фон Гадке, обманули. Ведь впервые в жизни не фон Гадке сподличал, а ему сделали подлость, да ещё самым подлым образом! Как говорится, вор у вора дубинку украл, да ещё язык показал!

Фон Гадке согласился быть высоким гостем низенького роста у генерала Шито-Крыто потому, что рассчитывал его надуть и выманить у него хотя бы парочку шпиончиков. Надеялся фон Гадке и денежек выпросить, а может, и орден с несколькими медалями, да и гавриков своих продать.

А что получилось?

Смертельное обязательство получилось!

Лежать было неудобно, потому что санитары крепко-накрепко привязали фон Гадке верёвками к кровати. Дело в том, что, когда он вспоминал о своём недавнем визите в «Гроб и молнию», его так трясло от злости, что он слетал с кровати и больно и долго стукался об пол головкой и другими частями своего тельца. А привязанный, он трясся вместе с кроватью и, по крайней мере, не ушибался, только что-то в головке встряхивалось, и он некоторое время ничего не соображал.

Шпионить за самим собой?! Это чудовищно, мерзко, глупо! У самого себя красть секретную документацию — это издевательство! Да и своими гавриками он был огорчён безмерно. Правда, драка — не самое главное в их профессии, тем более, что шпиончиков было двадцать восемь штук!

И всё же это — поражение. Значит, гаврики нуждаются в серьёзном усовершенствовании. А серьёзно усовершенствовать их будет уже генерал Шито-Крыто или фон Гадке для генерала Шито-Крыто.

Тут его, то есть господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера, так тряхнуло от злости, что кровать опрокинулась, и он оказался под нею.

Надо учесть, что фон Гадке, как всякий малорослый недомерок, любил окружать себя огромнейшими вещами, и кровать он себе потребовал размерами со штрафную футбольную площадку.

Оказавшись придавленным этой огромнейшей кроватью, фон Гадке сразу перестал трястись и правильно сделал, а не то его бы расплющило насмерть. А сейчас ему расплющило только губы, да нос свернуло набок, и дышать было почти невозможно. Не было возможности и позвать на помощь.

Следует знать, что люди, которые любят другим причинять боль, сами боли не выносят. А уж как поиздевался над людьми фон Гадке во время последней большой войны! Он их и собаками травил, и газами отравлял, и голодом и холодом морил, и расстреливал, и вешал. Особенно любил он издеваться над детьми, хорошо понимая, что, если они будут хорошо себя вести, из них вырастут замечательные люди, которые его, фон Гадке, и ему подобных в порошок сотрут. И он всё сделал для того, чтобы они не выросли.

Детей он до того ненавидел, что собственных сыновей или дочерей у него никогда не было.

Лежал он, придавленный кроватью, и удивлялся, что всё ещё дышит, хотя дышать было почти невозможно. В головке даже мысли были. Какая ему разница — кому служить? Тому ли командованию, этому ли? Важно, что — командованию, и важно, что против людей и особенно против детей. Вот и будет он служить не начальнику Центрхапштаба барону Барану, а начальнику «Гроба и молнии» генералу Шито-Крыто. Хе-хе!

Внезапно он почувствовал, что головка его постепенно расплющивается и он начинает умирать. И, теряя сознаньице, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер по кличке Дядя Съем яростно пожалел о том, что без него людям жить будет безопаснее, а он так и не успел сделать человечеству величайшую пакость.

К несчастью для человечества, именно в этот самый момент пришли санитары, освободили фон Гадке, подождали, пока он не придёт в себя.

— Дайте мне укол, чтоб меня не трясло! — завопил он, увидев в зеркале свою сплющенную головку, расплющенные губы и свёрнутый набок нос. — Дайте мне укол, а то я совсем разобьюсь!

Ему всадили четырнадцать уколов, и фон Гадке с блаженством вытянулся на огромнейшей постели. Трясти его больше не трясло, только ножки часто дёргались да уши больно шевелились и вытягивались.

Ну что ж, он будет служить генералу Шито-Крыто. Предать своё родное начальство — тоже очень приятно, а работа останется прежней, а денежек будут платить больше, а пакость человечеству он всё-таки сделает.

— Но! Но! — закричал фон Гадке. — Но-о-о-о!

Но ведь и генерал Шито-Крыто может его, фон Гадке, предать! Как говорится, за милую душу и с истинным наслаждением! А что нужно делать для того, чтобы тебя кто-нибудь не предал? Надо срочно, хе-хе, предать того, кто может предать тебя!

От этой прекрасной мысли на душонке у фон Гадке стало светло и радостно. На мгновение даже закружилась от счастья сплющенная головка. Сладостная истома разлилась по низенькому тельцу. И страх прошёл. Нет, не собирается фон Гадке умирать, а собирается фон Гадке предавать!

И, освободившись от страха, из-за которого, кстати, и совершаются многие предательства, фон Гадке потребовал еды. На голодный желудок, если вы помните, он сообра-

жал совсем худо. Из-за голода он и подписал своё смертельное обязательство генералу Шито-Крыто. (А ел он много ещё и потому, что до сих пор надеялся хоть немного, да подрасти!)

Фон Гадке глотал пищу и бормотал:

— Пре...дам! Про...дам! Пре...про...дам!

Но в предательстве, как во всяком другом деле, одного желания мало, требуется ещё и умение. Фон Гадке по опыту знал, что многие были бы горазды предать, даже знали, кого предать, а вот как — не ведали.

И он думал: а как же пре-продать генерала Шито-Крыто?

В головке фон Гадке медленно возникала маленькая мыслишка, такая маленькая, что он не мог её уловить. Постепенно мыслишка росла, росла и часа через четыре заполнила всю фонгадскую головку целиком. Головка отяжелела.

Фон Гадке перестал есть. Сердечко сладко заныло от нахлынувшей на него невероятнейшей подлости.

— Берегись... — свистящим шёпотом прошептал господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер. — Съем я тебя, генерал Шито-Крыто, скушаю!

Глава № 39

Прощание агента Муравья с младшим сержантом Стрекозой

— Я умираю, — еле слышным голосом сказал агент Муравей младшему сержанту Стрекозе, когда они вдвоём остались в камере. — Перед смертью я хочу кое-что сообщить тебе очень важное. Ты можешь отсюда убежать.

— Ври давай больше!

— Перед смертью не врут.

— Все всегда врут! — отрезала Стрекоза. — Что тебе от меня надо, старый фентих?

— Только не ругайся, пожалуйста! — взмолился Батон. — Не выношу я этих... слов. Я бы сам сбежал отсюда и даже тебя не предупредил бы, но неожиданно оказался при смерти. Если ты хочешь убежать, тебе надо притвориться, что ты заболела.

— А это что такое?

— Ах, ведь ты ни разу не болела. Ну... как это?.. Притворись почти мёртвой.

— Дохлой, что ли?

— Ну дохлой, по-вашему. Дыши громко-громко. И кричи: «Ах! Эх! Ох! Юх!» Тебя перевезут в другое помещение. Там и в дороге никого не кусай и не царапай, — наставлял агент Муравей. — Ночью спокойно вылезай в форточку. Охраны почти нет. Дежурные только у ворот. Если вернёшься домой, передай моим родителям, что я погиб достойно, хотя и в чине рядового.

— Достойно, достойно! — проворчала Стрекоза, подозрительно его разглядывая. — Подыхай и ни о чём не беспокойся. К твоим старикам я не пойду. Ненавижу всех стариков и старух... Откуда же ты, такой глупый, узнал, как можно сбежать?

— Во-первых, я не глупый! — обиделся Батон. — Во-вторых, если ты не перестанешь грубить...

— Смолкни! Скажи мерсибо, что я оставила тебя в живых. Как называется то помещение, куда меня перевезут, когда я притворюсь почти дохлой?

— Больница.

— Больница? — переспросила Стрекоза. — Это что, подыхальня?

— По-вашему, да! Перестань ты... эти ваши шпиончиковские словечки... тошнит от них культурного человека!.. Главное, повторяю, никого не кусай и не царапай. Ночью вылезай в форточку и — ап! — через забор. И ты на свободе!... Но, если тебя снова схватят, а я не умру, а сбегу, что мне делать?

Стрекоза пожала плечами, но ответила:

— Тебя сюда послали только для того, чтобы ты не вернулся.

— Это же безобразие! — Батон даже не поленился сесть. — Я же бывший генерал! У меня заслуги! Ведь я принимал на работу этого выскочку Шито-Крыто! Я, к вашему сведению...

— Хватит! — оборвала Стрекоза. — Никого ты не интересуешь! Ни ты, ни твои заслуги! Последний раз спрашиваю: не врёшь?

— Дело твоё. Уговаривать тебя я не собираюсь.

В камеру вошёл полковник Егоров, спросил:

— Поговорили?

— Благодарю вас, господин полковник, — загробным голосом ответил Батон, — что вы изволили выполнить

мою предсмертную просьбу... Я чувствую, что мой командир — младший сержант госпожа Стрекоза — тоже серьёзно болеет. Неплохо бы её отправить в подыхальню.

— Куда? Куда?

— То есть в больницу... Ей плохо.

— Ах! Эх! Ох! Юх! — произнесла Стрекоза.

— О, да она действительно больна! — воскликнул полковник Егоров.— Немедленно отправить заключённую Стрекозу в больницу! — И когда её увели, он спросил: — Она согласилась?

— Только будьте начеку, — сказал Батон. — Она может улизнуть. Это же не человек, а шпиончик. И вообще, что за типы в нашей организации! Меня, бывшего руководителя, оказывается, послали сюда на верную смерть. Запланированную смерть. И учтите, господин полковник, что я выполнил ещё одну вашу просьбу.

— Это была не просьба, а приказ. Не забывайте, господин Батон, что мы с вами враги. Вы много лет работали против нас.

— Ха, я так работал против вас, что меня разжаловали в рядовые! — воскликнул Батон. — Если бы так все работали против вас... Мне сохранят три матраца и одиночное заключение?

— Вполне возможно, что суд учтёт ваше раскаяние и некоторые заслуги перед нами.

Когда полковник Егоров ушёл, Батон, вздохнув, погрузился в сон. Не его дело, как закончится история со Стрекозой.

Глава № 40
Откровения офицера Лахита ставят генерала Шито-Крыто в грандиозный тупик

И хотя все испытания всех отрядов, групп, десантов и рот операции «Братцы-тунеядцы» проходили по заранее намеченному плану, генерал Шито-Крыто был мрачен и зол.

За последние дни он разбил в щепки три дубовых письменных стола, и ему в кабинет поставили огромный чугунный стол на толстых стальных ногах.

Стрекоза опять замолчала, и это было в высшей сте-

пени подозрительно. Фон Гадке врал, что он очень захворал, не выполнял своего смертельного обязательства, и это тоже было в высшей степени подозрительно.

И генерала Шито-Крыто грыз вопрос: почему он не может всё делать один? Ведь никому нельзя верить! На каждом шагу тебя могут обмануть, надуть, предать, продать!

Но ещё страшнее, до мурашек по огромной, без единого волоска голове, был другой вопрос: а можно ли доверять самому себе? А вдруг предашь самого себя?! Ведь был же случай самодоноса с бывшим генералом Батоном!

В озлобленном, воспалённом воображении генерала Шито-Крыто возникал большой лист бумаги. На нём длинными буквами его, генерала Шито-Крыто, почерком был написан донос на него, на генерала Шито-Крыто!!!

Лоб покрывался очень холодной испариной, поджилки очень мелко тряслись, сердце очень сладко и больно сжималось от невероятного ощущения нечеловеческой подлости. Ещё бы мгновение — и он бросился бы к столу и настрочил бы, что генерал Шито-Крыто есть изменник, предатель и надуватель... Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование сначала бы не поверило своим собственным глазам, а потом бы приказало восхищённо и растроганно:

— Арестовать, расстрелять и поставить памятник! Это первый среди нас самопредатель! В честь его памяти раз, два — взвыли!

«Уж не болен ли я?» — пронеслось в его похожей на арбуз, футбольный мяч и глобус голове, и он закричал:

— Офицер Лахит! Быстро ко мне! Отвечай, не задумываясь, я нормальный или нет?

— Никак нет, шеф.

— Что — никак нет? Я нормальный или ненормальный?

— Так точно, шеф.

— Что — так точно?

— Вы гениальный, а значит, и ненормальный. Что вас беспокоит, шеф?

— Временами мне кажется, что я могу предать... самого себя!

— О, это наше профессиональное заболевание от переутомления. Например, вы слишком много читаете доносов. Зачем? Поручите это мне, пусть ваша гениальная голова отдохнёт хотя бы от них. Зачем вам тратить на пу-

стяки ваше драгоценное время и не менее драгоценное здоровье? — очень льстиво говорил офицер Лахит.

— А-а-а-аааа! — рявкнул генерал Шито-Крыто. — А тебе, вот тебе, Лахит ты этакий, можно верить?

— Конечно, нет, — скромно, но с достоинством ответил офицер Лахит. — Верить мне нельзя, но следить за мной можно. Вообще лучше следить, чем доверять.

— Хорошо, занимайся доносами. Как быть со Стрекозой и Муравьём? Ведь если Самое Высокое Самое Верховное Главнокомандование узнает об этом провале, мне несдобровать вместе с тобой.

— Нет, я-то выкручусь, шеф. Обо мне не беспокойтесь. Я думаю о вашей участи. Стрекозу и Муравья надо забыть.

— То есть как это — забыть?

— То есть так: забыть — и всё. Вычеркнуть Стрекозу и Муравья из памяти и документов. Как будто их и не было. Значит, и провала не было и быть не могло.

Тут даже генерал Шито-Крыто растерялся. Он еле пробормотал неуверенным тоном:

— Но ведь... ведь но... но ведь они были! Может быть, даже и сейчас есть!

— Уничтожить всяческие о них упоминания,—вкрадчиво советовал офицер Лахит. — Ведь они провалились, это уже ясно, шеф. А раз они не будут значиться в документах, значит, повторяю, они и не проваливались. Значит, вы опять работали безошибочно и беззаминочно.

— Недопонимаю, — совершенно растерянно признался генерал Шито-Крыто. — Впервые в жизни недопонимаю... Был ли Батон?

— Не был. Никогда никакого Батона не было, шеф.

— А кто же руководил «Тиграми-выдрами» до меня?

— Главный штаб.

— Ты далеко пойдёшь, — устало произнёс, опускаясь в кресло, начальник «Гроба и молнии». — До такого даже я не мог додуматься. Однако ты предлагаешь мне ни больше ни меньше, как исказить историю нашей организации!

— Не исказить, шеф, а подчистить. Подметаем же мы улицы, моем же мы полы, почему же из истории нашей организации не убрать... ну, те незначительные факты, которые кого-нибудь, например, раздражают? Отдайте приказ, я всё сделаю.

— Ты... — Генерал Шито-Крыто долго и неуверенно

думал. — В общем... подметай! И ещё вот что. Припугни фон Гадке. Он медлит.

— Слушаюсь, шеф.

И офицер Лахит выскользнул из кабинета, а начальник «Гроба и молнии» включил телевизор, пододвинул к себе микрофон и сказал в него:

— Проверяю готовность первой части операции «Братцы-тунеядцы». Докладывайте.

Нажатие кнопки — и на экране появился старикан с ехидной физиономией и заговорил:

— Шеф, первая рота агентов будто бы ворчливых пенсионеров находится в наиполнейшей боевейшей готовности. Состав укомплектован, почти обучен, горит желанием действовать в рамках инструкции. Господа офицеры, средние и нижние чины! — скомандовал он. — Выполняйте задачку номер тринадцать. Мальчишки во дворе не хулиганят, не безобразничают, а мирно беседуют, играют в шахматы, поливают цветы. Вы должны детей обидеть, оскорбить, вывести из себя. Начинай!

На экране один за другим появлялись старики и ворчали:

— Хулиганить им и то лень стало!

— Они, видите ли, беседуют. Болтуны!

— Я в их годы сено возил. Отцу помогал.

— А они цветочками занялись, делать им больше нечего!

— Сообщить надо по месту работы родителей!

— Ну и молодежь нынче пошла! Глаза бы мои не видели!

Генерал Шито-Крыто удовлетворённо хмыкнул, нажал кнопку — и на экране появилась тётенька в огромных круглых очках и нудным, скрипучим голосом затянула:

— Шеф, первая группа агенток будто бы учителок-мучителок находится в почти полной боевой готовности. Состав не то что не укомплектован, но сойдёт и так. Похоже, что все вроде бы обучены и вроде бы горят желанием действовать. Госпожи офицеры, средние и нижние чинки! — тем же нудным и скрипучим голосом скомандовала она.— Продолжаем тренировку. Выполняем задачку номер семнадцать. Вы должны так уморить учащихся, чтобы они заснули на уроке, а вы потом будете пилить и нудить, пилить и нудить, пилить и нудить, пилить и нудить...

Генерал Шито-Крыто выключил телевизор. Первый и второй десанты сверхзаботливых бабушек-агенток он про-

верять не стал — это были лучшие боевые соединения, сформированные из самых опытных шпионок, которые были способны из вполне нормального ребёнка за неделю сделать несусветного лодыря.

Ещё месяц-полтора подготовки — и по воздуху, по воде и под водой, по земле и под землёй агенты и агентки «Гроба и молнии» отправятся на выполнение первой части операции «Братцы-тунеядцы».

Близок, близок заветный день... Но почему так тревожно на душе?

В кабинет прошмыгнул офицер Лахит с криками:

— Шеф! Шеф! Шеф! Возвращается Стрекоза!

— Прекрасно. Значит, она выполнила задание.

— Не вижу в этом ничего прекрасного, шеф, — растерянно сказал офицер Лахит. — Она не может возвратиться.

— Почему?

— Потому что её не существует и не существовало.

— Не морочь мне голову, — сквозь зубы процедил генерал Шито-Крыто. — Как это — не существовало?

— Я только что по вашему приказанию, шеф, уничтожил все документы и все упоминания о Стрекозе.

— Болва-а-а-ан... — изумлённо протянул генерал Шито-Крыто. — Кретин... дегенерат... проныра несчастный!

— Это моя специальность, — с невинным видом сказал офицер Лахит. — Я считаю, что нет никакого смысла...

— Молчать! — заорал начальник «Гроба и молнии».— Ты хочешь запугать меня! Сначала ты меня убедил, что Стрекоза провалилась. Потом ты доказал мне, что надо подчистить историю нашей организации. А сейчас оказалось, что Стрекоза возвращается! Я не верю тебе, не доверяю! Ни единому твоему слову не верю! За левую ногу к потолку тебя!

— Успокойтесь, шеф! — взмолился офицер Лахит. — У вас просто нервное переутомление. Ваш гениальный мозг устал от титанической работы и непрерывной деятельности! Успокойтесь, поберегите себя для великих дел! Не занимайтесь пустяками! Вам суждено...

— Ладно, ладно! — грубо прервал его генерал Шито-Крыто, с трудом сдержав довольную улыбку. — Я чую, что ты самым нахальным образом обманываешь меня, но не могу определить, в чём именно и как.

— Не тратьте зря силы, шеф. Вам это всё равно не уз-

нать. Я служу вам честно, и если иногда вас немножко обманываю, то для вашей же пользы... Итак, надо решить вопрос со Стрекозой.

— Она выполнила задание. Я должен узнать результат.

— А если она не выполнила задания?

— Не может быть!

— Всё может быть. Так я отдаю, шеф, ей ваш приказ: если не выполнила задания, выполняй во что бы то ни стало.

Генерал Шито-Крыто всё ещё злился, но офицер Лахит смотрел на него таким влюблённым, преданным и верным взглядом, что начальник «Гроба и молнии» сказал уже почти без раздражения:

— Действуй... Но чтоб всё было решено в самое ближайшее время. Да, кстати. Почему у тебя такой странный чин — офицер? Не лейтенант, не капитан, не майор?

— Видите ли, шеф, я не мелочен. Какая мне разница — лейтенант или майор? Всё равно офицер. Я сразу стану генералом.

— А как ты оказался моим помощником? Я вот только сейчас вспомнил, что не отдавал такого приказа.

— Я и не ждал приказа. Когда моего бывшего шефа из генералов разжаловали в рядовые, я сразу перешёл в ваш кабинет, первым поздравил вас с генеральским чином и выполнил ваше первое генеральское приказание.

— В таком случае, по документам ты не являешься моим помощником?

— Никак нет, являюсь. Однажды, когда у вас было замечательное настроение, я сам напечатал на пишущей машинке приказ, а вы подписали.

Генерал Шито-Крыто побагровел, затем побелел, потом посинел и, снова став багровым, хрипло спросил:

— Не много ли на себя берёшь, нахал, наглец и проходимец? Не метишь ли ты на моё место?

Офицер Лахит с почтением поклонился и ответил:

— Грош цена подчинённому, который не мечтает занять место начальника. Но мечты — это всего лишь мечты. Я служу вам с большой радостью, гордостью и страхом. Я боюсь вас, уважаю и обожаю, но дурак я буду, если откажусь от возможности занять ваше кресло.

Отпустив его, генерал Шито-Крыто с ненавистью подумал: «Хорошая растёт у нас смена. Не перевелись ещё на земле крупные негодяи. Ей пальца в рот не клади, отгры-

зёт. Надо только усилить воспитательную работу, чтобы никакая сила не сбила смену с подлого пути!»

Поспав пять с половиной минут, генерал Шито-Крыто отправился на площадку молодняка, которую обязательно посещал ежедневно. Любовь его к шпиончикам всё росла и росла, особенно после их замечательной победы над фонгадскими гавриками.

Очень нравилось генералу Шито-Крыто наблюдать за шпиончиками в непогоду. Как-то налетела гроза и буря с дождём и градом с биллиардный шар. Градом убило шесть сторожевых собак, двух солдат из охраны и трёх дежурных, а шпиончики отделались только здоровенными шишками.

Генералу Шито-Крыто было радостно смотреть, как мужественно переносят любые муки его воспитаннички.

Когда долго стояла хорошая погода, шпиончиков из пожарных шлангов обливали ледяной водой, а потом обдували мощными ветродуями.

Сейчас в клетках сидела новая партия, поэтому на площадке молодняка стоял сплошной плач и вой.

— Когда первая драка? — заботливо спросил генерал Шито-Крыто.

— Через два дня, шеф, — с гордостью ответил дежурный офицер. — Неплохие экземпляры. Шестеро уже отличились, здорово злы.

— Ночью ни в коем случае не давайте им спать, — отечески, даже ласково посоветовал начальник «Гроба и молнии». — Включайте и выключайте свет, чаще стреляйте, побольше выпускайте собак.

— Будет исполнено, шеф!

Невдалеке от площадки молодняка находилось здание сверхнеполной шпионской школы. Здесь шпиончики жили уже по-солдатски и учились по восемнадцать часов в сутки. За учёбу отметок не ставили. Плохо ответил — получай по зубам или по уху, средне ответил — увесистый подзатыльник. Поэтому все шпиончики были, по-нашему, круглыми отличниками.

Теперь здесь готовили опытный взвод агентиков-капризников. Они тренировались вместе со взводом агентов — будто бы сверхтерпеливых дедушек.

Когда генерал Шито-Крыто заглянул в зал, там репетировалась задачка номер восемь: капризники лупили сверхтерпеливых дедушек, а потом ездили на них верхом.

До глубокой ночи осматривал свои владения генерал

Шито-Крыто. Везде был полный порядок, везде шла работа, а вот на душе у него было тревожно и мерзко. Всем своим существом генерал Шито-Крыто чуял какую-то опасность, но не мог определить, хотя бы примерно, откуда она исходит.

А в приёмной его и ждал офицер Лахит, и сказал с вызывающе невинным выражением лица:

— Осторожно осмелюсь выразить своё предположение, шеф. Дополнительно проанализировав последнее сообщение Стрекозы, я пришёл к глубокому выводу, что оно поддельное. Кроме руки Батона, чувствуется ещё чья-то.

От изумления и негодования генерал Шито-Крыто заикал. Его огромная, без единого волоска голова дёргалась с такой силой, что он схватился за неё руками, чтобы она не оторвалась от шеи.

— У меня у самого в голове ералаш, — почтительно и очень сочувственно проговорил офицер Лахит. — Мне даже страшновато. Мы с вами оба запутались в чём-то. Предлагаю кардинальное решение: вконец и навсегда Стрекозу и Муравья забыть. Оборвать связь.

— Подож...ик!...ди...ик! Ты...ик!...Про..:ик:::Ны...ик! Ра...ик!

— Совершенно с вами согласен, шеф. Только зря вы так сильно реагируете на события. Вам просто надо отдохнуть. Вы не спите уже полторы недели. Ваша гениальная голова устала.

И голова генерала Шито-Крыто постепенно затихла, перестала дёргаться, и он захрапел.

А офицер Лахит, гладя голову своего гениального начальника, неторопливо и очень внимательно читал лежащие на столе секретные бумаги, одну из них спрятал в карман и лишь тогда вынырнул из кабинета.

Глава № 41
Агент Бугемот выдаёт себя за Толика Прутикова

Голова у полковника Егорова прямо раскалывалась от тупой, непроходящей боли. Таблетки, порошки, пилюли и капли уже не помогали, не приносили никакого, хотя бы кратковременного, облегчения. Он, конечно, понимал, что

надо немедленно ложиться в больницу, но ещё яснее он понимал, что ложиться в больницу у него нет даже сотой доли возможности.

Дело в том — и вы это и без меня прекрасно знаете, — что головы у людей имеют самое различное назначение. Одному голова нужна, в основном, потому, что в ней расположен рот, посредством которого можно не только говорить, но, главное, есть. Другой ценит голову за то, что именно на ней, вернее, только на ней и носят красивые головные уборы. Третий обожает голову потому, что на ней можно соорудить модную причёску. Четвёртые без головы жить не могут, потому что на ней с обеих сторон растут уши — чтоб подслушивать...

А полковнику Егорову голова, как большинству людей, требовалась для того, чтобы думать. А думать ему приходилось много.

(Здесь мне придётся сделать маленькую оговорочку. Я вовсе не собираюсь критиковать тех, кто ценит голову за что угодно, только не за то, что в ней находится мозг. Спорить с неумными людьми у меня времени нет. И оговорочку эту я делаю лишь для того, чтобы прямо заявить: стараться думать надо всем и как можно больше. Это абсолютно всем полезно, но кое-кто предпочитает таким полезным делом не заниматься. А зря. Прежде чем что-нибудь сделать или сказать, надо обязательно подумать. Результаты — очень хорошие.)

Так вот, Стрекоза находилась тут же, в больнице. Здесь всё было готово к её побегу, даже шарниры у форточки смазаны, чтобы скрипом не вспугнуть беглянку.

И если бы полковник Егоров не обладал привычкой всё всегда лишний раз обдумать, то ещё неизвестно, что бы получилось из задуманного. Поначалу план побега Стрекозы казался заманчивым, а теперь настораживал. Предположим, Стрекоза разыщет Толика Прутикова, а дальше? Что она будет делать дальше? А если у неё задание обезвредить его?

Возник вопрос: что делать, если шпион тебя запутал?

Ответ получился такой: надо запутать шпиона.

Далее он рассуждал следующим образом. А нельзя ли Стрекозе вместо Толика Прутикова показать просто человека невысокого роста? Например, агента из диверсионной группы «Фрукты-овощи» Бугемота? Он коротышка, пусть и толстый. Зачем рисковать жизнью мальчика? Лучше будет, если шпионы станут сами бороться со шпионами!

Бугемот явился, как всегда, мрачный, как всегда, не поздоровался и, как всегда, начал жаловаться:

— Я дохну от скуки, господин полковник. На допросы вызывают редко. Допросы короткие. Я давно переловил в камере всех мух. Прикажите напустить ко мне всяких насекомых! Я бы с интересом их ловил и не скучал.

— Есть работа, господин Бугемот.

— Если я согласен мух ловить, так зачем мне от работы отказываться? Я, конечно, имею в виду работу по специальности, а не дрова колоть или землю копать.

— Вы помните Толика Прутикова?

— Ещё бы!

— Мы задержали одного из ваших шпиончиков — Стрекозу. Она уже в чине младшего сержанта.

— Господин полковник! — Бугемот очень обиделся. — Почему многие люди принимают меня за дурака? Неужели вы могли поверить, что я поддамся на такой глупый обман? Стрекозу невозможно поймать. Её на площадке молодняка боялись не только дежурные солдаты, но и сторожевые псы.

— И тем не менее мы её задержали. В этом вы убедитесь сами, если знаете её в лицо. Стрекоза припорхала к нам, чтобы обезвредить ЫХ-000 и разыскать Толика Прутикова. Зачем он ей понадобился, мы точно не знаем. Мы организуем вам встречу, вы назовёте себя Толиком Прутиковым, а мы посмотрим, что из этого получится.

— А что я буду за это иметь?

— А в чём вы нуждаетесь?

— Чтобы хоть на допросы почаще вызывали и подольше спрашивали. А то скука смертная.

— Договорились. Значит, действовать будем так...

У входа в комнату, где лежала притворявшаяся больной Стрекоза, остался полковник Егоров с двумя товарищами, один из которых держал наготове мешок.

Бугемот с бутылкой фруктовой воды зашёл в полутёмную комнату и мрачно сказал:

— Пей, что ли...

Стрекоза схватила бутылку и не оторвалась от горлышка, пока не выпила всё.

— Слушай, — прошептал, как его научили, Бугемот,— меня зовут Толик Прутиков.

А у полковника Егорова в этот самый момент в голове как будто что-то разорвалось, и на мгновение он оглох, но уже в следующее мгновение — рванул дверь на себя.

Стрекоза душила Бугемота. От неожиданности он вы-

таращил глаза, раскрыл рот, задыхаясь, и — не сопротивлялся.

Полковник Егоров оторвал Стрекозу от Бугемота, отшвырнул её в сторону. Бугемот рухнул на пол.

И тут полковник Егоров совершил ошибку, едва не стоившую ему жизни.

(У меня опять оговорочка по ходу действия, как говорится. Почему-то так повелось, что кое-кто считает: чем выше у человека чин, тем, дескать, меньше ошибок он делает. Рассуждая подобным образом, можно дорассуждаться до того, что, мол, генералы, например, просто не умеют ошибаться, а вот солдаты, наоборот, только тем и занимаются, что на каждом шагу ошибаются. Не знаю, как насчёт всех генералов, не берусь судить о всех полковниках, но утверждаю со всей ответственностью, что в конкретном данном случае полковник Егоров совершил ошибку.)

Вместо того чтобы броситься за Стрекозой или хотя бы занять оборонительную позицию, он нагнулся к упавшему на пол Бугемоту.

И тут же Стрекоза ударила полковника Егорова табуреткой по голове. И только тогда подоспели его помощники, засунули кусавшуюся и царапавшуюся Стрекозу в мешок и крепко-накрепко завязали.

Полковник Егоров стоял и виновато и удивлённо улыбался, ощупывая голову, из которой без следа выскочила боль. Говорят, что клин клином вышибают. Неизвестно, насколько это верно по отношению к медицине, но факт остаётся фактом: от удара голова разболелась, от удара и вылечилась. Раздумывать над этим было некогда.

Бугемота усадили, дали понюхать нашатырного спирта, агент чихнул четырнадцать раз и мрачно сказал:

— Не завидую я Толику Прутикову. Хорошо, что шея у меня толстая, а то бы...

— Теперь почти всё ясно, — удовлетворённо сказал полковник Егоров, с удовольствием поглаживая голову, словно разыскивая, где могла спрятаться недавняя боль.— А с госпожой Стрекозой пока бесполезно разговаривать.

— Попробуем, — сказал Бугемот и, наклонившись к мешку, поинтересовался: — Авэк доминг риголетто? (С кем тебя забросили?)

— Саркофиго! (Ругательство.), —донеслось из мешка. — Мурир провокт! (Умри, предатель!).

— Она вне себя от злости, — объяснил полковник Егоров. — Отправьте её на место.

— Господин полковник, а господин полковник, — проворчал Бугемот, — если ещё потребуется кого-то бить, ду-

шить или ломать, я к вашим услугам. Бейте, душите, ломайте меня. Мне это интересно.

— Учтём.

Радость, подобно беде, не приходит одна. Сегодня разрешили свидание с Фонди-Монди-Дунди-Пэком. В больницу к нему и отправился полковник Егоров.

Врачи очень удивились, когда узнали, каким оригинальным способом он вылечился. Но главный врач подумал и глубокомысленно заключил:

— Всё в жизни бывает. Она исключительно разнообразна.

Фонди-Монди-Дунди-Пэк, выслушав новости, сказал:

— Конечно, Шито-Крыто мстителен до предела. И всё же у Стрекозы есть ещё какое-то задание. Срочно засылайте агента к фон Гадке. Его встреча с Шито-Крыто наверняка закончилась тем, что один из них надул другого. Скорее всего досталось фон Гадке. Тогда можно его использовать.

— Как относиться к офицеру Лахиту?

— Можно попытаться сотрудничать с ним. Он проныра, каких свет не видел, и знает всё. Обожает деньги. Обязательно предаст. Важно уловить момент, когда он соберётся сделать это.

— Скорее выздоравливайте, — пожелал полковник Егоров. — Время не терпит. Как только подлечитесь, сделаем вам пластическую операцию лица.

— Обещайте мне, — попросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, — перед моим отбытием в «Гроб и молнию» рыбалку на так называемых утренней и вечерней зорьках. Я каждую ночь вижу во сне поплавки.

— Обещаю вам рыбалку перед отправкой на задание и много рыбалок после благополучного возвращения, — сказал полковник Егоров, а, садясь в машину, подумал:

«Да, всё в жизни бывает.
Она действительно исключи
тельно разно
образ
на».

КОНЕЦ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ,
в которой происходит много серьёзнейших событий, из них в название вынесено два:
«НЕВЕДОМЫЙ ПРЕПАРАТ БАЛДИН»
и
«ВИЗИТ БЫВШЕГО ЫХ-ООО, А НЫНЕ БОКСА-МОКСА, В «ГРОБ И МОЛНИЮ»

Глава № 42
Новая болезнь Толика Прутикова — опять загадка для медицины

Бабушка Александра Петровна осваивала усложнённый комплекс утренней зарядки с гантелями.

— И-и-и раз! И-и-и два! — командовала она самой себе.—И-и-и три!—Запыхавшись с непривычки, она надела очки и вслух читала пришпиленную к стене вырезку из журнала: — Упражнение пятое... так-так... гантели в опущенной руке... подъёмы на носке... укрепляют икроножные мышцы... улучшают форму голени... Прекрасно, продолжаем... И-и-и раз!

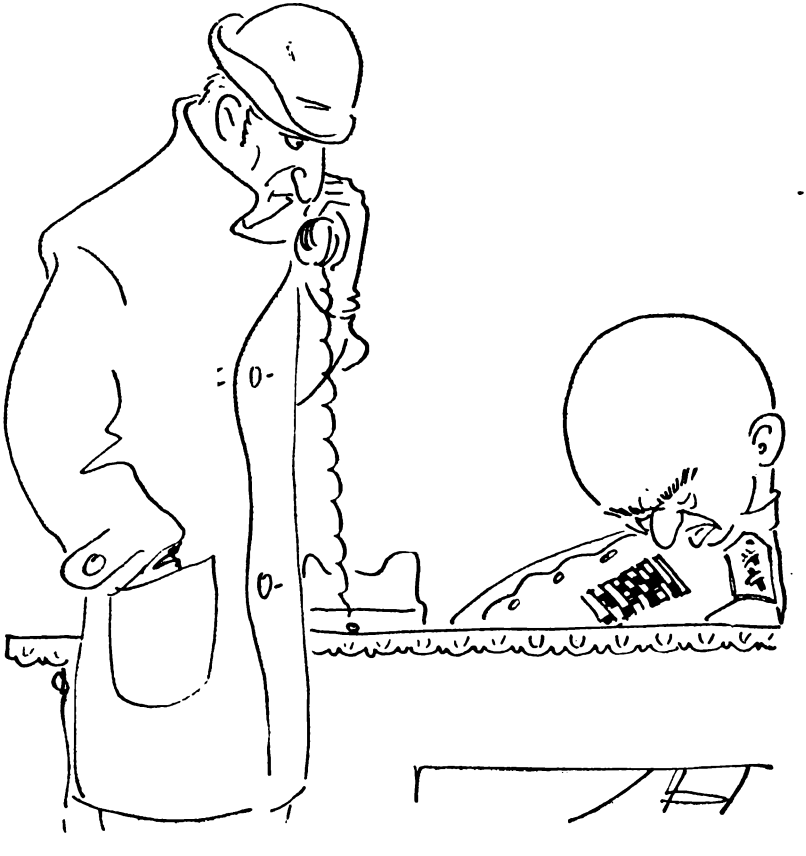
Папа Юрий Анатольевич жёг в кухне колбасу на сковородке и привычно ворчал:

— Это не малогабаритная квартира со всеми удобствами, а крупногабаритный сумасшедший дом без всяких

удобств и обслуживающего персонала. Скоро, по всей вероятности, бабуся займётся штангой.

Он очень изменился за последнее время: похудел, часто был небрит, перестал носить галстуки, ходил в неглаженных рубашках, мятом костюме; на висках от переживаний появилась седина. Он суетился, и ворчал, и ворчал, и ворчал о том, как трудно жить в обстановке неуважения и сплошных бытовых неудобств. Вечерами Юрий Анатольевич демонстративно пил чай с хлебом и вслух читал «Книгу о вкусной и здоровой пище».

Мама чуть не плача стирала бельё, а Толик учился гладить. За короткий промежуток времени они сожгли утюг и стиральную машину.



И мама тоже изменилась: похудела, постарела, потому что, как она говорила, хронически недосыпала.

Зато бабушка Александра Петровна словно помолодела. На городских соревнованиях пенсионеров она заняла второе место в беге на пятнадцать метров без барьеров. Ей вручили посеребрённую медаль, диплом и букет цветов.

— Финишный рывок у меня плохо отработан,— озабоченно объясняла она Толику. — Тренироваться надо больше. Впереди — областные соревнования. На них я рассчитываю выступить значительно лучше. Смущает одно — проблема свободного времени.

А Толику время, прямо скажем, девать было некуда. В пионерский лагерь он опоздал из-за болезни, в деревню бабушка ехать отказалась, а сам себе найти занятие он не мог и не умел. Вот с утра до вечера и ждал, когда можно будет включить телевизор. Да и телевизор-то смотреть без бабушки было не очень интересно.

Бабушка же не знала ни минуты покоя, особенно когда записалась в народную дружину и стала старостой ансамбля песни и пляски пенсионеров.

Однажды утром, когда бабушка занималась гантельной гимнастикой, папа хрустел на кухне горелой колбасой, а мама торопливо складывала вещи в чемодан, чтобы ехать в санаторий «подальше от этого ада», как она выразилась, Толик не встал с постели.

— Ты поосторожней лежи-то, — посоветовала бабушка, — а то опять долежишься до болезни какой-нибудь.

— Странно у нас получается, — сказал внук, — всем ты помогаешь с утра до позднего вечера, а на родную семью ноль внимания.

— Раньше я приносила пользу одной только нашей родной семье, а сейчас приношу пользу обществу и себе,— ответила Александра Петровна, отдыхая после зарядки.— Раньше я была всего-навсего бабушкой, а теперь я, можно сказать, общественный деятель городского масштаба. Вот сейчас мы впервые в стране, да и во всём мире, организуем комитет по работе с ленивыми детьми. — И она ушла принимать холодный душ, а потом и вообще ушла из дому.

Мама чмокнула сына в щёчку, сказала:

— Вот я отдохну, подлечусь и смогу заменить вам бабушку. Не болей, долго у телевизора не сиди, слушайся папу, он у нас один, отвечай на мои письма аккуратно.

Оставшись один, Толик решил серьёзно подумать о

своей жизни и обязательно что-нибудь придумать. Конечно, хорошо бы вот так проваляться весь день в постели с книжечкой в руках. А завтра — что? Тоже вот так проваляться в постели с книжечкой в руках?

А послезавтра?

А послепослезавтра?

Уж если говорить честно, то неплохо бы вот так и жизнь прожить — назло бросившей его бабушке. В этом нет ничего плохого. Одному нравится бегать, другому нравится прыгать, третьему ещё что-нибудь нравится, а Толику лежать приятно.

Но лежать нельзя. Лень развезёт. Он тяжело вздохнул, закрыл глаза и перевернулся на спину. Во всём бабушка виновата! Её сейчас и бабушкой-то назвать нельзя. Пусть она гордится, что стала общественным деятелем городского масштаба, но пусть ей будет стыдно за то, что она перестала быть нормальной бабушкой. Она второе место в беге на пятнадцать метров без барьеров занимает, а внук с горя все себе бока отлежал.

А тут ещё есть захотелось. Раньше-то, бывало, ещё и есть не хочешь, а бабушка уже вовсю гремит на кухне кастрюлями и сковородками.

Тогда — что же получилось? Значит, он без бабушки, как ноль без палочки?

Значит, действительно у неё личная полнокровная жизнь, а у него — пустота в желудке?

Нет, он сам сейчас же загремит кастрюлями и сковородками! Не такое уж это сложное дело! Обойдёмся и без бабушки!

Вскочив с постели, Толик бросился на кухню, включил газ, насыпал в кастрюлю побольше картошки и поставил на плиту.

— Сами прокормимся! — жалобно крикнул он. — Ещё как прокормимся! — ещё жалобнее крикнул он.

Неожиданно ему стало весело. В самом деле, сколько можно зависеть от бабушки? И вообще зачем от кого-то зависеть, когда сам не дурак и кое-что умеешь делать? Вот если бы знать, как жарят картошку да ещё с маслом или хотя бы с колбасой, тогда бы ему и горевать не о чем! Но и варёную картошку есть можно.

Не подумайте, что Толику очень уж хотелось заниматься всякими домашними делами. Но в Толике проснулся, как говорится, настоящий мужчина, то есть человек, который не боится никаких трудностей — ни больших, ни

маленьких, не растеряется в любой обстановке, всегда найдёт себе дело и ни от кого ни в чём не зависит.

Чтобы стать настоящим мужчиной, — а это дано далеко не каждому, — надо учиться всё делать самому, и от этого будешь таким сильным, что людям рядом с тобой жить станет легче, потому что они всегда могут надеяться на твою помощь во всём.

Однако настоящий мужчина проснулся в избалованном мальчишке не надолго, минут этак на одиннадцать-двенадцать, потому что быть настоящим мужчиной очень и очень нелегко.

Тем более, в кармане своего пиджака Толик обнаружил шоколадную плитку под названием «Стрекоза и Муравей». Восторженно ойкнув, он тут же проглотил неожиданную находку и стал думать: откуда могла оказаться у него шоколадка?

Тут ему стало лень думать, и он с трудом добрался до кровати и лёг, еле дыша. Организм его изо всех сил с чем-то боролся. Толик хотел пошевелить рукой, но раздумал. Что-то проникло ему не только в головной и спинной мозг, но даже в пятки.

К счастью, в это самое время вернулась бабушка. Едва взглянув на внука, она сразу почувствовала недоброе и торопливо завспоминала правила оказания первой помощи. Ах, да! Надо сделать искусственное дыхание!

Александра Петровна стащила внука на коврик, подложила подушку и уверенными, тренированными движениями стала сгибать и разгибать ему руки.

— Раз, два! Раз, два! — сама себе командовала бабушка. — Раз! Два! Дыши, голубчик, дыши! Раз! Два! Ротик-то раскрывай! Вот так! Раз! Два!

На щеках внука появился слабый румянец.

— Глазки открой! Глазки открой! — командовала бабушка уже не самой себе, а Толику. — Вот так! Вот так!

И Толик открыл сначала один глаз, затем второй и очень тихонько попросил:

— Отстань...

— Спасать тебя надо, дорогой, спасать, а от чего спасать, сама пока не знаю!

— Оставь меня в покое. — И Толик закрыл сначала один глаз, затем и второй.

Бабушка взвалила внука на спину, сама себе скомандовала:

— В областную психиатрическую больницу как можно быстрее — бегом марш!

Конечно, все прохожие во все глаза глазели на бегущую по улице бабушку, на спине которой висел внук. Один милиционер на всякий случай, для порядка, даже посвистел в свой свисток и стал смотреть в другую сторону, где ничего особенного не происходило.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич помог Александре Петровне поднять внука на четвёртый этаж, спросил:

— Чего опять с выдающимся человеком приключилось? На сей раз у него хоть вес внешней раздутости соответствует. В кого он у вас такой болезненный? Мало, мало применяем мы методы физического воздействия на организм. Мой, ныне, правда, покойный, папаша возьмёт, бывало, ремень и ласково так спросит: «Ну, чем болеть собираемся?» И использует этот ремень по назначению. И все дети здоровыми выросли, все в люди вышли. Я вот до старшего санитара дослужился.

— Никогда бы на такое изуверство не пошла. Не для того дети на свет появляются, чтоб их ремнём калечить.

— Зачем же калечить? — возмутился старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Профилактика. Предупреждение. Закалка организма. Повышение его сопротивляемости самым различным заболеваниям.

Увидев Толика, психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз всплеснул руками, потом ими же схватился за голову, помолчал и сказал:

— Это организм или судьба! Я только что закончил научное описание его последнего заболевания и выздоровления... Быстро анализ крови, температуру и самый возбуждающий укол! Быстро, быстро! Срочно, срочно! На всякий случай — кислородные подушки! Это же лень! Типичная лень!

— Лень? — растерянно спросила бабушка Александра Петровна. — Откуда? Не может быть! Я же его на самостоятельный путь развития перевела. Я по вашей научной теории действовала, в которую глубоко поверила!

— Я расстроен не меньше вашего, Александра Петровна, если не больше. Мы так мало знаем о причинах возникновения лени и способах её лечения, что на каждом шагу нас подстерегают всё новые и новые загадки. Будем лечить. Изучать. Экспериментировать. Наблюдать.

— И на сколько вы это растянете?

— Намеренно никто ничего тянуть не собирается. Но болезнь вашего внука почти совершенно неизвестна научному миру. Излечить человека от лени — это вам не зуб удалить.

— Я же в точности следовала вашим указаниям, — продолжала сокрушаться бабушка. — А что же получилось? Ведь если бы я осталась нормальной бабушкой, а не пошла бы в общественные деятели городского масштаба, внук-то и не заболел бы, может?

— В принципе моя научная теория у меня лично не вызывает сомнений, — строго и обиженно сказал Моисей Григорьевич. — Вполне возможно, что очередная болезнь Толика — очередная научная загадка. Вот и будем её разгадывать.

— Загадка это или болезнь?

— И загадка, и болезнь. Вы слишком просто, то есть очень упрощённо, смотрите на клиническую действительность. Напомню вам старую, но вечно справедливую и глубокую истину: болезнь легче предупредить, чем излечить. Особенно это относится к заболеваниям, связанным с ленью. — Было похоже на то, что Моисей Григорьевич или начинал сердиться, или готовился прочитать научную лекцию.

На самом же деле он насторожённо и обеспокоенно поглядывал в сторону старшего санитара Тимофея Игнатьевича, который уже несколько раз открывал рот, пытаясь что-то сказать, но каждый раз Моисею Григорьевичу удавалось сдержать своего ретивого сотрудника.

Однако стоило доктору лишь на мгновение остановиться, как раздался нудный, недовольный голос.

— Я, конечно, очень крупно извиняюсь, — решительно вступил в разговор старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Но человек я здесь не посторонний. Прислушайтесь хоть раз к моим мыслям. Не такие уж они глупые. Жизненным опытом проверенные. Почему бы вам этого паренька хоть раз не выпороть? Без злобы ведь, а в чисто медицинских и научных целях это я предлагаю. Проэкспериментируйте, вреда не будет. Своей судьбой гарантирую положительный результат.

— Современный ребёнок,—раздражённо ответил Моисей Григорьевич, — к порке относится сугубо отрицательно. А тут ещё серьёзнейший случай опаснейшего заболевания, не исключён и самый ужасный исход.

— Мне остаётся в прессу, то есть в печать, обратить-

ся, — пригрозил старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Придётся описать положение дел. Так, мол, и так: не приветствуют у нас новое в медицине.

— Пишите куда хотите и что хотите, — отмахнулся Моисей Григорьевич. — Кстати, порка — это довольно древний метод. Не выдавайте её за что-то новое, тем более передовое.

— С чего бы это у него? — всхлипывая, спросила бабушка.

— Прямо скажу: не знаю. Ещё прямее скажу: я просто обескуражен.

И если бы в последнее время бабушка не занималась спортом, то сейчас бы обязательно упала в обморок, причём очень глубокий.

— Что же делать? — собрав всю силу воли, спросила она.

— Верить в науку, — ответил Моисей Григорьевич, — в её безграничные, хотя до конца и не раскрытые возможности.

— К вам, Александра Петровна, обращаюсь! — с жаром воскликнул старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Не против я науки, в её рядах тружусь. И если не поможет наука, возьмите вы в руки обыкновенный ремень, не поленитесь, и даже не порите, а хотя бы припугните! Нам-то это помогало!

Смерив его презрительным взглядом, Моисей Григорьевич заверил:

— Наука сделает всё, чтобы спасти вашего внука, Александра Петровна.

Глава № 43
На службе у фон Гадке появляется фон Хлипке

В бессильной ярости фон Гадке ударил по своему отражению в огромном зеркале. Зеркалу хоть бы хны, а кулачок, естественно, вдребезги. Но ярость фон Гадке не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась в два с половиной раза.

Если вы помните, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер путал правое и левое и вот вместо левой ручки (чёрная перчаточка) пустил в ход правую (белая пер-

чаточка) и искалечил её (не перчаточку, конечно, а ручку).

«Как же я теперь буду есть? — в ужасной тревоге подумал он. — Я же не умею есть левой! А может, я разбил именно левую ручку? Как бы узнать?»

Внезапно он со страшным испугом обнаружил, что путает не только правое и левое, но и чёрное и белое!

В головке у него всё перемешалось, ничего он не мог понять. Его тут же отвезли в госпиталь, сразу же положили на операционный стол, пришлось ему (не столу, а фон Гадке) стонать и ругаться от диких болей.

Новый его адъютант (прежний угодил в тюрьму, потому что подал своему господину вместо ложки вилку) молоденький офицерик фон Хлипке по дороге из госпиталя сказал:

— В следующий раз, господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер, когда вами овладеет бессильная ярость, обращайтесь ко мне. Я вдарю по зеркалу. Я разобью свой кулак. Ваш кулачок дороже вам и командованию, чем мой.

— Не понимаю, — признался фон Гадке, с тоской и любовью глядя на искалеченную руку в тяжёлой гипсовой повязке. — Не понимаю и не соображаю, о чём ты болтаешь.

— Когда вами овладеет бессильная ярость, — услужливо и терпеливо повторил фон Хлипке, — вы подбегаете к зеркалу, замахиваетесь своим драгоценным для вас и для командования кулачком, а я вдаряю по зеркалу своим кулаком. У вас пройдёт бессильная ярость, а кулак разобьётся мой.

— Но зато разобьётся зеркало!

— Но зато пройдёт и бессильная ярость.

— Мозги у тебя варят неплохо, — поразмыслив, сказал фон Гадке. — А откуда ты взялся? Кто такой, такой на первый взгляд приятный?

— Меня прислали из Центрхапштаба по личному распоряжению барона Барана. Я очень услужлив. Я сделаю вашу жизнь почти райской. Мне это нетрудно! Ведь вы для меня почти бог!

— Ну это ты, хе-хе, загнул! А вот как я буду есть, отвечай!

— О, я вас прекрасно покормлю, дорогой мой господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер!

И действительно, фон Хлипке до того ловко кормил фон Гадке, что тому оставалось только рот открывать, жевать и глотать.

Наевшись, он почувствовал себя куда лучше прежнего, с удовольствием переваривал обильную пищу; спросил почти ласково:

— Где ты научился так прекрасно кормить?

— У нас была большая семья, а я в ней старший, — объяснил фон Хлипке. — И кормить всех братьев и сестёр с ложечки пришлось мне. И вообще в смысле услуг любимому начальству я умею делать всё и даже больше. А если чего и не умею, то быстренько научусь.

— Ты не сам попросился ко мне?

— Я бы никогда не осмелился! Ведь вы для меня почти бог. — Фон Хлипке склонился и доверительно прошептал: — Я приставлен к вам, чтобы следить за вами.

— Цвайбилд! — очень крепко выругался фон Гадке. — А на каком таком подозрении?

— Вам давно перестали доверять в Центрхапштабе, — предельно ласково шептал фон Хлипке, в три погибели согнувшись в услужливом поклоне, — особенно вам не доверяют с тех пор, как вы побывали у генерала Шито-Крыто. Есть подозрения, что вы вступили с ним в предательскую сделку. Поговаривают, что в наличии не имеется нескольких штук гавриков.

— Драйбилд! — ещё крепче выругался фон Гадке. — Вот мерзавцы! Ещё что?

— Скоро состоится решение о том, чтобы отобрать у вас ваших гавриков и передать их более молодому и, пардоньте, более умному специалисту.

— Фюрбилд! — совсем крепко выругался фон Гадке. — Это проделки барона Барана. Он всегда завидовал мне... А почему ты откровенен со мной? Ведь я могу предать тебя. Со всеми твоими фонхлипскими печёнками, селезёнками и почками!

— Вряд ли вы это сделаете. — Фон Хлипке ещё ниже и ещё услужливее склонился перед ним. — Мне гораздо удобнее выдать вас, но я этого никогда не сделаю. Давайте работать вместе назло барону Барану.

Фон Гадке минут четырнадцать посоображал и сказал:

— С какой это стати я, старый, опытный, уважаемый, матёрый, знаменитый шпион, выдающийся военный преступник и учитель шпионов, буду вступать в сделку с ни-

кому не известным молоденьким офицериком? И чем ты докажешь, что ты не жулик какой-нибудь?

— Тем, что буду служить вам изо всех моих сил. Ведь у вас никогда не было такого верного адъютанта. Мой предшественник, подумать только, осмелился подать вам вместо ложки вилку!

— О, это было ужасно! Я долго не мог понять, почему не могу зачерпнуть супа! А как я мог его зачерпнуть, если в руках у меня была вилка!.. Я никому никогда ни в чём не верил. И как мне верить тебе, если тебя ко мне подослали?

— Вы всё поймёте, мой дорогой и любимый господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер, если учтёте, что я служу ещё и у генерала Шито-Крыто.

От дикой растерянности фон Гадке сначала хехекнул, потом хмыкнул, затем крякнул и заорал:

— Предатель!

— Но ведь вам это выгодно.

— Так ведь ты двойной предатель! Ты бутерброд из предателей! Центрхапштабу ты предаёшь Шито-Крыто, а ему предаёшь Центрхапштаб! Почему бы тебе не быть и тройным предателем?

— А я и есть тройной предатель. — Фон Хлипке скромно опустил глаза. — Центрхапштаб и генерала Шито-Крыто я предаю вам, хотя я во всём знаю меру, даже в предательстве. Я хочу действовать заодно с вами и только с вами. Учиться хочу у вас. Я не вижу в шпионском мире фигурки более достойной, чем вы. И я помогу вам, попавшему под подозрение.

— Короче говоря, Шито-Крыто подослал тебя в Центрхапштаб, а барон Баран подослал тебя ко мне?

— Ваша проницательность не имеет границ! — Фон Хлипке упал перед фон Гадке на колени.

— Встань, встань, — ласково предложил фон Гадке. — Что ты предлагаешь делать?

— Пока не знаю. Надо подумать.

Думали они несколько дней. Фон Гадке до того привык и полюбил есть из рук фон Хлипке, что стал отказываться ездить на перевязку. Есть новым способом было легко и интересно. Зачем же лечить руку, если она не нужна?

Постепенно фон Гадке привык к тому, что и думать за него стал фон Хлипке. Проще говоря, благодаря заботам фон Хлипке фон Гадке совсем обленился, это и стало причиной его дальнейших несчастий.

Незаметно для себя господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер совершенно забыл, в каком он находится положении. А положение его было наисерьёзнейшее. С одной стороны, его допекал генерал Шито-Крыто, грозя выдать его Центрхапштабу. С другой стороны, в Центрхапштабе всё чаще и чаще распространялись слухи о том, что фон Гадке готовится почётная спиртизация.

Однажды, а именно в тот день, когда у фон Гадке сняли гипсовую повязку с кулачка, он как бы очнулся и впервые за последнее время поел сам, один, самостоятельно. Есть было очень неудобно и даже невкусно. Он не столько поел, сколько устал, весь выпачкался в еде. Зато головка его вдруг заработала. Фон Гадке прислушался и стал ждать, когда в неё придёт мысль.

Мысль долго не приходила, она застряла где-то в левом ухе, но фон Гадке уже сел в машину и приказал везти себя в Центрхапштаб. Не головкой ещё, а всем остальным организмиком он ощущал старую истину: не жди, когда тебя предадут, предавай сам.

Хорошо, прекрасно кормил его фон Хлипке, но пора его предать!

Глава № 44
Фон Гадке выдаёт фон Хлипке, которого, как оказалось, вовсе не было

Машину тряхнуло, и мысль из уха проскочила в головку фон Гадке: предавай фон Хлипке скорее, если ты ещё не опоздал!

Господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер вошёл в кабинет начальника Центрхапштаба барона Барана и сообщил:

— Подосланный вами ко мне фон Хлипке состоит на службе у генерала Шито-Крыто. Хе-хе.

— Какой ещё фон Хлипке? — удивился барон Баран. — И при чём тут хе-хе? Мы к вам никого не подсылали, только собирались.

— Господин начальник! — растерянно воскликнул фон Гадке. — Я не шутки шучу, а официально заявляю, без всяких хе-хе, что ваш фон Хлипке служит у генерала

Шито-Крыто. Этот офицерик является тройным предателем.

— А кем являешься ты?! — взъярился барон Баран. — Ты что, с ума спятил? Почётной спиртизации захотел? Никакого фон Хлипке не знаю! Первый раз слышу!

— Эээ...ыыыыы...ююююююю... — Фон Гадке издавал такие вот звуки, так как нижняя челюсть у него отвисла и не слушалась своего очумелого владельца.

— Мы были недовольны, что обучение гавриков идёт крайне медленно, а у нас много заказов из разных стран, — сказал барон Баран. — Прошли слухи, что вы снюхались с Шито-Крыто. Но пока мы доверяли вам. Сейчас же я вынужден допросить вас со всей строгостью. Какой фон Хлипке?

— Он меня кормил, — справившись со своей нижней челюстью, бормотал совершенно обескураженный фон Гадке. — Он меня поил... он за меня думал...

— Кто? Кто?

— Фон... он меня кормил... Хлипке... он считал меня почти богом... он думал за меня...

— Взять! — страшным голосом приказал охране барон Баран. — Сигнал полнейшей наибоевейшей тревоги! Обыскать всё! Обыскать всех! Найти офицера фон Хлипке! А фон Гадке в тюрьму!

И фон Гадке очутился в камере. Мало сказать, что он отупел или обалдел. На некоторое время он даже забыл, кто он такой, и не понимал, что с ним происходит, как называется ужасное по своим неудобствам помещение, куда его втолкнули.

Маленькая головка фон Гадке была тяжёлой, хотя в ней не было ни одной мысли.

Всю жизнь он сам арестовывал и сажал в камеры... Ну и что? Почему именно сейчас он об этом вспомнил? И почему кричал на него барон Баран?

Что случилось?

Случилось-то что?

И тут до него дошло, что он находится в камере! Значит, его, господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера, арестовали?! Он честно кого-то предал, и его же за это в камеру?! Белиберда! Должны были арестовать и посадить в камеру того, кого предали, а не того, кто предал! Если так будет продолжаться, то все предатели окажутся в тюрьмах! Чушь какая!

К тому же фон Гадке захотел есть, а если вы вспомни-

те, что его тельце состояло в основном из пищеварительного аппарата, то поймёте, как несладко приходилось фон Гадке, когда он хотел есть. Голод с каждой секундой становился всё сильнее и острее, и фон Гадке начало казаться, что, если его сейчас же не накормят, он может съесть самого себя.

Где фон Хлипке? Может, не надо было предавать того, кто тебя кормил?

А барон Баран сказал, что никакого фон Хлипке не было! А если его не было, то кого же предавал фон Гадке?

Нет, нет, он был, был! Вот сейчас, сию секундочку прибежит он, фон Хлипке, и покормит его, фон Гадке!

Тут его вызвали к барону Барану. Никакого фон Хлипке разыскать не удалось. Никто о нём ничего не знал. Его просто не существовало. Зато исчезла вся секретная техническая документация по обработке и обучению гавриков. Все опытные образцы болванов-автоматов были приведены в полную негодность; у одних не двигались руки, у других не действовали ноги, у третьих — ни руки, ни ноги не шевелились, и у всех совершенно не работала голова!

Когда фон Гадке услышал об этом, у него отнялся язычок, и он, фон Гадке, ни слова не мог произнести в своё оправдание. Написать что-нибудь в своё оправдание он тоже не мог: ручки свело судорогами.

А мог бы сказать, например, так:

— Эй вы, главари Центрхапштаба! Да это же я! Господин оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке по кличке Дядя Съем! У меня самый длиннейший чин в мире! У меня масса заслуг! Я принёс людям столько горя, что они давно должны были меня уничтожить! А что сделали вы? Новой большой войны организовать, такие-сякие, не можете! Кто вы после этого? Дайте мне власть, солдат, денег, оружия, допустите меня кнопки нажимать и узнаете, каков я!

Барон Баран сидел, смотрел на него и думал, вернее, не думал, а гадал: как бы наказать фон Гадке? Надо его расстрелять бы... Он вполне заслужил это. Хорошо, мы его расстреляем. Но ведь тогда всем станет ясно, особенно молодёжи, что даже такие кадры, как фон Гадке, бывают дураками. Трудно будет воспитывать подрастающее поколение шпионов на таких примерах!

Задача стояла двойная: сохранить образ фон Гадке для потомства и уничтожить — для современников.

И барон Баран приказал:

— Подвергнуть господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера почётной спиртизации, предварительно хорошо и вкусно его накормив!

Пока фон Гадке глотал пищу, во дворе центральной шпионской школы на высоком пьедестале поставили стеклянную банку, наполнили её чистейшим спиртом.

Фон Гадке должен был сам туда опуститься и заспиртоваться.

Проходя мимо, молодые шпионы будут кричать:

— Майль!

О такой судьбе мечтал каждый старый шпион. Но фон Гадке мечтал о другом: он хотел жить, чтобы сделать человечеству огромную пакость!

Глава № 45

Препарат балдин (Baldine) в действии

Полковник Егоров крепко пожал руку младшему лейтенанту Юрию Василькову и сказал:

— Командование вынесло вам благодарность за отличное выполнение сложного задания и присвоило вам звание лейтенанта. Долго будут помнить в Центрхапштабе имя фон Хлипке! А теперь вам новое задание — займитесь младшим сержантом госпожой Стрекозой. Надо её в человеческий вид приводить. Надо узнать, с каким же заданием она к нам припорхала.

— Мне с тремя фон Гадками легче справиться, чем с одной Стрекозой. Она же кусается и царапается.

— Действуйте. О результатах докладывать ежедневно.

— Есть!

Настроение у полковника Егорова было среднее, потому что план операции «Братцы-тунеядцы» был неизвестен и командование настойчиво требовало ускорить и усилить работу в этом направлении. Вопрос о засылке в «Гроб и молнию» бывшего ЫХ-000 в принципе был решён положительно, хотя все подчёркивали большую долю риска.

В самом деле, была ли полная уверенность в том, что Фонди-Монди-Дунди-Пэк не подведёт?

— Я полностью уверен, — отвечал командованию полковник Егоров, — что не подведёт. И какое наше дело бывает без риска? ЫХ-три нуля знает все ходы и выходы в «Гробе и молнии». А нашему агенту даже в случае успеха

потребуется времени в несколько раз больше, чем агенту «Тигров-выдров».

Пока обсуждали всяческие уточнения и варианты, Фонди-Монди-Дунди-Пэку сделали пластическую операцию лица, и узнать его теперь было невозможно. Он даже сам себя не мог узнать!

Как только он был подготовлен к выполнению задания, полковник Егоров сказал:

— Едем на рыбалку!

На вечерней зорьке клёв был отличный, и они от радости просидели у костра всю ночь. Бывший ЫХ-000 рассказывал о своей трудной и подлой шпионской жизни, и в его исповеди для полковника Егорова было много не только интересного, но и полезного.

На утренней зорьке клевало ещё лучше, окуни попадались куда крупнее вчерашних, и Фонди-Монди-Дунди-Пэк действовал уже как заправский рыбак — не дёргал и сам не дёргался и лишь один раз взвизгнул от восторга.

— Когда вернётесь с задания, — сказал полковник Егоров, — закончим все дела, я возьму отпуск, и уедем рыбачить на целый месяц.

— Я только об этом и мечтаю. Кстати, как поживает Батон?

— Счастлив неимоверно. Хохотал, как ребёнок, когда выпросил вторую подушку. Иногда глазам своим не верю, что бывают такие лентяи.

— Зато от скольких хлопот он вас избавил.

— Да, лентяй — всегда находка для противника.

В понедельник, едва полковник Егоров явился на службу, ему позвонил психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз и взволнованным голосом сообщил:

— Потрясающее событие! Невероятное! Не укладывающееся в голове событие! Толик Прутиков снова болен! На сей раз острейшая форма лени. Но не это главное. В его крови мы обнаружили совершенно неизвестный ранее химический препарат. Мы ввели его трём котятам — и трое котят мгновенно стали ленивыми. Вам не пригодится научное описание этого невиданного препарата и его действия на живой организм?

— Я к вам заеду, Моисей Григорьевич, и с интересом ознакомлюсь с вашим открытием.

Надо отметить, что за годы службы полковник Егоров привык ничему не удивляться и на всё обращать самое пристальное внимание. Казалось бы, какое ему дело до ка-

ких-то трёх обленившихся котят? На первый взгляд, чепуха невообразимая. Да нет, не чепуха. На всякий случай надо узнать и о котятах. Тем более, что с ними связан вопрос о новом химическом препарате, вызывающем заболевание ленью.

— Товарищ полковник, к вам лейтенант Васильков!

— Пусть войдёт.

Но лейтенант Васильков не вошёл, а ввалился в кабинет, постоял, шатаясь, у дверей, затем, еле переставляя ноги, добрался до кресла и развалился в нём.

Мне опять придётся повторить, что за годы своей службы полковник Егоров привык ничему не удивляться. Он только спросил:

— Что с вами?

— Мне... лень... — еле слышным голосом выговорил лейтенант Васильков.

— Что, что?

— Мне... лень...

— И отвечать лень?

— Всё... лень...

— Машину! — приказал полковник Егоров. — Со мной в больницу к доктору Азбарагузу!

Вот вам и три ленивых котёнка! Не отнесись он внимательно к странному, на первый взгляд, сообщению Моисея Григорьевича, то и не знал бы, что сейчас делать.

Осмотрев лейтенанта Василькова, Моисей Григорьевич удовлетворённо заключил:

— Да, острейшее заболевание ленью. Срочно сделаем анализ крови. Те же признаки, что и у Толика Прутикова.

— Это становится любопытным, — задумчиво проговорил полковник Егоров. — Видимо, у него еле-еле хватило сознания и сил, чтобы явиться ко мне и доложить. Доктор, а это надолго?

— Понятия не имею. Первый случай. Главное, определить источник заражения.

Принесли результат анализа крови. Едва взглянув на него, Моисей Григорьевич в очень большом изумлении и не меньшем волнении воскликнул:

— Тот же самый препарат! Я его условно назвал балдин (baldine)!

— Невероятно, — внешне спокойно сказал полковник Егоров. — Невероятно, но факт. Дайте мне ваше научное описание балдина. Лейтенанта оставляю у вас. Весьма возможно, что мы найдём источник заражения.

Вернувшись в свой кабинет, он отдал приказание самым тщательным образом обыскать Стрекозу и её камеру.

И вскоре перед ним лежал маленький кармашек, срезанный с платья Стрекозы, а в кармашке крошечные, почти бесцветные таблетки.

— На анализ в лабораторию, — приказал полковник Егоров и уже заранее был уверен, что таблетки содержат балдин.

Тогда значит, что одно из заданий Стрекозы заключалось в том, чтобы испробовать действие балдина. Видимо, Стрекоза ухитрилась подсунуть таблетку лейтенанту Василькову. Но кто и как дал балдин Толику Прутикову? Кто? Ясно, что Стрекоза. Как — узнаем.

Дежурный принёс результат химического анализа таблеток, изъятых у Стрекозы. Он в точности повторял формулу балдина, выведенную Моисеем Григорьевичем.

Вот ведь как бывает! С трудом величайшим взяли Стрекозу, а сделать простейшую вещь — обыскать — забыли! Девочка девочкой внешне, платье голубенькое, и никому в голову не пришло отнестись к ней как к настоящему агенту.

Ну ладно... Итак, генерал Шито-Крыто задумал отравить людей ленью, оболванить их. Ничего, ничего, господин генерал, ещё посмотрим, кто кого оболванит!

А может быть, операция «Братцы-тунеядцы» и заключается в применении балдина?

Но почему в качестве оружия выбрали именно лень? Видимо, потому, что лень в общем-то страшнее самого страшного оружия.

Полковник Егоров был не из робкого десятка, но и у него мурашки по спине пробежали, когда он представил себе, что же случится, если посланцы генерала Шито-Крыто бросят балдин, например, в продукты!

Он тут же доложил командованию о результатах сегодняшнего открытия и получил приказ: немедленно приступить к выполнению работ, направленных против операции «Братцы-тунеядцы».

Первым делом был вызван агент Бокс-Мокс, бывший ЫХ-000. Выслушав приказ, он сказал:

— Я готов. Шлите срочно сообщение Лахиту, чтобы ждал дорогой весточки, то есть меня. И дайте мне с собой таблетки три балдина. Пусть их попробуют те, кто их придумал.

— Желаю успеха, — сказал полковник Егоров. — Мы

предоставляем вам возможность загладить хотя бы часть вашей вины перед людьми. Помогите им. Возвращайтесь!

Через несколько часов агент Бокс-Мокс, снабжённый всем необходимым, кроме пароля для выхода с территории «Гроба и молнии», отбыл для выполнения сверхважного задания.

А вечером пришло сообщение об организации первого в мире научно-исследовательского института по борьбе с ленью (НИИПОБОСЛ), директором которого был назначен психоневропатолог и учёный Моисей Григорьевич Азбарагуз.

Глава № 46

Генерал Шито-Крыто подозревает и негодует, а офицер Лахит принимает агента Бокса-Мокса

Не без оснований генерал Шито-Крыто предполагал, что против него действует не только умный враг, но и плетёт нити заговора ещё некто, кто числится в друзьях.

Потерпела поражение диверсионная группа «Фрукты-овощи». Исчезли Стрекоза и Муравей. Как гром среди очень ясного неба, было сообщение о том, что фон Гадке постигла почётная спиртизация в стеклянной банке, а секретная техническая документация по обработке и обучению гавриков выкрадена. И кем? Каким-то неведомым фон Хлипке, которого и в глаза-то в Центрхапштабе никто не видел и который будто бы сотрудничал в «Гробе и молнии».

Временами генералу Шито-Крыто казалось, что он вот-вот лопнет от душившей его бессильной злобы. За последнее время он разбил два чугунных стола со стальными ногами, три раза проломил цементный пол в кабинете и едва не убил офицера Лахита, запустив в него сейфом.

В самой же организации «Гроб и молния» обстановка накалялась с каждым днём, хотя накаляться ей дальше вроде бы и некуда уже было.

Ежедневно создавались груды доносов. Функционировал специальный отдел, занимавший девятиэтажное здание, с большим штатом сотрудников, но они успевали только регистрировать доносы, а читать их и тем более

принимать к сведению ни у кого уже времени не оставалось.

Поэтому в карцеры отправляли просто по очереди, а с работы увольняли наугад.

Выполняя основной приказ: всем всех во всём всегда везде подозревать, всем за всеми всегда везде следить, — сотрудники до того доусердствовали, что среди них стала свирепствовать болезнь, известная в науке под названием «раздвоение личности».

Заключалась эта болезнь в том, что сотрудник одновременно ощущал себя и тем, кто за кем-то следит, и тем, за кем кто-то следит. И сотрудник часто забывал, кем же он является в данный момент — следящим или выслеживаемым, — и впадал в путаницу: то следить побежит, то прятаться начнёт, то остановится, чтобы дать возможность кому-то за ним подсмотреть, и всё время ничего толком не соображает.

Никто из сотрудников уже не знал, кто в чём кого подозревает, но остановиться уже не могли, да и к тому же приказ есть приказ, надо его выполнять, к каким бы нелепым последствиям он ни приводил.

Генерал Шито-Крыто продолжал полагать, что именно в такой благоприятной обстановке вырастают настоящие кадры настоящих сотрудников настоящей шпионской организации.

Близилась к концу подготовка операции «Братцы-тунеядцы». Представители Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования торопили, лезли в каждую мелочь, проверяли каждый шаг каждого участника.

Но даже они, представители Самого Высокого Самого Верховного Главнокомандования, не подозревали о существовании отдела № 113, где производили балдин — сверхмощный стимулятор лени. Стоил он неимоверно дорого: одна таблетка — средний реактивный бомбардировщик. Учёные и их ученики спешно искали возможность удешевить производство балдина. Кстати, Стрекоза должна была подбросить таблетки балдина в детские садики (одна таблетка на двадцать пять человек).

Скоро, скоро, очень скоро начнётся выполнение операции «Братцы-тунеядцы»! Генерал Шито-Крыто давно уже не спал, почти не ел, а проверял, проверял, проверял, не доверял, не доверял, не доверял, а на сердце было всё-таки ух как неспокойно.

Нюхом он чуял, что где-то вот тут, рядом с ним, —

предатель! Предатель крупный, хитрый, наглый, подлый — вроде него самого.

— Не верю я тебе, Лахит! — проорал, мучась подозрениями, генерал Шито-Крыто. — Ни капельки я тебе не верю, проныра ты несчастный!

— Было бы просто смешно, если бы вы мне верили, — любезно ответил офицер Лахит. — Вы бы тогда были не вы, а я был бы не я. Но вы есть вы, а я есть только я, и наша сила во взаимном недоверии. Предавать вас я пока и не собираюсь. Конечно, предать вас — это заманчиво, но уж очень опасно, шеф.

— Я подвешу тебя к потолку за левую ногу, если установлю факт предательства!

Офицер Лахит вынырнул из генеральского кабинета, пронырнул в свой кабинет. Здесь в кресле перед ним сидел незнакомец.

— Как вы сюда попали и кто вы такой? — прошипел офицер Лахит, вытащив пистолет.

— Если я проник сюда, — спокойно ответил незнакомец, — то, вероятно, знал, как проникнуть. Меня зовут Бокс-Мокс. Я привёз привет от Батона.

— Мерсибо. А как Стрекоза?

— Сидит в мешке.

— Прелестно. А что с этим мерзавцем ЫХ-три нуля?

— Понятия не имею. Вся диверсионная группа «Фрукты-овощи» находится под особой охраной, ждёт своей незавидной участи.

Офицер Лахит спрятал пистолет, сел за свой стол, долго разглядывал Бокса-Мокса, спросил настороженно:

— Что вас интересует?

— Сущий пустяк. План операции «Братцы-тунеядцы».

— Ха! — Офицер Лахит даже вскочил, но тут же сел обратно. — И это вы считаете пустяком? Да ещё сущим! О плане этой операции, к вашему сведению, знает только шеф.

— И вы.

— Откуда вам это известно?

— Неважно. Вы не ответили на мой вопрос.

— Что я буду иметь за, как вы выразились, сущий пустяк?

— Мне приказано не торговаться. Назовите сумму. Платим наличными в хорошей валюте.

— Вы деловой человек! — обрадовался офицер Лахит. — Но вам известно, что при допросах и наказаниях

генерал Шито-Крыто использует лишь один метод — подвешивание к потолку за левую ногу!

— Я не только деловой человек, — всё так же спокойно говорил Бокс-Мокс, — я крупный агент. А вы пугаете меня, как школьника. Шито-Крыто в ваших руках. Сделка со мной даёт вам реальнейшую возможность оставить его в дураках и в скором времени занять его место. Оформляйте меня на работу.

— Хорошо. Пишите. Вот бумага. Ручка.

— Что писать?

— Донос на меня.

— А в чём вас обвинять?

— Не имеет значения. В чём угодно.

Едва Бокс-Мокс успел настрочить донос, в кабинет ворвался весь багровый от возбуждения генерал Шито-Крыто и прохрипел:

— А это кто?!

— Я осмелился предложить вам свои услуги, господин генерал, — ответил Бокс-Мокс, вставая. — Во время последней большой войны я работал в девятом отделе у господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера фон Гадке.

— А после?

— Мне долго пришлось скрываться. Исколесил весь мир.

— Твой голос удивительно напоминает мне голос одного предателя, — сквозь зубы процедил генерал Шито-Крыто. — Ты знаешь, как я разделываюсь с предателями?

— За левую ногу к потолку. Если, конечно, поймаете.

— А ты убеждён, что от меня можно ускользнуть?

— Мне затруднительно ответить на ваш вопрос. Я не собираюсь ни предавать, ни ускользать.

— Бокс-Мокс — дельный человек, шеф, — сказал офицер Лахит. — Он уже успел написать на меня донос.

— Покажи.

Генерал Шито-Крыто взял из рук своего помощника лист бумаги, на котором было написано:

АНОНИМНЫЙ ДОНОС НА ОФИЦЕРА ЛАХИТА.

ОН СПОСОБЕН НА САМОЕ ГРАНДИОЗНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО. СЛИШКОМ ЛЮБИТ ДЕНЬГИ. РАДИ НИХ ГОТОВ НА ЛЮБУЮ ПОДЛОСТЬ. ЯВЛЯЯСЬ

ПРОНЫРОЙ, ОБМАНЫВАЕТ ВСЕХ. МЕТИТ В ГЕНЕРАЛЬСКОЕ КРЕСЛО. ЖДЁТ УДОБНОГО СЛУЧАЯ, ЧТОБЫ СЪЕСТЬ НАЧАЛЬСТВО.

— Какой же это донос? — усмехнулся генерал Шито-Крыто. — Это не донос, а чистая правда. Зарегистрируйте на всякий случай. Специальность?

— Универсал. Умею всё.

— Шеф, если моей рекомендации достаточно, — сказал офицер Лахит, — то зачислю его в штат.

— Плевал я на твои рекомендации. Проверь его. Как ты относишься к детям?

— Простите, господин генерал, но это странный вопрос для шпиона. Конечно, я их ненавижу.

— Хорошо, хорошо... — Генерал Шито-Крыто по-прежнему просверливал его взглядом. — А ты, случайно, не знаком с Фонди-Монди-Дунди-Пэком?

— Я много слышал о нём.

— Слава богу, его больше нет в живых! Лахит, обязательно проверь данные Бокса-Мокса у врача Супостата. Всё! — И генерал Шито-Крыто стремительно вышел из кабинета.

— Вы держались прекрасно! — Офицер Лахит облегчённо вздохнул. — С меня семь потов сошло. Как вы передадите мне деньги?

— Из рук в руки.

— Сегодня я покажу вас врачу Супостату, завтра...

— Никаких Супостатов, никаких завтра. Сейчас же выкладывайте смысл операции «Братцы-тунеядцы» и всё, что вы о ней знаете. Немедля!

— О, вас не надуть!

— А зачем вам меня надувать? Платим много и в хорошей валюте. Рассказывайте.

Всякое в своей трудной и подлой шпионской жизни слышал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. Но то, что он услышал от офицера Лахита, настолько поразило его, что он еле воздерживался от возмущённых восклицаний.

— Мы поставили своей целью испортить детей, — рассказывал офицер Лахит, — сделать их ужасно ленивыми. Мы будем их портить на каждом шагу. В деле испорчивания детей нет мелочей. Нам, к примеру, очень выгодно, чтобы ребёнок не чистил зубы. Поэтому мы забрасываем в вашу торговую сеть отвратительные зубные щётки и по-

трясающе противный зубной порошок. Дети перестанут чистить зубы. Зубы у них начнут болеть. А в стоматологические клиники мы зашлём врачей-рвачей. Они будут выдирать детям зубы с такой жестокой болью, что дети перестанут к ним обращаться. Будут жить с гнилыми зубами. От этого у них испортятся желудки. А из-за желудков сдадут нервы. А из-за нервов сдадут мозги. Ловко?

Операция «Братцы-тунеядцы» продумана самым тщательным образом. Незаметно, совсем незаметно мы будем развивать в детях злость, зависть, зазнайство, нечистоплотность, капризность и — главное, главное, главное! — лень.

Ведь лень — это наш друг номер один. Ваш ленивый ребёнок — наше будущее. Отказываясь, например, выполнять хотя бы маленькую просьбу родителей, ребёнок, сам того не замечая, помогает нам. А если сто, тысячи, сотни тысяч детей не выполнят просьб родителей — это уже наше достижение.

Основная наша надежда на самих детей. Один ленивец обязательно подготовит приятеля-тунеядца. И в итоге — целое поколение людей вырастет ленивым. С такими мы справимся не только без атомной бомбы, но даже без танков, авиации, артиллерии. Вам всё ясно?

— Нам всё ясно, — ответил Бокс-Мокс. — Потрясающе. Налейте мне вина. Я разволновался.

Офицер Лахит поставил на стол два бокала из тёмного стекла и отвернулся к шкафу за бутылкой. Бокс-Мокс бросил в один из бокалов таблетку балдина, взял оба бокала в руки. Когда вино было разлито, он протянул офицеру Лахиту бокал с растаявшей таблеткой балдина.

— Ваше здоровье, — сказал Бокс-Мокс, — вы смелый человек. С вами приятно иметь дело.

Выпив, офицер Лахит сел в кресло, проговорил:

— Надо ехать за денежками.

— Сейчас, только покурю.

Офицер Лахит широко зевнул.

— Пое... — Он снова зевнул. — Пое...

— ...хали! — договорил Бокс-Мокс. — Какой пароль для выхода? Какой пароль для выхода?

Он тряс, тряс, тряс уснувшего офицера Лахита и, убедившись, что это бесполезно, стал искать в стене потайную дверь. Ох, ни разу в жизни не нервничал так Фонди-Монди-Дунди-Пэк! Одну ошибку он уже совершил: не успел выведать пароль для выхода.

Найдя потайную дверь в стене, Бокс-Мокс взвалил офицера Лахита на себя, стащил его вниз по потайной лестнице, втащил в автомашину, посадил рядом с собой и, надев перчатки, чтобы не оставить отпечатки пальцев, взялся за руль.

Он рисковал всем, но иного выхода не было.

Но всё обошлось благополучно: огромные ворота открылись, едва автомашина приблизилась к ним, и часовые, едва взглянув на неё, откозыряли.

На аэродроме Бокс-Мокс сдал офицера Лахита кому следует, сел в машину и без происшествий вернулся обратно.

В кабинете он разыскал рацию и передал первое сообщение полковнику Егорову.

После этого Бокс-Мокс позволил себе передохнуть, не спеша выкурил сигарету, с грустью подумал, что сейчас ему придётся туго, снял телефонную трубку и доложил генералу Шито-Крыто:

— Вот я уже час одиннадцать минут сижу в кабинете и жду офицера Лахита. Не смею уйти, так как не получил разрешения. Что делать?

— Жди, болван! — был ответ.

Глава № 47
Новый пациент психоневропатолога М. Г. Азбарагуза

Несмотря на то, что психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз был очень занят работой в научно-исследовательском институте по борьбе с ленью, он сам лично лечил Толика Прутикова и лейтенанта Василькова.

Их лечили переливанием крови, чтобы постепенно заменить заражённую кровь здоровой.

Но больные поправлялись медленно: видимо, балдин проник в спинной и головной мозг.

Больные несколько дней жили на искусственном дыхании, потому что дышать им, как вы догадываетесь, было лень. Моисей Григорьевич научным путём добился, чтобы им стало лень задыхаться.

Затем была разрешена проблема питания и проблема того, что бывает после питания. Моисей Григорьевич

опять же научным путём добился, чтобы больным было лень быть голодными и т. д.

Лейтенант Васильков поправлялся значительно быстрее, потому что его организм был закалённее и выносливее и не предрасположен к лени. К тому же лейтенант Васильков обладал незаурядной силой воли и очень высоким самосознанием.

— Балдин — ужасно коварный препарат, — говорил полковнику Егорову Моисей Григорьевич. — По-видимому, в его основе кровь, взятая у очень ленивых людей или каких-то ленивых животных. Мои пациенты получили грандиозные дозы.

— Одна из задач вашего института — как можно скорее создать антибалдин, — сказал полковник Егоров. — У нас нет никакой гарантии, что уже в самое ближайшее время его не начнут применять. Сами понимаете, чем нам это грозит, если мы не будем готовы. Даже страшно подумать, что может произойти.

Скрипнула дверь, и раздался голос старшего санитара Тимофея Игнатьевича:

— Конечно, я вынужден очень извиниться. Виноват ведь я перед вами. По моей ведь вине болеет Толик Прутиков.

— Как?! Каким образом?!

— Помните, шпионы-то приходили? А я и не знал, что они шпионы. А внучка-то мне шоколадку сунула, чтобы я её больному передал. Я и передал. А потом запамятовал. А сегодня с большим стыдом вспомнил.

— Это очень важное сообщение! — обрадовался Моисей Григорьевич. — А то мы тут поломали голову. Скоро мальчик выздоровеет.

— Мне нужен лейтенант, — сказал полковник Егоров, — ему поручено привести в человеческий вид госпожу Стрекозу.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич заметил озабоченно, но осторожно:

— Мало мы всё-таки методов физического воздействия на организм применяем. Раньше, бывало, мой, ныне покойный, папаша как возьмёт в свои отцовские руки ремешок, так из моего детского организма не только лень, но и всякая болезнь улетучивалась.

— А ведь мысль... — неуверенно произнёс Моисей Григорьевич. —Мысль — не в смысле ремешка, а в смысле физического воздействия на организм. Если лень вызыва-

ет желание не двигаться или нежелание двигаться, то мы должны заставить организм совершать движения. Очень, очень, очень логично! Сегодня же разрабатываем научный комплекс принудительных движений.

— Желаю успехов! — сказал полковник Егоров и поехал в управление.

Не успел он войти в кабинет, как ему принесли сообщение от Бокса-Мокса. Полковник Егоров не поверил своим глазам: Фонди-Монди-Дунди-Пэк уже выполнил половину задания — добыл офицера Лахита. Но — как? Каким чудом он вытащил помощника генерала Шито-Крыто? Вытащил из самого центра «Гроба и молнии»!

Однако радовался полковник Егоров преждевременно, потому что сразу с аэродрома офицера Лахита пришлось везти к психоневропатологу Азбарагузу М. Г.

— Ещё один, — сказал полковник Егоров. — Тоже угостился балдином. Это важная птица. Придётся оставить здесь охрану. Вот его надо вылечить как можно скорее.

— Мне бы его доверили! — с большой завистью воскликнул старший санитар Тимофей Игнатьевич. — Я бы его без всяких научных методов вылечил. Раньше науки куда меньше было, а ничего, тоже людьми выросли. Я вот до старшего санитара дорос.

Никто не обратил на его слова внимания, и он обиделся самым серьёзным образом.

Офицеру Лахиту сделали переливание крови.

— Будь моя воля, — сказал полковник Егоров, — я бы этому типу всю свою кровь отдал, только бы его скорей вылечить!

— Я всё прекрасно сознаю, — ответил Моисей Григорьевич, — но не имею права рисковать. Для вас это важная птица, а для меня пациент.

Вернувшись в управление, полковник Егоров получил второе сообщение от Бокса-Мокса: задание выполнено. Значит, в руках у него балдин! Вот это работа!

Но в душе полковника Егорова возникло недоброе предчувствие. В подобных случаях говорят: на душе словно кошки скребут.

«Интересно всё-таки устроена жизнь, — думал он, шагая по кабинету. — Работал, работал, дело своё знал, а тут вдруг... дети, лень, балдин... крупнейший шпион сдаётся третьекласснику... Одна из самых коварных разведок мира задумывает совершенно чудовищную операцию, по-

добно которой не было в истории человечества... И как бы я ни старался, каждый шаг связан с огромным риском...»

Полковник Егоров подошёл к столу, ещё раз перечитал сообщение Бокса-Мокса и понял, откуда в душе возникло недоброе предчувствие: Фонди-Монди-Дунди-Пэк желал счастливых рыбалок... Видимо, мало у него надежд выбраться обратно.

И чем бы сейчас ни занимался полковник Егоров — а дел у него хватало, — из головы не выходила мысль о том, что бывший ЫХ-000 попал в очень большую беду.

Было, правда, маленькое утешение: по неизвестным причинам офицер Лахит выздоравливал с поразительной быстротой, чего не мог объяснить даже Моисей Григорьевич.

Глава № 48
Генерал Шито-Крыто не по своей воле принимает балдин

Бросив трубку на рычаг, генерал Шито-Крыто заскрипел зубами и приказал нечеловеческим голосом:

— Немедленно ко мне офицера Лахита! Немедленно! Ко мне! Душа из него вон!

Но в это время душа могла выйти вон из самого начальника «Гроба и молнии».

— Мракобесие! — вопил он. — Скотинство!.. Опять предательство!.. Опять заминка!.. Убьюю-уууу!

— Шеф, господина офицера Лахита нигде не обнаружено! Мы обыскали всю страну. Двадцать семь с половиной минут назад он вернулся в «Гроб и молнию» на своей машине, но сейчас его нигде нет.

— Ы-ы-ы-ы-о-о-о-ууууууу! — взревел генерал Шито-Крыто. — Предатель! Обормот! Надуватель! — Он бросился к стене, постучал о неё своей огромной, без единого волоска головой и закричал в микрофон: — Если не найдёте Лахита, всех расстреляю из пушки, всех! Всех зарежу! Задушу! Зажарю! За левую ногу к потолку присобачу! Гав-гав!

И от невероятнейшего приступа невероятнейшей злобы генерал Шито-Крыто грохнулся в обморок.

В кабинет вошёл Бокс-Мокс и в изумлении остановился. Странно было Боксу-Моксу, а тем более ЫХ-000 и Фонди-Монди-Дунди-Пэку видеть такого типа, как генерал Шито-Крыто, в бездействии. Сколько помнил его агент, генерал даже тогда, когда был всего-навсего сержантом, всегда отличался неимоверной работоспособностью. Редко встречался человек, которому удавалось застать Шито-Крыто отдыхающим или спящим.

А тут генерал свесил свою огромную, без единого волоска голову набок, похрапывал, посапывал, посвистывал — ну совсем как обыкновенный человек!

Но вот генерал Шито-Крыто дёрнулся один раз, дёрнулся второй раз, издал звук, похожий на хрюканье, положил руки на стол и зашевелил бровями, пытаясь открыть глаза.

Когда он открыл глаза, Бокс-Мокс протягивал ему стакан воды и приговаривал:

— Выпейте, пройдёт. Выпейте, поймают. Выпейте, пройдёт. Выпейте, поймают.

Генерал Шито-Крыто, опираясь на Бокса-Мокса, с трудом поднялся, выпил воду и заговорил усталым голосом:

— Я всегда подозревал, что этот проныра предаст меня. Он всегда врал, что не умеет водить машину. Предатель... обормот... надуватель... Куда он мог деться? Куда? — Он то багровел, то зеленел, два раза подряд посинел. Зевок перекосил его рот. — Что это?.. Срочно... телефо-о-о-о-он... — Он опять зевнул шире прежнего. — Балдин... сто тринадцатый отдел... кого-нибудь... как-нибудь... что-нибудь... это же лень... все пре... все... да... все те... все ли... у-у-у—...— Генерал Шито-Крыто попытался приподняться, но, сморённый ленью, захрапел.

Бокс-Мокс передохнул облегчённо, снял телефонную трубку, вызвал сто тринадцатый отдел, сказал:

— Срочно к шефу все запасы балдина и все инструкции по изготовлению. Срочно.

Чтобы проверить степень воздействия балдина на организм начальника «Гроба и молнии», Бокс-Мокс подразнил его:

— Дурак ты, дурачок, Шито-Крыто. Бездарная ты личность, Шито-Крыто. Болван ты неотёсанный, господин генерал.

В ответ раздался мощный, похожий на рёв сирены храп.

Глава № 79

Старший санитар Тимофей Игнатьевич применяет метод физического воздействия на организм офицера Лахита

Поразительная быстрота, с которой выздоравливал офицер Лахит, объяснялась тем, что старший санитар Тимофей Игнатьевич втайне от охраны и медицинского персонала применял метод воздействия на заднюю поверхность организма.

Он, то есть старший санитар Тимофей Игнатьевич, брал ремень, проникал в палату и производил, как он выражался, профилактическую санитарную обработку пациента.

Пациенту, естественно, было больно, и он, естественно, пытался вырваться, прыгал, скакал, а движения, тем более резкие, — одно из средств борьбы с ленью.

Вот и получалось, что комплексное использование обыкновенного ремня с научными методами давало наибольший эффект.

Однако первым из троих, заражённых балдином, поправился лейтенант Васильков. В одно прекрасное утро он проснулся, полежал ещё немного не двигаясь, потом встал и сам себе шепнул:

— Кажется, я чем-то был болен.

— Дорогой мой Юрочка! — растроганно воскликнул Моисей Григорьевич, увидев его сидящим на постели. — Вы первый, кого я вылечил от заболевания ленью, вызванного введением в кровь препарата балдина!

— А что это такое?

— Со временем узнаете.

На другой день выздоровел офицер Лахит. Произошло это следующим образом.

Не надо забывать, что по специальности офицер Лахит был проныра. И едва только его сознание стало к нему возвращаться, он сразу начал хитрить. Он уже кое-что понимал, но вида не показывал. Сквозь огромную лень всё настойчивее в голову пробивалась мысль о какой-то опасности.

Офицер Лахит очень боялся старшего санитара Тимофея Игнатьевича, и это ощущение явилось как бы первым

шагом к выздоровлению. С каждым сеансом профилактической санитарной обработки задней поверхности организма офицер Лахит всё больше приходил в себя. И однажды он дал старшему санитару Тимофею Игнатьевичу такую сдачу, что тот бухнулся на пол без памяти, а от сильного и резкого движения из больного организма помощника начальника «Гроба и молнии» выскочили остатки лени.

Хорошо ещё, что тут же подоспела охрана.

И хотя старший санитар Тимофей Игнатьевич применял ненаучный метод лечения пациента, он, пациент, выздоровел, а сторонник метода физического воздействия на организм с этого дня гордо именовал себя жертвой науки.

Моисей Григорьевич сразу догадался о том, как в действительности протекал курс лечения, но всё-таки радовался. Вполне может быть, что старший санитар Тимофей Игнатьевич сделал какой-то маленький вкладыш в науку, хотя и ненаучным путём.

Но ведь был ещё один больной, лечение которого пока не давало никаких результатов.

Беда-то заключалась в том, что лень у каждого своя! Предположим, если грипп там или ревматизм (или насморк хотя бы) имеют какие-то одинаковые признаки и требуют примерно одинаковых методов лечения, то лень-матушка, повторяю, у каждого своя. И к каждому лентяю надо найти, как говорят специалисты, индивидуальный подход и методы лечения. Ленивую Тамару надо лечить несколько иначе, чем, к примеру, ленивого Алёшу.

Когда-нибудь, со временем, наука, конечно, добьётся успеха в борьбе с ленью. Но ведь пока она этого добивается, может произойти масса неприятнейших событий. Например, вот вы, держащий данную книжку в руках и читающий эти строки, возьмёте да и станете, на горе всем родным и близким, тунеядцем! Видите, какое серьёзное создалось положение...

В организме Толика Прутикова образовалось два вида лени: одна — его собственная, и вторая — которая развивалась под действием балдина. Моисей Григорьевич старался вернуть мальчику вкус к пище, осознанное удовольствие двигаться. Этим да ещё многочисленным вливанием крови людей энергичных и деятельных предполагалось удалить из детского организма оба вида лени.

Утром санитары с трудом будили мальчика и несли его под холодный душ.

Затем Толика сажали в специальное кресло для корм-

ления, в так называемое кормокресло. Руки вставлялись в зажимы, под подбородком укреплялось жевательное устройство. Включался мотор, и аппарат заставлял Толика брать пищу, класть её в рот, жевать. На мгновение через горло мальчика пропускался ток высокого напряжения, вызывал короткую спазму — пища проглатывалась.

Таким образом удалось избавиться от применения искусственного питания.

После завтрака Толика сажали на специальный велосипед или в специальную лодку, и аппараты заставляли мальчика крутить педали или грести.

Увы, увы, всё это пока не давало никаких положительных результатов!

Глава № 50
Фон Гадке спасается от почётной спиртизации и убегает от солдат из охраны Центрхапштаба

Вечером господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера фон Гадке привезли на площадь перед шпионской школой, чтобы подвергнуть почётной спиртизации.

Здесь на гранитном пьедестале стояла стеклянная банка, наполненная спиртом и закрытая притёртой пробкой.

По инструкции фон Гадке должен был выпить три литра спирта и забраться в банку. Но конвоиры — два солдата и офицер — стали пить сами, словно им предстояла почётная спиртизация.

«Вот я и закончил свой жизненный путь, — с очень большой грустью подумал фон Гадке. — Завтра здесь будет стоять почётный караул. Молодые шпионы, проходя мимо, будут кричать мне «Майль!». А ответить им я уже не смогу. Конечно, это почётно, но глупо и несправедливо. Я не хочу уходить на тот свет с пустыми руками! Я должен сделать человечеству большую пакость! У меня отобрали гавриков, но я могу достать самолёт и бомбу и шарахнуть её куда следует!»

И фон Гадке улизнул от своих захмелевших конвоиров.

Сделал он это просто: забежал в здание, влез в отвер-

стие мусоропровода и полетел вниз. Надо было придумать, что же делать дальше, но фон Гадке не успел ничего сообразить, как внизу загремело, заскрежетало, и он оказался в кузове автомашины.

Долгое получилось путешествие. Через каждые несколько минут машина останавливалась, открывался кузов, и на фон Гадке обрушивалась груда мусора. И каждый раз он упрямо выкарабкивался наверх.

Наконец кузов был заполнен до предела, и машина помчалась дальше. Эх, надо выжить во что бы то ни стало! Назло барону Барану, назло всему Центрхапштабу, назло всему человечеству! Фон Гадке даже сейчас, в обстановке, как он выразился, позорной мусоризации, не собирался отправляться на тот свет, хе-хе, с пустыми руками. Он ещё прихватит с собой несколько миллионов человек! Ради этого он готов перенести самые жестокие испытания.

Выжить, выжить, выжить, выжить, выжить, чтобы не дать жить другим!

Кузов раскрылся, опрокинулся, и фон Гадке полетел в огромную железную коробку — бункер, и на него обрушились горы мусора из нескольких машин сразу. Едва ему удавалось выбраться наверх, как очередная группа автомашин снова засыпала его.

И, выбиваясь из сил, фон Гадке снова выбрался на поверхность. Ни на одно мгновение в его покрытую шишками, ранами и ссадинами головку не проникла мысль о том, что он зря старается. Нет, нет, он действовал и действовал, потому что впереди у него была главная цель: выжить, чтобы сделать человечеству пакость.

Бункер всё наполнялся и наполнялся. Когда до края стенки, за который можно было ухватиться, осталось метра полтора, загудел мощный мотор — включили пресс.

— Прекратите! — не своим голосом завопил фон Гадке, но сам не услышал своего голоса. — Выключите мотор, а то человека раздавите!

Плита пресса над его головкой стала медленно опускаться.

Ах, какой ужас! Какое глупое безобразие!

Фон Гадке подпрыгивал, подпрыгивал, подпрыгивал, никак не мог ухватиться за край бункера и верещал.

Плита пресса опускалась всё ниже и ниже.

Тогда фон Гадке начал готовиться к последней попытке спастись. Он передохнул, присел, собрал все силёнки,

подпрыгнул, ухватился за край бункера и через три мгновения был уже на земле.

Спасён! Жив! Майль!

На четвереньках он помчался к воротам. Было темновато, проскочить мимо дремавшего сторожа не стоило труда.

— Кыш, кыш! — сквозь сон равнодушно крикнул сторож, полагая, что в ворота прошмыгнула кошка.

За воротами фон Гадке выпрямился во весь ростик и побежал по обочине шоссе. Ножки у него подкашивались, он спотыкался на каждом шагу и наконец упал, больно ушибив коленки и содрав кожу на ладошках.

Сразу встать не удалось. Он бы с удовольствием уснул прямо вот тут. Увы, нельзя! Времени у него в обрез. Ещё неизвестно, что сейчас происходит в Центрхапштабе. Вполне возможно, что там объявлена полнейшая наибоевейшая тревога для поимки фон Гадке.

Очень огромным усилием воли он заставил себя подняться и побрёл, еле-еле переставляя ножки. Оба сапожка и остатки перчаточек от грязи были уже одинакового цвета — чёрные. Мундирчик и галифе — в лохмотьях, все в пятнах и мусоре. Панамка потерялась.

Конечно, появляться в таком виде в городе опасно: поймают тут же. Задержит первый же полисмен, и попробуй докажи, что ты знаменитая личность, которую незаслуженно хотели подвергнуть сначала почётной спиртизации, а затем она, личность, еле спаслась от позорной мусоризации.

Совсем стемнело. Силёнок у фон Гадке почти не оставалось, но отчаяние и сознание безвыходности придали ему наглость, а наглость, как известно, на некоторое время способна заменить силёнки.

Но страшнее всего были муки голода. Большую часть организмика фон Гадке занимал пищеварительный аппарат, и сейчас он трррребовал еды!

Дорога пошла под уклон, и фон Гадке побежал, вернее, его побежало, понесло. Но вот спуск окончился, фон Гадке остановился, покачнулся, попятился и упал, запутавшись в своих двух ножках.

Лежал он на спинке, раскинув ручки, и упрямо думал, превозмогая очень острые боли в пищеварительном аппарате: «Всё равно не умру. Всё равно выживу. Я должен сделать человечеству большую пакость. Пусть меня ли-

шили счастья бороться с детьми. Я достану самолёт с бомбой и шарахну её куда следует».

И он продолжал путь на четвереньках!

Майн бог, как тяжко! Галифе на коленках протёрлось, и казалось, что он прикасается к асфальту косточками. Окровавленные ладошки горели.

Откуда он брал силёнки?!

У самого своего фонгадского сердчишка хранил он, хотя и знал на память, берёг, как бесценное сокровище, карту мира, на которой были с военной точностью обозначены места наибольшего скопления детей. «Подождите у меня, малюточки-деточки... бомбочку достану я для вас, чтоб вам...»

Преодолев подъём, фон Гадке встал на дрожащие ножки и опять продолжал двигаться вперёд, поражаясь после каждого шажка тому, что не упал. Временами он терял сознание, но, очнувшись, с гордостью и радостью обнаруживал, что идёт, идёт, идёт, идёт... А потом он полетит, полетит, полетит, полетит... нажмет рычаг, и огромная бомба помчится к цели... Ах, как замечательно! Многомного детей погибнет...

Его совиные глаза уже видели впереди огни города. Сколько там еды! Пищи сколько! Очень острые боли в пищеварительном аппарате стали просто невыносимыми. Больше всего фон Гадке боялся, как бы он машинально не начал есть сам себя.

Рассудок у него помутился. Ножки переставлялись сами собой. Ручки сами собой размахивали. Шагал он военным шагом. Совиные глаза уже ничего не видели. Острейший нос ничего не вынюхивал. Широченный рот был широко раскрыт. Пищеварительный аппарат работал вхолостую, жадно и больно перегоняя большие количества воздуха.

Фон Гадке шагал по городу. Прохожие в страхе и брезгливости уступали ему дорогу.

Организмик фон Гадке вёл своего владельца на запах съестного. Пахло любимым шпионским блюдом — сосисками с кислой тушёной капустой.

Ножки заработали быстро-быстро, ручки замахали чаще-чаще. Широченный рот раскрылся ещё шире. Пищеварительный аппарат замер, приготовившись к большой работе.

Очнувшись, фон Гадке увидел огромный плакат:

ГОСПОДИН ОБЕРФОБЕРГОГЕРДРАМХАМШНАПСФЮРЕР ФОН ГАДКЕ ПОДВЕРГНУТ

ПОЧЁТНОЙ СПИРТИЗАЦИИ!

Благодарные потомки-подонки будут помнить о нём несколько десятков лет!

Оказалось, что он попал в шпионский ресторан «Руки хох!», где собрались старые шпионы на вечер, посвящённый чёрной памяти знаменитого фон Гадке. Он, никем не замеченный, прошёл к свободному столику, на котором высилась груда сосисок с кислой тушёной капустой. Ручки его начали быстро-быстро-быстро-быстро складывать еду в широко раскрытый широченный рот.

Вокруг раздавалось громкое чавканье, а сквозь него голос:

— Из всех нас он был самый шпионистый шпион, большой мастер немаленьких подлостей. Он принёс людям столько горя, сколько не смогли принести все мы, вместе взятые. Жаль только, что он подвёргся почётной спиртизации, не успев свершить главного дела своей жизни. Он ушёл на тот свет с пустыми руками. Несколько десятков лет Дядя Съем будет для шпионов положительным примером. Майль!

— Фиг майль! Фиг майль! Фиг майль! — хором ответили старые шпионы.

Проглотив к этому моменту все сосиски и всю кислую тушёную капусту и облизав блюдо, фон Гадке бодро крикнул:

— Я жив! Я не заспиртовался! Сам майн бог привёл меня сюда! Я против почётной спиртизации раньше времени! Я не могу больше ждать, когда наконец начнётся новая большая война! Дайте мне самолёт с большой бомбой, и я шарахну её куда следует! Майль!

— Фи-и-иг... ма-а-а-а-айль... — нестройным, негромким и неуверенным хором отозвались старые шпионы.

— Бомбу! Самолёт! Самолёт! Бомбу! Шарахну! — И фон Гадке принялся за новую груду сосисок с кислой тушёной капустой. — Мир давно не вздрагивал от огромного страха! А я — его — вздрогну!

Сквозь громкое чавканье послышались негромкие голоса:

— Скандал... мировая общественность... последствия... всё ему одному... ответственность...

— Я беру ответственность на себя! — крикнул фон Гадке. — Общественность я тоже беру, хе-хе, на себя! Последствия я тоже беру на себя! Помогите мне достать бомбу и самолёт! И я — ух! Майль!

Ответом ему было только громкое чавканье.

Самый старый шпион сказал:

— Если ты избежал почётной спиртизации, значит, ты не выполнил приказа командования. Ты предатель.

— Ты предатель! Ты предатель! Ты предатель! — радостно повторили старые шпионы.

Фон Гадке уже разделался с третьей грудой сосисок, сглотал всю кислую тушёную капусту и яростно заговорил, чувствуя, что к нему вернулись все силёнки и ещё новых прибавилось:

— Это вопрос, кто предатель! А вы жалкие трусы, это уж точно! Бездельники и тунеядцы! Как вы можете спокойно есть сосиски с кислой тушёной капустой, когда в мире ещё смеются дети?! Скоро они подрастут и дадут нам жизни! Нельзя ждать, когда они подрастут и поумнеют! Дайте мне, дайте мне самолёт с бомбой, и я ахну её куда следует!

— Ты не выполнил приказа Центрхапштаба, — упрямо сказал самый старый шпион. — Ты должен храниться в банке со спиртом. Там в честь тебя стоит почётный караул из молодых кадров. А ты живой. Позор с безобразием! Живой ты больше никому не нужен.

— Хорошо, хорошо, очень гут! — рявкнул фон Гадке. — Не хотите мне помочь, не надо! Я сам достану самолёт с бомбой! Вы обо мне ещё услышите! Сосисочники вы несчастные! Капустники вы старые!

В дверях показались солдаты из охраны Центрхапштаба. Они расступились, и в зал вбежал барон Баран, закричал:

— Взять его!

Фон Гадке очень ловко выпрыгнул в окно.

Глава № 51
Офицер Лахит торгуется и около восьми часов рассказывает об операции «Братцы-тунеядцы»

— Поздравляю с полным выздоровлением, — сказал офицеру Лахиту полковник Егоров, — рассказывайте, что вы знаете о пребывании нашего агента Бокса-Мокса в «Гробе и молнии» и как ему удалось отправить вас к нам?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил офицер Лахит, судорожно обдумывая, как бы ему выкрутиться из этой в высшей степени неприятной истории. — Я выдал ему план операции «Братцы-тунеядцы», не полностью, правда, мы договорились об оплате, выпили по бокалу лёгкого вина, я захотел спать и больше ничегошеньки не помню. А если Бокс-Мокс не вернулся, значит, его уже подвесили к потолку за левую ногу.

— Сомневаюсь, — твёрдо сказал полковник Егоров. — Его не так легко разоблачить. Чтобы между нами не было недоразумений, чтобы не тянуть время, знайте, что Бокс-Мокс — это Фонди-Монди-Дунди-Пэк, бывший ЫХ-три нуля.

— Эт...то непостижимо! — заикаясь, воскликнул офицер Лахит. — Эт...то невероятно! Недаром шефу его голос показался знакомым. Какая проницательность!

— Итак, не будем тратить время на уговоры. У нас находятся, как вам известно, Стрекоза и Муравей, вся диверсионная группа «Фрукты-овощи». Теперь к этой коллекции добавились и вы.

— А на что я могу рассчитывать? — испуганно, но деловито спросил офицер Лахит. — Свобода? Деньги?

— Ни свободы, ни денег вы не получите. У вас есть возможность лишь смягчить свою участь.

— Но мне уже обещали заплатить! Слово надо держать! Меня ещё никогда так подло не обманывали! В конце концов, это просто глупо — быть бесплатным предателем. Надо мной будет дико хохотать весь шпионский мир. Вы мне обязаны запла...

— Вы участник подлого и грязного дела, — перебил полковник Егоров. — Спасайте себе жизнь, а не торгуйтесь. Рассказывайте об операции «Братцы-тунеядцы».

— Это насилие, но я сдаюсь, — обиженно произнёс офицер Лахит и, вздохнув, начал рассказывать.

Надо сразу сказать, что с первых же слов, произнесённых офицером Лахитом, наступила такая тишина, что если бы в помещении была хотя бы одна муха, то все бы услышали, когда бы она полетела.

Жуткая стояла тишина, несмотря на то, что в кабинете собралось много людей.

И если бы существовало слово ж у т ч е, я бы написал, что с каждым словом офицера Лахита тишина ж у т ч е л а...

Говорил он шесть часов восемь минут, а если учесть, что часто приходилось прибегать к услугам переводчика, то рассказ длился около восьми часов.

— Незаурядная гениальность генерала Шито-Крыто, — так заканчивал он, — заключается в том, что в плане операции «Братцы-тунеядцы» удачно сочетаются самые разнообразные способы испорчивания детей. Их, этих способов, в плане более четырёхсот семидесяти. Бороться против нашей операции бессмысленно. Она неуязвима. Какой ребёнок, например, поймёт, что, перестав мыть руки перед едой, он действует нам на руку? А у какого ученика, скажите на милость, хватит ума догадаться, что мы всячески добиваемся, чтобы он стал двоечником или хотя бы троечником? И уж никакая сверхзаботливая бабушка не узнает, что, балуя внука, она фактически выполняет задание шпионской организации «Гроб и молния».

Мы незаметно научим ваших детей не уважать старших, обижать младших, слоняться целыми днями без дела, мучить кошек и собак, стрелять птиц из рогаток, ездить зайцами на всех видах городского транспорта, ковырять в носу большим пальцем и так далее и тому подобное. Дети примерно уже знают, чего мы от них требуем. Задача наша и способы её реализации настолько просты и естественны, что никто ничего и не заметит, — хвастливо продолжал рассказывать офицер Лахит. — Даже если вы развернёте самую широкую пропаганду, углубите разъяснительную работу, призовёте на помощь все виды искусства, всех лекторов... Короче говоря, что бы вы ни предприняли, победа за нами. Поймите это и не суетитесь. Отпустите меня и подумайте о себе. Дети ваши, внуки и внучки, считайте, уже погибли. Сматывайтесь от них, пока они не бросились на вас. Спасайте себя! — С огромным удовлетворением оглядев присутствующих, офицер Лахит са-

модовольно и громко высморкался и возобновил свою речь: — Наша сила в том, что мы ничего не требуем от ребёнка. Делай всё, что хочешь. А что хочет делать нормальный ребёнок? Хулиганить, пакостить, никого не слушаться, дразниться и так далее и тому подобное, всем известное. Вы говорите в таких случаях ребёнку: ай-я-яй. Мы говорим: молодец! И ребёнок пойдёт за нами, а не за вами. Дети хотят делать глупости. И мы разрешаем им это.

Операция «Братцы-тунеядцы» продиктована такой ненавистью к мальчишкам и девчонкам, что в мире не найдётся столько любви, чтобы спасти их от нас. Наша операция — плод огромной работы учёных, врачей, педагогов, военных и прочих, прочих очень крупных специалистов. Она будет выполнена во что бы то ни стало. Мы убеждены, что детям с их детским умом не устоять против соблазна вырасти тунеядцами и тунеядками. Мы абсолютно убеждены, что каждый ребёнок — в душе лодырь. Мы поможем ему в этом важном для нас деле — полностью раскрыть свою ленивость. Поможет нам и то, что ещё никто в мире, за редким исключением, толком не представляет подлинного значения детей. Тем более не подозревают об этом сами дети. Неоценимую услугу окажет нам и человеческое невежество, заключающееся, в частности, в том, что человечество недооценивает опасности, которую несёт лень. Мы первыми взяли её на вооружение. Всё.

— А у вас у самого есть дети? — спросил полковник Егоров.

— Что вы?! Что вы?! — Офицер Лахит весь брезгливо передёрнулся. — Мы их не перевариваем. У нашего шпионского гимна припев такой:

Мы мальчишек и девчонок
Изуродуем с пелёнок!
Уничтожим всех детей,
Жить нам станет веселей!

— Моим бы оболтусам это послушать, — шепнул полковнику Егорову седой майор. — Избалованы так, что уже сейчас сойдут за иностранных агентов.

— Давно вы начали производство балдина?

— Об этом я мало что знаю, — ответил офицер Лахит. — Его производство находится в страшной тайне. Пока он стоит невероятно дорого. — Он оглядел присутствующих, усмехнулся высокомерно и закончил свою речь тоном приказа: — Я рассчитываю на то, что меня поняли правильно.

Когда его увели, полковник Егоров сказал:

— Мы всегда знали, товарищи, что враг не дремлет. Мы всегда знали, что враг жесток и коварен. Но каждый раз поражались его жестокости и коварству. Вот как сейчас. Медлить нельзя. Нам предстоит работа невиданной трудности. Наши дети в опасности.

Глава № 52
Бокс-Мокс идёт на рискованнейший шаг и попадает в ещё более безвыходное положение

Положение Бокса-Мокса было крайне опасным и безвыходным. До тех пор, пока генерал Шито-Крыто не вылечится, бывшему ЫХ-000 ничего не грозило, кроме встречи с врачом Супостатом.

За эти дни Бокс-Мокс ловко пользовался балдином, и более трёх десятков сотрудников обленились и храпели прямо в своих служебных креслах.

Врачи, как говорится, в поте лица уже не переливали, а прямо-таки перекачивали кровь больным ленью. Самому генералу Шито-Крыто кровь перекачивали уже восемь раз.

Никого в общем-то не беспокоило бесследное исчезновение офицера Лахита, но всех ужасало, что будет со всеми, когда выздоровеет начальство.

Начальство же пока ещё только мычало.

Какое-то время в такой обстановке Бокс-Мокс не вызывал особых подозрений, потому что под подозрением находились все.

Однако с каждым днём, а точнее, с каждым часом, он чувствовал на себе всё более подозрительные взгляды. Он догадывался: сотрудники выбирали, кого бы подсунуть генералу Шито-Крыто на расправу под горячую руку.

Боясь встречи с врачом Супостатом, своим бывшим приятелем, бывший ЫХ-000 прятался в укромных местах, лишь изредка делая рискованные попытки добраться до рации, чтобы передать полковнику Егорову сведения о балдине. До рации ему добраться не удавалось, пароля на выход он не знал, и узнать его было нельзя: сотрудники боялись разговаривать друг с другом.

Надо было что-нибудь да предпринимать! Как только генерал Шито-Крыто окончательно придёт в себя, он сразу вспомнит, кто подал ему стакан воды. Затем ему станет известно, что запасы балдина и инструкции по его производству украдены. И висеть Боксу-Моксу на левой ноге под потолком!

Обдумав своё безвыходное положение, наверное, в тысячный раз, Бокс-Мокс принял рискованнейшее, но единственно возможное решение. Он очень твёрдым шагом направился в госпиталь, разыскал кабинет «Ухо, глаз, нос и вся физиономия в целом» и вошёл.

За столом сидел толстенный врач Супостат. Он спросил своим толстым голосом:

— Чего надо?

— Начальника, — ответил Бокс-Мокс, внимательно следя за выражением его лица.

— Я начальник. Чего надо?

— Перед своим бесследным исчезновением господин офицер Лахит начал оформлять меня на работу в штат.

— В штат или штаб?

— В штат штаба. Присутствовавший при этом генерал Шито-Крыто имел со мной разговор, в котором назначил меня на пластическую операцию лица типа шестнадцать бис. А что мне сейчас делать? Уйти я не могу, не знаю пароля на выход. А быть в бездействии, когда все работают, стыдно.

— Руки вверх! — скомандовал врач Супостат, выхватив пистолет. — Приветик, Фонди-Монди-Дунди-Пэк! Приветик, ЫХ-три нуля! Руки вверх, говорю!

— Я ничего не понимаю, — спокойно сказал Бокс-Мокс, — на каком языке вы разговариваете?

— Разговаривать с тобой будет шеф. — И врач Супостат ловко защёлкнул на руках Бокса-Мокса наручники, тем более, что он не сопротивлялся. — Вот так. Садись. Гы-гы-гы, будь как дома. Я всегда поражался твоей наглости, но на сей раз она граничит с безумием. Отчего тебе взбрело в голову показаться мне? Я ведь столько раз перекраивал твою подлую физиономию, что знаю наизусть все её варианты. А голос? А руки? А бородавка на левом ухе? А принести тебе отпечатки твоих пальцев, например, с правой ноги?

После всего услышанного притворяться не имело смысла, и Фонди-Монди-Дунди-Пэк ответил:

— Сейчас я работаю на самого себя. Решил на старо-

сти лет пожить нормальным человеком. Рыбку половить, к примеру, на так называемой утренней и так называемой вечерней зорьках.

— Чисто медицинский вопрос: с мозгами у тебя в порядке?

— Как никогда.

— Почему же я ничего не понимаю? — удивился врач Супостат. — Похоже, что ты заговариваешься. Бред какой-то. Или тебе много платят? Сколько ты заработал на том, что выдал «Фрукты-овощи»?

— Две рыбалки.

— Ты зря разыгрываешь меня! — рассвирепел врач Супостат. — Дружба дружбой, а шпионская служба шпионской службой! Ты в моих руках, не забывай!

— Я в твоих наручниках, — весело поправил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — А пришёл я к тебе потому, что надеюсь договориться. Мне надо выбраться отсюда, пока не выздоровел Шито-Крыто.

— Меня душит смех. Гы-гы-гы!

— Зря гыгыкаешь. Здесь ты за меня ничего не получишь, тем более я сумею подвести тебя. Заявлю, что был с тобой в сговоре, что это ты пустил меня сюда!.. Ну? Где твои «гы-гы-гы»?

— Тебе не поверят! — в страшном ужасе завопил врач Супостат.

— Ещё как поверят! Даже разбираться не будут! Раньше меня на левой ноге под потолком повиснешь!.. А я тебе заплачу — из рук в руки — в хорошей валюте сорок тысяч.

— А где я получу деньги? Когда?

— У меня. Сразу, как только я выберусь отсюда.

— Эх, Фонди, Фонди! Эх, Монди, Монди! Эх, Дунди, Дунди! Пэк ты Пэк! Разве я могу тебе, понимаешь, тебе поверить? Это же, гы-гы-гы, смешно!

— Сорок тысяч в хорошей валюте. Из рук в руки. Ты ничем не рискуешь. Я имел дело только с Лахитом и генералом. Меня здесь никто не знает. Я нигде не числюсь.

— Ох, боюсь! Ух, боюсь! Ах, боюсь!

Но Фонди-Монди-Дунди-Пэк прекрасно знал шпионскую натуру вообще и врача Супостата в частности и спокойно смотрел, как страдает его бывший приятель, потом сказал:

— Ты ведь боишься только того, что не получишь деньги. А ты не бойся. Сними-ка с меня наручники и дай мне закурить. Мерсибо. Ты стал плохо соображать.

— Измотался. Устал. Все трясутся от страха. И я трясусь. А твои деньги спасли бы меня. Подал бы я в отставку и смотался бы куда-нибудь подальше.

— Соображай быстрее! — уже нервно сказал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Генерал может выздороветь в любой момент, и тогда плакали твои сорок тысяч в хорошей валюте.

— Мои?!

— Твои. Ведь если очнётся генерал, ни тебе, ни мне не выбраться отсюда живьём! Соображай! Сорок тысяч в хорошей валюте! Думай! Да побыстрее!

— У меня никуда не годные нервы, — чуть не плача, пожаловался врач Супостат. — У меня голова работает с перебоями!

— Можешь узнать пароль на выход отсюда?

— Это трудно. Его часто меняют. А сами мы выходим по пропускам... Как ты сказал? Сорок тысяч в хорошей валюте? Сорок тысяч в хорошей валюте! Я буду думать! Я обязательно что-нибудь приду...

— Всем, всем, всем! — загремел из радиодинамика голос генерала Шито-Крыто. — Всем оставаться на своих местах! Под страхом смертной казни через подвешивание к потолку за левую ногу не шевелиться, не двигаться, не разговаривать, не сводить друг с друга глаз! Среди нас предатель! Сверхспецразведка, приступить к обыску!

Фонди-Монди-Дунди-Пэк спокойно курил, а врач Супостат смотрел на него вытаращенными от страшного ужаса глазами и толстыми губами бормотал:

— Сорок тысяч в хорошей валюте...
сорок тысяч в
хорошей
валю
те...

КОНЕЦ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ,
последняя из написанных лично автором и названная им коротко «ПЕРЕД ФИНАЛОМ»

Глава № 53
Начало разъяснительной работы по пропаганде задач научной регистрации ленивых и склонных к лени детей

В городе была объявлена сугубо научная и в достаточной степени добровольная регистрация ленивых и склонных к лени детей.

С утра в научно-исследовательском институте по борьбе с ленью (НИИПОБОСЛ) и в городском комитете по работе с ленивыми детьми толпились

обеспокоенные,
НАПУГАННЫЕ,
ВЗВОЛНОВАННЫЕ,
разгневанные,
возмущённые,
РАЗДРАЖЁННЫЕ,
ВЗВИНЧЕННЫЕ,
растерянные,
ошеломлённые,
РАССЕРЖЕННЫЕ,
заплаканные,

насторожённые,
безутешные,
раздосадованные,
оскорблённые,
пригорюнившиеся

бабушки и дедушки, папы и мамы не только ленивых и склонных к лени детей, но и вполне хороших мальчиков и девочек.

Все они чего-то испугались, будто всем им что-то грозило.

— Читайте внимательно наше объявление! Читайте внимательно наше объявление! — радостно и торжественно советовал им Моисей Григорьевич. — Сразу всем всё станет ясно! Все всё сразу поймёте!

Но никто ничего почти не понимал, хотя сотни глаз читали и перечитывали, сотни ушей слушали и слышали объявление, которое было расклеено по городу, передавалось по радио и телевидению, печаталось в газетах:

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПО БОРЬБЕ С ЛЕНЬЮ
(НИИПОБОСЛ)
ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ПО РАБОТЕ
С ЛЕНИВЫМИ ДЕТЬМИ
ГОРОДСКАЯ САНЭПИДЕМСТАНЦИЯ

о б ъ я в л я ю т

сугубо научную и в достаточной степени добровольную

РЕГИСТРАЦИЮ ЛЕНИВЫХ И СКЛОННЫХ К ЛЕНИ ДЕТЕЙ

Регистрация имеет целью выяснить точное количество ленивых и склонных к лени детей, чтобы работу по их перевоспитанию и возвращению к нормальной жизни провести в сжатые сроки.

Не зная количества ленивых и склонных к лени детей, наука не может правильно планировать свою работу с ними.

Помогите науке!

Зарегистрироваться ленивый или склонный к лени ре-

бёнок может сам или при помощи родителей или близких и даже дальних родственников.

Помните: если лодырь не захочет спасти самого себя сам, это должна сделать окружающая его среда!

ГРАЖДАНЕ! Регистрируйте своих и чужих ленивых и склонных к лени детей! Спасите их!

Превратим юных тунеядцев и тунеядок в полноправных и полезных членов общества!

Сделаем наш город свободным от лодырей!

В день предполагаемого начала регистрации город украсился лозунгами и плакатами:

«Поможем науке вскрыть корни детской лени! Вырвем эти корни! Все на регистрацию!»

«Трудолюбивый Петя за ленивого Васю в ответе!»

«А вы зарегистрировали своего ленивого внука или склонную к лени внучку?»

«Не укрывай лодыря от добровольной регистрации!»

«Кто куда, а я на регистрацию!»

Разъяснительной работе среди детского, взрослого, пожилого и престарелого населения был придан невиданный размах.

Но ещё ни один лентяй не зарегистрировался сам. Ещё ни один родитель не зарегистрировал ни одного ребёнка. Не проявили сознательности дальние и близкие родственники.

Многие бабушки и дедушки пытались дискредитировать саму идею научной регистрации, заявляя, что, дескать, вон сколько на белом свете прожили, а о таком и не слыхивали.

Было ясно: сугубо научная регистрация находится под угрозой полного провала, а это означало, что и борьба с ленью находится тоже под угрозой полного провала.

Казалось вполне естественным — растеряться в такой обстановке. Но Моисей Григорьевич не думал сдаваться или хотя бы отступить, он даже предчувствовал, что впереди ещё много трудностей и неудач.

— Ничего, ничего, ничего! — твердил он самому себе. — Если мы не спасём ленивых детей, никто их не спасёт!

Глава № 54
Врач Супостат прячет Фонди-Монди-Дунди-Пэка в свинцовый гроб, а генерал Шито-Крыто превращает этот гроб в лепёшку

Фонди-Монди-Дунди-Пэк спокойно курил, а врач Супостат смотрел на него вытаращенными от страшного ужаса глазами и толстыми губами бормотал:

— Сорок тысяч в хорошей валюте... сорок тысяч в хорошей валюте...

Из радиодинамика гремел голос генерала Шито-Крыто:

—Не сводить друг с друга глаз! Среди нас предатель! Никому не двигаться с места! Не шевелиться! Среди нас предатель!

— Что будем делать? — спросил Фонди-Монди-Дунди-Пэк.

— Не знаю, не знаю, не знаю, я ничего не знаю! — прошептал врач Супостат. — Я ничего не соображаю! Ведь предатель — это ты! Тебя ищет сверхспецразведка. Я обязан сообщить о тебе, чтобы ты погиб, а я остался жив-живёхонек!

— Если я погибну, ты не получишь сорок тысяч в хорошей валюте. Кроме того, если ты меня выдашь, я тебя тоже продам. Я умею это делать. Тебе не выкрутиться. Давай что-нибудь придумывай!

— Не могу, не могу, не могу! У меня не соображается! Соображай ты!

— Сиди спокойнее, — посоветовал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Придумай, куда меня спрятать. Остальное я беру на себя.

— Нам не обмануть сверхспецразведку! Она вот-вот будет здесь! Ах, если бы сорок тысяч в хорошей валюте

были с тобой, я бы спокойно выдал тебя и выполнил бы свой долг перед «Гробом и молнией»! — Толстый голос врача Супостата от ужасного страха и несусветной жадности стал тонким, почти писклявым. — Ты просто обманул меня! У тебя же не может быть таких денег!

— Деньги у меня есть, — невозмутимым тоном проговорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Спрячешь меня — получишь сорок тысяч в хорошей валюте. Не спрячешь — будешь висеть рядом со мной под потолком за левую ногу.

Врач Супостат выскочил из-за стола, нажал в стене кнопку, стена раздвинулась, и за ней оказался стол, а на столе большой свинцовый гроб. Врач Супостат нажал кнопку на столе, крышка приподнялась. Он шепнул:

— Залезай. Запас кислорода на четыре часа.

Фонди-Монди-Дунди-Пэк забрался в гроб, крышка опустилась, половинки стены соединились, врач Супостат выпил пол-литра валериановых капель и сел в кресло с таким видом, словно приготовился умереть.

В кабинет с тремя офицерами и пятью собаками из сверхспецразведки ворвался генерал Шито-Крыто, заорал:

— Где Бокс-Мокс? Где этот негодяй?

Если бы врач Супостат даже и захотел ответить, то не смог бы: со страху челюсти ему свело судорогой, он стоял как столб.

— Если через четырнадцать секунд не ответишь, висеть тебе под потолком за левую ногу! Считайте!

— Раз! Два! Три! — начал считать один из офицеров сверхспецразведки, и с каждой цифрой врач Супостат всё сильнее ощущал приближение своей смерти.

— Четырнадцать!

— Эоуыа... — еле шевеля сведёнными судорогой челюстями, выговорил он. — Ауые...

— Ну, ну!

Он глазами показал на кнопку в стене. Генерал Шито-Крыто ткнул пальцем, стена раздвинулась. Он сквозь зубы процедил:

— Попался, голубчик... нет, я тебя не подвешу за левую ногу к потолку... я тебя изрежу перочинным ножиком на мелкие-мелкие части и зажарю на подсолнечном масле... Отвечай, что ты успел сделать?

— Я оставил тебя в дураках, — раздался голос Фонди-Монди-Дунди-Пэка. — Ты не успеешь разрезать меня

перочинным ножиком на мелкие-мелкие кусочки. Ты лопнешь от дикой злобы.

Генерал Шито-Крыто с превеликим трудом удержался на ногах; он мгновенно побагровел, ещё мгновеннее посинел и, мигом став совершенно чёрным, прохрипел:

— Это ты взял балдин?

— Я. А офицер Лахит выдал план операции «Братцы-тунеядцы». А Стрекоза попалась.

Генерал Шито-Крыто побелел, зарычал и заколотил по гробу кулаками, сплющил его в лепёшку, сложил вдвое, ещё раз сплющил и заорал:

— Где правда? Где справедливость? — И его затрясла такая трясучка, что три офицера повисли на нём, но унять его не могли — долго тряслись вместе с ним, потом отлетели в стороны.

Собаки со страха залезли под стол вместе с врачом Супостатом.

— Ни совести, ни стыда ни у кого нет, — бормотал генерал Шито-Крыто, стараясь унять трясучку. — Все предатели... ни одного порядочного человека... негодяи... креста на вас нет... честности у вас ни на грош...

Это был бред. Уж если генерал Шито-Крыто заговорил о желании иметь рядом порядочных людей, значит, с головой у него было что-то не в порядке. Свихнулся генерал Шито-Крыто.

Врач Супостат вылез из-под стола и поставил в генеральскую голову несколько уколов.

— Где правда? — жалобно бормотал начальник «Гроба и молнии». — Где справедливость, Супостат? Я работал, я трудился... недосыпал... недоедал.. недопивал... а они... предатели... Где правда? А?

— Правды нет, шеф. Справедливости тоже. Сорока тысяч в хорошей валюте тоже нет.

— Какие сорок тысяч? Какая хорошая валюта?

— Эту сумму обещал мне расплющенный вами Бокс-Мокс, если я предам вас.

— И ты не предал?! — поразился генерал Шито-Крыто. — Что с тобой?

— Ни в коем случае... никогда... Я специально спрятал его в гроб, чтобы он не убежал. Вы знаете, кто такой был Бокс-Мокс?

— Предатель, проходимец и приятель проныры Лахита.

— Это ещё не всё, шеф, — предельно осторожно выговорил врач Супостат. — Это был ЫХ-три нуля.

Генерал Шито-Крыто нервно хихикнул и спросил:

— Ты осмелился меня разыграть? С какой целью? ЫХ-три нуля давно нет на свете!

— Шеф, это был он, уверяю вас! Я его сразу узнал! Да он и сам потом в этом признался!

— Идите, — вяло сказал генерал Шито-Крыто офицерам из сверхспецразведки и собакам и, когда те поспешно убрались, продолжал: — Может получиться скандальный крах. Значит, Лахита выкрали. Балдин тоже выкрали. И план операции «Братцы-тунеядцы» разглашён. Нуууууу...

— Но ведь я не имею к этому никакого отношения, шеф! — Врач Супостат бросился перед ним на колени. — Я никогда никому ни за что не предавал вас!

— Значит, не было подходящего случая. Почему ты сразу не сказал, что это был ЫХ-три нуля?

— У меня судорогой свело челюсти от ужасного страха перед вами. Ведь вы мне дали всего четырнадцать секунд, и я растерялся. Плохо у меня с нервами. Устал. Вымотался. Видно, пора отдыхать.

Генерал Шито-Крыто согласно и даже вроде бы сочувственно покачал своей огромной, без единого волоска головой, проговорил:

— Я тоже устал. У меня тоже с нервами плохо. Но отдыхать некогда. Много срочной работы. А я остался без помощника... Но не всё ещё потеряно. Нет, нет!.. Сейчас главное — не медлить.

И генерал Шито-Крыто резко поднялся, пробежал до дверей, остановился и через плечо спросил:

— А ЫХ-три нуля не рассказывал тебе, каким образом он смог проникнуть обратно к нам?

— Никак нет, шеф.

— Мне понятно, почему он выдал «Фрукты-овощи», — генерал Шито-Крыто обернулся и впился взглядом в перепуганного врача Супостата. — Это естественно. Но... если он вернулся к нам, то почему не предал тех, кто его послал сюда? А? Что его заставило вернуться к нам?

— Понятия не имею, шеф.

— Все вы одинаковы. Понятия не имею, понятия не имею... Один я здесь только головой и работаю.

И генерал Шито-Крыто вышел.

Врач Супостат перекрестился, бормоча:

— Пронесло, господи... пронесло, господи...

— Нет, не пронесло! — раздался голос Фонди-Монди-Дунди-Пэка, и он сам собственной персоной оказался перед столом. — Зачем же так легко отказываться от сорока тысяч в хорошей валюте? Тем более, другого выхода у тебя нет. Тебе осталось одно: иметь дело со мной.

— Как ты... как тебе... как... — И врач Супостат, закатив глаза, застыл в неподвижности.

— Я все ваши штучки знаю, — объяснил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, закурил и уселся в кресло. — Просто вылез из гроба и спрятался под гробом. Ну, пришёл в себя?.. Слушай внимательно. Задача проста: сейчас меня уже нет. Меня уже не ищут. Ты помогаешь мне выбраться отсюда и получаешь сорок тысяч в хорошей валюте... Что тебя ещё беспокоит?

— Я не представляю... Нет, нет, я тебе не верю.

— Мне остаётся пойти к Шито-Крыто и рассказать...

— Гы-гы-гы... — попробовал рассмеяться врач Супостат. — Побоишься!

— Мне терять нечего. Но в любом случае Шито-Крыто разделается и с тобой. Выбирай. Либо моё предложение, либо наши жизни на рассмотрение начальника «Гроба и молнии».

— Зачем ты явился сюда? Зачем свалился на мою бедную голову? Уж лучше бы ты не вылезал из гроба...

В радиодинамике что-то затрещало, и раздался совсем грозный голос генерала Шито-Крыто:

— Всем, всем, всем! Предатель уничтожен. Наши ряды очищены. Дела наши идут прекрасно. В организации вводится наичрезвычайнейшее наивоеннейшее положение. Ждите важного приказа.

— Вот... — тонким голосом шепнул врач Супостат, — слышал?.. Пожалей меня... погибни один...

На какое-то мгновение, а может быть, и на несколько десятков секунд Фонди-Монди-Дунди-Пэк пожалел своего бывшего приятеля, но жалость эта быстро прошла, и Бокс-Мокс сказал:

— Не врач ты, а враг. Ну потряси своей глупой головой, пораскинь, как говорится, мозгами, если, конечно, они у тебя есть. Подумай. Поразмысли. Сообрази. Всю жизнь ты имеешь дело только со шпионами. Ты знаешь нашу натуру...

— Знаю, знаю, ещё как знаю! — прокричал врач Супостат. — Я не только вашу натуру знаю! Я у каждого

из вас даже каждый нос помню! И не верю я ни одному вашему слову! Всё равно обманете!

— А я разговариваю с тобой не как шпион, а как человек. Пойми. Я тоже ухожу в отставку. Мне всё надоело. Помоги мне выбраться отсюда... Даю тебе на размышление семь с половиной секунд... Да пойми ты! — рассердился Фонди-Монди-Дунди-Пэк, увидев, как врач Супостат опять закатил глаза и осел в кресле. — Мы с тобой связаны одной верёвочкой. Я без тебя никуда не денусь. И тебя от себя никуда не отпущу. А ты чепуху городишь. Трусишь?

— Трушу, — признался врач Супостат, — никогда в жизни так не трусил. Просто не знаю, что и делать. Понятия не имею.

Тут даже Фонди-Монди-Дунди-Пэк приуныл.

Глава № 55

Первый вполне человеческий поступок младшего сержанта Стрекозы на пути её превращения из агенточки в нормальную девочку

Случилось совершенно невероятное событие — лейтенант Васильков отказался выполнять задание, заявив следующее:

— Прошу освободить меня от этого задания, не могу больше. Весь хожу искусанный и исцарапанный, а толку никакого. Разве это служба получается? Пошлите меня на самое опасное дело, только от Стрекозы освободите!

Полковник Егоров нахмурился, помолчал и спросил:

— А что такое Стрекоза, знаете? Она младший сержант по званию, агент иностранной разведки. И вы обязаны с ней справиться, как обязаны справиться с любым агентом. А вы малодушничаете, расписываетесь в собственном бессилии.

— Ну не получается если? Я ведь стараюсь! Я ведь не царапин и укусов боюсь, а стыдно мне, что ничего у меня не получается! Я из-за неё ночей не сплю! А результат? Нуль!

— Кто же ею, по-вашему, заниматься будет? Я, что

ли? Вам не нравится, что она кусается и царапается. Это действительно неприятно, я понимаю. — Полковник Егоров усмехнулся. — Значит, вы предлагаете другого работника ей на растерзание отдать? Правильно я вас понял? Пусть кто-нибудь помучится, так? Вы этого хотите?

— Я не так ставил вопрос, товарищ полковник. Просто у меня ничего не получается. А время-то идёт. Если бы она человеком была... а то зверёныш какой-то!

— Нет, она человек, но воспитали её зверёнышем. Не могли же из неё вытравить всё человеческое! И мы не имеем права посадить её в клетку, как настойчиво рекомендует бывший генерал Батон, который рядовым работал у них на площадке молодняка. Что-то надо придумать наше. Не исключена, кстати, возможность, что мы встретимся со шпиончиками генерала Шито-Крыто. Вполне вероятно, что они примут участие в операции «Братцы-тунеядцы». Продолжайте выполнять задание, и чтоб больше я не слышал от вас всяких там... отговорочек и оговорочек.

— Есть, — унылым голосом произнёс лейтенант Васильков. — Разрешите идти?

Надо сказать, что судьба младшего сержанта Стрекозы занимала полковника Егорова не только с той точки зрения, что со шпиончиками генерала Шито-Крыто рано или поздно придётся иметь дело, и в этом смысле агент-точка может оказать неоценимые услуги, если, конечно, удастся её перевоспитать, то есть превратить в нормального человека. Ему просто как отцу троих детей было важно узнать: можно ли из ребёнка вытравить всё детское?

Жаль, что насчёт Стрекозы своевременно не посоветовались с Фонди-Монди-Дунди-Пэком. А теперь — когда он вернётся, да и вернётся ли? Давно он молчит. Видно, дела его там, в «Гробе и молнии», плохи. Но будем надеяться, что с его знаниями, связями и опытом он как-нибудь выкрутится.

План операции «Братцы-тунеядцы», в общих чертах сообщённый офицером Лахитом, сейчас рассматривается командованием. В ближайшее время начнётся подготовка к контроперации под условным названием «Каюк». Работа предстоит необычная и по масштабам невиданная. Одна из сложностей заключается в том, что офицер Лахит многих важнейших деталей операции не знает. Неизвестно, например, когда начнётся её осуществление, как именно начнётся и какими путями будут перебрасываться большие группы агентов.

И если полковник Егоров имел дело с планом операции «Братцы-тунеядцы» в целом, то лейтенанту Василькову предстояло решить частную задачу — воевать с младшим сержантом Стрекозой до победного конца.

Казалось, с каждым днём характер её становился всё злее и ожесточённее; дежурные отметили, что это особенно обнаружилось, когда у неё отобрали таблетки балдина (одну из которых она в своё время подбросила в стакан лейтенанта Василькова).

Из мешка агенточку выпускали только поесть, попить да ещё кое для чего. Фруктовки она пила много, а вот ела не чаще одного раза в два-три дня, и только котлеты.

Лейтенант Васильков всё ждал, когда же она устанет сидеть в мешке, вернее, висеть, потому что, если мешок опускали на пол, она принималась кататься, и тогда её опять приходилось подвешивать. И ещё лейтенант Васильков надеялся, что если она и не устанет висеть в мешке целыми сутками, то, по крайней мере, ей это когда-нибудь да надоест.

Кроме ругательств, от Стрекозы не слышали ни одного путного слова. Купили ей куклу — агенточка разорвала её тут же и ещё долго грызла.

— Посадить тебя в клетку? — рассердившись, спрашивал лейтенант Васильков.

— Эфорт, билдинг! (Валяй, балда!)

Ну что тут будешь делать? Приказ, конечно, есть приказ, надо его выполнять, но — как?!

И вот тут-то лейтенант Васильков, совершенно отчаявшись хоть немного воздействовать на Стрекозу, предпринял невероятный шаг — решил отказаться от задания. Возвращаясь после объяснения с полковником Егоровым, он подумал, что ещё дёшево отделался. Могло бы попасть, и здорово.

В камеру к Стрекозе он вошёл раздражённый, готовый на всё, сказал:

— Так вот, госпожа Стрекоза, чтоб тебе пусто было! Давай окончательно договоримся. Сколько это может продолжаться и какой от этого прок тебе? На что ты рассчитываешь? На искривление позвоночника? Что за охота висеть в мешке? Превращайся давай в человека!

— Гутто мурирэ! (Лучше умереть!)

— Ты пойми, что дела вашей «Гроб и молнии» — гроб без молнии. Какой смысл тебе безобразничать?

— Рэхитиг амил! (Ругательство.)

«Вот и поговори с ней, — уныло подумал лейтенант Васильков. — Её даже припугнуть нечем. Голода она не боится. Холода она не боится. Выносливости необыкновенной. Зверёныш и зверёныш. За что мне такое наказание? Нет ничего хуже, когда тебе поручат дело, а ты и понятия не имеешь, как его делать. Одно только и утешение, что никто вообще не знает, на что эта агенточка годится. Даже полковник Егоров не знает. Тогда получается, что я должен гордиться оказанным доверием? Ладно, погоржусь. Но дело от этого с места не сдвинется».

Однако надо действовать.

Он сходил за бутылкой фруктовой воды, опустил мешок на пол, Стрекоза сразу начала кататься.

— Фруктовку принёс, не дёргайся!

Младший сержант моментально притихла. Лейтенант Васильков выпустил её из мешка, предложил:

— Садись, потолкуем. Ты офицера Лахита знаешь?

— Он помощник шефа, — впервые на человеческом языке ответила Стрекоза, не сводя глаз с бутылки.

— Хочешь его увидеть?

— Дерки! (Враки!)

— Он бы тебе объяснил обстановку. Сообщил бы, что мы знаем план операции «Братцы-тунеядцы».

В глазах Стрекозы мелькнул испуг, она крикнула:

— Авэк провокт нон загер! (С предателями не разговариваю!)

— Он не предатель. Он просто нам попался. Он говорит, что генерал Шито-Крыто отдал приказ, чтобы тебя, как предателишку, обезвредить.

И все десять пальцев обеих рук младшего сержанта Стрекозы едва не вцепились в лицо лейтенанта Василькова. В сердцах он вывернул ей руку так, чтобы агенточка не могла пошевелиться, и крепко отшлёпал её по тому самому месту, по которому и наказывают провинившихся детей.

Старший санитар Тимофей Игнатьевич назвал бы эти действия санитарной обработкой задней поверхности организма младшего сержанта при помощи верхней правой конечности лейтенанта.

Но Стрекоза — вот чудеса! — притихла, не двигалась, хотя лейтенант Васильков больше не держал её, и вдруг разревелась во всё горло, разревелась совсем по-человечески, как обыкновенно ревут обиженные девчонки.

От величайшего удивления лейтенант Васильков стал гладить её по голове, растерянно приговаривая:

— Перестань, ну перестань... больше не буду... сама виновата... перестань... больше не буду...

— Больше не буду! Больше не буду! — сквозь рыдания совсем по-человечески выкрикивала Стрекоза. — Сама виновата! Сама виновата!

Совершенно обескураженный лейтенант Васильков не знал, что ему и делать, забыл, что перед ним агенточка иностранной державы, пожалел её (не державу, конечно, а девочку) и поцеловал её от этой жалости в лоб.

Зарыдав ещё громче, Стрекоза обхватила его за шею руками, прижалась мокрым от слёз лицом к его лицу и бормотала, содрогаясь от рыданий:

— Сама виновата... больше не буду... сама виновата... больше не буду...

А не мешало бы эту сцену посмотреть генералу Шито-Крыто. Если бы он не лопнул от дикой злости или с досады, то, по крайней мере, ему было бы о чём подумать своей огромной, без единого волоска головой. Но ничего бы он ею, похожей на арбуз, футбольный мяч или глобус, не понял! Не он первый пытался из человека сделать зверя или болвана (вспомните хотя бы гавриков фон Гадке), затратив на это мерзкое дело массу времени, подлости, сил и умения. Всё учёл генерал Шито-Крыто, всё, кроме того, что его шпиончики родились людьми, что у них были папы и мамы, пусть даже и плохие, но всё-таки люди!

Отнесись лейтенант Васильков к Стрекозе только как к младшему сержанту иностранной разведки, неизвестно, чем бы это закончилось. Может быть, и пришлось бы Стрекозу и на всю жизнь в клетку поместить (чтобы не было искривления позвоночника, которое могло произойти, если бы оставить её в мешке). Вполне вероятно, что агенточка могла даже и покончить с собой, убедившись, что ей не выполнить задания генерала Шито-Крыто, а простить себе этого она не могла.

Но лейтенант Васильков в сердцах отшлёпал её, как обыкновенную провинившуюся девчонку, и по тому самому месту, по которому шлёпают именно детей.

Вы помните, конечно, что Стрекоза умела драться, и дралась жестоко, и её били жестоко, но били по каким угодно местам, только не по тому, которое специально предназначено для шлёпанья. И обратите внимание: шлёпанья, а не битья. Ударь лейтенант Васильков младшего

сержанта — и никакого воспитательного эффекта, разве что сдачи, не получил бы в виде укусов и царапин.

К тому же у детей, как известно, место для шлёпанья имеет прямую внутреннюю связь с глазами, единственным местом, где вырабатываются и откуда выделяются слёзы во внешнюю среду. Шлёпнешь по специальному месту, а из глаз — слёзы! Прямая внутренняя связь!

А начав плакать (чего шпиончики не умели), Стрекоза тем самым уже совершила вполне человеческий поступок.

Когда же, пожалев агенточку, лейтенант Васильков поцеловал её в лоб, она разрыдалась ещё громче: ведь впервые в жизни её пожалели и впервые в жизни поцеловали.

И всё это ей очень понравилось. И чем растеряннее лейтенант Васильков просил её успокоиться, тем громче она рыдала и, наконец, стала рыдать так безутешно, что лейтенант Васильков, не зная, как быть дальше, неожиданно для себя предложил:

— Давай-ка лучше пообедаем!

И они пошли — на глазах изумлённых дежурных — в столовую. Стрекоза взяла его за руку обеими руками, сказала неуверенно:

— Хочу котлету...

— Будет у тебя котлет столько, сколько ты только захочешь!

— А хлеб?

— Ещё больше! А главное — компот!

— Не знаю...

— О, пальчики оближешь!

В столовой Стрекоза растерялась и испугалась. Среди обедающих было немало людей в чужой военной форме, а Стрекозу воспитали так, что каждого человека, и особенно военного, она считала заклятым врагом, и если она первой не успеет выстрелить в него, то он выстрелит в неё обязательно.

Но никто не наводил на неё дуло пистолета, никто не командовал «Руки вверх!» — самые страшные для шпиона слова, и она не выпускала руки своего сопровождающего, держась за неё обеими руками.

— Суп есть будем? — спросил он, и Стрекоза ответила:

— Хочу котлету.

— Сколько штук?

— А сколько можно?

— Сколько, как говорится, влезет.
— Не знаю. Много-много.
— Десять штук достаточно?
— Ах!

Официантка, поставив на стол тарелку с грудой котлет, не сводила с девочки глаз. А та проглотила, почти не жуя, одну котлету, вторую, третью...

— Не торопись, не торопись! — испуганно попросил лейтенант Васильков. — А то худо тебе будет с непривычки. Объешься, чего доброго!

— Бедная, бедная! — воскликнула официантка. — Где же ты так проголодалась? Будто бы года два не ела... Звать-то тебя как?

— Стрекоза, — ответила Стрекоза, съев последнюю котлету, и принялась за хлеб.

— Стрекоза?! — удивилась официантка. — Кому же это в голову взбрело такое имечко дать? — Она хотела ещё что-то спросить, но лейтенант Васильков выразительным взглядом велел ей молчать.

Уничтожив хлеб, Стрекоза уставилась на его тарелку, на которой была нетронутая порция. Конечно, он пододвинул тарелку.

Официантка принесла десять стаканов компота и, не сдержав любопытства, спросила:

— Да где же она, бедная да болезная, проголодалась так?

— Там, — уклончиво ответил лейтенант Васильков и едва успел подхватить Стрекозу, чтобы она не упала со стула: девочка крепко спала.

Он взял её на руки и, провожаемый десятками любопытствующих взглядов, направился к выходу.

Шёл он и без большого удивления думал, что впервые в жизни бережно несёт на руках агента иностранной разведки. Но куда его, то есть её, нести? Камера напомнит ей, где она и кто она такая, и всё опять начнётся сначала. Опять лейтенант Васильков несколько раз в день будет посещать медпункт, чтобы смазать йодом царапины и укусы.

И, поразмыслив, он прямым ходом двинулся к полковнику Егорову, в кабинете осторожно опустил Стрекозу на диван и облегчённо произнёс:

— Вот. Докладываю: отшлёпал по одному месту, когда у меня нервы не выдержали. Плакала она. Рыдала и ревела. В столовой накормил. Уснула там.

— Интересно, — помолчав, проговорил полковник Егоров. — Даже понятно. Её толком ни разу не кормили, всегда жила впроголодь, а на сытый желудок нормальному человеку хочется спать. Вот она и сморилась. Что дальше предпринимать намерены?

— Не знаю, — вздохнув, признался лейтенант Васильков. — Но считаю, что в камеру её обратно нельзя.

— Верное соображение. А куда? Ведь нет никакой гарантии, что, проснувшись, она не бросится на вас или кого другого.

— Константин Иванович! — очень порывисто сказал лейтенант Васильков. — Вы всегда учили меня работать, не боясь риска. Вы всегда учили меня работать с выдумкой, без стандарта и шаблона. Случай мы имеем необычный; значит, и подход надо отыскать тоже необычный. Разрешите мне под мою личную ответственность взять агенточку, а в спящем виде — просто девочку, к себе домой? Я живу с мамой...

— Нет, нет, слишком рискованно! — покачав головой, ответил полковник Егоров. — А если она вытворит что-нибудь? А если, хуже того, улизнёт?

— Вроде бы не должна, Константин Иванович. Не знаю, как объяснить, но я уверен, что иного выхода нет.

— В принципе-то я с вами согласен. Убеждать меня не надо. И уговаривать тоже не требуется. Но ведь только сегодня утром вы утверждали, что это зверёныш.

— Виноват, поторопился с выводами.

Они одновременно взглянули на Стрекозу. Та крепко и сладко спала, как обыкновенная нашалившаяся девочка. Но они понимающе переглянулись, подумав: сколько ещё нужно сделать, чтобы она действительно превратилась в обыкновенную девочку!

Лежит себе на диване, сладко и крепко спит, и вроде бы никому в голову не придёт, что не девочка это обыкновенная, а самый настоящий агент иностранной разведки. Вот и соображай тут, вот тут и принимай решение! Подумаешь, что она обыкновенная девочка, а она тебе из пистолета три пули в сердце! Решишь, что она шпион, а она всё-таки девочка...

— Вот что! — решительно сказал полковник Егоров. — Продолжайте выполнять задание. У нас нет иного выхода. Скоро-скоро начнётся осуществление операции «Братцы-тунеядцы». В ней наверняка примут участие шпиончики. И если мы не справимся с одним, вернее, с

одной из них, что же будем делать с большим количеством?

— Товарищ полковник, я приму все меры, — заверил лейтенант Васильков. — Обязательно возьму кого-нибудь на помощь.

— Машину! — приказал полковник Егоров в телефон. — Всё, по-моему, правильно. Попав в совершенно незнакомую обстановку, человеческую обстановку, она захочет быть девочкой, а не агенточкой. Ну, желаю успеха. Ни пуха, как говорится, ни пера, а в данном случае — ни укусов, ни царапин. Вечером позвоните мне домой.

Глава № 56

Несмотря на неудачи с началом сугубо научной регистрации ленивых и склонных к лени детей, психоневропатолог и учёный М. Г. Азбарагуз не падает духом

Бывает так: хотят человеку помочь, а он, не уразумев именно того, что ему хотят помочь, бежит от этой помощи сломя голову.

Так и случилось с задуманной психоневропатологом Моисеем Григорьевичем Азбарагузом сугубо научной и в достаточной степени добровольной регистрацией ленивых и склонных к лени детей. Невиданный размах разъяснительной работы привёл, как ни странно, к тому, что в городе началось что-то, похожее на маленькую панику. Сначала она охватила престарелых, затем — пожилых, потом — взрослых. Последними не выдержали дети — тоже вроде бы запаниковали.

Шуму, разговоров, споров, слухов было много, а **регистрации не было!**

Особенно упорно держался слух о том, что зарегистрированных детей посадят в грузовики и куда-то увезут на какую-то дезинфекцию.

Наиболее страшным был слух о том, что зарегистрированные будут учиться без каникул и выходных дней.

Настроение у Моисея Григорьевича было боевое, хотя

и несколько растерянное. Сдаваться он не собирался, но вот беда: боевое настроение с каждым днём таяло, и растерянность росла и росла. Честно говоря, он не понимал такого сильного сопротивления регистрации со стороны всех слоёв и возрастов населения.

Можно было понять, почему самые заядлые, всем известные лодыри куда-то запропастились, и активисты городского комитета по работе с ленивыми детьми не могли обнаружить хотя бы один след хотя бы одного тунеядца.

Огромная разъяснительная работа шла впустую. Каждый взрослый всеми правдами и неправдами оправдывал своего потомка-лодыря и спасал его от научной регистрации.

В чём дело? Что делать?

Моисей Григорьевич сидел в кресле, устало вытянув ноги, и думал, поникнув головой.

Большие настенные часы настойчиво спрашивали:

— В чём дело? Что делать? В чём дело? Что делать?

Машинально стараясь попасть в такт стука часов, Моисей Григорьевич вслух повторял:

— В чём дело? Что делать? В чём дело? Что делать?

Часы громко и отчётливо посоветовали:

— От-сту-пить! От-сту-пить! От-сту-пить!

— Никогда!— резко встав, сказал самому себе Моисей Григорьевич. — Никогда и ни за что! Чему я, собственно, удивляюсь? Что меня не сразу поняли? А почему меня должны понять сразу? Люди привыкли не считать лень большой опасностью. А им надо доказать, что в лени кроется один из опаснейших врагов человечества! И я докажу им это!

Скрипнула дверь, и раздался голос старшего санитара Тимофея Игнатьевича:

— Можно мне сказать о самом наболевшем? — Он вошёл в кабинет и, не ожидая ответа, заговорил: — Напугали вы людей регистрацией. Даже взрослый тунеядец покоя лишился. Он рассуждает: сегодня я своего ленивого отпрыска на учёт поставлю, а вдруг завтра и меня притянут при всём честном народе?!

— Чушь какая! — сердито воскликнул Моисей Григорьевич. — Нас интересуют только дети! Скрытые резервы лентяйства! Нам просто необходимо узнать, сколько, понимаете, сколько у нас в городе ленивых и склонных к лени детей?

— Я извиняюсь изо всех сил, — упрямо сказал стар-

ший санитар Тимофей Игнатьевич, — но не могу не выразить мои мысли. Жизнь и людей я хорошо знаю. И заявляю категорично и ответственно: ничего у вас не получится. Где вы найдёте родителя, который добровольно отдаст своего лентяя или лентяйку на всеобщее позорище под названием «научная регистрация»?

— Постойте... постойте... А у вас самого есть дети?

— Четверо. Три сына и дочь.

— Ленивые?

— Спасу нет.

— По отношению к ним вы применяете метод физического воздействия?

Старший санитар Тимофей Игнатьевич тяжко вздохнул, потупил глаза и признался с усилием:

— Нет. На своих-то рука не поднимается. И регистрировать жалко. Я ведь не хочу, чтобы они выше старших санитаров не поднялись. В министры или академики хочу вывести. К хорошей жизни приучил, вот они и обленились. Гордые растут. Смотреть приятно, а жить с ними не очень удобно.

— Вот мы с вами всё и выяснили, — удовлетворённо сказал Моисей Григорьевич. — И откуда вы взяли, что министры и академики вырастают из тунеядцев? И чем это старший санитар хуже министра или академика?

— Запутался я, — уныло произнёс старший санитар Тимофей Игнатьевич.

— Регистрируйте! Людей из них сделаем! Может быть, министров или академиков! Наука протягивает вам руку помощи, не отталкивайте эту руку!

— Ладно. — Старший санитар Тимофей Игнатьевич помрачнел. — Даю согласие на добровольную регистрацию четырёх детей. Видно, другого выхода нет.

Глава № 57

Отчаянные попытки фон Гадке сделать человечеству, хе-хе, большую пакость и гибель фон Гадке в верхних слоях атмосферы

Выпрыгнув из окна шпионского ресторана «Руки хох!», чтобы вторично избежать почётной спиртизации, господин

оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке уже в воздухе понял, что сейчас разобьётся и останется от него только мокрое местечко.

Третий этаж плюс асфальт.

Но успел он подумать и о том, что умирать не имеет никакого морального права. Не было смысла всю жизнь отдавать борьбе с людьми и детьми, достичь в этой борьбе ряда успехов, избежать почётной спиртизации, поприсутствовать на вечере в честь своей собственной смерти, убедиться, что старым шпионам — коллегам по профессии — не дороги твои идеалы, а дороже сосиски с кислой тушёной капустой, смело и ловко выпрыгнуть в окно, когда тебя хотела схапать охрана Центрхапштаба, и — вот на тебе! — погибнуть, хряпнувшись об асфальт.

Эх, если бы не надул его генерал Шито-Крыто, если бы не облапошил его несуществовавший фон Хлипке, если бы не отобрали у него гавриков, всё было бы иначе. Не в воздухе сейчас бы он летел, а в кресле бы сидел!

Ох, как ему нужен самолёт с большой бомбой! А куда её шарахнуть, он знает. Только ему одному известны места наибольшего скопления детей на земном шаре!

Но сначала надо ещё выжить, чтобы не дать жить другим.

О майн бог, помоги!

Помог ему не бог, а грузовик, выскочивший из-за угла, вернее, не только грузовик помог, но и мешки с чем-то мягким, лежавшие в кузове. На них-то и угодил фон Гадке.

«Спасибо, майн бог! — подумал он. — Я опять спасён, опять жив, майль!» Правда, он что-то всё-таки отбил себе, внутри его что-то стряслось, но в целом он был целёхонек.

Солдаты, стоявшие у входа в шпионский ресторан «Руки хох!», в темноте, конечно, не видели, как из окна выпрыгнул и угодил в кузов грузовика фон Гадке, и поэтому ничего не могли сообщить выбежавшему к ним разъярённому барону Барану.

— Прочистить весь город насквозь! — тут же приказал он. — Выпустить всех собак-ищеек!

Фон же Гадке чувствовал себя прекрасно. Ему бы только добраться до одного секретного аэродрома, где всегда наготове самолёт типа «Бух-трах-13» с большой бомбой, и тогда — ух!

Ощупывая мешки, в которых находилось что-то мяг-

кое, фон Гадке развязал один и хехекнул: там была одежда. Он быстро разделся и разулся, выбрасывая свои отрепья и остатки сапожек на мостовую.

Одежда оказалась военной, но к какому роду войск она принадлежала, в темноте определить не удалось. Переодевшись, фон Гадке разыскал мешок с обувью. Сапоги были чрезмерно велики, но это были пустяки!

В душонке фон Гадке всё пело и ликовало и ещё больше запело и заликовало, когда он обнаружил, что грузовик катит в сторону Центрхапштаба: это было и ему по дороге, хе-хе!

Одет фон Гадке был добротно, но всё на нём висело, рукава пришлось подвернуть, брюки были неизмеримой ширины. Но ведь он не стиляга, а попадающий в одну смертельную опасность за другой матёрый шпион — душа из всех вон! чего он скоро сотворит! — лишь бы на глаза никому не попасться.

В длиннейших его ушах уже гудел двигатель реактивного самолёта типа «Бух-трах-13», ручки как бы нащупывали рычаг, который освободит от зажимов большую бомбу, и — ух!

А в это время собаки-ищейки обнаружили на мостовой его отрепья и остатки сапожек, разорвали всё это в клочья (хотя и рвать-то было нечего!), уловили один знакомый и ясный запах — стойкий аромат сосисок с кислой тушёной капустой. Вы сами должны сообразить, что, унюхав этот запах, собаки бросились в шпионский ресторан «Руки хох!», ворвались в зал, где старые шпионы продолжали объедаться сосисками с кислой тушёной капустой, уже и позабыв, что угощают их по случаю мнимой почётной спиртизации фон Гадке.

Собаки сбили шпионов со стульев на пол и не давали им шевельнуться. Самый старый шпион хотел возмущённо брыкнуть ногой, но получил укус в ухо.

Барон Баран долго и довольно тупо смотрел на эту картину, ничего, конечно, не мог понять и рассуждал сам с собой, считая, что больше никто воспринять его мысли не способен:

— Ошибиться собаки не могли. Но какое отношение имеют эти старые мумии к выскочившему из окна негодяю фон Гадке? Почётная спиртизация объявлена. Солдаты полбанки уже вылакали, спят в карцере. Позор со всех сторон! Что делать? Разбавить спирт водой и сунуть в банку любого из этих капустников. А что? Одеть его в

мундир оберфобергогердрамхамшнапсфюрера, и пусть себе плавает! Какая разница, кто заспиртован, важно, как он называется! А называться он будет гад Фонке, точнее, фон Гадке. Приказываю! Слууу-шай меня!

Между тем от страха, обиды, возмущения, а также от чрезмерного изобилия съеденной, но ещё не переваренной пищи старые шпионы тихо один за другим отдавали богу свои многогрешные души. И когда отогнали собак и раздалась команда «Встать! Смирно!», половина шпионов впервые в жизни не могла повиноваться. Одного из них, самого маленького, отобрали, чтобы он плавал в банке с разведённым спиртом вместо фон Гадке, но под его именем.

А настоящего, живого фон Гадке грузовик привёз — о майн бог! — прямо во двор шпионской школы Центрхапштаба. Тут он был у себя дома, знал все ходы и выходы и без всякого особого труда (не считая того, что сапоги пришлось нести в ручках) через потайную дверь проник сразу в кабинет барона Барана.

Здесь фон Гадке, не зажигая света и впопыхах поставив сапоги на стол, позвонил на один секретный аэродром и от имени начальства приказал подготовить к боевому вылету самолёт типа «Бух-трах-13».

И едва только фон Гадке выскользнул через потайную дверь, в обычную дверь вошёл сам барон Баран.

Увидев на своём столе сапоги, он так завопил от очень сильного возмущения, что фон Гадке захехекал во всё горлышко. Он влез в машину начальства и поехал, повизгивая от удовольствия.

Проезжая по площади перед шпионской школой, он увидел на пьедестале стеклянную банку, в которой плавал какой-то тип в форме оберфобергогердрамхамшнапсфюрера. В почётном карауле застыли четыре штуки молодых кадров (правда, один застыл не совсем — ковырял в носу с таким старанием, словно пытался задеть глаз изнутри).

Фон Гадке притормозил и крикнул в окошко:

— Майль!

— Фиг майль! Фиг майль! Фиг майль! — рявкнули три штуки молодых кадров, а четвёртый не рявкнул: не смог быстро вытащить палец из носа.

«Удивительное я существо, — с упоением подумал фон Гадке. — Я и в банке почётно плаваю, я и здесь вот в баронбаранском бронированном автомобиле! А скоро я сяду

в самолёт с большой бомбой. Ух! Внимание, приготовились... только бы руки не дрогнули! Не дрогнут!»

Ворота раскрылись, и машина с ходу вырвалась на шоссе, сбив начальника караула, который хотел остановить её поднятой вверх рукой с пистолетом-пулемётом, заметив за рулём незнакомую личность, правда, похожую на заспиртованного фон Гадке.

Загремели выстрелы, затрещали длинные автоматные очереди.

«Пуляйте, пуляйте! — насмешливо подумал фон Гадке. — Пуляйте, пуляйте в бронированный-то автомобиль! Хе-хе!»

Машина мчалась на дичайшей скорости, на поворотах она лишь чудом не переворачивалась. Конечно, анекдот получился самый настоящий! Ведь автомобиль барона Барана был самым быстроходным в гараже Центрхапштаба, и ни одна машина не могла догнать фон Гадке.

Загудел телефон, он улучил момент и сбросил трубку на сиденье — опасно было руки отрывать от баранки. Но и так было слышно, даже сквозь шум мотора, как орал барон Баран:

— Фон Гадке! Гад ты Фонке, вот ты кто! Куда тебя, старого микроба, несёт?! Машину разобьёшь, проходимец ты незаспиртованный! Пожалей машину, а я тебя пожалею! Верни машину, я всё прощу!

Прижав трубку плечиком к шейке, фон Гадке тоже заорал:

— Баран Барон! Я за твоей баранкой! Ты лишил меня самого главного в жизни — работы! Сам тунеядец, и другим трудиться мешаешь!

— Останови машину! Потом поговорим! По душам!

— Я тебе покажу, как надо трудиться, не жалея ни сил, ни машины! Майль! — И фон Гадке вырвал трубку вместе с проводом, чтобы брань барона Барана не мешала ему.

Впереди было наиболее опасное место — железнодорожный переезд. Вот тут его, конечно, и подкарауливают. Надеются, дураки примитивные, что, дескать, сейчас он остановится, а мы его цап-царап-сцап! Я вам устрою иллюминацию!

Вам нужна машина начальника Центрхапштаба? Пожалуйста, получите!

Фон Гадке до самого предельного предела выжал из

мотора всю возможную скорость, еле открыл прижимаемую встречным ветром дверцу и выпрыгнул.

Сильным потоком воздуха его отбросило очень далеко назад, несколько раз перевернуло и швырнуло в кювет, а там было — опять майн гот! — что-то среднее между водой и грязью, но фон Гадке опять — майль! — остался жив.

Он выскочил из кювета и услышал взрыв, увидел пламя и громко-громко захехекал.

Но медлить было нельзя, и он домчался до леса и побежал вдоль опушки, вскоре оказался у железнодорожного полотна, переполз через него и стал подбираться к мотоциклу, одиноко стоявшему в стороне от скопления машин. Людей поблизости не было, все, видимо, глазели на катастрофу по ту сторону полотна.

Красиво горела машина барона Барана!

Фон Гадке уехал на мотоцикле, никем не замеченный.

Теперь он уже особенно не торопился и особенно не нервничал. Ветерок приятно обдувал его разгорячённое личико, хотя сам он в мокрой одежде и босиком замёрз.

Сердчишко билось учащённо. От радости и подлости перехватывало горлышко.

Он загнал мотоцикл в кусты и, даже забыв выключить фару и заглушить мотор, стал пробираться среди деревьев. Не напороться бы в темноте на колючую проволоку, которой опоясан секретный аэродром. Прикоснёшься к проволоке — и прозвучит автоматический сигнал тревоги. Тут тебя и сцапают.

Три года назад, обучая здесь шпионов, фон Гадке на всякий случай оставил в одном месте лазейку, и вот сейчас сверхосторожно искал её.

О майн бог, помоги!

Но бог не помог — лазейки нигде не было.

Когда дело касалось подлости, мозгишки оберфобергогердрамхамшнапсфюрера работали на удивление результативно.

Он, как напуганная собакой кошка, взлетел на высокое дерево, по толстой ветке прошёл почти до её конца и фактически оказался уже на территории секретного аэродрома. Фон Гадке мысленно помолился, проклял барона Барана и прыгнул; очухался от страха и быстро пополз, прижимаясь к земле.

Его длиннейшие уши без труда уловили гул мотора самолёта. Он через уши проникал прямо в сердчишко.

Метрах в десяти от самолёта фон Гадке ненадолго остановился, чтобы посображать. Ему, конечно, не хотелось метрах в десяти от цели допустить какую-нибудь оплошность.

Три солдата и механик о чём-то беседовали. Затаив дыхание от очень большого волнения, фон Гадке подполз к трапу, совершенно перестал дышать, полез наверх, забрался в кабину, закрылся и в полном изнеможении откинулся на сиденье. Уууффф.

Отдышавшись, он включил рацию и очень радостно начал кричать в эфир:

— Слушайте все! Все, кто меня слышит, внимательно слушайте! Готовьтесь пережить катастрофу! Где она будет, секрет! Какой она будет, тоже секрет! Поэтому все дрожите! Говорит оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке! Я в самолёте с большой бомбой! Хе-хе! Я наизусть знаю карту мира, на которой мною лично с военной точностью отмечены места наибольшего скопления детей! Хе-хе, что будет! Надеюсь, что история человечества меня не забудет! Взлетаю! Трепещите, ребятки! Гуд байдик!

Он прибавил горючего, и моторы взревели. Самолёт почти без разбега оторвался от земли.

Из рации послышалось:

— Фон Гадке! Фон Гадке! Вы сели в самолёт-ракету типа «Антихрист-один»! Она ещё ни разу не была в воздухе! Это испытательный образец! Немедленно катапультируйтесь! Немедленно катапультируйтесь!

Не отвечая, фон Гадке судорожно искал рычаг с надписью «бомба» и не мог его найти.

Самолёт-ракета не слушался его — он шёл только вверх почти по прямой, а давно уже пора было сворачивать чуть влево.

Рация надрывалась:

— Катапультируйтесь немедленно! Иначе мы взорвём вас! Ручка катапульты внизу слева!

На лобике фон Гадке от ужасного страха выступил пот и тут же превратился в льдинки. С каждой секундой в кабине становилось всё холоднее, а дышать было всё труднее.

Фон Гадке начал задыхаться: ведь в кабине не оказалось кислородного прибора.

Босые ножки посинели.

— Катапультируйтесь!

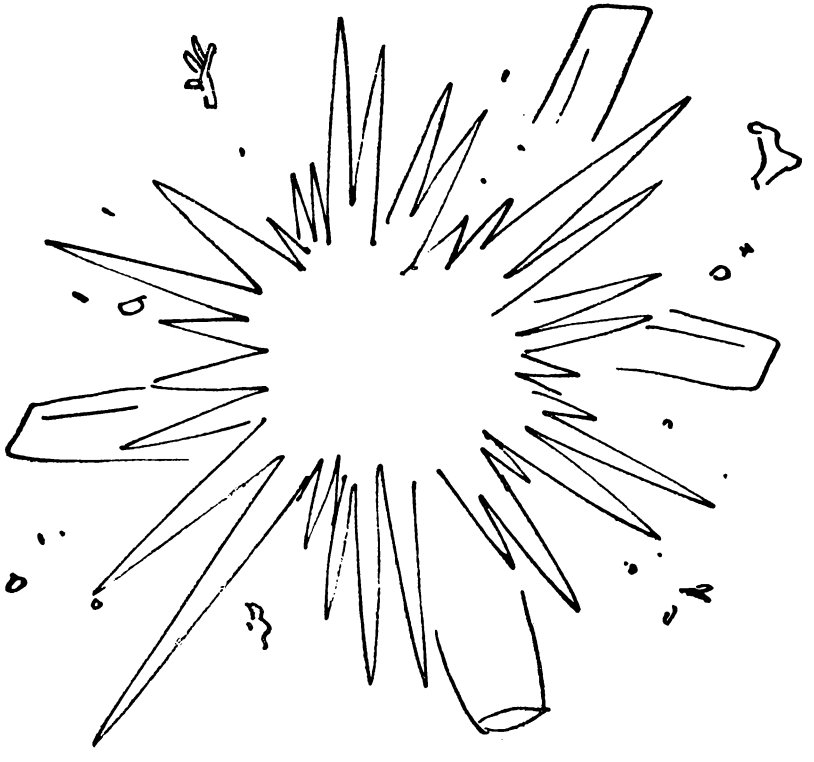
Холодеющей, почти окоченевшей ручкой фон Гадке тянулся к ручке катапульты.

— Через тридцать секунд взрываем вас! Один, два, три...

Он тяяяянууууулся... тяяяянуууууууулся...

— Девятнадцать, двадцать, двадцать один...

И в эти оставшиеся мгновения жизни, совершенно осознавая, что смерть его почти уже наступила, оберфобергогердрамхамшнапсфюрер фон Гадке успел подумать лишь об одном: как жаль, как страшно жаль, что ему не удалось уничтожить или сделать ленивыми наших детей! И если бы ему, фон Гадке этакому, предоставилась возможность убить или сделать ленивым хотя бы одного из вас, кто держит эту книгу в руках, не беспокойтесь: оберфобергогердрамхамшнапсфюрер без колебаний отдал бы за это свою фонгадскую жизнь. Призадумайтесь-ка над этим.



«Господи, майн гот! — успело пронестись в головке фон Гадке, когда он уже понимал, что «Антихрист-1» скоро вместе с ним превратится в пыль. — Дай мне, майн гот, возможность уничтожить хотя бы одного ребёнка! Хотя бы одного киндера! Хотя бы одного анфанта! Или чилдрена! Или бамбино! Дай мне заразить их ленью! Тогда я погибну с великолепным сознанием исполненного долга! Майн гот, помоги мне сделать человечеству хотя бы маленькую пакость!»

Из рации донеслась команда:

— Двадцать девять... Тридцать!

От самолёта-ракеты в мгновение не осталось и пылинки. И от господина оберфобергогердрамхамшнапсфюрера не осталось ни пылиночки.

...Только до сих пор на площади перед шпионской школой Центрхапштаба на пьедестале в стеклянной банке с разбавленным спиртом плавает какой-то тип под именем фон Гадке, и молодые кадры отдают ему шпионские почести.

Глава № 58
Папа Юрий Анатольевич овладевает искусством ведения домашнего хозяйства. Осложнения в семье Прутиковых в связи с приездом мамы

Мир и покой хотя всё ещё и не вернулись в семью Прутиковых, но дела в ней сейчас шли куда как лучше, если не учитывать того, что до сих пор Толик был в больнице, а мама на юге в санатории.

Перемены в семье в лучшую сторону начались с того дня, когда папа Юрий Анатольевич заявил торжественно и высокопарно:

— После долгих и мучительных раздумий, сопровождаемых глубокими переживаниями, я твёрдо решил в корне изменить свои взгляды на себя и на жизнь. Раньше семья жила для меня. Теперь я должен ей отплатить. Сейчас я буду жить для семьи. Одновременно буду положительным примером для сына.

— Большой принципиальный шаг вперёд делаешь, — одобрила бабушка Александра Петровна. — Овладел ты, Юра, наконец-то научным подходом к действительности.

— Я не знаю, как называется такой подход, но готовить пищу самостоятельно я научусь.

— Только переходи от слов к делу немедля, а то остынешь.

И папа Юрий Анатольевич от слов перешёл к делам — начал овладевать искусством качественного приготовления пищи на газовой двухконфорочной плите.

Не буду описывать все многочисленные случившиеся с ним мелкие, средние и крупные конфузы, которые он перенёс болезненно, но стойко.

«Книга о вкусной и здоровой пище» часто подводила Юрия Анатольевича, потому что была рассчитана на опытных хозяек, а он был начинающим хозяином. Однажды он, например, по всем правилам зажарил курицу, не вынув из неё ни зоба, ни внутренностей, не отрубив лапок и головы. Бррр — что получилось!

Но постепенно, консультируясь с Александрой Петровной и соседками, он кой-чему научился.

Настал день, когда в кафе он очень иронически сказал официантке:

— По всей вероятности, у вашего повара две бабушки.

— А почему вы так решили?

— Потому что он не умеет готовить. Такую бяку, простите, я могу сделать левой рукой на дырявой сковородке с прошлогодним маслом! — И, гордо подняв голову, Юрий Анатольевич вышел и больше ни разу не бывал ни в этом кафе, ни в других.

Дело не в том, что будто бы везде готовили плохо, а в том дело, что ему понравилось готовить. Вот так!

Конечно, времени на покупку продуктов и суету у плиты уходило немало. Но тут обнаружилось любопытное обстоятельство: ведь если делаешь много дел, получается, что у тебя много времени. Следовательно, для того, чтобы иметь как можно больше времени, надо делать как можно больше дел!

Однажды бабушка Александра Петровна, придя домой, обошла всю квартиру и, садясь за стол на кухне, очень удовлетворённо сказала:

— Если ещё и сына этому обучишь, я свою научную задачу могу считать выполненной.

— Ну а как суп?

— Душа больше желудка радуется. Только я в супе поджаренный лучок уважаю.

И они с Юрием Анатольевичем начали обстоятельно, со знанием дела обсуждать различные кулинарные тонкости.

Так вот и текла жизнь до приезда мамы. Она вернулась загорелой, помолодевшей, поздоровевшей и — недовольной.

— Представьте себе, я ни капельки не отдохнула, — заявила она, — ни на вот столечко не поправилась, почти не загорела и чувствую себя значительно хуже, чем до отъезда отсюда туда.

— Извини, — удивлённо сказал папа, — но твой внешний вид свидетельствует прямо о противоположном!

— Нельзя судить о человеке только по внешнему виду!

— Кормили, что ли, некачественно? — спросила бабушка. — Дождило? Или море недосолённое или пересолёное попалось?

— Там было много детей, — нервно объяснила мама, — и, представьте себе, у всех дети как дети. У всех бабушки как бабушки.

— А мамы как мамы там встречались? — сразу обиделась Александра Петровна.

— Я о другом! Все балуют детей, и дети растут нормальными! А я как вспомню... так весь загар сойдёт. Что с моим сынулей?

— Поправляется, — озадаченно ответил папа. — Уже принимает пищу, двигается. Немного разговаривает. Один раз рассмеялся.

— Ужас! Какой кошмар! — прошептала мама. — Разве я виновата, что все силы и время отдавала чужим детям? Но почему другим детям достаточно одной бабушки, и больше они ни в чём не нуждаются?.. О, ты, мама, вернулась к своим обязанностям? — спросила она, попробовав суп.

— Это моя работа, — скромно сообщил папа.

— Не смеши меня.

Александра Петровна и Юрий Анатольевич переглянулись и промолчали, ничего не стали ей объяснять. Она с курорта, устала, пусть отдохнёт, придёт в себя.

Но в тот же день в семье начались осложнения. Узнав о научной регистрации ленивых и склонных к лени детей, мама предельно возмутилась:

— Какая бесчеловечная нелепость! Неужели мы должны и бедного Толика за... это... регистрировать?

— Да, это наш долг и спасение, — ответил Юрий Анатольевич, сразу приготовившись к тяжёлому разговору. — Неверным воспитанием мы искалечили ребёнка и...

— Кто искалечил? Я лично его почти не воспитывала. Это вы с бабушкой довели ребёнка второй раз до областной психиатрической больницы!

— Хорошо, мы с бабушкой. Тогда ты нам и впредь не мешай его воспитывать.

Не буду передавать этого длинного и действительно тяжёлого для всех разговора, который всё равно ни к чему не привёл — каждый остался при своём мнении.

Особенно была недовольна мама. Тоном, не терпящим даже самого маленького возражения, она заявила:

— Теперь моя очередь воспитывать сына. Я лучше вашего знаю детей, не первый год работаю в школе с большим контингентом учащихся.

Такого решения никто не ожидал, может быть, и сама мама, а поэтому оно вызвало сначала сильное недоумение, а затем не менее сильную растерянность.

— Решение твоё, мягко говоря... — пробормотал Юрий Анатольевич, — несколько... непродуманно. Ты просто не в курсе дела. Мальчика надо лечить личным примером.

— Ах, пожалуйста, не учите меня, учительницу, как надо воспитывать детей! — презрительно воскликнула мама. — Это смешно!

Глава № 59
Визит Фонди-Монди-Дунди-Пэка к генералу Шито-Крыто и неожиданный результат этого визита

Генерал Шито-Крыто сидел один в своём огромном кабинете и думал своей огромной, без единого волоска головой. Как ни странно, он ещё и предавался переживаниям. Он сидел и жалел, что приёмная пуста, нету там офицера Лахита. Конечно, он был проныра, каких свет не видел, предатель был тоже несусветный, денежки любил пуще жизни, в руках врагов оказался по жадности. Проклясть бы его!

И всё же он был помощник, живой человек, с ним всегда надо было быть начеку, полаяться с ним можно было, сейфом в него запустить можно было, зная, что он всё равно увернётся.

Талантливый был негодяй!

А талантливых негодяев становится всё меньше и меньше. Как прекрасно погиб в верхних слоях атмосферы фон Гадке! Напугал весь мир! Когда он сообщил, что летит с большой бомбой и вот-вот шарахнет её в место наибольшего скопления детей, со всех аэродромов мира взлетели самолёты, чтобы что-нибудь сделать с фон Гадке! Вот молодец!

Остался генерал Шито-Крыто один-одинёшенек. Кого ему взять в помощники, когда кругом одни им самим воспитанные предатели и доносчики?! Офицер Лахит, царство ему небесное, считал страх одной из форм уважения, а эти просто боятся его, своего шефа, без всякого к нему уважения.

Разрешив себе попереживать ещё восемь минут — а переживания он считал бездельничанием, — генерал Шито-Крыто встал и заговорил совершенно мрачным голосом:

— Делаю разбор своих ошибок. Меня преследуют неудачи. Одна за другой. Другая за другой. Потом другая за одной и так далее. Ошибки мои — следствие недостаточной трудоспособности. Я ещё очень мало работаю. Ем два раза в месяц, например, по целых полчаса каждый раз. Буду есть только один раз в полтора месяца, чтобы не тратить время на принятие пищи и чтобы не тратить силы на её переваривание.

(Я, автор, умоляю вас, читатели, обратить внимание на данный факт. Вот почему мерзавец, негодяй — сами подберите все бранные, но справедливые слова — редко бывает ленивым? Они, эти безобразники, всё действуют и действуют, а мы, в общем-то хорошие люди, часто занимаемся всякой ерундой...)

Генерал Шито-Крыто продолжал говорить самому себе:

— Я буду стойко переносить все заминки и неудачи, то есть не буду опускать руки перед бедой, впадать в истерики, падать от дикой злобы в обмороки. Теперь только я один знаю план операции «Братцы-тунеядцы» полностью. У врагов просто не хватит времени подготовиться к борьбе со мной. Но и медлить тоже нельзя. Если враги успеют зарегистрировать лентяев, наша задача значительно усложнится. Тогда они поймут всю меру опасности, нависс-

шей над ними, и начнут усиленно действовать. Дай бог, чтобы регистрация лентяев у них затянулась! А я вот-вот, с минуты на минуту, с секунды на секунду отдам приказ о начале операции.

Закончив говорить, генерал Шито-Крыто снова стал прежним — грозным, хитрым, подлым, ловким, каким и был, пока его чуть не сломали следовавшие одна за другой неудачи. Он снова полностью был готов на самый трудный труд, на самую огромную и разнообразную деятельность на страх всему человечеству.

Он тут же приступил к делам как ни в чём не бывало, не подозревая, что где-то недалеко, прямо-таки поблизости, ему готовится очередная, но на этот раз почти смертельная неприятность.

Ведь в кабинете врача Супостата всё ещё сидел Фонди-Монди-Дунди-Пэк и говорил:

— Я уверен, что если бы ты был способен соображать более или менее здраво, я бы вскоре оказался на свободе, а в руках у тебя — сорок тысяч в хорошей валюте.

— Пойми, что во время наичрезвычайнейшего наивоеннейшего положения, — убеждал его собеседник, — никто не выпускается с территории «Гроба и молнии» без личного разрешения шефа и не в его машине. Ликвидируются все виды пропусков и пароли. Да и куда тебе спешить? Я спрячу тебя в подвал с медикаментами и обязательно...

— И обязательно предам при первом удобном случае! — добавил, усмехаясь, Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Безвыходных положений не бывает. Ведь я всё равно найду выход.

— Ты просто сумасшедший! Кстати, хочешь я устрою тебя в сумасшедший дом? А? Условия там у нас сносные, куда лучше, чем в карцере.

— Не мели чепухи. Мне нельзя ждать. Да и сорок тысяч в хорошей валюте долго ждать не будут. Ты думаешь, я не найду кого-нибудь, кто без раздумья возьмёт их? А?

Упоминание о деньгах, и особенно о том, что они могут достаться другому, совершенно вывело врача Супостата из всякого равновесия. Он закричал своим толстым голосом:

— А я тебе ни на грош не верю!

— Веришь. Иначе бы ты уже сто раз разделался со мной. Однажды ты со страху уже пытался выдать ме-

ня, — говорил Фонди-Монди-Дунди-Пэк, хотя на душе у него было тревожно и мрачно до того, что хотелось махнуть рукой и хлопнуть дверью. К тому же он боялся. Он боялся, что больше не вернётся обратно. Туда, где ждали его так называемые утренние и так называемые вечерние зорьки. Туда, где его не будут ловить. Там он сам будет ловить ершей и окуней. Он сказал:

— Прощай, бывший приятель. С тобой каши не сваришь. Мне остаётся одно — уничтожить шефа. Тогда в суматохе я, может, и смогу выбраться отсюда и без твоей помощи.

— Ты... ты... ты... — Врач Супостат шарил руками в столе, ища то ли оружие, то ли сердечное лекарство. — Ты соображаешь?.. Уничтожить шефа... это... этим не шутят!

— Я и не шучу. Давай расстанемся мирно, — предложил Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Я незаметно выйду из твоего кабинета, и ты тут же забудешь обо мне. Словно я там, в расплющенном гробу. А я обещаю забыть тебя.

— Ого! Вот это вэригутно! Вот это о'кейно! — Врач Супостат вскочил, но тут же обалдело выпучил глаза. — А сорок тысяч в хорошей валюте?

Тут не сдержался даже Фонди-Монди-Дунди-Пэк и показал бывшему приятелю большой палец, выразительно просунутый между указательным и средним.

— Без денег я тебя не отпущу! Без денег я тебя не отпущу! Руки вверх! — И врач Супостат вытащил два пистолета, один больше другого. — Деньги! Гони монету!

Фонди-Монди-Дунди-Пэку всё это надоело. Он закурил, мысленно ругая врача Супостата самыми последними словами. Вот уж действительно: свяжешься с дураком — сам соображать разучишься.

— А если, — предложил он, так как ещё не разучился соображать, — я добьюсь отмены наичрезвычайнейшего наивоеннейшего положения? Тогда ты, толстая твоя голова, ухитришься мне помочь?

— Как мне получить деньги? — грубо спросил врач Супостат, потрясая оружием.

— Никак ты их не получишь, — сказал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, решительно вставая. — Прощай. Я иду уничтожать шефа. Сиди и не чирикай. Учти, что любым словом против меня ты навредишь только себе.

И он, как всегда спокойный и невозмутимый, направился к дверям, а вслед ему неслось:

— Стой, стрелять буду! Стой, стрелять буду!

Едва за ним захлопнулась дверь, врач Супостат, как, впрочем, и рассчитывал Фонди-Монди-Дунди-Пэк, схватил телефонную трубку и прохрипел в неё:

— Шефа...

— Кто это? Чего надо? Быстро!

— Шеф... это я...

— Супостат?

— Так... это... точно...

— Чего тебе? Быстро!

— Шеф... я не знаю, как и сказать...

— Не знаешь, тогда пошёл вон!

— Подождите, подождите! Нечто важное... вас сейчас... ну...

— Если ты быстро, в трёх-четырёх словах не скажешь ничего путного, я засажу тебя в карцер с крысами на двадцать с половиной суток!

— Вас сейчас убьют!

— У тебя что, мозги заплыли жиром?

— ЫХ-три нуля идёт убивать вас! У него много денег! Сорок тысяч в хорошей валюте! Я боюсь за вас, шеф!

— Сейчас ты получишь по заслугам!

Генерал Шито-Крыто швырнул трубку на рычаг и приказал в микрофон:

— Охрана! Врача Супостата, этого толстого пьяницу, в карцер с крысами на сто одни сутки!

Дверь открылась, и в кабинет вошёл Фонди-Монди-Дунди-Пэк, неторопливо приблизился к столу и сказал:

— Привет, шеф. Вот мы и встретились ещё раз. Видимо, в последний.

Генерал Шито-Крыто, хрюкнув, вскочил, схватился правой рукой за грудь (пистолет он носил у самого сердца), покачнулся, хрипнул и осел в кресло, и замер, как бездыханный.

— Слаб ты нервами, оказывается, стал, — облегчённо вздохнув, произнёс Фонди-Монди-Дунди-Пэк и закурил. Курил он медленно, словно наслаждаясь каждой затяжкой, а на самом деле дым был горьким и бывший ЫХ-000 просто пытался хоть немного унять волнение. Но ему было ещё и радостно: ни разу в жизни не работал он так рискованно и удачно, как вот сейчас.

Он включил рацию, настроился на нужную волну и начал передавать в эфир, оглядываясь на генерала Шито-Крыто:

— Щука... щука... я молодой рыбак... срочно готовь удочку... щука... щука... я молодой рыбак... срочно готовь удочку... Приём.

Из эфира полетел ответ:

— Молодой рыбак... молодой рыбак... я щука... я щука... удочка готова... удочка готова... Приём.

Фонди-Монди-Дунди-Пэк передохнул от подкатившей к горлу острой радости и ответил:

— Щука... щука... вас понял... щука... вас понял... Конец.

Теперь оставалось самое главное и самое опасное. Он включил микрофон и сказал:

— Срочно шофёра к шефу.

Итак, генерал Шито-Крыто неподвижно сидел в кресле, бывший его агент ЫХ-000 встал перед столом, и как только шофёр вошёл в кабинет, Фонди-Монди-Дунди-Пэк громко сказал:

— Слушаюсь, шеф! Немедленно еду, мы успеем, не беспокойтесь. У нас в запасе полчаса. — И, повернувшись к шофёру, приказал: — Быстро, быстро! Должны успеть! На аэродром!

Последние слова он договаривал уже в машине.

Всё в порядке. Удочка, то есть самолёт, ждёт его.

«Прощай, «Гроб и молния», бывшая «Тигры-выдры!». Прощай, бывший мой шеф господин генерал Шито-Крыто! — думал Фонди-Монди-Дунди-Пэк. — Я больше не агент. Я просто рыбак. Больше меня ловить не будут. Я буду ловить рыбку большую и маленькую».

Он устало развалился на сиденье, взял телефонную трубку, попросил:

— Шефа.

Телефонистка ответила:

— Шеф в госпитале. Инфаркт. Кто спрашивает?

— Когда шеф выздоровеет, передайте ему от меня привет.

— От кого?

— Он знает.

— Простите, а что с шефом? — спросил шофёр.

— Разрыв сердца. По-научному — инфаркт. Это от переутомления.

...А утром Фонди-Монди-Дунди-Пэк уже спрашивал полковника Егорова:

— Когда я смогу поехать на рыбалку?

Глава № 60
Выздоровление Толика Прутикова

Психоневропатолог Моисей Григорьевич Азбарагуз перед тем, как выписать из больницы Толика Прутикова, принял его родителей и бабушку у себя в кабинете и заговорил довольно суровым голосом:

— Мальчик абсолютно здоров. Более того, он стал значительно лучше, чем был до заболевания. Теперь его отличает высокая степень сознательности и полное понимание своих жизненных обязанностей.

— Нужно его регистрировать или нет? — поспешно спросила мама.

— Я бы даже не стал задавать такого вопроса, — очень строго ответил Моисей Григорьевич. — Мальчик нуждается в постоянном медицинско-научном контроле. Всё теперь зависит от вас. Будет в семье трудовая обстановка — мальчик вырастет психически здоровым.

— Позвольте, простите, — растерянно пробормотала мама. — Я что-то не совсем допонимаю. Вернее, даже не понимаю. Вы его вылечили или нет?

— Мы его вылечили, — ответил Моисей Григорьевич, — но организм мальчика предрасположен ко всем заболеваниям, связанным с ленью. Спасёт Толика, повторяю, только трудовая обстановка в семье.

— Будет, будет такая обстановка! — заверила бабушка. — Я за неё отвечаю.

Дома Толик с удивлением смотрел, как папа Юрий Анатольевич возится у плиты, ловко накрывает на стол, а мама безуспешно пытается ему помочь.

— Вот отдохну денёк, — сказал Толик, — и все вместе будем трудиться.

— Зачем — все? — поразилась мама. — Доктор сказал, чтоб обстановка была трудовая. И речи не было о том, чтобы всем трудиться. Папа всё прекрасно умеет делать! А ты под моим руководством начнёшь готовиться к новому учебному году.

— Да я всё успею! Я в больнице научился супы и компот варить! Картошку с колбасой жарить умею и чай заваривать!

— Это всё пока ни к чему, — авторитетно заверила мама. — Будем воспитываться по плану. Сначала добьём-

ся высокой успеваемости и примерного поведения на уроках и в перемены. Доверьтесь мне. Ведь у меня большой опыт обучения и воспитания детей.

— Меня больше не надо воспитывать, — сказал Толик, — я теперь сам всё понимаю, честное слово! Моисей Григорьевич, знаете, как надо мной потрудился? Всю дурь из меня вытащил! — Он рассмеялся. — Всю дурь, кроме одной. Контрразведчиком я всё равно стану!

— Это у тебя не опять началось? — обеспокоенно спросила бабушка.

— Что ты! Нет, теперь это серьёзно. Говорят, что кто хоть раз в жизни поймал шпиона, не ловить их уже не может. Пока я буду ловить лентяев, Моисей Григорьевич просил меня помогать ему.

Мама посмотрела на него, как на человека, которому осталось недолго жить на этом белом свете, сказала:

— Послушай меня, сынок... Эти лентяи... зачем они тебе?

— Это общественная задача, мама. Понимаешь? Вот я на себе испытал, что такое быть ленивым. Умереть можно. А шпионы — самые подлые существа на нашей планете. Вот я и решил посвятить себя...

— Сначала надо окончить школу!

— Одно другому не мешает, мама. Сейчас я буду ловить лентяев.

Глава № 61, предпоследняя, без названия даже, потому что обрывается неожиданно

На другой же день после выхода из больницы Толик принялся помогать Моисею Григорьевичу в научной регистрации.

И в этот же день он убедился, что мальчишки боятся её, как завуча.

После многочасовой беготни и длиннейших уговоров ему удалось зарегистрировать только двух приятелей-лодырей и одну тунеядку, да и та пошла скорее за компанию, чем сознательно.

Но в этот же день четырёх своих детей зарегистрировал старший санитар Тимофей Игнатьевич.

Верно говорят: лиха беда — начало!

Надежда генерала Шито-Крыто на то, что регистрация ленивых и склонных к лени детей сорвётся или хотя бы затянется, не сбылась: регистрация началась.

ОТ АВТОРА

Здесь мне приходится спешно оборвать повествование, потому что начинается событие, описанию подготовки к которому и посвящена эта книга.

Глава № 62, последняя и тоже без названия, потому что состоит всего из одной фразы

В 5 час. 00 минут по среднеевропейскому времени,
едва и кое-как оправившись от болезни,
начальник шпионской организации «Гроб и молния»
генерал Шито-Крыто отдал
приказ: приступить
к выполнению опе
рации «Брат
цы-тунеяд
цы»!

КОНЕЦ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ,
ПОСЛЕДНЕЙ ИЗ
НАПИСАННЫХ
ЛИЧНО
АВТО
РОМ

Часть одиннадцатая, которой автор предлагает дать короткое название

«ФИНАЛ»

И ПРОСИТ УВАЖАЕМЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ НАПИСАТЬ ЕЁ САМИМ — КАК ОНИ СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ. ВЕДЬ ПРОТИВ НИХ НАПРАВЛЕНА ОПЕРАЦИЯ «БРАТЦЫ-ТУНЕЯДЦЫ»!

КОНЕЦ

1969 г.

ЛЕВ ИВАНОВИЧ
ДАВЫДЫЧЕВ

ДРУЗЬЯ МОИ ПРИЯТЕЛИ И ДР.

**Книга для детей
младшего и среднего возраста**

Художник
В. Аверкиев

© Пермское книжное издательство.
Иллюстрации. 1976 г.

Д13 Давыдычев Л. И.
Друзья мои приятели и др. Переиздание

592 с.

Три повести и роман для детей младшего и среднего возраста.

Д $\frac{70802—72}{M152(03)—76}$ 47—76 Р2

Редактор Н. Гашева. Художественный редактор Н. Горбунов. Технический редактор Т. Дольская. Корректоры И. Пархомовская, Е. Соколова

Сдано в набор 30. IV. 1976 г. Подписано в печать 23. VIII. 1976 г. Формат тип. бум. № 2 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. л. 9,25; печ. л. 18,5; усл.-печ. л. 31,08; уч.-изд. л. 30,786. Тираж 100 000 экз. 1-й завод — 50000 экз. Цена в переплете с припрессовкой пленки 1 руб. 21 коп., без припрессовки пленки — 1 руб. 14 коп. Темплан 1976 г. Изд. № 47. Зак. 454. Пермское книжное издательство. 614000, Пермь, улица К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, Пермь, ул. Коммунистическая, 57.